ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕРБОХОРВАТСКОМУ ЯЗЫКУ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕРБОХОРВАТСКОМУ ЯЗЫКУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Москва 1972

Сборник состоит из двух разделов. В первый вошли исследования по лексике, лексикографии, фонологии, акцентологии, материалы и исследования по этимологии, антропонимии, диалектологии и некоторым вопросам синтаксиса сербохорватского языка. Во втором разделе помещены обзорные статьи, посвященные истории изучения сербохорватского языка в России и в СССР и достижениям югославских диалектологов за последние десять лет. Публикуется ряд рецензий на работы югославских языковедов.

Ответственный редактор

Р. В. БУЛАТОВА

7-1-1

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С.М.Толстая

НАЧАЛЬНЫЕ И КОНЕЧНЫЕ СОЧЕТАНИЯ СОГЛАСНЫХ В СЕРБСКОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Понятие "консонантная группа", или "сочетание согласных", применительно к сербскохорватскому языку требует специального уточнения в связи с особым положением в фонологической системе сонорного r, принадлежащего одновременно к классу согласных и к классу гласных (последнее относится к r в слоговом статусе). В данной работе, естественно, учитывается только r в его консонантном качестве, а все последовательности, включающие r слоговое, (например, prsk в слове prskati) не считаются консонантными группами. Аналогичного уточнения требует статус сербскохорватского v, только в этом случае речь пойдет о его распределении между классом шумных (собственно согласных) и сонорных (несогласных), разграничение которых в дальнейшем дистрибутивном анализе окажется обязательным.

Другая трудность, которая неизбежно встает перед исследователем фонологической системы сербскохорватского литературного языка, связана с различиями между экавской и екавской нормами. Фонологическое описание в принципе может быть ориентировано на любую из этих равноправных литературных норм, тем более, что правила пересчета с экавской системы на екавскую достаточно просты, однако ни при каких условиях эти варианты не следует объединять, поскольку они никогда не совмещаются в одной системе[1].

---

[1] Подобное нежелательное смешение, по-видимому, допущено в работе: W. Appel. Energiebasis - Artikulationsbasis. "Wiener Slavistisches Jahrbuch", B.VI. Graz-Köln, 1957/58, где в список начальных консонантных пар сербскохорватского языка включены одновременно xl и xl', žl и žr, различающие лишь экавские и екавские варианты одних и тех же лексем (ср. hlêb и hljêb, žlêb и žljebina).

В интересующем нас отношении расхождения между экавщиной и екавщиной ограничиваются составом начальных консонантных групп, в то время как конечные системы в одном и в другом случае совпадают. Начальная система екавского типа включает следующие группы, отсутствующие в экавской системе: bj, vj, mj, pj, tj, dj, dl', sn', cj, rj, žl', xl'; bdj, dvj, gdj, zbj, zvj, zdj, svj, smj, sml', spj, xvj, xtj, cvj. В дальнейшем рассматриваются две особые начальные системы консонантных групп, противопоставленные одной конечной системе.

Основными источниками настоящей работы служили словари: С.Р и с т и ћ, J. К а н г р г а. Речник српскохрватског и немачког језика. Београд, 1928; J. Dayre. M. Deanović. R. Majxner. Hrvatskosrpsko-francuski rječnik. Zagreb, 1956; ; И.И. Т о л с т о й. Сербскохорватско-русский словарь. М., 1958; B. Klaić. Rječnik stranih riječi. Zagreb,1958; М. В у ј а к л и ј а. Лексикон страних речи и израза. Београд, 1954; П р а в о п и с српскохрватскога књижевног језика са правописним речником. Нови Сад – Загреб, 1960; J. Matešić. Rückläufiges Wörterbuch des Serbokroatischen. В.I 1965, В.II 1966, В.III,IV 1967. Кроме того, мы пользовались обширным и детальным исследованием Йована Ерковича, посвященным фонемной и просодической структуре односложных слов в сербскохорватском языке[2]. Уже после завершения этой работы мы получили возможность познакомиться с книгой М.Сурдучкого, описывающей консонантные группы в начале, в середине и на конце слова в языке пяти канадских сербов, происходящих из Воеводины[3]. Мы обнаружили следующие консонантные группы, отсутствовавшие в наших перечнях: начальные dm, dn', žn, dg, dz, dǵ, ǰg, zbl', žgl, špl, švr; конечные lč, jš, rbl, nkl. Бо́льшая часть перечисленных групп была нами сознательно опущена: dm, dn', švr, принадлежащие только собственным именам Dmȉtar, Dnjèpar, Švraka; dg, gǵ, ǰgl, ǰg, как оформляющие диалектные варианты литературных слов dgȕnja, gđe, žglòb, dǰgȍljav; špl, lč, jš, rbl, nkl, представленные только в малоупотребительных заимствованных словах. И лишь в двух случаях (žn, zbl') мы встретились с данными, не зафиксированными нашими источниками (žnȉrati, zbljȕtaviti), поэтому диалектная и стилистическая приуроченность их остается неясной.

Первые три из названных источников, а также "Правопис" были ис-

---

[2] J. Ј е р к о в и ћ. Гласовна структура једносложне речи у српскохрватском књижевном језику. "Прилози проучавању језика", I. Нови Сад, 1965 и Он же. Гласовна структура једносложне речи у српскохрватском књижевном језику – Прозодијске карактеристике. "Прилози проучавању језика", II. Нови Сад, 1966.

[3] M. S u r d u č k i. The distribution of serbo-croatian consonants. "The Slavic and East European journal", v. VIII, 2, 1964.

пользованы полностью в той их части, которая относится к началу слова. Из зафиксированных в них начальных консонантных сочетаний не учтены единичные факты, принадлежащие явно диалектным оформлениям известных литературных слов, таким, как дгуна (при литер. дуна), жглоб (литер. зглоб), ждлеб (литер жлеб), жле (литер. зло). Кроме того, опущен такой редкий факт, как ботаническое название втулош (плутник), отмеченное только в словаре Ристича и Кангрги. Сложнее обстоит дело с концом слова. Здесь полностью были использованы только "Правопис" и словарь И.И.Толстого. Что же касается четырехтомного обратного словаря Матешича, то использование всех его данных о конечных консонантных группах оказалось нецелесообразным по той причине, что словарь приводит большое количество слов, по существу не принадлежащих системе сербскохорватского литературного языка и зачастую являющихся индивидуальными, окказиональными или даже просто искаженными передачами соответствующих (как правило иноязычных) слов. Поэтому материал обратного словаря был учтен лишь постольку, поскольку его оказалось возможным подтвердить материалами обоих словарей иностранных слов (Вуяклии и Клаича). Считаем необходимым привести полный список тех данных обратного словаря которые не были использованы в нашей работе, заметив, что в большинстве случаев это иноязычные слова, сохраняющие облик источника (например, čejndž < англ. change), или заимствования, имеющие в сербскохорватском языке иные, более распространенные варианты (например, kífl при более известном kífla, emajl при emalj, cimt при cimet и т.д.):

lb (apòstilb), kc (ȍlbrekc), jč (hȍhdojč), rč (harč, borč), jć (àlejć), lć (mȕlć), l'ć (mȉljć), nć (hevenć), šć (mišć, zdršć), jnǯ (čejnǯ), pf (supntȍpf), rf (sarf, šarf), vk (tomàhavk), jnčk (rȁjnčk), lsk (fȉlsk), šk (ȁšk, mȍšk), jbl (làjbl), rbl (šerbl, virbl, kurbl), cl (škanicl), rcl (šercl, šircl), ndl (švìndl, ksindl), rndl (dȉrndl), fl (bofl, kifl, grifl), rfl (virfl), ngl (triangl, singl), xl (krȁhl, mihl), jxl (àjhl), jl (èmajl), nkl (jànkl, pinkl, vinkl), ml (šrȁml, bȕml, rȕml), sl (fȁsl), ksl (vèksl, piksl), psl (šnapsl), jšl (pàjšl), mšl (ràmšl), ršl (géršl), šl (màušl, pùšl), tl (sàtl, bètl, tìtl), xtl (tȅntl-mȅntl), jtl (šàjtl), rtl (pèrtl, fȉrtl, girtl), stl (restl), zl (brȉzl), jzl (picàjzl, pàjzl, càjzl), mzl (pemzl, pimzl), xm (hm), gn (krágn, bógn), kn (hȁkn, jàkn), tn (šindelbratn), stn (kȁjhustn), zn (jàuzn), jp (knȁjp, pajp), rp (perȉkarp, endòkarp), br (makábr, pomfinébr), ćr (fȉćr), gr (ȁgr), xr (sȅhr), kr (màsakr), nkr (šànkr), tr (pipitr, titr), ntr (rankontr), vr (sȍvr), fs (nȅfs), xs (bȁhs), fš (ćȅfš), jš (rìndflajš), kš (okš), vš (ćȅvš), jt (kȁjt, lȁjt), mt (sȁmt, frȅmt, cimt), mpt (èskompt), ršt (bȍršt, vȕršt), vt (čȉvt), jv (drȁjv), bz (kȁbz), rz (kȁrz, gȅrz), grz (jàgrz), vz (kȁvz).

Далее следует перечень начальных и конечных консонантных групп, зафиксированных в сербскохорватском языке на основании указанных выше источников.

Начальные группы

Экавская система

Двухалементные группы

1. mr мраз
2. ml млад
3. mlʲ мљацкати
4. mn много
5. mnʲ мњене, мнах
6. pr правити
7. pl плави
8. plʲ плачкати
9. pn пнеуматичан
10. ps псар
11. pt птица
12. pš пшеница
13. pč пчела
14. br брада
15. bl благо
16. blʲ блутав
17. bd бдење
18. bz бзова
19. bʒ бјах
20. fj фјорд
21. fr фришак
22. fl флека
23. flʲ флас
24. vr врат
25. vl влага
26. tr трава
27. tl тлачити
28. tm тма
29. tv твар, твој
30. tk ткати
31. dr драг
32. dl длака
33. dn дно
34. dv два
35. sj сјај
36. sr срам
37. sl слаб
38. slʲ слоскати
39. sn снага
40. sm сматрати
41. sp спавати
42. sf сфера
43. sv сваки
44. st сто
45. sc сцена, сципати се
46. sk скала
47. sx схема, схарчити се
48. zj зјало
49. zr зрак
50. zl златан
51. zn знак
52. zm змај
53. zb збунити
54. zv звати
55. zd здела
56. zg згода
57. cr креп
58. cm цмакати

59. cv цвет
60. ck цкилети

61. šj шјор
62. šr шраф
63. šl шлем
64. šr' шлапати
65. šn шнора, шнур
66. šn' шнур
67. šm шмигнути
68. šp шпурак
69. šv швала
70. št штавити
71. šč шчепати
72. šć шћапити
73. šk шкамут

74. žr жрец
75. žl жлеб, жлезда
76. žn' жнети
77. žm жмирати
78. žb жбан
79. žv жвакати
80. žd ждерати
81. žj жјах
82. žg жгадија

83. čr чреда
84. čl члан
85. čm чмавати
86. čp чпаг
87. čv чвакати
88. čt чтец
89. čk чкаљ

90. ǰb џбун
91. ǰv џвокнути

92. kr крава

93. kl кланати
94. kl' клун
95. kn кнез
96. kn' книга
97. km кмечати
98. kv кварити
99. ks ксилофон
100. kt ктитор (устар.)
101. kć кћи

102. gr град
103. gl глава
104. gl' глива
105. gn гнати
106. gn' гнавити
107. gm гмацнути
108. gv гвожђе
109. gd где

110. xr храбар
111. xl хладан
112. xm хмељ
113. xv хвала
114. xt хтети

Трехалементные группы

1. smr смрад
2. sml смлатити
3. spr справити
4. spl сплавити
5. spl' сплоштити
6. svr сврабо
7. svl свлак
8. stj стјуард
9. str страна
10. stl стлачити
11. stv ствар
12. skr скрама
13. skl склала
14. skl' склокати се
15. skn скнадити

16. skv сквасити
17. sxr схранити
18. sxl схлапити
19. sxv схватити
20. zbr збрајати
21. zbl зближавати
22. zvr звријати
23. zdv здвојити
24. zdr здрав
25. zgr зградити
26. zgl зглаван
27. zgn згнати
28. zgn' згнавити
29. cvr цврети
30. ckl цкло
31. ckv цквара
32. ckn' цкњети
33. špr шпрула
34. štr штропот
35. ščv шчврснути
36. škr шкрабати
37. škl шклопац
38. škl' шклоцати
39. škv шквер
40. ždr ждракнути
41. čkv чкврл

Екавская система

Двухэлементные группы

1. rj рјечник
2. mj мјера
3. mr мрачан
4. ml млад
5. ml' мљекар
6. mn много
7. mn' мњене
8. pj пјена
9. pr правити
10. pl плашлив
11. pl' пљева
12. pn пнеуматичан
13. ps псост
14. pt птица
15. pš пшеничица
16. pč пчела
17. bj бјежати
18. br брати
19. bl благовољети
20. bl' бледоћа
21. bd бдим
22. bj' бјах
23. bz бзова
24. fj фјорд
25. fr фрајер
26. fl флека, флаша
27. fl' фласнути
28. vj вјера
29. vr враг
30. vl власт
31. tj тједан
32. tr трак
33. tl тло
34. tm тмуран
35. tv твор
36. tk ткати
37. dj дјеца
38. dr друштво

39. dl длака
40. dl' дљетар
41. dn дневник
42. dv два

43. sj сјести
44. sr срећа
45. sl слабоћа
46. sl' сљепоћа
47. sn снаха
48. sn' снежан
49. sm смакнути
50. sp спати
51. sf сферичан
52. sv све
53. st стајати
54. sc сцена
55. sk скакати
56. sx сходан

57. zj зјевкати
58. zr зрачити
59. zl златити
60. zn знак
61. zm змај
62. zb збавити
63. zv званичан
64. zd здање
65. zg згодност

66. cj цјелоћа
67. cr цријеп
68. cm цмакати
69. cv цваст
70. ck цкилети

71. šj шјор
72. šr шраф
73. šl шлампаст

74. šl' шљива
75. šn шнора
76. šn' шнур
77. šm шмркати
78. šp шпијати
79. šv шврћа, швење
80. št шта
81. šč шчешљати
82. šć шћукати
83. šk школка

84. žr жрец
85. žl жлијеб, жлица
86. žl' жљебина
87. žn' жњем (от: жети)
88. žm жмикати
89. žb жбукати
90. žv жвакати
91. žd ждити
92. žž жђах
93. žg жгати

94. čr чреда
95. čl члан
96. čm чмар
97. čp чпат
98. čv чвор
99. čt чтити (устар.)
100. čk чкаљ

101. ǯb џбун
102. ǯv џвокнути

103. kr крак
104. kl клатити се
105. kl' кљетице
106. kn кнез
107. kn' книга
108. km кмечати

109. kv квочка
110. ks ксимс
111. kt ктитор (устар.)
112. kć кћи

113. gr град
114. gl глад
115. gl' глиивач
116. gn гнушати се
117. gn' гнев
118. gm гмеждити
119. gv гвожђе

120. xr храна
121. xl хладити
122. xl' хлеб
123. xm хмуђати
124. xv хвалити
125. xt хтио

Трехэлементные группы

1. bdj бдјети
2. dvj двјеста
3. smj смјети
4. smr смрадити
5. sml смлатити
6. sml' смлети
7. spj спјешан
8. spr спратити
9. spl сплахтати
10. spl' сплоштити
11. svj свјетло
12. svr сврабац
13. svl свлачити
14. stj стјеница
15. str страст
16. stl стлачити
17. stv ствар
18. skr скромност
19. skl склоност
20. skl' склунити
21. skn скнадити
22. skv сквичати
23. sxr схранити
24. sxl схлапити
25. sxv схватити
26. zbj збјег
27. zbr зброј
28. zbl зближити се
29. zvj звјездан
30. zvr зврijати
31. zdj здјела
32. zdr здравити
33. zdv здвојити
34. zgr зграда
35. zgl згласити
36. zgn згнати
37. zgn' згнавити
38. cvj цвјетаст
39. cvr цврети
40. ckl цкло
41. ckn' скнети
42. ckv цквара
43. špr шпрула
44. štr штрапати
45. ščv шчврстити
46. škr шкринути
47. škl шклопац
48. škl' шклоцати
49. škv шкворац
50. ždr ждрал
51. čkv чкврл
52. gdj гдје
53. xvj хвјела
54. xtj хтјети

Конечные группы

Двухэлементные группы

1. nr жанр
2. rl ерл, гигерл, перл
3. pl штопл

4. bl кибл, дирижабл
5. vl травл
6. dl цудл
7. kl спектакл, бицикл
8. gl кегл, игл
9. ml кремл
10. jn комбајн
11. rn концерн
12. vn кловн
13. jm шлајм
14. rm шарм, хлороформ
15. lm филм
16. lp скалп
17. mp крамп
18. rb адверб
19. mb јамб, дитирамб
20. jf рајф, штајф, штрајф
21. lf елф, голф
22. mf триумф
23. nf сенф
24. rv нерв
25. rt март, спорт, зорт
26. lt култ
27. nt дијамант
28. pt концепт, запт
29. ft лифт, зифт
30. st болест
31. št ништ, вешт
32. kt контакт
33. xt фрахт
34. jd офсајд
35. rd горд, рекорд
36. ld херолд
37. nd фонд
38. zd грозд
39. žd дажд, звижд
40. gd смарагд
41. js фирнајс
42. rs конкурс
43. ls пулс
44. ns фајанс
45. ms симс
46. ps хапс (=апс)
47. vs наготовс
48. ks бокс
49. jz парадајз
50. nz ценз
51. jc бајц, пајц
52. rc боја ерц, шворц
53. lc филц
54. nc принц
55. rš марш
56. lš фалш
57. nš реванш
58. rž морж
59. nž оранж
60. nč пинч, клинч
61. nǰ ченǰ, пиринǰ
62. jk штрајк
63. rk парк
64. lk толк, катафалк
65. nk тенк, цинк
66. sk диск, гротеск
67. jg цајг
68. rg хирург
69. ng ранг, тренинг
70. jx рајх
71. rx монарх, бихорх
72. nx бронх

Трехалементные группы

1. mbr тембр
2. mbl ансамбл
3. mpl темпл
4. rkl циркл
5. rgl вергл, шмиргл
6. jst седемнајст
7. rst карст
8. nst дунст
9. rkt инфаркт
10. nkt пункт, инстинкт
11. mps мумпс
12. nks сфинкс
13. ršč боршч
14. kst текст

Приведенные инвентари характеризуются следующими количественными показателями. Предельная длина начальной последовательности равна трем; двухэлементных групп насчитывается в экавской системе 114, в екавской – 125; трехэлементных – соответственно 41 и 54. Длина конечных групп также не превышает трех согласных, однако трехэлементных групп на конце слова обнаружено всего 14; двухэлементных, среди которых преобладают группы в исходе заимствованных иноязычных слов, насчитывается 72. На фоне других славянских языков сербскохорватский выступает как язык с минимально развитой системой начальных и конечных консонантных сочетаний, ср.:

	Начало слова			Конец слова		
	СС	ССС	СССС	СС	ССС	СССС
польский	241	176	16	131	41	13
чешский	195	156	34	61	7	–
русский	238	105	24	155	46	11
болгарский	133	50	2	56	5	–

Фонологическая система сербскохорватского языка содержит всего 25 согласных, т.е. в соответствии с критерием А.В.Исаченко[4], сербскохорватский язык принадлежит к крайнему для славянского языкового континуума типу "вокалических" языков (в противоположность "консонантными языкам"). Однако прямой зависимости между численностью консонантного инвентаря и развитостью консонантных сочетаний не наблюдается, ср., например, чешский язык, также принадлежащий к "вокалическому" типу и насчитывающий 25 согласных, который в то же время имеет весьма пространный инвентарь допустимых консонантных сочетаний. И наоборот, болгарский язык, тяготеющий к противоположному, предельно консонантному типу (38 согласных), располагает достаточно кратким инвентарем консонантных сочетаний.

Большинство начальных консонантных групп принадлежит к ядерному инвентарю, в то время как к периферийному[5] могут быть отнесены лишь немногочисленные группы, оформляющие заимствования, например, pn (пнеуматичан) и sf (сфера), и группы, возможные исключительна на морфемных границах и в иноязычных словах: sc (сципати се, сцена), sx (сходан, схема). Все трехэлементные начальные группы должны быть причислены к ядерному инвентарю. Противоположное соотношение ядерной и периферийной частей наблюдается в инвентаре конечных консо-

---

[4] А.Исаченко. Опыт типологического анализа славянских языков. В сб.: "Новое в лингвистике", вып.III. М., 1963.

[5] О разграничении ядерного и периферийного инвентарей см.: В.Н.Топоров. Материалы к дистрибуции русских графем. "Структурная типология языков". М., 1966.

нантных групп. Здесь безоговорочно могут быть признаны ядерными лишь следующие группы: st, оканчивающая несколько весьма многочисленных словообразовательных классов слов (nomina abstracta с суффиксом -ost, краткие прилагательные с суффиксом -ast); št, например, нȉшт, ташт, вȅшт, мȍшт и т.д.; затем zd, žd, rd (гȍрд), rt (мȁрт), а также трехэлементная группа jst в исходе числительных от 11 до 19. Все остальные конечные группы принадлежат, безусловно, к периферийной части лексики, причем многие из них являются уникальными, характеризующими малоупотребительные иноязычные слова. Столь слабая развитость конечной системы групп согласных объясняется, в частности, тем, что все косвенные формы слов имеют в сербскохорватском языке гласные исходы или оканчиваются на одну согласную; консонантные же группы во многих заимствованных словах вокализуются, например zm→zam (догматȉзам) или kt→kat (фȁкат, дȅфекат) и др.

После этих общих замечаний, относящихся не столько к фонологической системе сербскохорватского языка, сколько к ее отражению в лексике, перейдем к собственно фонологическому анализу консонантных сочетаний, причем мы будем придерживаться следующего плана: вначале будут определены позиции консонантных групп (1,2,3, считая от слогового элемента) через множество согласных фонем, способных занимать каждую позицию; затем будут даны дистрибутивные характеристики отдельных фонем в начальных и конечных системах консонантных сочетаний; далее будут рассмотрены комбинаторные отношения между элементами консонантных последовательностей, не зависимые от парадигматических свойств этих элементов, и, наконец, мы попытаемся определить, в какой мере сочетаемость согласных в начале и на конце слова обусловлена их парадигматическими характеристиками.

Необходимые для наших целей сведения о парадигматической структуре сербскохорватского консонантизма дает приводимая ниже матрица парадигматической идентификации согласных фонем (табл. 1).

Таблица 1

Матрица парадигматической идентификации согласных сербскохорватского языка

	j	r	l	l'	n	n'	m	p	b	f	v	t	d	s	z	c	š	ž	č	ć	ǯ	ǰ	k	g	x
1. Согласность	–	–	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
2. Компактность	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Периферийность	0	–	–	–	–	–	+	+	+	+	+	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	+	+	+
4. Яркость	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	–	–	–	+	–	–	+	+	+	+	0	0	0
5. Непрерывность	0	–	+	+	–	–	–	–	–	+	+	–	–	+	+	–	+	+	–	–	–	–	–	–	+
6. Назальность	0	–	–	–	+	+	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
7. Звонкость	0	0	0	0	0	0	0	–	+	–	+	–	+	–	+	–	–	+	–	–	+	+	–	+	–
8. Палатальность	0	0	–	+	–	+	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	–	+	–	+	0	0	0

Все согласные (25) могут выступать в начале слова перед гласным или слоговым r. В экавском варианте в начале слова перед согласным могут стоять 17 фонем: m, p, b, f, v, t, d, s, z, c, š, ž, č, ǯ, k, g, x; перед двумя согласными – 6 фонем: s, z, c, š, ž, č; после согласного перед слоговым элементом могут употребляться все фонемы, кроме ž, ǯ, после двух согласных перед гласным возможны 7 фонем: j, r, l, lʹ, n, nʹ, v; в интерконсонантном положении в начале слова возможны 10 фонем: m, p, b, v, t, d, č, k, g, x. В табл.2 для каждой фонемы указано, в каком числе групп она может занимать соответствующую позицию. Наиболее активными согласными в группах разной длины оказываются s (сумма вхождений в различные группы – 35), r (32), k (29), v (27); наименее активны ǰ, ǯ, ć (3).

Соответствующие данные для екавского варианта: в начале слова перед согласным употребляются 18 фонем (r, m, p, b, f, v, t, d, s, z, c, š, ž, č, ǯ, k, g, x); перед двумя согласными 10 фонем (b, d, s, z, c, š, ž, č, g, x); после согласного перед слоговым элементом возможны все фонемы, кроме ž и ǯ; после двух согласных – 7 фонем (j, r, l, lʹ, n, nʹ, v); в интерконсонантном положении в начале слова выступают 10 фонем (m, p, b, v, t, d, č, k, g, x). Наиболее активны в екавском варианте s (сумма вхождений во все группы – 40), r, v (33), k (29); наименее активны ć, ǯ, ǰ (3) (см. табл.3).

Уже эти показатели позволяют противопоставить на дистрибутивном уровне сонорные согласные шумным, определив первые как консонантные (неслогообразующие) элементы, способные занимать позицию после двух согласных, а вторые – как неспособные занимать эту позицию. При этом, однако, в двух случаях обнаруживаются расхождения с принятой парадигматической классификацией, которые сами по себе достаточно показательны: m, обычно причисляемое к сонорным, попадает по этому признаку в разряд шумных, а v, наоборот, причисляемое обычно к шумным, попадает в разряд сонорных. В дальнейшем будет видно, что m и во многих других, более частных отношениях отклоняется от синтагматических норм, характерных для класса сонорных в целом, в сторону шумных, и это свойственно отнюдь не одному лишь сербскохорватскому языку. Что касается v, то синтагматические критерии заставляют причислять его одновременно и к сонорным, и к шумным, поскольку оно совмещает в себе характерные признаки обоих классов.

В рассматриваемом отношении различия между экавским и екавским вариантами наиболее ярко проявляются в активности фонемы j: общая активность j в экавской системе измеряется шестью позициями, тогда как в екавской она равна 26.

Аналогичная таблица для конечной системы консонантных сочетаний выглядит следующим образом (см. табл. 4).

Все согласные сербскохорватского языка могут употребляться в абсолютном конце слова после гласного. Известные исключения, касающиеся конечного l, не нарушают общего правила, поскольку в части искон-

Таблица 2

Экавская начальная система

	C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма		C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма
j	1	0	4	0	0	1	6	s	1	13	2	19	0	0	35
r	1	0	16	0	0	15	32	z	1	9	1	9	0	0	20
l	1	0	15	0	0	10	26	c	1	4	1	4	0	0	10
l'	1	0	8	0	0	3	12	š	1	13	1	7	0	0	22
n	1	0	8	0	0	2	11	ž	1	9	0	1	0	0	11
n'	1	0	5	0	0	2	8	č	1	7	2	1	1	0	11
m	1	5	10	0	2	0	18	ć	1	0	2	0	0	0	3
p	1	8	3	0	4	0	16	ǰ	1	2	0	0	0	0	3
b	1	6	3	0	2	0	12	ǵ	1	0	2	0	0	0	3
f	1	4	1	0	0	0	6	k	1	10	5	0	13	0	29
v	1	2	12	0	4	8	27	g	1	8	2	0	4	0	15
t	1	5	6	0	5	0	17	x	1	5	1	0	3	0	10
d	1	4	4	0	3	0	12								

Таблица 3

Екавская начальная система

	C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма
j	1	0	12	0	0	13	26
r	1	1	16	0	0	15	33
l	1	0	15	0	0	10	26
l'	1	0	11	0	0	4	16
n	1	0	8	0	0	2	11
n'	1	0	6	0	0	2	9
m	1	6	10	0	4	0	21
p	1	9	3	0	5	0	18
b	1	7	3	1	3	0	15
f	1	4	1	0	0	0	6
v	1	3	12	0	9	8	33
t	1	6	6	0	6	0	19
d	1	6	3	1	6	0	17
s	1	14	2	23	0	0	40
z	1	9	1	12	0	0	23
c	1	5	1	5	0	0	12

Таблица 4.

Конечная система

	C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма
j	1	10	0	1	0	0	12
r	1	14	1	5	0	1	22
l	1	8	7	0	0	4	20
l'	1	0	1	0	0	0	2
n	1	14	3	3	0	0	21
n'	1	0	0	0	0	0	1
m	1	5	3	4	0	0	13
p	1	3	2	0	2	0	8
b	1	1	2	0	2	0	6
f	1	1	4	0	0	0	6
v	1	4	1	0	0	0	6
t	1	0	9	0	0	6	16
d	1	1	7	0	0	0	9
s	1	2	8	0	4	2	17
z	1	1	2	0	0	0	4
c	1	0	4	0	0	0	5

Таблица 3 (окончание)

	C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма
š	1	13	1	7	0	0	22
ž	1	10	0	1	0	0	12
č	1	7	2	1	1	0	12
ć	1	0	2	0	0	0	3
ǯ	1	2	0	0	0	0	3
ǵ	1	0	2	0	0	0	3
k	1	10	5	0	13	0	29
g	1	7	2	1	4	0	15
x	1	6	1	2	3	0	13

Таблица 4 (окончание)

	C_1	C_2	C_1	C_3	C_2	C_1	Сумма
š	1	1	3	0	0	0	6
ž	1	1	2	0	0	0	4
č	1	0	1	0	0	1	3
ć	1	0	0	0	0	0	1
ǯ	1	0	1	0	0	0	2
ǵ	1	0	0	0	0	0	1
k	1	3	5	1	4	0	14
g	1	2	3	0	1	0	7
x	1	1	3	0	0	0	5

ных слов и во всех новых заимствованиях конечное поствокальное l сохраняется: бôл, шâл, бâл, и т.д. В положении после гласного перед согласным возможны все фонемы, кроме r, n', t, c, č, ć, ǯ, ǵ; в положении после согласного в абсолютном конце – все согласные, кроме n', ǵ, ć. По общему показателю активности на первом месте стоят r (22), n (21), l (20) и t (15); на последнем – n', ǵ, ć (1).

* * *

Предлагаемое ниже описание дистрибуции согласных в начальной и конечной позиции слова опирается на понятия α- и β- полей фонем, введенное Хэрари и Пейпером[6], причем α - полем некоторой фонемы называется здесь множество фонем, способных предшествовать ей в начальных консонантных группах, β-полем – множество фонем, способных следовать за данной фонемой в начале слова; те же понятия для конца слова обозначаются соответственно через α_1-поле и β_1-поле. Объемом каждого поля называется количество фонем, входящих в него.

В таблицах 5, 6 и 7 приведены α- и β- поля согласных в обеих начальных и в конечной системе сербскохорватского языка. Остановимся на том, как характеризует каждую фонему объем ее α- и β-полей в каждой из рассматриваемых систем и существуют ли какие-нибудь общие правила, определяющие колебания объема α- и β- поля от фонемы к фонеме в каждой системе.

Верхний предел объема α-поля в обеих начальных системах – 17, нижний – 1. Объем β - поля располагается между 13 и нулем в экавской

6 F. Harary and H. Paper. Toward a general calculus of phonemic distribution. "Language", v. 33, N 2, 1957.

системе и между 14 и нулем в екавской. В конечной системе объем α_1-поля фонем не превышает 9, нижний предел – нуль. Объем β_1-поля колеблется от 17 до 1. В обеих начальных системах по объему α-поля сонорные резко противопоставлены шумным: в экавской системе сонорные, включая v, имеют объем α-поля от 5 до 17; шумные – от 1 до 7; в екавской системе сонорные, включая v, – от 7 до 17, а шумные от 1 до 17. По объему β-поля наблюдается обратное отношение между сонорными и шумными: в экавской системе все сонорные (исключая m) имеют нулевой объем, а шумные, включая v, имеют объем от нуля до 13; в екавской системе объем β-поля сонорных, не считая m, не превышает 1; объем β-поля шумных располагается между нулем и 14.

В конечной системе, наоборот, сонорные имеют значительно больший объем β-поля по сравнению с шумными: сонорные от 1 до 14; шумные – от 0 до 9, а по объему α-поля они в целом уступают шумным.

Для обеих начальных систем можно отметить еще одну закономерность: звонкие согласные имеют меньший объем α- и β-поля, чем соответствующие глухие. Это достаточно последовательно выражено у всех согласных в β-поле и менее последовательно – в α-поле: по объему α-поля звонкая фонема v имеет более высокий показатель, чем f, а p и b имеют одинаковые показатели. Что касается конечной системы, то аналогичная закономерность проявляется здесь только в соотношении объемов α_1-поля звонких и глухих фонем, да и то не абсолютно; по объему β_1-поля противопоставить звонкие согласные глухим не удается.

Сопоставление объемов α-поля и β-поля отдельных фонем позволяет выделить для начала слова[7]:

фонемы, обладающие наибольшей валентностью в α-поле, т.е. употребляющиеся в постпозиции к наибольшему числу других фонем – r (объем α-поля 17), l (16), v (13);

фонемы, обладающие наименьшей валентностью в α-поле, – ž, ǰ (1);

фонемы, обладающие наибольшей валентностью в β-поле, т.е. употребляющиеся в препозиции к наибольшему числу других фонем, s (объем β-поля в эк. 14, в ек. – 13), š (13), k (10);

фонемы, обладающие наименьшей валентностью в β-поле: j, l, r, n, ń, ć, ǰ (0).

фонемы, обладающие наибольшей суммой объемов α- и β-полей, – r (сумма в эк. 18, в эк 17), s, m (17 и 16), k (16), v (16 и 15); š (15);

---

[7] Здесь и в дальнейшем утверждения, не сопровождаемые специальной оговоркой, относятся одновременно и к экавской (эк.) и к екавской (ек.) системам.

2 1271

фонемы, обладающие наибольшей разностью в объемах α- и β-полей, т.е. употребляющиеся преимущественно в качестве постпозитивного члена консонантных пар, – r(17 в эк. и 16 в ек.), š (11), s (10 и 11).

Для конца слова –

фонемы, обладающие наибольшей валентностью в α_1-поле, – t (9), s (8), d (7);

фонемы, обладающие наименьшей валентностью в α_1-поле, – j, n', č, ǯ (0);

фонемы, обладающие наибольшей валентностью в β_1-поле, – r, n (15);

фонемы, обладающие наименьшей валентностью в β_1-поле, – r', n', t, c, č, č, ǯ, ǯ (1);

фонемы, имеющие наибольшую сумму объемов α_1- и β_1-полей, – n(18), r (17), t (10);

фонемы, имеющие наибольшую разность в объемах α_1- и β_1-полей, – r (13), n (12), t (8).

* * *

Сочетаемость фонологических элементов в последовательности подчиняется определенным ограничениям комбинаторного характера, т.е. правилам, регулирующим порядок следования фонем и взаимные отношения между различными последовательностями фонем заданной длины, причем парадигматические качества фонологических элементов оказываются в данном случае несущественными. Для установления такого рода ограничений к бинарным и тернарным фонологическим последовательностям может быть применен логический аппарат теории отношений[8]. Как будет показано дальше, наиболее содержательным с фонологической точки зрения является анализ отношений симметричности и транзитивности консонантных сочетаний. Первое из них связывает элементы конверсивных бинарных групп типа xy и yx. Уже a priori можно сказать, что не каждая пара сочетающихся фонем удовлетворяет этому отношению. Если бы это было так, то это означало бы, что порядок расположения элементов в последовательности не существен, что в действительности неверно[9]. Соответствующий материал ряда славянских языков позволяет сделать вывод, что сочетаемость согласных в каждой отдельной (начальной или конечной) системе подчиняется скорее тенденции к асимметрии, в то время как взаимные отношения между начальными и конеч-

8 Fr. Harary and H. Paper. Указ. соч.

9 Ср.: B. Sigurd. Rank order of consonants established by distributional criteria. "Studia linguistica", IX, 1, 1955, Lund – Copenhague.

Таблица 5

Экавская начальная система

α-поле	Фонема	β-поле
f s z š	j	–
m p b f v t d s z c š ž č k g x	r	–
m p b f v t d s z š ž č k g x	l	–
m p b f s š k g	ľ	–
m p d s z š k g	n	–
m š ž k g	ń	–
t s z c š ž č k g x	m	r l ľ n ń
s š č	p	r l ľ n s t š č
z ž ʒ	b	r l ľ d z ʒ
s	f	j r l ľ
t d s z c š ž č ʒ k g x	v	r l
p s š č k x	t	r l m v k
b z ž g	d	r l n v
p k	s	j r l ľ n m p f v t č k x
b	z	j r l n m b v d g
s	c	r m v k
p	š	j r l ľ n ń m p v t č ć k
	ž	r l ń m b v d ʒ́ g
p š	č	r l m p v t k
š k	ć	–
	ʒ	b v
b ž	ʒ́	–
t s c š č	k	r l ľ n ń m v s t ć
z ž	g	r l ľ n ń m v d
s	x	r l m v t

Таблица 6

Екавская начальная система

α-поле	Фонема	β-поле
r m p b f v t d s z c š	j	–
m p b f v t d s z c š ž č k g x	r	j
m p b f v t d s z š ž č k g x	l	–
m p b f d s š ž k g x	ľ	–
m p d s z š k g	n	–

Таблица 6 (окончание)

α-поле	Фонема	β-поле
m s š ž k g	n'	–
t s z c š ž č k g x	m	j r l l' n n'
s š č	p	j r l l' n s t š č
z ž ǯ	b	j r l l' d ǵ z
s	f	j r l l'
t d s z c š ž č ǯ k g x	v	j r l
p s š č k x	t	j r l m v k
b z ž	d	j r l l' n v
p k	s	j r l l' n n' m p f v t c k x
b	z	j r l n m b v d g
s	c	j r m v k
p	š	j r l l' n n' m p v t č ć k
	ž	r l l' n' m b v d ǵ g
p š	č	r l m p v t k
š k	ć	–
	ǯ	b v
b z	ǵ	–
t s c š č	k	r l l' n n' m v s t ć
z ž	g	r l l' n n' m v
s	x	r l l' m v t

Таблица 7

Конечная система

α_1-поле	Фонема	β_1-поле
–	j	n m f d s z c k g x
n	r	l n m b v t d s c š ž k g x
r p b v d k g	l	m p f t d s c š k
m	l'	
j r v	n	r f t d s z c š ž č ǯ k g x
	n'	
j r l	m	l' p b f s
l m	p	l t s
r m	b	l
j l m n	f	t
r	v	l n m s
r l n p f s š k x	t	

Таблица 7 (окончание)

α_1- поле	Фонема	β_1-поле
j r l n z ž g	d	l
j r l n m p v k	s	t k
j n	z	d
j r l n	c	
r l n	š	t
r n	ž	d
n	č	
	ć	
n	ʒ	
	ǯ	
j r l n s	k	l t s
j r n	g	l d
j r n	x	t

ными консонантными группами в значительной степени ориентированы на симметричность. Этот вывод хорошо согласуется с наблюдениями над структурой слога, в соответствии с которыми эксплозивные и имплозивные компоненты слога имеют противоположное, или зеркальное строение[10]. Однако, поскольку эти наблюдения до сих пор не получили строгого выражения, было бы целесообразно провести полный анализ отношения симметричности бинарных консонантных групп как в начальных и конечных системах, так и между ними.

Следует ожидать, что анализ свойств симметричности начальных и конечных консонантных пар в сербскохорватском языке подтвердит более определенно, учитывая минимальный характер их инвентарей, те тенденции в организации начальной и конечной систем, которые проявляются в более развитых системах других славянских языков, т.е. можно предположить, что внутренняя симметричность начальной и конечной систем будет выражена здесь слабее, а их взаимная симметричность – отчетливее, чем в других языках.

На основании приведенных выше таблиц α- и β-полей согласных (табл.5,6, и 7) нетрудно установить число симметричных пар, образуемых каждой фонемой в каждой отдельной системе. Для этого достаточно определить теоретико-множественное произведение (или пересе-

---

[10] Ср.: Ю.К у р и л о в и ч. Вопросы теории слога. "Очерки по лингвистике". М., 1962.

чение) множества фонем, входящих в ее α-поле, и множества фонем, входящих в ее β-поле. Тогда мы получим некоторое третье множество согласных, принадлежащих одновременно и α-, и β-полю данной фонемы, т.е. способных как предшествовать ей в начале слова, так и следовать за ней. Аналогичные данные для конца слова дает пересечение α_1- и β_1-полей. Взаимная симметричность начальных и конечных консонантных пар определяется пересечениями $\alpha \cap \beta_1$ (или $\alpha_1 \cap \beta$) множеств всех согласных фонем. Соответствующие данные для сербскохорватского языка приводятся в табл. 8 (экавская система) и 9 (екавская система). В этих таблицах указаны, кроме того, пересечения $\alpha \cap \alpha_1$ (и $\beta \cap \beta_1$) множеств каждой фонемы, необходимые для определения консонантных пар, тождественных в начальной и конечной системе.

В обеих начальных системах сербскохорватского языка представлено всего по 12 симметричных консонантных пар. Отношение этого числа к общему числу допустимых в каждой системе бинарных сочетаний, принимаемое как коэффициент внутренней симметричности начальной системы, составляет 0,10 для экавской системы и 0,09 – для екавской.

В конечной системе насчитывается всего 10 симметричных пар, а коэффициент симметричности конечной системы равен 0,14.

Взаимно симметричны относительно начала и конца слова 35 консонантных пар в экавщине и 38 – в екавщине. Коэффициенты взаимной симметричности, определяемые через отношение числа взаимно-симметричных консонантных пар к сумме начальных и конечных пар, составляют для обеих систем 0,38.

Таблица 8

Экавская система

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					f s z	
r		n			m b v t d s c	
					š ž k g x	
l		p d k	p v d k g		m p f t d s š k	
lʹ			m			
n		r			d s z š k g	
nʹ						
m				lʹ	s	r l
p	s š č	l		l t s	s	l
b	z			l		r
f						j l
v				l	s	r

Таблица 8 (окончание)

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
t	k		p s š k x			r l k
d		l	z ž g	l		r l n
s	p k	k	p k	t k	k	j r l n m p v k
z	b			d		j n
c						r
š	p			t		r n l
ž				d		r
č	p					
ć						
ǰ						
ʒ						
ʒ́						
k	t s	s l	s	l t s	t s	r l n s
g				l d		r n
x				t		r

Таблица 9

Екавская система

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
j					m f d s z c	
r		n			m b v t d s c	
					š ž k g x	
l		p d k	p b v d k g		m p f t d s š k	
lʲ			m			
n		r			d s z š k g	
nʲ						
m				lʲ	s	j r l
p	s š č	l		l t s		l
b	z			l		r
f						j l
v				l	s	r
t	k		p s š k x			r l k
d		l	z ž g	l		j r l n
s	p k	k	p k	t k	k	j r l n m p v k
z	b			d		j n
c						j r

Таблица 9 (окончание)

	$\alpha \cap \beta$	$\alpha_1 \cap \beta_1$	$\alpha \cap \alpha_1$	$\beta \cap \beta_1$	$\alpha \cap \beta_1$	$\alpha_1 \cap \beta$
š	p			t		r n l
ž				d		r
č	p					
ć						
č						
ǯ						
k	t s	s l	s	l t s	t s	r n s l
g				l d		r n
x				t		r

Из приведенного выше материала видно, что разные фонемы в различной степени обладают способностью к симметричной сочетаемости. В пределах начальных систем ни одна фонема не образует симметричных пар более чем с тремя другими фонемами, причем бо́льшая часть фонем (17 из 25) вообще не образует симметричных пар в начале слова. В конечной системе только l и k образуют симметричные пары более чем с одной фонемой. Совершенно иначе выглядит взаимно-симметричная (для начала и конца слова) сочетаемость фонем: r образует взаимно-симметричные пары с 12 другими фонемами, l и s – с восемью, причем, r и l выступают в качестве предшествующего элемента в конечных группах и последующего в начальных, а s, наоборот, – в качестве последующего элемента в конечных и предшествующего – в начальных.

Вычисленный для сербскохорватского языка относительно высокий показатель взаимной симметричности начальной и конечной системы (0,38) при незначительной в общем внутренней симметричности начальной и конечной систем имеет тем большее значение для подтверждения противоположных тенденций в организации этих систем, чем меньшее число консонантных групп в сербскохорватском языке принадлежит одновременно начальной и конечной системе. Сравнительно с другими славянскими языками число общих для начала и конца слова консонантных пар здесь, действительно, невелико (18), а степень сходства обеих систем измеряется соответственно коэффициентом 0,17.

Свойство симметричности характеризует отношение двухэлементных групп друг к другу. Рассмотрим теперь, в каком отношении находятся реализованные в языке трехэлементные группы к двухэлементным последовательностям, способным самостоятельно употребляться в тех же позициях. Здесь важно различать две стороны вопроса: во-первых, обла-

дают ли реальные трехэлементные последовательности свойством разложимости, т.е. состоят ли они из подпоследовательностей, являющихся самостоятельными бинарными группами; во-вторых, в какой мере реализуются в языке теоретические возможности образования трехэлементных последовательностей из двухэлементных путем теоретико-множественного сложения (т.е. xy+ yz → xyz)и является ли транзитивность слагаемых обязательным условием такого сложения.

В табл. 10 приведены все начальные трехэлементные группы и соответствующие им подпоследовательности первого и второго, второго и третьего и первого и третьего элементов, самостоятельно употребляющиеся в начале слова. В круглые скобки заключены последовательности, известные только екавскому варианту. Из таблицы следует,что в экавской системе все последовательности полностью разложимы, за исключением четырех: stj, zgn', ckl, ckl', причем для последних трех отсутствуют только сочетания первого и третьего элементов. В екавской системе не полностью разложимы шесть групп: zgn', ckl, ckn', gdj, xvj, xtj. В обеих системах нет ни одной группы, не поддающейся хотя бы частичному разложению, т.е. не включающей хотя бы одной (а в пяти случаях из шести даже двух) самостоятельно употребительных бинарных подпоследовательностей.

В значительной мере высокий показатель разложимости тернарных начальных групп в сербскохорватском языке обусловлен тем, что эти группы во многих случаях вторичны, т.е. включают морфемную границу, всегда совпадающую с границей разложимости. К вторичным могут быть отнесены следующие группы: sml (смлатити), sml'(смљети), spl'(сплоштити), svl(свла́чити), stl (стлачити), stv(ствар), sxr(схранити), sxl (схлапити), sxv(схва̑тити), zbj(збјег), zbr(зброј), zbl (зближити се), zvr(звриjати), zdv(здвојити), zgr(згра̑да), zgl (згласити), zgn(згнати), zgn'(згњавити). Некоторые группы могут быть и первичными, и вторичными: smr (смрека – смра̑зити), spr(спре́мати, спра̑т – спра̑вити), spl(сплит – сплетен), svr (сврабо – сврати́тити), str (стра̑ст – стра́жити), skr (скрипац – скра́тити), skl (склизнути – склепати), skl' (скљокати – склу́нити), skv(сквора̑ц – сква̑сити). Остальные трехэлементные группы первичны, т.е. не включают морфемной границы.

В конечной системе из 14 трехэлементных групп – 9 полностью разложимых (табл. 11). Все эти группы, за исключением jst принадлежат заимствованным иноязычным словам и являются первичными.

Для определения отношения транзитивности начальных двухэлементных групп используется табл. 12, в которой каждой фонеме y соответствует ряд консонантных пар xz таких, что xy и yz связаны отношением транзитивности. Иначе говоря, для каждой фонемы y перечислены все сочетания ее α- и β-элементов, употребляющиеся самостоятельно в начальной позиции. Консонантные пары, заключенные в скобки, отно-

Таблица 10

Разложимость начальных трехэлементных групп

$C_1C_2C_3$	C_1C_2	C_2C_3	C_1C_3
(bdj)	bd	dj	bj
(dvj)	dv	vj	dj
(smj)	sm	mj	sj
smr	sm	mr	sr
sml	sm	ml	sl
(sml')	sm	ml'	sl'
(spj)	sp	pj	sj
spr	sp	pr	sr
spl	sp	pl	sl
spl'	sp	pl'	sl'
(svj)	sv	vj	sj
svr	sv	vr	sr
svl	sv	vl	sl
stj	st	(tj)	sj
str	st	tr	sr
stl	st	tl	sl
stv	st	tv	sv
skr	sk	kr	sr
skl	sk	kl	sl
skl'	sk	kl'	sl'
skn	sk	kn	sn
skv	sk	kv	sv
sxr	sx	xr	sr
sxl	sx	xl	sl
sxv	sx	xv	sv
(zbj)	zb	bj	zj
zbr	zb	br	zr

zbl	zb	bl	zl
(zvj)	zv	vj	zj
zvr	zv	vr	zr
(zdj)	zd	dj	zj
zdr	zd	dr	zr
zdv	zd	dv	zv
zgr	zg	gr	zr
zgl	zg	gl	zl
zgn	zg	gn	zn
zgn'	zg	gn'	-
(cvj)	cv	vj	cj
cvr	cv	vr	cr
ckl	ck	kl	-
ckn'	ck	kn'	-
ckv	ck	kv	cv
špr	šp	pr	šr
štr	št	tr	šr
ščv	šč	čv	šv
škr	šk	kr	šr
škl	šk	kl	šl
škl'	šk	kl'	šl'
škv	šk	kv	šv
ždr	žd	dr	žr
čkv	čk	kv	čv
(gdj)	-	dj	-
(xvj)	xv	vj	-
(xtj)	xt	tj	-

Таблица 11

Разложимость конечных трехэлементных групп

$C_1C_2C_3$	C_1C_2	C_2C_3	C_1C_3
mbr	mb	-	-
mbl	mb	bl	-
mpl	mp	pl	-

rkl	rk	kl	rl
rgl	rg	gl	rl
jst	js	st	

$c_1c_2c_3$	c_1c_2	c_2c_3	c_1c_3
nst	ns	st	nt
rkt	rk	kt	rt
nkt	nk	kt	nt
mps	mp	ps	ms

nks	nk	ks	ns
rščč	rš	-	-
rst	rs	st	rt
kst	ks	st	kt

сятся только в екавской системе; справа приводятся цифры, соответствующие числу транзитивных троек, образуемых данной фонемой в экавской и екавской системах.

Самый высокий показатель транзитивности в обеих начальных системах характеризует фонему m (соответственно 32 и 37). Это еще один случай, когда сербскохорватское m резко противопоставлено всем остальным сонорным, имеющим в экавской системе нулевой показатель транзитивности, а в екавской – нулевой показатель для всех фонем, кроме r. Нетрудно понять, что это особое положение является следствием того, что m, в отличие от всех сонорных, может употребляться не только в качестве последующего элемента, но и в качестве предшествующего в консонантных группах. В конечной системе, наоборот, на первом месте по показателю транзитивности стоят сонорные r и n (11), которые на конце слова не испытывают столь сильных ограничений, касающихся их позиции в консонантной группе, как в начале слова.

На основе реального инвентаря двухалементных начальных сочетаний теоретически может быть образовано путем их теоретико-множественного сложения по типу $xy + yz \to xyz$ 303 трехалементных сочетания (эта цифра равна сумме произведений объемов α- и β-полей всех фонем) в экавской системе и 357 – в екавской. Если же принять дополнительное условие, при котором трехалементные сочетания образовывались бы только из таких двухалементных, которые удовлетворяют отношению транзитивности (т.е. $xy + yz \to xyz$ при условии, что xz также существует как самостоятельная начальная группа), то в этом случае в экавской системе было бы представлено 193 трехалементных группы, а в екавской – 232. Сопоставление этих двух пар цифр позволяет оценить степень транзитивности экавской начальной системы коэффициентом 0,64 (193:303); екавской – 0,62 (232:357). Вычисленный аналогичным образом коэффициент транзитивности конечной системы составляет всего 0,44 (86:127).

Таким образом, в системе двухалементных сочетаний транзитивность оказывается существенным, хотя и не абсолютным принципом ее организации, в то время как трехалементные сочетания не только в ста про-

Таблица 12

Транзитивность начальной системы

j		0	0
r	(mj pj bj fj vj tj dj sj zj cj šj)	0	11
l		0	0
l'		0	0
n		0	0
n'		0	0
m	tr sr zr cr šr žr čr kr gr xr tl sl zl šl žl čl kl gl xl sl' šl' kl' gl' sn zn šn kn gn šn' žn' kn' gn' (tj sj zj cj šj)	32	37
p	sr šr čr sl šl čl šl' sn šn st št čt šč (sj šj)	13	15
b	zr žr zl žl zd žd z3́ (zj)	7	8
f	sj sr sl sl' (sj)	4	5
v	tr dr sr zr cr šr žr čr kr gr xr tl dl sl zl šl žl čl kl gl xl (tj dj sj zj cj šj)	21	27
t	pr sr šr čr kr xr pl sl šl čl kl xl sm šm čm km sv šv čv kv xv sk šk čk (pj sj šj)	24	27
d	br zr žr gr bl zl žl gl zn gn zv žv gv (bj zj bl' žl')	13	17
s	pr kr pl kl pl' kl' pn kn km kv pt kt (kn' pj)	12	14
z	br bl bd (bj)	3	4
c	sr sm sv sk (sj)	4	5
š	pr pl pl' pn pt pč (pj)	6	7
ž		0	0
č	pr šr pl šl šm šp šv pt št šk	10	10
ć		0	0
3́		0	0
3̌		0	0
k	tr sr cr šr čr tl sl šl čl sl' šl' sn šn šn' tm sm cm šm čm tv sv cv šv čv st št čt šć	28	28
g	zr žr zl žl zn žn' zm žm zv žv zd	11	11
x	sr sl sm sv st (sl')	5	6

Таблица 13

Транзитивность конечной системы

j		0
r	nt nd ns nc nš nž nk ng nx	9
l	rm rt rd rs rc rš rk pt ps vm vš kt ks	13
l'		0
n	jf jd js jz jc jk jg jx vs rt rd rs rc rš rž rk rg rx	18

Таблица 13 (окончание)

n'		0
m	lp rb lf rs ls jf js	7
p	lt ls ms	3
b		0
f	lt nt	2
v	rl rn rm rs	4
t		0
d		0
s	jk rt lt nt pt kt rk nk	8
z	jd nd	2
c		0
š	rt lt nt	3
ž	rd nd	2
č		0
ć		0
ǯ		0
đ		0
k	js rl rt lt nt ls rs ns st	9
g	jd rd nd rl	4
x	rt nt	2

центах случаев сводимы к двухэлементным, но и в абсолютном большинстве случаев объединяют двухэлементные группы по принципу транзитивности (ср. табл. 10 и 11).

* * *

Попытаемся теперь классифицировать консонантные группы на основании того, какую последовательность образуют в них разные значения одноименных различительных признаков, принадлежащих элементам группы, а затем установить, какие из этих последовательностей продуктивны и какие не продуктивны в сербскохорватском языке.

Сочетаемость согласных в сербскохорватском языке подчинена весьма строгим ограничениям, касающимся ДП звучности (согласность - несогласность и звонкость-глухость). Эти ограничения проявляются в частности в том, что в начальных сочетаниях сонорные элементы могут занимать только постпозицию по отношению к шумным и никогда не встречаются в препозитивном употреблении.

Теоретически для двухэлементных и трехэлементных групп существу-

ет 12 различных комбинаций элементов типа s (сонорных) и типа c (шумных): ss, sc, cs, cc, sss, ssc, scs, css, scc, csc, ccs, ccc, из которых реализуется в сербскохорватской начальной системе 6: ss, cs, cc, css, ccs, ccc. Все нереализуемые комбинации отвергаются сербскохорватской системой на том основании, что они содержат сонорный в препозиции к шумному, а комбинация из трех сонорных (sss) является универсально недопустимой в славянских языках.

Среди двухэлементных групп в обеих начальных системах преобладают такие, которые реализуют тип cs. К этому типу относится 61 группа в экавской системе и 71 – в екавской (в круглые скобки заключены группы, принадлежащие только екавщине).

pj	bj	fj	vj	tj	dj	sj	zj	cj	šj				
pr	br	fr	vr	tr	dr	sr	zr	cr	šr	žr	čr	kr	gr	xr
pl	bl	fl	vl	tl	dl	sl	zl		šl	žl	čl	kl	gl	xl
pl'	bl'	fl'			(dl')	sl'			šl'	(žl')		kl'	gl'	(xl')
pn					dn	sn	zn		šn			kn	gn	
						(sn')			šn'	žn'		kn'	gn'	
				tm		sm	zm	cm	šm	žm	čm	km	gm	xm

В пределах этого типа сонорные находятся в следующем количественном соотношении: r входит в состав 15 групп, l – 14, m – 10, l' – 7 (эк.) и 10 (ек.), j – 4 (эк.) и 10 (ек.), n – 7, n' – 4 (эк.) и 5 (ек.). Для сербскохорватской начальной системы верно правило: если шумный согласный не сочетается с r, то он не сочетается ни с одним другим сонорным (таковы ć ǵ ǵ). Относительно остальных сонорных можно заметить следующее: если шумный согласный сочетается с l', то он сочетается и с l; это же справедливо и для n' и n с одним исключением: žn' при отсутствии žn. Губные согласные не сочетаются с m, а также с n, если не считать группы pn, принадлежащей иноязычному слову. Компактные согласные, за исключением š, не сочетаются с j. Из шумных только š встречается перед всеми сонорными; в екавской системе также и s затем следуют k и g, возможные перед шестью сонорными из семи (невозможны перед j). Если учесть, что теоретически при данном инвентаре, включающем 18 шумных и 7 сонорных, возможно 126 групп типа cs, то мощность этого типа, измеряемая отношением числа реально представленных групп к числу теоретически возможных, должна быть оценена достаточно высоко: она составляет 48% для экавской системы и 56% для екавской. Как будет показано дальше, мощность всех остальных реализованных в сербскохорватской системе начальных комбинаций значительно ниже.

Следующее место занимают двухэлементные группы, реализующие комбинацию cc:

pt	ps	pš	pč	tv	tk
bd	bz	bǵ		dv	

sp sf sv st sc sk sx	čp čv čt čk
zb zv zd zg	ǰv ǰb
cv ck	kv kt ks kć
šp šv št šč šć šk	gv [gd]
žb žv žd žǰ žg	xv xt

В квадратные скобки заключена группа gd, допустимая только в экавской системе. Таким образом, в экавской системе представлено 48 групп этого типа, в екавской – 47, что составляет 15% от теоретически возможного числа комбинаций СС (при инвентаре, насчитывающем 18 шумных возможно 18 x 18 = 324 сочетания типа СС). Особое положение среди групп этого типа занимают сочетания шумных согласных с v, которые численно вдвое и более превосходят сочетания с любым другим шумным согласным, и это обстоятельство сближает v с классом сонорных (не говоря уже о более ярком сходстве с сонорными и одновременно отличии от шумных: перед v могут употребляться как звонкие, так и глухие шумные, что не характерно для остальных шумных и, наоборот, характерно для всех сонорных). Однако в отличие от других сонорных, кроме m, v может употребляться перед сонорными, как и все шумные согласные. На этом основании сербскохорватские согласные могли бы распределяться не между двумя классами – сонорных и шумных –, а между тремя: сонорных, шумных и промежуточным классом, включающим m и v.

Особый характер v в системе шумных согласных может быть подтвержден также его абсолютно доминируемым положением по отношению ко всем другим шумным. Под доминацией мы понимаем отношение между двумя фонемами x и y в последовательности, где y следует за x (x доминирует над y, или x находится в доминирующем, а y в доминируемом положении)[11].

Представим сочетаемость шумных фонем в сербскохорватском языке через цепочки непосредственной доминации, т.е. такие, где каждый член непосредственно доминирует над каждым последующим членом:

š → č → t → k → v	ǰ → č → p → t
k → s → t → v	p → š → č → t
s → x → t → v	ž → g → d → v
s → c → k → v	z → g → d → v

[11] Иной смысл имеет термин "адгеренция" (adherence), определяющий степень близости каждого из последовательности согласных к гласному (последующему или предшествующему). Этот термин предложен Б. Сигурдом (Rank order of consonants established by distributional criteria. "Studia linguistica", IX, 1, 1955) и использован в работе Е. Василиу (Une classification des consonnes roumanes d'après le critère de la distribution. "Mélanges linguistiques". Bucarest, 1957).

š → k → ć   s ↔ p
ž → b → ʒ́   ǯ → b
z → b → d   ǯ → v
b → z   s → f

Этот список мог бы быть значительно короче, если бы не симметричные группы zb — bz, šp — pš, čp — pč, kt — tk, ps — sp, ks — sk, которые, естественно, не могут быть объединены в одну цепочку. Общий для всех шумных ряд может быть построен при условии, что из каждой пары симметричных групп будет учитываться только одна; иначе в этом ряду некоторые фонемы встречались бы дважды. Ряд, учитывающий группы bz, sp, pš, pč, sk, tk и не учитывающий симметричных им групп, выглядит следующим образом:

ž → ǯ → b → z → ʒ́ → g → d → v

s → p → š → č → f → c → x → t → k → ć → v

Необходимо отметить, что в этом ряду, в отличие от цепочек непосредственной доминации, каждая фонема доминирует не над всеми фонемами, следующими за ней, а только над некоторыми, но во всяком случае не доминирует над предшествующими фонемами.

Из приведенной схемы видно, что v занимает абсолютно доминируемое положение в системе шумных и само может доминировать только над m и затем над остальными сонорными.

Возвращаясь к структуре сербскохорватских консонантных групп по звучности, укажем, что на последнем месте среди двухэлементных начальных групп стоят группы, реализующие комбинацию ss (сонорный + сонорный): в экавской системе этот тип представлен пятью реальными группами: mr ml ml' mn mn'; в екавской к ним прибавляются еще две: mj и rj При 49 теоретически возможных комбинациях ss (7 x 7), мощность этого типа равна в экавской системе 10%, в екавской 14%. Отметим еще раз, что участие в этой комбинации m в качестве препозитивного элемента, в противоположность всем сонорным, кроме r в екавщине, столь же резко выделяет его среди сонорных, как и v в составе групп типа cc выделяется среди шумных.

В трехэлементных начальных сочетаниях абсолютно преобладает тип cc, насчитывающий 31 реальную группу в экавщине и 42 – в екавщине; затем следует тип ccc: по 8 реальных групп в каждой системе; и наконец тип css, включающий 2 группы в экавщине и 4 – в екавщине. Трехэлементные комбинации реализуют менее двух процентов теоретических возможностей.

css: (smj) smr sml (sml')

ccs: (bdj) (dvj) (spj) (svj) stj (zbj) (zvj) (zdj) (cvj) (gdj) (xvj) (xtj)

spr	svr	str	skr	sxr	zbr	zvr	zdr	zgr	cvr	špr	štr	škr	ždr
spl	svl	stl	skl	sxl	zbl			zgl	ckl			škl	
spl'			skl'									škl'	
			skn					zgn					
								zgn'	ckn'				

Как и в двухэлементных группах типа CS, здесь преобладают трехэлементные группы с последним элементом r.

CCC: stv skv sxv zdv ckv ščv škv čkv

В этом последнем типе все сочетания оканчиваются на v, следовательно, при интерпретации v как сонорного они должны были бы войти в предыдущий тип CCS.

Для конца слова наиболее продуктивна комбинация SC, вообще отсутствующая в начальной системе; она включает 44 реальных конечных группы:

jf jd js jz jc jk jg jx

rb rv rt rd rs rc rš rž rk rg rx

lp lf lt ld ls lc lš lk

mp mb mf ms

nf nt nd ns nz nc nš nž nč nǯ nk ng nx

В пределах этого типа наиболее многочисленны группы, начинающиеся с n (13) и r (11), наименее многочисленны группы, начинающиеся с m (4).

Тип CS, самый распространенный в начальной системе, на конце слова представлен всего семью группами: pl bl vl dl kl gl vn.

Тип SS объединяет восемь реальных групп: jn jm rl rn rm lm nr ml'.

К типу CC принадлежат 13 групп: pt ps ft vs st zd sk št žd kt ks gd xt.

Что касается конечных трехэлементных последовательностей, то они распределяются между следующими типами: SCS (mbr mbl mpl rkl rgl), SCC (jst rst nst rkt nkt mps nks ršč), CCC (kst).

Относительно ДП звонкости-глухости консонантные последовательности в сербскохорватском языке могут быть только однородными. Исключение составляют, как уже отмечалось, сочетания шумных с v.

В типе CS перед всеми сонорными могут стоять как звонкие, так и глухие шумные:

перед j возможны	(p – b), (f – v), (t – d), s – z
r	p – b, f – v, t – d, s – z, š – ž, k – g
l	p – b, f – v, t – d, s – z, š – ž, k – g
l'	p – b, (š – ž), k – g
n	s z, k – g
n'	š – ž, k – g
m	s – z, š – ž, k – g

В типе CC следующие пары соотносительны по звонкости-глухости:

sp – zb	pt – bd	ps – bz	sk – zg
šp – žb	st – zd	šć – žǰ	šk – žg
čp – ǯb	št – žd		
	[kt – gd]		

Особого рода соотносительность (по одному элементу) характерна в пределах этого типа для сочетаний шумных с v:

tv - dv, sv - zv, šv - žv, čv - ǯv, kv - gv.

Из трехэлементных групп соотносительны по звонкости-глухости следующие:

(spj - zbj) spr - zbr skr - zgr skn - zgn

(stj - zdj) str - zdr spl - zbl štr - ždr

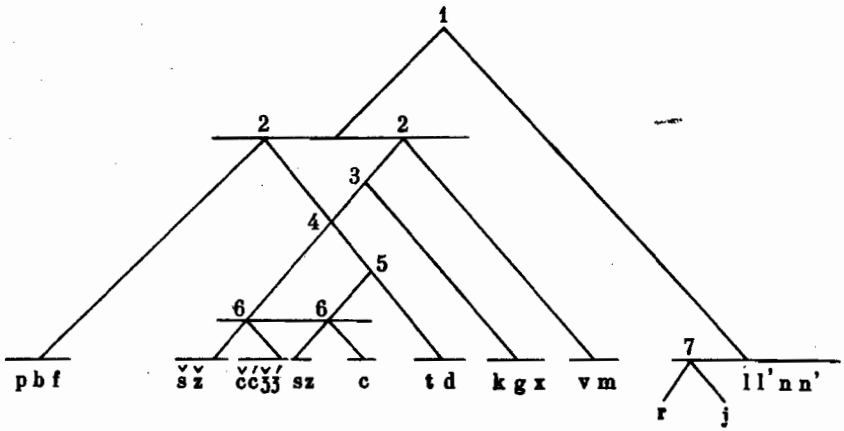
(svj - zvj) svr - zvr skl - zgl stv - zdv

Роль ДП палатальности-непалатальности в организации начальных и конечных консонантных групп весьма невелика, и это связано в первую очередь с тем, что в парадигматической системе сербскохорватского консонантизма этот признак обладает слабой мощностью, измеряемой лишь четырьмя парами фонем, для которых он оказывается релевантным: l - l', n - n', č - ć, ǯ - ǵ. В синтагматическом плане существенно, что относительно ДП палатальности-непалатальности начальные и конечные последовательности согласных всегда неоднородны, точнее говоря, положительное значение этого признака не может распространяться на все элементы консонантной группы, тогда как отрицательное значение (непалатальность) может быть и в большинстве случаев является общим для всех элементов группы. Второе ограничение, связанное с признаком палатальности, состоит в том, что палатальные согласные могут занимать только последнее место в консонантной группе, т.е. в начальной системе они могут предшествовать только гласной, а в конечной системе - только паузе (#). Таким образом, в обеих начальных системах сербскохорватского языка реализуются только комбинации cc, cc', ccc и ccc', где c' - согласный с положительным значение признака палатальности-непалатальности, а c - с отрицательным. В конечной системе представлено лишь три типа: cc, cc' и ccc, причем тип cc' включает только одну группу ml'.

Консонантные группы, включающие l' или n' (т.е. палатальный сонорный) в большинстве случаев предполагают существование соотносительных с ними групп, оканчивающихся соответственно на l или n (это особенно характерно для екавской системы). Консонантные группы с исходом на палатальный шумный не образуют соотносительных пар.

Для того чтобы определить характер и размеры ограничений консонантной сочетаемости, связанных с остальными ДП - компактности, периферийности, непрерывности, яркости, назальности - воспользуемся следующей схемой (см. стр. 35), в которой представлена (для начальной системы) сочетаемость минимальных классов согласных, выделенных так, что фонемы, входящие в один класс, не сочетаются друг с другом. Каждая вершина в схеме означает допустимость сочетания эле-

ментов, принадлежащих к классам, расположенным влево от вершины, с элементами, принадлежащими к классам, расположенным вправо от вершины; в то время как горизонтальная линия, соединяющая две вершины, указывает на недопустимость сочетания элементов, заключенных между линиями, исходящими от одной вершины, с элементами, заключенными между линиями, исходящими от другой вершины; однако элементы, попадающие в пересечение этих линий, могут сочетаться как с первыми, так и со вторыми.



Схему следует интерпретировать так: вершина 1 показывает, что все минимальные классы шумных согласных, а также класс, определенный выше как промежуточный между классом шумных и классом сонорных (v m), могут сочетаться с классом сонорных (j l r n n'). Левая вершина 2 означает, что класс фонем, определяемых как периферийные и некомпактные (p b f, сюда можно было бы включить и v) может сочетаться с классом непериферийных шумных, независимо от их принадлежности к компактным или некомпактным (š ž č ć ǯ ʒ s z c t d). Правая вершина 2 означает, что класс v m может сочетаться с классом непериферийных некомпактных (s z c t d) и с классом компактных шумных, как периферийных, так и непериферийных (š ž č ć ǯ ʒ k g x). Горизонтальная линия, соединяющая эти две вершины, показывает, что класс периферийных некомпактных (p b f) не сочетается с классом периферийных компактных (k g x), а также с классом v m. Вершина 3 указывает на возможность сочетания всех непериферийных согласных с периферийными компактными (k g x), вершина 4 – на сочетаемость непериферийных компактных (š ž č ć ǯ ʒ) с непериферийными некомпактными прерывными (t d); вершина 5 – на сочетаемость непрерывных (s z) с прерывными (t d) внутри класса некомпактных и непериферийных. Обе вершины 6 означают, что непериферийные непрерывные согласные (как компактные š ž, так и некомпактные s z) могут сочетаться с соответст-

вующими яркими (компактными č ć ǯ ǰ и некомпактным c). Однако горизонтальная линия, соединяющая эти две вершины, указывает на недопустимость сочетания компактных непериферийных с некомпактными непериферийными. Вершина 7 указывает на возможность сочетания r и j (это относится только к екавской системе). Горизонтальные линии, объединяющие элементы минимальных классов, соответствуют уже рассмотренным ограничениям на сочетаемость глухих согласных со звонкими, палатальных с палатальными, а кроме того - на сочетаемость прерывных с непрерывными внутри класса периферийных (p b f v k g x) и на сочетаемость всех сонорных, кроме m друг с другом.

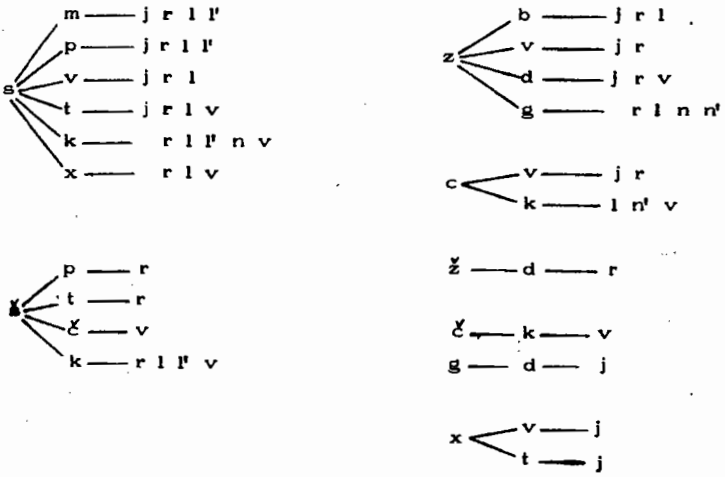
Из этого следует, что в сербскохорватском языке предпочитаются сочетания, неоднородные относительно ДП периферийность-непериферийность. Что касается ДП компактности, то здесь довольно трудно говорить о предпочтении однородных или неоднородных последовательностей. Относительно признака непрерывности достаточно ощутимо преобладание неоднородных последовательностей над однородными. Яркие фонемы, как уже говорилось, не сочетаются друг с другом, следовательно, все консонантные группы, включающие их, неоднородны по признаку яркости. Наконец, ДП назальности, по-видимому, не играет никакой самостоятельной роли в консонантной сочетаемости и подчиняется другим признакам, таким как периферийность, непрерывность и др.

Таким образом, наиболее существенные ограничения относятся к классу периферийных согласных (p b f v m k g x), в котором выделяются три подкласса: 1) p b f, которые не сочетаются ни с одним элементом, принадлежащим к тому же классу периферийных, 2) k g x, не сочетающиеся друг с другом, но сочетающиеся с v m и 3) v m, не сочетающиеся друг с другом, но сочетающиеся с k g x. В то же время каждый из этих подклассов сочетается с фонемами, принадлежащими противоположному классу непериферийных.

Каждый элементарный класс (всего 9) может быть охарактеризован числом других классов, с которыми он сочетается, или числом вершин, к которым он последовательно подключается в приведенной схеме. Тогда, на первом месте стоит класс s z (и c), которому соответствует шесть вершин (6,5,4,3,2,1), затем классы š ž и č ć ǯ ǰ (6,4,3,2,1), а также t d (5,4,3,2,1). К трем вершинам подключается класс k g x (3,2,1); к двум - классы p b f и v m (2,1), а также r и j (7,1). Остальные сонорные (l l' n n') подключены лишь к одной вершине (1).

Сочетаемость согласных на конце слова в сербскохорватском языке в полной мере соответствует приведенной схеме (при известных отличиях, касающихся порядка следования элементов разных классов). Единственная поправка, которую необходимо ввести, касается сочетаний сонорного с сонорным (jn rl rn и nr возможны только на конце слова, зато сочетание rj - только в начале); однако эта поправка не изменяет той характеристики класса сонорных, которая была сформулирована для начальной системы.

Относительно трехэлементных начальных групп, помимо ограничений, касающихся их парных подпоследовательностей и совпадающих с тем, что характерно для самостоятельных начальных консонантных пар, можно отметить известную их упорядоченность по ДП прерывность-непрерывность: большинство трехэлементных групп имеет структуру непрерывный + прерывный + сонорный или v; ср. схемы трехэлементных групп:



Р.В.Булатова

О НАДСТРОЧНЫХ ЗНАЧКАХ И АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМАХ ТРЕХ КНИГ МАРДАРИЯ - СЕРБСКОГО ПЕЧАТНИКА СЕРЕДИНЫ XVI в.

§ 0. Вопрос об отражении в списке особенностей языка протографа и переписчика является одним из центральных при изучении древних письменных памятников, которые в подавляющем большинстве представляют не оригинальные произведения, а списки с других памятников.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы о соотношении языка протографа и переписчика (или печатника) на примере знаков ударения в трех сербских старопечатных книгах середины XVI в.

* * *

§ 1. Систематическая расстановка ударения в сербских рукописях начинается с последней четверти XIV в.[1], однако далеко не все рукописные тексты XV в. и даже XVI в. имеют акцентные знаки. В то же время все старопечатные сербские книги, начиная с самых первых (конец XV в.), имели надстроченые значки, обозначавшие ударение и долготы[2]. Это значит, что для печатника было обязательным правилом снабжать печатный текст надстрочными значками.

Надстрочные значки в старых текстах имеют неодинаковую ценность для акцентолога. 1. В лучшем случае они могли отражать а к ц е н т н у ю с и с т е м у п е р е п и с ч и к а и л и п е ч а т н и к а[3]: а) Если протографом данной книги служил текст без над-

---

[1] См.: О л ь г а Н е д е л ь к о в и ч. Знаки ударений в средневековых сербских рукописях (XII-XIV вв.). - В сб.: "Источники и историография славянского средневековья". М.,1967,стр.101; О н а ж е. Знаки ударений в сербских доресавских рукописях. "Slavia" roč. XXXVI, sešit 1. Praha, 1967, стр. 28-29.

[2] Первая сербская книга - "Октоих" была напечатана в 1494 г. Каталог сербских старопечатных книг XV-XVII вв. с фотокопиями отдельных листов из каждой книги см.: Дејан М е д а к о в и ћ. Графика српских штампаних књига XV-XVII века. Београд,1958, после стр.248.

[3] В данном случае принципиальной разницы между переписчиком и печатником нет. Следует заметить,что печатник стоял перед необходимостью предварительного и потому продуманного отбора надстрочных значков, в то время как переписчик, если он списывал с акцентованной рукописи, осваивал и трансформировал сисиему надстрочнх знач-

строчных значков. В этом случае акцентная система переписчика представлена в чистом виде. б) Если переписчик стремился поставить свое ударение, хотя протограф мог быть акцентован. В этом случае неизбежны ошибки: переписчик мог механически переносить из протографа отдельные значки, не соответствующие его ударению.

2. Надстрочные значки могли отражать акцентную систему протографа, если переписчик точно копировал протограф. Однако и здесь были неизбежны ошибки: переписчик мог вносить в просодическую систему протографа слова со своим ударением. В этом случае акцентная система может иметь вид просодических систем, описанных в рубриках 1б, 3 и 4 (см. ниже).

3. Надстрочные значки могут отражать как будто единую просодическую систему с бо́льшим или меньшим количеством вариантов, если переписчик имел перед собой акцентованный протограф, просодическая система которого была близка переписчику. В этом случае происходило смешение двух акцентных систем, и слабое звено просодической системы переписчика подвергалось наибольшему воздействию со стороны просодической системы протографа, которую переписчик принимал за норму. При восстановлении такой просодической системы чаще всего бывает невозможно отделить акцентную систему протографа от системы переписчика, поэтому она должна описываться как единая просодическая система с вариантностью форм.

4. И, наконец, надстрочные значки могут являть собою такую мешанину, из которой невозможно получить представление о какой-либо просодической системе. Это бывает в тех случаях, когда переписчик путал свои значки со значками протографа, в то время как их просодические системы были далеки друг от друга и если к тому же сам протограф представлял собой контаминацию двух или нескольких акцентных систем или у переписчика был не один протограф[4]. Такие памятники, которых, кстати сказать, немало, не годятся для акцентологов, как бы ни были интересны просодические системы, скрытые под мешаниной надстрочных значков.

ков в процессе переписки. К тому же первые печатники были из числа грамотных, опытных переписчиков. Все это дает печатным книгам определенное преимущество при изучении старых просодических систем по надстрочным значкам.

[4] Следует учитывать, что книгам середины XVI в. предшествовала более чем двухвековая традиция расстановки акцентных значков в рукописных памятниках и что, следовательно, сами протографы этих книг могли иметь многослойную акцентовку, уже не поддающуюся изучению.

5. Правда, когда в памятнике представлены две акцентные системы, достаточно удаленные одна от другой (если, например, у русского переписчика был болгарский протограф[5] и т.п.), имеется возможность отслоить одну систему от другой, и тогда памятник может дать представление о двух различных просодических системах — протографа и переписчика.

§ 3. В сербском книгопечатании имеется заманчивый для акцентолога факт. В середине XVI в. монах Мардарий, родом с реки Дрины, издает три книги: Евангелие в 1552 г. в Белграде, Евангелие в 1562 г. в Мркшиной церкви и Цветную Триодь в 1566 г. в той же церкви[6]. Остаются неизвестными рукописи или печатные тексты, с которых Мардарий набирал свои книги. Несомненно, однако, что вряд ли они принадлежали одному писцу, различаясь, скорее всего, и хронологически и локально. Не имея сведений о протографах, мы располагаем однако небезынтересными данными о самом печатнике. Известно, что он был штокавцем, скорее всего из восточногерцеговинских областей (в Послесловии к Ев. 1562 г. Мардарий пишет, что он родом с Дрины, а Дрина протекает на территории восточногерцеговинского диалекта — см. ниже карту). Основные места деятельности Мардария — Мркшина церковь[7] и Милешево (где, как полагает Д.Медакович, он мог учиться

---

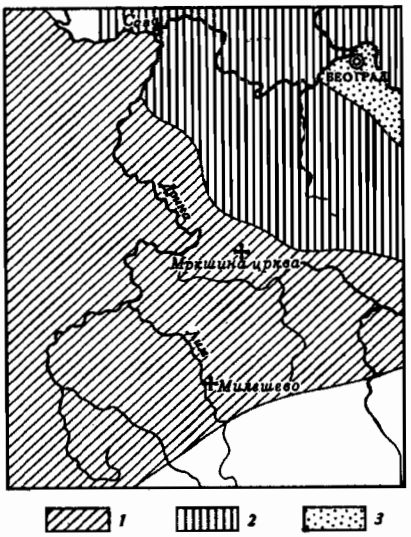
[5] См.: В.А. Дыбо, В.А. Кучкин. Болгарский текст в русской минее XVI в. "Byzantinobulgarica", II. Sofia, 1966, стр.286.

[6] В работах Л.Стояновича (Љуб. Стојановић. Старе српске штампарије. "Српски књижевни гласник", № 41–44. Београд, 1902, стр.35) и Дж.Радоичича (Ђорђе Сп. Радојичић. Јеромонах Мардарије од Мркшине Цркве. "Просветни гласник", бр. 6–7. Београд, 1942, стр.278) на основании известных фактов (в Послесловии к Ев. 1552 г. Мардарий говорит, что он "иеромонах... из монастыря, называемого Мркшиной церквью") и схожести графических черт Белградского Ев. и книг из Мркшиной церкви показано, что Мардарий Белградский и Мардарий из Мркшиной церкви – одно и то же лицо.

Дж.Радоичич считает, впрочем без каких-либо оснований, что Мардарий овладел техникой печатного дела в Венеции. Более правдоподобно предположение Д.Медаковича, основанное на анализе графических особенностей Ев. 1552 г., который полагает, что квалификацию печатника Мардарий получил в первой Милешевской типографии (1544–1546 гг.). – См.: Дејан Медаковић. Графика српских штампаних књига XV–XVII вв., стр.17.

[7] Местонахождение Мркшиной церкви точно неизвестно. Обычно считают, что она была расположена к северу от Ужицы в Косериче под горой

печатному делу) находятся на территории того же восточногерцеговинского диалекта. Первую свою книгу Ев. 1552 г. Мардарий печатал также на штокавской территории – в Белграде (шумадийско-воеводинский говор). Таким образом, печатник и своим происхождением и образованием и работой связан со штокавской диалектной территорией. На карте штокавского наречия все эти места занимают небольшой квадрат (карта взята из книги: П.И в и ћ. Дијалектологија српскохрватског језика. Нови Сад, 1956).



1. восточногерцеговинский говор
2. шумадийско-воеводинский говор
3. смедеревско-вршачский говор

Известно также, что оба Евангелия Мардарий делал один. При работе над последней книгой – Тр. 1566 г. у него было два помощника – поп Живко и дьяк Радул. В это время Мардарий был уже стар и слаб здоровьем (о чем свидетельствует приписка к Триоди) и потому нуждался в помощниках. Если эта помощь и не ограничивалась подготовкой

Црнокосы (см. Ђ о р ђ е С п. Р а д о ј и ч и ћ. Карактер и главни моменти из прошлости српских штампарија (XV–XVII века). "Историски записи. Година III", књ VI, св. 7–9. Цетиње, 1950, стр.268).

иллюстраций, которых в Тр. 1566 г. пять (в Евангелиях 1552 и 1562 г. иллюстраций нет), то вряд ли она была столь значительной, чтобы следовало считать текст Тр. 1566 г. творчеством не одного Мардария[8]. Дальнейший анализ систем акцентных значков и просодических систем подтвердит это предположение.

Итак, объектом для сравнительного изучения знаков ударения и просодических систем, зафиксированных штокавскими текстами середины XVI в., являются три книги, набранные одним лицом: Ев. 1552 г., Ев. 1562 г. и Тр. 1566 г.[9]. Если бы рукописные или печатные книги, послужившие для книг Мардария протографами, не были акцентованы и печатник расставлял ударение самостоятельно, очевидно, что во всех трех книгах Мардария был бы одинаковый набор надстрочных значков и одна акцентная система. Различия, наблюдаемые в книгах Мардария в наборе надстрочных значков и в акцентовке отдельных слов, следует отнести за счет протографов, которые имели надстрочные значки, и их просодические системы были различны[10].

§ 4. Сравним прежде всего набор надстрочных значков (т.е. какие значки и сколько), которым пользовался Мардарий в каждой из книг, и систему надстрочных значков (т.е. функциональная нагрузка каждого значка и их взаимоотношения в системе).

---

8 Специалист по сербской графике Д.Меданович также приходит к выводу, что помощь попа Живко и дьяка Радула сводилась к подготовке иллюстраций в Тр. 1566 г. См.: Дејан Медаковић. Графика српских штампаних књига, стр.81.

9 Все три книги имеются в отделе редких книг библиотеки им.В.И.Ленина: Евангелие 1552 г., напечатанное в Белграде Мардарием, 1 экз. Инв. 1214; Евангелие напрестольное, напечатанное иеромонахом Мардарием в типографии, бывшей при монастыре Мркшиной церкви в 1562 г. Меркш. 124; Триодь Цветная. Мрькшине цркве, 1566 г.

10 Нам ничего неизвестно о протографах. Можно только предполагать, что Ев. 1562 г. Мардарий целиком набирал со своего первого Белградского Ев. 1552 г. Однако разный набор надстрочных значков в этих книгах, нередкие расхождения в ударении (что будет показано при анализе материала) говорят о том, что Мардарий, используя частично матрицы Ев. 1552 г. и пользуясь этим Ев. как образцом (о чем свидетельствует совпадение строк на странице, почти полное совпадение текста на странице), имел однако какой-то протограф с надстрочными значками, отличными от Ев. 1552 г. В Послесловии к Ев. 1562 г. Мардарий говорит, что он сам "сделал для этого Ев. буквы из железа и меди и из другого материала". Это еще раз свидетельствует о новых матрицах, изготовленных, для Ев. 1562 г.

Набор надстрочных значков в книгах Мардария неодинаков[11]. В Ев. 1552 г. 5 значков: ´, ˋ, —, ⸗, ˋˋ. В Ев. 1562 г. 7 значков: ´, ˋ, —, ˈ, ˆ, ⸗, ˋˋ. В Тр. 1566 г. 6 значков: ´, ˋ, —, ˈ, ⸗, ˋˋ. Следует сказать, что даже одни и те же значки в разных книгах не всегда несут одинаковую функциональную нагрузку, т.е. их значения в разных системах настрочных значков могут не совпадать.

---

11 При обзоре надстрочных значков в книгах Мардария опускаются знаки, не обозначавшие ударения и долгот: титло ⸗, знак придыхания ʼ, отмечавший неприкрытый гласный, который во всех трех книгах употребляется параллельно с ʼ´ – знак придыхания с акутом, принимая иногда вид каморы ˆ: ѻ̀ставихомь, ѿ̀ставихомь, ѿ̀ставише (Ев. 1552 г.), прїѥ̀хѡмь; наоу̀чи́ше, наоу̀чи (Ев. 1562 г.); ѿ̀ави́се и ѿ̀ави́се, оу̀кра́силь (Тр. 1566 г.). Отмечая неприкрытость гласного (в начале или в середине слова) знаком придыхания с акутом ʼ´, печатник тем самым оставлял неотмеченной ударность/безударность такого гласного, так как у него не оставалось графических средств для обозначения ударенности этого гласного. Поэтому такие примеры, как оу̀дари (при оу̀да́ри оба Ев.), ѿ̀стави (при ѿ̀ста́ви Тр. 1566 г.) не могут с определенностью показывать ударенность начального гласного: это могли быть случаи с пропущенным ударением на корне. Что касается значка ˆ, то когда он употребляется в значении, аналогичном описанному выше, он также не будет учитываться при описании систем надстрочных знаков. Это делается не только потому, что знак ˆ не несет информации об ударенности гласного, но, главное, чтобы отличать его от каморы ˆ, которой в Ев. 1562 г. обозначается ударение над ѣ̂ (кроме того, знак ˆ в Ев. 1562 г. имеет несколько иное начертание, чем ˆ в Ев. 1552 г. и в Тр. 1566 г.: он жирнее, определеннее и "выписан" как бы слева направо).

В анализ не включались примеры с явными ошибками или опечатками типа на́рѡ́ды 111а Ев. 1562 г. (ср. на́рѡды 112а Ев. 1552 г.), соу̀бот|о̀у 26 и т.п.

Сравнение текстов Ев. 1552 г. и 1562 г. проводилось постранично, построчно, что дало возможность установить все имеющиеся разночтения. В Тр. 1566 г. анализировалась лексика, совпадающая с евангелиями. Глаголы же на -і-, на примере которых дается описание просодических систем всех трех книг, анализировались полностью.

Функции надстрочных значков в книгах Мардария:

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
1. ´ обозначает во всех трех книгах неконченое ударение на любом гласном (кроме ы в Ев. 1552 г. и ь в Ев. 1562 г.)		
ка́мень 61а	ка́мень 60а	– на́ главоу 48а
просла́ви 155	просла́ви 154	просла́висе 10
ли́це 65	ли́це 64	–
диви́тисе 69	диви́тисе 68	диви́тисе 74
мѣ́сто 62а	мѣ́сто 61	–
сь прѣ́столь 105	сь прѣ́столь 104	прѣ́столь 168
възвѣ́стише 125	възвѣ́стише 124	възвѣ́стише 100
же́намь 62	же́намь 61	же́на 25
ѿ две́реи 62	ѿ две́реи 61	–
ле́жа 62	ле́жа 61	ле́жить 6
тво́рити 173	тво́рити 172	тво́рити 106а
гро́ба 62	гро́ба 61	гро́ба 7
ло́вца 67	ло́вца 66	ко́нца 23
соу́боти 67	соу́боти 66	соу́ботоу 15
погоу́бити 23	погоу́бити 22	погоу́бити 21а
роу́коу 68	роу́коу 67	роу́кама 4а
лю́бити 91	лю́бити 90	лю́бити 63
Над ы не употребляется (см. 3 —)	ры́боу 4а	– высотѣ 167
	мы́тари 68	мы́таре 23а
	насы́тистесе 169а	помы́слисте 44а
лѣ́стьць 61а	(Над ь не употребляется; см. 7 ^)	лѣ́стць 28
млѣ́нїи 62		сльзы 11а
крѣ́ститисе 10а		крѣ́ститисе 107
вь врѣ́ме 11		вь мирь 19
изредка ´ встречается на конечном гласном		
(редкие примеры)	(чаще, чем в Ев.1552 г. и в Тр. 1566 г.)	(единичные примеры)
ѿматеоеа́ 62а; до скѡнчанїа́ 62а; лѣвоу́ 65; приблѝжишесе́ 156а.	ѿмтьеоеа́ 61а, ѿтрьнїа́ 59; плода́ 9, вь доу́сѣ 66а, бѣ́дны 33а; до жетвы́ 27, хоула́ 26; сапоги́ 21; правы́ вьзвѣ́сти́ 98а.	тебѣ́ 2, мрѣ́твца́ 13а, поло́жоу (й) 17.

2. ` обозначает во всех трех книгах конечное ударение, или просто отмечает конечный гласный

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
твою̀ 14, свою̀ 13а	твою̀ 14	свою̀ 5а, мою̀ 6
тобою̀ 13а	тобою̀ 10а	своею̀ 4а
причтю̀ 30	женоу̀ 46а	водоу̀ 24а
сестры̀ (мн.) 211а	–	вѣ́твы̀ (мн.) 17а
но́щїю̀ 62а	но́щїю̀ 62а	троу́бою̀ 17а
двою̀ (рыбꙋ) 63а	двою̀ (рыбꙋ) 62а	–
трѣбованїѐ 70	трѣ́бованїѐ 69	ры́данїѐ 13
раздѣлисѐ 129а	при́ближисѐ 117	при́ближитсѐ 30
люблю̀ 187	твороу̀ 44а	сѣтвороу̀ 39а, сла́влю̀ 201а
(см. 3 — и 4 =)	обозначает долготу конечного гласного	(см. 4 = и 5 ˋ)
	хримы̀ 33а	
	се́моу̀ 21а	
	нѣмомоу̀ 26а	
иногда	обозначает неконечное ударение	
над ю: (редко)	над ю и оу: (чаще, чем в Ев. 1552 г.)	над оу и др. гласными в закрытом слоге: (единичные примеры)
на блюдѣ 32, лютѣишихъ 28, вьпїющаго 31, ча́ющихъ 167а	кь людемь 147, бѣ́сноуюшимсе 62; дроуть 3, лоука 63, разоума 33, соуботоу 24, хоулєнїа 70, погоубить 23, разлоучити 22а, смоутишесе 31а; коупити 52а, погоубить 82а и т.д.	погро́узивь 142а; щедроть (род.мн.) 18а, ѡбли́чить 140
над о: слова 21, голоубь 7 рождств 17, родить 8, положоу 26а, изволихъ 26а	над а: виногра̀да 45, сьхра̀нити 10, мла̀деньцемь 27	над приставкой низ: низло́жи 211, низло́жиль 211
над е: на сѐлѣ 30, вѐселитесе 12, пѐтровѣ 21, незачѐтсе 27		
над ѣ: оутврѣдише 61а		

3. — обозначает во всех трех книгах заударную долготу

вь таи́нѣ̄ 27, вь стра́нѣ̄ 11а		таи̂нѣ̄ 27, лю́тѣ̄ 134а

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
скрозѣ 69а, посрѣдѣ 78		развѣ 17 и развѣ 27
ризоу 20а, женоу 13а,	волꙗ 38	кожа 25а, вь адѣ 157
правды 12, влъхвы 8а,		растилꙗше 131
сапѡгы 22		
прострѣ 70, изыдохъ 68,	ходи 125.	
изыде 68		
или долготу конечного гласного		
авраамоу 27	варравоу 59	рабынꙗ 54
чл҃чьскы 15	матерꙗ 40, нькы 17	
петровѣ 63, сьавшомоу	цѣлитисе 134, ѿпоустити 33а	
29а, древними 14		
— ставится на окончании в формах повелительного наклонения 2 л.ед.ч.		
сьтвори 117, прослави	сьтвори 116, выпроси 191а,	
183а, ходи 114, 126,	ходи 125	
остави 126, пригласи		
165а, оутврьди 151а,		
оумльчи 67а		
— обозначает предударную долготу		
рыбарѣ 11, рыбарѣ 67	нѣмомоу 26а	
творите 109		
размыслить 88а		
— обозначает ударение		
а) над ы:	(см. 1 ´)	(см. 1 ´)
сын 165, четыри 5, тысоуши 74, езыкы 62а,		
вины 153а, быти 67,		
насытитесе 116, слышавь 153а, рыдаахꙋ		
154а и т.д.		
б) в односложных словах:		
вы 62, мы 166, ты 153,	бѣ 64	(см. 4 = и 5 ˋ)
бѣ 153, три 17, что	(см. 4 =)	
154, вьси 74.		
в) долгое ударение на конце:		
моꙗ 7, твоꙗ 17,	(см. 4 =)	твоꙗ 133а, своꙗ 131,
сїа 27		ничто(же) 74
сатаноу 71 (ср. сатана 71)		

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
повелѣ 74, призва 75а, вьста 156 г) обособленные примеры с долгим ударением в середине слова: крѣпоу 109а прѣжде 162а	(см. 1 ′ и 7 ^)	

4. = обозначает во всех трех книгах ударение в односложных словах

кто 17, что 157, два 5, оѣ 5а гдѣ 8а, тоу 151, та 5а прѣ 151а, вы 150, се 5а, три 5а	кто 16 се 57, здѣ 57, три 4а оѣ 59а, то 59, тоу 58а ничто жели 58	кто 131, что 52а, два 52а, двѣ 55, оѣ 50, гдѣ 158а, тоу 51а зло 55, зрѣ 137 (см. 5 \\ )

= обозначает долготу в окончаниях прилагательных, местоимений, причастий, долготу в глаголе

нищіи 27, чл҃чьскыи 26 искрьнаго 17 многа 153а, ны 9а, моа 27 в имперфекте: искахоу 168, приходахоу 164а, ѿвѣщаваше 153а	нищіи 26 моа 26, мои 17 избрани 47 над ꙋ и и: егꙋптѣ 8а, измꙋрноу 8, тꙋ 26, сиречь 27	страшна 17, жива 47 правѣдномоу 50а, разоумнаго 51, истинно 55; ѡба 53 (см.5 \\ ) сказаемо 52 висима 70а$_2$, питавшаго 50а в аористе и повелит. наклонении: сьтворі 37а, пристоупі 44, сьтворі 46, възвраті 47а, въпросі 47а, прѣзрі 198, прозрѣ 159 (см.5 \\ )

5. \\ ставится во всех трех книгах над конечным ь (в односложных словах; в Род.мн. имен муж. и жен. рода)

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
сѣ 5а, нѣ 5а, тѣ 5а влѣхѡвѣ 17, птицѣ 27	сѣ 4а, нѣ 57, тѣ 56 недоугѣ и рані 47	сѣ 52а, нѣ 53а, тѣ 55 воловѣ 72, ѿ лѣстьцѣ 80, прѣстолѣ 156а, оузѣ 51.
(см.3 — и 4 =)	(см.4 =)	обозначает ударение в односложных словах:
	тѣ 56, 57	тѣ 52а, вѣ 54а, сѣ 54, мѣ 50а, гдѣ 56а, сѣ 51а, тѣ 53, зрѣ 134 (ср.4 =)
		обозначает долготу конечного гласного:
		а) в именах (мн.число на -ы): ѿразы 18а, бѣды 22а, ризы 52а, раны 55а; (Род.ед. на -ы): из глубины 24, ѿ храмины 26.
(см.3 — и 4 =)	(см.3 — и 4 =)	б) в прилагат., причаст. (вариант =): женски 17, горкы 3, сладкымы 158, ѿмочивы 27, нѣки 19, метающе 50, пришьды 56, прѣгибающе 50
		в) в аористе и повелит. наклонении: възми 17, не ѿстави 175, избави 154; съвъстави 160а (ср.4 =)
		г) часто в слове паки 55, паки 53а
	6. ˈ обозначает ударение над о:	
	(постоянно)	(встречается до 85 л.)
	добро 116, народа 30а	тогда 74, горко 56а, оутробою 56а, попрана 57, многи 65
	плодь 117, чтоже 117, его 130, скрозе 130, просещїихъ 143, тело 143, своего 149, ногама 182 и т.д.	
		изредка над а:

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
		правы 136а, вьсакомоу 136а
(см.1 ´)	7. ^ обозначает ударение над ь: мьча 150, вьнь 184, къпїлатоу 60а, лъвоу 27, сьпьрника 143, пришьль 175, вьшьдь 146а, испльнитисе 150, поплъти 175, оумлъчеть 146а, прьвѣе 192, крьстихь 65а ударение над оу, ю: лоука 63, любите 187а, дроуть 25, разоумныхь 25 встречается над безударным и даже незвучащим ь: оустъ 17, въпросшихь 27, ничьсоже 144а, младенъцемь 27, четврьтькъ 144а	(см.1 ´)

Сопоставительная таблица употребления надстрочных значков в Ев. 1552 г., Ев. 1562 г. и Тр. 1566 г. наглядно показывает, что одинаковые по характеру и месту ударение и долготы часто во всех трех книгах обозначаются одним способом. В первую очередь, это относится к значкам ´, ` и ˝ (последний в функциях: 1) обозначение ударения в односложных словах с ь (сь), 2) обозначение долготы конечного ь в Род.мн. (рань)).

Во всех трех системах надстрочных значков основными являются два значка ´ и ` для обозначения неконечного и конечного ударения. Изредка эти значки могут заменять друг друга: ´ употребляется на конечном гласном (редко в Ев. 1552 г., чаще в Ев. 1562 г. и почти не встречается в Тр. 1566 г.); ` обозначает неконечное ударение (в Ев. 1552 г. над ю, о, е (ь), в Ев. 1562 г. над ю, оу а, в Тр. 1566 г. единичные примеры в закрытых слогах и в приставке низ-).Ха-

4 1271

рактерным для всех трех систем является также обозначение в ряде случаев долготы, что, однако, может осуществляться различными графическими средствами, составляющими особенности каждой книги. В Ев. 1552 г. различные по характеру долготы (заударная, предударная и конечная) обозначаются знаком ¯, который в данной системе является третьим основным значком. Кроме того, им обозначается ударение в односложных словах и ударение над ы. Все эти функции в двух других книгах Мардария распределены между другими значками: =, ˶ и ´. Предударная долгота в других книгах не отмечается. Значок = в Ев. 1552 г. обозначает долготу, полученную в результате стяжения, и лишь иногда дублирует ¯ в односложных словах (бы̄ и бы̄) и при обозначении конечной долготы (моѧ̄ и моѧ̄). Особенностью системы надстрочных значков Ев. 1552 г. является довольно строгое разграничение функций между значками, отсутствие избыточных элементов системы. Употребление ¯ для обозначения ударения в односложных словах (вы̄, что̄), ударения над ы, а также обозначение им предударной долготы - отличительные черты системы Ев. 1552 г. Исследователи Белградского Ев. отмечали его сходство (в инициалах и заставках) с валашскими книгами первой половины XVI в.[12], в частности, с Ев. 1512г. Сравнение надстрочных значков Ев. 1552 г. с валашским Ев. 1512 г. (по фотокопиям отдельных листов)[13] не показало полного совпадения набора надстрочных значков, хотя не исключено некоторое влияние этой книги на Мардария. Однако отличительная особенность системы надстрочных значков Ев. 1552 г. - широкие функции ¯ как знака долготы и ударения над ы - не выводится из влашского Ев. 1512 г.[14].

---

12 См.: P.J. Schafarik. Ueber altslawische, namentlich kyrillische Druckereien in den südslawischen und den benachbarten Ländern, Serbien, Bosnien, Herzegowina, Montenegro, Venedig, in der Wolachei und in Siebenbürgen. "Serapeum" IV, 15 novem., № 21. Leipzig, 1843, стр. 329; И.Карataев. Описание словено-русских книг, напечатанных кириллическими буквами. "Сборник ОРЯС", т.XXXIV, № 2.

13 Ioan Bianu - Nerva Hodoş. Bibliografia românéscă vechi, t. I. 1508-1716. Bucuresci, 1903, стр. 9-21.

14 В Ев. 1512 г. употребляются следующие значки: ´ - над любым неконечным гласным, в том числе над ы (живо́ть, лоу́ка, оусръ́дно, на ѧ́зыцѣ, ры́барѣ); ˋ - на конце слова (прѣстꙋпи̇, сѐ, ꙗ̄кожѐ, въ вькы̇, онѐ); ˈ - над о обычно в виде очень короткой черточки, почти точки (оу́гото́..., ро́дства, ро́ди), в Ев. 1552 г. этого значка нет; ˶ - над односложными словами (се̋, сѣ̋, здѐ̋), в Ев. 1552 г. функции этого значка иные; = обозначает конечную долготу (а́враамлѧ̄); ¯ - укороченная черточка, обозначает долгое ударение (а́враамь).

Отмеченная Д.Медаковичем близость (графическая) Ев. 1552 г. с Цетиньским Октоихом 1494 г. и Псалтырью 1521 г. из Горажда[15] также не прослеживается в надстрочных значках.

Следует сказать, что для определения протографов, влияние которых в наборе или употреблении надстрочных значков прослеживается в каждой книге Мардария, было проведено сравнение Ев. 1552 г., Ев. 1562 г. и Тр. 1566 г. со старопечатными сербскими книгами (фотокопии отдельных листов этих книг даны в упоминавшейся монографии Медаковича; кроме того имеется описание надстрочных значков трех старопечатных книг XVI в. - двух сербских, одной болгарской, сделанное Ст.Новаковичем[16]) и сербскими рукописями XII-XIV вв., несколько десятков которых описаны О.Неделькович[17]. Особенность Ев. 1552 г., состоящую в употреблении значка ¯, не удалось проследить ни в одном из упомянутых текстов.

Система надстрочных значков Ев. 1562 г. самая громоздкая и неэкономная из трех рассматриваемых систем, что следует объяснять наличием двух образцов, с которых набиралось это Ев. В отличие от Ев. 1552 г., в котором немало слов без надстрочных значков, оно сплошь акцентовано. Нередко над словом стоит два знака ударения, что является отражением двух образцов или колебаний в ударении самого Мардария: двоѝ 62а, оучениѝкомь 61, вь гороѝу 61а, камѝнь 61 и т.д. В Ев. 1562 г. менее четко разграничены функции надстрочных значков (т.е. в Ев. 1552 г. более последовательное употребление одинаковых значков): ѡ҃рлоу 65_2 (Ев. 1552 г.) - ѡ҃рлоу 64, ѡ҃рлоу 64 (Ев.1562 г.); лоу҃ка 63_2а, 64_5 (Ев. 1552 г.) - лоу҃ка 62_2а, 63, лоу҃ка 63_2, лоу҃ка 63 (Ев. 1562 г.); вь҃ врѣме 66а, 67 и т.д. (Ев. 1552 г.) - вь врѣме 65а, вь҃ врѣме 66а, вь҃ врѣме 67 (Ев. 1562 г.). Очевидно, обозначение долгот в Ев. 1562 г. уже нерелевантно. Хотя значки ¯ и = употребляются в этой книге, но спорадически. Функции значка ¯ заметно сузились: из 9 значений, которые он имел в Ев. 1552 г., осталось только три. Значок = не употребляется над стяженными гласными (имперфект). Из второго протографа в систему Ев. 1562 г. введено два новых значка ' - над о и ^ над ударным ь҃ и редко оу҃. Эти значки не выделяют в системе какие-то новые объекты, а лишь обозначают ударение определенных букв и потому являются в системе избыточными элементами, как и знак = над γ.

---

15 Д.М е д а к о в и ћ. Графика..., стр.164.

16 Ст.Н о в а к о в и ћ. Акценти штампаних српско-словенских книга црногорских и млетачких."Гласник Српског ученог друштва", књ. 44. Београд, 1877, стр.13,62; О н ж е. Акценти Трговишког јеванђеља од 1512 г. "Гласник Српског ученог друштва",књ. 47.Београд,1879, стр.5.

17 Ольга Н е д е л ь к о в и ч. Знаки ударений..., стр.106-134.

Исследователи графики Ев. 1562 г. отмечают влияние на него старых рукописных текстов[18]. Что касается надстрочных значков, то характерный для Ев. 1562 г. знак ' над о в виде строго вертикальной черты встречается в Румынском Ев. 1612 г. (см. сноску 11) и в черногорских книгах[19]. Постоянное и абсолютное употребление ^ над ударным ь в любой позиции, какое наблюдается в Ев. 1562 г., не нашло параллели ни в каком другом тексте.

В Тр. 1566 г., кроме основных значков ударения ′ и ˋ, употребляются все значки, унаследованные из предыдущих книг Мардария: ¯ и = а также ', попавший сюда из матриц Ев. 1562 г. и встречающийся на первых 85 листах Тр. 1566 г. Отличительной особенностью системы надстрочных значков Тр. является употребление значка ", который, кроме двух очень старых функций (в них он выступает во всех книгах Мардария)[20], употребляется здесь как знак долготы. В большинстве случаев " выделяет в системе те же долготы, что и значки ¯ и = в Ев. 1552 г. и Ев 1562 г. (см. стр.48). Однако есть два случая особого употребления " 1) при обозначении ударения в односложных словах (ты̏, гдѐ) и 2) при обозначении долготы конечного гласного в именах (мн. ч. ѡ̏бразы̏, Род. ед. ѡ̏ храмины̏). Расширение функций значка " наблюдается в печатных книгах 1519 г. (Псалтырь Божидара Вуковича – как знак долготы на окончании прилагательных, причастий), 1544 г. (Милешевская Псалтырь – как знак долготы в прилагательных безмерна̏, в именах слоужо̏, над односложными словами сы̏, здѣ̏), и в рукописях XIV в. Цетиньского ареала[21].

Для более наглядного сопоставления систем надстрочных значков трех книг Мардария предлагается следующее схематическое изображение этих систем, где основные элементы системы выделены жирным шрифтом, избыточные элементы тонким шрифтом. (см. стр.53).

Во всех трех системах релевантно противопоставление неконечного и конечного ударения и обозначение в некоторых случаях долготы (кроме Ев. 1562 г., где это затерто влиянием протографа).

Таким образом, анализ набора и систем надстрочных значков трех книг Мардария показал следующее.

---

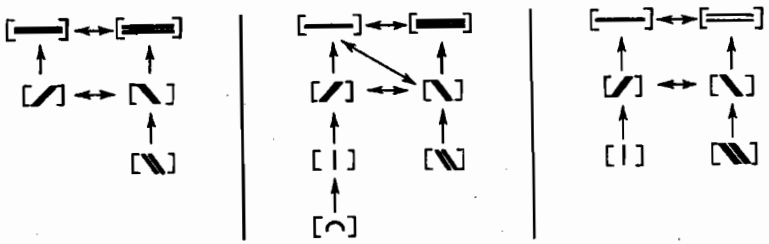
18 Д. Медаковић. Графика..., стр.166.

19 Ст. Новаковић. Акценти штампаних српско-словенских книга црногорских и млетачких, стр.62 (Псалтырь 1495 г. из Черногории).

20 Ольга Неделькович (Знаки ударений..., стр.107) отмечает " над односложными словами типа сѣ̏ и в Род.мн. (а̏гглѣ̏) в памятнике X в.

21 Д. Медаковић. Графика... Таблицы XXX–XXXII.

Ев. 1552 г. Ев. 1562 г. Тр. 1566 г.



1. Мардарий не пользуется каким-то одним набором надстрочных значков, который бы отличал набранные им тексты. Другими словами, по набору надстрочных значков, используемых в старопечатном тексте, нельзя непосредственно установить искомого печатника.

2. Однако анализ системы и функций надстрочных значков позволяет вскрыть под различным набором значков одинаковые системы обозначения ударения и долгот. Это проявляется в том, что в каждой из систем релевантны и выделяются одни и те же объекты: кроме одинакового употребления во всех трех книгах значков ′, ˋ и ˝ (в односложных словах и в Род.мн.), во всех книгах Мардария отмечается долгота в прилагательных (в Ев. 1552 г. и 1562 г. ¯ и ⸗, в Тр. 1566 г. ˝), конечная гласная в повелительном наклонении и аористе (в Ев. 1552 г. и 1562 г. ¯, в Тр. ⸗ и ˝), односложные слова (в Ев. 1552 г. и 1562 г. ¯ и ⸗, в Тр. 1566 г. ⸗ и ˝) и т.д.

3. На набор и систему надстрочных значков оказывал влияние протограф. Это влияние выражается, во-первых, в появлении новых значков, используемых только в одной книге (как ˈ и ˆ в Ев. 1562 г.) и, во-вторых, в использовании уже известных печатнику значков в новых функциях, не встречающихся в других книгах (употребление ˋ как знака ударения над оу и ю в Ев. 1552 г., употребление ′ для обозначения предударной долготы, ударения над ы, ударения в односложных словах, долгого ударения на конце в Ев. 1552 г.; употребление ˝ для обозначения ударения в односложных словах и конечной долготы в Тр. 1566 г.; употребление ′ на конечных слогах в Ев. 1562 г.).

§ 5. Анализ систем надстрочных значков позволяет предположить, что в книгах Мардария, несмотря на влияние протографов, отражена единая акцентная система, система самого печатника (см. выше – § 1, случай 1б). Анализ акцентной системы текстов Мардария проводился на примере глаголов на -iti, -itъ в формах презенса, инфинитива, аориста. Поскольку история акцентной системы i-глаголов в штокавском рассматривалась автором этих строк, в предшествующих исследованиях[22], они и послужили основой для настоящего анализа. Особенности просодических систем трех книг Мардария описываются в рамках праславянских противопоставлений трех акцентуационных парадигм (далее сокращенно а.п.). Все встретившиеся в текстах Мардария i-глаголы распределяются по исконным (т.е. праславянским) а.п., установленным в предшествующих указанных исследованиях. Отличительные особенности i-глаголов исконных a, b, c а.п. в просодической системе печатника (штокавская система середины XVI в.) показаны в сопоставлении с особенностями тех же глаголов в современном сербохорватском литературном языке (современная штокавская система), где указанные а. типы i-глаголов не совпадают с праславянскими. Чтобы обеспечить адекватность сопоставительного анализа, современные акцентные типы рассматриваются в плане исконости а.п. глаголов, составляющих каждый акцентный тип. Следует отметить, что в развитии штокавской просодической системы i-глаголов действовала тенденция перераспределения акцентных типов по признаку долгота-краткость корневого гласного у глаголов исконных b и c а.п., в результате чего в современной штокавской системе долготные глаголы исконных b и c а.п. составляют один акцентный тип (далее сокращенно – а.тип), краткосложные глаголы b и c а.п. объединены в другой а.тип.[23].

---

[22] Р.В. Булатова. Отыменные глаголы с основой на -i- в грамматическом строе сербохорватского языка (акцентное распределение). Рукопись. Она же. Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения (анализ глагольной системы). Рукопись.

[23] См. подробнее об этом в указанных выше работах (сноска 22).

П Р Е З Е Н С

(Распределение по исконным а.п.)

Глаголы исконной а а.п.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
ѝс-пльнитсе	ѝс-пльнитсе 1р. — ѝс-пльнитсе 1р.	ѝс-пльнитсе, ѝс-пльнетсѐ
сла́влюсе; про-сла́влю, про-сла́вит (се) 6р. — про́-славит 1р., про-сла́веть	славлю́се; прославлю, про-сла́вит (се) 6р. — про́-сла́вит 1 р.	сла́влю 4р. — славлю 1р. и сла́влю 3р., сла́вить, сла́вимь и сла́вимѡ сла́веть; про-сла́влюсе 1р.— про́-славлю́се 1р. — про́-сла́влю 1р., про-сла́вить (се) 3р. — про-сла́вит се 3р. и про́-сла́вить (се) 4р., про-сла́ви, про́-славеть 1р. и про́-сла́веть 2р.
о́-чи́стетсе	о́-чи́стетсе	ѡ́-чи́стѹ, ѡ́-чи́ститсе, о́-чи́стимь, о́-чи́стите

Глаголы исконной ь а.п.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
д о л г о с л о ж н ы е		
въз-вра́щѹсе 2 р. — вьз-вра́щѹ(се) 2 р., въз-вра́титсе 4 р. — въз-вра́титсе 1 р.	въз-вра́щѹсе, въз-вра́титсе	въз-вра́тиши
люблю́ 1 р. — лю́блю 2 р., лю́биши, лю́бить (лю̀бить), лю́бите (лю̀бите), лю́беть;	люблю́ 1 р. — лю́блю 2 р. и люблю́ 1 р., лю́биши, лю́бить (лю́бит), лю́бите (лю̀бите, лю̂бите), лю́беть;	лю́бит', лю́битѐ
въз-лю́блю̀, въз-лю́биши (въз-лю̀биши), въз-лю́бить	въз-лю́блю̀, въз-лю́биши (въз-лю̀биши) — въз-люби́ши, въз-лю́бить (въз-лю̀бить)	въз-лю́блю 1 р. - въз-лю́блю 1 р., въз-лю́бить
к р а т к о с л о ж н ы е		
мо́лю — мо́лю̀, мо́литсе	молю́(ти)се 1 р. —	семо́лимь

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
по-молюсе; оу-молю творꙋ, твориши — творишиши, творить, творите, твореть	молю 2 р., молитсе по-молюсе; оу-молю твороу 1 р. — твороу 2 р. и твороу, твориши 4 р. — твориши 3 р., творить 5 р. — творить 2 р., творите, твореть 3 р. — творетъ 1 р. и творетъ, творита	по-молимсе творꙋ, твориши 2 р. — твориши 1 р., творить 9 р. — творить 1 р., твори 3 р., творитè, твореть 2 р. — творетъ 1 р.
сь-твороу, сь-твориши — сь-твориши, сьтворить 3 р. — сьтворить 1 р., сь-творимь 3 р. — сь-творимь 1 р., сь-творите 1 р. — сь-творите 1 р., сь-твореть (?)	сь-твороу 1 р. — сьтвороу 1 р., сь-творить 3 р. — сь-творить 1 р., сь-творимь 3 р. — сь-творимь 2 р. — сь-творимь, сь-творите	сь-твороу 8 р. — сьтвороу 1 р. и сь-твороу 1 р., сь-твориши, сьтворить 4 р. — сь-творить 1 р., сь-творимь, сь-творите 1 р. и сьтворитè 1 р., сь-твореть

Глаголы исконной с а.п.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
	д о л г о с л о ж н ы е	
въз-гласить 4 р. — въз-гласить 1 р.	въз-гласить	въз-гласить 1 р. — възгласить 1 р.
по-гоубить (по-гоубить) мн. — по-гоубить 2 р., по-гоубеть	по-гоубить (по-гоубить, по-гоубить) мн. — по-гоубить 1 р. и по-гоубытъ (по-гꙋбитъ) — по-гоубить 1 р., по-гоубеть	по-гоубиши, по-гоубить, по-гоубеть
ꙗвлюсе, ꙗвитсе, ꙗветсе	ꙗвлюсе, ꙗвить (се) 2 р. — ꙗвитсе 1 р., ꙗветсе	ꙗвлюсè, ꙗвишисе, ꙗвитсе и ꙗвитсè
	к р а т к о с л о ж н ы е	
по-клониши(ми)се 1 р. — по-клонишисе 2 р., по-клонитсе, по-клонетсе	по-клонишисе 1 р. — по-клонишисе 2 р., по-клонетсе	по-клонимсе 8 р. и по-клонимсè 1 р., по-клонетсе 3 р. — по-клонетсе 1 р.
родиши, родит(се) 2 р.	родиши, родит(се) 2 р.	веселитсе 2 р. — весе-

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
-роди́тсе I р.	-роди́тсе I р.	литсе 2 р., веселимсе 2 р., веселѣ́тсе I р. — весе́летсе I р. лѣ́ститесе 3 р. - лѣ́ститесе I р.
прѣ-лѣ́стить, прѣ-льстѣ́ть	прѣ-лѣ̂стить, прѣ́-лѣ̂стѣть	

Акцентная система глаголов на *-i-* в презенсе отличается особенностями, которые прослеживаются во всех трех книгах Мардария[24]. У глаголов исконной а а.п. наряду с баритонированными формами наблюдаются формы с ударением, перенесенным на приставку (начало штокавской ретракции). В Ев. 1552 г. достоверным подтверждением этого явления служит только пример про́сла́вит I р. с двумя значками ударения – на приставке и на корне (ср. прославит(се) 6 р.), возможно, сюда же относятся о́уготоветь, о́ставить 3 р. (ср. ѡ́ста́вить 2 р.), ѡ́ставетсе[25]. В Ев. 1562 г. кроме про́сла́вит I р. - также с двумя, значками ударения - на приставке и на корне (ср. прославит(се) 6 р.) находим ра́змыслить (ср. Ев. 1552 г. ра̄змы̄слить там же) и глаголы с приставкой на гласный: о́уготоветь, о́ударить, о̄ставить 2 р. (ср. о́ста́вить 2 р. и ѡ̄ста́витсе I р.). В Тр. 1566 г. формы про́славитсе 3 р., про́славет I р. - только с ударением на приставке свидетельствуют о

---

24 Современная штокавская просодическая система *i*-глаголов в презенсе имеет следующие акцентные типы: (бесприставочные) I. сла̏вӣм, II. лу̑бӣм и гла̑сӣм, III. кр̀стӣм, ло̀вӣм [< ловӣм]; (приставочные) I. про̀славӣм [< прослава̀вӣм], II. по̀лу̑бӣм [< полу̑бӣм] и за̀гла̑сӣм [< загла̀сӣм], III. прекр̀стӣм [< прекрстӣм] и прело̀мӣм [< преломӣм].

Если иметь в виду только движение иктуса, не учитывая интонационных различий (а системы надстрочных значков в древнесербских текстах обозначали лишь место ударения и в известных случаях долготу гласного, не отражая мелодики сербской акцентуации), то праштокавская система (до штокавской ретракции) *i*-глаголов в презенсе предстанет в виде следующих акцентных типов: (бесприставочные) I. сла́вӣм, лу́бӣм, II. ловӣм; (приставочные) I. прославӣм, полу́бӣм; II. преломӣм.

25 Глаголы с приставкой на гласную (о́у-готоветь, о̄-ставить и др.) не могут иметь определяющего значения в вопросе о перенесении ударения на приставку (см. сноску II).

том, что этот перенос уже был закреплен в языке печатника (ср. прославить(се) 3 р. и еще прославить(се) 3 р.; прославеть 2 р.); здесь же встретились примеры прѣставимь, избавить 3 р. (ср. избавить 1 р.).

В 1 л.ед.ч. у двух глаголов исконной а а.п. во всех трех книгах иногда помечается окончание (знаком ` или ´).Ев. 1552 г. прославлю и ѡставлю; Ев. 1562 г. славлюсе, прославлю, ѡставлю; Тр. 1566 г. славлю 1 р. и славлю 3 р. (ср. славлю 4 р.); ѡставлю 1 р. и ѡставлю 1 р., прославлюсе 1 р. и прославлю 1 р. (ср. прославлюсе 1 р.). Если таким образом отмечается долгота конечного гласного, неясно, почему это делается только у двух глаголов. Может быть, эти примеры следует объяснять влиянием ь а.п., где сохранились исконные формы с ударением на конце в 1 л.ед.ч. и перенос ударения на приставку был здесь обычным явлением (см.дальше). Поскольку среди глаголов а а.п. именно эти два глагола были в числе первых, втянутых в процесс штокавской перетяжки, то, возможно, поэтому они в сознании печатника связывались с глаголами ь а.п.

В нескольких примерах с глаголами исконной а а.п. имеется знак ударения на послекорневом слоге, часто наряду с основным ударением на корне. Ев. 1552 г.: оударить, наситетсе; Ев. 1562 г.: исплнитсе, вкоусить; Тр. 1566 г.: възвеличитсе. Очевидно, у печатника а.п. этих глаголов была неустойчивой.

Глаголы исконной ь а.п. довольно хорошо сохранили конечное ударение в 1 л.ед.ч. Ев. 1552 г.: изгонѭ 1 р. (ср. изгонѭ 1 р.), коуплю, люблю 1 р. (ср. люблю 2 р.), възлюблю; молю 1 р. (ср. молю 1 р.), помолю-се, оумолю; прихождоу 1 р. (ср. прихождоу 2 р., прихождоу 2 р., прихождоу 1 р.); Ев. 1562 г.: изго|нѭ; коуплю; люблю 1 р., люблю 1 р. (ср. люблю 2 р.), възлюблю; молю(ти)се, молю, оумолю; твороу 2 р. и твороу 1 р. (ср. твороу 1 р.), сьтвороу 1 р. (ср. сьтво|рѫ 1 р.); Тр. 1566 г.: положоу 2 р. (ср. положоу 3 р.); възлюблю; послѫжоу; сьтвороу 1 р. и сьтвороу 1 р. (ср. сьтвороу 8 р.); въсхвалю.

Перенос ударения на приставку в исконной ь а.п. наблюдается в основном у краткосложных глаголов: Ев. 1552 г.: помолю|се; сьтво-ри|мь 1 р. (ср. сьтворимь 3 р.); прихождоу 2 р. и прихождоу 1 р. (ср. прихождоу 2 р.); приходить 1 р. и приходить 4 р. (ср. приходить 6 р.); сюда же, может быть, относятся извождѫ изго|неть и изгонеть; ѡбложеть, оумрьтветь; износить 1 р. (ср. износить 2 р., и износить 1 р.); один долгосложный глагол възвращѫ(се) 2 р. (ср. възвращѫсе 2 р.); Ев. 1562 г.: приложитсе, приложетсе 1 р. (ср. приложетсе 1 р.); приноси|ть; сьтворимь 1 р. (ср. сьтворимь 3 р. и сьтворимь 2 р.), прѣходить; вероятно, также извождѫ; изгонить, изгонеть и изго|неть; оумрьтветь; и долгосложные прекратетсе; прилоучит-

(же)се; ра́злоучет; вѣзлю́биши 1 р. (ср. вѣзлю̀биши 1 р. и вѣзлю́биши 1 р.); посло̂ужить 1 р. (ср. послоу́жить 1 р. и послоу̀жить 1 р.), а также ѿщететь; Тр. 1566 г.: приво|дитсе 1 р. (ср. приво́дит|се 1 р.); вѣло́жимь, прѣ́ложиши, прѣ́ложи́ть 1 р. (ср. прѣ́ло̀житсе 1 р.); прѣ́вѣзносѝ, прѣ́вѣзносѝ 3 р.(ср.прѣ́вѣзносѝ 1 р.),прѣ́вѣзносите; за́творетсе, сѣ́твороу̀ 1 р. и сѣ́твороу̀ 1 р.(ср.ство́роу 8 р.),сѣ́тво́рить 1 р.(ср. сѣтво́рить 4 р.),сѣ́твореть,но и у долгосложных: при́ближитсе 2 р.(ср. приближитсе 1 р.); при́лоучитсе; при́стѫпитѐ; по́хвалитсе,возможно, также оу́давѝ, оу́празнить 1 р. (ср. оу́пра́зднить 1 р.).

У глаголов исконной ѣ а.п. встречаются также формы с ударением на -*і*- (или -*е*- в 3 л. мн.ч.), в подавляющем большинстве это глаголы с краткостным корнем, которые имели тенденцию объединяться в один акцентный тип с краткосложными глаголами исконной *с* а.п. Ев. 1552 г.: дьждить; и҆зносить; тво|ри̂ши 1 р. (ср. тво́риши 1 р.), сѣтвори́ши 1 р. (ср. сѣтво́риши 1 р.), сѣтвори́ть 3 р. (ср. сѣтво́рить 1 р.); сѣтворите 1 р. (ср. сѣтво́рите 1 р.); вьхо́дить, а также глаголы с долготным корнем - сѣбла́знить 1 р. (ср. сѣбла́знитсе 2 р.); послоу́жи|ши 1 р. (ср. послоу́жиши 2 р.); ѿсоудить 1 р. (ср.ѿсо́удить 1 р.); Ев. 1562 г.: женетсе; носи́ть, и҆зносить 1 р. (ср. и҆зно́сить 1 р.); попро́сиши; твори́ши 3 р. (ср. тво́риши 4 р.), твори́ть 2 р. (ср. тво́рить 5 р.), творе́ть 1 р. и тво́ре́ть 1 р. (ср. тво́реть 3 р.), твори́та 1 р., сѣтвори́ть 1 р. (ср. сѣтво́рить 3 р.), сѣтвори́мь 2 р. (ср. сѣтво́римь 3 р. и сѣ́тво́римь 1 р.); хо|дить, вьхо́дить, и долгосложные глаголы: бла́знить, сѣблазни́ть 1 р. и сѣбла́знить 2 р. (ср. сѣбла́знитсе 1 р.); вьзлю́биши; хра́нить 1 р. (ср. хра́нить 1 р.); Тр. 1566 г.: поло́жиши, прѣ́ло|жить; носи́ть 1 р. (ср. но́сить 1 р.); по̂|стрит; проси́ть 3 р. (ср. про́сить 1 р.); твори́ши 1 р. (ср. тво́риши 2 р.), твори́ть 1 р. (ср. тво́рить 9 р.), тво́ре́ть 1 р. (ср. тво́реть 2 р.); точи́ть 1 р. (ср. то́читсе 1 р.), точи́ть и долгосложные глаголы: блазни́тесе 1 р. (ср. бла́знитесе 2 р.); ѿли́чить 1 р. (ср. ѿли́чить 1 р.). Заметим, что почти у всех встретившихся долгосложных глаголов ударение на -*і*- стоит наряду с накоренным; ѿсоудить из Ев. 1552 г. может быть глаголом *с* а.п.; допустимо также колебание в а.п. и у глагола (сь)бла́зни́ть, который встретился во всех трех книгах.

Характерная особенность глаголов исконной *с* а.п. — ударение на -*і*- (или -*е*- в 3 л. мн.ч.) наблюдается главным образом у краткосложных глаголов (ср. краткосложные глаголы ѣ а.п.). Ев. 1552 г.: вьзвесели́тсе; поклони́ши(ми)се 1 р. (ср. покло́нишисе 2 р.), поклони́тсе; прѣльстѣть; ѹподоби́тсе; напои́ть; ѿсоли́тсе 2 р. (ср. о́со́литсе 2 р.), роди́тсе 1 р. (ср. ро́дит(се) 2 р.); оу́строи́ть 1 р. (ср. оу̂строи́ть 1 р.); сѣвти́тсе; долгосложные глаголы: погоу́би́ть 2 р. (ср. погоу́бить 10 р.); диви́тесе. Ев. 1562 г.: вьзвесели́тсе; достои́ть

2 р. и до́стои́ть 3 р. (ср. досто́ить 2 р. и до́стоит(ли) 2 р.); поклони́шисе 2 р. (ср. покло́нишисе 1 р.); сподоби́тесе; ѹ́подоби́мь, пои́т; роди́тсе 1 р. (ср. ро́дит(се) 2 р.); ѿсо́ли́тсе 1 р. (ср. ѿсо́лит-се 3 р.); сьвти́тсе; ѹ́чи́ши 1 р. (ср. ѹ́чиши 1 р.); долгосложные глаголы: погоуби́ть 1 р. и погоубы́тѣ 1 р. (ср. погоу́бить 10 раз); ꙗ́ви́ть 2 р.; ѹ́стоуди́ть; Тр. 1566 г.: весели́тсе 2 р. (ср. весе́литсе 2 р.); весели́мсе, весельтсе 1 р. (ср. весе́летсе 1 р.); до́йши; до́стоѩ́ть 1 р. (ср. до́стоѩ 1 р.); льсти́тесе 1 р. (ср. льститесе 3 р.); по́клоне́тсе 1 р. (ср. покло́нетсе 3 р.); пойте, вьспойте, ѹ́упойть; роди́ть, сла́вословы́мь; сьвти́тсе; долгосложные глаголы: вьзгласи́ть 1 р. (ср. вьзгласить 1 р.); погоуби́|ши; ꙗ́ви́шисе, ꙗ́ви́тсе и ꙗ́витсѐ; кади́ть; про́свѣти́ть; ѩ́следи́ть; постиди́мсе; ѩ́стайть; ѹ́чи́ть.

Перенос ударения на приставку у глаголов с а.п. наблюдается не так часто, больше примеров на это явление в Тр. 1566 г. Ев. 1552 г.: вьзгла́сить 1 р. (ср. вьзгла́сить 4 р.), глаголы с приставкой на гласный ѻ́живеть, ѩ́сцѣлить 1 р. (ср. ѩ́сцѣ́лить 1 р.); краткосложные глаголы с приставкой на гласный: ѻ́бльстеть; ѹ́подобимь; ѹ́толимь. Ев. 1562 г.: ра́здрѣ́шите; по́гоубить 1 р. (ср. погоу́бить 8 р. и погоу́бить 2 р., погоу́бить 1 р.), а также погоуби́ть 1 р. и погоубы́тѣ 1 р.; краткосложный глагол прѣ́лѣ́стѣть. Тр. 1566 г.: вьзгласить и вьзгласи́ть; про́свѣти́ть; по́срамимсе; глаголы с приставкой на гласный: ѹ́диветсе 1 р. (ср. ѹ́диветсе 2 р.); ѿживить 1 р.; краткосложные глаголы: по́клоне́тсе 1 р. (ср. покло́нетсе 3 р.); по́шедѹ и с гласной приставкой; ѿбновиши 1 р. (ср. ѿбно́виши 1 р.); ѹ́толитсе. Один долгосложный глагол исконной с а.п. ꙗ́влюсе встретился по разу в обоих Ев. с отмеченным конечным гласным в 1 л. ед.ч.

Итак, глаголы на -*i*- в презенсе во всех трех книгах Мардария имеют одинаковую акцентную систему, в которой намечается в общем пять акцентных типов. В I а.тип входят глаголы исконной а а.п., имеющие в основном формы с баритонезой и отдельные формы с ударением на приставке (штокавская ретракция). Причем, в Тр. 1566 г., которую отделяет от первой книги Мардария 12 лет, этот перенос зафиксирован бо́льшим количеством примеров и, главное, ударение на приставке здесь уже выступает как самостоятельное, а не паралельное с накоренным, как в Ев. 1552 г.

У глаголов праславянской ь а.п. при сохранении в 1 л. ед.ч. форм с исконным наконечным ударением (причем, в Тр. 1566 г. число таких примеров меньше, чем в Ев. 1552 г.) у основ с долготным и краткостным корнем намечается противопоставление этих основ в остальных лицах и числах: долгосложные глаголы имеют накоренное ударение, краткосложные — ударение на -*i*- (соответственно II и III а.типы). Возможно, противопоставление долготных и краткостных корней намечается и у глаголов исконной с а.п.: у долгосложных глаголов

формы с ударением на *-i-* уступают место формам с накоренным ударением, у этих же основ больше примеров с ударением на приставке; краткосложные глаголы сохраняют ударение на *-i-* (соответственно IV и V а.типы).

ИНФИНИТИВ

Особенности акцентной системы инфинитива соответствуют отмеченным особенностям в презенсе[26].

Глаголы (бесприставочные и приставочные) исконной а а.п. имеют накоренное ударение. В Ев. 1552 г. два примера с приставкой на гласный ѝзбавити и оу́тешити не могут служить достоверным свидетельством переноса ударения на приставку у глаголов а а.п. В Ев. 1562 г. наряду с подавляющим большинством глаголов, имеющими ударение на корне, есть примеры с ударением на *-i-*: ѝзбави́ти и ѡ́правди́ты. Это явление, может быть, следует обяснять влиянием ь а.п. (см. о глаголах ь а.п. дальше), как в презенсе влияние ь а.п. видим в формах славлю́се, прославлю̀. В этой же книге находим один пример с приставкой на гласный о́чи́тити (описка), который не может быть определяющим для утверждения о переносе ударения на приставку у а глаголов. В Тр. 1566 г. уже имеются явные доказательства переноса ударения на приставку: пре́ставити, про́сла́вити (но глаголы с приставками на гласный — в Ев. 1552 г. ѝзба́вити и оу́тѣ́шитисе — здесь имеют накоренное ударение).

Глаголы исконной ь а.п.: В Ев. 1552 г. возможно, противопоставлены глаголы долгосложные с накоренным ударением, которое чередуется с ударением на *-i-*, глаголам краткосложным с ударением на *-i-*, которое чередуется с накоренным ударением. У краткосложных глаголов наблюдается также перенос ударения на приставку. В Ев. 1562 г. все долгосложные глаголы имеют ударение на корне, у краткосложных же формы с ударением на *-i-* употребляются паралельно с формами с накоренным ударением, к тому же случаев с ударением на приставке среди краткосложных глаголов здесь значительно больше, чем в Ев. 1552 г. В Тр. 1566 г. накоренное ударение у глаголов с долгим и

---

[26] Современная штокавская просодическая система *i*-глаголов в инфинитиве имеет следующие акцентные типы: (бесприставочные) I. сла̏вити, II. лу́бити [< лубѝти] и гла́сити [< гласѝти], III. кр̀стити [< крстѝти] и ло̀вити [< ловѝти]; (приставочные) I. про̀славити [< прослáвити], II. полу́бити [< полубѝти], уло̀вити [< уловѝти]. Праштокавская система: (бесприставочные) I. славити, II. лубѝти, ловѝти; (приставочные) I. прослáвити, II. полубѝти, уловѝти.

кратким корнем изредка нарушено примерами с ударением на *-i-*, которые обычно встречаются у краткосложных глаголов (из 5 глаголов с ударением на *-i-* только один долгосложный). Параллельные примеры из всех трех книг дадут наглядное представление об общих чертах и о различиях в акцентных типах глаголов исконной ь а.п. в книгах Мардария.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
Долгосложные		
оу́бьли́ти	оу́бьлити	похва́лити
вьзвра́титисе 2 р. — вьзвра́титисе 1 р.	вьзвра́титисе	вьзвра́титисе
лю́бити 2 р. — лю́би́ти 1 р.	лю́бити 2 р. — лю́би́ти 1 р.	лю́бити
Краткосложные		
крьсти́ти 1 р. — кры́ститисе 1 р.	кры́ститисе 1 р. — крьсти́ти 1 р.	кры́ститисе
положи́ти 1 р. — поло́жити 1 р.	поло́жити	поло́жити
при́ложи́ти 1 р.	при́ложи́ти 1 р. — при́ложи́ти 1 р.	
моли́тисе	моли́тисе 1 р. — мо́ли́тисе́ 1 р.	
но́сити	но́сити	носи́ти 1 р. — но́сити 1 р.
прино́сити	при́носити	прино́сити
про́сити	про́сити 1 р. — про́си́ти 1 р.	про́сити
твори́ти 4 р. — тво́рити 7 р.	тво́рити 9 р. — твори́ти 1 р.	тво́рити 7 р. — твори́ти 1 р.
ходи́ти	хо́дити 1 р. — хо́ди́ти 1 р.	хо́дити

Глаголы исконной с а.п.: В Ев. 1552 г. долгосложные глаголы имеют два ряда форм — с ударением на *-i-* (9 глаголов) и с накоренным ударением 8 глаголов, краткосложные глаголы — с ударением на *-i-*[27]. Нет примеров с ударением на приставке. В Ев. 1562 г. увеличивается число форм с накоренным ударением у долгосложных глаголов

[27] У глагола родити а.п. колеблется.

(11 глаголов с накоренным ударением и 8 глаголов с ударением на *-i-*). Краткосложные глаголы тоже имеют в основном ударение на корне (7 глаголов против 3-х с ударением на *-i-*, не считая форм с двумя акцентами). Кроме того, есть 2-3 формы с переносом ударения на приставку. В Тр. 1566 г. в основном глаголы с накоренным ударением, имеющие иногда долгосложные параллельные формы с ударением на *-i-* (глаголы, корень которых оканчивается на гласный, всегда имеют ударение на *-i-*).

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
Долгосложные		
възвѣ|сти́ти	възвѣ́стити	възвѣ́стити
погоуби́ти 4 р. — погоу́бити 1 р.	погоу́бити 3 р. — погоуби́ти 2 р.	погоу́бити
диви́тисе	диви́тисе	ди́витисе 4 р. — диви́тисе 1 р.
просвѣти́ти	просвѣтити	просвѣтити
и́сцѣли́ти(се)	и́сцѣ́литисе 3 р. — и́сцѣ́литисе 1 р.	и́сцѣ́лити
Краткосложные		
въсклони́тисе	въскло́нитисе	поклонитисе
оу́лови́ти	оу́ло́вити	оу́ло́вити
роди́ти(се) 3 р. — ро́ди́тисе 2 р. — ро́дити́се 1 р.	роди́ти(се) 2 р. — ро́ди́тисе 2 р. — родити́се 1 р.	ро́дити

Как и в презенсе, в акцентной системе инфинитива намечаются те же по составу пять акцентных типов: I а.тип (глаголы исконной а а.п.) характеризуется накоренным ударением, со следами начала штокавской ретракции в приставочных образованиях (особенно явной в Тр. 1566 г.). На II и III а. типы разделены глаголы исконной ь а.п.: II-долгосложные с параллельными формами с ударением на приставке/ на корне; III - краткосложные с паралельными формами с ударением на приставке/ на *-i-* / на корне. У глаголов исконной с а.п. также противопоставлены долгосложные глаголы (V а.тип с параллельными формами с ударением на корне (преобладают) /на *-i-*) и краткосложные (VI а.тип с параллельными формами с ударением на *-i-* (преобладают)/на корне).

Основные различия в системах инфинитива в трех книгах связаны с процессом штокавской ретракции, которая, очевидно, шла быстрыми

темпами и приводила к установлению накоренного ударения в глаголах ь и с а.п. (ср. оубьлити Ев. 1552 г. — оубьлити Ев. 1562 г.; вьзвьстити Ев. 1552 г. — вьзвьстити Ев. 1562 г. и Тр. 1566 г. и т.д.) и к появлению ударения на приставке в глаголах а а.п. (ср. прьставити Ев. 1552 г. и 1562 г. — прьставити Тр. 1566 г.).

АОРИСТ[28]

Аорист глаголов исконной а а.п.:

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
оудари 1 р. — оудари 2 р.	оудари 1 р. — оудари 2 р.	оудари, оударише
прославихь,	прославихсе 1 р. — прославих 1 р.	прославих(се) 2 р. — прославих(те) 1 р.
прослави(се),	прослави 3 р. — прослависе 1 р., прославише, прослависта	прослависе 14 р. — прослави 1 р. и прослависе 1 р. — прослависѐ 1 р. и прослависѐ 2 р.
прослависта		
очистисе 3 р. — очисти|се 1 р.,	очистисе 3 р. — ѡчистисе 1 р. — очистисе 1 р.,	ѡчисти, ѡчисти
ѡчистишесе 1 р. — ѡчисти|шесе 1 р.	ѡчистишесе 1 р. — ѡчистишесе 1 р.	

28 Современная штокавская просодическая система *i*-глаголов в аористе имеет следующие акцентные типы: (бесприставочные) I. слȁвих, слȁви, слȁвисмо, слȁвисте, слȁвише; II. лȕбих [< лȕбих], лȕби, лȕбисмо [< лȕбисмо], лȕбисте [< лȕбисте], лȕбише [< лȕбише] и глȁсих [< глȁсих], глȁси и т.д., III. крстих [< крстих], крсти, крстисмо [< крстисмо], крстисте [< крстисте], крстише [< крстише] и ломих [< ломих], ломи и т.д.; (приставочные) I. прослȁвих [< прослȁвих], прослȁви, прослȁвисмо [< прослȁвисмо], прослȁвисте [< прослȁвисте], прослȁвише [< прослȁвише]; II. полȕбих [< полȕбих], полȕби, полȕбисмо [< полȕбисмо], полȕбисте [< полȕбисте], полȕбише [< полȕбише] и загласих [< загласих], заглȁси и т.д.; III. прекрстих [< прекрстих], прекрсти, прекрстисмо [< прекрстисмо], прекрстисте [< прекрстисте], прекрстише [< прекрстише] и преломих [< преломих], преломи и т.д. Праштокавская система: (бесприставочные) I. слȁвих, слȁви; II. лȕбих, лȕби; крстих, крсти; (приставочные) I. прослȁвих, прослȁви; II. полȕбих, полȕби; прекрстих, прекрсти.

У глаголов исконной а а.п. в аористе во всех трех книгах наряду с баритонированными формами изредка встречаются формы со штокавской ретракцией (перенесенное ударение на приставку во всех лицах и числах, кроме 2 и 3 л. ед.ч.). Ев. 1552 г. и Ев. 1562 г.: прослависта и плюс глаголы с гласной приставкой ѡ̓ставихѡмь, ѡ̂ставише, ѡ̓чистишесе; Тр. 1566 г.: прославих(се) 2 р. (ср. прославих (те) 1 р.); прѣставише и глагол с приставкой на гласной оуничижихь. Во всех трех книгах имеются формы с переносом ударения на приставку во 2-3 л. ед.: Ев. 1552 г. и Ев. 1562 г. оудари, исплнисе, ѡ̓стави, ѡ̓чистисе; Тр. 1566 г. прослави; избави, оуготовисе, оудари, ѡ̓стави, ѡ̓чисти. Кроме того, у глаголов исконной а а.п. встречаются формы с наконечным ударением в 3 л. ед. и мн.ч.: Ев. 1552 г. очисти|се; Ев. 1562 г. очистисе, прослависе; в Тр. 1566 г. обычно это ударение стоит наряду с другими - накоренным или наприставочным: избави и избави; вькоуси, искоуси; оударише. Эти примеры, как и в презенсе, очевидно, следует объяснять влиянием долгосложных глаголов исконных ь и с а.п., характерными особенностями которых является перенос ударения на приставку и наличие форм с ударением на -i-. В глаголах а а.п., как правило, те основы имеют ударение на -i-, в которых зафиксированы формы с ударением на приставке (ср. прославихь — прослависе, ѡ̓чистише — очистисе и т.д.).

Во всех трех книгах встретились единичные примеры с отмеченным конечным гласным в 3 л. мн.ч., объяснить которые затруднительно: Ев. 1552 г. ѡ̓чисти|шесе; Ев. 1562 г. ѡ̓чисти|шесе и насыти\шесе; Тр. 1566 г. помы|слише. Возможно, такое выделение слога связано с речевой интонацией (заметим, что все слова разделены переносом).

Аорист глаголов исконной ь а.п.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
	Долгосложные	
раздѣлисе, раздѣлише	раздѣлисе, раздѣлише	раздѣли, раздѣлише
възлюбихь,	възлюбих,	възлюбих 5 р. - възлюбыхь 1 р.,
възлюби	възлюби,	възлюби,
възлюбисте, възлюбише	възлюбисте, възлюбише	възлюбисте, възлюбише
пристоупи	пристоупи 1 р. — пристоупи 1 р.,	пристоупи 2 р. — пристоупи 1 р., пристоупи 1 р. и пристоупи 1 р.,
пристоупише	пристоупише 6 р. —	пристоупише

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Ев. 1566 г.
	при́стоу́пише 1 р. — пристоупи́ше, пристоу́писта	
	Краткосложные	
моли́хсе, мо́ли	моли́хсе, мо́ли	помо́лихсе, помо́лишесе
вьпро́си,	вьпро́си,	
вьпро́сише 4 р. — вьпроси́ше 2 р. — вьпросише 1 р.	вьпро́сише 4 р. — вьпроси́ше 2 р. и вьпроси́ше 1 р. — вьпро́сише 1 р.	вьпро́сі, и́спро́сише
сьтво́рихь, сьтво́ри 16 р. — сьтвори 3 р.,	сьтво́рихь, сьтво́ри 15 р. — сьтвори́ 1 р. и сьтвори́ 1 р. — сьтвори 2 р. и сьтво́ри 1 р.,	сьтво́рихь, сьтво́ри 11 р. — сьтвори́ 1 р. и сьтво́ри 1 р. и сьтво́рии 1 р.,
сьтвори́хѡмь 1 р. — сьтворихѡ́мь 1 р., сьтво́ристе, сьтво́ришe 6 р. — сьтвори́ше 2 р. — сьтворише 1 р. и сьтво̀рише 1 р.	сьтвори́хѡмь, сьтво́ристе, сьтво́ришe 4 р. — сьтвори́ше 2 р. — сьтво́рише 1 р.	сьтво́рихѡ́м, сьтво́ришe 1 р. — сьтво́ришѐ 1 р.

Наряду с формами с накоренным ударением (штокавская ретракция во всех лицах и числах, кроме 2 и 3 л. ед.ч. прежде всего у долгосложных глаголов), количество которых нарастает от Ев. 1552 г. до Тр. 1566 г., среди глаголов исконной ь а.п. (долгосложных и краткосложных) сохраняются формы с ударением на *-i-*. Ев. 1552 г.: молихсе; троудихсе; сьтворихѡмь; раздѣлише; вьпросише; вьселишесе; сьтворише. Ев. 1562 г.: молихсе; сьтворихѡмь; сьтво́ристе; раздѣлише; коупише; вьзложише и вьзложише; вьпросише, вьпросише; пристоупише; сьтворише. Тр. 1566 г.: вьзвратї; ѿзарихѡсе; вьзлюбыхь, вьзложише, просише, вьселі(же)се; сьмотришесе.

Перенос ударения на приставку в 3 л. ед.ч. наблюдается прежде всего у краткосложных глаголов. Ев. 1552 г.: приложи 1 р. (ср. приложи 1 р.); сьтвори 3 р. (ср. сьтво́ри 2 р.), оу́тво|рисе; оу́стрьмисе; о́соуди. Здесь же встретились и долгосложные глаголы с переноном ударения на приставку: ра́здѣлисе; прѣкрати (может быть, о а.п.); при́стоупи 1 р. (ср. пристоупи 1 р.). Ев. 1562 г.: приложи 1 р. (ср. приложи 1 р.), прѣложисе; прѣломи; сьтвори 2 р., сьтвори 1 р. (ср. сьтво́ри 15 р.), оу́творисе. Тр. 1566 г.: (краткосложные глаголы) по́-

ло́жи 1 р. (ср. поло́жи 10 р.), при́ложи 1 р. (ср. прило́жисе 1 р.), прѣло́жисе; сѣтвори́ 1 р. (ср. сѣтво́ри 11 р.); (долгосложные) прѣвратисе; ра́здѣли; ра́злоучи(се) 2 р. (ср. разло́учи 1 р.), ѿпалисѐ; при́стоупи 1 р. и при́стоупи 1 р. и при́стоупи́ 1 р. (ср. при́стоупи 2 р.), прѣстоупи.

Встретившиеся среди глаголов исконной ь а.п. несколько примеров с переносом ударения на приставку в 3 л. мн.ч. и один случай в 1 л. ед.ч., очевидно, объясняются влиянием глаголов исконной а а.п., где такой перенос является результатом штокавской ретракции: Ев. 1552 г. вѣпросише, сѣтворише. Ев. 1562 г.: по́ло́жише, вѣпро́сише, сѣтво́рише (наряду с накоренным ударением). Тр. 1566 г.: по́ложихь, прѣ́ложише, ѿ́личише, при́стоупише.

Наконец, отметим глаголы с конечным ударением и с ударением на се: Ев. 1552 г.: вьзра́тишѐ(же)сѐ, раздѣлисѐ. Ев. 1562 г.: вьсе́лисе́, вьселишесѐ, вьпросише́. Тр. 1566 г.: ѿ́ложисѐ, ѿ́палисѐ, вьсе́лисѐ; вьзложишѐ, сѣтво́ришѐ.

Аорист глаголов исконной с а.п.

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
	Долгосложные	
вьзвѣ́стише 2 р. — вьзвѣстишеже 1 р., вьзвѣ́стиста	вьзвѣ́сти 1 р. — вьзвѣ́сти 1 р., вьзвѣ́стише, вьзвѣ́стиста	вьзвѣ́стихь, вьзвѣ́сти 6 р. — вьзвѣ́сти 1 р. вьзвѣ́стихѡ, вьзвѣ́стише(мисѐ)
вьзгла́си	вьзгла́си, вьзгла́сише	вьзгласїи 1 р. — вьзгла́си 1 р., вьзгласишесе
ꙗ́ви́|хь, ꙗ́висе, ꙗ́ви́шесе	ꙗ́ви́хь, ꙗ́ви́се 4 р. — ꙗ́висе 3 р. — ꙗ́ви́сѐ 1 р., ꙗ́вишесѐ	ꙗ́ви́се, ꙗ́ви́шесе, ꙗ́вишесе
про́свѣти	про́свети	просвѣ́ти, просвѣ́тихосе 1 р. — просвѣ́тихомсе 1 р., просвѣ́тише(се)
наоу́чи наоу́чише	наоу́чи, наоу́чи́ше	наоу́чи, наоу́чихосе, наоу́чише 2 р. — наоучи́ше 2 р.
	Краткосложные	
оу́клони	оу́клони	оу́кло́нише

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.	Тр. 1566 г.
роди́х|се. ро́ди(се); ро́дише 1 р. — роди́шесе 1 р. оу́твръ́дисе 1 р. — оу́твръдисе 1 р., оу́твръ̀дише	ро́дих|сѐ, ро́ди(се), ро́дише(се) 2 р. — ро́ди́шесе 1 р. оу́твръ̂дисе, оу́твръди́ше	ро́дихсе, ро́ди, ро́дише(се) оу́твръ́дихсе оу́твръди оу́твръ́дише(се)

У глаголов исконной с а.п. формы с накоренным ударением в 1 л. ед.ч. и мн.ч.,2 и 3 л. мн.ч. и дв.ч., являющиеся результатом штокавской перетяжки, соседствуют со старыми формами с ударением на -*i*-, количество которых убывает от Ев. 1552 г. до Тр. 1566 г. Ев. 1552 г.: (долгосложные) съвръши́шесе, възвѣсти́ше(же) 1 р. (ср. възвѣ́стише 2 р.); диви́шесе; ꙗви\|хь, ꙗви́шесе; (краткосложные) дои́ше; поклони́шесе; поклони́стасе; роди́х\|се, роди́шесе 1 р. (ср. ро́дише 1 р.).— Ев. 1562 г.: (долгосложные) съвръши́шесе; диви́шесе 1 р. (ср. ди́вишесе 1 р.), диви́стасе 1 р. (ср. ди́вистасе 1 р.); ꙗви́хь; въсади\|ше; оу́твръди́ше; наоу́чи́ше; (краткосложные) покло\|ни́шесе 1 р. (покло́нишесе 3 р.); ро́ди́шесе 1 р. (ср. ро́дише(се) 2 р.).— Тр. 1566 г.: (долгосложные) съвръ́ши́шесе 1 р. (ср. съвръ́шишесе 3 р.); диви́шесе, оудиви́\|х'се; ꙗви́стесе, ꙗви́шесе 3 р. (ср. ꙗвишесе 1 р.); оу́гасни́сте; про́смрадише; наоу́стише 1 р. (ср. наоу́стише 1 р.); наоу́чи́ше 2 р. (ср. наоу́чише 2 р.); (краткосложные) напои́ше. Ударение на -*i*- чаще всего удерживают глаголы с частицей се.

Перенос ударения на приставку в 3 л.ед.ч. и у глаголов с а.п. проведен непоследовательно, т.к. количество форм с накоренным ударением преобладает. Ев. 1552 г.: (долгосложные) про́свѣти, ѡ́гради, и́сцѣли; (краткосложные) оу́клонисе, оу́стои, оу́твръдисе 1 р. (ср. оу́твръ́дисе 1 р.), Ев. 1562 г.: (долгосложные) при́вали, при́гласи 1 р. (ср. пригла́си 2 р.), про́свѣ́ти; (краткосложные) оу́клони, оу́строи. Тр. 1566 г.: (долгосложные) въ́згласїи 1 р. (ср. възгла́си 1 р.); оу́дивисе 2 р. (ср. оу́ди́висе 2 р.); по́мра́чисе; ра́зрѣши 3 р. (ср. раздрѣ́ши 1 р.); (краткосложные) при́кло́ни; ра́зори(се).

Встретилось несколько примеров с ударением на приставке в 2 и 3 л. мн.ч., 1 л. ед. и мн.ч., которые нельзя объяснить штокавской ретракцией (в Тр. 1566 г. их больше, чем в Евангелиях). Ев. 1562 г.: оу́корише. Ев. 1562 г.: оу́корише; въ́збоу́дише. Тр. 1566 г.: прѣ́варише; оу́гасише, оу́дивисте, оу́дивишесе; прѣ́менихо́се 1 р. и прѣ́менихо́мсе, про́свѣтй, про́свѣ́тихомсе; про́сма́ди́ше; оу́стидишесе.

Отметим у глаголов исконной с а.п. формы с ударением на се: Ев. 1552 г. нет примеров. — Ев. 1562 г. ꙗви́сѐ, ꙗвишесѐ; ро́дих\|сѐ. — Тр. 1566 г. възвѣ́стишс(ми)сѐ, покло́нишесѐ, прѣ́клонисѐ, оукорѣ́нишесѐ.

Таким образом, акцентная система аориста глаголов на -*i*- во всех трех книгах Мардария характеризуется наличием одних и тех же признаков, которые от Ев. 1552 г. до Тр. 1566 г. нарастают, если они связаны с новым явлением - штокавской ретракцией, или убывают, если они связаны с исконными чертами (как ударение на -*i*- у глаголов ь и с а.п.). Штокавская ретракция и сопровождавший ее перенос ударения на приставку в 2-3 л. ед.ч. (соврем. с.-х. за̏димӣ, по̏лӯбӣ, за̏гла̄сӣ) затемняют противопоставление акцентных типов, которое предполагается у глаголов исконной а а.п., с одной стороны (ѡ̀ста́вихъ, ѡ̏стави, ѡ̀ста́више), и у глаголов ь и с а.п., с другой (сътво́рихъ/ꙗ̀вихъ, сътвори и въ̀згласи, сътвори́ше и възгласи́ше).

Анализ акцентной системы *i*-глаголов в презенсе, инфинитиве и аористе показал следующее.

1. Монах Мркшиной церкви Мардарий различным набором надстрочных значков передавал в своих книгах — Ев. 1552 г., Ев. 1562 и Тр. 1566 г. одну просодическую систему.

2. Эта система у *i*-глаголов характеризуется почти полным разрушением праславянских а. п. (особенно а.п. ь и с) в результате действия штокавской тенденции к перераспределению а. типов по признаку долгота-краткость корня у глаголов ь и с а.п. и в результате штокавской ретракции ударения, которая охватывала в первую очередь глаголы ь и с а.п. и начинала появляться в приставочных глаголах а а.п. Несмотря на неустойчивость этой просодической системы (неустановившиеся а.типы, многочисленные варианты форм: новые образования употребляются наряду со старыми) она прослеживается как единая система со всеми названными особенностями во всех трех книгах Мардария.

3. Различия, наблюдаемые в книгах Мардария, связаны в основном с активизацией процесса штокавской ретракции, которая в последних книгах Мардария охватывает все бо́льший слой лексики и устраняет вариантность форм путем утверждения форм с перенесенным ударением[27].

---

[27] Интересно, что сравнение текста Послесловий к Ев. 1552 г. и к Ев. 1562 г. (текст, писавшийся Мардарием самостоятельно и акцентованный без какого-бало влияния протографа) показывает большие сдвиги в ударении, вызванные штокавской ретракцией.

4. Вывод о том, что в набранных им книгах Мардарий передал свою акцентную систему носителя штокавского диалекта восточногерцеговинского ареала XVI в., не означает, однако, что акцентная система книг Мардария является точным отражением диалектной просодии[28]. Следует учитывать сильное влияние на печатника и переписчика книжной традиции, несущей с собой архаичное произношение, в частности, в ударении. Полезно также обратить внимание на диалектное окружение Мардария во время его работы над первым Ев. в Белграде (периферийные говоры в отношении сербской ретракции) и Ев. 1562 г. в Мркшиной церкви (центр штокавской передвижки), что могло оказать влияние на печатника. Можно также предположить, что с возрастом Мардарий стал свободнее обращаться с канонами правописания и смелее вводить в текст элементы живой речи. Следовательно, говоря об отражении в древнем тексте акцентной системы самого писца или печатника, нельзя представлять себе, что в тексте в чистом виде передается живое диалектное ударение. Необходимо учитывать влияние на язык печатника указанных факторов.

5. Что касается особенностей протографов, отразившихся в акцентной системе *і*-глаголов, то они столь минимальны и неопределенны, что интерпретировать их затруднительно.

В Ев. 1562 г. отметим во 2 л. ед.ч. презенса глагола с а.п. форму по́устишѝ с конечным ударением (или долготой).

В Тр. 1566 г. часто встречаются формы с дополнительным ударением на частице се в презенсе и аористе (презенс: а а.п. – и҆спл҃нетсѐ; ь а.п. – при́ближитмисѐ; с а.п. – ꙗ҆́витсѐ, ꙗ҆́влюсѐ, покло́нимсѐ, нао́у́чи́тесѐ; аорист: а а.п. – про́сла́висѐ и прослависѐ; ь а.п. – ѡ҆́блóжисѐ, ѡ҆́палисѐ; с а.п. – възвѣ́стишемисѐ, покло́нишесѐ, прѣ̀клонисѐ, о҆́укорѣ́-

Ев. 1552 г.	Ев. 1562 г.
Марда́рїе	Ма́рдарїе
страна́мь	стра́намь
сѹле́иманѹ	соу́леиманоу
трѹди́хсе	сьврѣ̂шихь

28 По мнению историков сербохорватского языка, штокавская ретракция прошла в XIV в. в восточногерцеговинском говоре равномерно и вполне радикально (П.Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика. Матица Српска. Нови Сад, 1956 г., стр. 131), в XV в. этот процесс был завершен в районе р.Дрины в ее нижнем течении (Там же, стр.142). Акцентная же система Мардария в середине XVI в. не показывает полного завершения процесса штокавской ретракции, но фиксирует один из начальных или срединных его этапов.

нишесѐ), а также с дополнительным ударением на конечном гласном в презенсе (в 1 л., 2 л. мн.ч.) и в аористе (во 2 и 3 л. мн.ч.): презенс а а.п. – сла́вимѡ̀, ѿс|та́витѐ; б а.п. – пристоупитѐ, сьтво́ритѐ; аорист ь а.п. – вьзло́жишѐ, сьтво́ришѐ; с а.п. – пора́зистѐ, ѿсквръ́нишѐ).

Впрочем аналогичные примеры иногда встречаются и в Ев. 1552 г. (ь а.п. – възвра́титсѐ; с а.п. – спо́до́битесе́; аорист ѿчистише́се), поэтому, возможно, данная особенность присуща самому печатнику.

Вопрос об отражении в трех печатных книгах Мардария каких-то черт протографов и самого печатника на примере надстрочных значков и скрытых под ними акцентных систем нашел в данной статье следующее решение.

Мардарий располагает с в о и м набором надстрочных значков: ´ обозначается любое неконечное ударение, ` – конечное ударение, ¯ – заударная долгота, ̿ – ударение в односложных словах и конечная долгота (в прилагательных, местоимениях, причастиях и глаголе), ̏ ставится над конечным ь. Очевидно, что печатник испытывал влияние протографа в наборе надстрочных значков, что отразилось в появлении новых значков ˈ и ˆ в Ев. 1562 г. и в использовании старых, уже известных печатнику значков в новых функциях (см. стр. 45 № 3). Однако это влияние протографа не затрагивало глубоко с и с т е м ы надстрочных значков: для печатника во всех трех текстах оставались релевантны одни и те же в общем объекты языковой системы, которые он отмечал теми или иными надстрочными значками (см. стр. 44 № 2). Осознанное использование печатником надстрочных значков предопределило тот факт, что в текстах Мардария различным набором надстрочных значков передается одна акцентная система самого печатника. Здесь влияние протографов (с заведомо отличным акцентными системами) сводится к нулю.

П Р И Л О Ж Е Н И Е [29]

ПРЕЗЕНС В ЕВ. 1552 г.

Глаголы исконной а а.п.

1. о́у-гото́вить 66, о́у-готоветь 126. 2. о́у-дари́ть 14, 3. ко́упимь 124, ко́упеть 32. 4. ѿс-ко́усиши 111. 5. вь-ла́зить 167а, сь-ла́зить

[29] В приложении даются списки *i*-глаголов, встретившиеся в книгах Мардария в формах презенса, инфинитива и аориста. Глаголы даются по исконным а.п. Внутри каждого акцентного типа глаголы расположены в алфавитном порядке по первой букве корня. Номер, под которым даются краткосложные глаголы исконных ь и с а.п. подчеркнут.

92а. 6. ра́з-мы́слить 88а. 7. с-мы́ритсе I09, I37. 8. но́удитсе 24а. 9. и́|с-пльнитсе I03а, I09. I0. проти́витсе I94. II. сла́влюсе I76а; про-сла́влю I83а; про-сла́витсе I80а, I83а, I86 (без се), I87... (6 раз) — про́-сла́вит I80, про-сла́веть I2а. I2. вь-ста́вить I48; ѡ́-ста́вл҃ю I87, ѡ́-ста́|вить 90_2 — ѻ́-ставить 85, I32, I38, ѡ́-ста́вите 98, I90, ѡ́-ставетсе 72. I3. на-сы́титсе 34, на-сите́тсе II. I4. тѣ́щить 83. I5. вьс-хн҃|тить I79а - I80; рас-хн҃тить I79. I6. ѻ́-чи́стетсе I82а. I7. чю́дитесе I68.

Глаголы исконной ь а.п.

1. бла́знить I72; сь-бла́зни́ть I4Iа — сь-бла́знитсе II8а, I89, сь-бла́знитесе 94а, сь-бла́|знетсе 94а. 2. и́з-вождь I93а. 3. во́лиши I52, во́лить 25а. 4. вьз-вра́щьсе I30, I45 — вьз-вра́щь 28 (се), I28, вьз-вра́ти|тсе 22а, 92а, I26а, I33 — вьз-вра́|титсѐ I42а, ѡ́ѻ-ра́тить I03а, I4Iа се. 5. и́з-го́ню 27 — и́з-гонѝ I36, и́з-го́нить I29а, I78а, и́з-го|-неть 27 и и́з-гонеть I29а. 6. сь-грѣ́шить 39, 39а. 7. дьжди́ть I4а. 8. кр҃щоу I09а. 9 ко́уплю I45а, ко́упимь I24, I69а, ко́упеть 32. I0. ѡ́ѻ-ли́четсе I64. II. вьз-ло́жиши 74а, вьз-ло́жить 80, вьз-ло́жеть 99а; вь-ло́жоу I96а; по-ло́жоу 26а, 9I и по-ло́жоу I86а, по-ло́жиши I86а, по-ло́жить I34, при-ло́жимь 73, при-ло́жетсе I33; ѡ́ѻ-ложеть I46а. I2. прѣ-ло́мить 26а. I3. люблю́ I87 — лю́блю I97а, I98, лю́биши I80а, I97а, $I98_2$, лю́бить II7а, II9, I68, I79, I87, I90 и лю́бить I65, лю́бите I3I, $I88а_2$ и лю́бите I86, лю́беть I5, II6а; вьз-лю́блю I87, вьз-лю́биши I4, 90а, I28 и вьз-лю́биши 90а, вьз-лю́бить II9а, I40а. I4. мо́лю I9I — мо́лю I90а, мо́литсе I38; по́-молю|се 95; ѹ́-мо́лю I87. I5. ѹ́-мрьтветь 96. I6. но́сить I37а; и́з-но́сить 27а, II7 — и́з-носи́ть 27а — и́з-носить II7; по-но́сеть II6. I7. по́|стетсе II4$а_2$. I8. про́сиши I65, I8I, про́сить I29а, I5Iа, про́сите $I87_2$, про́сеть I94; вь-прошь I53. I9. слоу́жить $I83а_2$; по-слоу́жиши II0а, I33а — по-слоу́жи|ши II, по-слоу́жеть 87. 20. соу́ждоу I45а, $I75_2$, $I84а_2$, соу́дить I64, I68, I74, I84а, соу́дите I75, соу́деть II6а; ѡ́-соу́|дишисе 27а, ѡ́-соу́дить I30а — ѡ́-соуди́ть 27а, ѡ́-соу́деть I30а. 2I. тво́рь I69, I75а, I79а, тво́риши I63а — тво|-ри́ши I80, тво́рить 4I, 73, 85а... (I0 раз), тво́рите 79, II6а, тво́реть 69а, II4а, $II6а_2$, I53а; сь-тво́роу 86а, 97, $I32а_2$, I40, I47, I66, I90а, сь-тво́риши 86а — сьтвори́ши I5а, сь-|твори́ть I3, I47а, I73а — сь-тво́рить 89а, сь-тво́римь $I09_2$, I82 — сь-тво́ри|мь I09, сь-тво́рите I42 — сь-твори́те I62а, сь-твореть I70. 22. по-трѣ́бить I09а. 23. хо́дить 79, I25а, I78а, $I80а_2$, хо́деть II8а; вь-хо́дить I5Iа; вьс-хо́ждоу I96, вьс-хо́димь I44а; и́с-хо́дить 79а, I89, и́с-хо́дите I23, и́с-хо́деть 79а — и́с-ходе|ть II2; ѻ́ѻ-хо́дит I98а; при-хождо́у I64а — при-хо́ждоу I65а, I67а — при́хождоу I66а, I75 и при́-хо́ждоу I74, при-хо́дить 9а, 38а, 7I, 7Iа (при-хо҃дить), 72, 72а, I33а, I40а, I62а, I79 — при́-хо-дить I0а и при́|-хо́дить 29, I32а, I72а, I78, при-хо́деть I6; прѣ-хо́-

дить I30. 24. хра́нить I29а, I77а; сь-хра́ни|ть I83а. 25. ѿ-ѱꙋтеть I25а.

Глаголы исконной с а.п.

I. вьз-бо́у|ждоу I80а. 2. за-бло́удить 39. 3. ве́селимсе I39; вьз-весели́тсе 209. 4. врѣ́дить 99а, I27а. 5. вьз-вѣ́стить 26а. 6. вьз-гла́сить 95, 96а, I5Iа, I53 — вьз-гла́сить I86а. 7. по-го́убить I24а$_2$, I26, I42а - I43, I47а, I79, I83а, и по-го̀убить 82$_2$, 89а — по-го́у-бить 23а$_2$, по-го́убе|ть 70, 88а. 8. диви́тесе I68а. 9. досто́ить 90, II5, I48, I66. I0. жи́вить I68$_2$; о̀-живеть I8I. II. ꙗвлю̀се I87, ꙗ́витсе I6Iа, и ꙗ́витсе 72а, ꙗ́ветсе I64а. I2. по-клони́ши(ми)се II — по-кло́нишисе II0а$_2$, по-лони́тсе I66, по-кло́нетсе I66. I3. сь-кро́ушитсе I95. I4. вьс-крѣ́сить 90. I5. о̀б-льстеть 90; прѣ-льсти|ть 9Iа, прѣ-льстѣ́ть 92. I6. ѡ́-мо́чить I4I. I7. вьз-мо́утитсе I67а. I8. раз-о́роу 96, раз-о́рить 9Iа. I9. пло́ди|ть 73. 20. с-по̀до́битесе́ I50а; о̀у-по-до́блю̀ II8а, ꙋ-подо́битсе I7а, о̀у-подо́бимь 73. 2I. на-пои́ть 24. 22. по́устиши I94, по́устить I3а, 4I, 85$_2$, 97; ѡ-по́ушоу 97, I53, I93а$_2$, ѡ-по́устить I5. I5а(се), 27$_3$, 88а. 23. ра́диши 90, ра́дить I79. 24. ро́диши I04а, ро́дит I63а(се), I90 — роди́тсе I63а. 25. по-са́дить I33а. 26. ѡ́-соли́тсе I2а, I38 — о̀-со́литсе 84а$_2$. 27. о̀у-сра́метсе 89а, I47. 28. о̀у-строи́ть 37 — о̀у-стро́ить II9. 29. о̀у-сто́удить I4I. 30. стѝ|ждꙋ-се I40; по-стѝди|тсе I24а$_2$. 3I. съвти́тсе I60а. 32. о̀у-толимь 62а. 33. о̀учиши I48$_2$; на-о̀учить I27а. 34. ѝс-цѣ́лить II5 — ѝс-цѣ́лить 70.

ПРЕЗЕНС В ЕВ. 1562 г.

Глаголы исконной а а.п.

I. вели́чить I04. 2. о̀у-гото́вить 23а, 65, о̀у-готоветь I25. 3. о̀у-дарить I3. 4. ко́упимь I23, I68а, ко́упеть I64. 5. вь-коуси́ть I36а; ѝс-ко́усиши II0. 6. вь-ла́зить I66а; сь-ла́зить 9Iа, I4Iа. 7. ра́з-мыс-лить 87а. 8. сь-мѣ́ритсе I08, I36. 9. но̀удитсе 23а. I0. и̂|с-плѣ́нит-се I02а — ѝс-плѣ́нитсе I08; на-плѣ́нитсе I36а. II. проти́витсе I93. I2. славлю́се I75а; про-славлю̀ I82а, про-сла́витсе I79а, I82а, I85... (6 раз) — про́-сла́вит I79а. I3. вь-ста́вить I47; ѡ́-ставлю̀ I86, о̀-ста́-вить 84, I37а и ѡ́-ста́витсе I3I — о̀-ста|вить 89$_2$, ѡ́-ста́вите 97, I89а и ѡ̂-ставетсе 7I. I4. на-сѝтетсе 79а. I5. тѣ́щить 82. I5. вьс-хо̀улить 70. I7. вьс-хы́|тить I78а — I79; рас-хы́тить 26, 70. I8. о̀-чи́стетсе I8Iа. I9. чю́дитесе I67.

Глаголы исконной ь а.п.

I. бла́зни́ть I7I; сь-бла́зни́ть 37а, I40а — сь-|бла́знитсе II7а — сь-блазни́ть 83а, сь-бла́знитесе 93а, сь-бла́|знетсе 93а. 2. ѝз-вождꙋ I92а. 3. во́лиши I5I, во́лить 24а. 4. вьз-вра́щꙋ I27, I29(се), I44, вьз-вра́|титсе 50а, 9Iа, I25а, I4Iа, ѡ́о̀-ра́тить I02а, I40а(се). 5. ѝз-го́|ню

135, ѿз-гонишь 18а, 20а, ѿз-гонить 26, 128а, и ѿз-гонить 177а — ѿз-гонить 70, ѿз-го|неть 26 и ѿз-гонеть 128а. 6. сь-грѣшить 140а$_2$. 7. дѣждить 13а. 8. раз-дѣлитсе 133. 9. женетсе 147а. 10. пре-кратетсе 50а. 11. крѣщоу 108а, крѣстить 9. 12. коуплю 144а, коупимь 123, 168а, коупеть 164. 13. ѡб-ли|чить 188, ѡб-личетсе 163. 14. въз-ложить 40, 79, въз-ложеть 98а; вь-ложоу 195а; по-ложоу 25а, 90, 185а, по-ложишь 185, по-ложить 133; при-ложитсе 71а, при-ложимь 72, при-ложетсе 15 — при-ложитсе 132; ѡб-ложеть 145а. 15. прѣ-ломить 25а. 16. при-лоучит(же)се 148а; раз-лоучет 115. 17. люблю 186а — люблю 196а, 197 и люблю 197, любишь 179а, 196а, 197$_2$, любить 22а, 116а, 119, 164, 167, 178, 189 и любит 186а, любите 185, 187а и любите 130 и любите 187а, любеть 115а; въз-люблю 186, въз-любишь 47, въз-любишь 47а, въз-любишь 127 — въз-любишь 89а, възлюбить 86а, 118а, 139а и въз-любить 15. 18. молю(ти)се 120а — молю 189а, 190, молитсе 137; по-молюсе 94; оу-молю 186. 19. оу-мрьтветь 95. 20. носить 136а; ѿз-носить 116 — ѿз-носить 116; по-носеть 115; при-носи|ть 28а. 21. прошоу 75а, просишь 164, 180, просить 16, 128а, 150а, просите 186$_2$, просеть 133; вь-прошь 88, 146, 152; по-просиши(ми) 75а. 22. слоужить 182а$_2$; по-слоужишь 109а, по-слоужить 132а, и по-слоужить 42а и по-слоужить 86, по-слоужеть 86. 23. соуждоу 144а, 174$_2$, 183а$_2$, соудить 163, 167, 173, 183а, соудите 174, соудеть 115; ѡ-соудить 129а и ѡ-соудить 26а, ѡ-соудеть 129а. 24. твороу 44а — творою 44а, 135 и творою 168, твориши 13а, 40а, 162а, 171а — твориши 88$_2$, 162, творить 9, 84а, 108, 139а, 186 — творить 72, 117, творите 9, 115а, 175, твореть 1, 13а, 153а — творете 113а и тво|рете 69, творита 86а; сь-тво|роу 165 — сь-твороу 146а, сь-творить 83, 134, 142 — сь-творить 88а, сь-творимь 36, 108, 124 — сь-творимь 81а, 108 — сѣтворимь 108, сь-творите 141. 25. по-трѣбить 9. 26. ходить 78, 83, 177а, 179а$_2$ — хо|дить 124а, ходеть 23, 117а; вь-ходить 150; вьс-хождоу 195, вьс-ходить 72, вьс-ходимь 143а; ѿс-ходить 33, 78а, 188, ѿс-ходите 122, ѿс-ходете 11, ѿс-ходеть 33$_2$, 78а; мимо-ходить 143а; обходит 197а; ѡт-ходить 124, прѣ-ходить 129. 27. хранить 176а — хранить 128а; сь-храни|ть 182а. 28. ѡ|-щететь 124а.

Глаголы исконной с а.п.

1. въз-боу|ждоу 179а. 2. за-блоудить 381. 3. веселимсе 138; въз-веселитсе 208. 4. сь-врѣшь 165. 5. врѣдить 98а. 6. въз-вѣстить 25а, 165, 188а$_2$, въз-вѣстита 117а. 7. оу-гасить 25а. 8. въз-гласить 94, 95а, 150а, 152, 185а. 9. по-гоубить 81$_2$, 123а$_2$, 125, 141а – 142, 146а, 182а и по-гоубить 23, 45 и по-гоубить 82а — по-гоубить 88а и по-гоубытѣ 22а и по-|гоубитѣ 22а — по-гоубить 8, по-гоубеть 87а. 10. дивитесѣ 167а. 11. достоить 84, 114 и достоит 89 ли 114 — достоить 24, 39а и достоить 165, достоить 25, 107а, 147. 12. живить

167а, о́-жи́веть 180. 13. ꙗ҃влюсе 186, ꙗ҃ви́ть 2, 71а се — ꙗ҃витсе 160а, ꙗ҃ветсе 163а. 14. по-кло́нишисе 10 — по-клони́шисе 109а$_2$, по-кло́нетсе 165$_2$. 15. и҃с-ко́ренитсе 32а. 16. сь-к|ро́ушитсе 146а, 194. 17. вьскрѣ́шꙋ 170а. 18. о҃б-лѣ́стеть 88а; прѣ-лѣ́стить 50, прѣ-лѣ́стѣть 91. 19. млѣ́ви|ши 127а. 20. ѡ́-мо́ꙋить 140. 21. вьз-мо́ютитсе 166а. 22. разо́роу 95, раз-о́ритсе 49а, 148 и раз-о̀рить 12$_2$, 90а (се). 23. пло́ди|ть 72. 24. побѣ́дить 129. 25. подо́битсе 95а; с-по́доби́тесе́ 149а; о҃у-подо́блю 117а, о҃у-подоби́мь 72. 26. пои́т 83. 27. поу́стиши̇ 193, поу́стить 96 и по̀устить 40 и поу́стить 84$_2$; ѡ-поу́шоу 96, 153, 192а$_2$, ѡ-поу́стить 87а$_2$, ѡ-по̀усти|тсе 26, и ѡ-поу́стить 14а, и ѡ-поу́стить 14 — ѡ-поу́стить 76а. 28. ра́диши 72а (ли), 89, ра́дить 178. 29. по-ра́жоу 93а. 30. ро́диши 103а, ро́дит 162а (се), 189-роди́тсе 162а. 31. ѡ-ре́шоу 160; раз-рѣ́шите 181. 32. по-са́дить 132а. 33. ск|врѣ̑нить 78а. 34. ѡ́-со́литсе 11а, 83а$_2$ — ѡ́-со́лите 137. 35. о҃у-сра́метсе 88а, 146а. 36. о҃у-стро́ить 118. 37. о҃у-стоуди́ть 140. 38. стыжд|ꙋсе 139; по-сти́дитсе 81$_2$, 123а$_2$. 39. сьвти́тсе 159а. 40. о҃у-то́лимь 61а. 41. о҃у́чиши 147 — о҃у́чи́ши 147; на-о҃у́чить 186а. 42. и҃с-цѣ́лить 69, 114.

ПРЕЗЕНС В ТР. 1566 г.

Глаголы исконной а а.п.

1. и҃з-ба́воу 30а, и҃з-ба́виши 133, и҃з-ба́вить 74 — и҃з|-бавить 16, 52, 167а (?). 2. ва́дите 65, 3. вели́чить 110; вьз-вѣ́|личитсе 140а, вьзве́личи 159а. 4. гото́витсе 140. 5. коупитѣ 140а. 6. мы́слить 166а. 7. и҃с-пльнитсе 37а, и҃с-плѣ́нетсе 34а. 8. про́тивитсе 46 и проти́|витсе 69. 9. сла́влю 7а, 131, 138, 165 — славлю̀ 9 и сла́влю̀ 6а, 162а, 201а, сла́вить 109, 130а, 136, 138... (7 раз), сла́вимь 105, 125$_3$, 146$_2$, 168 и сла́вимѡ̀ 135, сла́веть 135, ѡ́бе-сла́витсе 63а, 72а. про-сла́влюсе 80 — про́-славлю́се 88а — про́-сла́влю̀ 85, про-сла́вить 38а, 72а (се), 144 (се) — про́-славитсе 36, 35а, 39 (?) и про́-сла́вить 35а, 39, 84а (се), про-сла́ви 147а, 200 и про-сла́вїи 160а, про́-славеть 47 и про́-сла́веть 63, 66а. 10. на-ста́вит 38, 171, 195а, (не́)ѡ́-ставлю̀ 36а — ѡ́-ста́влю̀ 39, ѡ́-ста́виши 168, 169а, ѡ́-с|та́витѐ 39; прѣ́-ста́вимь 40а. 11. ꙋ́-стра́шит 6 (се), 54 (тѐ). 12. на-си́шоу 150а, на-си́титесе 189, на-си́тетсе 184. 13. ѡ́-чи́стꙋ 18а, ѡ́-чи́ститсе 189, о́-чи́стимь 101а, о́-чи́стите 82. 14. чю́дитесе 153а, 173а.

Глаголы исконной ь а.п.

1. бла́знитесе 143а, 144а — блазни́тесе 143а. 2. при-бли́житсе 61а — при́-близит(ми)сѐ 34а, 140а (се). 3. вьз-ви́ситсе 153. 4. ѡ́б-ла́чит 49 (се), 102а, 108. 5. во́диши 188а; вьз-во́ждоу 121а, вьз-во́дитсе 123а; и҃з-во́ждоу 46, 68а, при-во́ди|тсе 134 — при́-во|дитсе 170, при-во́ди 71. 6. вьз-вра́тиши 196а; ѡ́б-ра́титсе 87, 140а, 141$_2$; ѡ́-вра́ти|ть 203; прѣ-

вра́|тить 203а. 7. оу́-давй 40а. 8. ѡ́-дѣ́жить I89. 9. кра́сить II6. I0. съвъс-крѣ́сиши I28. II. ѿо-ли́чить 38 — ѿо-ли́чить I40. I2. въз-ло́жить 203а; въ-ло́жꙋ II8а, въ́- ло́жимь 3I; по-ло́жоу 72, 8Iа, I88а — по-ло́жоу I7, 35а, по-ло́жи́ши 35а, по-ло́жить 37а; при-ло́жꙋ 86а, I63а, при-ло́жи I78а; прѣ́-ложиши 53а, прѣ́-ло́|жить 84а — прѣ́-ло́житсе I89, прѣ́-ло́жи I97а. I3. ѡ́-лоу́чиши 33, ѡ́-лоу́чи 43 (!); при́-лоучитсе I08а; оу́-лоу́чи 2II. I4. лю́бит 36а, I79, лю́|бите 37а; въз-лю́блю 36а — въ|з-лю́блю IIа, въз-лю́бить 36а. I5. се мо́лимь 49а; по-мо́лимсе 49а. I6. но́сиши I35а, 209а, но́сить 63а — носи́ть I25а, но́си I72, но́сите I55; на-но́сить I69; при-но́шоу 8Iа, при-но́сить II7а, 2I2 и при-но́сить 24, при-но́си I45, I99а; прѣ́въз-носи I64а, прѣ́въз-носи 98а, II8, I37 — прѣ́въз-но́си II8, прѣ́въз-носите 98а$_2$. I7. по-о́|стри́т (же) 203а. I8. оу́-пра́зднить 73а — оу́-пра́знить 64а. I9. про́сить 80, I5I$_2$ — про́сить I96, про́сите 37, 37а, 38а и не́про́сить 38а, 39, про́сеть 73а; въ-про́шоу 33а, 34, 64а, въ-про́сить 39, I29; и҃с-про́сеть 59 — и҃с-про́се́ть 48. 20. въ-се́леть I69а. 2I. слоу́жеть I8I, 2I0а; по́-слꙋжоу 30а, по-слꙋ́жиши I79, по-слоу́жимь I34. 22. за-сто́упит I95; ѡ́-сто́упить I4Iа; при-сто́упимь I02, I23, при́-стꙋпите 33. 23. соу́диши I78а, 206а, со́удить I40, со́удите 68, I44а, I49, I49а. 24. тво́рꙋ 37, тво́риши 78а, I99а — твори́ши 53, тво́рить 44, I26а, I27... (9 раз) — твори́ть 37а, тво́ри I08, I08а, I99, тво́ритѐ I4I, тво́реть 52а, 65а — тво́ре́ть 38; за́-тво́ретсе 84а; съ-тво́роу 36, 48, 59, 62, 72... (8 р.) — съ-творо̀у 39а и съ́-тво́ро̀у 22а, съ-тво́риши 54, I70, съ-тво́рить 4а, 36, 37, 203а — съ́-тво́рить 36, с-тво́римь 86, I00, съ-тво́рите I89а и съ-тво́ритѐ 37, съ́-тво́реть 37а. 25. то́читсе I22 — точи́ть I88, точи́ть 2I0, то́четсе I53; и҃с-то́чиши 5I, и҃с-то́|чить I44; с-то́чиши 5I. 26. троу́бить I7а. 27. хва́лит 73а(се), I05, II7(се); въс-хва́лю I42а, въс-хва́литсе 2I5, въс-хва́лимь I78, 204, 204а, въс-хва́ле I84, I99а; на-хва́лите I57а, 20Iа; по́-хвалитсе 73а, по-хва́лимь I60а, 202а, по-хва́лите I89, по-хва́леть I30а. 28. хо́диши I3а, хо́ди I40а, хо́дите I89а; въс-хо́доу I7Iа, въс-хо́дить I73, I74, I76; въ-хо́дить I0I, въ-хо́димь I09а; ѡ́-хо́ждоу I32а; по-хо́ди I99а; при-хо́жꙋ I22а, I32, при-хо́диши I7а, при-хо́дить 24, I00а, I43а, при-хо́деть I70а. 29. съ-хра́нить I4I$_2$, съ-хра́ните I89а. 30. въ-цри́тсе 203. 3I. цѣ́ните I40а.

Глаголы исконной с а.п.

I. ѡ́-ва́лить I28. 2. весели́тсе I25, I43 — весе́литсе I57, I89, весели́мсе I02, 2I4а, веселѣ́тсе I54 — весе́летсе I22; въ|з-весе́литсе I95, въз-ве́селисе 204. 3. въно́ушите 203а. 4. съ-врѣ́шоу I4I. 5. въз-вѣ́|шоу 39, 64, въз-вѣ́стить 38а, I66, 202а, въз-вѣ́стите I28, I37, I55, I60а. 6. вѣ́з-гласи́ть 35а — (нѣ́) вѣ́з-гласить 44. 7. по-гоуби́|ши I4, по-го́убить I7а, по-го́убеть 48, 59. 8. ди́витсе 209а, ди́висе 207, ди́ветсе I7Iа; оу́-ди́ветсе 63а — оу́-диветсе 72а. 9. до́йши I35а. I0. до́-

стоїть 45а — достой 68. 11. живитсе 152а; ѡ-живиши 81, ѡ-живить 80а, ѡ-жи|вете 81а, о-живеть 81а. 12. ѡ-злобит 34а, 61а, 64 (се). 13. прѣ-зриши 24а; оу-зриши 58а, 72, 84а, оу-зрите 61. 14. ꙗвлюсѐ 36а, ꙗвишисе 212а, ꙗвитсе 17а, 72 (сѐ). 15. кадить 216. 16. по-клонимсе 60а, 63, 83, 102а, 151а, 188, 201$_2$ и по-клонимсѐ 46а, по-клонетсе 109, 130а, 131 и по-клонетсе 85. 17. кропеть 153а. 18. съ-кроушоу 55а, сь-кроушитсе 98а. 19. крѣпитсе 83. 20. лишитсе 4а. 21. лѣститесе 47, 129, 143а — лѣститесе 63а. 22. при-лѣпишисе 179. 23. въз-моу|титсе 132а. 24. из-менить 64а, из-мѣнетсе 141. 25. ѡбновиши 78 — ѡбновиши 128. 26. при-ѡбщимсе 103. 27. раз-бритсе 57а, 86а, 133а (без се), 148, 149. 28. побѣдить 83а, 197а. 29. пойте 213; вьс-пойте 213а; оу-пойть 141. 30. пѣстиши 46, 69, поустить 62; ѡ-поуѱоу 45а, 48, 59, 62, 65а, ѡ-поусти|ть 203а. 31. родить 38а. 32. свободиши 60а и свободиши 157а, 166, свободить 56а, 70а. 32. свѣтитсе 139а; про-свѣтить 167а, про-свѣтимсе 198а. 34. свѣтлитсе 211; про-свѣтлимсе 122. 35. на-сладитсе 140а, 144, 160; оу-сладит(ми)се 153. 36. словить 138а; славо-|словимь 46а, 205а — славо-словымь 163. 37. и-следить 249; на-слѣдиши 99а, на-слѣдить 64. 38. по-срамить 73а$_2$, по-срамимсе 159а, по-срамется 98. 39. стидетсе 64, 189; по-стидимсе 114а, по-стидитесе 126а, по-стыдетсе 98а, 189. 40. сь-вѣтитсе 107а. 42. по-сѣѱу 31, по-сѣтить 4а. 42. ис-таить 141. 43. оу-тврѣдитесе 61а. 44. оу-толитсе 86, оу-толимь 100. 45. по-топить 155, по-топеть 203а. 46. тѣшишисе 53а; по-тѣшимсе 148а. 47. оучить 177а, 214а, оучеть 141а; на-оучисе 197а, на-оучитесе 141. 48. и-шедить 163; по|-шедѹ 87а.

ИНФИНИТИВ В ЕВ. 1552 г.

Глаголы а а.п.

1. из-бавити 156а. 2. вадити 153а. 3. вь-коусити 82, 176а. 4. малитисе 164а. 4. ис-пльните 13, 150 (се). 6. на-правити 106. 7. ѡ-правдити 128. 8. проти|тисе 149а. 9. славити 69; прославити 2. 10. пръ-ставити 107. 11. оу-тѣшитисе 9а. 12. рас-хытити 27. 13. ѡ-чистити 18 и ѡ-чистити 68.

Глаголы ь а.п.

1. при-ближитисе 68а. 2. оу-бѣлити 82а. 3. водити 116а. 4. ѡб-лачи|тисе 76. 5. въз-вратитисе 9, 145а — въз-вратитисе 108; ѡб-ратити 103а. 6. из-гонити 70а, 146а и из-гонити 87а. 7. крьститисе 10а — крьстити 109. 8. въз-ложити 147а; из-ложити 64а; по-ложити 113а — по-ложити 179а; при-ложити 159; пръ-ложити 124. 9. по-лоучити 159; оу-лоучити 148а. 10. любити 91, 101 — любити 91. 11. молитисе 128а; по-моли|тисе 115а. 12. носити 154а, 189а; при-носити 189; про-носи|ти 68. 13. поститисе 69а, 114а. 14. про|сити 97. 15. слоужити

107, 128а. 16. ѿ-с|тоупити 112а. 17. соудитисе 14, 175а. 175а. 18. творити 115$_3$, 163а, 168а, 173, 178 — творити 69а, 168, 170, 177а; сь-творити 47, 79, 97, 107а, 131, 151а — сь-творити 169а и сь-творити 114а — сь-творити 21, 29а, 75а и сь-творити 142. 19. тоужити 95. 20. ходити 172, 174а; мимо-ходити 69а; при-ходити 85а. 21. сь|-хранити 11.

Глаголы с а.п.

1. блго-вѣстити 104а; въз-вѣ|стити 62. 2. сь-врьшити 138. 3. въз-гласити 87; при-гласити 145а. 4. по-гоубити 23 — по-гоубити 67а, 112, 115, 126. 5. дивитисе 69, 97; по-дивитисе 159. 6. ꙗвитисе 145а — ꙗвитисе 187. 7. изь-ꙗснити 159. 8. по-кадити 103а. 9. вьс-клонитисе 135; подь-клонити 19. 10. ловити 197; оу-ловити 131а. 11. раз-орити 12а, 180. 12. поустити 41 — поустити 194; ѿ-поустити 154 — ѿ-поустити 34а. 13. родити 105а, 106а, 163а (се)-родитисе 159, 162а — родитисе 163а. 14. рꙋтитисе 96а. 15. ѿ-рьшити 109а. 16. по-садити 77а. 17. про-|свѣтити 106. 18. строй|ти 140. 19. оу-таитисе 79а. 20. оу-трьдити 61а. 21. оучити 74а, 172а — оучити 76, 80а, 114. 22. цѣлити 70, 123, 135; ис-цѣлити 111, 113а (се) и ис-цѣлитисе 115а, 123. 23. чинити 103.

ИНФИНИТИВ В ЕВ. 1562 г.

Глаголы а а.п.

1. вадити 152а. 2. из-бавити 155а. 3. вь-коусити 81, 175а. 4. малитисе 163а. 5. ис-пльнити 9а, 12, 149 (се). 6. на-правити 105. 7. ѿ-правдити 127. 8. противитисе 13 — противи|тисе 148а. 9. славити 68. 10. прь-ставити 106. 11. на-ситити 79а, 138, 140 (се). 12. расхытити 26, 70. 13. ѿ-чистити 17, 112 — о-чи|тити 67 (sic!).

Глаголы ь а.п.

1. сь-блазнитисе 23. 2. при-ближитисе 67а. 3. оу-бѣлити 81а. 4. водити 115а. 5. ѿ-лачи|тисе 75. 6. въз-вратитисе 8, 107, 144а; ѿ-ратити 102а. 7. из-гонити 20а, 69а, 86а — из-гонити 70, 145а. 8. раз-дѣлити 100 — раз-дѣлити 131. 9. женитисе 40. 10. крьститисе 9а — крьстити 108. 11. ѿ-личити 7. 12. въз-ложити 146а; из-ложити 63а; по-ложити 112а, 178а; при-лꙗжи|ти 131а — 132 — при-ложити 158; прь-ложити 79а — прь-ложити 123, 128. 13. по-лоучити 158; раз-лоучити 22а; оу-лоучити 147а. 14. любити 90, 100 — любити 90. 15. молитисе 127а — молитисе 142; по-моли|тисе 114а. 16. носити 153а, 188а; по-носити 24; при-носити 77, 188; про-носи|ти 67. 17. поститисе 68а. 18. просити 140 — про|сити 96; вь-просити 47а, 90, 147а — вь-просити 124а. 19. слоужити 105, 127а. 20. ѿ-с|тоупити 111а; прь-стоупити

209а. 2I. соудити I74а — соудитисе I3. 22. творити 24а, 68, 69, II4$_2$, I82а, I72, I75, I76а — твори|ти 92а; сь-творити I3, I05, I3I, I50а, I80а — сь-твори́ти I68а — сь-твори́ти 20, 28а, I4I. 23. тоужити 94. 24. ходити I7I — ходи́ти I73а; мимо-ходити 68а; при-ходити 84а, I42. 25. сь-|хранити I0.

Глаголы с а.п.

1. варити 76а. 2. весе́литисе I38а. 3. блго-вѣсти́ти I03 — блго-вѣстити II0 — блго-вѣ|сти́ти II2а; вьз-вѣ|сти́ти 6I. 4. сь-врѣшити I37, 2I0а — сьврьши́ти I37. 5. вьз-гла́сити 86; при-гла́сити I44а. 6. по-гоубити 22, 111, I25 — по-гоуби́ти 66а, II4. 7. диви́тисе 68; по-диви́тисе I58. 8. ꙗвитисе I44а — ꙗви́тисе I86. 9. изь-ꙗснити I58. I0. по-кади́ти I02а. 11. вьс-кло́нитисе I34; подь-кло́нити I7 — подкло́нити I25; по-кло́|нитисе 7а. I2. лꙗви́ти I96; оу-ловити I30а. I3. прь-лѣсти́ти 9Iа. I4. раз-о́ритї IIа и раз-о́рітї 11а — раз-ори́тисе I79. I5. поустити 39а, 84 и поустити 40 — поусти́ти I93 и поусти́ти 96; ѡ-поустити 33а — ѡ-поусти́|ти I53 и ѡ-поустити 33а. I6. роди́ти I04а, I62а (се) — ро́ди́тисе I58, I62а — родити́се I62а. I7. рѡ́титисе 95а. I8. ѡ-рѣ́шити I08а; разд-рѣ́шити 65а — ра́зд-рѣ́шитисе I34. I9. по-са́дити 76а. 20. про́-свѣ́тити I05. 2I. строи|ти I39. 22 оу-та́итисе 78а. 23. оу-тврьдити 60а. 24. оучити 24, 75а, I73а — оучити 77, 8Iа, II5. 25. цѣ|лити 69а, I22, I35а — цѣ́лити́се I34; ис-цѣлити 110 и ис-цѣ́литисе II4а, I22 — ис-цѣ́ли́тисе II2а. 26. чинити I02.

ИНФИНИТИВ В ТР. 1566 г.

Глаголы а а.п.

1. из-ба́вити I26, I27а$_2$, I5Iа (се), I79 (се), I8I, 204 (се). 2. ва́дити 64а. 3. коупити 24. 4. вь-|мѣстити I73. 5. ис-пра́вити I79а. 6. сла́вити I03а, 111а, I33а (се), I49а... (7 раз) — сла́выти I83а; про-сла́вити 2 — про́-сла́вити 84а. 7. прь-ста́вити I7 прѣ́д-ставити 44а; ѹ-ставити 200. 8. ѡ-сѣнити 87а. 9. оу-тѣшитисе II0а. I0. ѡ-цѣстити 64а.

Глаголы ь а.п.

1. водити I78а. 2. вьз-вра́титисе I96а; ѡ-ра́титисе 86. 3. пригво́зитисе I26, I28. 4. ѹ-до́брити I7а. 5. ѡ-зарити I30а — ѡ-зари́тисе 227а. 6. крьститисе I07. 7. вь-ло́жити 74; по-ло́жити 205. 8. ѡ-льгчи́ти 85а. 9. ѡ-лѹ́читисе I07; по|-лоучити I50, 200а;, оу-лоучити I3I, I32. I0. любити 63, I40а. 11. ѹ-мрьтвити I72а. I2. носити 38 — носити I35а; при-носити I96, I99а. I3. просити 62. I4. вь-се́литисе I79а. I5. слоужити II7а. I6. соудити 32, I72а, I73а, I75. I7. творити I06а, I26, I26а$_2$, I4Iа$_2$, I48а — твори́|ти I97а; сь-творити 37,

62, 87 — сь-твори́ти 37. 18. и҆с-то́чити 157а. 19. вьс-хва́лити 182; по-хва́лити 58. 20. хо́дити 99, 116; вь-хо́дити 86а. 21. сь-хра́нити 61, 148а, 179 (се), 181а.

Глаголы с а.п.

1. ѡ҆-ва́лити 9а. 2. съ|-врь́шити 169а. 3. въз-вѣ́|стити 100_2, 153а, 166. 4. по-гꙋ́бити 21а, 25а. 5. ди́витисе 48, 59, 62, 144а — диви́тисе 74. 6. ѡ҆-зло́|битисе 73. 7. про-зра́чити 163. 8. ꙗ҆ви́тисе 36а — ꙗ҆витисе 179а. 9. по-кло́нитисе 159. 10. сь-кро́ши́тисе 85а. 11. ѹ҆-ло́вити 150а. 12. ѹ҆-мно́жи|ти 98. 13. раз-о́рити 43а, 57а, 79 (се). 14. вь-пль-|титисе 182а. 15. на-пои́ти 25, 151. 16. по́ѹстити 46 — пꙋ́сти́ти 46, 62, 69_2; ѡ҆-пꙋ́стити 88а. 17. ро́дити 148а. 18. ро́титисе 44. 19. раз-рь́шити 21. 20. свѣ́тити 136а; просвѣ́тити 132а. 21. насла́дитисе 170а, 180. 22. сла́во-сло́ви|ти 51а. 23. таи́ти 33а, 34; ѹ҆-таи́ти 151, 183а (се). 24. ѹ҆-твръ́дити 57, 82_2. 25. ѹ҆́чити 106а; на-ѹ҆чи́ти 115. 26. и҆с-цѣ́лити 131а, 159.

АОРИСТ В ЕВ. 1552 г.

Глаголы исконной а а.п.

1. низ-вѣ́сише 113а. 2. ѹ҆ндари 95а — ѹ҆ндари 152а, 192а. 3. ко́ѹпихь 137а. 4. прь-ѡбра́|зисе 82. 5. и҆с-пльнисе 67, 105, и и҆с-пльнисе 105, 105а — и҆с-льнисе 183 и и҆с-пльнисе 164а, и҆с-пльнишесе 104, 106а. 6. ѡ҆-пра́вдисе 119, ѡ҆-пра́вдише 119. 7. про-сла́вихь 183а, 190а, 191, про-сла́ви 155, 183 се, 186_2, про́-слависта 21а. 8. о҆-ста́вихь 40, ѡ҆-ста́ви 98, 128а, и о҆-ста́ви 90_2 — ѡ҆-стави 75 и о҆-стави 79а, ѡ҆-ставихомь 144 и о҆-ставихомь 86, о҆-ста́више 90, 159 — ѡ҆-ставише 148а; по-ста́ви 110а; сь-ста́ви 64а. 9. на-сы́тистесе 170, на-сы́тишесе 77а, 124. 10. о҆-чи́стисе 18, 111а, 113а — о҆-чисти́|се 68, ѡ҆-чистишесе 142 — ѡ҆-чисти|ше́се 142. 11. чю́дисе 118, чю́дишесе 20, 90.

Глаголы исконной ь а.п.

1. при-бли́жисе 22, 67, 95а, 144а, 149а, 152а, 156 — при́-ближисе 127_2, при-бли́жишесе 87а и при-бли́жишесе́ 156а. 2. бл҃го-во́лихь 109а; и҆з-во́лихь 26а, и҆з-во́лисе 103. 3. въз-вра́тисе 105а, 110а, 111, 122_3, 123, 145а, въз-вра́тишесе 107, 108 — въз-вра́тише(же́)се́ 127, въз-вра́тистасе 108, 157; ѡ҆б-ра́тисе 196. 4. сь-грѣ́шихь 139_2. 5. раз-дѣ́лисѐ 129а, раз-дѣ́ли́се 194а. 6. прь-кра́ти 92а. 7. кръ́сти|х 66а. 8. ко́ѹпише 98а. 9. въз-ло́жи 81, 173-173а, 174, въз-ло́жише 95а, 153а, 193а; низ-ло́жи 105; по-ло́жи 106а, по-ло́жисте 181а, по-ло́жише 77, 105а, 195а, 196; при-ло́жи 109а — при́-ложи 147а. 10. прь-ло́михь 81, прь-ло́ми 151. 10. раз-ло́ѹчи|-стасе 125. 11. въз-лю́бихь 188а и въз-лю́бихь 186, въз-лю́би 120, 164, въз-лю́бисте 190, въз-лю́бише 184а и въз-лю́бише 164. 13. моли́хсе 151а, мо́ли 195. 14. по-но́си 99а. 15. про́сита

86; вь-про́си 83, 97, I2Iа, вь-про́сише 72, 90, I67а, I77 — вь-проси́ше I48, I49 — вь́-просише I6I$_2$, вьс-про́си|сте I90. I6. вь-се́лисе I60а, вь-селисе I35а. I7. оу́-|стрьмисе I22. I8. ѡ-сто́упи I52, I57а; при-сто́упи 37а, I44 при-сто́упише 20а, 27а, 30, 32, I36; прѣ-стоупи 74а. I9. ѡ́-соу́дише 96а, о-соуди I74а, 20. за-тво́ри I09а; сь-т|во́рихь I66, I86, сь-тво́ри 70, 74, 74а... (I4 раз) и сь-тво̀ри I05а, II5 — сь́-твори 8, 25а, I05, сь-творихѡмь I42 — сь-творихѡ́|мь I7а, сь-тво́ристе I47, сь-тво́рише 37а, 83, I23а, I24, I82а, I83 — сь-твори́ше 89а, I93а$_2$ — сь́-творише 26а и сь́-тво̀рише 62а; оу́-тво|рисе 8Iа. 2I. рас-то́чи I05. 22. троуди́хсе 2I2. 23. сь-хра́нихь 85а, I44, I9I, сь-хра́нише I90а.

Глаголы исконной с а.п.

I. вьз-бра́нихомь 84, I25а, вьзь-бра́нисте I3Iа. 2. вьз-боу́дише 73а. 3. ѡ-ва́ли 62. 4. сь-врьши́шесе I94а, I25. 5. вьз-вѣ́стише 77, I25 — вьз-вѣсти́ше(же) I22, вьз-вѣ́стиста 99а. 6. гла́си I93; вьз-гла́си 96а$_2$, I20а, I23, I53, I83, I92а; при-гла́си 84, I35, I62а. 7. ѡ́-гради 89. 8. по-го́уби I42а$_2$. 9. ди́висе 98а — диви́се I73а, диви́шесе I07, I29а, ди́вистасе I08а. I0. дои́ше I54а. II. ꙗ́ви|хь I90а, ꙗ́висе 99, 99а, I03а, I57, I97$_2$ и ꙗ́висе 82а, ꙗ́ви́шесе I56. I2. по-кло́нисе 34а, по-клони́шесе I57а, по-клони́стасе 62; оу́-клонисе I67а. I3. оу́-корише I78. I4. с-м|соу́тисе I03а, с-моу́тишесе 32а, 78. I5. вь-мѣ́нисе I52. I6. раз-бри́сте 33а. I7. за-прѣ́ти 67а, II2, I2Iа. I8. ѡ-поу́сти 77, I05, I22. I9. роди́х|се I93, ро́ди(се) 7, I05а, I59, I77$_3$, ро́дише I54а — роди́шесе I60а. 20. на-са́ди I47. 2I. про́-свѣти 64а. 22. оу́-строи 82а. 23. оу́-тврьдисе 70 — оу́-тврьдисе I4I, оу́-тврьдише 6Iа. 24. на-оу́чи I58а, I75а, на-оу́чише 77. 25. и́с-цѣлисе III а — и́с-цѣли 26а и и́с-цѣли I35.

АОРИСТ В ЕВ. I562 г.

Глаголы исконной а а.п.

I. низ-вѣ́сише II2а. 2. оу́-да́ри 94а — оу́-дари I5Iа, I9Iа. 3. коу́-пихь I36а$_2$. 4. вь-ко́уси I6Iа. 5. прѣ-ѡ́бра́|зисе 8I. 6. и́с-п|лѣ́нисе 66, I04 (без се), I04а, и и́с-плѣ́нисе I63а, I82 — и́с-плѣнисе I04, исплѣ́нишесе I03, I05а, II4а; на-плѣ́|нише I6Iа. 7. ѡ́-пра́вдисе II8, ѡ́-пра́вдише II8. 8. про-сла́вихсе I90 — про́-сла́вих I89а, про-сла́ви I54, I85$_2$ — про-сла́ви́се I82, про-сла́више I9, про̀-сла́виста 20а. 9. прослѣ́зисе I80а. I0. о́-ста́вихь 39, ѡ́-ста́ви 97, I27а, и о́-ста́ви 78а, 89 — ѡ́-стави 9а, I0, 74, 89, о́-ста́вихѡмь 85 и ѡ́-ста́вихѡмь I43 — ѡ́-ставихомь 4I, ѡ́-ста́више 89, I58 — ѡ́-ставише I47а; по-ста́ви I09а. II. на-сы́тистесе I69а, на-сы́тишесе 76а, 79а, I23 — на-сыти|ше́се I68а. I2. о-|чи́стисе II2, и о́-чи́сти|се 67 и о́-чи́стисе II0а — ѡ́-чис-

тисе I7$_2$ — о̀-чистисе 67, ѡ́-чистишесе I4I — ѡ́-чистише́|се I4I.I3.чю-дисе II7, чю́дишесе I9, 89.

Глаголы исконной ь а.п.

1. сь-бла́|знишесе 32а. 2. при-бли́жисе 66, 94а, I48а — при́-ближисе I26а, I38а, I43а, I45... (8 раз) и при́-ближисѐ II7, при-бли́жишесе 86а$_2$ — при́-ближишесѐ I55а. 3. бл҃го-во́лихь 65а и бл҃го-во́лихѣ I08а; и҆з-во́лихь 25а, и҆з-волисе I02. 4. въз-вра́тисе I04а, I09а, II0, I2I$_3$, I22, I44а, въз-вра́тишесе I06, I07, I26, въз-вра́тистасе I07; ѡ҆б-ра́тисе I95. 5. сь-грѣ́шихь I38$_2$. 6. вѣ-дворисе 44. 7. ра́з-дѣлисе I28а, раз-дѣ́ли́ше I93а. 8. прѣ́-крати 9Iа. 9. крѣ́сти|х 65а.I0.коу-пи́ше 97а. II. въз-ло́жи 80, I72 - I72а, I73, въз-ло́жише 86а, I53а — въз-ложи́ше 96а и въз-ло́жи́ше I92а; низ-ло́жи I04; по-ло́жихь I44а, I87а, по-ло́жи 97а, I05а, по-ло́жисте I80а, по-ло́жише 76, I04а — по́-ло́жише I94а; при-ло́жи I08а — при́-лож|и I46а, прѣ́-ложисе 2а. I2.прѣ-ло́михь 80, прѣ́-ломи I50. I3. раз-лоу́чи-|стасе I24. I4. въз-лю́бих I85 и въз-лю́бихѣ I87а, въз-лю́би I63 и въз-лю́би II9, въз|- лю́бисте I89, въз-лю́бише I63, I83а. I5. моли́хсе I50а, мо́ли I94; по-мо́лисе 94. I6. по-но́си 98а. I7. про́си 75а, про́сита 85; въ-про́си 82, въ-про́сише 7I, 89, I76, I77 — въ-проси́ше I47, I48 и въ-проси́ше́ 84, въ-про́сише 25, въс-про́|систе I89. I8. въ-се́лисе́ I59а, въ-селишесѐ I34а. I9. о҆́у-ст|рѣ́мисе I2I. 20. ѡ҆т-сто́упи I5I, I56а; при-сто́упи I26а — при́-стоупи I43, при-сто́у́пише 46а, 7I, II3а, I35 и при-сто̀у́пише I9а, I35 — при́-сто́у́пише I82а — при-стоупи́ше 32, при-сто́у́писта 20; прѣ-стоупи҃ 73а. 2I. ѡ҆́-соуди I73а, ѡ҆́-соу́дише 95а. 22. за-тво́ри I08а; сь-тво́рихь II6а, I84а, сь-тво́ри 69, 92а, I03, I04... (I4 раз) и сь-тво̀ри 7, сь-творѝ I2а, и сь-твори́ II4 — сѣ-твори 28а, I69 — сѣ-тво́ри 69, сь-твори́хѡмь I4I, сь-тво́ри́сте 87а, сь-тво́ри́ше 36а, 69, 82, 88а — сь-твори́ше 96, I93а — сѣ-тво́ри́ше 6Iа; о҆́у-тво|рисе 80а. 23.рас-то́чи I04, I38. 24. тро́удихѡмь|се 2. 25. по-хва́ли I39. 26. сь-хра́нихь 84а, I43, I90, сь-хра́нише I89а.

Глаголы исконной с а.п.

1. въз-бра́нихомь 83 — въз-бранихо́мь I24а, въз-бра́нисте I30а. 2. вѣ́з-боу́диѡ҃ 72а. 3. ѡ҆т-ва́ли 6I; при́-вали 97а. 4. вь-врѣ́шихь I89а, сь-врьши́шесе I94. 5. въз-вѣ́сти 73 — въз-вѣ́сти 98а, въз-вѣ́стише I20, I24, въз-вѣ́стиста 98а. 6. гла́си I92; въз-гла́си 95а$_2$, II9а, I22, I52, I82, I9Iа, въз-гла́сише 86, I76а, I77; при-гла́си 83, I34 — при́-гла́си I6Iа. 7. ѡ҆́-гра́ди 45 и ѡ҆́-гра́ди 88. 8. по-гоу́би I4Iа$_2$. 9. ди́висе 97а, I29а — диви́се I62а, ди́вишесе I28а — дивишесе I06, диви́стасе I07а — ди́виста́се I22. I0. доише I53. II. ꙗ҆ви́|хь I89а, ꙗ҆ви́се 8Iа, 98, 98а, I96 — ꙗ҆висе 98а, I02а, I56 и ꙗ҆ви́сѐ I96, ꙗ҆вишесѐ I55. I2.по-кло́нисе 72а, I77а, по-кло́нишесе 8, 6Iа, I64а — по-кло|ни́шесе I56а,

по-клонистасе 6I; оу-клонисе I66а. I3. оу-корише I77. I4. при-лѣ-|
писе I38. I5. въз-моутисе I80а; с-моутишесе 77. I6. вь-мѣнисе I5I — вь-мѣнисе 97. I7. раз-ористе 32а. I8. за-прѣти 66а, I20а, за-прѣтише I42а. I9. ѡ-поусти 76а, I04, I2I. 20. рѡдих|се I92, роди(се) 2а, I04а, I58, I76$_3$, рѡдише 40 (се), I53а — родишесе I59а. 2I. въ-сади|ше I45; на-сади I46. 22. про-свѣти 63а, 23. оу-строи 8Iа. 24. по-сѣти II7. 25. оу-творѣдисе 69, I40, оу-творѣдише 60а. 26. ѡ-тоуждихь 37$_2$. 27. на-оучи I57а, I74а, на-оучише 76. 28. ис-цѣли II0а, I24а, I34.

АОРИСТ В ТР. 1566 г.

Глаголы исконной а а.п.

1. из-бавы I40а, из-бави 24, 25, I25а, I29а (се) — из-бавѝ I54 — из-бавѝ I67$_2$, из-бавихѡсе I44а, I74 — из-бавыхомсе 83, 2II. 2. оу-готовисе 72а — оу-готовисе 63а. 3. оу-дари 25а, оу-дарише 48а. 4. коупише 47а, 50а, 58а, 74; съвь-коупи I48а, I64а (се). 5. вь-коуси 5, 55, 2II а — вь-кусѝ 2II а; ис-коуси 203 — ис-коусѝ 203. 6. оу-малихомсе 98. по-мыслисте 44а, по-мы|слишѐ 30а. 8. смѣрихсе 23. 9. ѹ-не-|вѣстисе 22. I0. оу-ничижихь 203. II. и|с-плѣнисте 202а, ис-плѣнишесе II0, I22а, I30а, I96. I2. ис-правихь 47, ис-прависе 2I3, ис-правише 2I0. I3. ѡ-правдисе 99а. I4. противишесе II6. I5. раз-роушише 9 (се), II7а, I25а (се). I6. про-славих 39 (те), 39а (се) — про-славих I62а (те), про-слависе 10, 66а, 77а... (I4 раз) — про-слави 53 и про-слависѐ 35а и про-слависѐ 26а, 37. I7. вьстави I60; на-стави I35а; ѡ-стави 74а, I73 — ѡ-стави 40а, и ѡ-ставѝ I75, ѡ-стависте 25, ѡ-ставише 86а; по-ставѝ I78а, по-стави I88а, по-ставише 45, 57а; прѣ-ставише 50а; съвь-ставѝ I36а, съвьставѝ I60а; съ-стависе I42а. I8. оу-страши I75, 2I4 (се); оу-страшише 208. I9. ис-хити I2I. 20. о-цѣ|сти I5Iа. 2I. ѡ-чисти 63$_2$, ѡ-чисти 33.

Глаголы исконной ь а.п.

1. при-ближисе 87 — при-ближисе 53 — при-|ближисе 42а, при-ближишесе I50а. 2. въз-висисе 207а. 3. из-воли 48а, 8I, I70а. 4. въз-врати (се) 4, 58а, 66, 74, I96 — въз-вра|тѝ 47а, въз-вратишесе I07, I09; об-ратишесе 87; ѡ-врати 55, 6Iа, ѡ-врати 63а; прѣ-вратисе 88а. 5. вь-грѣшы 58а, 74. 6. оу-давїисе 47а. 7. вь-дроузишесе 33а. 8. раздѣли 207, раз-дѣлише 59а, 7Iа. 9. ѡ-зарихѡсе I97а. I0. оу-красисте 208а, оу-красише 208а. II. ѡб-личише 53а. I2. въз-ложише 40а, 48а, 49а, 55а... (I0 раз) — въз-ложише 68а — въз-ложишѐ 45а; ни|з-ложисте I79; ѡб-ложисе I32а, ѡб-ложисѐ 26а; ѡ-ложише 79а; по-ложи|х 33а$_2$, 34а, 6Iа — по-ложихь 37а, по-ложи 33а, 55а, 76а (се)... (I0

раз) — по́-ло́жи 77а, по-ло́жисте 6, I28а, I29а, по-ло́жише 72а, I07а, I25... (8 раз), по-ло́жи|ста 56; при-ло́жисе I88а, при́-ложи 34 (н. вр.?); прѣ́-ло́жисе I84, прѣ́-ложише I3. I3. ѿ-ло́учисе I68а; ра́з-лоучи 84, I79 (се) — раз-ло́учи 84. I4. въз-лю́би 22а, 35а, 37, 84а, I58а — въз-любы́хъ 22а, въз-лю́би I73, 209, въз-лю́бистѐ I7, въз-лю́бише 208а. I5. по-мо́лисе II0а, по-мо́лишесе 86. I6. ѹ́-мрѣтвисе I29а, I54а. I7. ѹ́-моудрѝ 20Iа. I8. раз-мѣ́сишесе 20Iа. I9. ѿ-палисѐ II5; по-па́лише 202. 20. ѹ́-пра́знисе 2I6. 2I. про́сѝ I98, про́си I20а, про́сише 48а — проси́ше I20а; въ-про́сѝ 47а, 58а; и́с-про́сише I07а. 22. въ-се́лисе 25, I24, I84а — въ-сели́(же)се 25, I29 — въ-се́лисѐ I07а. 23. по-слѹ́жише I74а. 24. раз-мо́трѝ I54; съ-мо́трѝшесе I49. 25. ѿ-сто́упи 2I5; при-стѹ́пи 24, II7а — при́-стоупи I8I, и при́-сто́упи 85а и при́-стоупѝ 44, при́-стоупише 22а; прѣ́-стоупи 50а. 26. со́удихъ 73а; ѹ́-соу́дисте I79, ѹ́-соу́дише 56, 60а, 70а, I5Iа. 27. за-тво́ри 88; съ-тво́рѝ 37а, 47_2, 63_2... (I0 р.), съ-тво́ри 5, 53, 55... (II раз) — съ́-творѝ 37а и съ-тво́рѝ 46, и съ-тво́рии 83а; съ-тво́рихѡ 88а, съ-тво́рише 5, 47а, 55... (II раз), съ-тво́рише $3I_2$. 28. рас-то́чисте 44, 57а. 29. тро́удих'се 25а, тро́удисе I43. 30. нис-то́ужи 98а. 3I. въс-хва́лише 33а; по-хва́лѝ 5, по-хва́лише 5, 32. съ-хра́нихъ 39а, 6I, съ-хра́ни II7а. 33. цѣ́нише 47а, 58а, 74. 34. ра-ши́ришесе I43а. 35. ѹ́-щедри I63.

Глаголы исконной с а.п.

I. за-блю́ди 63а, за-блю́дихѡ 63а. 2. при-ва́ли I27а. 3. прѣ́-варише I02а. 4. въз-весе́лисе I43а, въз-ве́селисе 64, I40, I50а. 5. съ-|врѣ́шихъ 39а, съ-врѣ́ши 80а, 2I8 (се), съ-врѣ́шишесе 54а, 69а, 204а — съ-врѣ́ши́шесе 70. 6. блго-вѣ́сти I09а, блго-вѣ́стисте 206, блго-вѣ́стише I02а, 206; въ|з-вѣ́стихъ 203, въз-вѣ́сти 33а, 34, 63а (се), 72а (се), I28 — въз-вѣ́стѝ I4Iа, въз-вѣ́стихѡ 72а, въз-вѣ́стише 34 (мисѐ), I00. 7. ѹ́-гасише I47а. 8. въ́з-гласїи 44 — въз-гла́си II3, въз-гла́сишесе 207. 9. по-глѣ́ти(ми)се 83. I0. ѿ-го́рчисе I36. II. за-гра́дише 202. I2. по-гро́узи 207. I3. по-гоу́бѝ 6, по-гоу́бише I09, I30а. I4. диви́шесе I68; ѹ́-диви́|х'се I54, ѹ́-диви́се I52а — ѹ́-дивисе 2I3а, 2I4а — ѹ́-ди́висе I52а, 2I5, ѹ́-ди́висте 202а, ѹ́-ди́вишесе I73, 207а — ѹ́-дивишесе I73а. I5. ꙗ́висе I02, II2, I52, I54, 282, 207, 2I4, 2I4а и ꙗ́висе 83а, II8а, ꙗ́вистесе 209, ꙗ́вишесе 60а, I65а, I75 — ꙗ́вишесе 52а. I6. ѹ́-ꙗ́сни́сте 2I3а. I7. по-кло́нишесе I00а, I02а, I24 (сѐ), по-кло́нистасе I00; при́-кло́ни 22а; прѣ́-клонисѐ 24а; ѹ́-кло́нише III. I8. ѹ́-корѣ́нишесѐ 3I. I9. съ|-кро́ушѝ 34, съ-кро́уши I02, I23а, съ-крѣ́шишесе 76а, I25а. 20. ѹ́-крѣ́ши I33а. 2I. ли́ших'се 83. 22. при-лѣ́пише 2I2. 23. ѿ-мра́чишесе I50; по́-мра́чисе 46а. 24. съ-мо́утихъ 47, 63, съ-мо́утисе 87. 25. въ-мѣ́нисе 50, 63а, 73, I55а, 203, въ-мѣ́нихѡ 63а, 73; и́з-мѣ́нисе I32а; прѣ́-менихсе II7, прѣ́-менихо́се I97 — прѣ́-менихо́мсе

6Ia. 26. ѡ҆б-на́жисе I37, ѡ҆б-на́жихѡ҆се I96a. 27. ѡ҆б-но́више 2II a. 28. ра́з-ори 58, I3I, I8Ia(се), раз-о́ристе 63. 29. о҆-печа́лих 87(се), I40a. 30. вь-пльтисе I46. 3I. ѡ҆-пльчишесе 88, 88a. 32. пльнисе I30. 33. посѣ́дихь 39, I26a, посѣ́ди I82a, посѣ́дише 204a. 34. на-пойше 202. 35. и҆с-по́усти 76. ѡ҆-по́усти 48a, 59. 36. по-ра́зи 87a, 207, по-ра́|зистѐ 44a — по-ра́зисте 57a. 37. ро́дих'се 45a, 68a, I59, ро́ди 87a, I59, ро́дише 4a (се), 65, 72; по-ро́ди 202a. 38. раз-рѣ́ши 23a — ра́з-рѣши 23a, II2a, I56a. 39. сво|бо́ди 206, свобо́ди|хомсе 83, свобо́ди|ше 48a. 40. ѡ҆-свѣ́тише 208, 208a (се); про-свѣ́ти 63, про-свѣ́ти I08a, I82a, I84a, про-свѣ́тихосе I97 — про-свѣ́тихомсе 5I, про-свѣ́тише I45, I09a(се), I3I(се), I3Ia(се). 4I. ѡ҆-скврѣ́нишѐ 3Ia. 42. ѡ҆-скрѣ́би 87a (се), I40a, ѡ҆-скрѣ́би 87 (се), 98a. 43. про|-сма́дише 3Ia. 44. по-сра́мистесе I52a; о҆у-сра́мисе 6Ia. 45. о҆у-стидишесе I78a. 46. о҆у-твръ́дихсе I34a, о҆у-твръ́ди 76a, II2a, II3, I22a (се)... (7 раз), о҆у-твръ́дише 57, I95a (се), 20I$_2$ (се). 47. и҆с-тѣ́шисе II9a; по-тѣ́шисе 70a, II4a. 48. на-о҆у́стише 59 — на-о҆у́стише 48. 49. на-о҆у́чи 34, на-о҆у́чихосе I97a, на-о҆у́чише I94a, 20Ia — на-о҆у́чише I80, I94. 50. и҆с-цѣ́лисе II6, I60. 5I. при-че́стисе 64a.

В.А.Дыбо

РЕКОНСТРУКЦИЯ УДАРЕНИЯ 1-ПРИЧАСТИЯ ОТ ГЛАГОЛОВ НА -nǫ- и -i- В ПРАСЛАВЯНСКОМ

(Южнославянские и восточнославянские акцентные системы)[1]

В современном сербско-хорватском языке причастия на -l от глаголов с основой на -nǫ- сохраняют два типа акцентной парадигмы[2]: тип A с ударением на корне (dȉgnuo, dȉgnula, dȉgnulo, dȉgnuli; чакав. Нови gȉnul, gȉnula) и тип F с ударением на -nu- (tȍnuo < *tonúo, tȍnula < *tonúla, tȍnulo < *tonúlo, tȍnuli < *tonúli; чакав. Нови nagnȕl, nagnȕla, okrenȕl и др.), которые соответствуют аналогичным русским типам: A – двúнул, двúнула, двúнуло, двúнули; F – тонýл, тонýло, тонýла, тонýли. Как в сербско-хорватском, так и в русском языке эти типы продолжают позднепраславянские акцентные типы A и F 1-причастий от глаголов на -nǫ-, но их современное отношение к презентным формам глагола явно непервоначально: в сербско-хорватском оно ближе к праславянскому, так как эти типы соотносятся соответственно с парадигмами a и b глаголов на -nǫ-. Полное исчезновение парадигмы c презенса этих глаголов и переход глаголов, входивших ранее в акцентную парадигму c, в парадигму b, повлекли за собой переход 1-причастий от этих глаголов в тип F.

Иное положение в русском, где парадигма c значительно расширила свой состав в презенсе, став продуктивным типом за счет падения продуктивности типа b и массового перехода глаголов акцентной парадигмы b в парадигму c. Это вызвало смешение подвижного акцентного типа 1-причастий с типом F и вытеснение его типом F, что должно быть также связано с общим процессом падения подвижности в парадигме многосложных глаголов. Эти общие соображения подкрепляются тем, что следы подвижного типа глаголов на -nǫ-, которые явственно прослеживаются в презенсе и аористе этих глаголов, сохраняются и в 1-причастиях.

Определенные русские диалекты XIV-XVII вв. еще, по-видимому, сохраняли подвижную акцентную парадигму 1-причастий, что доказывается

---

[1] О системе обозначения ударения, употребляемой в реконструкциях, и о системе знаков акцента, употреблявшихся в древнерусских, старорусских и среднеболгарских текстах, см. в конце статьи.

[2] Обозначаются, как соответствующие им акцентные типы производных имен, см.: В.А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском. "Славянское языкознание". VI Международный съезд славистов (Прага, Август, 1968). Доклады советской делегации". М., 1968, стр. 150-15

отражением ее в древнерусских памятниках: Псалтырь I пол. XVII в. (Пс. № 62)[3] – и́ по́манылъ 85а, 118б, по́маныльлъ 106б, 146б, по́маню́ 44а, 115б, по́|маню́ 111а, не́ поманю́ 122б, не́ по|маныльлъ 95б;

В соответствии с инфинитивом поманю́ти 146б I лицом ед.ч. през. по́маню 82а и др., не́ поманю 147а и др., 2 лицом ед.ч. през. помане́ши 165а[4].

Этим русским фактам соответствуют остаточные явления в кайкавских и словенских диалектах. В беднянском кайкавском говоре l-причастия от глаголов svinũti, zgernũti, spemenũti, minũti входят в подвижную акцентную парадигму[5], их формы, согласно описанию: svêinul, svinũlo, svêinula; zgêrnul, zgernũlo, zgêrnula; spȳemenul, spemenũlo, spȳemenula; mêinul, minũlo, mêinula. Сохранение остатков подвижности ударения в этом типе в словенских и кайкавских диалектах подтверждается и материалом М.Валявца: "Osnova mini ima naglas prema glagolima s nastavkom i, kojim je i u prezensu naglašeno: minȋl, minȋla, minȋlo itd. (<*mȋnil, *minilá, *mȋnilo – В.Д.). . . – U goreńštini glasi osnov minu: minȋl, minȋla, minȋlo, a Levstiku mino: minȏl, minȏla, itd"[6] (<*mȋnǫlъ, *minǫlá, *mȋnǫlo, *mȋnǫli и т.д.). В словенских диалектах Венгрии при проведении в формах парадигм a и b накоренного ударения: poglédnola, pokléknola, lejhnoli, dopádnola, priségno, posejhno, potégnola; (неотмеченное краткое ударение: tekno, vtono и др.), "naglas na nastavku no može imati osnova mino i vrno"[7]: preminoula, minoulo; povrnoula; другой глагол этой группы отмечен как сохранивший оттяжку ударения на приставку: "Naglas na prijedlogu ima: meno": opoumeno, spoumeno[8].

На остаток этого же типа М.Валявец указывает и в материале кайкавских диалектов: "Jedna mi je poznata osnova, koja ima naglas na nu: vrnu u svim oblicima do sing. masc.: vŕnul, vrnúla, vrnúlo, vrnúli,

---

3 Список источников и их сокращений см. в конце статьи.

4 Ср. соответствующий перенос ударения на приставку в действительном причастии прошедшего времени от этого глагола в Чудовском Новом Завете и в аористе в среднеболгарских текстах: I. Действительное причастие прошедшего времени: вспо́маноувъ Чуд. Нов. Зав., 140[2]; II. аорист: по́мѣнꙋ Нор. пс., 23а, И по́мѣнꙋ ib., 178б; по́мѣнꙋ Пс. Кипр., 92а, 94б при помѣнꙋ Пс. Кипр., 110а, но ср. аорист от глагола акцентной парадигмы a: и҆ ѡ҆рі́нꙋ Нор. пс., 133а при ѡ҆ри́нꙋшꙋ Григ. № 1703, 2б.

5 См.: J. Jedvaj. Bednjanski govor.-HDZb I, стр. 314 и 313.

6 Rad 110, стр.38; этот же тип подтверждается автором и ниже на стр.108.

7 Rad 118, стр.141–142.

8 Rad 118, стр.142.

vrnúle[9]". Так как все примеры этого рода приводятся М.Валявцем из Gašparoti (1752 г.), трудно судить о правильности его интерпретации без предварительного анализа акцентологической системы этого памятника, однако особое положение этого глагола уже само по себе характерно.

Подвижный акцентный тип в глаголах на -nǫ- отмечают и среднеболгарские тексты (ср. приведенные выше формы 3 лица ед.ч. аориста). Относительно подвижности ударения в l-причастии от глагола pomęnǫti заслуживает внимания показание среднеболгарской псалтыри конца XIV - начала XV в. (Пс. № 309): пóмѣнѫль 100б, ср. там же 1 лицо ед.ч. praes. пóмѣнѫ 46а.

Таким образом, наряду с акцентными типами А и F у l-причастий от глаголов на -nǫ- в праславянском следует предполагать подвижный акцентный тип С: mĩnǫlъ, pǫ̏męnǫlъ; minǫlá, pomęnǫlá; mĩnǫlo, pǫ̏męnǫlo; mĩnoli, pǫ̏męnǫli; mĩnǫlě, pǫ̏męnǫlě; minǫlá, pomęnǫlá и др., - к которому относились l-причастия от глаголов на -nǫ- с презенсом, относящимся к акцентной парадигме c. Вероятно, этот тип был значительно более многочислен, чем можно сейчас судить по его скудным остаткам.

* * *

В современном русском языке подвижный тип ударения в прошедшем времени глаголов на -i- почти полностью устранен: единственным остатком является форма родилá, а также родился́, родили́сь, с переносом ударения по закону Васильева - Долобко[10]. В диалектах также засвидетельствованы некоторые формы, отражающие подвижный тип: пу́стил, пустилá, про́стил, по́ложил, распустилá, спустилá, впу́стили, до́пустили, ро́стил(и), пу́стили[11].

Однако вплоть до XVII в. акцентованные памятники показывают акцентную систему, в которой совершенно равноправно сосуществуют все три акцентных типа l-причастий, строго соотносящиеся с тремя акцентными типами презенса глаголов на -i-. Наиболее ранний из памятников, Чудовский Новый Завет середины XIV в. обнаруживает следующее распределение:

---

9 Rad 118, стр.154.

10 О законе Васильева - Долобко см.: В.А. Дыбо. Закон Васильева - Долобко и акцентуация форм глагола в древнерусском и среднеболгарском. - ВЯ, № 2, М., 1971.

11 См.: Chr. Stang. Slavonic accentuation. Oslo, 1957, стр. 143.

Акц. тип презенса	a	b	c
1-причастия	1. о̂ста́вилъ 104[1], 140[1], о̂ста́ви 13[4], 140[2], 149[3], 2. оуподо́билисѧ 104[1] 3. размѣ́рилъ 105[2] 4. оугото́вила 157[1] 5. о̂печа́лїлъ 117[1]	1. любо́или 46[1], 49[2] 2. ходи́л 68[2] 3. вводи́лъ 74[3] 4. взвратили\сѧ 137[3] 5. при́сту\пи́ло 134[1] 6. оудовли́ла 137[3]	1. ство́\рилъ 74[3], створіла́ си 14[3], ствѹ́рили 29[2] 2. пре̂варіла̀ (ж.р. ед.) 23[4] 3. не\согрѣшила̀ 111[1] 4. по́ложилъ 113[2] сложилъ\сѧ 40[3], сложилисѧ 75[4] 5. просмра\дила̀ 157[1] 6. и́ мстилъ 157[1] 7. ї́авилъ 99[2]

Таким образом, от глаголов с неподвижным ударением в презенсе образовывались 1-причастия с неподвижным ударением на корне, от глаголов, переносящих ударение на окончание в 1 лице ед.ч., образовывались 1-причастия с постоянным ударением на теме -i-, от глаголов с подвижным ударением в презенсе (акцентная парадигма c) причастия на 1 получали подвижное ударение с акцентом на окончании в одних формах и на начале слова (включая "проклитики") в других.

Существование в прошлом подвижного типа ударения 1-причастий от глаголов на -i- хорошо известно. Еще Л.Л.Васильевым был собран большой материал из древнерусских памятников (дополненный затем Хр.Стангом), показывающий как характер подвижности, так и место ее в акцентной системе глагола (связь с "окситонированной" парадигмой презенса)[12].

1) на̀пойлъ Тр. П. 1589 г., 135б, на́пойли М. 1600 г., 105б, напойла̀ е̂си М. 1609 г., 132а; 2) по́родилъ М. 1607 г., 48б, ро́дили Потр. 1623 г., 317б, родила̀ е̂сѝ Ч. 1565 г., 15б; 3) по́тайло Охт. 1594 г., 403б, потайла̀ Потр. 1623 г. 64б; 4) по́лѹчилъ М. 1607 г., 2б, разлѹчила́сѧ Тр. П. 1589 г., 83а; 5) по́требилъ Охт. 1564 г., 95а, потребила̀ е̂си М. 1609 г., 134а; 6) ї̂авилъ(сѧ) Ап. 1564 г., 44а, Тр. П. 1589 г., 145б, Охт. 1594 г., 83б, 293б, ї̂авила́сѧ Тр. П. 1589 г., 115б; 7) по́бѣдилъ М. 1600 г., 24б, по́бѣдили М. 1600 г., 127б, побѣдила̀ М. 1611 г., 96а; 8) со́вершилъ Ап. 1564 г., 210б, со́вершили М. 1600 г., 124а, совершила̀ е̂си М. 1611 г., 91а; 9) жи́вил Охт. 1594 г., 109б;

---

[12] Л.Л. Васильев. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -лъ. ЖМНП, 1905, август, стр.464-465.

ѿживилà ѐси Тр. П. 1589 г., 217б; 10) пóложилъ Ч. 1565 г., 66б, прúложилъ Ап. 1564 г., 148б, влóжилъ Тр. П. 1589 г., 113б, возложилá ѐси М. 1609 г., 66б; 11) нé согрѣшилъ Ап. 1564 г., 119б; 12) смúрил Ч. 1565 г., 78б; 13) нáоучилъ Охт. 1594 г., 196б. В Симеоновской летописи: пóложи 205б, пóложили 512а; лишилъ 47б; дáрилъ 403б; пóтаилъ 491б; ґáвили 527б; гóвори 533а, гóворили 522а и др.

О том, что это ударение сохранялось как система в определенных русских диалектах вплоть до первой половины XVII в., свидетельствует материал рукописной Пс. № 62:

1) сóтвори 9б, 21б, 41б, 68а, 83б, 86а, 91б, 94а, 105а, 106а, 107а, 110а, 112б, bis, 115а, 124а, 127а, 162б, 168б, bis, 169а, 170а, 172а, й сóтвори 172а, й сóтвори тѧ 161а, сóтворилъ 7а, 55а, 79а, 81а, 107б, 126а, 144б, 148б, сóтворил 144б, 168б, сóтвори|лъ 88б, сó|твори 104а, 132б, 172а, нé сотвори 156а, й нé сотвори 11б, зáтвори 86а, й зáтвори 86б, со|творилà 128б; 2) пóложилъ 19а, 40б, 46а, bis, 67б, 88б, 92а, 99б, пóло|жилъ 49а, 58б, пóложи 77б, 83а, 85б, 92б, 98б, 101а, 112а, 112б, 120б, пóло|жи 91б, 156а, пóложил 115а, й пóложи 120б, 148а, пóложи ми 134б, й пóло|жи 165б, нáложи 5б, й влó|жи 41б, й нúзло|жилъ 62б, нé пóлóлъ 55а; 3) нáсадилъ 88б, нáса|дилъ 112б, нáсади 160а, пó|сади мѧ 151б, насадилà 89а; 4) óуничижи 135а, й óуничижи 86б, 98б, нé оуни|чижилъ 21а; й нé оу|ничижи 109б; 5) пóразилъ 84а, 144б, пó|рази 145а, й пóрозилъ 62а, й пóра|зилъ 86б–87а, і пóрази 86а, 115а, й пóра|зи 115б; 6) сóкрѹшилъ 81а, сóкрѹши 119б, сокрѹ|шилà 159а; 7) йстребилъ 16б, пóтреби 78а, потребилà 45б; 8) рáзорил 7а, рó|зорилъ 98б, рóзори 89а, 98б; 9) рóди сѧ 95а, родилà 164б; 10) óупоилъ 66б, нáпоилъ 62б; 11) вóзвѣсти 124а, и вóзвѣсти 55а; 12) прéврати 114б, й прé|врати 85б; 13) сóвершилъ 79б, сóверши 69б; 14)смúрилъ 46б, смúрил мѧ 133а; 15) і óдождилъ 84б, й óдо|ждилъ 84б; 16) ґáвилъ 62б, ґáвил 106б; 17) смѹтилà 166а; 18) ѿновилáсѧ 40б; 19) пóкорилъ 6б; 20) рóзражи 8а; 21) й рóзреши 114б; 22) й вóзрасти 114б; 23) óживил мѧ 75а; 24) рóзделилъ 83б; 25) óукротилъ 93а; 26) й сóхрани 161а; 27) зáпретилъ 130а; 28) óумѹдрил мѧ 134а; 29) óсенилъ 149б; 30) рóсточи 172а; 31) пóсети 172б, 173а; 32) пóсрамил 46а; 33) і йзморилъ 115а; 34) й óбла|зни й 120б; 35) прúклони 127а; 36) рóзширилъ 16а; 37) плѣнилъ 70а; 38) нáоучил мѧ 75а.

Парадигма а (тип А)

1) йзбáвил 159б; 2) насú|ти 161б; й насúтилсѧ 161б; (ср. 1 ед. насúщѹ 159б); 3) возвúси 98б; 4) óумáлилъ 98б; не óумáли 120б; (ср. аор.: óумáли|хом сѧ 169а, й óумáлишасѧ 120б); 5) настáви 159б, настáви мѧ 21б, й óстáви 161б, óстáви 161б, постáви 41б, 161а, по|стá-

ви 156б; 6) й оупо|добилсѧ 52а, оуподобисѧ 51б, 152б; 7) прославиласѧ 159а (ср. й прослá|влю 159а); 8) оуще́дри 111а (ср. оуще́дри|ши 109а); 9) й направи 41б; 10) оудовóли 161а; 11) оутѣшила 13б; 12) оумыслиласѧ 174б; 13) оумастѝ еси 22а; 14) оудали 95б, оудалилъ 96а, оу|далилъ 111а.

Парадигма ь (тип F)

1) возлюбилъ 47б, 55а, возлюбил'| 55а; 2) вселилъ мѧ 21б, вселилъсѧ 78б, вселилсѧ 85б, все|лиласѧ 138б, не вселиласѧ 103б; 3) потопила 71а (пóтопилъ 159а – смешение с акцентным типом с).

Смешения происходят между типом F и С в направлении установления единого акцентного типа 1-причастий с ударением на -i-, но таких смешений еще немного:

1) сохранила 137б; 2) йскусил мѧ 149а; 3) ꙗвилъ 83б; 4) й оу|твердилъ еси 39а, й оу|твердил мѧ 43б (ср. през.: да оутвердитсѧ 97а); 5) оскверни́лъ 98б (с двумя знаками ударения, ср. през. оскверна́т'| 98а); 6) оукрепилъ 89а; 7) оуничижилъ 56а; 8) положилъ 156б; 9) смирилъ 100а; 10) возвратилъ 92б, обратилъ 43а; 11) возвесели|лъ 98б, возвесели|л мѧ 101б (первый пример с двумя значками ударения); 12) оудивилъ 29б; 13) ѿпустилъ 30б; 14) прѣварилъ еси 19а; 15) й посрамилъ еси 46а; 16) й оуклонилъ 46б; 17) попалилъ 117а; 18) со|творилъ 41а, 53а (наряду с случаями перехода презенса в парадигму ь, ср.: сотворй 59а).

Примеры смешения единичны и в ряде случаев, видимо, связаны с аналогичными смешениями парадигм ь и с в презенсе.

Определенное значение имело, вероятно, и давление форм с частицей сѧ, в которых установление постоянного ударения на теме -i- в данных диалектах было нормой, возникшей, по-видимому, в связи с устранением действия закона Васильева – Долобко в многосложных глаголах.

Следует отметить, что наряду с разобранной системой в русских диалектах XVII в., отраженных в памятниках, существовала иная акцентная система, сохранившая подвижность ударения в 1-причастиях только от односложных глаголов и совместившая типы F и С в 1-причастиях от глаголов на -i- в едином типе с постоянным ударением на теме -i-. Эту систему проводит диалект Аввакума (по списку, принимаемому за автограф), Улож. 1649 г., Ратн., ряд тверских текстов начала XVII в. и некоторые другие. Нет основания считать различия этих двух акцентных систем чем-то иным, чем чисто диалектным различием. Именно при учете этого диалектного различия становится понятным на первый взгляд поразительный факт немногочисленности в памятниках примеров оттяжки ударения по закону Васильева — Долобко в 1-причастиях с частицей сѧ от глаголов на -i-.

За исключением реликтовой формы: родился́, родило́сь, родила́сь, родили́сь и известных диалектных форм: годило́сь, случило́сь, нам известно лишь несколько примеров действия этого закона в l-причастиях от глаголов на -i-, обнаруженных в старорусских текстах. Это: сложилъ|сѧ Чуд. Нов. Зав., 40[3], сложилѝ сѧ Чуд. Нов. Зав., 75[4]; не объѧвили́ сѧ Улож., 262а, родили́сѧ ib., 262а, 263б, породили́сѧ ib., 270б, обворотили́сѧ Ратн., 97б; лꙋчило́сѧ Домостр. И 38, родило́сѧ Домостр. К И 38 (44[16]).

Характерным в этой связи является то, что все эти примеры оттяжки по закону Васильева – Долобко восходят к текстам, диалекты которых почти полностью утратили подвижность ударения в l-причастиях от глаголов на -i- (исключая Чудовский Новый Завет, относящийся к другому историческому периоду). В другой стороны, в текстах с сохранившейся подвижностью ударения в l-причастиях от глаголов на -i- наблюдается полная стабилизация ударения на корне в l-причастиях от корневых возвратных глаголов и на теме -i- в l-причастиях от возвратных глаголов на -i-: показания Пс. № 62 в этом отношении не двусмысленны: при полностью сохранившейся подвижности в формах типа: со́бралъ 43а, не́ бы̑ 140а, во́здалъ 110б и др. – в ней проведено накоренное ударение в l-причастиях с частицей сѧ: кла́лсѧ 143б, бра́лсѧ 158а и др.; при показанной выше подвижности ударения l-причастий от глаголов на -i- подвижного акцентного типа (c) в презенсе, эти же причастия проводят обычно ударение на теме -i- при наличии частицы сѧ:

1) оу̑страши́|лосѧ 137б; 2) оу̑ди|ви́лсѧ 148б, 3) оу̑|тверди́лсѧ 148а, оу̑тверди́ласѧ 95б; 4) ѝ возвесели̑ сѧ 106а; 5) смири́ла|сѧ 47а, 6) вопри́лсѧ 49б; 7) ѝ ґа̑ви̑|сѧ 129а; 8) ѝ вмени́ласѧ 117б, ѝзмени́ласѧ 123а; 9) ѝ ѯскве|рни́ласѧ 118а; 10) возврати́л|сѧ 125б; 11) смꙋти́лосѧ 28б, 39б, смꙋти́ласѧ 44а.

Случаи сохранения подвижности ударения при частице сѧ единичны (это уже приведенные выше: ро́дилсѧ 95а, смꙋтила̑ 166а, ѯбновила́сѧ 40б) и обязаны своим ударением влиянию аналогичных форм без частицы сѧ.

Таким образом, в русских памятниках XYI–XYII вв. следует считаться по крайней мере с двумя типами акцентных систем в системе l-причастий[13]:

---

[13] Наряду с этими типами могли существовать и другие, как существенно отличающиеся типы, так и переходные. Отсутствие предварительных работ по исторической диалектологии акцентных систем вынуждает нас ограничиться данной предварительной и во многом гипотетической схемой.

I ТИП

Акц. тип презенса	a	b	c	
			без сѧ	с сѧ
Односложные (и "корневые") глаголы	кры́лъ кры́ла покры́лъ покры́ла		бра́лъ брала̀ со́бралъ собрала̀	бра́лъсѧ бре́ласѧ собра́лъсѧ собра́ласѧ
Глаголы на -i-	ста́вилъ ста́вила поста́вилъ поста́вила	ходи́лъ ходи́ла находи́лъ находи́ла	оу̀чилъ оу̀чила̀ на̀ꙋчилъ на̀ꙋчила̀	оу̀чи́лъсѧ оу̀чи́ласѧ на̀ꙋчи́лъсѧ на̀ꙋчи́ласѧ

II ТИП

Односложные (и "корневые") глаголы	кры́лъ кры́ла покры́лъ покры́ла		бра́лъ брала̀ со́бралъ собрала̀	бралъсѧ̀ брала́сѧ собралъсѧ̀ собрала́сѧ
Глаголы на -i-	ста́вилъ ста́вила поста́вилъ поста́вила	ходи́лъ ходи́ла находи́лъ находи́ла	оу̀чи́лъ оу̀чи́ла на̀ꙋчи́лъ на̀ꙋчи́ла	оу̀чи́лъсѧ оу̀чи́ласѧ на̀ꙋчи́лъсѧ на̀ꙋчи́ласѧ **Отдельные реликтовые формы типа:** родилъсѧ̀ родила́сѧ родило́сѧ родили́сѧ

Формы с ударением, перетянутым по закону Васильева - Долобко, вероятно, сохранились лишь в системе второго типа,и их отсутствие в древнерусских памятниках XVI-XVII вв. с сохранившейся подвижностью ударения в i-причастиях от глаголов на -i- не может быть аргументом в пользу их позднейшего происхождения. Их праславянский характер подтверждается не только соображениями, исходящими из системы, но и

сохранением подобных форм в среднеболгарских акцентуированных памятниках XV в. (см. ниже).

Двум системам ударения l-причастий от глаголов на -i- в русском языке (и шире, в восточнославянских) соответствуют (если исключить временно из рассмотрения закон Васильева – Долобко) две системы в южнославянской области: одна – с ликвидацией подвижной парадигмы причастий от глаголов на -i- и распространением типа F на l-причастия от глаголов на -i- с акцентной парадигмой c в презенсе-охватывает штокавские, южночакавские, посавские и кайкавско-чакавские диалекты, другая – с сохранением подвижности ударения, с реликтами или рефлексами ее – охватывает северночакавские, кайкавские и словенские диалекты[14].

ПЕРВАЯ СИСТЕМА

Данная система может быть представлена в следующей таблице

Тип презенса	a	b	c
Штокавск. система	1. гȁзио, гȁзила 2. бȅсједио, бȅсједила	1. хвȁлио, хвȁлила 2. нȍсио, нȍсила	1. лȍмио, лȍмила [2. трȕбио, трȕбила]
Южночакавский диалект Хвара	1. čȃsti, čȃstila, čȃstilo (J Ф XIV,41) 2. besīdila (J Ф XIV,50)	1. vodī(1), vodīla, vodīlo (JФ XIV,41)	1. govorīla (JФ XIV, 51) 2. časti, častīla, častīlo (вариант; JФ XIV,41)
Посавский диалект[15]	1. odbȃvili 133[20] 2. ufȁtio 132[5], ufȁtila 129[26]	1. obatālīla 131[13] 2. prīlīpio 125[27], se prīlīpile 133[21] 3. nosīla 133[19] 4. rādīl 129[33], rādio 126[14]	1. probudio 82 2. učinīl 129[21] 3. podīlīl 82 4. zadužio 82

[14] Потеря подвижности и ее следов в ряде кайкавских диалектах вызвана сложными фонетическими преобразованиями и должна рассматриваться как вторичная.

[15] Так как посавский диалект в настоящее время (судя по описанию Ившича) представляет собою конгломерат различных систем, генетически восходящих в области глаголов на -i- к системе, схожей с ча-

(Продолжение таблицы)

Тип презенса	a	b	c
	3. dolāzilo 133[28] 4. izmjèrili 125[25] 5. mìslīl 129[21] 6. napùnio 126[26] 7. se zapùšilo 125[7] 8. ostāvila 124[17] 9. izvādila 132[26]	5. spāsīla 133[3] 6. svršīl 130[1], 130[3], 131[23] 7. prosvétili 134[16] 8. izválo(=izvalio) 132[7] 9. poizvlāčīl 127[16], pozavlāčīl 127[16] 10. vozīl se 130[10], vozio 131[29] 11. povrātīl 130[13], se vrātio 126[31], se povrātili 130[31] 12. oženila 133[9]	5. dogodilo 131[23] 6. govorila 136[30] 7. kupio 82 8. pùstila 127[14] 9. poručila 82 10. tušila 82 11. naučila 130[4] 12. navistio 82 13. zavalila 82
Чакавско-кайкавский диалект XVII в. (Ю.Крижанич)	1. ꙋмислили Гр. 144 2. се ꙋправили Гр. 169 3. Напо́лнила се Гр. 173[1] 4. изба́вил Гр. 179 5. поста́вил Гр. 21 6. ꙋве́рили Гр. 127 7. Очи́стил Вып.III, 73 и др.	1. води́л Гр. 80 2. Стꙋпил, Стꙋпи́ли Гр. 76 3. сѣдил Гр. 162[2] 4. Потрѣби́л Гр. 168[2] 5. Слꙋжи́ла Гр. 169[1] 6. Ходи́л Гр. 97 7. разши́рил Вып.II, 36 и др.	1. гради́л, Гради́ли Гр. 81 2. Чини́л Гр. 96 3. се годи́ло Гр. 163[1] 4. Скази́л Гр. 164[2] 5. сотвори́л Гр. 168[2] 6. згꙋби́ли Гр. 172[1] 7. се ꙋчи́л Гр. 162[2] и др.

кавско-кайкавской системой, подвергшейся впоследствии влиянию штокавской системы, в настоящем распределении мы опираемся на эту исходную систему, в которой b и c парадигмы исконно долготных основ различаются судьбой этих долгот (в парадигме c первоначальные долготы сокращаются). Краткостные глаголы распределяются на основании сравнения с кайкавским, чакавским распределением и штокавским распределением бесприставочных глаголов. Установление парадигмы a особых комментариев не требует.

ВТОРАЯ СИСТЕМА

В северочакавском (Нови) эта система засвидетельствована уже в процессе распада. Полная подвижная парадигма приводится А.Беличем лишь для следующих глаголов:

1) rȍdīl, rodīlȁ, rȍdīlo; 2) zvȍnīl, zvonīlȁ, zvȍnīlo, zȁzvonīl.

В остальных случаях наряду с формами подвижной парадигмы встречаются и формы парадигмы b (тип F):

1) rȁzdrobīl, но и razdrobȉla (от *praes.* razdrobín); 2) ȍglobīl, но и oglobíl (от *praes.* globí, globīmȍ); 3) pȍgnojīl, но и gnojíl, pognojíl, pognojȉla (*praes.* gnojín); 4) gȍstil, но и gostíl, gostȉla (*praes.* gostín); 5) ȍkotīl, но и okotíl, okotȉla (*praes.* okotí); 6) pȍgodīl, но pogodȉla (*praes.* pogodín); 7) ȍslobodīl, но и oslobodíl, oslobodȉla (*praes.* slobodí); 8) ȍsolīl, но и osolíl (*praes.* osolīmȍ, posolí); 9) svȅdočīl, но и svedočíl, svedočȉla (*praes.* svedočín); 10) pȍtopil, но и potopíl, potopȉla (*praes.* potopí); 11) pȍtrošil, но и potrošíl, potrošȉla (*praes.* troší, potroší); 12) nȁučīl, но и naučíl, naučȉli (*praes.* naučín, naučīmȍ).

Несколько глаголов приводятся лишь в одной форме:

I. Акцентный тип C:

1) zbrȍjīli (*praes.* brojín, zbrojīmȍ); 2) pȍkropīl (*praes.* pokropí, kropín); 3) ȕlovīl (*praes.* uloví, loví).

II. Аналогично только формы типа F от глаголов парадигмы c:

1) blagoslovíl, -slovȉla, -slovȉli (*praes.* blagoslovín, -vīmȍ); 2) brstȉla (*praes.* obrstí); 3) črlenȉlo (*praes.* črlení); 4) nadojȉla (*praes.* nadojín); 5) pogospodíl (*praes.* pogospodín se); 6) nakrojȉla (*praes.* nakrojí); 7) zamaglȉlo (*praes.* zamaglí se); 8) omejíl (*praes.* omejí); 9) pomodríl (*praes.* modrí); 10) opošteníl (*praes.* opoštení); 11) sramotíl (*praes.* sramotín); 12) ražalostíl (*praes.* ražalostín).

С другой стороны, формы подвижного типа в диалекте Нови появляются и от глаголов парадигмы b в презенсе с краткостным слогом корня:

1) ȍženīl, при ženíl (*praes.* ožȅnīn); 2) lȍmīl, при lomíl, lomȉla (*praes.* lȍmīn); 3) prȅskočīl, при обычном preskočíl (*praes.* preskȍčīn); 4) ȍtvorīl (*praes.* zatvȍrī).

Сюда же выступающий часто с сокращенным гласным корня глагол činiti: nȁčinīl, при načínil načȉnla (*praes.* načínī). Следует отметить, что и страдательное причастие от этого глагола засвидетельствовано с ударением типа c: načínén, načínenȁ.

Ряд глаголов парадигмы b презенса с краткостным корнем засвидетельствован без форм l-причастий подвижного типа:

1) gonil (*praes.* gȍnī); 2) hodíl, hodȉla (*part. praes.* hȍdēć); 3) namolíl, namolȉla (*praes.* mȍlī, namȍlīn); 4) otelȉla (*praes.* otȅlē se); 5) točȉla (*praes.* tȍčī); 6) ošćenȉla se.

Проникновение подвижных форм I-причастий именно в краткостный вариант глаголов парадигмы b в презенсе объясняется не только общим процессом выравнивания типа C по типу F и обратного влияния форм типа C на тип F, но и тем, что долготный тип b был надежно защищен от такого проникновения долготой корневого гласного, которая была совершенно не характерна для всегда краткостного и сокращенного типа c. Кроме того, некоторые глаголы типа b в презенсе, по-видимому, перешли в этот тип из типа c: lòmīn, zatvòrī, načínī (ср. шток. лòмӣм, чинӣм, слов. vorím).

Что касается долготных глаголов с парадигмой b в презенсе, то они почти без исключений проводят I-причастия с постоянным ударением на теме -i-:

1) zbŭdíl (*praes.* zbúdĭn); 2) čāstĭla (*praes.* částĭn); 3) zgūbíl (*praes.* gúbĭn); 4) ogūlĭla (*praes.* gúlĭmo); 5) hrānĭla (*praes.* hrárĭ); 6) kŭpíl (*praes.* kúpĭ); 7) umĭsíl (*praes.* umísĭ); 8) živārĭla (*praes.* živárĭ); 9) žnāvĭlo (*praes.* žnávĭ); 10) pāĭíl, pāĭla, zapāĭíl (*praes.* pálĭn, zapálĭn).

Сюда же относится ряд форм, презенс которых не засвидетельствован:

11) nahērĭla; 12) okrvāvĭla; 13) promīnĭlo; 14) spāsíl; 15) prošŭpíl; 16) ožđrībĭla.

Глаголы парадигмы a в презенсе образуют всегда I-причастия неподвижного типа (A):

1) prefàtīl, ufàtīl (*praes.* ufàtī); 2) hìtīl (*praes.* hìtī, *inf.* hìtit); 3) pomèstīl (*praes.* pomèstī se); 4) zmìrīl, mìrili (*praes.* mìrīn); 5) zapàmetīl (*praes.* pàmetīte); 6) zasìtīl se (*praes.* dosìtī se, *inf.* sìtit se); 7) srìtīl, srìtila (*praes.*, srìtīš, *inf.* srìtit); 8) ojàńila; 9) opìtīl; 10) prevàrīl se.

Таким образом, для северочакавского диалекта (Нови) в момент его фиксирования А.Беличем можно предполагать следующую систему акцентологических отношений в I-причастиях:

а.п. презенса	a	b		c
		долготные	краткостные	краткостные
	zasìtīl se zasìtila se zasìtilo se zasìtili se	hrāníl hrānìla hrānìlo hrānìli	preskočíl preskočìla preskočìlo preskočìli варианты: prèskočīl	potopíl potopìla potopìlo potopìli варианты: pòtopīl [ròdīl rodìla ròdīlo ròdīli]

Очевиден компромиссный характер этой системы, представляющей переход от системы с наличием подвижной акцентуационной парадигмы l-причастий к системе первого типа. Этот переходный характер выражается в двух моментах:

1. Формы типа c сохранились как варианты лишь в ед.ч. муж.р. (полная парадигма c лексически ограничена: встретилась лишь у двух глаголов-rodȉti, zvonȉti).

2. Распределение вариантов типа c происходит не в зависимости от акцентной парадигмы настоящего времени, а в условии краткости корневого гласного при наличии ударения на теме -i- в инфинитиве и других формах инфинитивной основы.

Однако, если в северочакавском диалекте система трех парадигм l-причастия от глаголов на -i- проявляется лишь как реликт, кайкавские и словенские диалекты сохранили ее полностью, лишь проведя ряд фонетических изменений акцента, не нарушивших, впрочем, саму систему соотношений акцентных парадигм l-причастия и презенса. Наиболее характерным для всей этой области является положение в беднянском говоре, которое может быть охарактеризовано следующей таблицей:

Акц. парадигма презенса	a	b		c
		долготные	краткостные	
m. f. n.	mȅ̏ril mȉerilo mȅ̏rile	brȍ̄ȕnȉl brȕnilo brȍ̄ȕnȉle	syȅ̄ȉl sȅ̏lilo selȉle	plotêil и plâotil platȉlo plotêile и plâotile

Эти формы требуют некоторых комментариев: ̏ в mȅ̏ril, mȅ̏rile — нормальный рефлекс акута; ̑ в mȉerilo — результат распространения "новоциркумфлексовой" рефлексации через слог, может быть, в какой-то степени по аналогии (возможно, следует предполагать первоначальное распространение долготы на i, которая и вызвала перерождение акута).

Формы brȕnilo и sȅ̏lilo возникли в результате оттяжки "новоциркумфлексового" ударения (т.е. < *brȃnȉla, *selȉla, где ̑ < ̏, по-видимому, перед конечной долготой).

В парадигме c фонетически нормальным вариантом следует считать plotêil и plâotile (<*platȉl, *platȉlo < *plâtilъ, *plâtilo). Варианты plâotil, plâotile (<*plâtil, *plâtilo), вероятно, отвлечены от приставочных форм: *zaplâtil, *zaplâtilo (<*zâplatilъ, *zâplatilo).

Форма platílo возникла в результате оттяжки конечного ударения (с долготы ?) на предшествующий долгий (возможно, вторично долгий в результате процессов, связанных с "новоциркумфлективизацией").

Таким образом, эта система акцентных парадигм l-причастия в беднянском диалекте должна восходить к следующему типу праславянской системы:

Акц. парадигма презенса		a	b		c
			долготные	краткостные	
Sing.	m.	mĕrilъ	bornĭlъ	selĭlъ	*plâtilъ*, *zâplatilъ*
	f.	mĕrilā	bornĭlā	selĭlā	platilā, zaplatilā
	n.	mĕrilo	bornĭlo	selĭlo	*plâtilo*, *zâplatilo*

Очевидно, что и аналогичная словенская система: a) gládiк, gládila, gládilo; b) hódiк, hodîla, hodílo; c) gostîк, gostíla, gostîlo — восходит к той же праславянской системе акцентных типов.

Сравнение северочакавской системы с кайкавской (беднянской) и словенской системами не оставляет сомнения в том, что все они восходят к реконструированному здесь типу праславянской акцентной системы и северочакавская специфика является лишь результатом далеко зашедшего процесса ее разложения.

Что касается системы первого типа в посавском и диалекте Ю.Крижанича, то ее вторичность в этих диалектах вытекает не только из соответствия северочакавской, кайкавской и словенской систем с древнерусской, но и из факта сокращения первоначально долгих гласных в корне у i-глаголов акцентной парадигмы c, что было бы трудно объяснить без допущения первоначальной подвижности ударения в l-причастии и в других подобных формах[16], ср.: парадигма c – посав. probudîo, učiníl, podîlîli, zadužîo, pûstîla и др.; Ю.Крижанич: градúл, чинúл, сказúл, згрȣбúли и др.; но: парадигма b – посав. povrātîl, pozavlāčîl, svrāšîl и др.; Ю.Крижанич: стȣ̄пил, стȣ̄пúли, сȣ̄дил, потрȣ̄бúл, слȣ̄жúла и др.

По-видимому, в данной группе диалектов следует предполагать процесс замены подвижного типа у l-причастий типом F, который проходил уже после сокращения долготного гласного в корне глаголов подвижного типа. Причину этого процесса можно усматривать в переходе в этих диалектах отыменных краткостных i-глаголов акцентной парадигмы b в парадигму c (сперва, возможно, только в системе презенса).

---

[16] В праславянском подвижность ударения в i-глаголах акцентной парадигмы c существовала, по-видимому, во всей системе форм.

В штокавском же ликвидация первоначального соотношения была, вероятно, связана с процессами полного перераспределения акцентных парадигм по количественным характеристикам глагольных корней: здесь совершился не только переход отыменных краткостных глаголов парадигмы ь в парадигму с, но и переход долготных глаголов парадигмы с в парадигму ь.

В обоих случаях изменение распределения акцентных типов в презенсе не могло не привести в і-причастии к смешению типов F и C, которые сначала могли сосуществовать как варианты, а затем к вытеснению одного из этих вариантов (в данном случае, подвижного), ср. положение в северочакавском.

Изложенная выше реконструкция системы акцентных типов і-причастия подтверждается и среднеболгарскими акцентуированными текстами.

Правда, в массе своей восточноболгарские диалекты, по-видимому, уже к концу XIY в. устранили подвижный акцентный тип і-причастия, заменив его типом с постоянным ударением на теме -і-, вероятно, под давлением ударения большинства форм презенса и аориста и инфинитива (предполагать влияние ударения типа F не приходится, так как этот тип еще раньше совпал с типом A в результате восточноболгарской ретракции ударения). Однако следы подвижного ударения в формах с частицей сА, подвергшихся действию закона Васильева – Долобко, сохранил восточноболгарский диалект, отраженный в группе текстов I половины XY в. ("диалектная система писца Гавриила"[17]).

Здесь, следовательно, ударение і-причастия образует две подсистемы.

I. Без местоимения сА

Глаголы акцентной парадигмы а:

1) ста́вилъ Сб. № 20, 56б, о̑ста́виль Вас. Вел., 80а, о̑ста́виль Сб. № 19, 123а, Сб. № 20, 141б, 148а, 193б, о̑ста́|виль Сб. № 20, 75а, поста́виль, Сб. № 20, 143а, и̑ поста́вил мА Сб. № 19, 123а, о̑ста́вила Сб. № 19, 123а; 2) и̑спра́виль Сб. № 20, 182б; 3) г̑а̑здил бы̑ Сб. № 19, 49б; 4) оу̑по|до́биль Вас. Вел., 61а; 5) о̑устро́ил Вас. Вел., 39а (Последние два примера, возможно, относились к парадигме ь).

Глаголы акцентной парадигмы ь:

1) сътво́рилъ Сб. № 19, 144б, Сб. № 20, 56а, 69б, 103б, 104а; сътво́|рила Сб. № 20, 121б, тво̑рили Сб. № 20, 88б; 2) поло́жилъ Вас. Вел., 68а, прило́жилъ Сб. № 20, 138б, прило́жил\ Сб. № 20, 134б, прѣло́-

---

17 Большинство известных нам текстов с этой акцентной системой написано нямецким писцом Гавриилом. Об этих текстах см. А.И. Я ц и м и р с к и й. Из истории славянской проповеди в Молдавии. СПб., 1906. Там же и маловероятная гипотеза о тождестве данного лица с Григорием Цамблаком.

жиль Вас. Вел., 52а, прѣложиль Сб. № 19, 50б; 3) приходи|л бꙑ Сб. № 19, 40а, ѿходила Сб. № 20, 194а; 4) разо|рил Сб. № 19, 333а; 5) сѫдиль Сб.: 20, 50б; ѡсѫдила Сб. № 19, 143а; 6) прѣварилъ Вас. Вел., 18б; прѣварила (n. pl.) Сб. № 19, 22б; 7) съврѣшиль Сб. № 19, 45а, Сб. № 20, 127б, bis, съврѣшилъ Сб. № 19, 45а; 8) не съхранила Сб. № 20, 137а; 9) заблѫдил Сб. № 20, 76б, съ|блѫдиль Сб.№20, 131а; 10) прѣльстиль Вас. Вел., 16а; 11) ѝ|зволиль Сб. № 20, 71а; 12) ꙋрочиль Сб. № 20, 107а; ꙋрочиль Сб. № 20, 141б.

Глаголы акцентной парадигмы ć:

1) наоучиль Вас. Вел., 72б, наꙋчиль Сб. № 20, 33а, 95а; 2) съ|грѣшилъ Вас. Вел., 36б; 3) прѣмѣнил Сб. № 19, 272б; 4) простиль Сб.№ 19, 264а; 5) ꙋтврѣдиль Сб. № 20, 44б; 6) растил|ъ Сб. № 20, 177б; 7) родила Сб. № 19, 254б, 255а, 272б; 8) прилꙋчило ти сѧ Сб. № 20, 192а.

Такие формы от глаголов акцентной парадигмы ć, как: родиль Сб. № 20, 11б; лишиль Сб. № 20, 166а; спобиль Сб. № 20, 151б,- могут быть истолкованы как реликты подвижности акцента в этих формах. Однако данные случаи могут быть и результатом простого смешения акцентных типов в результате неустойчивости их распределения в презенсе в языке этих текстов, ср. погꙋбила Сб. № 19, 143а, bis; съгрѣшиль Сб. № 20, 135б, 141а.

II. С местоимением сѧ

Неподвижные акцентные парадигмы (a и b)	Подвижная акцентная парадигма (c)
1. съвъкоупилсѧ Сб. № 20, 87а	1. родилсѧ Сб. № 20, 93б, Ев. Григ. 250а
2. ѝскꙋсил|сѧ Сб. № 19, 275б	2. не ѡбльнилсѧ Сб. № 19, 245а
3. не събла|знилсѧ Сб. № 19, 350б	3. прѣкло|нилсѧ Сб. № 19, 172а
4. ѝ съвратилсѧ Сб. № 20, 33б	4. кртилсѧ Сб. № 19, 117б
5. прилꙋжилсѧ Ням. сб. № 20, Кал. 28	5. ꙋдивилсѧ Сб. № 19, 105а ꙋдивилсѧ Вас. Вел., 204б
6. оутроудилсѧ Вас. Вел., 80а	6. спобил|сѧ Сб. № 19, 372б спобилсѧ Сб. № 19, 350б, Ням. сб. № 20, Кал. 29, 57, bis.
7. прѣльстилсѧ Сб. № 19, 287б	
8. раздѣлилсѧ Ев. Григ., 28б	

Влияние первой подсистемы на вторую проявлялось в вытеснении форм с ударением на сѧ и замене их формами с ударением на тематическом гласном -i-, что отразилось в виде соответствующих вариантов: родилсѧ Ев. Григ., 119а; ѝ прѣклонилсѧ Ев. Григ., 212б, наоучилсѧ Ев.Григ., 128а, на|оучилсѧ Сб. № 19, 13а; [въ]звеселилсѧ Ев. Григ., 184б; ѡженилсѧ Сб. № 20, 49а.

Формы с ударением на сА, очевидно, тождественны соответствующим русским формам и свидетельствуют как о праславянском характере закона Васильева - Долобко, так и о том, что форма 1 лица ед. ч. м. р. 1-причастия от глаголов акцентной парадигмы с была первоначально формой-энклиноменом, т.е. входила в подвижный акцентный тип.

Обозначение акцента

1. В праславянских реконструкциях:

/ - акут

^ - "циркумфлекс" долгого слога (долготное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью)

˜ - "циркумфлекс" краткого слога (краткостное ударение, чередующееся во фразовых условиях с безударностью)

/ - новый акут долготы

\ - новый акут краткости

| - ударение, без отношения к его слоговой (интонационной) реализации.

2. В восточнославянских и южнославянских акцентуированных текстах для обозначения ударения употреблялись сходные системы знаков, восходящие к византийской системе обозначения ударения в греческих рукописях, которая в свою очередь восходит к системе, выработанной александрийскими филологами. Однако набор знаков, имевших значение акцента, и условия их функционирования в тексте варьировались в разное время и в различных писцовых школах.

Следует иметь в виду, что: а) в Чуд. Нов. Зав. для обозначения ударения использовались три значка /, \, ^, ни один из них, по-видимому, не служил для обозначения слоговых интонаций или количеств. В более поздних русских текстах обычно употребляется система из двух значков: / и \ (первый в начале и середине слова, второй - в конце слова). Особое положение занимают старорусские тексты, в которых, кроме этих двух, имеется знак ^ (камора), служащий для обозначения закрытого характера ударного о. (В Чуд. Нов. Зав. ^ употреблена лишь в качестве знака ударения); б) среднеболгарские тексты используют обычно те же три знака: /, \, ^, к которым в некоторых рукописях присоединяется ˘ (= ˜), употребляющийся исключительно в неприкрытом слоге (в значении: ˇ), тогда как ^ употреблялась в прикрытом слоге. Функциональное различие между ^ и ее вариантом ˘, с одной стороны, и знаками / и \, с другой, не ясно, знаки / и \ обычно различались позицией в слове (первый в начале и середине слова, второй в конце его). Важное исключение составляют тексты, для которых мы принимаем название "система Киприана", в которых знак \ мог употребляться и в середине слова. Квантитативных

и интонационных (слоговой акцент) различий эти знаки, по-видимому, не выражали.

3. В рукописях Ю.Крижанича (XVII в.) употребляется выработанная им очень точная система обозначения акцентных и квантитативных единиц: ˊ – ударение на кратком слоге; ˆ – ударение на долгом слоге; ̄ – безударная долгота, которая в диалекте Ю.Крижанича всегда была предударной (исключение составляют формы типа зъ блāгӣм, где фонетически неясное преобразование недопустимого в этом диалекте просодического сочетания *зъ блāгӣм). Следующий за знаком безударной долготы знак ударения часто опускается, поэтому обозначение типа млāдец равнозначно обозначению млāдѐц или млāдéц. Знак ˋ в приведенных в статье примерах не встречается (о его значении см.: В.А. Дыбо. Акцентология и словообразование в славянском).

Принятые сокращения источников

Ап. 1564 г. – Апостол, М. 1564 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Вас. Вел. – Слова постнические Василия Великого, среднеболгарская рукопись 1441 г. – Гос. Исторический музей (Москва), собр.А.И.Хлудова. № 8 (по "Первому прибавлению к описанию рукописей А.И.Хлудова" А.Попова. М., 1875).

Васильев Зам. – Л.Л. Васильев. Заметка об акцентовке несклоняемого причастия на -лъ. "Журнал Министерства народного просвещения", 1905, август, стр.464-465.

Вып. I, II, III – Ю. Крижанич. Собр. соч., вып.I, II, III. М., 1891.

Гр. – Граматично изказаніе об руском Іезику, попа Турка Крижаница, презванієм Серблганина, меджу Кропоѹ и Вѹноѹ риками, во ѹіездех Бихца, града, окол Дѹбовца, Озльа и Рибника острогов. Писано въ Сибири Лита, зрод (издано Бодянским). М., 1859 – арабские цифры передают славянскую пагинацию книги.

Григ. № 1703 – фрагмент II из папки с общим названием "Отрывки из трех южнославянских сборников слов и поучений, полуустав XV в." в собрании В.И.Григоровича. – Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукоп., ф.87, № 1703. Отрывок написан на бумаге с водяными знаками "лук", датируемыми около 1370 г., и "мечи" – 1372 г.

Домостр. – Домострой по Коншинскому списку и подобным, к изд. подготовил А.Орлов, кн. I, II. М., 1908-1910.

Ев. Григ. – Евангелие конца XV в. (Ошибочно относимое к XIVв.) – среднеболгарская рукопись. – Одесская гос. научная б-ка им. М.Горького, собр. В.И.Григоровича № 27.

М. 1600 г. – Минея, М. 1600 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

М. 1607 г. – Минея, М. 1607 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

М. 1609 г. – Минея, М. 1609 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

М. 1611 г. – Минея, М. 1611 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Нор. пс. – Норовская псалтырь, среднеболгарская псалтырь XIII (XIV ?) века, Гос. Исторический музей (Москва), Собр. А.С.Уварова № 285.

Ням. Сб. № 20, Кал. – Сборник № 20 1441 г. Нямецкого монастыря. Цит. по описанию Э.Калужняцкого в Сб. ОРЯС, т.83, СПб., 1907.

Охт. 1594 г. – Охтаик, М. 1594 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Потр. 1623 г. – Потребник, М. 1623 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Пс. № 62 – Список I пол. XVII в. с перевода псалтыри Максимом Греком – Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукоп., ф. 304 № 62.

Пс. № 309 – Псалтырь, среднеболгарская рукопись конца XIV в. Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукоп., ф.304, № 309.

Пс. Кипр. – Псалтырь Киприана, среднеболгарский текст конца XIV – нач. XV вв. Гос. б-ка СССР им. В.И.Ленина. Отдел рукоп., ф.173, № 142.

Ратн. – Книга о ратном строении, 1647 г. – Старопечатная Московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Сб. № 19 – Сборник житий и слов 1448 г. писца Гавриила. – Б-ка АН СССР. Отдел рукоп., шифр: 13.3.19.

Сб. № 20 – Сборник поучений второй четверти XV в. – Б-ка АН СССР, Отдел рукоп., шифр: 13.3.20.

Тр. П. 1589 г. – Триодь Постная, М., 1589 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Улож. – Уложение царя Алексея Михайловича, 1649 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Ч. 1565 г. – Часовник М. 1565 г. – Старопечатная московская книга. Цит. по Л.Л.Васильеву (Васильев Зам.).

Чуд. Нов. Зав. – Новый Завет господа нашего Иисуса Христа. Труд Святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси (Фототип. изд. Леонтия, Митрополита Московского). М., 1892.

Милош Московлевич

ГОВОР ОСТРОВА ВИС

Введение

Продолжая изучение чакавского диалекта, которое проф.А.Белич поставил перед собой и своими учениками в качестве важной задачи, я по окончании исследования говора о.Корчулы и частично п-ова Пелешац в 1928 г. собирал материал о говоре о.Вис. Во время трехнедельного пребывания на острове я посетил города Вис и Комижу и почти все другие населенные пункты острова. Собранный материал послужил основой для данной работы. В июне 1960 г. я провел еще две недели на Висе.

Во время первой поездки на остров я сначала остановился в Комиже, посетив близлежащие селения: Оключну, Костирну, Стипишче, Похумле, Боровик и Жену Главу (Жейну Главу), которые в то время входили в состав Комижской общины. Затем я отправился в Вис и оттуда обследовал населенные пункты: Пошпиле, Марине Земле, Руковац, Построжье, Поселе и Дудуковац, входившие в общину Виса. Во время последней поездки на Вис бо́льшую часть времени я находился в Висе и Комиже, посетив также Поселе, Пошпиле, Похумле, Построжье и Милну. В Плиском поле, Драчевом поле, Велом поле я разговаривал с людьми на полях во время полевых работ.

На некоторые особенности говора Виса первым обратил внимание А. Лескин. В своем сообщении о диалектах Далмации[1] он говорит об особенностях говора Хвара и Виса, специально останавливаясь на произношении долгих гласных, г и на вопросах ударения.

Проф. Белич в своем труде "О чакавской основной акцентуации"[2] установил на основании своих наблюдений в Комиже и Висе, что диалект о.Вис полностью сохранил систему ударения, которую он определил для далматинских чакавских и посавских штокавских говоров. Наряду с удлинением а и о он отметил сокращение гласного u.

М.Храсте в статье "Особенности говора о.Вис"[3] кратко остановился на фонетических, акцентных и морфологических особенностях этого говора, утверждая, что "жители Виса говорят на том же самом диалекте, что и жители о.Хвар, и диалекты этих двух островов составляют еди-

---

[1] A. Leskien. Zur kroatischen Dialektologie Dalmatiens "Sitzungsberichte d. k. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften", 40. Leipzig, 1888.

[2] Глас САН CLXVIII,II разред. Београд, 1935.

[3] Зборник у част А.Белића. Београд, 1937.

ное диалектное целое" с некоторой незначительной разницей в фонетике, ударении и грамматических формах. Проф. Храсте касается говора о.Вис в работе "Суффиксы деминутивных и аугментативных образований в чакавских говорах средней Далмации".[4]

Упомянутые работы бесспорно подтвердили, что говор Виса принадлежит к чакавскому диалекту того южного типа (в большей степени, чем к "восточной"), который распространен на среднедалматинских островах. Если сравнить его особенности, которые будут рассмотрены ниже, с особенностями говоров Корчулы[5] и Хвара[6], станет ясно,что говор Виса в основном составляет единое целое с говором Хвара, имея при этом и некоторые специфические особенности. В результате прилива штокавцев во время турецкого нашествия все южночакавские говоры испытали заметное влияние штокавского диалекта. Поскольку Вис отстоит от суши дальше всех, говор его населения испытал это влияние в наименьшей степени. Наряду со старыми чакавскими особенностями, говор Виса с говором Хвара объединяет также и одна характерная черта, внесенная иноязычным, венецианским влиянием - "цакавизм", т.е. произношение согласного ч как ц, что можно слышать в западной части острова Вис. Характерно, что "чакавцы" - это крестьяне в селах, деревушках и в Куте, восточной части города Виса, в то время как цакавцы - городские жители, торговцы, ремесленники, бывшие помещики, особенно в Комиже и прилегающих районах, равно как и в части Виса возле старой пристани, которая называется Лука. Если принять во внимание, что в речи цакавцев больше экавизмов и напряженная артикуляция некоторых гласных, особенно и, следует сделать вывод, что цакавцы в большинстве своем являются остатками старого населения, которое в прошлом испытало романское влияние в произношении гласных, поскольку веками находилось под властью Венеции, в то время как чакавцы, проживая в селах, испытали это влияние в меньшей степени, а кроме того, пришельцы с материка, икавцы, принесли с собой икавизм и некоторые штокавские особенности. Я считаю, что первоначальным рефлексом ѣ на всей территории чакавского диалекта был гласный е, который сохранился в северных чакавских говорах вплоть до настоящего времени, а чем дальше на юг, тем реже он встречается. Чакавский диалект у нас самый архаичный, отсюда логично сделать вывод, что первоначально он имел экавское произношение, потому что, по моему мнению, самой древней заменой ѣ в нашем языке был гласный е, который

---

[4] Зборник радова Филозофског факултета, II. Загреб, 1954.

[5] М.М о с к о в л ь е в и ћ. Говор острва Корчуле. "Српски дијалектолошки зборник САН", XI. Београд, 1950.

[6] М.Х р а с т е. Чакавски дијалекат острва Хвара. - ЈФ, књ. XIV. Београд, 1935.

и в настоящее время сохраняется не только в экавском говоре штокавского диалекта, но и во всех периферийных говорах, которые к тому же самые архаичные: кайкавском, северночакавском, призренско-тимочском и наряду с этим в словенском и македонском языках. Остатки экавского произношения встречаются даже в екавских говорах, как, например, в Черноморском приморье, в архаичном говоре мусульманского племени Мрковичи, в говоре мусульманского населения Бихора (Санджак), как и в древнейших письменных памятниках Дубровника, Черногории[7] и Герцеговины. Известно, что изменения в языке быстрее всего происходят в центральных областях, где политическая и культурная жизнь наиболее оживленна. Так было и у нас. Новоштокавский развился в бассейне Дрины, где и возникли три рефлекса ѣ. Гласный е (из ѣ) в западной Сербии и восточной Боснии и Герцеговине стал произноситься более закрыто (сначала, вероятно, в долгих слогах) пока не перешел в чистый и. Лишь позднее развилось је и ије; это произошло южнее экавской и икавской областей. Когда с конца XIУ в. началась миграция населения на запад и север, икавцы из восточной Герцеговины двинулись на запад в Далмацию и на далматинские острова, и там икавское произношение вытеснило старое экавское. Чтобы убедиться в том, что южночакавский таким путем должен был стать икавским, достаточно посмотреть сегодняшнюю диалектную карту нашего языка. В настоящее время икавцы живут в северной Далмации, западной Герцеговине и западной Боснии, точно в направлении к среднедалматинским чакавским островам и севернее (Буневци) в Лике и Бачке. На старой своей территории икавщина немного сохранилась только по реке Дрине[8].

На Висе многие семьи знают, что триста и более лет назад их предки переселились из окрестностей Макарской, Книна или Скрадина. А что в эти области еще более старые поколения пришли из восточных краев, больше всего из Герцеговины, можно судить по фамилиям многих семей Виса, как например: Богдановићи, Божанићи, Бојановићи, Бабићи, Биличићи, Борчићи, Брајчићи, Бродарићи, Бурићи, Ъуриновићи, Витановићи, Владиславлевићи, Властелица, Водановићи, Војковићи, Вранчићи, Вукашиновићи, Гиздавићи, Ивићи, Илићи, Ивчевићи, Ивичевићи, Јакша, Јовић, Кузманићи, Крстуловићи, Лукачићи, Лучићи, Марићи, Маринковићи, Марковац, Матковићи, Михојевићи, Младинићи, Мустапићи, Павковићи, Петриновићи, Перићи, Петрићи, Петрашићи, Пухаловићи, Раде-

---

[7] См.: ј. Ердељановић. Стари Срби Зећани и нихов говор. "Зборник у част А.Белића".

[8] Об этом см.: М.Московљевић. Икавски говор у СР Србији. ЈФ књ. XXVI, св.1-2, 1963-1964. Об экавизмах в Дубровнике см.: C.A. van den Berk. Y a-t-il un Substrat čakavien dans le dialekte de Dubrovnik. Utrecht, 1957, стр. 251.

тићи, Радојевићи, Радишићи, Радићи, Радица, Славићи, Станојевићи, Свилачићи, Томићи. Женские имена как: Драга, Јелка, Јелица, Љубица, Марица вполне обычны. С другой стороны, многие фамилии не оканчиваются на -ић, они изменились под романским влиянием или являются по происхождению романскими. Например, Буштарјол, Беломо, Газари, Грацин, Каруза, Кивела, Макијавели, Маријани, Мартинис, Младинео, Перибонио, Херенда, Цетинео и др.

Под влиянием миграций, которые совершались периодически, прежний чакавский говор Виса приобрел свой теперешний облик. Хотя в основе своей это тот же говор, что и хварский, потому что развивались они в одних и тех же условиях (оба острова первоначально были заселены чакавцами-экавцами, оба были долгое время под властью Венеции, а при австрийских и югославских властях составляли единый хварский административный район, оба приняли штокавских переселенцев с материка), все же говору Виса присущи некоторые свои особенности. В данной работе дается краткий обзор основных особенностей говора о.Вис.

I. Древние чакавские особенности:

1) праслав. *dj перешло в j: меја, млоји, рођен. Только в речи самого молодого поколения под влиянием школы и книг можно вместо него слышать штокавское ђ;

2) праслав. *stj и *skj изменилось в шћ, а *zdьj в жј: прȉшћ, го̏дишће, гво̏жје, дажја̏;

3) праслав. *čr еще сохраняется, но часто заменяется цр: чр̏в (че̏рв) чарје̏н; но цри̏ва, ца̏рјен — кое-где цакавское произношение;

4) согласный л в конце слога сохраняется: ди̏л, до̏л (дао) сокȣ̏л;

5) чакавская замена древнего ѧ ја сохраняется в јази̏к, зајâт, пријат, ујâт;

6) хорошо сохраняется родительный множественного, без окончания;

7) вспомогательный глагол в кондиционале-оптативе: бин, биш, би, бимо, бите, би;

8) старые ударения ˋ и ˆ сохраняются на своих местах, как и чакавский акут, но и их затронул общий процесс перемещения ударения в результате влияния литературного языка и других причин.

II. Далматинские черты. Фонетические особенности, возникшие под иноязычным влиянием или автохтонные, характерные только для Далмации, я отметил и на Висе, в частности:

1) на месте согласного љ произносится ј: воја, јубав, поје, но это љ все чаще восстанавливается;

2) согласный м в конце слова произносится как н;

3) группа согласных чк произносится как шк, а цк как ск: машка, Виско;

4) долгий ā произносится с лабиализацией как ō, и даже как у: дôн, грôд, млȳда;

5) в притяжательных местоимениях - стяженные формы: мâ, тва̂, сва̂;

6) наблюдается распространение мягких окончаний -ега, -ему в склонении прилагательных с твердой основой: онѐга, онѐму, добрѐга, добрѐму;

7) причастия во мн. числе в роли сказуемого имеют форму мужского рода для всех родов: сѐла су мôли; жѐне су бȋли зȁлосни; ду́оли дѐца у скȳлу;

8) характерно употребление союза да при наличии нека, как и нека вместо да.

III. Штокавские особенности:

1) все сильнее проникает новая, перенесенная система ударения;

2) местоимение што, шта все больше вытесняет местоимение ча (ца), которое лучше сохраняется в форме зач (зоц);

3) штокавское произношение согласного ћ (как ć, č) полностью вытеснило чакавское (как ć);

4) икавское произношение, по моему мнению, принесли штокавские переселенцы.

Из всего ранее сказанного вытекает, что говор Виса - часть южночакавского диалекта, ему присущи характерные особенности, которые в известной мере отличают его от говора о.Корчулы, и от хварского, о чем подробнее будет сказано во второй части этой работы.

ОСОБЕННОСТИ ГОВОРА ВИСА

Фонетика

Под влиянием романского и штокавского диалектов фонетика говора Виса претерпела большие изменения, быть может, самые большие из всех чакавских говоров, так что сильно отличается от литературного штокавского. Анализ гласных и согласных звуков покажет, что в говоре Виса наряду со звуками нашего литературного языка есть и иные и что их артикуляция очень изменчива.

Гласные

Система гласных говора Виса в основном такая же, как и на о.Хвар[9]

---

[9] Ср.: М. Храсте. Чакавски дијалекат острва Хвара. - ЈФ, књ. XIV. Београд, 1935.

и в западной части Корчулы[10], т.е. также неустойчива, как и там, или из-за долготы, ударения, или других причин. Далее будет показано, что гласные и и у меньше всего подвержены изменению, в то время все другие, т.е. а, е, о могут иметь совсем иное фонетическое содержание либо в результате лабиализации, палатализации, назализации, дифтонгизации, либо из-за особенно напряженного произношения.

Гласный а. Обычное произношение этого гласного сильно изменено, особенно когда он долгий. Лучше всего он сохраняется, когда краткий и под ударением.

1. Краткое ă сохранило свою фонологическую ценность:

Кут: бачва, бакалôр, ăјде, женӑ, ногӑвица, остӑви, загорî, ишал, напред, стӑдо, рукӑми, свећӑми, ондӑ, ако, седамдесê; Лука: бесêда, нêга, имӑли, спрӑви, вӑше, мојӑ, сестрӑ, рîба, мло́да, напӑти се, веселӑ, мӑшка (мачка) и др.; Комижа: босӑ, вајô (вала), зенӑ, како̆, конӑ, кӑменoм, кӑд, тӑмо, проклêтӑ, остӑли, купилӑ, до̆ма, онӑ, истина, сестрӑ и др.; Пошпиле: гологлава, до̆ма, јастреб, мӑти, миса, Ивӑна, до̆бар, зенӑ, како̆, сутрадôн, неговӑ, конӑ, мӑло, дознӑла, ко̆за, стӑне, онêга, истина, погӑница, тӑмо, кастигӑла, сестрӑ, папуце, кантӑт (певати), прӑсок (бресака) и др.; Оклучна: мликӑ, ноћӑс, макӑко, слӑвит, ногӑвица, тамоурица, остӑви, сведо̆ка, мојӑ, зенӑ, Марија, до́вӑт (давати) и др.; Построжье: вӑмин (вама), имӑт, фажôла (пасула), имӑл, оцӑ, сîна, пӑдај, по̆правак, сагрешйт, угрӑбит, старијого.

Даже старое краткое ă, получавшее новую долготу, сохраняло свое фонетическое качество. Например, Вис: рâно, ма́ло, рêкāл, ишāл; Комижа: богâта, та́ко, мла́јога (млаъега); Пошпиле: товâр, дусāл (дошао), искâли; Оклучна: оста́вит, пита́ли, заба́вит, рêкал, Јâкова.

2. Краткое ă произносится как о, например: Вис – мôгол, изôшла, глêдот, мîрон, укōзôл, лîпо, нôћ; Комижа – зôбî (заборавио), ру́гол се, фрîшко водӑ, вецêрола; Пошпиле – нôшла, прôсено (прошенӑ), остôл, свêто брîга; Оклучна – кўхот, питôл, сôмо, зôсто (зашто), пôзвол, остôвјо; Построжье – но́шол, сторâ је, зôц (зашто), ру́го[л], разгово́ро[л].

3. Старое долгое ā произносится:

1) как ā: Лука – онâ, арвâшки (хрватски), Ска́дра, двâ, кра́јова (краљева), извāјӑт; Кут – трабâкул, бâдат, јâје, бâнда, наряду с более обычным бôнда; Пошпиле – овâ, на́род, бадот (бости), тâј, Талијâних, вајâ; Построжье – вајâ, пазâр, прâви, мâли, пӑдај;

2) как о: Вис – стôра, мôјка, вајô, врôг, грôд, брôв, мо́ло, дôли (дали), глôс, млӑјо̆ сестрӑ, врōтйт, јôје, знô, змôј, Мôте, дôвно, Мôло, Бôнда, код нôс, кôрте, лôпис; Комижа – нôјде,

---

[10] Ср. М. Московљевић. Говор острва Корчуле...

три дȏнка, дрȏга, змȏј, кантȏј (пева), пудȏр, господȏр, не дȏ, свиħȣр, ујȏли смо (ухватили смо), капетȏн, нȏјвеħе, прȏха, разговȏрол, злȣто, јȏрȏол, јо пенсȏн (мислим), дрȏго, стóри; П о с т р о ж ь е - злȣтни пȏс, брȏв, балȏнца (вага), позвȏл, колȏц (колач), товȏр (магарац), двȏ, вȏнка, нȏјде, сутрадȏн, нȏјбоје (најбоље), тудȏ, Пȏвле, кумпȏре (куме), морнȏри, нó ме, хлȏд, хвȏлā, ноħȏс, опȏнци, копóмо, обадвȏ, квалитȏт, јȏ бих, Мȏре, дȏј, знȏј, стȏро, знȏте, рȏј, брȏве и др.; О к л ю ч н а - стȏро мȏјко, магȏрца, тȏнцами, плȏтит,фрȏтри, врȏга, дȏли, отровȏла, ликȏр, знȏте, млȏт, вајȏ. Так же произносится и а со вторичной долготой, например, В и с: остȏл, послȏл, познȏл, једȏн, дизōт, опȏнок, ȏбеħōл, прȏг, длōн, змȏј и др.; П о ш п и л е: калȏл, ħапȏл, пȣцōт, крепȏл, имȏл, нóшал и др.; О к л ю ч н а: нó ну, нисȏ, нȏ (нама);

3) как краткое ȣ, поскольку долгое ō сократилось и в предударной и в заударной позиции: В и с - кроја̑ (краља), вротил, старијо (сестра̑), прóсоц (Родит. мн. прасаца); П о ш п и л е - вротили, имош, питош, пóсȇ (пасе), јимон (имам), ȣ глову, приповидо и др.; О к л ю ч н а - (сва̑ки) дȏн, дво-трȋ, јоја̑, ковоца̑ (ковача), дова̑ла, довит, плотит, погоħа̑т, доју̑ (даје), остовја̑т и др.;

4) как закрытое ȣ со старой или новой долготой: В и с - дȣл (дао), мȣлога, палȣца, пȣртила, плáкȣт и др.; К о м и ж а - бȣне, мȣлу, глȇдȣ(т), компошȣнта (гроćла); П о ш п и л е - крȣј (краљ), лȣни, глȣву, рȣја̑ла (раħала), бȣнда и др.; О к л ю ч н а - дȣва̑ла, гледȣ, остȣвја (оставља), сȣма̑ и др.;

5) как долгое ȳ или ȳ^{o}: К о м и ж а - млȳда, дрȳ^{o}ги (драги), јȳ (сон имала), знȳ^{o}те; П о ш п и л е - дȳсал (дошао), дрȳ^{o}гин (драгим), ова̑ другȳј, другȏ трећȳј; О к л ю ч н а - салȳн (песак), пу со^{н} га питȏл, угна̑ (огна), нȳн (нам) и др. Иногда это ȳ сокращается в предударной позиции: глува̑ (глава) - Комижа и Пошпиле;

6) как дифтонг ȳо: грȳоде, на вар(х) врȳот (Пошпиле).

Г л а с н ы й о - долгий и краткий также претерпел большие фонологические изменения под ударением и в безударной позиции, в соседстве с любым согласным.

1. Краткое ȣ сохраняется в любой фонетической позиции. Например, В и с: добрȏ, Бȣгу, од дȏвно, однит, проса̑ц, нȏхат (нокат), гробишħе, дозвȏл, мȣју̑, опȏнке, говȏриду, они̑, броди̑, морнȏри, бȣца, вȣду, ȣлово, дȣрво, мȣли, остáнте и др.; К о м и ж а: Ја̑кове, ȣħеш, Ви̑ско, добрȏ, онȏ, ни̑коме, дȣшла, господȏр, оти̑де, говори̑ла, пȣје, онда̑, рȣјена, хȣте (ходите), кȣра и др.; П о ш п и л е: дȣбро, ка̑ко, коли̑ко, нȣгу, онȏ, вȣду, дȣкле, говȣри, ȣнда, мȣлим, створи̑ла, моја̑, вȣле, кȣне, кȣкоти, постȇја, догоди̑ло се, промисли и др.; О к л ю ч н а: винȣград, хȣте, скȣрус'а (оскоруша), дȣсти, бȣлист, кȣсти, ова̑ко, ца̑год (штогод), гуда̑ло, звони̑, гони̑л отровȏла и др.

Однако краткое ŏ иногда произносится иначе:

1) как закрытое ǫ, например, мǫмѐнте, нǫ̑ħас у Кǫмѝжи; ǫка̑ди, ǫ̑зелни (ожедни) (Оклучна);

2) как ȳ: кȳ̑ħ, ȳнда, дȳ̑л (доле), дȳ̑шла с новой долготой (Пошпиле); прȳ̑шло (Вис), дȳ̑шла (Комижа);

3) как ў: В и с – бра̑тун, ѝдун, по бу̑ску (итальян. bosco 'лес'), убѝсит, уд мѐне; К о м и ж а – кȳ̑ħ, мȕ̑ја, пȕ̑л (пола), дȳ̑сла; П о ш п и л е – дȳ̑сол (дошао), душла̑, отрȳ̑в, кȳ̑је (које), ȳ̑нда, ца гȳ̑л (што год), хо̑ħеш, говѝри јун (јој); О к л ю ч н а – нуга̑вица, ду лѝта, пȕ̑лноħ прȳ̑шек.

2. Долгое ō произносится по-разному:

1) как ō, хотя довольно редко: В и с – нȯ̑ж, нȯ̑с, рȯ̑г, грȯ̑зје, ведрȯ̑л (витриол), Бȯ̑г, нȯ̑ħ, свȯ̑га, ȯ̑н, пȯ̑ħ, вȯ̑јску; К о м и ж а – звȯ̑нце, ȯ̑н, Јȯ̑зо, нȯ̑ħ; П о ш п и л е – бȯ̑г, нȯ̑ħ, дȯ̑јде, ȯ̑нде, дивȯ̑јка, ȯ̑гња (с новой долготой); О к л ю ч н а – бȯ̑г, Тȯ̑нета, Зȯ̑ротовиħ, мȯ̑ре, нојпрвȯ̑;

2) как закрытое ǫ, которое иногда сокращается: В и с – Вѐлǫ, Пȯ̑је, нǫ̑н (ној), својǫ̑н, скǫ̑лу; П о ш п и л е – с мѐнǫн (са мном), једǫ̑н;

3) как у°, т.е. как открытое у с новой долготой: дȳ̑°ле, ду°сȯ̑л, скȳ̑°лум (школом) – П о ш п и л е;

4) чаще всего как ȳ: В и с – с Блајкȳ̑н (с Блаħанком), Вѐлȳ, сѐло, нȕ̑ј, нѝкȳ (врѝме), вѐликȳ весѐје, пȳ̑ħ (поħи), женȳ̑н, ħерȳ̑н и др.; К о м и ж а – брȳ̑д, тȳ̑ (то), нȳ̑ħ, негȳ̑в, пȳ̑т (зној), нȳ̑ж, грȳ̑зд, кȳ̑нцон, лȳ̑в, бȳ̑с, гȳ̑л и др.; П о ш п и л е – бȳ̑г, бȳ̑с (боса̑, бȯ̑со), гȳ̑л (гола̑, гȯ̑ло), пȳ̑т, дȳ̑шла, грȳ̑зд, нȳ̑ħ, дȳ̑јдемо, немȳ̑ј, пȳ̑ħ, с нȳ̑н (ном), својȳ̑ј, дȳ̑ј (доħи), ȳ̑гња (огња – с новой долготой), ȳ̑н, лȳ̑в разговȳ̑р, немȳ̑јте и др.; О к л ю ч н а – дȳ̑ħ, пȳ̑ħ, пȯ̑мȳ̑ħ, тȳ̑, крѝпȳ̑ст и др. Иногда это у сокращается: В и с – с ју́бун (лубом), негȯ̑вуј, на́кун (онаком), срѐħун; К о м и ж а – нȕ̑ħ, сѝнуħ, Вѐлу, Селȯ̑, ȳ̑ муре; П о ш п и л е – сȳ̑ху, злȯ̑то, о сту лѝста (од сто листа);

5) в Пошпилях слышал, как на месте у произносится дифтонг ȳ̑о в словах: дȳ̑о̑јде, знȳ̑о̑те, Мȳ̑о̑те.

Г л а с н ы е е, и, у лучше всего сохраняют свое фонетическое качество. Только иногда, в особенном, индивидуальном произношении можно слышать сдвинутую, не очень ясную, редуцированную артикуляцию, что будет позже показано на примерах.

З а м е н а г л а с н о г о ѣ. На всем о.Вис в настоящее время икавский говор, но есть немало слов, где вместо и произносится е, которое иногда выступает как закрытое е. С другой стороны, и как замена ѣ не всегда произносится как нормальное и, а как звук, средний между и и е^е, который здесь отмечен значком и^е. Такое закрытое

произношение заместителя ѣ можно было бы объяснить или сдвинутой артикуляцией всех гласных, или контаминацией более старого произношения как е и более нового как и, о чем я говорил во введении (стр.106). Здесь я приведу примеры, в которых ѣ заменен е, ę или и^{e}.

1) на месте ѣ произносится е: В и с (Кут и Лука) – вêра ('обручальное кольцо'), бêседа, вȉдели, разумêл, погрешȉл, дȍле, цȍвек, пȍсле, јêст, појêст; К о м и ж а – бесêда, веровȍли, девȍјцино, дêца, долетêла, заслишêла, стрéлали, сêје, раздрешȉт, цêлов, облетêла; П о ш п и л е – бесêдила, девȍјке, бêжи, сêде, врéме, цȍвеце, сагрешȉт, сêти се, невêра (итальян. nevera 'буря', ср. в Груже невјера); О к л ю ч н а – сведокȁ, млêкина (сорт инжира), појêм (појдем);

2) как закрытое ę: В и с – пȍтрęба, прęстáва, врęћицу, звêри, мęсто, запарјенêла се; К о м и ж а – мęсęца, прęко вêра; П о ш п и л е – бęзȁт, вęра, дęвȉца, врęћу, обęси, тȍли (хтели), недęјица; О к л ю ч н а – врêло, сведȍк, јęст;

3) как открытое е: В и с – пȍтри^{e}ба, при^{e}ставу, седи^{e}т; К о м и ж а – пи^{e}сма, сти^{e}ну, стри^{e}лȁми; П о ш п и л е – цови^{e}к, при^{e}ћу, сви^{e}дȍк; О к л ю ч н а – ли^{e}то, ми^{e}сто, неви^{e}ста.

Характерно, что в народных песнях, принесенных с материка, которые пелись на екавском говоре (или икавском, если они принадлежат Качичу) часто је, соответствующее ије, заменялось е а не и. Как можно это объяснить? Возможно, тем, что население Виса как исконные икавцы чужое екавское произношение заменяли более им близким старым экавским.

Г л а с н ы й р. Как чистый гласный встречается редко. Мне встретились только эти примеры: в К о м и ж е: срца, црнега, црнȉло; в О к л ю ч н е: црнéнак, в В и с е: црјêно.

Вместо гласного р чаще всего произносится ар, несколько реже ор. Например:

1) как ар: В и с – арвȁшки (хрватски), гȁрло, дȁрво, даржȁт, вȁртли (вртови), кȁрпи, тарцȉ (трчи), мȁршав, пȁрво, пȁрси, пȁрст, тарпêза, Сарȉја, ȕмāрли, парзȕн (=пржун 'тюрьма'), смȁрт, сребȁрни, свекȁрва, запарнêнêла се, чарнêн (црвен) и др.; К о м и ж а – бȁрдо, дарвêн, кȁрви, парвȍ, тарбȕх, укарцȍ, ȕмāрли, тȁргоње, сȁрце, ускȁрс, царцêј (цврчак) и др.; П о ш п и л е – бȁрдо, дȁрво, пȁрст, даржȉ, царвȉћ, на смāртȉ, кȁрпит, парвȉ, напȁрћено, усмāрдȉла, сȁрце, навȁрћи, пȁрстен, тȁргот, тарбȕх, на вȁр(х), Сȁрби, сȁрски (српски), харвȍски, царвêни, мȁркли, тарцȉ, дарзȉ и др.; О к л ю ч н а – дарвêн, парвȍ, смȁрт, царјêни, укарцāвȁ(т), ш'векȁрва и др.;

2) как ōр (āр), например: В и с - горкјêн (горчом), кôр (крв), тôрг, творда̂, умôрла, чôрв, чôрна, четво́рта; К о м и ж а - вôрсте, кôр (но ка̂рви), сôрца, торцӣ, цôрв; П о ш п и л е - дорзӣ, твôрдо, тôрпѣт, тôрпи, умôрла, цôрни; О к л ю ч н а - кôр (крв), цôрнега.

Слово "црква" произносится повсюду приква: В Комиже я слышал, что вокальное р произносится даже и как ур в слове цурном.

С д в и н у т а я а р т и к у л я ц и я г л а с н ы х. Об этом явлении речь шла во введении, а здесь приводятся примеры такой артикуляции гласных е и и.

Так гласный е можно слышать: 1) как закрытое ǫ: довѣ̆л, хо̂ѣ̆ę, ѣ̆ерę (Пошпиле); Ивӑнę, свѣ́те, пѣ̆т (Лука); 2) как и^е или и: вазӣст, нӣмам, нӣколико, вӣ^е дром, планӣту, свршӣтку, чемпрӣс (Вис); рӣ^е ба, мѣ̆ѣиха (Комижа); онӣ^е, путӣ^е н (путем), ѣ̆ӣ^е р.

Гласный и также может иметь смещенную артикуляцию; иногда он слышится как средний звук между и и е и даже как чистое е, например:

1) как и^е: дворӣ^е ла (Вис); сӣ^е лену, мӣ^е са, умӣ^е ре, радӣ^е т (Комижа); вӣ^е ди, бӣ^е сер, бӣ^е т, горӣ^е, цӣ^е нӣ, уморӣ^е ла, по горӣ^е, вѣцӣ^е р (вечер), јӣ^е ден (идем), заморсӣ^е т (Пошпиле);

2) как ę или чистое е: хрôнѣ̂т, по гловѣ̂, фамѣ̆ја (Пошпиле).

Н е п о л н а я а р т и к у л я ц и я г л а с н ы х. Система вокализма описываемого говора характеризуется еще и тем, что почти все гласные могут произноситься с неполной, но напряженной артикуляцией, это наблюдается в ударной позиции. Иногда гласные произносятся как чистый редуцированный, иногда как редуцированный с окраской этого гласного. Такое произношение нередко является индивидуальной особенностью или выражением экспрессии. Я записал следующие примеры:

гласный а как ъ^а: стôрь^а, йсь^а л (ишао) (Комижа);

гласный е как е^ъ или ъ: пе^ъ не, вазь^е л (узео), обе^ъ си, мъ̆сто, нъ̆сто (нешто) (Вис); прьспе́ла (Комижа); онъ^е, нъ̆сто, вре^ъ ло, дь^е (где), пръ̆до се (преда се) (Пошпиле); гръ̆шник, прьдрôги (Оклучна).

Гласный и (исконный или из ѣ) произносится:

1) как ъ^и: В и с - молъ^и ла, издъ^и гла, пунъ^и стра ('окно'), намъ^и стит, родъ^и ла, младъ^и ѣа, дрозъ^и ла (дражила), уцинъ^и ли, озенъ^и т; К о м и ж а - рь^и ба, цетъ^и ра, молъ^и твица, зацъ^и нит, прькоцо́ре (прекјуче), бъ^и цве, прь^и твôрене, прь^и клонӣте, мъ^и ли, носъ^и ли; П о ш п и л е - убъ^и ли, ъ^и шли, пъ^и незе, блъ^и зу, нъ^и ста, строжъ^и т, мъ^и слил, омь^и сӣла, нъ^и ста, несрь^и цни, цовъ^и це, сенъ^и ца, мъ^и ло, въ^и дила, постѣ̆јь^и, въ^и штица, тъ^и чица;

2) как чистый полугласный ъ: В и с - съ̆са, усъ̆т, утоцъ̆т, снъ̆ла, цетъ̆ри, съ̆т, нъ̆ко, уцъ̆ни, мъ̆сто; К о м и ж а - мъ̆кула, јанцъ̆ѣ, цетъ̆ри, въ̆шѣица, пъ̆ната ('горшок'); П о ш п и л е - мъ̆сто, твъ̆ца (птица), твъ̆ѣи, бръ̆тволӣн; О к л ю ч н а - бъ̆т, дъ̆цу, прьсӣлил, уцьнъ̆т, лъ̆та, нъ̆ста (ништа), тръ̆ста;

3) даже как русское ы: бы̏т, ды̏м (но ди̏ма), сы̏р (но си̏ра), мы̏ш – в Комиже; цетыри – в Пошпиле; бы̏т, мы̏ш (Оключна).

Для гласного о есть два примера такого произношения, а именно: как ь^{о}: крь̏^{о}з (Вис); дь̏^{о}сла (дошла) (Комижа).

Гласный у я слышал как ь^{у} или чистое ь: ць̏ла (чула) (Вис); сь̏^{у}тра, сь̏^{у}кна, допь̏^{у}ла (Комижа); коль̏^{у}дрица (калуѓерица), постѐјь^{у}, близь^{у} (Пошпиле).

Р е д у к ц и я г л а с н ы х. Особенностью говора Виса является редукция гласных, чаще всего и, о и у, которые при этом едва угадываются. Например: В и с – ^{и}зôјдемо, ^{и}скупи̏т, ^{у}да̏т, ^{у}сни̏ла; К о м и ж а – ^{о}ста́вили, ^{о}стô, ^{и}мôл, ^{и}списа́ли, ^{и}згули̏т, ^{у}чини̏т, ^{и}скупь̏^{и}т; П о ш п и л е – ^{и}ска̂ли, ^{и}скôли, ^{у}лôми, ^{и}мôл, ^{у}бодѐна, да га ^{у} ја̏му мѐ̂ре; О к л ю ч н а – ^{о}ста́вила, ^{о}здра́вит, ^{о}ку̏хôл, ^{о}ста́вши, ^{о}ста̏л.

Э л и з и я г л а с н ы х. Нередко в говоре гласные опускаются, не только в конце слова, но в начале и середине. Например: В и с – о́нд'је, дô 'не оштари̏је, а 'на̏ му ре̏це; К о м и ж а – 'з ме̏ста, четрѝ, пр'ко тѐга, пр'ми̏ри, пр'шкоци̏т, пр'зиви̏ (преживи),пр'точи̏ли; П о ш п и л е – на̂ 'вој бôнди, за̂ 'во ми̏сто; О к л ю ч н а – 'ско̏рус'а (оскоруша).

Императив чаще всего произносится без и во 2 л.ед. и мн.числа, например: ре̏ц' му, уци̏н' се, хо̏д' го̏р, биж'те, стан'те и др.

Инфинитив всегда произносится без конечного и, но это не элизия, а более древняя форма инфинитива, вернее супина.

П р о т е т и ч е с к о е и. Как и в некоторых других языках, например, романских и угро-финских, перед согласными с и ш, особенно если после них стоит гласный, произносится и. Например: В и с – ис ни̏н (с ним), испоми̏неш ли се, ис това̏ра (с магарца), ис лиу́нима, ис они̏н, искито̏л (скитао), исмоци̏л (смочио); К о м и ж а – иш ни̏н (с ним), ис то̏бôн, иску̏хот (скувати); П о ш п и л е – ис жена́мин, ис јуди̏ма, ис крôјѐн, иснѐсе јôје.

Р а з л и ч н ы е з а м е н ы г л а с н ы х. Вместо е везде произносится о в словах: о̏во, о̏то, но̏го (на̂ряду с нѐго).

Вместо е можно услышать а в слове по̏тла (после).

Вместо а произносится е в словах: репа̏к (врабац), ре́ст (расти). Вместо о произносится е в словах: грѐб, гребѝше и в собирательных числительных: чѐтверо, пѐтеро, дѐсетеро и др.; затем в окончании родительного падежа ед.числа в склонении прилагательных: добрѐга, тѐга, једнѐга и др.

Н о в ы й р и н е з м. Старые носовые гласные ѧ и ѫ в говоре Виса, как и во всех чакавских диалектах перешли в е или у. Чакавское изменение ѩ на ја я здесь отметил в словах: јазѝк, ујôт, зајôт, приjот, jôтра.

Между тем, здесь как и на Корчуле, развился новый ринезм. Если какое-было слово оканчивается на согласный н или м, который здесь как и в значительной части Далмации, в конце слова произносится как н, предыдущий гласный произносится с бо́льшим или меньшим резонансом. Вот примеры этого явления:

1) с полностью назализованным гласным: В и с – знõ, зйду, менỹ (мном), нã (нам) опõка (опанка), једõ; Л у к а – ǫ (он), пу́тǫ, јемǫ (имам), грẽ, осǫ (осам), дру́ги, тре́ћи; К о м и ж а – сã (сам), носǫ, осã, õ (он), се́да (седам), тресẽ, вõ (вам); П о ш п и л е – ẽсã, (есам), бйлǫ (белом), једну̂, ћерỹ, мǫке (момке), дõ (дан), знã, ỹ (он); О к л ю ч н а – салбỹ (песок), ју́трǫ, знõ, и́мǫ (имам), осã (осам), ни̂ (ним), нõ (нам), јǫ су (ја сам), пи̂ке (пинке-кошти-це), с крйву, једнõ; П о с т р о ж ь е – пу́тǫ, колу́дрицǫ, с манõ (са мном);

2) с полуназальным произношением гласного и слабо артикулированным н после него, например: В и с – йде^{н}, пла́чо^{н}, дра́чо^{н}, грê^{н}, суза̂^{н}, ки̂^{н} (ким), јеса̂^{н}, Ку́зма^{н}, ди̂^{н} (кажем), зли̂^{н}; К о м и ж а – и́мо^{н}, се́да^{н}, стра̂^{н}ку, ћапõ^{н}; П о ш п и л е – јеса̂^{н}, ѝма^{н}, мõ^{н}ка (момка), сва́ки^{н}; О к л ю ч н а – йде^{н}, звони̂^{н}, остõвјо^{н}, липотõ^{н}.

Очень часто гласные, обычно под ^ ударением в конце слова произносятся как носовые, хотя после них нет согласного м или н. Это относится к манере произношения и не только индивидуальной. Даже в середине слова можно услышать подобное произношение. Например: В и с – два̂, мла̂да, ка̂ (која), ту̂, при̂ (пре), му́ка ('мука'), ови̂, ци̂гани; К о м и ж а – ја̂, ми̂, ну̂; П о ш п и л е – ја̂ (ја), ну̂, та̂.

Согласные

Артикуляция согласных такая же, как и в штокавском, если только в определенных положениях они не заменены другими.

Согласный ѕ (дз) не слышал ни разу.

Л а б и а л ь н ы е. Согласный м, как это было ранее сказано, в конце слова и слога произносится как н, если только не образует назального с предыдущим гласным. Поскольку это общее правило, нет надобности приводить примеры. Группа мн произносится как вн: сã внõн, осавна́сте (Пошпиле).

Согласный п легко выпадает перед с: совã́т (Вис); сã́рски (српски), су́је (Пошпиле). Вместо старого вь я слышал ва только в вазếст (узети), а вообще у: ун́ук, удови́ца. В слове бри̂ме (време) в заменено б, но не всегда.

Согласный п произносится иногда как б в слове "през" (без): през оцã, през бри̂ге, през прõско (Вис); през пинếзи (Пошпиле).

Группа согласных хв произносится как ф: уфатили, фола̏ (Вис); Фо̑р, Фо̏рка, фа̏ти̑ (Пошпиле).

Для устранения зияния вставляется билабиальное в: на в огань (Вис).

З у б н ы е. Согласные д и т перед каким-либо другим согласным в том же самом или следующем слове произносится как л. Например, В и с: пополнê, кал ни̏је би̏ло, ол јучê, полпи̏сол, пел го̏дишћ, кол мо̑лега, сал хо̏мо, ол жмо̏ја (зма а), дê̏вел го̏дишћ, мло̑л (млад) бижи̑, да полпи̑ше, олки̏нут, са пê̏л децê, рал тê̏га, мел ју̑де, пул до̏ма и др.; К о м и ж а: кал то̑ цу̏је, ол цр̑нега, ол Ко̏сова, олгоји̏ла, по̏лкове, о̏лкад, после по̏лни, о̏лни̑ла, три̑ лни̏ (дана), да ће о̏пел ду̑ћ, осамдесê̏л го̏дишћ и др.; П о ш п и л е: јелнê̏га, ол ти̏ков, кал не мо̏же, испол постê̏је, ол пê̏л го̏дишћ, Бо̑лни до̑н (Бадни дан), па гу̏л (што год) хо̏ћеш, полко̏ве ол ко̏на, лла̏ка (длака). са̏л би те о̏лма уби̏л, слалкê̏га, ка̏л више, ка̏л мане, ол ћê̏ри, ол мојих и др.; О к л ю ч н а: олгово̏ри, ол по̏коре, олзê̏лни (ожедни), оê̏лми, сал ви̏лте (сад видите), пул Мила́на, о̏лкал је (откад је), ку̏л ће и др.

Согласные д и т в позиции перед другими согласными часто не произносятся. Прежде всего это т в инфинитиве. Например, В и с: пê̏ го̏дишћ, 'ка̏ница, дру̏ти пу̑', да ће ста̏ви', педесê̏, про́соц' (прасаца), пу̑' Корчуле и др.; К о м и ж а: ка̏', су руца̏ли, о' стро̑ха, о' стро̑ма, да ће уто̏пи', раско̏ва' по̏лкове, улови̑'га нê̏ће, оседла̑' ко̏на, припа̏со̑' ћо̑рду, пê̏' бра́ће, харво̏'ски осамдесê̏' го̏дишћ и др.; П о ш п и л е: ка' су ду̏сли, са̏' се зно̑, о' бло̑га, о̏' сунца, ста̏де скока̏' (скакати), за прода̏', о̑' мора, пê̏' мину̑т' и др.; О к л ю ч н а: ка̏' ће ду̑ћ, посри̑' ку̏ће, ка' бу̏де продово̏' (продавати) и др.

Отмечен один случай с јј вместо дј: срê̏ј јелнê го̏ре (в Луке).

Вставное д между зр и вставное т между ср: здра̏ка (Комижа), здр̏цало (Вис), у̑ ш'триду (Пошпиле).

В е л я р н ы е. Согласный х сохраняется и четко произносится как в литературном языке. Например, В и с: махра̏ма, хве́лиду, ху̑ди, Хе̏нда, ли́пих, хо̏ћу, ходи̑, хло̑д, ухва̏тише и др.; К о м и ж а: хо̏д, буха̏, ла̏хка, лага̏хан, харво̏шки, ма̏ћиха и др.; П о ш п и л е: не хо̏те, обаходи̏л, харво̑ски, их, стро̑ха, испуху̑је, хо̏ћеш, та̏рбух, хиха̏т (кихати) и др.; О к л ю ч н а: ходи̏ли, ку̏хол, сви̑х, сирома̏ха, хо̏те (ходите) и др.; Л у к а: хо̏ћу, хи̏тит, хво̑ла̏, хро̑нê̏, хајду̑к, сви̑х, стро̑х, сли́пих, Миховѝл, кру̑х, усхо̏д и др.

Согласный х иногда слабо артикулирован или вообще опускается. Например, ни̑(х)ти̏л (Вис), на ва̏р(х) ба̑рда (Пошпиле), о̏ћеш (Комижа).

Новый х последовательно произносится в окончании Род. мн. Например: путих, вапорих, урих, дивних, крушких, створих, барилих, бацвих, ногих, руких, смоквих, гуских, кумпирих, боцуних и др.

В словах, начинающихся с гласного, можно иногда услышать очень слабое гуттуральное х перед этим гласным. Например, ^{х}ето, ^{х}ово, да ^{х}ин (им) и т.п.

Согласный г иногда произносится с придыханием, почти как звонкий х и соответственно как глухой на конце слова. Например, бо̏г^{х}а, не̏г^{х}о̏вих (Оклучна); бо̏г^{х}и, бо̂х, сни̏г^{х}ом, дро̂г^{х}и, (Пошпиле); оне̏г^{х}а, и̏стег^{х}а (Вис); нег^{х}о̏вига (Оклучна); ци̂г^{х}ова (Комижа).

Согласный к перед н, т и с иногда переходит в х. Например, х на̏ма (Вис); нех сон ду̂сла (Пошпиле); ло̂хта (лакта) (Пошпиле).

Если после к и г следует согласный, они произносятся как j. Например, В и с: но̏јта, му̏јте, по̏ј (пак) би остбл, пој по̏јте (пак пошите), сва̏ј се̏бе, дро̂ј (драг) ти је; К о м и ж а: ло̂јта (лакта), ако бо̂ј до̂ (бог да).

Выпадение г и к: но́ не (на него), по̂ (пак), су га посла̏ли (Вис); до́ не (него), ди (где)(Комижа); дви̏(г)не (Пошпиле). Слово кћи повсеместно произносится без к: ће̂р, шћи̂, ћи̂...

П а л а т а л ь н ы е. Согласный љ произносится повсеместно как j: В и с – ју̂ди, посте̏ја, јӯбо̏в, ме̏ја (мелем); по̏је крајица, задово̂јна, бо̏ји, најӯти̏ла, да̏је, шко̂ј, изва̏јат, црје̏но, ду̏ји и др.; К о м и ж а – по̏ поју, зе мје̂, кју̂ц, куди̏ја, зе̏мју, поја̏на, крајица, наѓуја̏ла, царје̏н и др.; П о ш п и л е – зибји̏, јубо̏в, кју̏ц, но̂јбоје, вбја (вала), посте̏ја, при̏јатеј, ју̂ди, кро̂ј (краљ), кјуца̏ница и др.; О к л ю ч н а – вја̂, неди̏ја, остовја̏т, зеју̏дац, при̏јатеј, посте̏ја и др.; П о с т р о ж ь е – вја̂, дивјаки̏ња, упро́вја, посте̏ја и др.; К у т – вјо̂ (вала), кро̂ј (краљ), шко̂ј, роди̏теја, земја̏ и др.

Старая группа ıьј также дала ј, но иногда на ее месте можно слышать мягкое л', или л'ј: весе̂л'е, зе̂л'е (Вис); весе̂л'е, оби̏л'ј е, ул'е (Комижа); би̏л'е, би̏л'ј е, присто̂л'ј е (Пошпиле).

Под влиянием литературного языка кое-где восстанавливается љ: весе̂ље, по̏ље (Вис); крали̏ца, лу̏тика (Комижа); зи̏бли̏те, зо̏бли̏те (Пошпиле).

Согласный ѣ повсеместно произносится как ј: ме̏ју, мла̏ји, измеју, по̂ј (поѣи), порје̂ње, роја̏ла (раѣала) и др.

Согласный ћ из *tj или *tьj произносится точно так же, как в штокавском, а не как мягкое ť в хварском и других более северных чакавских говорах. Например, В и с: ве̏ћи, јаци̏ћ, но̂ћ, пу̂ћ (поћи), Петри̂новић, Крајевић, си̏ноћ, тре̏ћи и др.; К о м и ж а: Мари̂нковић, мећа̏ли, пла́ћу (плаћају), цви̏ће, не̏ће, це̏сће (чешће), ма̏ћиха, ста̏вићу, ну̂ћ (ноћ) и др.; П о ш п и л е: бра̏ћа, ку̏ћу, сре̏ћу, мла̏ди̏ћ, пресе̏ћ, сва̏ћа, јидре́ћи, цви̏ће, ме̏ће се и др.; П о с т р о ж ь е: Бра̂јчићи, могу̂ћ, цви́ће, чарви̏ћ, че̏шће, по̏лно̏ћ, хо̏ће, пропе́ће, ће̂р и др.

Старая группа *stj, *skj и *sk перед е дает шћ: го̏дишће, шћо̏п, шће̏та, при̏шћ, гро̏бишће.

Согласный ћ перед другим согласным произносится как ј. Например, ве̏ј (већ), не̏ће (Вис); но̏јца, по̏ј (поћи) на ско̏лу (Комижа и Оклучна); но̏ј (наћи) (Пошпиле).

Часто в словах, начинающихся с гласного, слышится ј перед этим гласным, особенно когда предшествующее слово оканчивается гласным (чтобы избежать зияния). Например, В и с: у јо̏ву, у јо̏ца, ју ју̏тро, јо̏пē, ји̏шал је, у јоспидо̏л; К о м и ж а: ни јо̏н, јо̏глу — јагла̑ (игла), ји̏е̑ма, да ји̏де (иде); П о ш п и л е — ји̏е̑де (иде), јагла̑, ји̏мон (имам), Јива̏ну, у јо̏ве бо̏нде, у Јафри̏ку, јо̏пēт, у ју̑ста; О к л ю ч н а: ји̏мел, ји̏шла, у јо̏вих, ми̏ла, јодгова̑ра.

Согласный ј также иногда добавляется к словам в конце, если они оканчиваются на гласный: тудо̏ј, ону̏ј лицу̏ј Мо̏ре (аккузатив) (Комижа).

П л а в н ы е. Артикуляция согласного л такая же, как и в штокавском, только в некоторых словах перед утраченным ь слышится как смягченное, приблизительно как среднеевропейское л: би̑л‿је, зе̑л‿је, весе̑л‿је.

В конце слова и слога л не переходит в о: во̏л, со̏л, ко̑лца, но в окончании причастия мужского рода часто отпадает или произносится едва заметно: ва̏зē, до̏шā, хо̏ди, поздра̏ви, до̏ни̏л, о̏деђо̏л, би̏л и др.

Согласный р произносится нормально, с помощью колебания верхней части языка, как и в штокавском. Вместо старого гласного р, как и в других чакавских говорах, произносится р с предшествующим гласным а или о: га̑рло, па̑рстен, уска̑рс, то̏рг, чо̏рв, четво̏рти и др.

С п и р а н т ы и а ф ф р и к а т ы. Под влиянием венецианского произношения здесь наблюдается замена з и ж, с и ш или появляется один звук, средний между з и ж и, соответственно, с и ш, который все же ближе звуку ж и, соответственно, ш. Здесь они будут обозначены как ж' и ш' или з' и с'. Эта особенность более всего присуща говору Комижи и ближайшим от него населенным пунктам.

1. Согласный з произносится как ж, ж' или з. К о м и ж а: жо̏ц (зач = зашто), ко̏жна (казна) ж'на̑, жна̑м; О к л ю ч н а: з'о̏сто (зашто), з'о́се, з'но̏н (знам); П о ш п и л е: ж'јо̏ (зија), ваз'ми̏, з'о̏ц (зашто).

2. Согласный с произносится как ш, ш' или с'. К о м и ж а: ш'копи̏ла, беше̏да, с'лави̏ћ, ш'ош'ица, ш'кане̑л; П о ш п и л е: шу̏нца, шри́да, пришко̏пи, ш'лу̏цо (случај), у̏ штриду, кус' (комад), с'виђу̏р; О к л ю ч н а: шмоци̏т, швека̑рва, ш'ве̏кор, алке̏штра (оркестар), с'ву, с'пра́ву, с'поме́ни̏, ве̏с'ту (халину); В и с: ош'ли̏пл (ослепео).

3. Согласный ж произносится как з, з', или ж'. В и с: з'е̏не, ру́з'е, је̑з', з'е́дан, зели̏л, дро́з'или (дражили), зо̏л (жао), дарзи̏,

з'ивил, залосна, помозес, з'албе, нôз', нôзâ; К о м и ж а: не лâзи, назуjâла, зôркега (жаркога), козй (кажи), з'ивôт, зйве, зâлости, белêзи, зêлудац, дôж' (дажд); П о ш п и л е: беж'âт, ж'ô (жао), з'йв, кузйна (кужина = кухина), зенâ и з'енâ, Комиз'а, кôз'а; О к л ю ч н а: зêја, мôзете, з'âлуст, тŷз'и, зенâ и з'енâ, зêја, зêли, тŷзнега, мôзе.

4. Согласный ш произносится как ш', с' или с. В и с: ймос' (имаш), дôс'ла, знôс, нôсла, сâје (шале), с'тйју, с'лŷсај, с'мôков, йс'ла; К о м и ж а: скŷла, ш'кŷла, цêсај (чешаљ), усивêна, сâје, измйсај (измешај), ш'ŷма, jôс', мôрес', раздресйт, сездесêт и сêст, нйс'та; П о ш п и л е: дŷс'о, йса (ишао), непрôсено, знŷос', пйс'е, с'кйна ('спина'); О к л ю ч н а: jôс, мôрес, нйста, трôскове, вйдис, дŷс'у, с'тâ се стйдис'.

Согласный ч произносится как в штокавском, но только в восточных селах, которые принадлежали когда-то к общине Виса, а в самом Висе ч употребляют только люди старшего поколения, проживающие в восточном его районе, называемом Кут. Вместо ч произносится, под влиянием венецианского, согласный ц в Комиже и селах западной части острова, которые относились к комижской общине, а также в Луке (Велой Бонде и Малой Бонде), западной части Виса. Например, В и с: цô и цâ (шта), уцêр, плâце, цêкала, царатâн ('волшебник'), цŷвајте, ôци, пôцêли, рйц, цŷла, искôци, уцйтеја, вйце, цовъ^и^к, рêцę и др.; К о м и ж а: бâцва, обрŷци, цâ си цинйл, обŷцêн, девôјцино, цŷје, рêце, вецêрола, папуцê, доцъла (дочула), плôца и др.; П о ш п и л е: вêци^е^р, вецерâс, цŷдо, пôцели, уцинйл, цâ, цôвеце, цекôј, смрйц (смрча), кјуцâница, урôцица ('ведьма'), моцâк (мачак), обŷцен, царцêј (цврчак) и др.; О к л ю ч н а: ôц^и^, нарôнца' вецерâс, цâгод, цинй се, уцйл, уцинйл, пôцело и др.

Праславянская группа *cr, которая в штокавском выступает как цр, сохраняется здесь, как и в других чакавских говорах, т.е. произносится: чрв, чорв, чрјен, чарјен, черни. Но под влиянием штокавского и вследствие произношения ч как ц, часто меняется на цр. Например: цъ^а^рнега, царнêна (Вис); царјêно, цôрв, цôрни, крйво (Комижа); цривâ (Оклучна); царцêј (Пошиле).

Группа согласных гк дает шк, как и в других чакавских говорах, например: мâшка, кŷшка (Вис); мâшка, квôшка (Пошиле).

Группа цк произносится как ск: Вйско, Вйсковић.

В ы п а д е н и е с о г л а с н ы х. Выше было показано, что некоторые согласные в определенных позициях и формах не произносятся. Здесь я только добавлю, что согласный л в причастии часто выпадает или произносится с такой слабой артикуляцией, что бывает едва слышим. Например, В и с: замолй^л^ га, стô^л^ је, обломй је, дôнй^л^, ôбећо^л^; К о м и ж а: jô сон чинй, дôша^л^ је, он је ти^л^, находй се;

Пошпиле: ста́ви, ту̂ би би̂л, узја́хо, чинӣ, утѐко̄ је (от утекал је), оста̏вӣ је.

Метатеза согласных – частое явление в говоре Виса, как, например: жева̏ра (жерава), кушу̏ндида (чукундед), чва́рају (врачају), тврко (трпко) (Вис); горо̑ц (рогач), твѣ̏ца (птица), нера̏т (ронити) (Пошпиле); салу̑н (венецианское salbone 'песок') (Оклучна).

Различные замены согласных. В результате ассимиляции произносится н вместо ј – на̏нац (јанац). Как результат диссимиляции, произносится калу̑н вместо кану̑н (топ). Вместо њ можно слышать н в словах: не̏му, ого̂ан (Вис), кни̏гу (Комижа).

На всем острове почти всегда говорят мо̏реш вместо мо̏жеш. В слове "дажд" и "даждити" жд заменяется на рж: до̑рж, даржја̏, доржи̏ло (Вис).

Количество и ударение

Количество

Помимо старых долгот, в говоре Виса есть и новые. Но старая долгота очень непостоянна, как неударная, так и ударная.

Старая предударная долгота, утраченная в литературном языке, здесь также слышится редко. Например, Вис: врōти̏л, млōда̏, вӣка̏т, вēза̏т, кӯпи̏ли, млӣка̏, по свӣту̏, рӯкǫ̑, боку̑на̏, прēду́, нōза̏ (ножа); Пошпиле: хрōне̏т, урēси̏ла, рӯца̏т, врǫ̑ти̏ се, жēна̂; Оклучна: грēте̏, трӯда̏, млӣка̏.

Заударная долгота встречается еще реже. Например, Вис: сту̏дēн, ве̏чēр, про̏дōли, ро̏јāци, гле̏дǫ̑; Пошпиле: ве̏цēр, на̏шē, свӣ̏ћӯр, тре̏ћӯ; Оклучна: ли̏трē, у се̏стāр, у јо̏вӣх.

Старая долгота лучше всего сохраняется под ударением, что будет видно из примеров по отдельным типам ударения.

Долгота, как ударная, так и безударная, может сохраняться и исчезать в одном и том же слове и в одной и той же позиции в речи одного и того же лица, даже в одном и том же предложении.

1. Предударная долгота утрачена. Вис: млика̏, јиди̏ли се, би̏ли би, пито̑ је; Комижа: блажена̏, госпа̏, стрила̏ми, стрела̏ли, дојди̏, ковоца̏ (кавача), продова̏(т), глува̏ (глава); Пошпиле: шћопо̏н, млико̏, стрижемо̏, глува̏ (глава), омиси̏ла (умесила), продаду̏, вреtȉли; Оклучна: дариват, била̏, прива̏.

2. Заударная долгота утрачена. Вис: пе(т) го̏диштћ, гро̏бишће, педе̏се(т) про̏соц, у̏ двор, во̏де, кре́ћу, пи̏та, у̏ грод, де̏сну, ко̏кот; Комижа: пи̏ше, ли̏пе (земјê), па́тиш, ско̏руса (оскоруша).

3. Долгота под ударением сокращена. Вис: млади̏ћа, гре́ду, гу̏ре (горе); Комижа: до̏ли (дали), ли̏пе земјê, Ту̏рци, не̏ћу, пи̏ше; Пошпиле: пи̏тош, присви̏тли, ли̏ста, би̏ла, уда̏та, де̏сет

увцӣ (оваца); О к л ю ч н а: мӣ смо, ол (од) јаглӣц, годӣшће, цинӣ се, продȍват, спомȅни, облакшȁј, орӣхув (ораха), потȅзат, рӣц (реч).

Н о в а я д о л г о т а. В то время как, с одной стороны, старые долготы сильно сократились, с другой стороны, появление, как правило, под ударением новых долгот трудно объяснить фонетически и аналогически. Например, В и с: по́к (па), да́ћу ти, о́цу, ма́тери, пла́це (плаче), нека ва́зму, надале́ко, за́спȍл, до́шли, не́гова ма́ти, на́ пȳт, зȍве га, испа́ла, бра́те, на́шла, ша́ју (шалу), на́ оца, одвȅл, секȁрвица; К о м и ж а: рȅкāл, мȍгāл, ва́зму, ја̄дна, кȁрпи (крпи), бра̄ће, припȁсō(т), кȁрви (крви), тȁргот (тргати); П о ш п и л е: му́ка, везȍл, стȍл (стао), пȍл (пао), сасивенȁ, усијенȁ (ушивена), двӣгōл, дȳшла (дошла), ва́ди; О к л ю ч н а: бра́та, оста́вит, рȅкāл, ова́ко, мака́ко, свака́ко, исисȍл, имȍл, осто́вјо̨, изва́дит, иска́ли, заба́вит се, поманка́ло.

Ударение

Под влиянием венецианского и штокавского диалектов в говоре Виса произошел большой сдвиг в фонетике, как в артикуляции звуков, так и в ударении. Наряду с тремя старыми типами ударения: ˝, ˆ, ˜ здесь имеются и два новых: ˋ и ´. Но вследствие влияния извне и в результате утраты старых долгот и создания новых, все эти ударения очень изменчивы и непостоянны, так что просодическая система описываемого говора довольно пестрая и непоследовательная, как и на о.Корчула. Материал, приводимый ниже, продемонстрирует высказанное положение.

1. Ударения ˝ и ˆ сохраняются на старом месте: В и с – девȍјка, донесӣ, везȁла, рукōвȁц, хрōнȅ, грȅдȳ, кучӣн, млōдȁ, вӣкȁт; К о м и ж а – дојдӣ, далекȍ, донесȳ, сōмȁ (сама), Мартӣн, облетȅла, госпӣ, сакрӣла, Кōтȅ и др.; П о ш п и л е – босȁ, голȁ, умрӣт, строжӣт, добрȍ, једнȳј, селȍ, дознȁло, говȍри, заповӣдȁт, фаховл, једȁ°н, обаходӣл, махрȁма, мликȍ, отȁц; О к л ю ч н а – даривȁт, бојȁ(т), црӣвȁ, тестамȅнат, зелӣл, трȳдȁ, млӣкȍ, ујȍт (узети), дрӣвȁ.

2. Старые ударения, перенесенные на предшествующий слог:

а) как ´ или ˋ, который часто становится долгим: В и с – вро́тил, у жму́лу, ȍцу и о́цу, ȉшал, нȅмој, крȅпā, тежа́ка, кро́ја (крала), у гра́ду, жи́вил, зи́вил, ту́зили, јуно́ка, вро́та, ни́смо, би́ли, хȍћу, пу́тон, изо́јди, до́шла, зо́ве, не́гова, недале́ко и др.; К о м и ж а – де́нак, мло́да, ма̀рама, говȍрила, по ли́цу, жи́во, до́шла бра́ће, гло́ва и др.; П о ш п и л е – дво́ра, ду́ша, изле́гли, хро́нил, прија̀тȅјица, из руко́ва, но́нди (онди), но́сли (нашли), ду́шла (дошла), хо́дил, зо́била (заборавила); О к л ю ч н а – би́ло, зва́ла, пу́ћ (поћи), плу́ће, ȍса, да́на, обу́кла, кле́ћу те, на́роде, ври́ме, два́десет, ȍне, лу́да и др.;

б) как ̏ В и с – да грѐду, из вȍде, ли̏вадан, мȍје, и̏шал, тѐби, ма̏слина, сви̏ћу и др.; К о м и ж а – ка̏да, ȍзгор, ȍздол, твȍја, мȍја, ȍни, стома̏к, кȍну и др.; П о ш п и л е – дȍшла, дȍбро, сви̏ћа, тȍпила (точила), ду̏шал (дошао), јѐднега, рѐкла, свȍје и др.; О к л ю ч н а – мѐни, тѐби, зѐни (жени), за̏ то, рѐкли, дви̏ма (двема), мȍју и др.

3. Ударение на старом месте, однако в результате утраты старых и появления новых долгот существенно изменено:

а) вместо ̑ находим ̏. Например, В и с: вазѐла, ста̏ру сви̏ћу, вѐла (велика); К о м и ж а: пресви̏тли, ту̏рци, му̏га (мога), цини̏ (чини), нѐћу, ли̏пе (лепе); П о ш п и л е: пи̏тош, млади̏ћ, зи̏в, узѐшћу (узећу), ли̏пи (лепој), сни̏г; О к л ю ч н а: зели̏ (жели), ори̏хув (ораха), вецера̏с (вечерас), сирома̏х; Л у к а: вазѐла, ми̏, ску̏лу (школу), онда̏, једнѐга, педесѐ(т);

б) вместо ̏ находим ´. Например, В и с: бра́те, ва́зму, за́спол, по на́шку, на́шла, ша́ју (шалу), ма́ти, ма́ло, пла́це (плаче), до́ле, понеста́ло, доба́вит, да́т, да́ћу, на́ врот, ра́но ра́ни, о́пу и др.; К о м и ж а: ба́рда (брда), бра́ће, на́се (наше), ма́ло, ни́ти, ра́на, га́ће, ја́дна, мра́за, пра́га, зма́ја, да́нас и др.; П о ш п и л е: дри́во, ова́ко, ста́ви, ка́ко, мака́ко, пита́ли, оста́не, за́ влоси, му́ка, оста́вил и др.; О к л ю ч н а: бра́та, иска́ли, сва́ко, опра́вјо (оправла), ма́ло, ра́на, осто́вјо (оставла), исписа́ли, пја́ну, сма́рти, припа́до, изва́дит, пита́ли, за́луст и др.;

в) вместо ̑ находим ̑. Например, В и с: вȅзȍл, ба̑рдо, Анѣели̑ку, ста̑вил, остȍл, ма̑ло, кафу̑; К о м и ж а: догнȍл, зȍрна (зрна); П о ш п и л е: бога̑ти, говȍри.

Ч а к а в с к и й а к у т, т.е. долгое ударение, интонация которого вначале ровная, затем в конце поднимается с усиленной экспираторностью, в говоре Виса не всегда бывает ясно выражен и последовательно отражен. Как и другие типы ударения в говоре Виса, он непостоянен, поэтому трудно установить систему его употребления. Чаще всего он заменяется ̑. Ниже приводятся примеры, где он четко отличается от долгого восходящего ударения. Чакавский акут обозначается здесь ~.

В и с: акузȍје, јȍ ћу, Мȍте, ћапа̃ли су (с новой долготой), Мȍло, Бȍнда, могу̃це, пи̃та, оти̃де, блѐјӣн, трѐсу̃, прѐду̃, ни̃мамо, зѐст (т.е. вазест), пи̃ше, гори̃, лу̃па, олгова̃ра, дȍјден, да полпи̃ше, грȍда (града), мȍлога, нек плȍти, крѐћу, весели̃ се, четвȍрту, искрѐне се, идѐћи, јидрѐћи, хвȍлим, стȍрега, рȍди (ради); К о м и ж а: јуна̃шка, цви̃ће, уда̃та, Марја̃на, млȍда (существительное), док се врȍти, дȍјде, нѐће, зѐца, свѐтега, назива̃ла, би̃лој (полная форма прилагательного); П о ш п и л е: пи̃то (пита), пи̃се (пише), мȍли (мали), рукȍв, нѐће, бра̃ће, обу̃ка°л, гра̃де (градове), копȍмо, присвѐти (Рȍко); О к л ю ч н а: јȍтра (јетра), пу̃ћ, шѐсти, кри̃ву (3 л.мн.ч.).

Двуслоговое ударение. Здесь, как и в говоре Корчулы, хотя и в меньшей мере, в ряде случаев трудно бывает определить, на какой слог падает ударение. Создается впечатление, что в этих случаях мы имеем дело с двуслоговым ударением, т.е. на старом месте остается акцентная высота, а предшествующий слог характеризуется экспираторным усилением и повышением тона. Например, Вис: чо̀вѐк, а́ко̏, то́нкѐга, оштàрѝја, пê(т) гла́вѐ; Комижа: о̀рѝха, мла́дѐ, ка́ко̏; Пошпиле: жѐнѐ, провѝјѐт, зно́мо̏, да́јѐ; Оключна: свидо̀ци̏, зѐлѝл.

Проклитики. Перенос ударения на проклитики, как старый, так и новый, наблюдается в говоре Виса. Например:

а) старый перенос: Вис – ȳ град, ȳ воду, за̏ трȋ до̑на, на̏ дво̄ ку̑са (комада), ȳ шкуро (у мрак); Комижа – на̏ да̄н, о̏ земју, на̏ воду; Пошпиле – ȳ поје, ȳ гору, ȳ глову, на̏ десет;

б) новый перенос: по̀ кући, зо́ ме, на́ ну̏ (с новой долготой) – Вис.

Морфология

Существительные мужского и среднего рода

В ед. числе все существительные изменяются также, как и в штокавском, с той разницей только, что в твор.п. конечное -м произносится как -н, образуя с предыдущим гласным носовой гласный ǫ или ę: бро̏до̑н или бро̏до̑ǫ, кро́јен или кроję; село̏н или село̏ǫ, по̏јен или по̏ję.

При склонении собственных имен и прозвищ наблюдается расширение основы за счет элемента т: Бѐпо – Бѐпота – Бѐпоту, Ју́ре – Јурѐта, Ми̏ке – Микетѐ, Онтѐ – Онтетѐ, Ивѐ – Иветѐ.

Существительное дан в косвенных падежах звучит днѐва, днѐву, днѐви. Двусложные сущ. муж. рода с нисходящим ударением на первом слоге переносят его в локативе на следующий: но̑с (ну̑с) – на носу̏, кју̑н – у кјуну̏, хлѐд – у хлоду̏, свѝт – у свиту̏.

Род. мн. может быть без окончания или чаще всего с окончанием -и(х) (как у существительных жен. рода). Например, Вис: ни̏колико до̑н, го̀дишѣ, педесѐт про́соц, од лиму́них, пê(т) пу́ти, по̏пих; Комижа: о̀сам квинто́ли, кро̑јих, пу́тих, дѐсе(т) ди̏нари, сездесѐт морно̑р, пê(т) па̏сих (корака), сêст го̀дишти, седамдесѐт бари̏лих; Пошпиле: пê(т) мину̑т, врѝћу пенѐз, дѐсет локо̑т, ол Талијани̏х, през това̑ри, през пинѐзи, вѐћê пу́ти, из вапо̑рих, ни̏колико фја́бих, ко̀лико ѝмаш го̀дишѣ, без вретѐн, из ни̏дрих, пѐт ки̏лих, сѐст го̀дишти; Оключна: дѐсет лако̑т, мно̑го ми̏ших, ови̑х примо̑рчаних, ва́рцих (врчева), боцу́них, од ми̏сих, пѐл(пет) го̀дишѣ, тридѐсет вро̑т.

В локативе мн. записал однажды окончание -ех: на го̏ли тлѐх (Вис). Множественное число редко образуется с помощью -ов, -ев, иногда в род.п. Например, о̏рихув (ораха), про̏скова (Оклучна).

Под влиянием штокавского и литературного языка, можно слышать и окончание -а в род.п., например: през тро̏скова, о̏сан да́на (Оклучна).

В дат. и твор.п. мн.числа помимо закономерного окончания -има, слышал и -иман: пу̏тима (Комижа), с ју̏диман (Пошпиле).

В лок. мн. встречается и более старое окончание -и(х): на бро̏ди (Вис), на кантýних (Оклучна).

Существительные жен. рода на -а

Ед. число такое же, как и в штокавском. В дат. и лок. можно слышать окончание -е, или -ę, что можно было бы расценивать как рефлекс старого ѣ или сдвинутое произношение гласного и. Например: по го̀ре, ње̏говој ма̃тере (Вис); мој̏и сестрѐ, ли̏пи Мо̏ре (Комижа); Мо̏ре, Ко̏те, пе̏нде (Пошпиле); Ви̏нкę, А̏нкę, Манди̏нę (Оклучна).

Род. мн. может быть без окончания или с окончанием -и(х). Например:

1) без окончания: В и с – са се̏дон (седам), глȍв, смо̏ко̄в, из ру̂к; К о м и ж а – де̏сē̏т о̏во̄ц, мно̏го ду̂ш, сто̂ бари̏лих сарде̂л, без ри̂б, ол ја̏глиц; П о ш п и л е – о̏ћете пра̏со̄к, пе̂л глȍв, ол ти̏ков, ни̂ пра́сок; О к л ю ч н а – у се̏ста̄р, оно̏ калцѐт, јагȍл;

2) гораздо чаще с окончанием -и(х), появившемся, вероятно, под влиянием прилагательных. В и с: ги̏рицих, ди̏вних, кру̏шких, бу̏хих, ло̏зих и др.; К о м и ж а: без по̏лкови, преко ба̂нди, пę̏т води̏х, ка̏мених, ди̏вих, му̏хих и др.; П о ш п и л е: ври́жи, но̏гих, фја́бих, те̏шких му̏ких и др.; О к л ю ч н а: без ногȁвици, ру́ких, јо́глих (игала), по̏столих и др.

В дат. мн. наряду с окончанием -ами встречается окончание -има, как у существительных жен. рода с основой на согласный: рука̏ми, жена̏ми, сузи̏ма, кози̏ма.

В твор. мн. окончания -ами и -амин: ка̂ртами, жена̏мин, рука̏ми, рука̏мин и др. Однако здесь встречается и окончание -има и -иман: са по̏лковима, метли̏ман (Комижа); коси̏ман (Пошпиле); сузи̏ма (Вис).

В лок. мн. то же самое окончание какое и в род. п., но в двух случаях я зафиксировал и окончание -ах: у рука̏х, у пина̏тах.

Существительные женского рода на согласный

В ед. числе эти существительные изменяются как и в штокавском. Единственно слышал в Пошпиле с тво̏јȍн ћерȍн.

В род. мн. окончание -иjу, -и(х) или вообще без окончания.-кôст : костиjу, кôстих; ствôр : ствôрих; пêћ : пêћих и пêћ; нôћ : ноћих и нôћ; рîч : рîчих.

В дат., твор. и лок., помимо обычного окончания -има, можно встретить и окончание -иман: костиман, ричима, очиман.

Существительное кћи произносится ћêр, ћêри, шћî; род. ћерî, дат. ћерê, вин. ћêр; дат. мн. ћериман и ћерâмин, вин. мн. ћêре. Существительные мати произносится мâти и мáтер, вок. мâ и мô. Существительное кôкош изменяется как жена: кôкоше, кôкоши, мн. кôкоше, кôкошами.

В лок. ед. ударение переносится на следующий слог: смâрт : на смартî, у рîчî и т.п.

Личные местоимения

Местоимение ја в дат. ед. наряду с мêни имеет форму мêне, в твор. ед. менôн, менÿн, манôн.

Местоимение тî в дат. ед. имеет формы тêби, тêбе и те. Дат., твор. и лок. - нâмин, вâмин.

Местоимение он в дат. мн. имеет энклитическую форму: ин, нин, нин : пô(к)ће нин дућ(доћи) дôбра трáта; говôри нин (Оключна).

Во мн. числе наряду с их, им употребляется и јих, јим.

Местоимение она в дат., лок. ед. имеет формы јој, јон(ја), нôј нÿј, нôн, нун (нÿ), а в вин. - помимо ну и нун. Например: ондâ, нун пúше; ôн нуј говôри; онî јун говорîду (Вис); ôн нÿн говôри; говôри нун мôјка; а ôн јон говôри, заболâ нун ÿ глову, изгулîл нун је вôнка (Пошиле).

От местоимения нико зафиксировал в дат. ед. форму с -е: нîкоме (Комижа).

Местоимение штá, што произносится как чâ, чâ, чô, соответственно цâ, цâ, цô.

Формы чеса и зач не встречал, но вместо нâшто, зâшто слышал: нôц, зôц.

Указательные местоимения

Местоимения овај, тај, онај звучат как овî, ôв, овâ, овô; тî, отî, та, то онî, ôн, онâ, онô.

Вместо овî, отî произносится и овîн (овî), тîн (тî). Род. ед.: овêга, тêга, онêга, мојêга, сôмега и др.

Вместо окончания -ега, -ему употребляются штокавские окончания -ого, -ому: свôга, ôнога (Комижа), онôга (Вис).

В дат. ед. жен. рода вместо ј в конце произносится н: овôн (овî), тôн (тî), онôн (онî).

Помимо нормальной формы дат. ед. жен. рода от местоимения мој и твој зафиксировал и мојӣ, твојӣ (Комижа). В дат. мн. эти местоимения имеют формы мојӣман, твојӣман.

В лок. ед. зафиксировал вместо том – тин: по тӣн фацолӗту.

Чији произносится как цихо̑в, цихӯв, цихова̑. Ничији и свачији произносятся – нӣцихӯв, сва̑цихӯв.

Прилагательные

Краткие и полные формы прилагательных в женском роде полностью совпали, поскольку обе формы имеют одинаковое ударение, а долгота сократилась. Однако когда прилагательное выступает в роли определения вместо окончания -а появляется -о, что объясняется переходом ā>ō̆, которое позднее сократилось. Например, лӣпо Мо̑ре, бӣло кнӣга. Это -о встречается и в формах, восходящих к кратким прилагательным: јелно̑ ле́по дивна̑; јо̑ сон мло́до̑.

В род. и дат. ед. — окончания -ега, -ему, -ем(ен), но могут быть и штокавские -ог(а), -ом(у), например: за мојо̑га једӣнега сӣна, за твојо̑га једӣнога сӣна (Пошпиле); мо́лога, то́нко̑га (Вис); жӣвога, старӣјог, мла́јога (Пошпиле). В дат. и лок. ед. жен. рода наряду с окончанием -о есть и -он (от -ом), как в твор., в результате обобщения окончаний в этих падежах во мн. числе. Например: лӣпон дивнӣ, у бӣлон кнӣзи (Комижа); мојо̑н добро̑н ће̑ри (Оключна). В этих падежах встречается также окончание -и: лӣпи Мо̑ре, ве̑ли госпӣ, мојӣ сестре̑ (Комижа); на висо̑ки ска̑ли (Вис).

Сравнительная степень прилагательных в говоре Виса образуется с помощью окончания -ји без йотирования предшествующего согласного, но даже в случаях йотации ј произносится: лагји, липји, ближји, вишји, дражји, сухји и др.

Числительные

Простые числительные от 11 до 19:

Комижа	Вис		
једно̑сте (јелно̑сте)	·јед(а)наде́сти	једанае́сти	једна́сте
двоно̑сте	дванаде́сти	дванае́сти	двона́сте
трино̑сте	тринаде́сти	тринае́сти	трина́сте
четырно̑сте	четырнаде́сти	четырнае́сти	четрна́сте
петно̑сте (пелно̑сте)	петнаде́сти	петнае́сти	петна́сте
шесно̑сте	шеснаде́сти	шеснае́сти	шесна́сте
седовно̑сте	седамнаде́сти	седамнае́сти	седамна́сте
осавно̑сте	осамнаде́сти	осамнае́сти	осамна́сте
деветно̑сте (девелно̑сте)	деветнаде́сти	деветнае́сти	деветна́сте

Тысяча произносится мијо́р, от итал. слова **migliaio**.

Собирательные числительные с окончанием -оро оканчиваются на -еро: чѐтверо (цѐтверо), пѐтеро, шѐстеро и др.

Глаголы

Инфинитив оканчивается на-т или -ћ только в народных песнях штокавского происхождения встречается окончание-ти, соответственно, -ћи. Но т и ћ очено часто не произносятся, не только перед вспомогательным глаголом ћу и перед некоторыми согласными, но и в конце предложения. Например: не мо̏ре би̏; јȍ ћу га изгули̏ (Вис); да ће ме сла̏ви још (Комижа); ка̏л ћеш се вроти̏, пу̑ј (поћи) јих носи̏ (Пошпиле); ти̑ мȍраш пȍ (поћи) (Оклучна); за прода̏ ку̏ћу (Построжье).

Презенс. В 3 л. мн. числа окончание всегда -у: бижу̑, гово̏ру, но̏су, стри̏жу. Часто встречается и окончание -ду: гово̏риду, гово̏реду, во̏диду, стоји̏ду, ку̑пиду, но̏сиду, во̏лиду и др.

Окончание -ају нередко сокращается в -у: чи̏ту (Комижа), плаћу̑ (Вис); или ј выпадает: плаћа̏у (Комижа), роја̏у (рађају) (Оклучна).

Повелительное наклонение, как правило, употребляется без конечного -и как в ед., так и мн. числе. Например: ре̏ц му, уци̏н ми (Вис); хо̏д, ку̑ме, гово̏рте (Комижа); оста̏вте би̏ште (бежите) (Пошпиле); хо̏д, мȍјко; ти̑ се уци̏н болесна̏ (Построжье).

В 3 л.ед. и мн. числа к "нека" добавляется "да": да нека гле̏да (Пошпиле); да нека живу̑ (Оклучна).

Имперфект и аорист встречаются только в народных песнях.

Причастие на -л нередко сохраняет этот -л в муж. роде, утрата -л влечет за собой удлинение предшествующего гласного, хотя иногда эта долгота сокращается. Например, В и с: бу̏си̏ (полубио), врȍти̏, посла̑, ша̑ (ишао), мȍга̑, крепа̑, ва̏зē (узео), по̏чē, хо̏ди̏, изи̏, поји̏ (појео) и др.; К о м и ж а: во̏ди̏, обаша̑, ре̏ка̑, ста̏ви̏ и др.; П о ш п и л е: говори̏, промисли, уте̏ка̑, о̏лни̏ (однео) и др.; О к л ю ч н а: оста̏ви, поздра̏ви, спомени̏, находи̏ и др.

Встречающийся иногда на месте -л гласный -о является не результатом стяжения ао, а результатом лиабилизации ā > ō: догнȍ је, питȍ је (Комижа).

Вспомогательный глагол в сослагательном наклонении имеет следующие формы: бин (би), биш, би, бимо, бисте, бише: јȍ бин шȍ у̏ грод (Комижа); ца̏ би ти̑ ва̏зē (Оклучна). В повествовании употребляется сослагательное II: кал би би̏ ходи̏; пȍ (пак) би му би̏ли ста̏вили (Вис); не̏ би би̏л ни ȍн уте̏кол (Комижа); па би би̏л ба̏дол (Пошпиле).

Деепричастие настоящего времени обычно употребляется в краткой форме без -и: гово̏реħ, хо̏деħ, но̏сеħ и др.

Употребление падежей. Под влиянием романского в говоре Виса часто смешиваются вин. и лок. Например, једна жена у кантун стоји (Пошпиле); ни бил у Комижу (Комижа); ту је друго залуст у кућу његову (Оключна); дарзи у руке (Пошпиле).

Часто употребляется дательный притяжательный. Например: он је мени син (Пошпиле); Настрадину сестра (Комижа); остави је шћоп сину (синовли) (Оключна); господор кући (Пошпиле).

Можно еще слышать творительный в роли именной части сказуемого. Например, створила се твицун (птицом) (Пошпиле); она се уцинила липон дивнон (Комижа).

Употребление союзов. Союзы да и нека часто заменяют друг друга или употребляются вместе, следуя один за другим, точно также да может присоединяться к союзам што, где. Например: Ходи нека те нешто питан (Комижа); говори да нека вазму (Вис); да нека укарцо (Комижа); рекла му је да нека ту не тичи (дира) (Пошпиле); пито је да ди је шјор Лујо (Оключна); говори да му нека купиду (Вис); он пито да ца оно писе (пише); поцела га је зена соват да ца је дусал дома (Пошпиле).

ПРИМЕРЫ ГОВОРА ВИСА

Један младић по горе ишће срећу и дусал је на једну кућу. На вар(х) врот писе: амор трè нарànце. Он пито да ца онописе, а они му говореду да они јимају три нарànце, а у нима да су три дивне. Он пита да били ли му продоали. А они су му рекле да хоће, ма да не сми ниједну приесећ ће ни воде. А он те нарànце купил и ишал ћà у гору, није могал да торпи докле је носал (нашао) воду. Он је једну пресекал: унутра лепо дивна. Она му говори: "Амор, амор, да ме да бевер[11]", а онјон говори: "Амор, амор, нон га вемо да бевер[12]", а она му говори: "Морте, морте, морерò[13]". Она је тоте уморла. Онда он јиеде наприед и твордо се заверил да неће другу нарànцу пресећ докле не нојде воду. Јопет не море торпет, пошто не море нój (наћи) воду. Јопе је другу пресекал, јопе лепјо (лепша) дивна, и она му говори: "Амор, амор, да ме да бевер", а он нун говори: "Амор, амор, нон га вемо да бевер", а она му говори: "Морте, морте,

---

11 В переводе с итальянского означает: "О, любовь,любовь, дай мне напиться".

12 "О, любовь, любовь, нам нечем напиться".

13 "О, смерть, смерть, умру я".

морерȍ" и тóте је и дрȕго умóрла, и ȍн јȉеде јȍпе нȁпред, ма тȁко се је твȑдо завȅрил да трȅћу нéће пресȅћ дȍкле не нȍјде вȍду и нȍсал (нашао) је вȍду и трȅћȕ је пресȅкал и у нȕј јȍш лȅпјо дивнȁ, и онȁ му говȍри: "Амȍр, амȍр, дȃ ме да бевȅр", и ȍн нȕн говȍри: "Амȍр, амȍр, ȅко те бевȅр[14]". Ондȁ је вȍди дȍма својȕј мȁтериᵉ и говȍри нȕн: "Мȃ, јȉеमајте ми пȕмну (помну), овȍ ће бȉт мојȁ зȅнȁ, а јȍ јȉеден јȍпет ȕ гору. А негȍва мȁти бȉла злȁ, забȍлаћун ȕ глову једну̏ пробадáцу, и она се створȉла твȕцȕн (птицом) и одлетȅла је вȍнка кȕћиᵉ. Сȕтра дȍн долетȅла то твȕца на понȅᵇстру (прозор)ол кузȉне (кухиње), и онȁ говȍри когóту (кувару): "Кȍго, бȅл кȍго..." (дальше неясно из-за искаженного итальянского). Ондȃ вȅцер дохȍди господȍр кȕћи и кȍго му говȍри како је бȉла дȍшла једнȍ твȕца и цȁ је твȕца говȍрила. Говȍри му господȍр: "Мȍлȉн те, ако дȍјде јȍпēт сȕтра твȕца, нȕста не цинȉᵉ, нег ми твȕцу глȅдȍј ћапȁт и дорзȉ је дȍкле јȍ дȕјдę. "Сȕтра јȍпēл твȕца долȁзи на понȉᵉстру. Кȍго се залетȉ и ћапȍ твȕцу и свȅ је дарзȉ ȕ рȕке дȍкле је вȅцер дȕшал господȍр и дојȅ је господȍру. Господȍр је вȁзме ȕ рȕке и свȅ глȁди твȕцу по главȅ, напȉᵇпол нȕн пробáдацу, изгȕлил нȕн је вȍнка и створȉла се је јȍпēл дивнȁ како је бȉла, и ȕн је пȉто: "Кȍ те је 'вȍ бȉл стȁвил ȕ глову, а онȁ му говȍри: "Овȍ ми је бȉла стȁвила твȍја мȁти и такȍ сон се створȉᵉла твȕцун". Ондȃ ȍн, ка(д) тȍ цȕје, говȍри мȁтериᵉ: "Мȍјко мојȁ, да ме нȉси родȉᵉла и да ме те нȉ мȕᵇло, сȁл би те ȍлма убȉл".

(Записано в Пошпиле от Ивки Мартинеса, 62 года)

Рассказы о Насредине

Настрадȕᵇн је бȉл пȍзнат како лȉни цовȉᵉк. Да му дȍ барȅн кȁки посȍл, жȅнȁ му је купȉла три кȍкоше да их посȅ (напасе). "Ȍво вазмȉ кȍкоше, пȕ јих посȕᵇ". Ишȁ је парвȉ дȍн на пȁшу са кȍкошами, ма их је пȁсал слȁбо, јер му је јȁстреб ȍлнил јелну̏. Дрȕги дȍн се догодȉло ȉсто: олнȉ му је дрȕгу и остȍл је на јелну̏. Кȁл је дȕшал дȍма, поцȅла га је зȅнȁ совȁт: "Несрȕᵇцни цȍвȕᵇце, нȉси ни за 'ве дȍбар". Остȁли су на јелну̏ кȍкус' и насадȉли су је. Кȁ су се твȕћи излéгли, послȁла га је зȅнȁ да их јȉде пȁст. Ȕн је ȉса и јȍпел му је јȕј ȍлнȉл јȅлнега. Са(д) се мȉᵇслил какȍ ће уцинȉт сȕтра кад их ȉде пȁст. Сутрадȍн је везȍл зȁедно и твȕᵇће и квȍшку и стȍл је за гомȉлон (камена) строжȕᵇт, јер мȕᵇслил да ће се јȁстреб заморсȕᵇт и такȍ да ће га ћапȁт. Кад је јȁстреб дȕсал, ȍлнȉ (однео) је квȍшку и твȕᵇће. Тидȍн је негȍва зенȁ бȉла омисȉла слатку̏ за господу̏ и рȅкла му је прȉ него јеislȁ ћȃ да нȅка тȕ не тȕᵇцȉ (тиче), јер да је тȕ ȍтрув. Кал

[14] "О любовь, вот тебе, пей".

је Настрадину ју̂ј олнил квошку и твьИће, промисли је да му се нôј-боје отровăт, нека га зена̂ већ не су̂је, пôк је исал дома и ижил (изео) све слатку̂, јер је мьслил да је ту̂ отрув. Кăл му је зена до̂ьсла дома, носла га је ди испухује и во̂ја (вала) се постеји, а она̂ се удија (одмах) домьИслила злу̂ и говори му: "А несрьИћни човеце, ба̂рзо си изьИл оно̂ слалке̂га ца сун омьИсьИла за господу̂. Имо̂ једнега това̂ра. Кал су му додијоле женине предике, ћапо̂л је това̂ра и утекă је на једно̂ ба̂рдо. На ту̂ ба̂рдо това̂ра убил и ол козе̂ му је уцинил ку̂се (комаде) како петице и банице (10 новчића) и стăви̂ је све у јелну̂ врећу. Сăл је туда̂ пасо̂л (прошао) једо̂н господин на кона̂. Кону̂ је на јелну̂ бо̂нду било напа̂рћено у јелно̂ј врећи пенêз. Кăл је ти̂ господин ду̂со̂л не̂далеко Настрадина, кало̂л се је за уцинит потрьбу. Кад је ту Настрадин видил, распо̂рти је из (с) него̂вега кона̂ врИћу с пинêзима, а напо̂рти је врИћу с кусима ол това̂рове ко̂зе и вратил се је дома. Кăд је ду̂со̂л дома, поцела га је зена̂ совăт да ца̂ је дуса̂л дома, а о̂н на ту̂ говори: "Муци̂ зено, са̂(д) смо бога̂ти, ма нему̂ј никому говорит". Она̂ је рекла̂ ту̂ (то) једну̂ј пријатеји̂ци, ова̂ другу̂ј, друго̂ треће̂ј, и та̂ко је мало по мало све село̂ за̂ то дознало. Сви̂ овьИ ју̂ди са села̂ вăзели су своје това̂ре и ишли су на ба̂рдо, та̂мо су их УбИли и са нихову^Н ко̂жу̂^Н уцинили су исто како Настрадин. Онда̂ су ьИшли у̂ го̂д да ту продаду̂ и донесу̂ дома пьИнезе. Ка̂ су ду̂ш'ли у̂ гра̂д, полиција их је кастигăла, јер се ко̂за била усмардила. Та̂ко су се они вротили дома з'ăлосни през пинêзи и през тоpва̂ри.

(Записано в Пошпиле)

Ёж и королевская дочь

Бил је једо̂н човьИк своја̂ жену̂ и ни̂су имăли деца̂ и јидили су се једа̂ на другега, и она̂ је била зăлосна и мольИла је Бог^Х^а да би нон Бог^Х^ до̂л једну̂ макоpра планиту, пôк је родьИла једнега јêжа. Кăл је родила јêжа, пôк је нарêсьаЛ о̂' шест го̂дишћ, онда̂ говори о̂цу и ма̂тери^е^ да му нека ку̂пиду либре (книге), да ће по̂ј на ско̂лу, а нему говориду: "Ми̂ се срăмуј^е^мо тêбе послăт на ску̂лу", а а̂ је (х)тил на̂ срамо̂ту. Онда̂ су му купили либре и уциньИли су му сако̂ћу (торбу), пôк су га послăли на ску̂^о^лу. Кал би би̂ ходи̂ пу̂ту, били би га напăли куцини у пу̂ту, а а̂ би их бил ба̂дол (боцкао), онда̂ би куцини утекли, по̂ (пак) би о̂н до̂шал у ску̂^о^лу и а̂^н^ посли ни̂ мо̂гал ходит, по̂ј би му били стăвили кру̂ха у сако̂ћу, по̂ј би би̂ остõл у ску̂лу по̂ вас до̂н, по̂ј би би̂ли ду̂^о^сли деца̂ у ску̂лу, по̂ј би га би̂ли дро̂зили: "Јежу̂!" по̂ј би се би̂ли деца̂ ту̂зили ме̂стру да их бо̂де, а о̂н говори ме̂штру: "Ја̂ се не крêћен у ньИкога, нека̂ ме не сметăју, по̂ј ћу би̂т ми̂рон и јо. Пôк је до̂шло врИме да је би̂л бо̂ји од уцьИтеја. Кал је пасо̂л (прошао) ску̂лу,

онда̂ је до̏шал до̏ма и гово̏ри о̀цу и ма̏тери да му нека ку̏пиду ма̏ло про̏соц, да ће их о̂ по̏ћ па̏ст, а они̏ му гово̏риду: "Си̏нко, те̏би ни потре̏ба, ни̏мамо него те̏бе, ти̏ жи̏в кол но̏с. Онда̏ о̂ ни̏ ти̏л. Онда̏ су му ку̏пи̏ли ма̏ло про̏соц и и̏шал у̏ гору и сто̏л је на једну̏ ни̏ву и ту̏т је жи̏вил ни̏ку̏ ври̏ме. Онда̏ си је испро̏вјол (спремао) кро̏ј са́ дво мин̏ъистра да греду̏ у ка́цу (лов) и и̏шли су уз једну̏ го̏ру. Ка̏л су до̏сли у̏ гору, би́ли су три̏ пу́та: и̏шал је кро̏ј и с једни̏ пу́то, а мини̏стри с дру̏гин, дру̏ги мини̏стар с тре̏ћи пу́то и оста̏ли су дако̏рди (сложни) да се има̏ју вро́тит на ту̏ и ту̏ у̏ру. До̏сло је ври̏ме, мини̏стри су се вро́тили, а кро́ја ни̏. Они̏ су га цеко̏ли ни̏колико вре̏мен, а ка(д) су ви̏дели да га ни̏, онда̏ они̏ су и̏шли до̏ма и у гра́ду ве̏лико за̏лост да је кро̏ј поги̏ну̏л. Онда̏ кро̏ј се искито̏л (скитао) по бу̏ску (шуми) гло́дан и зе́дан ни̏колику до̏н и тре̏фил је мо́лога је̂жа и зове̏ га: "Ко̏ је во́де̏", а је̂з' му се ја̏ви́је": "Ѐво јо̂". Кро̏ј цу̏је гло̏с, а не ви̏ди га и гово̏ри му: "Изо́ји̏е код ме̏не" и је̂ж је до́шъ̏ал и гово̏ри му кро̏ј : "Зно̏с ти̏ пу̏т за по̏ћ у̏ гро̏д?" Зна̏о̏н, гово̏ри. "Хо̏ћеш ми уко́зат ди̏ је пу̏т за у̏ грод?" А о̏н му гово̏ри: "Хо̏ћу, а̏ко ћеш ми да̏т твоју̏ ће̂р Анђели̏ку". Кро̏ј му гово̏ри: "А ца̏ ће ти моја̏ ће̂р Анђели̏ка?" Вазе̏сћу је за моју̏ з'ену̏". А кро̏ј гово̏ри: "Ни̏ могу́ће". Онда̏ је до̏пе се вро̏ти̏ да ће иска̏т пу̏т и ни̏ мо̏га но̏ћ. Сто̏л је цетъ̏ри до̏на по горе̏, по̏ се је вро́тил кол мо̏лога је̂жа и замоли̏ га је: "Мо̏ли те, у ко́з ми пу̏т за по̏ћ у̏ грод". "Хо̏ћу, гово̏ри, а́ко ћеш ми да̏т твоју̏ ће̂р Анђели̏ку", а кро̏ј гово̏ри за се̏бе: "Јо̏ ћу ре̏ћ не̏му да ћу му је да̏т, по́к му̏ је да̏т не́ћу". Онда̏ му гово̏ри кро̏ј "Да̏ћу ти је", а о̏н гово̏ри кро́ју: "Уци̏н ми јелну пи́с'му да ћеш ми да̏т твоју̏ ће̂р Анђели̏ку". А гово̏ри му кро̏ј: "Ни̏момо ко̏рте (хартије), ни̏момо инђо̏стра (мастила)", и гово̏ри му је̂ж: "Је̏мон јо̂". Онда̏ је је̂ж до̏ни̏, и кро̏ј је полпи́сол. Гово̏ри је̂ж кро́ју: "Ни̏ то до̏ста; исмо̏ц тво̏ј па́рстен у инђо̏стар пок темо̏рбј (запечати)" и кро̏ј исмоци̏л, по̏к му темо̏рбл. Онда̏ му је је̂ж уко̏зо̏л пу̏т и одве̏л га је до на кро̏ј гро̏да. Кал је до̏шъ̏ал кро̏ј у̏ гра̏д, онда̏ су уцинъ̏и̏ли ве̏лику̏ весе̂је да је до̏шал кро̏ј жи̏в, а је̂ж се је вроти̏л но́ со (назад) и па̏сал је про́јце пе̏л го̏дишћ, по̏сле те̏га до̏кл'их је олгоји̏л две̏ста и о̏н је позна̏вол Анђели̏ку, је̂рбо су за̏једно на ску̏о̏лу ходъ̏и̏ли. О̂н је зно̏л да је до̀сла на у̏дају и би̏ла се поце̏ла одо́ват за једне̏га мини̏стра. О̂н је ску̏пил своје̏ про́јце и гре̂ ишнима̏н пул до̀ма. Кал је до̏шал на кра̏ј паи́за (села), онда̏ ви̏це: "Зе̂не, цувајте ва̏ше ва̏ртле, да вон не би̏ мо̏ји̏е про́јци̏е изи̏е̏ли зе̂ле. Онда̏ је до̏шъ̏л дома̏ и гово̏ри о̏цу: "Ѐво ти педесе̏ про́соц", и бо́рби̏е (стрицу) гово̏ри: "Ѐво те̏бе педесе̏ про́соц: по̏јте на пазо̏р, продо̏јте их, а ти̏, ма̏ (мајко), пу̏о̏ј пи́тој у кроја̏ Анђели̏ку зо̏ ме". Онда̏ су о̏ни и̏шли, про̏дали су про́јце и до̏шли су до̏ма и ма́ти је и̏шла и вро́тила се је, и пи́то је: "Ца̏ ти је ре̏кал кро̏ј?" "Ре̏кал ми је дако дру̏ги пу̏т до́јден, да ће ме ста̏ви у парзу̏н (затвор)". Су̏тра јо̏пет гово̏ри о́цу и о̏бро̏е и ма́тери да нека ва́зму по педесе̂ про́соц,

а ма́ти да нека и̏де пи̏та̏т Анѣели́ку у кро́ја, а она неће, ербо пла́це да ће је ста̏ви у парзу̏н, а ѳн ју је прѣси̏лил и и̏шла је. Они̏ су про̏дали на пазо̀р про́јце и дошли̏ су до̀ма. Онда̏ је ма̀ти до̀сла сузѣ̏ма на́оци да је ре̏кал кро̀ј да ни̏је могу́ће да ће да̏т ће̏р за је̏жа. Кал је би́ло су̀тра, гово̀ри о̀цу и ма́тери: " Јогре̏ пи̏та̏т у кро́ја Анѣели́ку, а ви̏ ме̏ парће̏јте (спремите) једну̏ ли́пу ка̏мару". И ѳн је и̏шал и до̀шал је о̀ни до̀н у ко̀рту (двор) кро́јеву кал је би̏л па̀рламент и сто̀л је како мо̀л јежи̏ћ на столу̏ докле па̀рламент се доспи̏л. Онда̏ ѳн говори̏:"Је до̀пуст да ја̀ ре̏цен јелну̏ бесе̏ду?" А гово̀ри му кро́ј: "Мо̀реш". А ѳн му гово̀ри: "Мо̀ре твоја̏ бесе̏да до̀ј (доћи) на ма́ну?" Кро̀ј му гово̀ри: "Не̏!" "Испоми̏неш ли се ка̀л си се би изгубил по горе̏, ка̀ си ми о̀беѣол твоју̏ ће̏р Анѣели́ку?" Онда̏ се је кро̀ј удри̏л ру̏ко̀н по колену̏ и ни̏ му ни̏шта олговори̏л, ного је и̏шал код Анѣели́ке и гово̀ри ну̏н: "Ће̏рце Анѣели́ко, кал сон би̏л на погибелу, о̀беѣол со̏ те је̏жу, и моја̏ ри̏ц не мо̀ре до̀ћ на ма̀ну и мо̀рьс' да и̏деш за не̏га", а кал је она̏ цу̏ла, да ће се хи̏тит низ пуни̏ьстру, и ћапа̀ли су је и онда̏ су је присвади̏ли (одвратили), а гово̀ри ни̏н (им) је̏ж: "Јо грѣ до̀ма и кро̀з о̀со до̀н ћу се вро́тит". Ја̀ ћу до̀ћ по́ не. Онда̏ је и̏шал и након о̀со до̀н се је вро̀ти̏ и во̀ди сва́ћу. Ка̀ су до̀шли у̀ двор кро̀јов, она̏ пла̀це. Ка̀л су се ди̏гли, вазе̏ла га је у траве̏рсу (кецелу) и до̀сли су у цри́кву, то̀те се ру̀ковали и до̀сли су до̀ма. Оти̏ до̀н су пи̏еровали. Кал је би́ло по по̀дне, онда̏ је сви̏т кои̏ је би̏л на пиру̏, и̏шал до̀ма, а она̏ у̀вик пла̀це, а ѳн је ни̏ мо̀гол гле̏дот ол ми̏лошће и и̏шал је у своју̏ ка̀мору. До̀сла је но̀ћ. Она̏ им гово̀ри, о̀цу и ма́тери: "А ди̏ ћу сад ја̀ би́дна?" А они̏ ну̏н гово̀риду: "А ца̏ ћемо ти ми̏, ће̏рце моја̏?" А 'на̏ гово̀ри: "Ни̏ дру̀го, грѣ ко̀д нега у ка̏мару. Ка̀л је до̀шла у ка̏мару, ви̏ди младѣ̏ьћа како једна̏ ки̏та и но́шла се је контѐнта (задоволна), и онда̏ ѳн ну̏ј гово̀ри: "Анѣели́ко ду̀шо, немо̀ј ме што сме́тат, него лѐзи на дру̀гу по̀стеју". Ја̀с' ми је за̀ три до̀на сто̀т у јову̀ плани̏еету и а̀ко ме акузо̀ш (ословиш), уди̏ја (одмах) ће ме̏не понеста̏т. Бу̀ди творда̏ на бесе̏ду, а она̏ се је но́шла контѐнта: да је но̀шла ли́пега младѝћа. Ју̀тро се је уста̀ла и канто̀ (пева) по́ куѣи, а него̀ва ма́ти до̀шла је код не̏ и пи̏то је: "Анѣели́ко, ца̏ си весела̏?" А она̏ ну̏ гово̀ри: "Весела̏ су̀, је̏рбо со̀ се но́сла задово̀јна". Онда̏ га је неста̀ло. Она̏ је и̏шла у о̀ца и гово̀ри му да се је би́ла но́сла задово̀јна о је̏жу и да ну̏ је ре̏кал да га не акузо̀је, а јо со̀ га акузо̀ла и онда̏ га је неста̀ло. Онда̏ је ота̏ц ну̏ сто̀л сова̏т и ту̀ћ. Онда̏ је она̏ и̏шла ћа̏ ол сво̀га о̀ца и обу́кла се по му̀шку и остри́гла је вло̀си̏е и и̏шла је од ми̏ста до ми̏ста ди̏ је ѳн би̏л и она̏ је до̀шла до 'не̏ оштари̏је ди̏ је о̀ зи́ви̏л и пи́та оне̏га господо́ра од оштари̏је да хо̀ће га вази̏ст (узети) за јуно́ка (слугу), а гово̀ри ну̏ господо̀р: "Хо́ћу", и онда̏ је ту̀те осто̀ла и пи̏то је господо̀р: "Како̀ ти је и̏ме?" - Шлави̏ћ". И ту̀те је она̏ слу̀жила, а не̏зин му̀ж је ви̏ди̏л и позно̀л, а она̏ ни̏ мо̀гла не̏га познѐт, и ѳн је би̏л по дану̏ је̏ж, а

пòсли по ноћи̂ младѝћ. Ка̏л се зваршѝло ȍну дѐвел го̏дишћ, онда̀ он зове̂ господо̏ра од оштарѝје и говѐри му: "Је вȩ̂ угодѝл они̂ јуно̏к Славѝћ?"- "Ни̏смо нѝкад бо̏јега имѐли до нѐга јуно̏ка", а ȍн говѐри: "Мо̏ли, вос, кал вȩ испра̀ви кузѝну (кухињу), дана̏с, пошјѝте га кол мѐне". А господо̏р, како је бѝ цовѐк вѐлики, нѝ ни цѐкол да му спра̀ви кузѝну, него је послȍл удѝ (одмах) и она̀ је до̏сла кол јѐжа у ка̂мару и ȍн говѐри: "Ма тѝ нисѝ мушкѝ, него си зѐнско", а она̀ говѐри: "Нѝ ѝстина". Онда̀ ȍн говѐри: "Позна́јеш онѐга мо́лега јѐжа?" Онда̂ се она̀ зацрлене̂ла и по̏цēла су нȩ се дѝзо̏т па̂рси и ста̀ла је пла́кот, а ȍн нȩн говѐри: "Му̏ц, немȍј пла́кот. Јо̏ сȩ твȍј му̏ж, а тѝ си моја̀ зена̀", по̏ су до̏звȍли господо́ра да онѝ греду̏ ћа̂, а господо̏р говѐри да ће нȩн (јој) плотѝт што̀ га је дворѝ^е^ла, а ȍн говѐри да ни-потрѝ^е^ба, и онда̀ су ѝшли у нѐзинȍга ѐца. Кал су до̏сли, уцинѝли су вѐликȳ весѐље и ту́те су оста̀ли и ȍн је бѝл крȍј, а она̀ крајѝца.

(Записано в Луке от Мате Радишича)

Гојцица (притча)

Говорѝл свѣ^и^ти Миховѝл Ису̏карсту да којѝ̂ је он господо̏р кал не мо̏же заповѝда̀т с врȍгȩ. Онда̀ му говѐри Ису̏карст. "Ѐто га тѐби". Онда̀ га је ȍн затворѝл у бо̏цу. Ка̀ се Бȍг ро̏дил на по̏лно̏ћ, онда̀ је врȍг по̏чел скокА̀т по бо̏ци. Говѐри му свети̂ Миховѝл да зȍц не мирȳје. Вецера̂с сва̀к стојѝ̂ с мѝрон и тѝ^ь^чица у горѝ̂, бо се родѝл Бȍг. А ȍн говѐри да ће угра̀бит двѝ̂ ду̏шȩ. "А којѐ̂?" Врȍг говѐри да ће свѝти ота̀ц сагрешѝт колу̏^ь^дрицу, а ȍн говѐри да хо̏ће га довѐст на то̏ мѣсто. Говѐри да хо̏ће. И но́ не(г) се је свети̂ Миховѝл узјахо^л^ и довѐл га је до онѐга мѣста и оста̀вил је врȍга пред вро́та и кла́пје на вро́та. А колу̏дрица бѝла кол свѐтега ѐца. Свѐти ота̀ц говѐри: "Ѐва нѝко грѐ̂, а сал дѝ ћеш тѝ?" И ȍн је сакрѝ̂ пол постѐју. Онда̀ ȍн отворѝл и вѝдил светѐга Миховѝла и говорѝ̂: "Ку̏је цу̏до да си до́ша^л^". Свети̂ Миховѝл говѐри свѐтом ѐцу да му је до̏ша^л^ ^и^скупѝ^ь^т ду̏шу, а ȍн му говѐри: "Како̏ то?" А ȍн говѐри да је сагрешѝ^л^ вечера̂с с колу̏дрицо, а свети̂ ота̀ц говѐри да то нѝ исти̂^ь^на. А онда̀ ȍн зове̂ врȍга. Врȍг тѝра (вуче) колу̏дрицу за́ влоси испол постѐје. Кал је вѝдил свети̂ ота̀ц, пѝтол је у светȍга Миховѝла прошћѐње, да толѝко је ȍн могу̏ћ да је знȍл ча̀ је ȍн чинѝ̂.

(Записано в Куте)

Сйнуђ Мôре с дрôгин вецêрола,
Ўјутро га цўла ни видела
Вâзме видро онâ лйпо Мôре,
Вâзме видро и нâ воду пôјде,
Те на вôду свôга дрôга нôјде.
Добро̀ му је ју̏тро називâла:
"Добро ју̏тро и ми̏ло и дрôго!"
А ôн ну̏ га с дрôгин називôјо:
"Дрôги ји̏ᵉсмо, ма вêћ бѣ̏т нêћемо,
Јер мę не дô стôра мôјка твôја".
Али му је Мôре говорйла:
"Ôј не лу̏дуј Иве мо е дрого,
Дôјди̏, Йве, ка̏л те бу̏де дрôго.
Ста̏вићу тę двûᵒре приᵉтвôрене
И пони̏ᵉстре ма̏ло приѣклôните.
Не зôб (заборави) ко̏ну расковâт
пôлкове,
Ни со̏колу раздреши̏ти звôнце,
Јер ми стôра домишлйва мôјка
Уди̏ (одмах) би се доми̏слила
млу̏да".
Кал је ўра ма̏ркле но̏ћи бйла,
Зôби (заборави) Йве цâ му ре̏це
Мôре,
Зôби кону̏ расковâ полко̀ве
И со̏колу раздреси̏ти звôнце.
Ка̏л је бйло но̏ћи крај полно̀ћи,
Лйпи Мôре ту̏ (то) доцѣ̏ла мôјка.
Лйпи Мôре говорйла мôјка:
"Ко лу̏в ло̀ви покрај мôга двôра,
Ко лу̏в ло̀ви, уловй̀ га нêће,
Јер је моја ћѣ̏ри страшйвица,
О̀' строха би у Дунôј шко̀цила,
А ồ' срôма у гору̀ убйгла".
А кал јѐ је Йве разумйо,
Ова̀ко ја̨ Йве говорйо:
"Ô, не ла̀зи, лйпи Мôре мôјко!
Да је ћѣ̏ри твôја страшйвица,
Да о̀'о' стрôха у Дунôј шко̀цила,
А о̀' срôма у гору̀ убйгла.
Сву ну̏ћ ни је на рукê прьспôла,
Нę мę коса̀ рукê назуја̀ла,
Нйсон мôгāл ни оседла̀ ко̀ња.
Лйпо ми га оседла̀ла Мôре,
Јос' ми с ко̀ња двô цѣ̏лова дôла.
(Записано в Комиже)

Ју̏тāрна росйца, не падâј на цвйће,
Јер га дра́га мôја учѣ̏шће зали́је,
Рука̀ма бйлима онâ га зали́је,
Жу́теман косйман ô' сунца га крйје.
(Записано в Построжье)

Загадки

1. Јѣ̏лна мôло го̀логлава
Свѣ̏му свйту додйјола
И цовйку на мотйку
И дивнйци на катри́ду (столици). (Бухâ).
2. Пê(т) бра̄ће ку̏ћу гра̄де, али нѣ̏ћу ў ну̏ стôт. (Бѣ̏ᵉцве и јôглечарапе и игле).
3. Јелнâ су̏ѣкна у два̄ᵒна̄сте фѣ̏рōс усивѣ̏на, нйти је јаглу̏н убодена̀, нйти је ку̏нцон сашивена̀. (Капу̏ла-црни лук).
4. Сйковићи сицу̏, ву̏ковићи вуцу̏, а арамôша примѣ̏ће, да га ўјâму мѣ̏ће. (Ју̏ста, јазйк, зу̏би и та̀рôух).

5. Доле гвожје, горе дриво, а у штриду ништо зиво. (Полкове ол коња, самор и куњ).

6. Једон вол у^о дубоки дол, ни^ъко га не види, него сон Бог. (Сунце).

7. Једна овца нити ји, нити пи^е^је, а све поје попосе. (Косир).

8. Озгор плоца, оздол плоца, а у сриду живо месо. (Жаба ол мора).

9. Једна бацва през обруци, а унутра две ворсте вина. (Јоје)

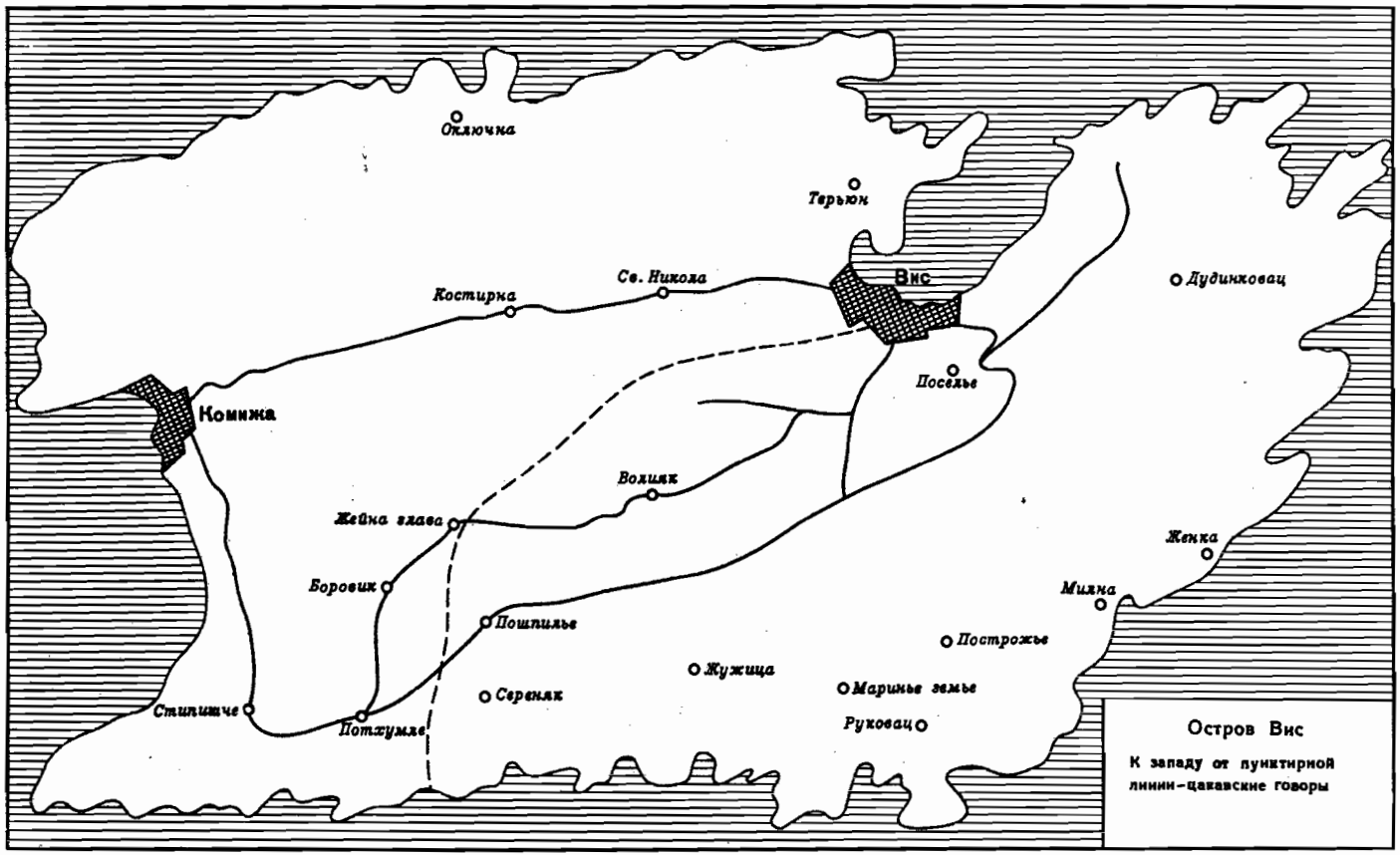
10. Једон кон йде у шталу без полкови, а вроти се са полковима. (Крух).

(Записаны в разных местах)

СЛОВАРЬ
малоизвестных слов и значений

акузат (итальян. accusare) – обратиться
баланца (итальян. bilancia, франц. balance) – весы
банда (итальян. banda) – сторона
баница – австрийская монетка
барба (итальян. barba) – дядя
бокун (итальян. boccone) – кусок
боско (итальян. bosco) – лес
боцун (итальян. венециан. bozzone) – бутылка
бритволин – нож (перочинный)
бусит (южнонемецк. Buß 'поцелуй') – поцеловать
вера – обручальное кольцо
гојчица [гојцица] – рассказ, анекдот
дакорди (итальян. d'accordo) – дружный
дивна, дивна – девушка
дим (от старого глагола дити) – говорю
зобит – забывать
изгулит – вытащить
инчостар (итальян. inchiostro) – чернила
јунак – слуга
калат (итальян. calare) – опустить, опускать
камара (итальян. camera) – комната
кантат (итальян. cantare) – петь
капула (итальян. cippola) – лук
карта (итальян. carta) – бумага
каца (итальян. cacia) – охота
компошонт (итальян. camposanto) – кладбище
контенат (итальян. contento) – довольный
корта (итальян. corte) – дворец

кузи̂на, кужи̂на (венециан. cusina) – кухня
кумпо̂р (итальян. compare) – кум
ку̂с – кусок, кусочек
ли̏бар (итальян. libro) – книга
лио̂н, лиу̂н (итальян. leone, lione) – лев
мij.о̂р (итальян. migliaio) – тысяча
ми̏лошћа – любовь
неве̂ра (венециан. nevera) – буря, ненастье
оштари̏ја (итальян. osteria) – корчма
парићѐ̏т (венециан. parichiar) – (при)готовить
пасѐ̏т (итальян. passare) – пройти
пенсѐ̏т (итальян. pensare) – думать
пинѐ̏з, пинѐ̏з (древненемецк. pfenning) – деньги
пи̂нка – фруктовая косточка
пиња̏та (итальян. pignatta) – горшок
плане̂та, плани̂та – облик; существо
присвади̏т (итальян. persuadere) – отговорить
п(а)ржу̂н (итальян. prigione) – тюрьма
пуни̏стра (латин. fenestra) – окно
салбу̂н (венециан. sablone) – песок
са̏коћа (итальян. saccoccia) – мешок
тембра̏т (франц. timbrer) – поставить печать
тира̏т (итальян. tirare) – тащить
траве̂рза (итальян. traversa) – фартук
ћапа̏т (итальян. zappare) – схватить
уди̏ја – тотчас
фажо̂л (венециан. fasiol) – фасоль


Оключна
Терьюн
Вис
Костирка
Св. Никола
Дудинковац
Посёлье
Комижа
Волиняк
Жейна глава
Женка
Боровик
Милна
Пошпиље
Построжье
Жужица
Серенак
Маринье земье
Руковац
Стипишче
Потхумле
Остров Вис
К западу от пунктирной линии–цакавские говоры

В.М.Мокиенко

СЕРБОХОРВАТСКИЕ пòниква, слàтина И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛАВЯНСКОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Работа Й.Шютца по сербохорватской географической терминологии[1] открыла ряд подобных славистических исследований, которые либо написаны,[2] либо находятся на стадии завершения[3].

Разумеется, Й.Шютцу, как и любому первооткрывателю, пришлось решать многие сложные, порой неразрешимые в тесных рамках небольшой монографии, вопросы. К решению многих из них спустя десять лет лишь приближаются исследователи географической терминологии.

Один серьезный недостаток монографии Й.Шютца – неполноту ареальной разработки сербохорватских терминов – единодушно отмечают все рецензенты[4]. Параллели приводятся в основном по этимологическим словарям с предельно обобщенным значением. Причем, даже в этих пределах они не полны.

В определенной степени этот недостаток обусловлен охватом работы: в ней исследуется вся сербохорватская географическая терминология и топонимия, образованная от апеллятивов-терминов. А как справедливо отметил Ф.Безлай в своей рецензии, даже отдельные географические термины требуют настолько разностороннего изучения, что могли бы стать предметом солидных монографий.

---

1 J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

2 P. Nitsche. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln-Gras, 1964; Н.И.Толстой. Славянская географическая терминология (Семасиологические этюды).М.,1969; Т.А.Марусенко. Названия рельефа в украинском языке (на славянском фоне),автореф.канд.дисс. Киев – Каменец-Подольский,1967; Р.Н.Малько. Названия рельефа в чешском и словацком языках,автореф.канд.дисс. Минск, 1970; В.М.Мокиенко. Лингвистический анализ местной географической терминологии(псковские апеллятивы,обозначающие низинный рельеф,на славянском фоне), автореф.канд.дисс. Л., 1969.

3 Болгарскую географическую терминологию исследует Э.А.Григорян (Ереванский педагогический институт).

4 В.М. Иллич-Свитыч. [рец.] – ВЯ, 1967, № 4, стр.121-122; F. Beziaj. Rocznik slawisticzny, t. 21, cz. 1, стр. 147-148; V. Machek. [рец.] - Lingua Posnaniensis, 1959, t. vii, стр. 301-305; J. Popovic. [рец.] - Zietschrift fur slavische Philologie, 1956, Bd. XXVI, H. 2, стр. 453-455; F. Sławski. [рец.] - Onomastica, 1958, t.IV, zesz.2, стр.398-400.

Огромный материал, которым, как правило, приходится оперировать исследователям географической лексики отдельных славянских языков, ограничивает всесторонний анализ отдельных терминов. Групповой, глобальный охват географической лексики, направленный на поиски общих закономерностей, заставляет отказаться от некоторых аспектов анализа: в работу не включаются топонимы (П.Нитше, Н.И.Толстой), максимально ограничивается описание ареала (Й.Шютц, П.Нитше), исследуется этимология лишь отдельных терминов (Т.А.Марусенко). Этимологические комментарии, особенно в работах Й.Шютца и П.Нитше, чаще всего ограничиваются педантичным перечислением страниц этимологических словарей.

Это и понятно: всесторонний этимологический анализ предполагает широкий выход за пределы лексической группы, а рамки монографии, в которой исследуется более 1000 терминов, слишком тесны, чтобы такой выход стал возможным[5].

Конкретный анализ отдельных терминов позволяет ярче осветить некоторые детали общей картины становления и развития славянской географической лексики[6].

Пòниква

Сербохорв. пòниква может обозначать 'воронкообразное или плоское углубление в известняковой (карстовой) почве, образовавшееся вследствие химического воздействия воды в известняке': "У хрватској књижевности, поред поникава постоје још два термина за вртаче: долац и свртак" (Ј. Цвијић. Просв. глсн., 1887, 908); "Само на кречњачком земљишту... тих локвастих донача... У ужичком округу зову их пониквама (отуда планина Пониква)"[7].

Пониква имеет глубину от 5-10 до 100 метров. По форме эта карстовая воронка может быть округлой или вытянутой, почва ее обычно бывает поросшая травой[8].

---

[5] Поэтому кажется весьма рациональным и последовательным ограничение этимологической задачи в работе Н.И.Толстого - выявление семантических закономерностей славянских географических терминов.

[6] Считаем приятным долгом поблагодарить проф.Прибислава Зарича за ценный материал, присланный из картотеки Института хорватского языка Югославской АН (Загреб).

[7] Ј. Цвијић. Српскохрватска терминологија и номенклатура. Говори и чланци, III. Београд, 1923, стр.71.

[8] Ср.подобное описание, со ссылкой на Й.Цвийича: I. Chataigneau. Quelques termes géographoques en serbocroate. Revue des études slaves, t. 40-ème, 1964, стр. 45.

Академический словарь отмечает этот термин в более общем значении, непосредственно отталкиваясь от его этимологии: "то же, что понор, т.е. место, где вода теряется и исчезает под землей". Образование от корня ник-, от которого слова никнути и поникнути" (RJA X, 743-744; ср. Iveković II, 107).

По-видимому, употребление слова по̀никва в качестве апеллятива в сербских и хорватских диалектах идет на убыль. Уже в словаре Вука Караджича отмечаются лишь топонимы: По̀никва - название водного угодья в Хорватии у монастыря Гомирья (К. 566), По̀никве, мн. - "поле у Ужичкој нахиjи", названия сел в Хорватии и на полуострове Рат ниже Дубровника (К. 557), в Боснии и Герцеговине (RJA X, 744). Эти топонимы имеют древнюю фиксацию: Ponicua — "in qua intrat aqua" - граница земли Лука у Яранима; Ponikve - с 1357-1372 (Skok 141).

Апеллятив по̀никва стал основой названий водных и земельных угодий, населенных пунктов, "где имеется какая-нибудь вода, которая пересыхает при больших засухах, т.е. исчезает, не остается" (RJA X, 743-744).

О широте ареала этого термина свидетельствуют его производные в сербохорватском и других славянских языках.

По̀никвица 'поляна в горном лесу' (К. 557). Составители академического словаря, повторяя это определение, пишут: "развитие значения не совсем ясно" (RJA X, 744). Й.Шютц пытается разрешить возникшее семантическое "противоречие", возводя по̀никвица к глаголу по̀нићи, по̀никнем 'всходить, пускать ростки' (Ш. 62). Такое решение, однако, кажется ошибочным: получается, что сербохорватское по̀никва и по̀никвица - самостоятельные образования от глаголов с разными значениями. Но факт, что по̀никвица - уменьшительная форма от по̀никва (Бакотић 840; Iveković II, 107) доказывается наличием топонимов Поникавица, Пониковица, записанными в том же ужичком округе, что и названия сел Пониква (RJA X, 742; 743).

Рассмотрим контекст, приводимый В.Караджичем: "У Бjелопавлићкој планини имаjу четири поникви́це: Вела, Средна, Сува (нема воде) и Вражегрмачка" (К. 557). Подчеркнем, что это единственный контекст, из которого выводится определение 'поляна в лесу'.

Ясно, что слово по̀никвица выступает в этом контексте как часть названий земельных угодий. Поэтому его можно рассматривать скорее как топоним, чем как апеллятив. И выводимое значение "топонимическое", а не "апеллятивное". В этом отношении по̀никвица ничуть не отличается от топонимов Пониква, Поникве - наименований угодий и селений. Такое употребление типично для географических терминов со значением 'водный источник' в составе топонимов. Ср., например, Вязко болото, Красный мох (при мох 'моховое болото'), Струга, Черный ключ и др., используемые в псковских говорах для обозначения полей,

сенокосов и других земельных угодий. Тем более, что определения Вела, Средна и Сува очень хорошо соотносятся с описанием "пониквы" Й.Цвийичем.

Но даже если предложенное объяснение слова пòниквица и неверно, то семантический переход 'водоем' → 'земельный участок', довольно обычный для славянских географических терминов (ср. рус. луг и польск. łąg, łęg 'болото' Фасмер II, 527), предполагает прямую связь пòниква и пòниквица.

Й.Цвийич также отмечает сербский диалектизм пòниклица 'карстовое углубление или равнина'[9]. Ср. топ. Пòниклице "дио неке висоравни у округу пожеровачком" (RJA X, 742). Этимологическая связь всех этих слов не вызывает сомнений.

Словен. ponikva 'место, где вода уходит под землю', 'черная долина, котловина' (Pleteršnik II, 146; SSS 545-546), 'ложбина' (Hostnik 213). Ср также ponikvarica, ponikvenice 'река, уходящая под землю' (Pleteršnik II, 146, 546).

В других славянских языках этот термин в живом употреблении известен меньше: болг. пониква, др.-болг. пониква 'место, где вода исчезает в земле' (Ш. 42) и польск. ponikwa 'подземный речной поток' (Brückner 363).

Устар. польск. ponik 'щель в земле, где исчезает водный поток, появляющийся далее вновь', 'подземная река', 'небольшой ручей' (Modrzejewski 126)[10]. Я.Карлович, отмечая этот местный термин лишь в составе гидронима Ponikły stok - название источника в трех милях от Тикоцина, однако, добавляет: "В окрестностях Кракова каждый источник называют в народе poniklem" (Karłowicz IV, 225). Ср. также польск. wyniki 'болотистые места на лугу' (Н. 90).

Из подобных восточнославянских образований известен лишь смол. пониковец 'ручей, местами теряющих течение и переходящий в заболоченный участок или трясину' (Мурзаевы 180). Образованием от корня ник-, возможно, и самостоятельным (ср. проникнуть 'углубляться, проходить'), является пск. проница 'окно в болоте', 'топкое болото, трясина' (Опочецкий, Порховский, Пустошкинский, Пушкинский, Новоржевский районы - КПОС). Вероятно и значение 'источник, ручей': "Прóница, пат кряжóм вадá есь халóнная, где вадá кипýчая такáя" (Пустошкинский район, д.Мясово - КПОС).

Таким образом, несмотря на большую прерывность, ареал слов пониква, поник 'источник' свидетельствует об их общеславянском происхождении.

---

[9] Ј. Цвијић. Српскохрватска терминологија, стр.72.

[10] Ср.: Linde IV, 335.

Это подтверждается широким распространением гидронимов и топонимов, образованных от этих апеллятивов: Punkva – небольшая исчезающая под землей горная река в Моравии, недалеко от известной сталактитовой пещеры Мацоха (Machek 326; Holub-Kopečný 245); Ponikwa – река в Подолье (Staszewski 239)[11], река Паниква в бывш. Гомельском уезде, Паниковка – правый приток Днепра, Пониковка – левый приток Судости, притока Десны (Топоров-Трубачев 202).

Сербохорватскому топониму Пòниклице соответствуют уже отмечаемые польск. Ponikły stok, чеш. Poniklá (с 1354: Ponikla-народное произношение: Poniklej, v Poniklým и т.д.) – деревня у притока реки Йизеры. Известно, что этот приток исчезает под деревенским костелом и вытекает в 2,5 км (Profous III, 432-433)[12]. Такое же свойство имеет смоленская река Поникля, исчезающая у д.Мокруш (Бельского уезда) и появляющаяся вновь у д.Пониколь в виде ключей[13]. А.И.Попов, приводящий последний гидроним, а также пск. и самарск. Поникла, отмечает и смол. гидроним Поникша (Паникша)[14]: Ср. также гидронимы Паник, Паника в бассейне Дона (Топоров-Трубачев 200), Поника – село Николаевского района и поселок Сенгилеевского района, Поникий ключ – поселок Николаевского и Ульяновского районов Ульяновской области[15].

А.И.Попов, раскрывая этимологию гидронима Поникля – притока р.Межи в Смоленской области, а также Поника, Пониква, Поникша, ставит его в непосредственную зависимость от русского диалектного поникнуть 'иссякнуть', 'исчезнуть под землей', 'уйти под землю' (об источнике, ручье и т.п.)[16]. Для А.И.Попова "русская" этимология этих гидронимов – важное доказательство необходимости крайне осторожного подхода при анализе гидронимии с "финноугорскими" формантами (-ва; -ша; -ля). Но, верно решив этот принципиальный вопрос, А.И.Попов далее допускает типичную "топонимическую" ошибку: "-ля, -ша, -ва – это просто русское оформление топонимических данных; заметим, что

---

[11] Ср.: Vl. Šmilauer. Vodopis starého Slovenska . Praha a Bratislava, 1932, 471; ср. также топ. Niczlawa – образование того же корня (Staszewski 204).

[12] Ср. Holub-Kopečný 245.

[13] Д.Н. А н у ч и н. Из поездки к истокам Днепра, Западной Двины и Волги. "Северный вестник", 1891, № 8; Россия. Полное географическое описание нашего отечества, под ред. В.П. Семенова, т.IX. СПб., 1905, стр.6.

[14] А.И. П о п о в. Географические названия. М.-Л., 1965, стр.37.

[15] В.Ф. Б а р а ш к о в. Из материалов к изучению топонимии Ульяновской области. "Русский язык в школе и вузе", вып.II. Ульяновск, 1966, стр.70.

[16] А.И. П о п о в. Указ. соч., стр.35-37.

оформление географических наименований вообще сильно отличается от оформления другой лексики языка, не топонимической" (разрядка моя – *В.М.*)[17].

Для русского языка, где пониква уже не употребительна как апеллятив, суффикс -ва может показаться специализированным русским "топонимическим" формантом. Однако широкий славянский ареал этого слова и его апеллятивное употребление в сербохорватском и словенском убедительно показывают, что данные гидронимы как раз сильно не отличаются "от другой лексики языка", а являются типичными славянскими лексемами.

Сербохорв. По̀никлица, польск. Ponikły stok, чеш. Poniklá, ульяновск. Поникий ключ хорошо объясняют смол. Поникля как причастное образование от *ponikti. Эти гидронимы позволяют проследить метаморфозу сочетания в слово: 1. *ponikla rěka > poniklа[18]; 2.*ponikla rěka > poniklica (ср. ниже об образовании *soltina).

Поникша в этом ряду предстает как локально ограниченное образование – "причастная" параллель с другим суффиксом (-ш-) к Пониклa[19].

Славянский географический термин пониква можно отнести (учитывая наличие слова пониk) к основам на -ъv (ср. кры, свекры, неплоды, брады и под.): *poniky. В таком случае этот термин займет место среди немногочисленных праславянских географических слов на эту основу: *loky 'лужа', *bagy 'болото' (ср. укр. багва 'болотистая низина' < *bagy[20])[21].

Сла̑тина

Географический термин по̀никва отличается семантической стабильностью на всем славянском ареальном континууме. Термин сла̑тина подвергся значительным семантическим превращениям в различных славянских диалектах. Сербохорв. сла̑тина, сохранив древнейшее значение 'ис-

---

[17] Там же, стр.38.

[18] Ср. многочисленные случаи эллипса в гидронимии: река Черная, Белая и под.

[19] Вполне вероятно здесь и влияние такой модели, как Мокша и под.

[20] Т.А. Марусенко. Назви рiвнин в українській мові. "Дослiдження з мовознавства". Київ, 1962, стр.33–36.

[21] И в этом случае можно отметить параллелизм формантов -ва и -ля: арх. ба́гля 'дорога в болоте' (Подвысоцкий 3).

точник', в силу определенных географических условий получила дополнительную семантическую конкретизацию, что, как увидим ниже, затемнило ее внутреннюю форму.

Слатина 'место, из которого вытекает соленая или кислая вода' (К. 713): "Мјесто гдје вода пишти из земље зове се пиштолина, мочалина, млака, слатина"[22].

Другие значения этого слова тесно связаны между собой: 'болотистое место, затвердевшее от соленой воды' и 'болото с источником, бьющим из земли' (RJA XV, 438–439; Iveković II, 422).

В специальной литературе слатина употребляется и как синоним русских терминов солончак и солонец: "Као безпловно земљиште сматра се оно које није способно да даје приносе због недостатка хранљивих материја, као што је то у слатина или сличних земљишта" (К.А.Тимирјазев. Земља и физика била, 51).

Повсеместному распространению сербохорватского термина соответствует активное использование его в топонимии. Во всех районах Югославии известны названия Слатина, служащие наименованием водных источников (ключей, родников, рек, болот), земельных участков (низменностей, возвышенностей, лесов) и населенных пунктов (сел, поселков, городов)[23]. Давно известны такие топонимы на Хваре (na Hvaru) – с 1331 г. и в Далмации – с 1426 г. (Skok 150). Ср. также топонимы Slatine, Slatnica, Slatnik, Slatinska, названия сел Slatice, Slatija и название местности Slatino (RJA XV, 439–440).

Значение термина слатина в других южнославянских языках почти совпадает с сербохорватским.

Словен. slátina 'источник кислой минеральной воды', 'кислая вода', slátinec, slátinčak то же (Pleteršnik II, 507; SSS 853). Отмечая для словен. slátina значение 'кислая вода', М.Хостник пишет: "Как географическое название Slatina соответствует русскому Кисловодск" (Hostnik 278).

Болг. слатина 'источник, из которого вода не бьет сильно, а медленно вытекает' (Геров 190; БТР 843), диалектное 'низкое место, куда стекается вода' (БТР 843). Эти значения были актуальны и для др.-болг. слатина, определяемого Ф.Миклошичем как 'болото': "землю плодовитоу въ слатиноу", "обрѣтѣше въ слатинѣ водоу" (Miklosich 857). Ср. болгарские топонимы: село Слатина (Ловечко), Белослатинско – район Болгарии и под.[24].

---

22 S. Kovačević. Prilog geografskoj terminologiji. "Naš jezik", t.6, 1939 стр.124.

23 RJA XV, 439-440.

24 И. Странски. Български народни названия на почвата според цвета и овлажняването ѝ. "Изв. на Почвения Ин-т Българската АН", кн.II. София, 1954, стр.313.

Подчеркнем, что болгарский термин фиксируется без семантической характеристики 'соленый' (источник).

В западнославянских языках значение 'кислый минеральный источник' в данном слове становится факультативным. Его вытесняет значение 'болото'.

Чеш. slatina 'болотистое место, возникающее в процессе зарастания водоемов в низменных местах', 'торфяное болото' (PSČ 345). В ляшских говорах slatina 'болото' (Bůžek 251), в моравских – 'кислая минеральная вода' (Bartoš 382). Южночешское slať 'торфяное болото' (Клатовы – KDO).

Распространение апеллятива подтверждается многочисленными топонимами: Slatina – поселок у Вимперка, Slatine – город (Svoboda-Šmilauer V, 272), ляшск. Slatina – долина у села Лыса (Bůžek 251), ганацк. Słatini (Голешов, Янковице) – название земельного участка, Slatiny – название поля (Пршешов – KDO); Slatina – название болота у Франтишковых Лазни (Западная Чехия), Slatiniště – урочище с источником (у Марианских Лазен), Slatina – название пруда и многое др. (SPJ).

Словцк. slatina 'торфяное болото', 'топь' (Kálal 614; Isačenko 331), 'болотистое место, возникающее при зарастании водных площадей в низких местах', 'вид торфянистой почвы в низких, сырых местах' (SSJ IV, 112), уменьшительное slatinka. В диалектах известно и slatina 'кислая минеральная вода' (Kálal 614).

Интенсивность употребления лексемы slatina в качестве географического термина резко понижается в польских диалектах, где она известна с суфф. -w. Как пишет А.Брюкнер, "Słotwina сейчас встречается лишь в местных названиях (Słotwina, Słoćwina. – В.М.), но еще у Потоцкого – в исходном значении 'болото'" (Brückner 506–507). Вряд ли можно, как увидим ниже, принимать значение 'болото' за исходное. Тем более, что известно локально ограниченное польск. słotwinka 'лечебная вода одного из источников Криницы' (< *slotwina 'кислый источник' – SW IV, 217). Именно к этому географическому апеллятиву возводит топоним Słotwiny (Бржезиньский повят) А.Паздур-Строковска[25]. Ср. сев.-вост. баварский топ. Schletten (Sleten) < *Slot-ьno, известный с 1071 г.[26].

В восточнославянских языках описываемое слово семантически близко к западнославянским slatina, słotwina.

---

25 A. Pazdur-Strokowska. Topograficzne i kulturne nazwy miejscowe. "Rozprawy komisji językowej". Łódź, 1966, t. XII, str. 42.

26 St. Rospond. Zur Problematik der westslawischen Ortsnamen auf -ino (deutsch -en, -in). "Onomastica slavogermanica". Berlin, 1965, стр. 42.

Рус. солоти́на 'вязкое, жидкое, стоячее, кислое и ржавое болото' известно в псковских (Копаневич 1902-1904), новгородских[27] и московских (Д. IV, 267), вологодских (Дилакторский 1902; Оп. 211), костромских (Покровский 1895) и ярославских[28] говорах.

Несколько шире ареал лексемы со́лоть. В.Даль, сопровождая его пометой "вост.", отмечает два его значения: 'вязкое болото' и 'слякоть, осенняя грязь' (Д. IV, 267). Владимир. со́лоть 'болото со ржавчиной' (Бодров 1853); яросл. со́лоть 'топкое, заболоченное место'[29], волог. со́лоть 'очень вязкое место, трясина' (Оп. 211), олон. со́лоть "жидкий слой глины на берегу реки, затягивающий в себя. Если животное зайдет в солоть, то без помощи людской неминуемо погибнет, солоть засосет" (Куликовский).

В русских говорах известны и неполногласные варианты этих лексем. В.Даль отмечает слоти́на, слоть как вариант слов солоти́на, со́лоть (Д. IV,267;223).Термин слатина 'небольшое топкое и вязкое болото в виде болотного островка без трясины' отмечал В.Бурнашев(Бурнашев II,218). Моск. и орл. слотина 'трясина' (КСРНГ), арх. слотина 'ряса' (Подвысоцкий 159). Ср. рус. слотина 'небольшое, но вязкое болото; сырое место на склоне речной долины, где выходят грунтовые воды', отмечаемое без помет географом Н.А.Солнцевым (Солнцев 172).

Ср. Солотча - левый приток Оби у Рязани и село Солотча на этой реке (Мурзаевы 206). Укр. солотвина 'соленое болото, солончак' (Гринченко 1782; Желеховский 895). Гидрологический апеллятив видит в закарпатском топониме Солотвина М.А.Грицак (Грицак 39). Тот же термин лег в основу топ. Солотвино (Жучкевич 136). Нельзя не отметить, что этот карпатский топоним подвергся такому же выравниванию по "патронимической" модели, как уже отмечаемое сербохорватское название местности Слатино.

Апеллятив солотвина, известный на Украине по свидетельству Ст.Грабца и наблюдениям Т.А.Марусенко в отдельных селах Западной Гуцульщины, уже выходит из употребления и поэтому нередко воспринимается как собственное название[30].

Обобщенная ареально-семемная характеристика приведенных образований от *solt- выглядит так:

---

[27] Ср.: М.А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северновеликорусского наречия. - Сб. ОРЯС, т.17,№ 3, 1877, стр.36.

[28] Г.П. Бондарук. Местные географические термины в топонимии Ярославской области. Изучение географических названий. М., 1966, стр.168.

[29] Там же.

[30] Т.А. Марусенко. Назви рiвнин.., стр.31.

Сербохорватские и словенские термины обозначают 'источник с кислой минеральной водой', 'кислую минеральную воду', 'солончаковое болото' или 'солончаковую почву'. Болгарские термины известны в значениях 'источник с медленно текущей водой' или 'низкое место, куда стекает вода'. Западнославянские и восточнославянские термины распространены как 'торфяное болото' (чеш. и словцк.), 'болото' (польск. и рус.), 'солончаковое болото' (укр.), 'грязь' (рус.).

Некоторые определения западнославянских и восточнославянских терминов свидетельствуют о значении 'ключ, источник, родник'.

Опираясь на значения 'источник с кислой минеральной водой', 'солончаковое болото' и под., большинство исследователей уверенно связывают праслав. *soltina с *solь 'соль' (Brückner 507; Holub-Kopečný 336; Pokorny I, 878-879; Staszewski 270; Trautmann 249; Vasmer II, 692-693; Н. 87; Ш. 67).

Этимологию *soltina от и.-е. корня *sel-/*sol- 'сильно течь' предложил Ст.Младенов (Младенов 589)[31]. Однако обращает на себя внимание, что К.Кузавинис, подробно исследовавший этот корень на широком балтийском и индоевропейском материале, не приводит ни одного именного образования с -t-[32].

Трудность объяснения суффиксального -t- заставляет В.Махка отказаться от традиционного сопоставления с *solь. Однако предлагаемое им соответствие с лат. saltu-s 'лес', 'роща' < 'лес в болоте' < 'болото, заросшее лесом' не подкреплено примерами. Поэтому чешский этимолог предполагает и возможность существования двух праславянских лексем: *solina 'соленая вода' и *soltvina 'болото', которые, взаимно влияя, вытесняли друг друга.

Нужно отметить, что с формальной стороны сомнения В.Махека мало обоснованы: праслав. *soltь (resp. *soltina) могло бы соотноситься с *solь так же, как праслав. *bolto (ср. лит. bãltas 'белый') - с *bal-/*bĕl- (ср. рус. бель 'болото', лит. bala 'болото' и др.). Тем не менее, несмотря на словообразовательную правдоподобность этимологии *soltina < *solь, высказанная В.Махком гипотеза о возможности контаминации *solina и *soltvina (или *soltina ? - *В.М.*) нам представляется допустимой. Описанный ареал *soltina показывает, что семантическая характеристика 'соленый' почти отсутствует на славянском севере, т.е. в вероятном районе образования этого географического термина.

Гипотеза о контаминации, однако, оставляет открытым вопрос об этимологии *soltina, которое могло позже контаминироваться с *soli-

---

[31] Ср. предложенное Ст.Младеновым сопоставление с болг. слапъ 'волна', сербохорв. слап то же, чеш. slap 'водопад' и т.д.

[32] K. Kuzavinis. Etymologica Baltistica. Vilnius, 1966, t. I (2), стр. 179-180.

na. Сопоставление праслав. *soltina 'болото' с лат. saltus 'лес, роща' сам автор не признает надежным из-за недостатка фактической аргументации.

Ниже делается попытка связать *soltina с лит. šáltas 'холодный'. Исходным моментом этой, предлагаемой нами, этимологии служит сопоставление праслав. *soltina с лит. šaltìnis 'холодный источник, ключ, родник' (Kurschat 421)[33]. Литовский термин образован от šáltas 'холодный' (ср. латыш. salts, др.-прусск. salta 'холодный'[34]).

Регулярность фонетического соответствия лит. š – слав. s известна. Приведем два примера из интересующего нас ряда:

ст.-сл. сла-на 'иней' (*solna) – лит. šalnà 'иней'[35];

ст.-сл. сра-мъ 'стыд' (*sormъ) – лит. šarmà 'иней'.

Б.А.Ларин убедительно доказал, что праслав. *sormъ (ст.-сл. срамъ и т.д.) имело конкретное исходное значение 'холод' (ср. стыд и студ, мороз – омерзение и под)[36]. Ст.-сл. слана и срамъ, таким образом, родственные слова (с чередованием l/r).

Учитывая эти соответствия, следовало бы ожидать далее, что если лит. šaltìnis 'холодный источник' соответствует ст.-сл. слатина, то лит. šáltas 'холодный' должно соответствовать ст.-сл. слатъ 'холодный' (*solt-/*sold-).

Однако вместо ожидаемого *solt-/*sold- мы имеем во всех славянских языках *xold- (ст.-сл. хладъ и т.д.).

Характерно, что происхождение этого начального х- признается этимологами "неясным"[37]. Ю.В.Откупщиков, рассматривающий ст.-сл. хладъ, рус. холод и лит. šáltas в связи с регулярностью чередования t/d, высказывает предположение, что "расхождение в отражении начального и.-е. гуттурального могут быть объяснены ярко выраженным экспрессивным характером слов"[38]. Фонетическое изменение, таким образом, объясняется семантической особенностью слова.

---

33 Примыкая к традиционному сопоставлению с *solъ, это литовское слово – без этимологических комментариев – приводят лишь авторы Академического словаря (RJA XV, 438).

34 K. Mühlenbach- J. Endzelin. Lettisch-Deutsches Wörterbuch, Bd. III, стр.676.

35 Горяев 327; 399; Преображенский 319.

36 Б.А.Ларин. Из славяно-балтийских лексикологических соответствий. "Вестник ЛГУ", 1958, № 14.

37 Ср. соответствия ст.-сл. хладъ в языках "сатэм" с закономерным *s: санскр. çar 'холод', зенд. sareta 'холодный', осет. sald 'холодный', арм. sar-n 'мороз' (Горяев 399, Vasmer II,256 и др.).

38 Ю.В.Откупщиков. Из истории индоевропейского словообразования. Изд-во ЛГУ, 1967, стр.141.

Прасл. *soltina 'холодный источник', возможно, показывает, что и.-е. гуттуральный имел в праславянском и "закономерный" рефлекс s, т.е. параллельно с *xold- существовала форма *solt-/*sold-. Такой параллелизм в славянских языках известен. Так, например, пск. олех 'ольховый лес' (ср. ольха) и олес 'топкое место, поросшее ольшаником' (КПОС), смол. алес 'болото' (Мурзаевы 25), блр. алес 'топь' (Носович 5), полесск. олёс 'болото с ольховым лесом' (Толстой, СГТ,159), польск. ols 'заболоченный лес' (Н. 137). Большое количество примеров такого параллелизма в пределах только псковского ареала приводит С.М.Глускина: мяхо 'мясо', хвет 'свет', пихьмо 'письмо' и мн.др.[39].

Прасл. *solt-, однако, сохранилось лишь в географическом термине *soltina 'холодный источник'. По-видимому, сохранение "закономерного" *s обусловлено широко зафиксированной контаминацией термина *soltina с прасл. *solь, т.е., превращением 'холодного источника' в 'соленый источник'.

В этой связи возникает также вопрос: не столкновение ли омонимов *soln- 'холодный' и 'соленый' вызвало выход из употребления лексемы *solna 'иней' во всех славянских языках, кроме южных (болг. слàна, сербохорв. слàна, словен. slȏna 'иней'). Кажется симптоматичным, что утрата слова произошла именно в тех славянских районах, где реалия "иней", "изморозь" наиболее актуальна, и, следовательно, условия для "дуэли" омонимов представлялись чаще, чем на юге[40].

Таким образом, в фонетическом и словообразовательном плане этимология *soltina от *solt- (< *xold-) 'холодный', с последующей контаминацией с *solь вполне вероятна.

Рассмотрим теперь традиционную и предложенную этимологию с семантической точки зрения.

В пользу традиционной этимологии от *solь можно привести следующие семантические параллели: сербохорв. слàнача 'место, где есть соляной источник' (К. 712; RJA XV, 425)[41], польск. solnisko 'солонча-

---

39 С.М. Глускина. Морфонологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах. "Псковские говоры", I. Псков, 1962. В вводной части этой работы дается глубокий анализ проблемы происхождения славянского х. Ср.: В.У. Мартынаў. Аб паходжанні славянскай фанемы х. "Працы Інстытута мовазнаўства АН БССР", вып VIII. Мінск, 1961.

40 Ср., например, с какими "соперниками" пришлось иметь дело реконструируемому рус. солона 'иней' ("wäre echt.-russ. *solona" Vasmer II, 657): солона 'соленая' и солонина 'посоленная впрок говядина'; солонь 'посоленные впрок овощи'; солонка (< солона) 'сосуд для соли' и др. (Д. IV, 268-269).

41 Ср.топонимы: Слане воде, Слане ливаде, Слани Бријег (RJA XV,425).

ковая степь', рус. солище, солончак, солонец 'соляное болото', укр. солонец 'солончак', блр. саланчак, саланец 'солончаковое болото' (Н. 190), польск. solnik, solanka 'соленый источник', н.-луж. solišćo то же (Н. 179), рус. (пск.) кисель, киселица, кислицина 'грязь, вязкое болото' (КПОС), рус. горчина 'солончак' (в Прикаспийской низменности - Солнцев 163).

Примеров, как видим, довольно много. Однако бросается в глаза прерывность или узколокальность ареала этих лексем и пестрота их суффиксального оформления. Это, по-видимому, свидетельствует о сравнительно позднем их образовании. Тем более, что значения таких терминов, как польск. solnisko 'солончаковая степь' говорят о том, что некоторые из них обозначают неактуальную для данной географической среды реалию.

Образования 'х о л о д н ы й источник' отличаются бо́льшей формальной и ареальной стабильностью: ст.-сл. стоуденьць, болг. студенец, сербохорв. студенац, словен. studénec, рус. студенец, укр. студениця, чеш. studna, слвцк. studna, польск. studnia, studnica, полаб. stäudenac, в.-луж. studnja 'источник, колодец' (Н. 180). Ср. др.-исл. kelda, датск. kilde 'источник' и гот. kalds 'холодный' (Фасмер II, 293). Рус. диал. (пск.) холодник (Опочецкий район - КПОС) - свидетельство активности этой типологической модели.

Традиционная этимология не дает возможности объяснить семантический переход 'источник'→'торфяное болото', 'вязкое болото'→'грязь' (последние значения, как мы видели, особенно широко зафиксированы на славянском севере): ведь на месте соленых источников образуются не торфяные болота и не зыбуны, а солончаковые болота с твердой подпочвой.

Предлагаемая же этимология легко объясняет вышеприведенные семантические сдвиги. Переход 'водный источник'→'болото' обусловлен реальными географическими условиями. Заболачивание под влиянием грунтовой воды широко распространено во всех географических зонах. Выход ключей и родников на земную поверхность вызывает переувлажнение почвы и приводит к заболачиванию и накоплению торфяного слоя[42].

Этот процесс широко отражается в семантическом сдвиге славянских географических терминов по линии 'водный источник', 'ключ, родник'→'болото': польск. plusk 'пруд' и диал. pluskavica 'болото' (Н. 84), укр. воко 'углубление в скале, из которого течет вода', 'углубление с природной водой, где водится рыба' и 'болото, трясина' (Марусенко 222), чеш. rybník 'пруд' и rebnicena 'болото' (Лумперх - KDO), полесск. річка 'непроходимое болото, трясина' (Толстой, СГТ, 211). Ср. регулярное семантическое взаимодействие 'источник'⇄'болото' для

---

[42] Н.И.П ь я в ч е н к о. Лесное болотоведение. М., 1963, стр. 33-36.

псковских терминов бездонник, бочага, проница, вир, кипун, бродень, патожина, проточек, струга, холодник.

Приведенный изосемантический ряд объясняет развитие значения чеш., слвц. slatina 'болото', рус. солотина 'вязкое болото'. Дальнейший сдвиг – "детерминологизация" термина *soltina: 'болото'→'грязь' (рус. солотина, солоть 'грязь'). Такое развитие значения также широко подтверждается славянскими параллелями: рус., блр. болото 'болото', польск. błoto, чеш. bláto 'грязь' и 'болото'[43], рус. грязь и его славянские параллели, имеющие в говорах значение 'болото' (Н.76).

Приведенные факты, как кажется, позволяют отказаться от традиционной этимологии сербохорв. географического термина слатина.

* *
*

Конкретный анализ сербохорватских терминов по̀никва и сла̏тина на широком славянском фоне позволяет сделать некоторые общие выводы.

Известно, что сербохорватская лексика обычно сохраняет древнейшее значение[44]. Географические же термины при изменении конкретных географических условий приобретают дополнительные семантические характеристики, иногда значительно отличающиеся от исходного значения. Сербохорв. сла̏тина, сохранив основное значение 'источник', подверглось (под влиянием фонетического сходства и актуальности географической реалии 'минеральный источник') контаминации с *solь. Именно от южнославянских материалов отталкивается большинство этимологов, возводящих эту вторичную связь на уровень этимологической.

Поэтому при реконструкции праславянской географической лексики особо необходима поправка на географические реалии. Правда, во многих случаях именно этимологический анализ славянских географических терминов помогает воссоздать общую ландшафтную картину славянской прародины. Но без обращения к более широким параллелям, в первую очередь балтийским, эта картина может оказаться значительно иска-

---

43 Подробно о распределении семем 'болото' и 'грязь' см.: В.М.М о к и е н к о. Об одной псковско-западнославянско-литовской изоглоссе (багно)."Вопросы теории и истории языка (памяти проф.Б.А.Ларина)". ЛГУ, Л., 1969, стр.273-279.

44 Ср.: "При наличии семантической дифференциации лексемы, древнейшая семантика оказывалась в подавляющем большинстве случаев отраженной в южнославянских диалектах (особенно в сербскохорватских)" (В.В. М а р т ы н о в. Анализ по семантическим микроструктурам и реконструкция праславянской лексики. "Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии". Тезисы докладов. М., 1966, стр.17).

женной. Лит. šaltinis 'холодный источник' и другие сопоставления в нашем случае важны в реальном плане потому, что позволяют отвергнуть предположение (трудно объяснимое с современных этногенетических позиций) о минеральных источниках как типичной ландшафтной особенности славянской прародины.

Локальная приуроченность географической терминологии облегчает выявление и семантическое обоснование изосемантических рядов, весьма производных – как отмечают этимологи – при анализе некоторых других групп лексики. Поэтому семантическая аргументация при выяснении этимологии географических терминов играет особо доказательную роль (ср. направленность работы Н.И.Толстого).

Семантическая аргументация – так же как фонетическая и словообразовательная – при выяснении этимологии географических терминов оказывается недостаточной, если исходить из материала одного семантического поля. Выход за пределы апеллятивной лексики имеет большое значение при поисках происхождения терминов.

Широкое ареальное обследование апеллятивов необходимо и при выяснении образования славянских гидронимов и топонимов. Прерывистость современного ареала некоторых славянских терминов и прозрачность внутренней формы отдельных собственных названий (Пониква) вызывают реконструкцию особых "топонимических" формантов там, где фактически существует отношение "апеллятив" > "топоним"[45]. Термины, сохранившие древнюю форму, убедительно доказывают ошибочность утверждений о формальной противопоставленности апеллятивной и топонимической лексики.

Учет апеллятивов на -ina показывает, что осторожность при выяснении происхождения названия необходима и в том случае, если топоним выглядит как "патронимическое" образование (Слатино, Солотвино).

Принятые сокращения

Бакотић – Л.Бакотић. Речник српскохрватског књижевног језика, Београд, 1936.

Бодров 1853 – Н.Бодров. Областные слова Владимирской губернии, 1853. Рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4 (материалы для словарей)*.

---

45 Ср.: Об ошибочности подобных реконструкций "топонимического типа" для предложеных образований Zalas, Podgóra: Т.А.Марусенко. Названия рельефа в украинском языке.., стр.10-11.

* Источники, где не указаны страницы, цитируются по материалам КСРНГ.

Бурнашев – В.Б у р н а ш е в. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного, т.II. СПб., 1843.

Горяев – Н.В.Г о р я е в. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.

Гринченко – Б.Д.Г р и н ч е н к о. Словарь украинского языка. Киев, 1925.

Грицак – М.А.Г р и ц а к. Назви гідрорельєфу і гідронімія (назви джерел і стоячих вод),III респ.ономастична (гідронімічна) конференція (тези). Київ, 1965, стр.35–39.

Громов 1849 – В.Г р о м о в. Материалы для словаря местного наречия Казанской губернии, 1849. Рукопись Архива АН СССР, фонд 216, опись 4.

Д. – В.И.Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка, т.IV. М., 1955.

Дилакторский – П.А.Д и л а к т о р с к и й. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Вологда, 1902. Рукопись словарной картотеки Института русского языка АН СССР (Ленинград), шифр № 35.

Желеховский – Э.Ж е л е х о в с ь к и й, С.Н е д і л ь с к и й. Малоруско-німецький словар. Львів, 1886.

Зеленин 1901 – Д.К.З е л е н и н. Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии. "Живая старина", 1901, вып.I, отд.II, стр.81–96.

К. – В.С.К а р а џ и ћ. Српски рјечник. Београд, 1898.

Копаневич 1902–1904 – И.К.К о п а н е в и ч. Областные слова Псковского уезда и губернии, 1902–1904. Рукопись Рукописного отдела Библиотеки АН СССР. 45.8.244.

КПОС – Картотека Псковского областного словаря. Межкафедральный словарный кабинет им.проф.Б.А.Ларина. Филологический факультет ЛГУ.

КСРНГ – Картотека "Словаря русских народных говоров" словарного сектора Института русского языка АН СССР, Ленинград.

Куликовский – Г.К у л и к о в с к и й. Словарь Областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Марусенко – Т.А.М а р у с е н к о. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов). "Полесье (лингвистика, археология, топонимика)". М., 1968.

Младенов – Ст.М л а д е н о в. Етимологически и правописен речник на българския книжовен език. София, 1941.

Мурзаевы – Э.М. и В.Г. Мурзаевы. Словарь местных географических терминов. М., 1959.

Н. – P. Nitsche. Die geographische Terminologie des Polnischen. Köln, 1964.

Оп. – Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

Подвысоцкий – А.Подвысоцкий. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

Покровский 1895 – Ф.И.Покровский. Особенности в говоре населения, расположенного по реке Письме Костромской губернии Буйского уезда. "Живая старина". 1895, вып.Ш–Г", стр.403–415.

Преображенский – А.Г.Преображенский. Этимологический словарь русского языка, т.I–II. М., 1959.

Толстой СГТ – Н.И.Толстой. Славянская географическая терминология.(Семасиологические этюды) М., 1969.

Топоров–Трубачев – В.Н.Топоров, О.Н.Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

Фасмер II – М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т.II. Перевод с немецкого и дополнения О.Н.Трубачева. М., 1967.

Ш. – J. Schütz. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957.

Bartoš – F. Bartoš. Dialektický slovník moravský. Brno, 1906.

Brückner – A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków- Warszawa, 1927.

Bůžek – J. Bůžek. Dialektické materialy .(Рукопись, хранящаяся в Картотеке архива диалектологического отделения Института чешского языка АН ЧССР в Праге).

Holub-Kopečný – J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Hostnik – M. Hostnik. Slovensko-ruski slovar. Gorica, 1901.

Isačenko – A. Isačenko. Slovensko-ruský prekladový slovník, t. II. Bratislava, 1957.

Iveković – F. Iveković, I. Broz. Rjecnik hrvatskoga jezika, t. I-II. Zagreb, 1901.

Kálal – K. a M. Kálal. Slovenský slovník z literatury aj nárečí. Banská Bystrica, 1923.

Karłowicz, IV – J. Karłowicz. Słownik gwar polskich, t. IV, Kraków, 1906.

KDO – Kartotéka Archivu dialektologického oddělení Ústavu

pro jazyk český ČSAV. Praha.

Kurschat - F. Kurschat. Littauisch-deutsches Wörterbuch. Halle, 1883.

Machek - V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Modrzejewski - T. Modrzejewski. Wyrazy które umarły i które umierają. Warszawa, 1936.

Pleteršnik - M. Pleteršnik. Slovensko-nemski slovar, t. II. Ljubljana, 1894-1899.

Pokorny, I - J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, Bd. I. Bern-München, 1959.

Profous, III - Ant. Profous. Místní jména v Čechách, d. III. Praha, 1951.

PSČ - Příruční slovník jazyka českého. d. V. Praha, 1948-1951.

RJA - Rjecnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Izd. Jugoslav. Akad. znanosti i umjetnosti, t. X. Zagreb, 1931; t. XV. Zagreb, 1956.

Skok - P. Skok. Prilozi k ispitivanju srpskohrvatskih imena mjesta. Rad Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, knj. 224. Zagreb, 1921.

SPJ - Soupis pomístních jmen Místopisné komise ČSAV, excerpce M. Šlajsové. Praha.

SSJ, IV - Slovník slovenského jazyka, d. IV. Bratislava, 1964.

SSS - S. Škerlj, R. Aleksić, V. Latković. Slovensko-srpsko-hrvatski slovar. Beograd-Ljubljana, 1964.

Staszewski - J. Staszewski. Słownik geograficzny. Warszawa, 1959.

Svoboda-Šmilauer - J. Svoboda, V. Šmilauer. Místní jména v Čechách, d. V, dodatky. Praha, 1960.

SW - J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Słownik języka polskiego, t. IV. Warszawa, 1956.

Trautmann - R. Trautmann. Baltisch-Slavisches Wörterbuch. Göttingen, 1923.

Vasmer, II - M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, Bd. II. Heidelberg, 1955.

И.М. Железняк

К СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТРОПОНИМИЧЕСКИХ КОМПОЗИТОВ СО ВТОРЫМ КОМПОНЕНТОМ -mysl- В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

Сербохорватская антропонимия (особенно историческая) неоднократно была предметом изучения. При этом все вопросы исследования располагались вокруг двух основных проблем - лексической (где часто анализ сводился к восстановлению апеллятивного этимона для исследуемых антропонимов) и словообразовательной (изучение, иногда просто констатация арсенала словообразовательных средств данной группы лексики). Семантический аспект в славянской антропонимике представлен в меньшей степени[1], отсутствуют четко очерченные методы, несмотря на то, что для апеллятивной лексики в этом направлении сделаны значительные успехи[2].

Возникновение новых слов в языке, и в особенности антропонимов, часто происходит в результате метатонии[3]. В глубине такого явления заложена семантическая мотивированность; отсутствие фактов семантических связей внутри данного явления влечет за собой наше незнание этой мотивированности.

Разграничение словообразовательных и этимологических связей антропонимических композитов для раннеисторического периода славянских языков не всегда представляется четким в силу неполноты материала, семантической затемненности значительной части антропонимов, архаичности их словообразовательной структуры. Поэтому антропонимические композиты следует изучать в комплексе семантических и формальных методов. По-видимому, именно в антропонимии при попытках этимологического толкования слов важную роль должно играть вскрытие семантических связей и закономерностей. Изучение семантических переходов

---

1 Однако здесь нельзя не вспомнить в плане общих проблем раздел "Семасиология и ономастика" в кн.: H. Kronasser. Handbuch der Semasiologie. Kurze Einführung in die Geschichte. Problematik und Terminologie der Bedeutungslehre. Heidelberg, 1952, стр. 69-77.

2 См., например: Н.И.Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. - ВЯ, 1963, № 1, 1966 № 5 и др.

3 В.А.Никонов. Поиски системы. "Этимология. Исследования по русскому и другим языкам". М., 1963, стр.266.

на апеллятивном уровне должно сослужить великую службу ономастике[4]. Для правильной семантической интерпретации композитных антропонимов необходимо установить тот признак, который выявился основным в каждом компоненте и в целом композите ко времени образования антропонима. Семантические ряды в антропонимии не безграничны, все они сводятся в один большой и основной ряд, куда входят "оценочные" слова; даже те слова, которые вообще в языке нельзя отнести к этой категории, на антропонимическом уровне принимают это "оценочное" значение путем метонимии, метафоры и пр. Различие здесь заключается в том, что в одних эта "оценочность" есть уже в каждом компоненте в отдельности, в других - она возникает или в результате соединения двух компонентов (т.е. в результате акта создания композита), или в результате уже вторичного процесса метонимии, метафоры и пр., который происходит не внутри композита, а вследствие взаимодействия композита с другими словами в процессе речи (устной или письменной).

Объектом исследования в данной работе являются антропонимические композиты сербохорватского языка со вторым компонентом -mysl-. Выделение этой группы антропонимов представляется правомерным, так как еще не достигнута ясность в определении семантической характеристики данных антропонимов как в целом, так и второй его части; с этим непосредственно связана характеристика второго компонента композита с точки зрения его именной или глагольной природы. Для восстановления семантики второго компонента антропонимических композитов -mysl- в сербохорватском языке привлекается к сравнению материал из других славянских языков с учетом их места в частных подсистемах и их внутренних связей. С другой стороны, древнейшая славянская антропонимия помогает объяснять всю систему славянских апеллятивов, родственных компоненту -mysl-.

В современной ономастической науке вопрос об относительной древности одноосновных и сложных антропонимов спорен[5]. Однако при любом решении этой проблемы ясно то, что антропонимические композиты славянских языков (в частности, со вторым компонентом -mysl-) достаточно древние, чтобы могли дать материал для реконструкции древнейших

---

[4] О таких исследованиях см.: О.Н. Трубачев. "Молчать" и "таять". О необходимости семасиологического словаря нового типа. "Проблемы индоевропейского языкознания". М., 1964.

[5] T. Milewski. Ewolucja morfologiczna indoeuropejskich złożonych imion osobowych. - BPTJ, XVI, 1957; О н ж е. Ze studiów nad antroponimią indoeuropejską, "Onomastica", V, 1957; О н ж е. Der morphologische Bau der Zusammengezetzten griechischen Personennamen. - LP, VII, 1959, VIII, 1960, а также: O. Landau. Mykenisch-griechische Personennamen. "Studia Graeca et Latina Gothoburgensia", 7, 1958; E. Pulgram. New evidence on Indo-European names. "Language", 36, 1960.

семантических связей слов, идентичных компонентам изучаемых композитов. Как замечает Т.Милевский, славянская антропонимическая система средневековья была ближе праиндоевропейской системе, чем антропонимические системы других индоевропейских языков. Старая славянская антропонимическая система до нового времени сохранилась лишь в сербохорватском языке[6]. Нас интересуют семантические связи второго компонента -mysl- с довольно многочисленными первыми членами (по нашим материалам их, включая приставочные образования, 50) и наряду с этим установление значений и их оттенков для самого -mysl- в той же связи с первыми компонентами. Нашей узкой задачей является изучение указанных выше закономерностей и явлений в соответственной группе антропонимов сербохорватского языка.

Для более ясного представления о том материале, которым мы будем оперировать, даем полный список известных нам антропонимов со вторым компонентом -mysl- в славянских языках.

Серб. Добромысль (XIII в., Холмская земля, М. 34), графический вариант Добромисль (конец XIII – начало XIV в., Сербия, М. 59), Ѡдоумысль (XIII в., Холмская земля, М. 34), *Радомисль (Богдань Радомисликь, XIV в., Сербия, М. 564), Прѣмысль (Н. 92), Miromisal (Mar. 124), Sobemisla (fem., Mar. 128), Vitomisal (Mar. 132), Ljudemisal (Mar. 121), *Ljubomysltь (> топоним Ljubomišlje, Босния и Герцеговина, Imenik mesta 272), *Meremysltь (> топоним Meremišlje, Босния и Герцеговина, Imenik mesta 288), *Premysltь (> топоним Premišlje, Босния и Герцеговина, Imenik mesta 354), *Primysltь (> топонимы Primišljanski-Tržič, Primišlje, Хорватия, Imenik mesta 357); словен. Dobromisl (IX в., Kos 116), Domomisl (IX в., Kos 116), Godemisl (IX в., Kos 118), Radomisla (IX в., Kos 133), Žitomisl (IX в., Kos 150), Miromisl (Kos 126), Premisl (Kos 130), Sobemisla (fem., Kos 135), Svemisl (Kos 138), Vitamisl (Kos 145), Omisl (Kos 129), Semmemuscle (Kos 148), *Vitomysltь (> топоним Tomišelj, Ф.Б. 11), Ljutomysltь (Ф.Б. 11); др.-рус. Гостомысль (IX в., Указатель 252), Осмомысль (XII в., Слово 76), Земомысль (XII-XIII в., Ип. 14); укр. *Радомысль (> топоним Радомысль, Нов. 669), *Перемысль (> топоним Перемысль, Нов. 599); чеш. Dobromysl (XII в., G.I, 272), Bolemysl (S. 81), Čěmysl (S. 81), Dlúhomysl (S. 81), Dalemysl (S. 81), Domamysl (S. 81), Drahomysl (S. 81), Hoděmysl (S. 81), Hodomysl (S. 81), Hořěmysl (S. 81), Chotěmysl (S. 81), Krasomysl (S. 81), Křěsomysl (S. 81), L'ubomysl (S. 81), L'utomysl (S. 81), Nemysl (S. 81), Nepomysl (S. 81), Nezamysl (S. 81), Ninomysl (S. 81), Omysl (S. 81), Onomysl (S. 81), Přěmysl (S. 81), Radomysl (S. 81), Sdemysl (S. 81), Smysl (S. 81), Svémysl (S. 81),

---

[6] T. Milewski. Słowiańskie imiona osobowe na tle porównawczym. "Z polskich studiów slawistycznych", Seria druga. Warszawa, 1963, стр. 104.

Těchomysl (S.81), Třebomysl (S. 81), Tuchomysl (S. 81), Velemysl (S. 81), Všemysl (S. 81), Vymysl (S. 81), Zamysl (S. 81), Zemysl(S. 81); кашуб. Tabomuizli (IX в., Лор. 90), Gostomiuzli (XI в., Лор. 89), Semitzlo (< Sъmyslъ, XI в. Лор. 89), Nezemuisclen (XI в. Лор. 89), Dommizlo (XII в., M.R. 80), Dargemiyzle (XII в., Лор. 89), Szobemusl (XIII в., M.R. 122), Vnimizl (XIII в., M.R. 130), Dobermoyzle (XIII в., Лор. 88), Redemutzle (XIII в., Лор. 89), Zobemizl (XIII в., Лор. 89); польск. Bolemysł (XIII в., Tasz. 94), Cieszymysł (XIII в., Tasz. 97), Dobromysł (XII в., Tasz. 99), Drogomysł (XII в., Tasz. 100), Niezamysł (XII в., Tasz. 113), Ninomysł (XII в., Tasz. 113), Uniemysł (XII в., Tasz. 128), Slimisl (XII в., Tasz. 135), Trzebiemysł (XII в., Tasz. 127), Niedomysł (XIII в., Tasz. 112), Przemysł (XIII в., Tasz. 116), Siemomysł (XIII в., Tasz. 121), Siemiemysł (XIII в., Tasz. 121), Siemimysł (XIII в., Tasz. 121).

На основании всего приведенного материала следует констатировать значительную продуктивность изучаемых композитов. Здесь надо учитывать также, что и немалое, конечно, количество их утрачено или просто нам неизвестно.

Компонент Mysl- закономерно встречается также в первой позиции композита, ср. серб. Mislav (<*мысльславъ, Mar. 124), чеш. Mislibor (Arch. 149), Myslav (S. 65), кашуб. Mojsledarg (до XII в., Лор. 65), Mislimär (XIII в., Лор. 81), Mislibous (XIII в., Лор. 64), Mislebor (Лор. 59), польск. Myślibor (XIII в., Tasz. 111), Myślimir (XIII в., Tasz. 111), однако с заметно низкой продуктивностью. Во всех славянских языках есть также значительное количество суффигированных и несуффигированных одноосновных антропонимов от Mysl-, которые в данном случае имеют для нас второстепенное значение.

Часть славянских антропонимов мы включаем в разряд композитов с некоторым ограничением. Дело в том, что некоторые образования на славянском уровне представляют собой приставочные формы (например, Smysl, Прѣмысль и др.), однако часть из них восходит к индоевропейским композитам. Поэтому для более детального установления семантики компонента -mysl- мы привлекаем и эти образования, хотя в славянских языках они композитами уже не были. Так, например, некоторые формы восходят к праиндоевропейским конструкциям, ср. чеш. Smysl, кашуб. Semitzlo (<*Sъmyslъ 'имеющий хороший ум'), где префикс *sъ-< *$_e$su- восходит к и.-е. *$_e$sú 'хороший, хорошо'[7]; серб. Прѣмысль (Premyslъ, Primyslъ), словен. Premisl, чеш. Přěmysl, польск. Przemysł,

[7] J. Svoboda. Příspěvky k studiu českých jmen osobních a místních, III (Jména Smil, Semily, Seslav, Sezema a pod.). - ČMF, XXVIII, 1942, стр. 278. Ср. также однотипные образования: серб. Смиль (XII в., С.х. 7), Срадњ (<*Sъ-rast-jь-nъ, XIII в., Сербия, M. 12), чеш. Slub (S. 100), Smil (S. 103), польск. Smił (XII в., Tasz. 123).

достаточно хорошо сохранившиеся в славянских языках, восходят к и.-е. *per-//*peri- 'очень'[8]. Поскольку для серб. антропонима ѡдоумысль нет соответствий в других славянских языках, можно считать его в сербохорватском языке явлением спорадическим. Наиболее вероятным представляется членение антропонима ѡд-оу-мысль; в известном нам списке славянских антропонимов на -mysl- это единственный пример с двумя приставками, однако они здесь разных уровней, на антропонимическом уровне правомерным будет, очевидно, членение ѡд-оумысль. В связи с тем, что этот антропоним мы считаем сербским явлением, то и в семантике его основной части *umyslъ следует исходить из значения этого слова в сербохорватском языке, вероятнее всего "воображение, представление". Здесь первоначальная структура может быть близка выражению серб. човек од речи 'человек слова' и тогда в антропониме '[человек, ребенок нашего] воображения, представления', т.е. воображаемый, ненастоящий. Это значение может быть объяснено древнеславянской обрядовостью при рождении ребенка, и антропоним ѡдоумысль в этом отношении может стоять в одном ряду с такими антропонимами, как серб. Разьмѣнь (XIII в., Краина, М. 32), Находь (конец XIII - начало XIV в., Сербия, М. 59) и др. Кашуб. Dommuzli (с Do- ср. еще чеш. Dostupa S. 101), Nedomil (S. 101), Nedomysl (S. 101), Dorad (S. 101), Dobyslav (S. 101), кашуб. Dvboi (XII в., M. R. 80)) имеет соответствие др.-рус. домысль 'размышление, мысль, понятие, представление, образ мыслей'. Здесь можно предполагать семантическое словообразование (наиболее вероятное значение 'мысль'). Чеш. Zamysl, польск. Zamysł (Kozier., Nazw. 114) и родственные серб. *Задрагъ (Воико Задраговикь, XIV в., Сербия, М. 123), словен. Zababerad (Kos 147), Zadrag (Kos 148), укр. Забожан (Нов. 244), Загуба (Архив VI, 2, 495), чеш. Zabrat (S. 103), Zabud (S. 103), Zahor (S. 103), Zahost (S. 103), Zaľud (S. 103), Zamsta (S. 103), Zaslav (S. 103), Zástup (S. 103), Zavid (S. 103), Závist (S. 103), Zažit (S. 103), кашуб. Zapacha (XII в., M. R. 137), польск. Zabor (XII в., Tasz. 133), Zawid (XII в., Tasz. 133), как видим, принадлежат к очень распространенному типу антропонимов. Надо думать, что отадъективные антропонимы по семантике могли быть близки такому слову, как укр. завеликий 'большой, слишком большой, велик', зависокий 'высокий, слишком высокий' (то же явления в польском языке). Тогда Zamysl 'очень умный' или что-то близкое. С первой частью Vy- засвидетельствованы только чешские антропонимы Vymysl, Vyslav (S. 103), хотя известно, что префикс vy- есть и в восточнославянских языках. Кроме известного значения 'вы-

---

[8] T. Milewski. O pochodzeniu słowiańskich imion złożonych. "I. Międzynarodowa slawistyczna konferencja onomastyczna". Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, стр. 237.

мысел, выдумка, измышление, небылица', ср. чеш. výmysl то же, важным здесь представляется укр. вимисливий 'капризный, прихотливый'[9]. Структура антропонимов с начальным неизменяемым о-: словен. Omisl, чеш. Omysl, польск. Omysł и серб. *Ѡсил(а) (Чепрьна Ѡсиликь, XIII в., Холмская земля, М. 34), Ѡдола (XIII в., Краина, М. 31), словен. Oslav (Р. 14), чеш. Oslav (Р. 14), Ogost (Р. 14), кашуб. Odolauus (XII в., M. R. 101) – оказывается довольно продуктивной[10]. С семантической стороны возможны сравнения исходных антропонимов с серб. омислити се 'задуматься, одуматься, передумать, раздумать' и др. Здесь правдоподобнее всего (в связи со значением приведенных антропонимов) значение 'сделать умным' или близкое.

Антропонимы-композиты, первый компонент которых отрицание Ne-, довольно широко распространены в славянских языках. Чешский антропоним Nepomysl (ср. другие с идентичным компонентом – словен. Nepokor (Kos 129), укр. *Непогой (дворяне Непогойские, Архив IV, I, 71), чеш. Nepomuk (S. 95) имеет апеллятивное соответствие ст.-сл. pomysłъ 'Gedanke, Überlegung' (S. A. 92). Однако семантически правдоподобнее сравнивать с др.-рус. помыслити среди других значений 'задумать, пожелать' (Срезн. II, 1169), помысльныи 'желаемый' (Срезн. II, 1170). Появление антропонимов с компонентом Ne- связано с табуистическими представлениями древних народов, это так называемые охранные имена[11]. Чешский антропоним Nemysl принадлежит к довольно продуктивному структурному типу, ср. серб. Ненада (XIV в., Крушевац, М. 207), Нерадь (XIII в., Сербия, М. 13), словен. Nenadej (Kos 129), Nežir (Kos 129), др.-рус. *Некрасъ ("У Некраса гривна...", XIII в., Новг. гр. 1956-7, 38), Нерядецъ (XII-XIII в., Ип. 22), укр. Ненадъ (Нов. 492), Нерезъ (Архив VI, 2, 393), кашуб. Nenadei (XIII в., M. R. 101), польск. Niebora (XIII в., Tasz. 112), Niedan (XII в., Tasz. 112), Niedasz (XIII в., Tasz. 112), Niedoma (XIII в., Tasz. 112). Семантическая характеристика основного антропонима (Nemysl) правдоподобно объясняется 'неумный'. Встречаются также и трехчленные антропонимы с Ne-, ср. чеш. Nezamysl, польск. Niezamysł, укр. *Незабитъ (дворяне Незабитовские, Архив VI, I, 440), чеш. Nedomysl, польск. Niedomysł. О структуре с Za- и Do- говорилось выше.

В праиндоевропейском языке в роли второго компонента могли выступать все без исключения типы именных основ. В праславянском язы-

---

[9] Б. Грінченко. Словарь української мови, т.I.Київ, 1907, стр.170.

[10] Ср. С. Роспонд. Структура и классификация древневосточнославянских антропонимов (имена). – ВЯ. 1965, № 3, стр.14.

[11] J. Svoboda. Slovenská osobní jména ve světle národopisu. "Slavia", 18, 1947, стр. 104.

ке это богатство постепенно исчезает, и на его место выступают основы, которые получили для мужских личных имен форму имен на -о (Dobrogostъ и др.)[12]. Очевидно, параллельно шел процесс становления женских антропонимов на -а, соотносимых с мужскими антропонимами (Dobroslavъ - Dobroslava и под.).

Антропонимические композиты, второй компонент которых представляет собой имя i-основы, восходят к праиндоевропейской эпохе. В славянских языках второй член i-основы превратился в мужских личных именах в основу на -о, женские антропонимы некоторое время сохраняли старую структуру[13].

Несомненно часть антропонимов со вторым компонентом -mysl- лексически праславянского происхождения, ср. серб. Добромысль, словен. Dobromisl, чеш. Dobromysl, кашуб. Dobromojsl, польск. Dobromysł; для некоторых антропонимов это можно предполагать даже при наличии лакун, ср. чеш. Drahomysl, кашуб. Dargemojsl, польск. Drogomysł и также гидроним Драгомысль (вариант Даргомысль) в бассейне Днепра[14]. Для некоторых антропонимов вероятной родиной можно считать ряд диалектов праславянского языка, ср. словен. Domomisl и чеш. Domamysl. Ряд антропонимов отмечен только в одном славянском языке (словен. Žitomisl, польск. Smimisl и др.).

Апеллятивы, родственные компоненту -mysl-, обладают значительной семантической емкостью. Наиболее богатый набор значений рассматриваемого корня дают приставочные сложения с корнем -mysl-. Ср. ст.-сл. мысль, мыслити, zamyslъ 'Absicht, Vorhaben' (S. A. 164), pomyslъ 'Gedanke, Überlegung' (S. A. 92), promyslъ 'Vorsehung, Vorsorge' (S. A. 108), sъmyslъ 'Verstand, Einsicht, Gedanke, Sinn' (S. A. 129), болг. мисля 'думать', замисъл 'замысел', замисля 'задумать, замыслить', измислен 'выдуманный, вымышленный', измисля 'выдумать, измыслить, сочинить, изобрести', намисля 'надумать, придумать, задумать, замыслить, вознамериться', помисъл 'помысел, помышление', помисля 'подумать', премисля 'передумать, поразмыслить', промисъл 'промысл, провидение', смислен 'смышленный, осмысленный', серб. мислити 'думать, размышлять', мислен 'мысленный, отвлеченный, абстрактный', домислити се 'додуматься, догадаться, сообразить; найти выход из затруднительного положения, выпутаться, выкрутиться', домишљан 'догадливый, смекалистый, находчивый, сметливый человек', замисао 'замысел, намерение', замишљен 'задумчивый, задумавшийся, предположительный, задуманный, воображаемый', замислити 'задумать, представить себе, пред

---

12 T. Milewski. O pochodzeniu..., стр. 238.

13 Там же.

14 П.Л. Машт а к о в. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913, стр. 119.

положить', измишљај 'выдумка, вымысел', намисао 'замысел, намерение', намислити 'замыслить, надумать, задумать, вознамериться, решить', омислити 'задуматься, одуматься, передумать, раздумать', помисао 'помысел, мысль, помышление', помислити 'подумать, задумать, надумать', премишљач 'мечтатель, фантазер, много раздумывающий, умствующий человек', смисао 'смысл, значение, склонность, одаренность', смислити 'придумать, выдумать, надумать, решить', могу мислити 'представляю себе, полагаю', умисао 'умысел, намерение, замысел, идея, представление, воображение', словен. misl 'мысль, мнение, намерение', po misli 'по желанию', misliti 'думать, мыслить, считать, полагать, намереваться, воображать, представлять себе', др.-рус. помыслъ, умыслъ, смыслъ, промыслъ; мыслити 'думать, размышлять, замышлять', мысльнии 'относящийся к воображению, умственный, духовный', чеш. mysl 'мысль', myslíti 'думать', domysliti 'обдумать, догадаться, сообразить', pomyšlení 'мысль, помышление', promysliti 'обдумать, продумать', pozbýti mysli 'упасть духом', být dobré mysli 'быть в хорошем расположении духа', dodat mysli 'ободрить, придать храбрости', dělat pomyšlení 'угадывать', польск. myśl 'мысль, воля, желание, намерение', umysł 'ум, разум, интеллект', zmysł 'чувство, ощущение', myśleć 'думать', nie po myśli 'не по душе', przyszło na myśl 'пришло на ум', być dobrej myśli 'быть в хорошем настроении', в.-луж. mysł 'чувство, дух, нрав, мнение, мысль', zmysł 'чувство, орган чувства', myslić 'думать' и т.д. Все приведенные слова и словосочетания в славянских языках имели значения, отображавшие разнообразные функции духовной деятельности[15].

Поскольку второй компонент славянских антропонимических композитов -mysl-, исходя только из нашего материала, сочетается со многими и различными по значению и структуре первыми компонентами, можно выдвинуть априорное предположение, что компонент -mysl- имел семантические различия. Для положительного ответа на поставленный вопрос следует по возможности ясно представлять семантические связи компонентов внутри композита и значение изучаемого второго компонента в каждом антропониме в отдельности.

Сербохорватский Vitomisal и словен. Vitamisl имеют родственные образования в славянских языках: серб. Витомирь ("и коупи краљевство ми оу Витомира Оуѥздноу", XIV в., Сербия, М. 97), Витослава ("престави се раба божїа Драгина зовомь Витослава", XIV в., Дечани, М. 184), словен. Vitemir (IX в., Kos 145), Vitigon (XII в., Kos 145), Vitislav (X в., Kos 146), Vitobrater (XI в., Kos 146), Vitoglav (IX в., Kos 146), чеш. Vitmír (S. 91), Vitoslav (S. 91), кашуб. Wito-

[15] В.Н. Топоров. К этимологии слав. myslb. "Этимология. Исследования по русскому и другим языкам". М., 1963, стр.7.

mer (M. R.135); ср. также Витомиръ, угр., упоминаемый в Ипатьевской летописи под 1202 г. (Ип. 481), а также uitamusclo (*Vitomyslъ) отмечен в Паннонии в IX в.[16]. Я.Розвадовский для второго компонента славянских антропонимов -vit- утверждает значение 'хозяин, властитель, господин',[17] но ничего не говорит о значении данного слова в роли первого компонента композитов. Семантически к нашему антропониму ближе всего стоит, очевидно, словен. Vitoglav, можно даже предполагать их семантическую синонимичность; по-видимому, эти антропонимы семантически стоят несколько в стороне от широко распространенных в славянских языках имен *Vitoslavъ и *Vitomirъ. В рассматриваемом антропониме заложен первоначальный довольно сложный образ – 'хозяин, властитель мысли'.

Сербский антропоним Ljudemisal (ср. серб. Ljudevit, Mar. 121; чеш. Ludomír, G. II, 287, Ljudoslav, G. II, 287, Ludmila, G. II, 286) Т.Маретич объясняет "pro populo cogitationes" или "consilia habens"[18]. Для первого предположения следует первую часть композита связывать с серб. луд 'сумашедший, глупый, слабоумный', однако форма liudemuhslum латинского памятника, которая и приводится Т.Маретичем, указывает на корень *ljud-, что ближе всего к ст.-сл. ľudije "Menschen, Leute, das Volk, Völker" (S. A. 55), серб. луди 'люди, мужчины' и др. В таком случае исходный антропоним можно понимать как 'мудрость людей', ср. у Т.Маретича близкое "consilia habens".

Сербохорватский антропоним Радомисль и тот же антропоним в других славянских языках в первой части имеет адъективную основу rad-, ср. ст.-сл. radъ "froh, freudig" (S. A. 111). Основа Rad- как первый компонент композитных антропонимов широко распространена в славянских языках, о чем говорит множество примеров. Значение антропонима, может быть, восходит к 'радостный (веселый) нрав (характер)'.

Сербохорватский антропоним Добромысль, словен. Dobromisl и др. можно восстановить как 'добрая мысль', т.е. 'хорошая мысль' или 'хорошие умственные способности', а возможно 'тот, кто нравится', ср. укр. до мисли 'нравится, по вкусу, по натуре'. Ср. серб. Добровить (XIII в. Холмская земля, М. 34), Добровои (XII в., С.х. 8), Доброгость (XIII в., С. 10), Добромиръ (XII в., С.х. 7), Доброславь (XII в., С.х. 3), словен. Dobrogoj (XI в., Kos 115), Dobronega (fem., Kos 116), Dobrožit (X в., Kos 116), др.-рус. Доброжиръ ("Оу Доброжира полоуторе...", Новг. гр. 1956-7, 52), Доброгость (XIII в., Указатель 304), Доброславъ (XII-

---

[16] K. Piuk. Frage der Slaven in Pannonien im 9. Jahrhundert. "Wiener slavistisches Jahrbuch", I. Preßburg, 1948, стр. 126.

[17] J. M. Rozwadowski. Wybór pism, II. Językoznawsto indoeuropejskie. Warszawa, 1961, стр. 159-160.

[18] T. Maretić. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. "Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti", 81, 1886, стр. 121.

XIII в., Ип. 13), чеш. Dobrochval (G. I, 272), Dobromil (G. I, 272), Dobromir (G. I, 272), Dobroslav (G. I, 273), Dobrovit (G. I, 274), Dobrovoj (G. I, 274), Dobrožizn (G. I, 275), кашуб. Dobrogost (XII в., M.R. 80), Dobermarus (XIII в., M.R. 80), Dobroslaua (fem., XIII в., M.R. 80), польск. Dobrogost (XII в., Tasz. 98), Dobromir (XIII в., Tasz. 99), Dobroniega (fem., XIII в., Tasz. 99), Dobrosiodł (XII в., Tasz. 99), Dobrosław (XIII в., Tasz. 99). Все приведенные славянские антропонимы с первым компонентом Dobr- подтверждают это.

Чеш. Bolemysl и польск. Bolemysł имеют широко распространенные в славянском антропонимиконе компоненты. Ср. серб. Болеславь (XII в., С.-х. 8), др.-рус. Болеслава (fem., Ип. 4), чеш. Bolebor (G. I, 83), Bolečest (G. I, 83), Bolemest (G. I, 83), Bolemila (fem., G. I, 83), Boleslav (G. I, 83), Bolesud (G. I, 84), польск. Bolesław (XII в., Tasz. 94), Bolebor (XIII в., Tasz. 94), Boleczest (XIII в., Tasz. 94). Т.Милевский сравнивает компонент Bole- со ст.-сл. bolijь 'больший'[19]. Очевидно антропоним Bolemysl восходит к словосочетанию *bolija myslь, что означало, по всей вероятности, 'больший ум'. Это толкование кажется правдоподобным, поскольку большинство личных имен представляли собой пожелания новорожденному.

Чешский антропоним Dlúhomysl имеет родственные образования лишь в чешском языке, ср. чеш. Dlúhomil (S. 74), Dlúhomír (S. 74), Dlúhovoj (S. 74); засвидетельствованы также др.-рус. Юрий Долгорукий, укр. крестьянин Долгошия (Нов. 205), но они явно прозвищного происхождения. В семантическом отношении эта группа личных имен представляется чрезвычайно интересной. Антропоним Dlúhomil Я.Гебауэр поясняет как "misericors" (милосердный, жалостливый). Особенно останавливает внимание древнечешское слово dlúhomyslnost, чрезвычайно близкое нашему основному антропониму Dlúhomysl; перевод апеллятива, по Я.Гебауэру, "shovívavost, Langmut" (G. I, 258), русские соответствия их – 'снисходительность, благосклонность; долготерпение, терпеливость'. Русские соответствия названного апеллятива позволяют предположить следующее: первые два значения – 'снисходительность' и 'благосклонность' заложены в первой части композита, ср. лат. indulgeo 'быть снисходительным, иметь склонность'; тогда вторая часть -mysl- означает, по-видимому, 'терпение'. Самый точный перевод изучаемого слова, очевидно, 'долготерпение', нем. Langmut.

Древнечешский антропоним Drahomysl имеет значительное количество параллелей к своему первому компоненту: ср. серб. *Драгобратъ ("Драгобратовь сынь, сь братиими си", конец XIII – начало XIV в., Сербия, М. 62), Драгомиль (XIV в., Сербия, М. 97), Драгомирь (XII в., С.х. 7), *Драгорадь (Драгорадь Потокъ, XII в., С.х. 15), Драгосинь (XII в.,

[19] T. Milewski. O pochodzeniu..., стр. 242.

С.х. 8), Драгославъ (XII в., С.х. 7), аллоформ первого члена *Драживок (Миотень Драживоквикь, XIV в., Дубровник, М. 102), словен. Dragomil (Kos 117), Dragomer (Kos 117), Dragoslav (Kos 117), Dragovit (Kos 117), Dragožit (X в., Kos 117), др.-рус. *Дорогомилъ (Жирославъ Дорогомиловичъ, Указатель 328), чеш. Drahorad (G. I, 323), польск. Drogomił (XIII в., Tasz. 100), Drogomir (XIII в., Tasz. 100), Drogosław (XII в., Tasz. 100). По традиции первый компонент приведенных антропонимов связывают с прилагательным *dragъ ⟨ *dorgъ (Brückner 97-98), первоначальные значения которого 'добрый, хороший, полезный, достойный'(Sławski 168), ср. также серб. драге воље 'с удовольствием, охотно', наряду с этими значениями идут также 'любимый, дорогой'[20]. Если принимать указанные значения за основные, то можно видеть, что почти все они представлены в приведенных славянских антропонимах. Однако нет полной уверенности в том, что везде Драг- адъективной природы (серб. Драгорадь, Драгомирь и др.). Сочетание Draho-mysl засвидетельствовано только в древнечешском языке. В данном случае восстановить семантику -mysl- представляется сложным; можно предложить из известных значений несколько комбинаций: 'хорошая мысль', 'полезное знание', 'доброе намерение' и под.

Чешский Třebomysl, польск. Trzebiemysł связаны первым членом со словен. Trebegoj (Kos 142), Trebibor (Kos 142), Trebibrat (IX в., Kos 142), Trebigost (X в., Kos 142), Trebimir (XII в., Kos 142), Trebivit (XII в., Kos 143), чешск. Třěbobud (S. 89), Třěběhost (S. 89), Třěborad (S. 89), Třěbovit (S. 89), кашуб. Trebemarus (XIII в., M.R. 128), польск. Trzebiemir (XIII в., Tasz. 127), Trzebiesław (XIII в., Tasz. 127), Trzebowit (XIII в., Tasz. 127). Правдоподобнее всего первая часть перечисленных композитов восходит не к одной лексеме, здесь, очевидно, выступают ст.-сл. trěbъ "notwendig, nützlich" (S.A. 138), trěba 'дело, потребность' (S. 89). К первому слову восходят, вероятно, первые компоненты антропонимов Trebegoj, Trebibrat, Trebigost, Trebivit, Třěborad, ко второму Trebibor, Trebimir, Třěbobud, Trzebiesław. Исходный чешский антропоним Třebomysl можно, по-видимому, расшифровывать как 'нужный (потребный) ум (дух)'.

Для чеш. Tuchomysl, Tuchomír (S. 89), Tuchorad (S. 89) композитных параллелей в других славянских языках не наблюдается. Здесь для первого члена ср. *tuch- 'подавлять, сдерживать, смягчать, успокаивать, умерять, унимать, укрощать'[21] и др.-чеш. odtucha "odvaha"[22], польск.

---

[20] Ср. J. Rozwadowski. Semazyologia czyli nauka o rozwoju znaczeń wyrazów. Jej stan obecny, zasady i zadania. "Eos", IX, 1. Lwów, 1903, стр. 105.

[21] A. Profous, J. Svoboda. Místní jména v Čechach. Jejich vznik, původní význam a změny, IV. Praha, 1957, стр. 394.

[22] J. Svoboda, V. Šmilauer. Místní jména v Čechach. Jejich vznik, původní význam a změny, V (Dodatky k dílu A. Profouse). Praha, 1960, стр. 594.

otucha 'бодрость, надежда'. Второе сравнение кажется более правдоподобным, отсюда основной антропоним Tuchomysl 'смелый дух'.

Чешский Velemysl и серб. Велеглавъ (Богъдань Велеглавъ, XII в., С.х. 7), Велимиръ (XII в., С.х. 8), Велислава (fem., XII в., С.х. 7), чеш. Velebor (S. 91), Velebud (S. 91), Velel'ub (S. 91), Veleslav (S. 91) первой частью восходят к ст.-сл. velijь 'великий'(S. A. 149), ср. также укр. диал. вельо "viel" [23]. Чешский антропоним Velemysl может означать 'великий (большой) ум'.

Для первого компонента антропонимов кашуб. Vnimizl, польск. Uniemysł, а также словен. Unislav (Kos 143), чеш. Uněbud (S. 90), Unehost (S. 90), Uněrad (S. 90), Uněslav (S. 90), кашуб. Vnidarszitz (XIII в., M.R. 129), Vneslaŭ (XII в., M.R. 129), польск. Uniedrog (XIII в., Tasz. 128), Uniegost (XII в., Tasz. 128), Uniemir (XIII в., Tasz. 128), Uniesław (XIII в., Tasz. 128), Uniewit (XIII в., Tasz. 128), ср. ст.-сл. uńijь "besser, nützlicher" (S. A. 144). Исходный антропоним мог означать 'лучший ум' или близкое.

Чешский антропоним Ninomysl и польск. Ninomysł по первому члену можно сравнить с серб. Нинославъ (XIII в., Босния, М. 24), польск. Ninogniew (XIII в., Tasz. 113). Антропоним Ninomisl означает 'быстрая мысль' (ср. *nino 'быстрый, огненный') [24].

Реконструированный сербохорватский антропоним *Ljubomyslъ единичен, ср. серб. Любимиръ (XII в., С.х. 8), Любьславъ (XII в., С.х. 8), польск. Lubgost (XII в., Tasz. 107). М.Карплюк классифицирует первый компонент в серб. антропониме Ljubislava как вербальный [25]. Тогда для антропонима *Ljubomyslъ следует признать вторичный межкомпонентный -o-, который возник под влиянием именных первых компонентов. При таком решении возможно предполагать первоначальное значение антропонима 'люби мысль, знание'. Однако, очевидно, вернее сравнивать с *lubъ.

Чешский антропоним Chotěmysl и его родственный словен. Hotimir (VIII в., Kos 120), др.-рус *Хотьвитъ ("оу Хотьвита взяти", XIII в., Духовная К.-Н. 9), чеш. Chotěbor (G. I, 546), Chotislav (G. I, 547), Chotimír (G. I, 547), Chotivoj (G. I, 547), польск. Chotemirus (XIII в., Tasz. 96) имеют общий первый компонент Choti- (Chote-). Все приведенные примеры указывают на основу инфинитива-аориста в первой части

---

[23] І. Верхратський. Про говір галицьких лемків. Львів, 1902, стр. 396.

[24] J. Otrębski. Sprachwissenschaftliche Beiträge I. Slav *ninъ "neu, jung", pr. nauns "neu". - ZfslPh, XV, 1938, стр. 82.

[25] M. Karpluk. Słowiańskie imiona kobiece. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1961, стр. 49.

композита от глагола *chotěti 'хотеть'[26] с позднейшим императивным переосмыслением. По-видимому, *mysliti, кроме прочих значений, могло означать 'знать', а *myslь 'знание' и также 'опыт'. В связи с этим рассматриваемый антропоним Chotěmysl мог означать 'хоти знания' или близкие 'хотящий знания', 'стремящийся к знанию', а для условий жизни древнейших времен это могли быть не знания в прямом смысле, а опыт; таким образом, имя могло быть пожеланием человеку быть знающим, опытным в жизни, что в суровых условиях древности имело особое значение.

Значение чешского антропонима Křěsomysl (ср. чеш. Křěslslav, S. 77; укр. Кресъ, Архив III, I, 249) объясняется как "Texcitatas cogitationes cogitationes habens"[27].

Чешский антропоним Sdemysl и родственные словен. Zdemir (Kos 148), др.-рус. Сдеславъ (XII-XIII в., Ип. 420), чеш. Zdeslav (XV в., Arch. 31) имеют первый член от вербальной основы sъdě-, адвербиальное sьde- могло быть в славянских антропонимах, но как инновационное явление[28]. Здесь следует привлечь ст.-сл. sъdětel'ь "Schöpfer" (S.A. 127), а также sъděti, др.-рус. съдѣати, съдѣю 'сделать, совершить' (Срезн. III, 704), после чего Sdemysl 'создающий мысль', 'мыслящий'.

Чешское имя Těchomysl, польск. Ciechomysł и серб. Тешемирь (XIII в., Сербия, М. 12), *Тиехорадь (Дивошь Тиехорадовикь, XIV в., Дубровник, М. 102), чеш. Těchobud (S. 88), Těchorad (S. 88), Těchoslav (S. 88), Těšislav (S. 88), кашуб. Thessemaro (XIII в., M.R. 76), Tezcezslaus (XIII в., M.R. 77), Teslaus (XIII в., M.R. 77) в первом члене восходят к ст.-сл. těšlti "trösten" (S. A. 136), utěcha "Trost" (S. A. 146), těcha "consolatio" (S. 88), др.-рус. тѣхъ 'потеха' (Срезн. III, 1095). Исходный антропоним можно объяснить как 'утешенный дух' или близкое.

Антропонимы серб. Sobemisla, словен. Sobemisla, польск. Sobemysł в первом члене имеют родственные образования в именах чеш. Soběhrd (S. 84), Soběrad (S. 58), Soběslav (S. 84), кашуб. Zobeborus (XII в., M.R. 122), Subemir (XII в., M.R. 122), польск. Sobiesąd (XIII в., Tasz. 123), Sobiesław (XIII в., Tasz. 123), Sobieżyr (XII в., Tasz. 123), н.-луж. Czobislaw (Muka 57). Как утверждает Я.Станислав, форма первого члена названных антропонимов западнославянская[29]; это утвержде-

---

[26] Подробнее см.: J. Svoboda. Příspěvky k studiu českých jmen osobních a místních, II (kmen chot(ě)-).- ČMF, XXVII, 2, 1941.

[27] J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964, стр. 77.

[28] J. Svoboda. Staročeská osobní jména se základem sd(e)-, sdě-. "Onomastica", IV, 2, 1958.

[29] J. Stanislav. Slovenský juh v stredoveku, II. Preßburg, 1948, стр. 486.

ние наталкивает на вывод о западнославянской природе антропонимов серб. и словен. Sobemisla. Однако, как известно, параллельность форм sob- // seb- была известна еще праславянскому языку[30]. В первой части композита возвратное местоимение в Dat. sg. и, как трактует такие антропонимы Т.Милевский[31], рассматриваемый сербохорватский антропоним Sobemisla мог означать 'себе мыслящий', за чем могут стоять сложные этнографические явления.

Словенский антропоним Svemisl и чеш. Svemysl для своего первого компонента имеют параллели словен. Svegoj (XII в., Kos 137), Svedobra (Kos 137), Sveljub (XII в., Kos 138), Sveslav (XIII в., Kos 138), чеш. Svéboh (S. 88), Svéčest (S. 88), кашуб. Svoitino (= Swojtyn XII в., M.R. 126). Все приведенные формы наводят на мысль о существовании какого-то сложного символа-пожелания человеку, которому давалось имя-композит с первым компонентом sve- (<*svoj-). Следует заметить, что во втором члене во всех приведенных примерах слова с положительным значением, по-видимому, пожелание сводится к тому, чтобы определенное качество, указанное во втором члене антропонима, было личным качеством данного человека. Здесь со значительной долей вероятности предполагается структура M + S[32] со значением 'своя мысль' или что-то близкое.

Антропонимы словен. Domomisl и чеш. Domamysl в первой части восходят к наречию *doma[33] или Loc. sg. от существительного *domъ[34]. Ср. здесь серб. Домаславъ (XIII в., Босния, M. 33), словен. Domogoj (XII в., Kos 116), Domomir (Kos 116), др.-рус. Домажиръ (Новг. гр. 1956-7, 55), Домаславъ (Новг. гр. 1955, 34), *Домамѣръ (Георгий Домамѣричъ, XII-XIII в., Ип. 10), чеш. Domamir (G. I, 291), Domarod (G.I, 292), кашуб. Domazlaw (XII в., M.R. 80), польск. Domamir (XIII в., Tasz. 99), Domarad (XIII в., Tasz. 99), Domasław (XIII в., Tasz. 99), Domasława (fem., XIII в., Tasz. 99), Domawuj (XII в., Tasz. 99), Domażyr (XIII в., Tasz. 100). На исконную форму первой части подобных имен *Doma- указывает и Я.Свобода, подчеркивая, что соединительный гласный при этом компоненте имел тенденцию изменяться, на чешском материале в -i-, ср. Domislav[35]. Словенскому языку также, вероятно, присуща эта особенность, однако здесь a дает o (Domomisl, Domogoj, Domomir). Из всего сказанного вытекает, что первоначальное значение словен. антропонима

---

30 K. Piuk. Указ. соч., стр.123, особенно сноска 36.

31 T. Milewski. O pochodzeniu..., стр. 244.

32 M – местоимение; S – существительное.

33 W. Taszynski. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. "Rozprawy i studia polonistyczne", I (Onomastyka). Wrocław – Kraków, 1958, стр. 63.

34 M. Karpluk. Указ. соч., стр. 56.

35 J. Svoboda. Staročeská osobní jména..., стр. 65.

Domomisl могло быть 'дома мысль', что можно объяснить так: чтобы мысль всегда была принадлежностью человека, всегда ему сопутствовала; здесь второй компонент может означать 'ум'.

Искусственный древнерусский антропоним-эпитет Осмомыслъ представляет собой единичное явление в славянской антропонимии. Как отдельное явление он не может никоим образом характеризовать изучаемую антропонимическую систему[36]. Однако он лексически, семантически и структурно должен соответствовать существующей тогда антропонимической модели, по аналогии к которой он образован. Такой моделью были для данного слова антропонимы на -mysl-, с одной стороны, и лексически и семантически близкие антропонимы, - с другой, ср. серб. Osmak (Mar. 76), др.-рус. Осменикъ (XII в., Указатель 166), чеш. Osmík (S. 46) и др. Наиболее достоверное толкование антропонима - 'восемь забот'[37]. Таким образом можно предположить, что -mysl- имел еще значение 'забота'.

Чешский антропоним Hořěmysl непосредственно связан с др.-рус. *Горислалицъ ("ѿ горислалица...", Новг. гр. 1956-7, 88), *Гориславъ (Богуславъ Гориславичъ, Указатель 55), чеш. Hořel'ut (S. 76), Hořěmír (S. 76), Hořěslav (S. 76), кашуб. Guoriszlauus (XIII в., M.R. 85). Известно сравнение Ф.Миклошича[38] *Gorě-: incendium 'пожар, пламя, огонь' и В.Шмилауэра[39] со ст.-сл. goreti. Если принять императивную природу первого компонента, то значение чешского антропонима может быть 'гори мысль'. Интересно отметить, что глагол горѣти имел немалый круг значений (горѣти, съгорѣти, съжещи, ожигатися, погорѣти, пожигаемоу быти, попалитися огнемь, прахомъ быти)[40], наличие которых усложняет выбор одного из них для изучаемого антропонима. При любом из перечис-

---

36 Ср. F. Sławski. Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim. "Z polskich studiów slawistycznych". Warszwa, 1958, стр. 103.

37 См.: А. Потебня. "Слово о полку Игореве". X, 1878, стр.III; Ф. Покровский. Ярослав "Осмомысл". - "Сборник статей в честь акад. А.И. Соболевского". Л., 1928.

38 F. Miklosich. Die Bildung der slavischen Personennamen, Denkschriften der Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse 10. Wien, 1860, стр. 265.

39 J. Svoboda, V. Šmilauer. Místní jména v Čechach. Jejich vznik, původní význam a změny, V (Dodatky k dílu A. Profouse). Praha, 1960, стр.556, 649. - Это же повторяют T. Milewski ("O pochdzeniu...", стр.240) и М. Карплюк (указ. соч., стр.51).

40 В.М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т.Ш. (Греческо-славянский и славянско-греческий словари). Л., 1930, стр.227.

ленных значений первого компонента во втором члене предполагается существительное с вероятным значением 'мысль, дух'.

Словенский антропоним Žitomisl, ср. с этим же первым членом словен. Žitigoj (Kos 150), Žitiljub (XII в., Kos 150), Žitivit (X в., Kos 150), Žitomir (Kos 150), первым членом восходит, очевидно, к *žitь 'жизнь'[41]. В нашем материале другие славянские языки не дают антропонимов с первым компонентом *Žit-, однако Я.Свобода утверждает, что антропоним Žitomir известен почти всем славянам[42], действительно, ср. топоним на Украине Житомир. Словенский язык сохранил первоначальные, исконные формы на Žiti-, где сохранен тематический гласный имени i-основы. Форма Žito- инновационного характера, втягивание имен на -i в ряд имен на -o в славянских антропонимических композитах закономерное явление. Для антропонима Žitomisl можно предположить структуру S+A[43] со значением 'разумная, осмысленная жизнь'.

Чешский антропоним Dalemysl имеет родственные (по первому члену) антропонимы в других славянских языках, ср. словен. Dalimir (Kos 115), кашуб. Dalimir (XIII в., M.R. 77), польск. Dalebor (XIII в., Tasz. 98), Dalebora (fem., XIII в., Tasz. 98), Dalemir (XIII в., Tasz. 98), Dalisława (fem., XIII в., Tasz. 98). Происхождение компонента Dale- и структурно родственных довольно подробно описано Т.Милевским[44]. М.Карплюк выдвигает интересное предположение о том, что уже в праславянском языке компаративные первые члены антропонимов превратились в адвербиальные и представляли собой определение высшей степени признака, заключенного во втором компоненте композита[45]. Ср., например, польск. daleko 'значительно'. Здесь можно даже предполагать частичную грамматикализацию этого компонента, в результате чего семантика всего антропонима сосредоточивалась во втором компоненте, по-видимому, общее значение здесь 'очень умный'. Надо думать, что второй компонент -mysl- здесь адъективный.

Словенский антропоним Ljutomysl, чеш. L'utomysl и родственные - словен. Ljutomir (IX в., Kos 125), чеш. L'utobor (S. 65), L'utogněv (S. 61), L'utomil (S. 61), L'utomír (S. 65), польск. Lutogniew (XIII в., Tasz. 107), Lutomir (XIII в., Tasz. 107) имеют, очевидно, неоднозначный первый компонент. В некоторых случаях можно предполагать существительное *l'uto (S.A. 53) (чеш. L'utomír, L'utobor), в других - наречие *l'uto (S.A. 53) (чеш. L'utomil, L'utogněv). Последнее значение можно предполагать и для изучаемых антропонимов с компонентом -mysl-,

---

41 T. Milewski. O pochodzeniu..., стр. 237.

42 J. Svoboda. Staročeská osobní jména..., стр. 93.

43 A - прилагательное

44 T. Milewski. Ewolucja morfologiczna..., стр. 53-54.

45 M. Karpluk. Указ. соч., стр.55.

возможно значение антропонима – 'очень умный'. В.Ягич наш исходный антропоним реконструирует лютомыслъ[46].

К чешскому антропониму Onomysl известна юж.-слав. параллель Onogost[47]. Здесь в первой части местоимение онъ[48]. Тогда, по-видимому, значение антропонима может быть 'тот умный' или близкое.

Др.-рус. Гостомыслъ, кашуб. Gostomiuzli и серб. Гостимирь (XII в., С.Х. 7), словен. Gostidrag (Kos 119), Gostibil (X в., Kos 119), чеш. Hostboj (G. I, 473), Hostibor (G. I, 474), Hostirad (G. I, 475), Hostislav (G. I, 475), Hostivit (G. I, 475), Hostivod (G. I, 475), Hostimil (G. I, 475), кашуб. Gustimarus (XIII в., M.R. 87), Gustizlauo (XII в., M.R. 87). польск. Gościrad (XIII в., Tasz. 103), Gościsław (XIII в., Tasz. 103), Gościwuj (XII в., Tasz. 103) в первой части композита имеют *gostь "cizinec" (S. 76). Антропонимы со вторым компонентом -mysl- можно идентифицировать со словосочетанием 'мысленный чужестранец', что связано, вероятно, с табуистическими повериями.

Первый компонент славянских антропонимов словен. Semmemuscle, др.-рус. Земомыслъ, польск. Siemomysł, а также словен. Semidraga (fem., Kos 148), Zemidrug (X в., Kos 148), Zemigneu (IX в., Kos 148), Zemigoy (XIII в., Kos 148), Zemislav (XIII в., Kos 148), укр. Земовитъ (князь мазовецкий, Нов. 264), чеш. Sěmibor (S. 85), Sěmidrah (S. 85), Sěmirad (S. 85), Sěmislav (S. 85), Sěmitěch (S. 85), Sěmižizn (S. 85), Sěmidar (S. 85), польск. Siemidrog (XIII в., Tasz. 121), Siemirad (XIII в., Tasz. 121), Siemisław (XIII в., Tasz. 121). Siemowit (XIII в., Tasz. 121), можно сравнить со ст.-сл. sěmь "persona, osoba"[49]. Отсюда словен. Semmemuscle и др. может означать 'умный (мыслящий) человек (личность)'.

Польский антропоним Slimisl (< *Zъlimyslъ) В.Ташицкий реконструирует Złymysł, очевидно, ошибочно[50]. Ср. также словен. Zlebor (X в., Kos 149), Zleslava (Kos 149). Первый компонент рассматриваемого антропонима восходит к *zъlь, ср. ст.-сл. zьlь "Schlechtigkeit, Böse" (S. A. 167) с сохранением тематической гласной. Для изучаемого антропонима можно предположить значение 'духовная (моральная) низость (подлость)', что становится вероятным, если учесть, что данный антропоним встречается один раз и только в польском языке, здесь правдоподобно допускается его прозвищный характер.

---

46 V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprachen. Berlin, 1913, стр.481.

47 С. Роспонд. Указ. соч., стр.8.

48 Там же, стр.14.

49 J. Svoboda. Příspěvky k studiu českých osobních a místních jmen, I (kmen sěmi-). – ČMF, XXVI, 1940, стр. 430.

50 W. Taszycki. Указ. соч., стр.135.

Чешский антропоним Čěmysl, а также серб. Česlav (Mar. 116), словен. Čstimir (Kos 114), чеш. Čstiboh (G. I, 192), Čstibor (G. I, 192), Čstimír (G. I, 192), Čstirad (G. I, 192), кашуб. Teslaus (=Ciesław, XIII в., M.R.77), польск. Czesław (XIII в., Tasz. 97) в первой части имеют *čьstь[51]. Как подсказывают перечисленные антропонимы с первым компонентом Česti-, изучаемый антропоним Čěmysl можно реконструировать как 'знающий честь', т.е. 'человек, обладающий честью'.

Чешский антропоним Krasomysl и серб. Красимирь (XIII в., Сербия, M. 12) имеют общий первый компонент, который восходит к праславянскому *krasь[52]; оно сохранилось в лемковском говоре украинского языка (крась 'красота'[53]), ср. также укр. крас[54] 'красота' и красий 'красивый', серб. кра̑с 'украшение' (долгое нисходящее ударение, характерное для существительных i-основ, ср. гȍст, кȍст, нȍћ и др.). Однако устойчивость данной формы довольно рано была нарушена (ср. др.-рус. красота[56], XI в.). Как и во многих других случаях, здесь слово i-основы подверглось влиянию имен o-основ, что, кстати, очень ярко проявляется в антропонимах на -mysl-, в случаях, где этот член бесспорно существительное: сербохорватский антропоним сохранил свою исконную структуру. В антропониме Krasomysl, если принять первый компонент из *krasь, второй член, вероятно, вербальный (скорее всего причастный) – 'знающий красоту' (т.е. 'имеющий красоту').

Чешский антропоним Všemysl и др.-рус. Всеволодъ (XII-XIII в., Ип. 529), Всегрдъ (Бусл. 91), Всеславъ (XII-XIII в., Ип. 9), чеш. Wšebor (Arch. 147), кашуб. Wsemir (M.R. 136), польск. Wszebor (XII в., Tasz. 132), Wszemił (XIII в., Tasz. 132), Wszemir (XII в., Tasz. 132), Wszerad (XIII в., Tasz. 132) восходят к *vьs- и отличаются значительной продуктивностью в силу мелиоративного характера данного слова[57]. Чешский антропоним Všemysl имеет значение 'всезнающий'.

Антропонимы словен. Godemisl и чеш. Hoděmysl имеют соответствия по первому члену в словен. языке, ср. Godemir (X в., Kos 118), Gode-

---

51 T. Milewski. O pochodzeniu..., стр. 236.

52 V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр.232.

53 І. Верхратський. Указ. соч., стр.428.

54 Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной императорским русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П.П.Чубинским, т.V (Песни любовные, семейные, бытовые и шуточные). СПб., 1874, стр.71.

55 Б. Грінченко. Указ. соч., стр.300.

56 В.М. Истрин. Указ. соч., стр.251.

57 С. Роспонд. Указ. соч., стр.17.

slava (Kos 118), однако продуктивность этой основы в композитных антропонимах не наблюдается. Семантическая интерпретация изучаемых антропонимов представляется сложной, ст.-сл. глагол goditi "willfahren" (S. A. 29) должен был дать форму первого члена *Godi-, однако ни один из указанных антропонимов такой формы не дает. Здесь в первой части композита можно предположить наречие ст.-сл. godě "angenehm passend" (S. A. 29). Если принять последнее предположение, то отсюда вытекает, что второй компонент вербальный или уже формализованный до уровня суффикса. По-видимому, здесь все же скорее мог быть вербальный член (вероятнее всего причастие), который сочетался с адвербиальным первым членом. Имя, очевидно, означало 'угодно мыслящий', т.е. 'мыслящий должным образом'.

Для правильной интерпретации семантической характеристики второго компонента -mysl- в сербохорватском антропониме Miromisal следует проследить значение первого компонента Mir- в антропонимах с другими вторыми компонентами. Ср. серб. Мирославъ (XII в., Дубровник, М. I), словен. Mirigoj (Kos 126), Miroslava (fem., Kos 126), др.-рус. Мирославъ (XII-XIII в., Ип. 20), кашуб. Myrgnev (XII в., Лор. 68), Miroslav (XIII в., Лор. 100), польск. Mirogniew (XIII в., Tasz. 109), Mironieg (XIII в., Tasz. 109), Mirosław (XIII в., Tasz. 109). Как считают исследователи, здесь в первой части - существительное о-основы mirъ 'мир'[57]. Семантическую связь компонентов композита при таком решении можно восстановить только для некоторых славянских антропонимов, например, *Miroslavъ. Но как реконструировать семантическую первобытность такого антропонима, как польск. Mirogniew, при явном отсутствии семантической связи компонентов? Как утверждает В.Ташицкий, возникновение антропонимов типа Gniewomir и Mirogniew одно из словообразовательных явлений[59]. Так, по-видимому, язык для образования новых слов использует уже имеющийся лексический и грамматический материал. Однако здесь следует выяснить первичный антропоним; им был, очевидно, Gniewomir, в котором налицо семантическая мотивированность сочетаемости компонентов, которая все же существовала, несмотря на факт заимствования второго компонента из германского. Здесь предполагается известная трактовка компонента -mir- ⪡ -měr- 'известный, знаменитый'[60], тогда весь антропоним - 'известный гневом' или что-то близкое. Как показано выше, такое значение имел только второй компонент -mirъ (⪡ *-měr-), а первый (Mir- ⪡ *mir-) восходит к mirъ 'мир, покой'. При

---

58 См.: W. Taszycki. Указ. соч., стр.57; T. Milewski. O pochodzeniu..., стр.236 и др.

59 W. Taszycki. Указ.соч., стр.66.

60 K.H. Schmidt. Die Komposition in gallischen Personennamen, I. "Zeitschrift für celtische Philologie", XXVI, 1957, стр. 78.

таком условии первоначальное значение композита Mirogniew кажется не имеющим смысла, правда, можно предположить метафору, но она слишком сложна для данного случая. Вот здесь-то и можно допустить чистое словообразование, о котором писал В.Ташицкий. Все это говорит о том, что в славянских языках существует какое-то количество антропонимов, в которых бесполезно восстанавливать первоначальное значение, они возникли, возможно, механическим путем. Не принадлежит ли к таким искусственным образованиям и наш серб. антропним Miromisal состоящий из двух широко распространенных в славянской антропонимии компонентов?

Антропонимы серб. Meremyslъ, кашуб. Tabomiuzli, Nezemusclen, чеш. Zemysl остались для нас неясными.

Как видно из приведенного выше материала, второй компонент славянских антропонимических композитов -mysl- как по структуре, так и по семантике неоднороден. Несмотря на то, что большинство исследователей видят в нем лишь существительное i-основы[61], даже не полный набор изучаемых антропонимов в славянских языках заставляет убедиться в сложности их структурно-семантической характеристики. Из всех рассмотренных более или менее ясных случаев семантики антропонимов со вторым компонентом -mysl- (без приставочных образований их 30)подавляющее большинство примеров с -mysl- существительным (19), меньше с прилагательным (7) или глагольной формой (4). Сочетаемость с первыми компонентами также довольно разнообразна, в первой части могут выступать все полнозначные части речи. В сербохорватском языке отмечено только субстантивное значение второго компонента -myal-, хотя он может сочетаться с различными основами - субстантивными, адъективными, местоименными, вербальными.

Сложным представляется явление формальной унификации второго компонента, которое происходило, очевидно, одновременно с становлением композита по аналогии к уже существовавшему типу композитов мужского рода. Вероятно, первоначально формы на -myslь и на -myslъ разнились; однако это различие сохранялось недолго в силу действия процесса формальной маскулинизации антропонима. Здесь семантические признаки подчинялись формальным, которые оказались в данном случае сильнее; произошло втягивание несистемного явления (в формальном плане) в уже существующий ряд существительных мужского рода на согласный. Это явление предшествовало образованию женских личных имен от мужских со

---

61 T. Maretić. Указ. соч., стр.117; Ф. Л о р е н ц. О померельском (древне-кашубском) языке до половины XV столетия. - ИОРЯС АН, XI, вып.I, 1906, стр. 88, 89, 90; A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр.350; M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. L. 12. Heidelberg, 1954, стр. 184.

вторым компонентом -mysl-; формы женских личных имен на -mysla незасвидетельствованы. Незначительное количество известных нам женских имен на -mysl- имеют окончание -a. Таким образом, можно предполагать, что антропонимы с субстантивным вторым членом -mysl- старше тех, которые во втором компоненте имеют тот же корень в адъективной или вербальной форме.

Семантическая интерпретация второго компонента -mysl- тесно связана с правильной семантической классификацией первых членов данных антропонимических композитов. Первые члены рассматриваемых имен в лексическом отношении представляют 50 единиц, т.е. 50 возможных вариантов сочетания каких-то слов или основ (соответственно, корней) с формой -mysl-, это уже может говорить об определенной емкости этого члена (-mysl-), если представить, что первоначально семантическая сочетаемость компонентов внутри композита была обязательной.

Как видно из всего вышеизложенного, лексема *-mysl- имела несколько значений, часть из них сохранилась в сочетании с семантически различными первыми компонентами внутри антропонимических композитов. Антропонимы показывают меньший круг значений для -mysl-, чем имеют производные на апеллятивном уровне. Однако обнаруживаются такие значения, которые в апеллятивах не отмечены.

В сербохорватских антропонимах превалирует для рассматриваемого компонента значение 'мысль', что отражает древнейшее состояние славянских антропонимов данного типа. В других славянских языках на семантическом уровне наблюдаются уже инновационные явления в антропонимах на -mysl-. Наблюдаются случаи формализации второго компонента -mysl- как результата деэтимологизации, которой вторая часть композита подвергалась, как правило, чаще.

Принятые сокращения

Архив – Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссиею для разбора древних актов, ч.Ш-УI, К., 1863-1876.

Буcл. – Ф.И. Буслаев. О влиянии христианства на славянский язык, М., 1848.

Духовная К.-Н. – Духовная Климента-Новгородца. – В кн.: "М.Н. Тихомиров, М.В. Щепкина. Два памятника новгородской письменности. М., 1952".

Ип. – Летопись по Ипатьевскому списку. М., 1871.

Лор. – Ф. Лоренц. О померельском (древне-кашубском) языке до половины XV столетия. "Известия Отделения русского языка и словесности АН", XI, 1, 1906.

Н. – С. Новаковић. Стари српски споменици XV-XVIII века. Београд, 1875.

Нов. – И.П. Новицкий. Указатель к изданиям Временной Комиссии для разбора древних актов, I, II. Киев, 1878.

Новг. гр. 1955 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 года). М., 1958.

Новг. гр.1956–1957 – Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.), М., 1963.

Р. – С. Роспонд. Структура и классификация древневосточно-славянских антропонимов (имена). – ВЯ 1965, № 3.

Слово – "Слово о пльку Игоревѣ" та його поетичні переклади і переспіви. Київ, 1967.

Срезн. – И.И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, I–III.

С.х. – Светостефанска хрисовула. "Споменик", IV, у Београду, 1890.

Указатель – Указатель к первым осьми томам Полного собрания русских летописей, I. СПб., 1898.

Ф.Б. – Ф. Безлай. Назвотворчий процес у словенській мові. "Повідомлення Української ономатичної комісії", вып.IV. Київ, 1967.

Arch. – Archiv český čili staré pisemné památky české i moravské, I. Praha, 1840.

Brückner – A. Brückner. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957.

G. – J. Gebauer. Slovník staročeský. Praha, 1903, II, 1916.

Imenik mesta – Imenik mesta. Pregled svih mesta i opština, narodnih odbora srezova i pošta u Jugoslaviji. Beograd, 1956.

Kos – F. Kos. O narodnih imenih u starih Slovencih. "Letopis Matice Slovenske za leto 1886". Ljubljana, 1886.

Kozier. – S. Kozierowski. Nazwiska, przezwiska, przydomki, imiona polskie niektórych typów słowotwórczych. Poznań, 1938.

M. – F. Miklosich. Monumenta serbica. Viennae, 1858.

Mar. – T. Maretić. O narodnim imenima i prezimenima u Hrvata i Srba. "Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti". Zagreb, 81, 82, 1886.

M. R. – M. Rudnicki. Imiona osobowe z Pomorza Zachodniego (Szczecińskiego) do r. 1230. "Slavia Occidentalis", 16, 1937.

Muka - E. Muka. Serbske swójbne mjena města Budyšina z lěta 1416. "Časopis Maćicy Serbskeje", LIII, 1. Budyšin, 1900.

S. - J. Svoboda. Staročeská osobní jména a naše příjmení. Praha, 1964.

S.A. - L. Sadnik, R. Aitzetmüller. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Heidelberg, 1955.

Sławski - F. Sławski. Słownik etymologiczny języka polskiego, I. Kraków, 1952-1956.

Tasz. - W. Taszycki. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. "Rozprawy i studie polonistyczne", I (Onomastyka), Wrocław-Kraków, 1958.

ВЯ - Вопросы языкознания

BPTJ - Biuletyn Polskiego towarzystwa językoznawczego

ČMF - Časopis pro moderní filologii

LP - Lingua Posnaniensis

ZfslPh - Zeitschrift für slavische Philologie

И.П.Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
(русск. выбать, с.-хорв. bìbati se и др.)

И.-е. корень *u̯ei̯-/*u̯oi̯-/*u̯ī- 'вертеть, крутить, гнуть' нашел, как известно, широкое отражение в славянских языках как в "чистом" виде, так и в сочетании с различными расширителями. Что касается варианта этого корня с расширителем bh, то традиционно принято считать, что он представлен лишь русским диалектным вéблица 'червь', восходящим к и.-е. *u̯ēbh-. И.-е. *u̯ēbh- входит в аблаутный ряд *u̯ēbh-/u̯obh-/*ubh-, для которого Буазак приводит общее значение 'ткать'[1], а Покорный (в статье об и.-е. *u̯ēbh-) дает две основные группы значений: 'вить, плести, вязать, связывать, ткать' и 'двигаться туда-сюда, качаться, кишеть'[2].

Однако в славянских языках можно выделить еще группу слов, которые относятся к этому же корню с расширителем bh, но только к его другому (чем *u̯ē-bh-) апофоническому варианту — *ubh-. К нему же возводится, в частности, авест. ubdaēna- 'сделанный из ткани' (*ubda- < и.-е. *ubh-tó-)[3]. Речь идет о словах, семантика которых хорошо согласуется с семантикой данного корня с расширителем bh: все они (с различными оттенками) обозначают колебательные и волнообразные движения. Сюда прежде всего относятся отсутствующие в этимологических словарях русск. арханг. выбать (выбнуть) 'тронуть с места, колебать, зыбать, качать' и выба, ж. 'свая, свороченная морозом'[4], которые и формально и семантически могут быть уверенно соотнесены с и.-е. *ubh-. Показательно, что и вéблица (<*uēbh-) и выбать, выбнуть, выба (<*ubh-) зафиксированы далем в одной и той же области — Архангельской.

Примечательно, что в русском языке существуют глаголы, семантически очень близкие к выбать, которые, по мнению ряда ученых, также восходят к вить[5], т.-е. к тому же и.-е. корню, что и выбать, но в дру-

---

[1] E. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Heidelberg, 1950, стр. 1008-1009.

[2] J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1956, стр. 1114.

[3] Там же.

[4] В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т.I. Изд.3. М., 1909, стр.680.

[5] М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка, т.I. М., 1964, стр.323-324.

гом его апофоническом варианте с иным расширителем. Это вихáться 'вихляться, шататься'[6], вихáть 'сдвигать с места в основании своем, ставить накось, искажать положение', вихлять 'ходить вперевалку, как бы прихрамывая на обе ноги', вихлятьcя орл. 'хлябать, шататься' (о вещи не твердо на своем месте укрепленной)[7].

Составители RJA соотносили с русским выбать ряд с.-хорв. слов, объединяемых основой bib-, объясняя начальное b- (из v-) процессом ассимиляции (RJA I, 280)[8]. Это bȉbati se 'колебаться, колыхаться, зыбиться; прогибаться, оседать' – о море, земле (там же); см. еще примеры, зафиксированные в РСА[9]. "Све мишице на прстима бибали се..." "Тешко joj се бибаjу груди..." "Тихо се биба Талас на мору"; сюда же – "riba biba povraz, t. j. pomalo ga poteže" (Црес)[10]. А также – bȉba ж. 'болотистая почва, которая оседает (проваливается, колеблется), когда по ней идут' (RJA, там же) и 'слой мха на болоте' (РСА, там же) – ср. русск. трясина, зыбун, с.-хорв. trȅsēt; bȉbav 'колышущийся' – о море (RJA, там же), о плечах (РСА, там же); bȉbavica 'колыхание' – о море (RJA, там же), о плечах (РСА, там же) и 'лихорадка, озноб' (РСА, там же).

К этой лексической группе следует отнести и словен. bíbati 'идти медленно, переваливаясь, качаясь' (об утке); 'проявляться, выступать наружу' (например, о зубах, выступающих из челюсти), bíbati se 'колыхаться, волноваться'[11], bíba 'морские прилив и отлив'[12], bíbavica 'прилив и отлив, качка'[13].

Правда, относительно с.-хорв. слов существуют и другие этимологические гипотезы, которые, однако едва ли могут считаться убедительными. Так, Безлай пишет о предлагавшихся ранее объяснениях с.-хорв. слов на основе н.-в.-нем. баварск. wibeln или ср.-в.-нем. biben, однако сам он склоняется к мнению, что эти с.-хорв. образования могут

---

6 Картотека Печорского словаря (Ленинградский университет).

7 В. Даль. Указ. соч., стр.510.

8 Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I. Zagreb, 1880, стр. 280. Далее – RJA (d. XIV – 1955).

9 Речник српског књижевног и народног језика, књ.I. Београд, 1961, стр.536. Далее – РСА.

10 M. Tentor. Leksička slaganja creskoga narječja i slovenskoga jezika protiv Vukova jezika. "Razprave. Dissertationes" I Ljubljana, 1950, стр. 71.

11 M. Pleteršnik. Slovensko-nemški slovar, d.I. Ljubljana, 1894, стр. 24. Далее – Plet.

12 М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горица, 1901, стр.4.

13 J. Kotnik. Slovensko-ruski slovar. Ljubljana, 1967, стр. 11.

не состоять в родстве с нем.словами.Он,как и Скок,считает, что они могли возникнуть как звукоподражательные.[14]

Предположение, что bib- < *vyb-, кажется более приемлемым. Во всяком случае с точки зрения семантики сопоставление русских и с.-хорв. слов с *ubh- не вызывает возражений: их значение 'качать(ся), колебать(ся), колыхать(ся)' хорошо согласуется со значениями и.-е. корня ('двигаться туда-сюда, качаться' - см. стр.). Что касается формальной стороны, то вероятность наличия в данном случае ассимиляционного перехода v>b (в начале с.-хорв. слова) поддерживается аналогичным с.-хорв. примером bȁbiti 'приманивать' < vabiti то же (RJA I, 134).

Интересно отметить, что в с.-хорв. языке есть слово, которое на первый взгляд кажется соответствием русскому выба. Это лексема с неясным значением viba, встречающаяся лишь в загадке: "Siba viba, da nije kriva, do neba bi bila (put)" (RJA XIV, 898). Однако она может восходить к сущ. ȉva 'Ajuga iva' (>viva > viba > biba): ср. производное от ȉva, представленное таким рядом: ȉvica, vȉvica, vȉbica, bȉbica. Причем показательно, что существует два варианта приведенной выше загадки ("Siba viba..."): 1) с viba и 2) с biba (RJA XIV, 898, РСА I,I, 535).

В заключение - небольшое замечание еще об одной лексической группе. Речь идет о словах, обозначающих домашних птиц (для с.-хорв. это би̏ба, би̏ба 'курица, гусь, цесарка, индюшка' (РСА I, 535), словен. bíba 'утка, индюшка', а также 'пресмыкающееся, насекомое' (Plet. I, 24), болг. би̏ба, би̏ба 'утка, гусь, индюшка')[15], которые обычно объясняются как звукоподражательные образования от междометия-подзыва би-би-би![16]. Безлай (ЭС), придерживающийся общепринятого мнения, отмечает, однако, что семантически данные слова ближе к bibati. Действительно, эти птицы могли быть названы по характеру их движения - переваливающейся, качающейся походке (ср. русск.: "как утка переваливается"). По крайней мере ряд названий, в частности букашки и змеи, нельзя объяснить на основе подзывного междометия и их следует отнести к bibati (< *vybati), т.-е. нужно говорить о названии по характеру движения (колыхание, копошение). Это сопоставление в какой-то мере поддерживается существованием русского ве̏блица 'червь', которое, как уже отмечалось, относится к другому апофоническому варианту (*u̯ebh-) того же самого корня, что и bibati < *vybati (*ubh-).

---

[14] Ф.Безлай. Этимологический словарь словенского языка (рукопись).Любляна.Далее - Безлай(ЭС). P. Skok. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971, I, стр. 144-145.

[15] Ст. Младенов. Български тълковен речник. София, 1951, т.I, стр.144.

[16] В. Георгиев, И. Гълъбов, Й. Заимов, С. Илчев. Български етимологичен речник. София,1962,св.I,стр.45.

В.П.Гудков

ИЗ ИСТОРИИ СЕРБСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ (Венский словарь 1791 г.)*

В сербохорватской лексикографии довуковского периода известен двухтомный словарь, к которому сербские лингвисты относятся неизменно пренебрежительно. Это "Немецкий и сербский словарь на потребу сербскаго народа в Крал. державах", опубликованный в 1791 г. венским издателем И.Курцбеком. Имя составителя в книге не названо и достоверно не известно. П.Шафарик, оценивший словарь как "очень скудный и некритический", приписал его авторство Теодору Аврамовичу[1], директору одной из школ. С тех пор этот труд вспоминают лишь как один из вероятных источников материала для знаменитого словаря Вука Караджича 1818 г. Начав деятельность лексикографа, Вук получил от своего учителя и вдохновителя Копитара несколько словарей и среди них издание Курцбека. Как полагают, он почерпнул из него какую-то часть лексики для своего труда[2].

Сложившиеся представления о Венском словаре 1791 г. суммировал недавно П.Ивич. Это, - писал он, - "в действительности не словарь нашего языка. "Сербский" материал в нем представляет главным образом смесь церковнославянского и русского; только спорадически вставлены истинно сербскохорватские слова. Составленный таким образом труд навлек на себя, вполне естественно, неприязнь позднейших исследователей нашего языка, и никто не уделил ему серьезного внимания - никто даже не потрудился определить, из какого русского словаря составитель столь обильно черпал материал"[3].

Русский прототип словаря 1791 г. установлен давно. В ноябрьских книжках московского "Вестника Европы" за 1817 г. М.Каченовский напечатал "Известие о Словаре Немецко-Сербском". Он привел цитаты из словаря, в которых увидел "совершенное сходство" с русским языком[4].

---

* В данной работе использовано издание словаря 1791 г., которым располагает Гос. библиотека СССР им. В.И.Ленина. Г.Михаилович сообщает, что впервые словарь вышел в свет годом раньше - в 1790 г. (Г.Михаиловић. Српска библиографија XVIII века. Београд, 1964).

1 P.J. Šafařik. Geschichte der südslavischen Literatur, III. Prag, 1865 стр. 323, 373.

2 П. Ивић. О Вуковом Рјечнику из 1818. године. Посебан отисак. Београд, 1966, стр.38.

3 П. Ивић. Указ. соч., стр.34.

4 "Вестник Европы". М., 1817, № 22, стр.125.

Затем М.Каченовский цитировал примеры иного рода и так комментировал их: "Этот язык, для нас малопонятный, или даже и совсем невразумительный, есть нынешний простонародный Сербский. Он неочищен, необработан, не имеет своей литературы"[5].

Объясняя разнородность материала, вошедшего в словарь, М.Каченовский писал: "В рецензии на славный труд г-на Линде, напечатанной в Галльских Ученых ведомостях, замечено, что автор не пользовался Немецко-сербским словарем Курцбека. В ответ рецензенту от имени Линде сказано, что польский лексикограф имел его в руках своих и даже несколько дней рассматривал с намерением извлечь из него сербское наречие; но вскоре увидел, что упомянутый, в Вене из типографии Курцбека вышедший словарь, есть не иное что как Российский словарь г-на Родде, перепечатанный несколько отменными буквами церковного шрифта. Мы не имеет теперь у себя Российского словаря г-на Родде, но смело ручаемся, что в нем не может быть простонародного сербского наречия слов и фраз, из числа которых предложена выше только малейшая часть их. Если же правда, что Курцбек пользовался книгою г-на Родде, то немудрено понять, каким образом в Сербском словаре очутились наши русские слова и фразы"[6].

Действительно, венский словарь 1791 г. и словарь Якова Родде (составленный в Риге и напечатанный в 1784 г. в Лейпциге)[7] поразительно схожи. Достаточно сличить одну-две страницы обоих изданий, чтобы убедиться, что опубликованный Курцбеком труд (далее обозначаемый К) является результатом частичной переработки словаря Родде (далее - Р). Каждый из них состоит из двух частей. Первая часть у Родде - это немецко-русский словарь (758 стр.), в издании Курцбека - немецко-"иллирийский" (719 стр.); вторая часть соответственно - русско-немецкий словарь (418 стр.) и "Славено-сербский и немецкий лексиконъ" (326 стр.). Немецкий текст одинаков в обоих словарях. В славянском тексте различий немало, но они не скрывают очевидной зависимости словаря К от Р.

В венском издании в отличие от русского употреблена церковнославянская графика. Это потребовало частично изменить порядок следования слов во второй части словаря К. Разделены слова, начинающиеся с О и ѡ (К II, стр.153-156 и 315-324), ѕ (стр.50-52) и З (стр.52-66).

---

[5] Там же, стр.126.

[6] Там же, стр.128.

[7] Deutsch-Russisches Wörterbuch ausgegeben von Jacob Rodde. Riga, 1784. Вторая часть называется "Российский лексикон". На последней странице указано: "Печатан в Лейпциге".

Употребляется ѵ: аѵгустъ (К II 3), ехѵдна (К II 46), еѵаггеліе (К II 47), тѵгръ (К II 273) и т.п. У Родде: августъ, ехидна, евангеліе, тигръ. Русской букве я соответствует ꙗ (в начале слова) и ѧ (в других положениях). В правописании К переплетаются три слоя: написания по правилам, которые предполагаются самим применением церковнославянской графики (ср. вышеприведенные примеры), русские написания и, третье, написания, соответствующие живой речи серба. Написания, соответствующие русским орфографическим нормам, и те, которые отражают сербскую речь, дополняют друг друга или непоследовательно перемежаются. Ср. schwarz черный и в той же статье поцрнити, црне бое (К I 468); gelb желтый, а рядом пожутити, жута боя, жутица (К I 211); schlingen глотати, гутати (К I 452); Eidam зетъ (К I 169), а Schwiegersohn зять[8] и тут же зетовъ (прилагательное) (К I 471); Ferse пята, но до пете (К I 177). В К II читаем: тамница зри темница (стр.271), желчь зри жучъ (стр.48), пень, пань (стр.158), тесть, тастъ (стр. 273), червь, црвъ (стр.307). Я.Родде сообщал глаголы в форме 1 л. наст. вр. Составитель К II переносил их в свое издание обычно в русской форме. Когда же он вводил новые глаголы, появлялась флексия сербохорватского языка. Среди слов на Ч находим, с одной стороны, чарую, чаю, чванюся, чеканю, чернѣю и т.п. и чекамъ, чувамъ, чупамъ, с другой. За чихаю следует кіямъ. Вместь чиню дано чинимъ.

Методика работы составителя Венского словаря и характерные черты представленной в нем лексики легко вскрываются простым сличением параллельных статей К и Р. Сопоставим шесть статей на букву К. Поскольку немецкий текст идентичен, в правом столбце (Р) сообщается только русский перевод (напечатанный по правилам современной орфографии).

К I 287	Р I 310-311
Kerbe (die) зарѣзакъ, бѣлега, eine Kerbe einschnieden урезати бѣлегу, забележити	...зарубка, вырезка, метка ...метку врезать.
Kerbholz (das) бирка	...бирка
Kerker (der), Gefängnitz темница; gefängliche Haft стража	...тюрьма, темница. ...стража
Kerkermeister (der) темничникъ	...тюремщик, темничник
Kerl (der) мужикь, was ist das für ein Kerl? какавъ е то человѣкъ? ein schlechter Kerl худаго состояния мужикъ; ein junger Kerl момчина	...мужик ...что это за человек? ...худого состояния мужик ...детина
Kern (der) in Früchten зерно; in Nüssen езгро; Kern in Steinobst, als Kirschen, Pflaumen, u s. w. кощица; Kern in Soldaten, der Mannschaft избрана войска	...зерно ...ядро ореховое ...костка ...отборное войско

8 "Юс малый" здесь и далее передается русской буквой "я".

Работа, выполненная составителем Венского словаря, заключалась в непоследовательной сербизации словаря Я.Родде. В одних случаях составитель или, вернее, адаптатор заменял русские лексемы и словосочетания сербскими. Вместо зарубка, вырезка, метка он дал зарѣзакъ, бѣлега, вместо метку врезать - урезати бѣлегу, забележити; вместо детина - момчина; вместо ядро ореховое - езгро (језгро)[9]; вместо кость - кошица (коштица); вместо отборное войско - избрана войска (војска). Вопрос что это за человек? изменен частично: какавъ е то человѣк? (совр. какав је то човек?). В других случаях составитель К сохранил без существенных изменений русский текст: бирка, мужикъ, худаго состояния мужикъ. Он исключил существительные тюрьма, тюремщик, оставив синонимы темница, темничникъ (совр. сербохорв. тамница, тамничар). Остались, естественно, лексемы, совпадающие или близкие по значению: стража, зерно (зрно).

В некоторых статьях К I сербская лексика занимает господствующее положение. Ср., например:

К I 361	Р I 383
Nadel, (die) zum Nahen, игла; Nädelchen, (das) иглица, eine Nadel einfädeln удети конацъ у иглу; zu Nadeln gehörig, игленый; Nadel zum Spicken, коіомсе убада сланина у месо; Magnetnadel игла магнитная; Stecknadel, чиода	...игла ...иголка, иголочка нитку в иглу продеть игольный... ...игла шпикованная... ...игла магнитная... ...булавка

Здесь присутствует только один русизм - прилагательное магнитный. Отметим, кстати, что в К I опущено одно выражение, представленное в Р: Nadel zum Stopfen заволочная игла

Еще один пример:

Hemmkette (die) цѣпь, ланацъ, коимъ кола укочесе на стрменитомъ брду (К I 256)	Hemmkette (die) лапа, цепь, для удерживания возу с крутой горы (Р I 277)

В К I перенесено только одно русское слово (цѣпь).

Иногда автор К вводит лексемы, не свойственные народному языку, но употреблявшиеся в сербской литературе XVIII в., например, абіе (К I 18) 'тотчас', спекулаторъ (К I 256) 'палач'. Ср.:

Henkermahlzeit (die) послѣднее предъ смертію ястіе (К I 257)	Henkermahlzeit (die) последнее пред смертью кушанье (Р I 27)

Кушанье заменено существительным ястіе, известным читателям-сербам (или, во всяком случае, более им понятным, ср. сербохорв. јести

---

[9] В скобках здесь и далее дается написание по правилам современной орфографии сербохорватского языка.

'есть'). В К I встречается и собственно сербское образование јело 'еда' : ястія, ела приготовити (К I 29) – кушанье приготовить (Р I 33); волю к елу изгубити (К I 330) – охоту к естве потерять (Р I 353), дванадесять ела (К I 199) – двенадцать перемен кушанья (Р I 219).

Приведенный выше материал К I достаточно содержателен и богат, чтобы устранить представление о "спорадическом" появлении сербохорватской лексики в этом издании. Вторая, меньшая по объему часть К – "Славено-сербский и нѣмецкий лексиконъ" – также содержит слой типично сербской лексики, вкрапленной среди статей, полностью заимствованных из словаря Родде. На стр.I. находим 37 заглавных слов (А – аллодиа). У Родде им соответствуют 28 статей. Составитель К опустил четыре статьи: август (дано на стр.3 с ижицей ѵ вместо в), автор, адамант (сохранено прилагательное адамантовый), алкаю и прибавил новый материал: аванъ 'ступка', авлия 'двор', агарянинъ 'турок', аггелъ и аггелъ хранитель (у Родде находим далее ангел), аждая 'дракон', айгиръ 'жеребец', айде и айдемо 'пойдем, пойдемте', айка 'преследование, облава', аковъ 'ведро', ако 'если', али 'но'. За исключением орфографического архаизма аггелъ и лексического агарянинъ[10], а также хранитель, это все слова, присущие живой народной речи сербов. Среди них много турцизмов. А в статьях на букву Т читаем: табанъ 'подошва', таванъ 'чердак', таванъ 'темный', тамбура 'тамбурин' (с примером: лулу пити, у тамбуру бити 'праздно проводить время'), таньир 'тарелка', тарчугъ 'мешок', творъ 'хорек', терам, терати 'гнать', тестера 'пила', топъ 'пушка', трошакъ 'расход', трошимъ 'расходую, трачу', трчимъ 'бегу' и т.п.

Составитель изданного Курцбеком словаря, очевидно, безупречно владел сербской речью. А свободный, непринужденный перевод пословиц, поговорок, различных сентенций путем подбора сербских фольклорных соответствий свидетельствует о его языковой интеллигентности и одаренности. Ср.:

Р I	К I
чье кушаю, того и послушаю (стр. 112)	на чии се коли возимъ, онога и конѣ хвалимъ (стр.98)
(нем.: wessen Brod ich esse, dessen Lied ich singe)	
ты толико смыслен, как осел к волынке (стр.185)	вештъ као магарацъ у кантару (стр.166)
(нем: : du ferstehest dich darauf wie der Esel auf die Sackpfeiffe)	
сие нимало не кстати, не прилич-	шикуе се као крмачи седло (стр.

[10] "Отъ дня на день осилѣвающе Агаряни восточныя страны сокрушали", – писал И.Раич в "Истории разных славянских народов...", ч.III. Вена, 1794, стр.25 (глава "О вступлении Турковъ въ Сербліи").

но (стр.192)	173)
(нем.: es reimt sich wie die Faust aufs Auge)	
два одному рать (стр.298)	два лоша, избише Милоша (стр.275)
(нем.: viele Hunde sind des Hasen Tod)	
многими обиняками поступать (стр. 308)	обилазити како мачка око врела меса (стр.286)
(нем.: um eine Sacke herumgehen, wie die Katze um den heißen Brei)	
бездельная та мышь, которая только одну нору знает (стр.349)	лудъ е таи мишъ, кои само едну рупу зна (стр.325)
(нем.: es ist eine alberne Maus, die nur ein Loch weis)	
какому быть в старости, младые лета объявляют (стр.389)	што годъ маца омаци све мише ловитъ (стр.367)
(нем.: was eine Nessel werden wird, brennt bald)	
кто грязью играет, руки замарает (стр.406)	кто магарца яши треба даму [да му] и прдежъ мириши (стр.384)
(нем.: wer Pech angreift, der bezudeln sich)	
метил на ворону, а попал в корову (стр.450)	майка дщерку кара, а снаи [снахи] приговара (стр.427)
(нем.: man schlagt auf den Sack, und mehnet den Esel)	
он тем изобильную пользу себе сыскал, изрядный барыш, прибыток себе нажил, получил (стр. 482)	пала му сикира у медъ (стр.458)
(нем.: er hat einem guten Schnitt daher gemacht, oder, er hat sich dadurch vieles erworben)	
хлев запирать, когда корова пропала (стр.520)	после кише кабаницу огрнути (стр. 496)
(нем.: den Stall zumachen wenn die Ruh heraus ist)	
ласкою, а не грозою приучать надлежит (стр.665)	кога треба молити, на треба га псовати (стр.635)
(нем.: wenn man Vogel fangen will, darf man nicht mit Prudeln drein werfen)	
по сеньке и шапка (стр.721)	какавъ гостъ, онака и часть (стр. 689)
(нем.: nach dem der Mann ist, bratet man ihm die Wurst)	

Материал словаря еще не привлекал внимания фольклористов. Как известно, первый сборник произведений устного творчества у православных сербов – собрание пословиц – издан Й.Мушкатировичем в 1786 г.[11]. На-

[11] См.: Ј. Скерлић. Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1923, стр.325–327, 329–330.

родные пословицы и поговорки, представленные в словаре 1791 г., дополняют коллекцию Й.Мушкатировича и заслуживают специального изучения.

Как видно из приведенных цитат, в венском словаре вскрываются обильные залежи лексики, свойственной языку сербов XVIII в. В этом издании можно выделить и некоторые явления, характеризующие фонетические и морфологические качества речи его автора и, вероятно, среды, в которой он жил. Эти явления позволяют локализовать говор составителя. При хронологической и локационной определенности текста содержащиеся в нем языковые данные представляют интерес для истории сербохорватского языка.

Естественно предположить, что в Венском словаре 1791 г. отразились черты воеводинских говоров, которые вместе с говорами Шумадии составляют целостную группу внутри штокавского диалекта. Говоры Воеводины явились народноречевой основой сербского литературного языка XVIII в. Это показали исследования языка произведений сербских писателей Й.Раича, С.Раича, Г.Венцловича и других.

Речи составителя К был присущ экавский рефлекс ѣ с отдельными случаями появления и. Экавское произношение выразилось в смешении букв ѣ и е (и в кратких и в долгих слогах), особенно в словах, соответствия которым нет в русском словаре Р. В К II читаем: летущий мышъ зри слѣпый мышъ (стр.96), но этой статьи не находится в ожидаемом по алфавиту месте, она обнаруживается выше, с -е- в корне (слепый мышъ, стр.248). Ср. также: репа (К II 233) и рѣпа (К II 237); бѣлега (К I 287) и белега (К I 347; К II 5); цѣвъ (К II 304) и цевъ (К I 184), пѣсму пѣвати (К I 323) и све едну песму певати (К I 482); лѣпый, лѣпъ и леп посао (К I 459); вештица (К I 263) (вјештица в словаре Вука); терамъ, терати (К II 272) (ћерати у Вука), стена (К I 177) (стијена у Вука). В определенных случаях на месте ѣ представлено и. Это характерно для глаголов на -ѣти. За fliegen летѣти следует niederfliegen доле летити (К I 369). Инфинитив летити дан и на стр.173, 707 (К I). Ср. также: отлетити (К I 660), вижу, видити (К II 15), видити (К I 271 и 675), предвидити (К I 640) и видѣти (К I 475), сѣдѣти, седити, на коню седити (К I 484), заедно седити (К I 712), под ладомъ седити (К II 95), живити (К I 315 и 677), доживити (К I 158), проживити (К I 278), уштедити (К I 163), поцрвенити от стыда (К I 436) (Р: покраснеть, 436). Экавский рефлекс е с обобщением -и- в глагольных основах типичен для народных говоров Воеводины[12].

---

[12] См.: М. Московљевић. Дијалектолошка карта Војводине. Београд,1938,стр.21; Б.М. Николић. Сремски говор. "Српски дијалектолошки зборник", књ.XIV. Београд,1964,стр.314; Б.М. Николић. Мачвански говор. "Српски дијалектолошки зборник", књ.XVI.Београд, 1966, стр.278.

Это нашло отражение в текстах многих писателей XVIII века[13].

Словарь К имеет типичную для воеводинских говоров огласовку существительных гнездо, колиба, секира: мало гниздо (К I 368), у сикири (К I 306), сикира (К I 700 и 458), колеба (К I 277), колеба и колиба (К II 64)[14].

Многочисленны примеры, демонстрирующие утрату х. Судя по всему, она осуществилась последовательно в позиции конца слова. Ср.: када саты станутъ, треба и (т.е. их) навучи (К I 5), одма (К I 18), очу (очух) (К I 506), ови (ових) дана (К I 522), I л. ед. ч. аориста: реко (К I 488), я се одоцни (К I 489), наидо (совр. наѣох) (К II 279), познадо (К I 157), оплето (К I 182), местн. пад. мн.ч.: у усти (К I 353), на ледьи (леѣих) носити (К I 423), на колени клечати (К I 294). Но: тербухъ (К I 62), трбухъ (К I 305).

Исчезает х и в позиции перед согласным: ранити (К II 228) 'кормить', наранити марву (К I 3), ладъ (хлад) (К II 95), оладнили (К I 284), саранити (К I 68), саранюемъ (К II 239), точковы разсалисе (расахли се) (К I 391), изданути (К I 584). Встречаются иногда и написания с х: хранити (К I 41), сву храну (К I 41). Сочетание хв изменилось в ф, что характерно для говоров Воеводины: у замку уфатьенъ (ухваћен) (К I 171), фатати у солдате (К I 410), за косе кога уфатити (К I 460). Исключение составляет лихва (К II 98). В результате исчезновения х в интервокальном положении возникало зияние, которое нередко устранялось вставкой в или j. Ср.: скувати (К I 5 и 9), кияти, киямъ (К I 371 и К II 309), заводъ и заходъ 'отхожее место' (К II 53 и 62), сувача (К I 422), чоаджія (К I, 543) и чохаджія (К II 309), маовина 'мох' (К I 351), пустаія, пустаискій занатъ 'вор, воровской промысел' (К I 116), осмеивати ся (К I 307), снаи (дат. п. снахи) (К I 427), буе (бухе), пунъ буа (К I 184).

Материал словаря дает основание думать, что начало слова было сильной позицией х. Многократно и единообразно пишутся слова хальина (например, К I 6, 49, 72, 291, 329) и хеспапъ (например, К I 23, 52, 299, 649; К II 296). Отметим еще харати (К I 6), хармиція (К I 23), хесапъ (К I 6), хегеда (К I 210, 428, 604; К II 296), хинатитисе (К I 33), хитатисе (К I 361), конь хита се (К I 55), хазнадаръ (К I

---

13 См.: А. Младеновић. О народном језику Јована Рајића. Београд, 1964, стр.60; В.С. Јовановић. Гаврило Стефановић Венцловић. "Српски дијалектолошки зборник", књ.II. Београд, 1911, стр.134-135, 154, 203-204, 205; А. Албин. Прилог проучавању језика Стефана Рајића. "Прилози проучавању језика", 3. Нови Сад, 1965, стр.4.

14 См., например: Б.М. Николић. Мачвански говор, стр.234-236.

105), хатаръ (К I 403), хартица (К I 381), хайгиръ (К I 77, 256) и айгиръ (К II 1), хитро (К I 9). Вероятно, х или призвук его произносился также в позиции перед слоговым р. Ср.: хртъ (К I 275), хрканіе (К I 404), хркати (К I 457), хрватисе (К I 284, 419) и рватисе (К II 232), изхрганый конь (К I 387). Это явление известно народным говорам[15]. Вообще сохранение, по крайней мере частичное, согласного х было, по-видимому, распространенным явлением в Воеводине конца XVIII в. А.Младенович убежден, что х был присущ речи Й.Раича[16].

В заимствованиях из немецкого х произносился, кажется, даже в конце слова. Ср.: харфа (К I 593), харинга (К I 258), херинга (К I 391), хенкаръ (К I 10, 256), хоризонтъ (К I 273), кухина (К I 303, 454), плехъ (К I 92) из нем. Blech, щухъ (К I 699) из Schuh.

Без нового эпентетического ль представлено в К прилагательное со значением 'дикий': дивя гуска (К I 199), дивнй грахъ (К I 671), дивій, ...дивя мачка, ...дивій лукъ (К I 677). За дивячина (К I 677) следует, однако, дивлячина (там же). Формы без -ль- и, реже, с -ль- находятся и у Д.Обрадовича. А.Младенович отметил в произведениях Й.Раича диви, а в современном говоре Сремских Карловцев (родины Й.Раича) - дивја и дивла, дивјака и дивлака[17].

Характерными приметами в области морфологии являются архаичные формы местного пад. мн. ч. муж. и ср. р. (с утраченным х), и ныне известные воеводинским говорам: на коли (К I 651), извести на коли (К I 50), на чіи се коли возимъ (К I 98), на колени клечати, на ледьи (леѣих) носити (К I 423); бити по табани (К II 270)[18]; устранение чередования к‖ц, г‖з в местн. (и дат.) пад. ед. ч. жен. р.: по руки (К I 248) и у руцы стиснути (К I 702), у америки (К I 91) и въ сѣверной америцѣ (К I 251), у колевки лежати (К I 676), склонность к вики (К I 462), потражити у книги (К I 360) и страница въ книзѣ (К I 477)[19]; глагольные формы 3 л. мн. ч. настоящего времени тражу (К I 67), провлачутъ (К I 119), извлачутъ (К I 314) (совр. лит. траже, извлаче)[20], инфинитив метути (< метнути) (К I 64, 85, 500, 524, 665), уметути (К I 139)[21].

---

15 См.: А. Младенович. Указ. соч., стр.67.

16 Там же, стр.77.

17 А.Младенович. Указ. соч., стр.81.

18 Там же, стр.91; Б.М. Николић. Сремски говор,стр.337-338.

19 Ср.: А. Младенович. Указ. соч., стр.87; А.Албин. Указ. соч., стр.9-10; Б.М. Николић. Сремски говор,стр.339-340.

20 Ср.: Б.М. Николић. Сремски говор, стр.349; А. Младенович. Указ. соч., стр.116, примечание 401.

21 Ср.: А. Младенович. Указ.соч.,стр.78 и примечание 276 на стр.79.

Материал по морфологии (словоизменению) в словаре, естественно, не обширен, но он дает возможность достоверно представить стадию развития тех или иных явлений. Современные воеводинские говоры сохраняют в весьма ограниченном применении аорист и совсем утратили имперфект[22]. В речи же составителя К аорист явно был живым явлением. Его формы находятся в обычных, естественных фразах. Ср.: я то у нѣговомъ чпагу найдо (совр. наѣох) (К II 279); барутъ плану... а пушка не ухвати (К I 184), я много новаца потроши (К I 50), я само изъ шале реко (К I 488); башъ садъ пріиде (К I 163). В текстах Й.Раича, по наблюдениям А.Младеновича, формы аориста также являют признаки живой категории[23]. В К встречается и имперфект, например, он кроз носъ говораше (К II, статья носъ), онъ моляше (К I 23).

И в лексике, и в грамматике К обнаруживаются явления, не свойственные народной речи. Так, формы будущего времени образуются по "русскому образцу", но вспомогательный глагол присоединяется к инфинитиву глаголов как несовершенного, так и совершенного вида. Ср.: я буду мыслити о томъ (К I 80), я веть буду платити (К I 459) - я уже заплачу (Р 483), я ему уста новцы (архаичная форма творит. пад.) буду запушити (К I 509) - я ему рот деньгами замкну (Р 534).

В современном литературном языке возвратная частица се обычно помещается в предложении вместе с прочими энклитиками после первого ударного слова или целостного словосочетания. В К есть такие примеры: домъ гдѣсе боядише (К I 172) - красильня (Р 191), игла коіомъсе у бакаръ урезуе (К I 499) и т.п. Однако чаще се не отделяется от глагола, следует за ним. Ср.: кашика коіомъ пѣна скидасе (К I 175) - ложка, которою пена снимается; сіе дѣло главе тичесе (К I 33) сие есть уголовное дело; конь, кои код руде упрежесе (К I 114) - коренная лошадь; пазаръ гдѣ вете хальине продаюсе (К I 329) - ветошный рынок; свуда чуесе (К I 427) - везде слышно; онъ не шалисе (К I 442) - он шуток не любит и т.п.

А.Младенович находит подобные примеры у Й.Раича и объясняет привязанность се к глаголу влиянием церковнославянского языка[24]. Иноязычное влияние, вероятно, проявлялось здесь, но данное синтаксическое явление могло иметь истоки и в местных говорах. Б.Николич отметил, что в Мачве "се часто следует за глаголом и в тех случаях, когда глагол не находится в начале предложения: ...и чим су они јавили се код нас..."[25]. Диалектологические описания содержат мало сведений о строении предложения. Не исключено, что это явление распространено

---

[22] Б.М. Николић. Сремски говор, стр.351-352.
[23] А. Младеновић. Указ. соч., стр.119-120.
[24] А. Младеновић. Указ. соч., стр.137.
[25] Б.М. Николић. Мачвански говор, стр.279.

и за пределами Мачвы. У современных писателей эпизодически встречаются конструкции, подобные вышеприведенным, например. Те очи су сад чиниле се крупнije... (М.Црнански. Сеобе и друга книга Сеоба. I. Београд, 1962, стр.511).

Фонетические и морфологические явления, выделяющиеся в словаре К, недвусмысленно указывают на воеводинские говоры как народную речевую основу словаря. Это дает веские основания полагать, что и лексика, введенная автором в свой труд помимо материала словаря Родде, типична для соответствующей языковой среды. В XVIII в. в Воеводине существовал литературный (стандартный) язык в письменной форме и, несомненно, складывалась общая устная форма стандартного языка, во многом существенно отличная от языка сербской книжности того времени. Письменная форма языка отличалась большим диапазоном допустимого варьирования нормы. У разных авторов в различной пропорции представлены речевые элементы собственно сербские, церковнославянские и русские. Устная форма литературного языка была более гомогенной; она складывалась на базе слабо дифференцированных говоров Воеводины. Ее становлению способствовали развитие торговли и ремесел, рост городов, распространение грамотности, перемещения и перемешивание некоторых слоев населения в связи с развитием хозяйства и оживлением разного рода культурной деятельности. Формирование общей устной нормы накладывало отпечаток на развитие письменного языка, способствовало его приближению к народно-речевой основе. Тем самым подготавливалась почва для реформы, осуществленной в XIX в. Вуком Караджичем.

Среди сербских областей Воеводина была первой, где бурно развивались капиталистические отношения. Связанное с этим обращение большого количества людей к торговле и ремеслам, изменение уклада жизни, городской быт дали сербам множество новых понятий, не существовавших или не актуальных в патриархальной Сербии. Появилась соответственно новая лексика. К заимствованным ранее турцизмам прибавился пласт германизмов и мадьяризмов. Значительное количество слов усваивалось из русского языка.

В словаре 1791 г. хорошо отражен определенный этап формирования лексического фонда литературного языка. Некоторые лексические пласты автор переносил в основном без перемен из словаря Родде, например, многие наименования, связанные с мореплаванием. В других случаях составитель легко находил сербские эквиваленты. Это относится, например, к выражению понятий из области вооружения. В статье Flinte (К I 184—Р I 203) находится целое гнездо слов и словосочетаний, передающих различные понятия, связанные с огнестрельным оружием того времени:

пушка	ружье
шоца	фузея солдатская

барутъ плану на чанку, а пушка	вспыхнул с полки порох, а ружье
не ухвати	отказало
пушку набити	зарядить ружье
на око метути	прикладывать
пукнути	палить
пушка за ловъ	охотничье ружье
пѣтелъ у пушки	курок, собачка у фузеи
цевъ	ствол
дуло	дуло
пушка от двѣ цевы	фузея двоествольная
чанакъ	полка
кресиво	огниво
кундакъ	ложа
пружина	пружина
замокъ	замок

В этой статье мы находим в К только три русизма: дуло, пружина, замок. Все остальное отражает, несомненно, живой язык своего времени, в известной мере искаженный традиционной орфографией. Ср. еще: тане, олово (К I 101) 'пуля'; тетикъ (К I 488) 'курок'; сукія (К I 329) 'пыж'.

Богата лексика, выражающая различные понятия из сферы товарно-денежных отношений: трговина (К I 248), трговацъ (299), дутьянъ (дуѣан) (307), вашаръ (344), коштовати (298), новцы, плата за посао (331), погодити хеспапъ (68) 'сторговать товар', ефтино купити (683), ни мангуре не вреди (256) 'ни полушки не стоит', скупо, млого вреди (670), цѣну подигнути (594), трговина съ виномъ (664), с марвомъ трговина (602), хесапъ (6) 'расчет', с кимъ прохесапитисе (6) 'рассчитаться с кем'; платацъ (88, 690) 'плательщик', готовыми новцами платити (88), надметъ цѣны (547) 'наддача', трошакъ (50, 297), трошити (560), лихва, интересъ (686), вексла (659, 690), новцы кому узаймити (647) и т.п.

Контакт с немецким населением в Воеводине отразился в многочисленных заимствованиях из немецкого. Словарь 1791 г. содержит целый ряд германизмов. Среди них: ауфшлагъ (К I 45) 'обшлаг', шпацирь 'прогулка', онъ на шпациръ отвезаосе (49-50), хенкаръ (256) 'палач', торта (535) 'торт', харинга (258) 'селедка', штокфишъ (509) 'треска', паоръ (700) 'крестьянин', шупа (460, 465) 'сарай', земличка (478) 'булка', рисъ папира (381) 'стопа бумаги', паръ (380) 'пара', цицъ (700) 'ситец', нула (372) 'нуль', штримфы (509) 'чулки', циль (609) 'цель', врбунка (669) 'вербовка', баіонетъ (60) 'штык' и др. Многие из этих слов живут и в современном литературном языке (торта, харинга, шупа, пар, нула, циц, циль, бајонет, папир и др.).

В результате реформаторской деятельности Вука Караджича сместилась диалектная основа литературного языка. Воеводинские говоры оказались на периферии. Между ними и современным литературным языков существуют заметные различия в морфологии[26]. Однако лексический фонд современного литературного языка, по крайней мере его восточной разновидности, во многом восходит к лексике сербского литературного языка XVIII в. П.Ивич пишет о начальном этапе утверждения нынешнего литературного языка (первая четверть XIX в.): "Центр культурной деятельности сербов тогда все еще находился в Воеводине, и это неминуемо наложило свой отпечаток, особенно на лексический состав языка, поскольку возможности варьирования в грамматике были весьма стеснены принятием грамматической структуры языка Вука"[27]. Изданный Курбцеком словарь является важным источником материала для истории языка и особенно для исторической лексикологии. В новых исследованиях по исторической лексикологии и семасиологии ему уготована, несомненно, весьма значительная роль.

Особого внимания заслуживает сопоставительное изучение К и словаря Вука Караджича. Как известно, Вук имел издание Курцбека и, вероятно, пользовался им в 1816 г., когда составлял свой труд, опубликованный в 1818 г. До сих пор никто, кажется, не пытался определить, что дало Вуку чтение венского словаря 1791 г. Выявив в нем (К I и II) лексику, не представленную в русском словаре Родде, и проверив наличие этой лексики в труде Вука 1818 г., мы приходим к заключению, что в ходе работы над словарем 1818 г. Вук пользовался лишь второй частью издания Курцбека — "Славено-сербским и немецким лексиконом". В словаре Караджича находим все приведенные выше из К II слова на А (кроме агарянин) и Т. Среди слов, начинающихся с я (ꙗ), даны в К II и отсутствуют у Родде следующие: ябланъ, ябука, ягнѣнце, язавацъ, яйце, ярацъ, яре, яребица, ястук, ятакъ, ято, яо. Все они находятся и в словаре Вука 1818 г. (только ягнѣнце изменилось в јагњешце). Такие совпадения характерны для всего оригинального материала, обнаруживаемого в К II. Это относится к словам на Ж: жаока, ждралъ, ждребе, ждребацъ, желудацъ, женаръ, женица, живина, жигошемъ, жигъ, жилица, жиръ 'желудь', жица, жуманце, жутица, жучъ. Только глагола жучити 'отравлять' у Вука нет. Та же картина открывается при сличении слов на Ц: царичъ (у Вука царић), цвекла, цедуля (Вук ограничивает распространение этой лексемы Сремом, Бачкой и Банатом), цедь (у Вука циј̏еђ), ципела (Вук локализует это слово так же, как существительное цедуља), црвенъ, црепъ (Вук указывает на Ресаву и Срем как территорию этой лексемы), црнкнемъ, цура, цѣвъ, цѣпати. Редко встречаются

---

[26] П. И в и ћ. Указ. соч., стр.185-186.
[27] Т а м ж е, стр.86.

слова, данные в К II (и не имеющие параллели у Родде), которые отсутствуют в словаре Вука. Назовем, например, налоня 'аналой', новайлия (появилось во втором издании Вукова словаря), ободацъ (появилось во втором издании с пометой: в Буде и Сентандрии), ободница (дано во втором издании Вукова словаря как приморское).

Многочисленные и последовательные совпадения в словнике К II и словаря Вука 1818 г. не должны, безусловно, означать, что Караджич почерпнул эту лексику именно из К II. Однако наблюдения за материалом первой части К (немецко-славянской) подтверждают предположение, что Вук изучил и использовал К II. Дело в том, что в первой части К довольно многочисленны слова, явно свойственные народной речи и все-таки не зафиксированные в словаре Вука. В статьях на букву F находим лексемы замка 'западня, силок' (стр.170), боядисати 'красить' (172; этот глагол появился во втором издании Вукова словаря), оперутати 'ощипать (перья)' (173), кицош 'франт' (174), опрасити се 'опороситься' (177), шкргы (шкрге) 'жабры' (182). У Вука отсутствуют и бала 'стопа, тюк' (60) (дано во втором издании как черногорское), усудити се 'решиться' (149), олуя (олуја) 'буря' (680), џепаръ (џепар) 'карманный вор' (85), нерасть 'боров' (125), стоварити 'сгрузить', растоварити 'разгрузить' (5), оборити 'сбить, свалить' (7). Большинство этих слов появилось во втором издании словаря Вука.

Последовательное совпадение материала К II и словаря Караджича и пропуск Вуком важных лексем, зафиксированных в К I, недвусмысленно говорит о том, что Караджич воспользовался материалом второй части К, оказавшейся весьма полезным пособием. Первой части К у Вука, видимо, не было, или он обработал ее материал лишь частично, выборочно.

Словарь К мог служить Караджичу полезным примером методики лексикографии. Так, Вук колебался, как поступить с турцизмами: оставить ли среди прочей лексики или дать отдельным списком. К II, в котором опубликованы десятки заимствований без какого бы то ни было особого подразделения их, способствовал принятию определенного решения.*

---

*В то время, когда эта статья находилась в печати, появилась содержательная работа А.Албина "Особенности народных говоров в "Немецко-сербском словаре" (1790)" ("Прилози проучавању језика". 6. 1970. Вышло в свет в 1972 г.). Ее автору осталась, видимо, неизвестной зависимость словаря 1790 (1791) г. от русского словаря Я. Родде. В ряде случаев А.Албин цитирует русизмы, явно заимствованные из словаря Родде, как свидетельства живой речи сербов. Надо полагать, что в будущем изучение лексикона 1790 г. будет продолжено и углублено с применением усовершенствованной методики.

Б.Л.Богородский

УНИКАЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ МОРЯКОВ РОССИИ И ДАЛМАЦИИ КОНЦА XVII В.

I.

В 1966 г. в Югославии отмечалось 250-летие со дня смерти знаменитого морского капитана и математика Марка Мартыновича (Перast, 15.VII. 1663 - 28.X. 1716), чье имя вошло также в историю русского мореплавания. Марк Мартынович был учителем русских бояр и солдат, отправленных в конце XVII в. Петром I в Италию учиться морскому делу. В советских архивах имеется два свидетельства, характеризующие Марка Мартыновича и его школу, - аттестат, выданный князю Б.И.Куракину, ученику Мартыновича, и рукопись "Описание мореходных судов", представляющая собой пересказ лекций, или, лучше сказать, бесед Марка Мартыновича с его учениками[1]. Рукопись написана на русском языке четкой скорописью на 26 пергаменных листах, к ней приложены рисунки в красках двенадцати сердиземноморских многопарусных кораблей, очевидно, падаренные самим Марком Мартыновичем. В рукописи подробно раскрывается техника судостроения и оборудования морских кораблей.

Можно предположить, что кто-то из бояр, а, может быть, и грамотных русских солдат, участников итальянской экспедиции, переводил на русский язык лекции Марка Мартыновича, читанные, всего вероятнее, на итальянском языке. Перевод, как правило, носит свободный характер, местами слышится непосредственная речь переводчика с его личными замечаниями по поводу мыслей, высказанных капитаном. При этом кажется несомненным, что Марк Мартынович в беседах с боярами пользовался не только итальянским, но и сербохорватским языком, близким его русским ученикам. В языке рукописи немало сербохорватских элементов, особенно далматинских морских терминов, вкрапленных среди итальянских. Рукопись дает представление о состоянии средиземноморской профессионально-морской терминологии конца XVII в.

---

[1] Памятник хранится в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина под шифром F. IX. № 1. Текст, перевод, комментарий и словарь рукописи подготовляются мною к печати. Рукопись впервые упоминается в работе А. Круазэ (А. К р у а з э в а н-д е р-К о п. К вопросу о голландских терминах по морскому делу в русском языке. "Изв. ОРЯС", т.XV, кн.4, 1910, стр. 55) как перевод итальянского источника. Автор не имел представления об отношении рукописи к М.Мартыновичу.

2.

Богатое содержание рукописи обусловило разнообразие лексики анализируемого памятника, особенно профессионально-морской. Здесь и названия парусных кораблей: галера, поляка, тартана, фрегадун, марцилиан, шайка; пять речных судов: филюка, фижулера, гондоля, пеота, буртьо. Ни яхты, ни шлюпки, ни самого слова флот нет в рукописи. Нос судна называется прова; рядом с термином корма употребляется пупа; вместо привычного борт - банда. Нет терминов: каюта, трюм; им соответствуют: камара, штива или штиба. Не используются названия: киль, шпангоут, их именуют иначе: колюмба, корба. Не забыта и кница, скрепляющая под углом отдельные части набора корабля, но она называется в рукописи брацволя. Оригинальные флотские звания: термин капитан есть, но вместо слова матрос - маринар; вместо рулевой - тимонер. Своеобразны названия членов экипажа на галере: "всѣм корованом заповѣдает генералиссим", "носит знамя на арбарѣ маистрѣ (грот-мачте) и на тринкѣте (фок-мачте)"; "имать 24 каробиниера что носятъ в шляпахъ или в баретах перья позлаченое и тии от пупы стерегут стражу". Перед нами сложная своеобразная система названий, охватывающая все стороны устройства и оборудования корабля; не обойдена, кажется, названием ни одна деталь: брусок, что задерживает вращение шпиля, так называемый пал, здесь назван термином кастаня; петли для руля - фемены; деревянные шарики для подъема и спуска реи по мачте - орахи, т.е. ракс-клоты. Совершенно ясно, что в рукописи отразилась особая, отличная от западноевропейских систем морская терминология, принятая не на северных или северо-западных морях, а на южных, в бассейне Средиземного моря.

Такая сложная система не могла явиться сразу. Уже для XVIII в. она была старой, образовавшейся под многовековыми влияниями самых различных судовых культур. Именно здесь, в бассейне Средиземного моря, на стыке трех частей света - Европы, Азии и Африки, раньше, чем где бы то ни было, начали складываться культурные международные связи. Здесь издавна сходились и пересекались водные пути кораблей, принадлежавших самым различным странам. Разноязычные по своему происхождению морские термины, сталкиваясь, вытесняли друг друга, многие оказывались общими профессиональными наименованиями для всего Средиземноморья. Это касалось и названия судов и их частей, и названия ветров, играющих важную роль в эпоху парусного судоходства. Родной Марку Мартыновичу сербохорватский язык не чуждался этих общих Средиземноморских названий. Он был очень восприимчив к международным названиям и подобно другим языкам занял свое место в сложившейся Средиземноморской терминологической системе.

Характерной чертой терминов, отразившихся в рукописи, является то, что это термины не местного употребления, бытующие только в Адриатическом море, а широкого, принадлежащие всему Средиземноморью. В этот огромный водный бассейн включается и Черное, и Азовское моря; их история судоходства с очень раннего времени находилась в тесной зависимости от навигации на Средиземном море. От Гибралтара до Азова, а иногда и до Каспия включительно прослеживается распространение одних и тех же терминов. Общесредиземноморским является, например, г о л ф а 'залив'. Это слово в рукописи встречается при описании судна, называемого термином г р и п о: "То есть судно купецкое и тѣ суды держатъ далматы, што суть под властию венецкою. И далеко не ходят, толко по г о л ф ѣ венецкой". От Гибралтара до Черного моря включительно известен этот термин: испан. golfo, ит. golfo, греч. κόλπος, κόλφος, тур. kürfüz, körfez, араб. kurfaz, karfaz[2]. Интересные сведения об этом слове сообщает П.Скок. Он указывает, что венециане Адриатическое море называют просто gȍlf, а в сербохорватских письменных документах встречается cultus. "Это греческое слово κόλφος, – замечает П.Скок, – римляне приняли его в форме colpus... Это слово заимствовали и наши предки от старых романцев в Дубровнике. И в настоящее время еще в сербохорватском языке kȕlaf означает открытое море далеко от берегов. Очевидно, – делает вывод П.Скок, – Адриатику и венецианцы, и старые югославы называли одинаково"[3]. В русском языке г о л ь ф а раньше всего встречается в языке тех, кто побывал в Италии: "Изъ Рагужи в филюгѣ поѣхали черезъ г о л ь ф у венецкую вь Баръ-градъ" (Арх. К.1, 255. 1696 г.); "И бѣжали мы тѣмъ вѣтромъ по морю Мальтийской г о л ь ф ы съ час" (Дн. Толст. П, 139, 1698 г.). Позже слово стало употребляться шире: встречается в памятниках, не имеющих непосредственных связей с Италией: "Пристанища морския суть или г о л ь ф ы (пазухи или заливы)" (О способах твор. водох. рек, 99, 1708 г.). Термин встретился и в живом языке черноморских водников: Г о л ф о – залив (Керчь, 1939 г.).

Вероятно, слово бытовало здесь задолго до XVIII в., его источник ит. golfo известно в итальянской письменности с XIV в.

---

[2] В работе использовались главным образом следующие словари: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1880-1963; C. Battisti, G.Alessio. Dizionario etimologico italiano. Firenze, 1950-1957; M. Vasmer. Russisches etimologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1950-1958; H. Kahane, A. Tietze. The lingua franca in the levant. Urbana, 1958; A. Jal. Glossaire nautique. Paris, 1848.

[3] P. Skok; Naša pomorska i ribarska terminologija na Jadranu. Split, 1933, стр.18.

Общесредиземноморским является и термин г у м и н а 'канат' "И всѣ три якоря имутъ свое г у м и н ы к ним привязаны", - сообщается в рукописи. Ср. испан. gumena, ит. gomena, gomina, gumina, греч. γούμενα, тур. gomena, gomina, араб. ǧumna. Есть и сербохорватское gȕmina, известное с XVI в., заимствованное из итальянского, куда вошло из арабского еще в XIII в. В русских письменных памятниках оно пока не обнаружено нигде, кроме нашей рукописи, но морской словарь В.В. Вахтина, а также и К.И. Самойлова его отмечают: г о м е́ н а 'галерный канат'. Значение дано не совсем точно. Это не только 'снасть на галере', но и 'швартовый канат' всякого другого судна. По нашим экспедиционным материалам: г о́ м е н а 'толстый канат' (Керчь, 1939г.)[4].

Не все, конечно, термины с таким широким кругом обращения. В рукописи дано описание и местных судов; таким, например, является фижулера: "Ф и ж у л е р а лотка здѣлана долгая ниская, когда взапуски бѣгают", т.е. когда происходят гоночные состязания. А.Жаль утверждает, что в XVI в. так называлось небольшое судно, которое использовалось при охоте за дичью на лиманах, или лагунах, и свое название получило от ит. fisolo 'нырок'. Ни в каких русских письменных памятниках, ни в говорах, ни в наших морских словарях этого судового термина не обнаружено. В итальянском известны три варианта: fisolera, fisoliera, fisolara, но в сербохорватских словарях нам этого слова найти не удалось. Местных терминов в рукописи значительно меньше, чем общесредиземноморских.

Примечательно также и то, что термины Средиземноморья самого различного происхождения. Здесь обнаруживаются и греческие, и латинские, и арабские, и турецкие и славянские названия. Анализ их может вскрыть глубокую и широкую картину исторических взаимоотношений народов Средиземноморского бассейна.

О высоком развитии греческой мореходной культуры, оказавшей сильное влияние на судоходство всего Средиземноморья, свидетельствует целый ряд профессиональных названий. Кроме давно известных греческих по происхождению: к о р а б л ь, п а р у с, я к о р ь, в памятнике немало других терминов. В рукописи читаем: "И а р г а н ъ на каштелю (полубаке), чѣм якорь вытягаютъ". Арган (греч. ἄργανο, ит. argano XIV-XV в., с.-х. àrgan, òrgan XVII в.) 'шпиль, ворот'. Слово оказалось живым в языке наших южных водников: а р г а́ н 'ворот'

---

[4] Любопытное замечание на стр.97 делает А. Ш и ш к о в в "Трязычном морском словаре" 1795 г.: "gumene ou gumère (terme de galere) 'гомен, канат галерного якоря'. По сходству имени у нас часто называют его и г у м е н".

по-итальянски (Феодосия, 1939 г.); на корме шпиль – а́ р г а н о (Керчь, 1939 г.).

Греческим по происхождению является и термин с а р т и а, с а р т и я. В рукописи читаем: "Тѣми сартиами утвержаются арборы (мачты)". С а р т и а (греч. мн. ἑξάρτια, ξάρτια, σάρτια XIII в.; ит. sartia XVI в.; тур. sartiya; араб. sarsīyāt; с.-х. sârtije) 'ванты', т.е. снасти, поддерживающие с боков мачты. И тоже живое слово на мелких судах Черноморья: с а́ р т и я 'ванты' (Керчь, 1939 г.). Морской словарь К.И.Самойлова указывает иной вариант: с а́ р т ы 'ванты на галерах'.

Латинских названий в языке рукописи значительно больше, чем греческих. Сюда прежде всего относится термин а р б о р (латинск. arbor 'дерево', 'мачта'), давший множество вариантов почти в каждом из средиземноморских языков: ит. albero, alboro, arbore XIII в., с.-х. ȁrbor, ȁrbul, ȁrbuo, jȁmbor, jȁrbor, jȁrbuo XVI в. и др. Поразительно разнообразны варианты и в русском языке, встретившиеся на Черноморском побережье: а́ л б е р о, а́ л б у р, а́ л б у р о, а́ л ь б о р о, а́ л ь б у р а, а́ р б о, а́ р б о р а, а́ р б о р о, а́ р б у л у, а́ р б у р. Множество вариантов свидетельствует не столько о том, что в русском языке этот термин неустойчив, хотя его заметно вытесняет общепринятый м а ч т а, сколько о том, как много влияний разных языков и диалектов столкнулось на водных путях Черного моря. Латинским по происхождению следует считать т и м о н 'руль', известный не только романским языкам: ит. timone XIV в., венец. timon, испан. timon, фр. timon XII в., но и греч. τεμώνιν, τημώνιν, τιμόνι XIV в., и тур. dümen, и с.-х. timun, dùmen XIII в. Все они восходят к латин. temo, латин вульг. *timo 'руль'. В рукописи встречаются два варианта: т и м о н, очевидно, венецианское и т и м у н – сербохорватское. В других русских памятниках конца XVII – начала XVIII в. разнообразия больше: д ю м е н ь, т и м о н, т ю м е н ь и др. А в живом языке и д ы м о́ н и и т е м о́ н ь (Феодосия, 1939 г.), на побережье Северного Кавказа – д е м е н ё к. Ср. д е м е н о́ на нижнем Поднестровье[5].

К арабским названиям относится прежде всего ф и л ю г а, ф и л ю к а – судно, описание которого едва ли не впервые дано в анализируемой рукописи: "Ф и л ю г а, держат ее начальные люди для своего выѣзду скораго и для посылки скорой, и здѣлача из смоковнаго дерева для легкости, гребцов по 10 и по 12 на сторонѣ". Ср. ит. feluca XVI в., filuca XVII в., испан. faluca, фр. felouque XVII в., греч. φελούκα XVII в., тур. filuka, fiuka, с.-х. fiuga, filjuga, из араб.

---

[5] А.А. Б е р л і з о в. Лексика рибальства українських говорів Нижнього Подністров'я. Чернігів, 1959, стр.40.

falūka 'корабль'. Вот примеры из живого языка: ф и л ю́ г и есть и сейчас, превратились в рыбачьи (Евпатория, 1953 г.); ф и л ю́ г а на веслах, гребное судно (Там же). Термин отмечается морскими словарями, при этом в различных вариантах: ф и л ю́ г а (В.В.Вахтин); ф е л у́ к а, ф е л ю́ г а (К.И.Самойлов), а у В.И.Даля разговорное – ф е л ю́ к; в Балаклаве нам встретилось просторечное – ф и л ю́ ш к а, известно еще – ф е д ю́ к а.

Примечательно, что на средневековой галере среди "начальных людей" есть два лица: а г у з и н и а л ф и й: "Имать а г у з и н а, которой куетъ людей в желѣза на каторгѣ и винных"; "...и у нихъ (карабиниров) капитанъ а л ф и й, или прапорщик". Оба слова известны романским языкам: ит. aguzzino XVI в., венец. algusin XIII в., испан. alguazil, фр. argousin XV в. Восходит к араб. al-wazīr 'наместник, заместитель'. И а г у з и́ н, и а р г у з и́ н известны русскому языку, но не отмечены Н.Смирновым в числе заимствований петровского времени. А л ф и й 'старший над карабинирами'. Ит. alfiere – собств. 'знаменщик'. Восходит к араб. al-fāris 'всадник, воин'. Кроме нашей рукописи, в русском языке слово нигде не встретилось.

Итальянских заимствований в языке рукописи всего больше: б у к а п о р т 'люк' (ит. boccaporto XVII в., венец. bocaporto, с.-х. bukàpōrta); с а н т а б а р б а р а 'пороховой погреб на судне, крюйткамера' (ит. santabarbara, собств. Santa Barbara 'святая Варвара'). Очевидно, сначала это была часовня, а потом ее приспособили для порохового склада. Слово живое в языке черноморцев: С а н т а б а́ р б а под кубриком, в носовой части; молились старики там; иначе 'подшкиперская' (Керчь, 1939 г.). Еще итальянизмы: с е н т и н а 'льяло, куда стекает вода, набравшаяся в судно' (ит. sentina XIII в., с.-х. sàntīna, sentīna). Ср. латин. sentīna 'нижняя часть корабля для стока нечистот'; п а р а м е з а л ь 'кильсон, внутренний киль' (ит. paramezzale XVI в., венец. paramezal XVI в., с.-х. promezāl). В ином варианте встретилось в Керчи в 1939 г.: п а р а м е з а́ н а скрепляет киль, укрепляет и шангоуты. Ср. ит. premezano начало XVII в.

Очень четко обнаруживается венецианское влияние. И это совершенно естественно. Дело, конечно, не только в географическом соседстве Венеции и Далмации, а в тесном многовековом культурном взаимоотношении этих стран. К числу венецианских заимствований П.Скок относит следующие термины: с.-х. provése 'носовой канат, которым причаливают судно'; с.-х. kòlūmba 'киль' и др. Термин provése Скок сопоставляет с термином prudijes, заимствованным из итальянского книжного языка (от ит. proda 'нос судна'). Наша рукопись приводит эти названия как синонимичные: "А зовутся тѣ гумины или кавопияны п р о в е з и

или п р у д е е з и". Итальянское colomba в рукописи выступает в варианте к о л ю м б а. Ср. с.-х. kòlūmba. Между прочим, слово встретилось на юге в живом языке: коло́мба, а по-русски 'киль' (Керчь, 1939 г.).

Фонетические отличия терминов рукописи от профессионализмов, известных итальянскому книжному языку или венецианскому наречию, свидетельствуют, во-первых, о характере освоения их сербохорватским языком, а во-вторых, о диалектных различиях говоров, расположенных вдоль восточного побережья Адриатического моря. Ограничимся двумя выразительными, по нашему мнению, примерами. В венецианском диалекте известен термин banco 'скамья в лодке'. Иные варианты в сербохорватском: bȁnok (Klimno), bȁnak (Punat, Korčula, Lopud)[6]. В рукописи иной вариант - б а н е к и с несколько иным значением: "По видѣнию и по слышанию што такой галеры нѣтъ во всѣмъ крузѣ земномъ и та суть особичная, длиною 32 б а н к а, а б а н е к зовется што меж гребцами", т.е. не только скамья в лодке, но и расстояние между банками. Еще пример из рукописи: "И спусти лодку и дай марнарем (матросам) с к а н д а л да мѣряют глубину и смотрят, ест ли чисто дно". Ср. ит. scandaglio XIV в. 'лот'; в диалектах: škandāj (Klimno), škandālj (Punat), skàndāj (Korčula, Lopud)"[7]. Надо полагать, что в рукописи в известной мере могла отразиться и специфика говора Пераста конца XVII в., поскольку Марк Мартынович был родом из этого города.

Есть в рукописи слово н е в е р ъ: "Н е в е р ъ называется погода дождевая и во время той погоды за многими премѣнностями вѣтровъ не надобно отнюдь розтягать папафигъ" (ит.-венец. papafigo 'брамсель', т.е. парус третьего яруса). Легко принять н е в е р ъ за однокоренное слово с сербохорватским nèvjera 'предательство, вероломство' и 'изменник, изменница'. Такая именно народная этимология и существует реально среди югославов. Об этой "иллюзии" пишет П.Скок, замечая, что трудно убедить югослава в том, что nevêra 'внезапный шторм на море' - не славянское слово, а латинское nivaria 'снежная метель' - слово, известное всем средиземноморским романским языкам. При переходе с суши на море изменилось значение слова, а вместо латинского окончания -aria явилось обычное в сербохорватском -era. Различие в характере ударений в литературном nèvjera и разговорном nevêra также не позволяет считать н е в е р ъ сербохорватским словом[8].

---

[6] M. D e a n o v i ć i I. J e l e n o v i ć. Pomorski i ribarski nazivi na Krku, Korčuli i Lopudu. "Zbornik instituta za historijske nauke u Zadru"-knj. II, 1956-1957. Zadar, 1958, str. 142.

[7] T a m ж e, стр.145.

[8] P. S k o k. Указ. соч., стр.159.

Иногда рукопись прямо указывает на употребление слова в хорватском языке. Описывается, например, смерч на море: "Овогда арборы (мачты) ломаетъ, овогда из арбора средину вынетъ бутто вывертитъ, овогда розщепляетъ корабли, уносит парусы". И далее сообщается, что смерч "по италианску т р о м б а (ит. tromba), по гервацку с и у н ъ". Но с и у н не славянское слово, а романское. Ср. ит. scione 'сильный ветер, вихрь'. Указывается, что неудобный для плавания под парусами ветер по-итальянски называется в е н т о с т р е т о, по-хорватски "тѣсенъ вѣтръ". Здесь мы имеем, по-видимому, кальку с итальянского vento stretto.

В сербохорватском языке немало терминологических словосочетаний гибридного характера. Ахтерштевень называют ȁšta od krme 'кормовой штевень'. Однако характерно, что Марк Мартынович предпочитает ит. l'asta di poppa, не прибегая ни в данном случае, ни в других к гибридным терминам.

Как в русском языке оказалось много дублетных терминов д е́ р е в о и ма́ ч т а (голл. mast), п а́ л у б а и д е к (голл. dek), так и в сербохорватском немало парных названий: kȍbilica и kȍlūmba 'киль'. Последнее очень распространено в Далмации и весьма употребительно в рукописи[9]. Еще остаются в сербохорватском языке и kȍrmilo и krȋma в значении 'руль', но заимствованное tȉmūn (ит. timone) вытесняет славянские синонимы. Как на русских судах в о́ р о т и б а́ б а почти совсем заменились термином ш п и л ь (голл. spil), так и в сербохорватском старое название мачты: kȁtārga, kȁtārka давно вытеснились латинским arbor. Причина там и тут одна и та же: новое название более совершенной в техническом отношении реалии вытесняет старое наименование.

К числу собственно сербохорватских названий, встретившихся в языке рукописи, надо отнести следующие: к у т я (с.-х. kȕća) 'шалаш в лодке'; ѣ д р о (с.-х. jȅdro) 'парус'; к р и в о р е п е (с.-х. krȋv 'кривой' и rêp 'хвост') 'кривохвостая' – о галере с изогнутым рулем[10]. Общеславянское с о х а выступает в специальном значении 'подставка для снятых мачт и других рангоутных деревьев'. В рукописи читаем: "А в противной вѣтръ снимают арборы и пеноны (реи) и кладут

---

[9] П.Скок с.-х. kȍlūmba производит от латин. columna 'столб' и ни в каком случае не от ит. columba 'голубь'. М.Деанович считает это слово неясным по происхождению (M. D e a n o v i ć. Pomorski i ribarski nazivi romanskog porijekla na Lopudu. "Anali Historijskog instituta u Dubrovniku". Dubrovnik, 1954, стр. 161).

[10] Б.Л. Б о г о р о д с к и й. О некоторых сербохорватских элементах в терминологии черноморских водников. "Вестник ЛГУ", № 14, вып.3, Л., 1963, стр.79.

на с о х а х". Интересные сведения дает об этом слове П.Скок. Он указывает, что на острове Иловик и в Далмации вместо škȁram 'однорогая уключина в лодке' и štrȍp 'кольцо для весла, сплетеное из ветвей или веревок, одеваемое на шкарму' употребляется sȍha, šȍha. Очевидно, делает вывод П.Скок, вместо шкармы на лодках в старину употреблялась ветка[11]. На ветвях, а может быть и на высоких шкармах подвешивались и снятые реи и мачты. Любопытно, что в донских говорах с о х а́ 'жердь', а с о́ ш к и 'подпорки'.

В сербохорватском языке слово tiša 'место на реке или море, где тихо, нет волн'; а в русском т и ш ь 'отсутствие бури, ветра, непогоды'. В рукописи слово выступает в значении, близком семантике с.-х. tiša: "В портѣ смотрит того, чтоб гдѣ самая была тишъ и штоб валы не доходили"[12]. Мачты в рукописи названы "становитые или выну стоящие". Ср. с.-х. stanȍvit 'постоянный, укрепленный'.

В сербохорватском языке немало бытует терминологических словосочетаний: otvȍriti jȅdra 'распустить паруса'; ср. противоположное - zatvȍriti jȅdra. В рукописи читаем: "И з а т в о р и в с ѣ п а р у с ы и остави один тринкѣтъ" (ит. trinchetto 'треугольный парус').

Терминологические словосочетания часто являются командными словами, общепринятыми в мореходной практике. Некоторые из них в сербохорватском языке переводного характера, причем с примесью сербохорватских элементов: к а л я й в п о л а р б о р а "спусти парус до половины мачты". С.-х. kȁlati (ит. calare) 'спустить' большой Загребский словарь рассматривает "как морской парусный термин". В рукописи встречается и п р и к а л я т ь, прочно ассимилированное сербохорватским языком. Еще примеры командных слов: и с а й г а б и ю и п а р а к е т у "поставь грот-марсель и фор-марсель". С.-х. ȉsati 'поднять, воздвигнуть'; ср. ит. issare 'поднимать'. В Феодосии в 1939 г. нам встретилась команда к а́ ц е р а́ н д у 'опусти бизань-парус', в рукописи несколько иначе: к а ц а ш к о т е 'натяни парус шкотами'. Там и тут венец. cazza - императивная форма от ит. cazzare 'тянуть бечевой'. Ср. с.-х. kȁcati 'натянуть (шкоты)'.

3.

Получив аттестаты об окончании мореходной школы Марка Мартыновича, русские возвратились домой. Там в эту пору кипела судостроительная работа на Воронежских верфях. Россия строила струги, галеры, фрегаты, готовые вступить в морской бой с турецкими каторгами. Средизем-

---

11 P. S k o k. Указ. соч., стр. 141.

12 Ср. т и ш и н а́, арх. 'приморская пристань в затишье, в закрытии от ветра' (В.И.Даль).

номорская терминология нужна была русским. Ведь ею же пользовались и турки, своих терминов у них было мало. Петр I и его сподвижники настойчиво искали через Азов выход в Черное, а потом и Средиземное море. И даже позже, когда Россия вышла к берегам Балтики, русские охотно приглашали итальянцев и южных славян на службу в морском флоте. На место скончавшегося в 1719 г. графа Боциса был назначен командиром галерного флота капитан - командор Змаевич, родом из Далмации, земляк Боциса, служивший раньше, как и Боцис, в венецианском флоте. Южных славян в ту пору на русских судах было много. И все они пользовались, кроме усваиваемой ими русской, средиземноморской разноязычной терминологией. Казалось, что греко-итальянская система займет рядом с русской прочное место в нашем флоте, но получилось иначе.

Международные отношения и внутренние события России того времени не способствовали утверждению сердиземноморской терминологической номенклатуры. Великие географические открытия, особенно открытие морского пути в Индию, ослабили значение Средиземноморского бассейна. Торговые центры переместились с юга на север, к берегам Франции, Голландии, Англии. Техника судостроения быстро двинулась вперед. Образовалось две морских терминологических системы: старая - южная, Средиземно-черноморская, или Левантийская, и новая - северная, точнее - северо-западная, условно называемая нами Балтийской. Россия примкнула к последней, передовой и прогрессивной. Началось вытеснение старых средиземноморских названий. Процесс этот шел медленно, не закончился он и до сих пор. Часть терминов, отразившихся в рукописи, никогда не была в речевой практике русских моряков. Такими, по-видимому, были: г а е т а (ит. gaeta, с.-х. gàeta, gàjeta) 'одномачтовое небольшое судно', р а з м а (ит. rasma, с.-х. rȁzma) 'планширь', т.е. брус, проходящий по верхнему краю борта, и некоторые другие, только и представленные нашей рукописью. Другие термины, например, п а й о л (ит.-венец. pajol, с.-х. pajȍl, pàjuo) 'нижний пол судна', оказались широко употребительными[13]. Часть терминов доживает свой век на мелких судах Черного и Азовского морей, особенно в речи моряков старшего поколения, при этом названия бытуют на длинной полосе северного Черноморского побережья, от устья Дуная до западных склонов гор Кавказа и даже дальше - до берегов Каспия. Н а с т р о́ м (ит. nosromo) и б о́ ц м а н; т е р ц а р о́ л и (ит. terzarolo) и р и́ ф ы, уменьшающие площадь паруса, р а́ н д а (ит. randa) и б и з а́ н ь 'кормовой парус' продолжают оставаться дублетными в живом употреблении на юге.

---

[13] Б.Л.Б о г о р о д с к и й. Итальянский морской термин на Волге (п а й о́ л 'настил в трюме судна'). "Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена", т.231, 1962, стр.245.

Есть, однако, существенная разница в употреблении средиземноморских итальянско-греческих терминов в сербохорватском языке и в русском. В Югославии они устойчивы, обязательны для употребления, поддерживаются тесными и постоянными контактами сербохорватского языка с итальянским и греческим. У нас они архаичны, ограничены причерноморской зоной употребления на судах каботажного плавания, энергично вытесняются англоголландскими. Сами моряки называют их "жаргонными", т.е., в сущности, запретными, возможными не в широком обращении, а изредка, "меж собой", иногда для простой шутки:

Моло флоки,
Тринка шкоты,
Каце ранду,
Руль на борт,
Фунде якорь,
Сам на бок...[14]

Список сокращений

Арх. К. I – Надеждинский архив кн. Ф.А.Куракина, кн.I. СПб., 1890.
Дн. Толст. П. – Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого. "Русский архив", № 2, 1888.
О способах твор. водох. рек – Книга о способах, творящих водохождение рек свободное. М., 1708.

---

[14] Записана в Феодосии в 1939 г. от известного в ту пору на черноморских судах шкипера Ф.В.Богданова. Даю комментарий: моло флоки (ит. mollare 'отдать, травить, ослабить'; ит. flocco 'кливер, треугольный парус впереди фок-мачты') 'опусти паруса'. Тринка шкоты (ит. trincare 'найтовить, связывать веревкой'; ит. scotta 'шкот – снасть, растягивающая парус') 'натяни шкоты'. Каце ранду (ит. cazzare 'тянуть бичевою'; ит. randa 'бизань – парус') 'опусти парус'. Фунде якорь 'отдать якорь'. (ср. итальянскую команду: dare fondo 'стать на якорь', dare l'ancora 'бросить якорь'). Руль на борт и сам на бок не нуждаются в разъяснениях...

Л.П.Жуковская

СЕРБСКИЕ ПЕРГАМЕННЫЕ ЕВАНГЕЛИЯ АПРАКОС В КНИГОХРАНИЛИЩАХ СССР И ИХ СВЯЗИ С ИНОСЛАВЯНСКИМИ РУКОПИСЯМИ

Для истории славянских языков древнейшего периода письменности и последующих веков наибольшее значение имеют рукописи евангелия полный апракос. Это объясняется двумя главными причинами: 1) они принадлежат к числу книг, употреблявшихся во многих тысячах церквей и потому особенно широко представленных в сохранившихся до нашего времени рукописях; 2) среди других типов книг евангелия они наиболее интересны тем, что содержат чтения на все дня недели во всех циклах чтений церковного года и потому хранят в себе как черты языка первого перевода, так и особенности последующих переводов, дополнявших краткий или праздничный апракос до того или иного типа полного апракоса[1].

В книгохранилищах СССР имеются следующие полные апракосы с сербизмами в языке и письме:

1) один лист из Мирославова ев. Рукопись ГПБ, F п I 83. (ПС[2] № 54);

2) Вуканово ев. Рукопись ГПБ, F п I 82, 189 лл. и один лист в БАН № 24.4.2 собр. Срезневского № 49. (ПС № 176 и 177);

3) рукопись ГПБ, собр. Гильфердинга № 1, ок. 1284 г., 413 лл. (ПС № 191);

4) три фрагмента одной рукописи XIII в. в ГПБ из собр. Гильфердинга № 62, 63, 67, содержащие соответственно 18 лл., обрывок листа и 2 л. (ПС № 213, 214, 217);

5) два листа, XIV в., в БАН, № 4.5.1 (ПС № 577);

6) один лист XIV в., в ГПБ, F п I 86 (ПС № 968);

7) два фрагмента одной рукописи XIV-XV вв. в ГБЛ, собр. Григоро-

---

[1] Подробнее см.: Л.П. Ж у к о в с к а я. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI-XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. "Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология". М., 1968.

[2] ПС – это Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно). "Археографический ежегодник за 1965 год". М., 1966. В ПС рукописи № 275, 969, 970, 994 неверно указаны как сербские апракосы, в действительности они тетры; рукопись № 955 – не русский апракос, а сербский тетр.

вича (фонд № 87) № II. VIII/ М. 1693. VIII и № II. IX/ М. 1693. IX, содержащие соответственно 4 и один лист (ПС № 1304 и 1305).

Имеются в наших хранилищах и краткие апракосы:

1) рукопись ГПБ, написанная в XIV в. (до 1346 г.) на 160 лл., Q п I 26. В ПС уточнена как "боснийская" (ПС № 609);

2) рукопись ГПБ, F п I 108, XIV в., на 178 лл. (ПС № 629);

3) рукопись ГПБ, Q п I 23, XIV в., на 130 лл. (ПС № 967);

4) рукопись Архива Ленинградского отделения Института истории АН СССР, XIV-XV вв., Западноевропейская секция, коллекция Рукописные книги, № 680, на 264 лл. (ПС № 1313).

Кроме того, сохранились в фрагментах следующие рукописи евангелия апракос, принадлежность которых к полному или к краткому апракосу по сохранившимся частям рукописей мы установить пока не смогли:

1) 2 л., XIII в., в ГИМ, собр. Хлудова № 42 (ПС № 259);

2) 2 л., XIII в., в ГПБ, собр. Гильфердинга № 64 (ПС № 273);

3) 8 л., XIII в., в ГПБ, собр. Гильфердинга № 70 (ПС № 274);

4) 2 л., XIII-XIV в., в ГБЛ, собр. Григоровича (фонд № 87) № II. VI/ М. 1693. VI (ПС № 229);

5) 10 л., XIII-XIV в., в ГПБ, собр. Гильфердинга № 68 (ПС № 394);

6) 6 л., XIV в., в ГПБ, F п I 112 (ПС № 630);

7) 2 л., XIV в., в ГИМ, собр. Соколова № 147 (ПС № 934).

Возможно, сербскими являются 2 л. XIV в. в Центральной библиотеке Академии наук УССР, Коллекция отрывков (ПС № 1003), которые нами не изучались. ПС сообщает, что они "южнославянские".

Примерно столько же в наших книгохранилищах представлено болгарских рукописей. Лишь русские рукописи XI-XIV вв. имеются в гораздо большем числе. Из них более ста полных апракосов сохранились как целые кодексы объемом в несколько сот листов каждый.

Среди русских списков евангелия апракос преобладают полные апракосы. Так, среди отмеченных в ПС 205 русских апракосов по составу чтений 157 (или 88%) полных и лишь 22 списка (или 12%) кратких апракосов. Кроме того, имеется 26 рукописей (из числа указанных в ПС), состав сохранившихся чтений в которых не позволяет нам отнести их к тому или иному типу апракоса.

В Болгарии среди сохранившихся там пергаменных книг и фрагментов мы не обнаружили полных апракосов. В Югославии они, по-видимому, есть, но судить об этом по имеющимся каталогам и описаниям нельзя. Познакомиться же с рукописным пергаменным фондом югославских книгохранилищ нам пока не удалось. Между тем даже изданные Мирославово евангелие и Вуканово евангелие ясно показывают (см. ниже табл. № I), что среди славянских полных апракосов сербские имеют весьма важное значение в понимании процесса (процессов) пополнения недостающих чтений, производившегося в разных частях славянской языковой области.

Вопрос этот очень сложный и без привлечения данных рукописей, хранящихся в Югославии, не может быть решен окончательно. Правда, и без привлечения русского древнеписьменного материала он также не может рассматриваться.

Наиболее плодотворно над близкими проблемами в настоящее время работает И.Врана (Югославия). Так, после капитального труда К.Горалка[3] в этой области можно назвать лишь монографию И.Враны о Мирославовом евангелии[4] и его издание Вуканова евангелия[5]. Эти книги являются очень важным вкладом в трудное дело изучения древнейшего славянского письменного наследия и будут использоваться еще не одним поколением славистов.

Однако И.Врану сербские полные апракосы – Мирославово евангелие (далее – Мир.) и Вуканово (далее – Вук.) интересуют лишь с точки зрения их отличий от старославянских текстов: глаголических – Мариинского, Зографского, Ассеманиева евангелий и написанной кириллицей Саввиной книги. Этот особый интерес исследователя проявляется как в проводимых им текстологических сопоставлениях (см. Приложения в исследовании о Мир., стр.170–171, 178–211), так и в языковых (см. очень ценный Словарь различий Вуканова и старославянских евангелий, в издании Вук. стр.71–98). Между тем обе эти рукописи существенно различаются между собой по содержанию отдельных чтений и их последовательности. Как правило, различия эти касаются чтений на непраздничные дни недели (т.е. дни с понедельника по пятницу), которые отсутствуют в кратких апракосах Ассеманиевом и Саввиной книге. Поэтому проведенное сопоставление Мир. и Вук. со старославянскими рукописями, среди которых имеются только два названные краткие апракоса и два четвероевангелия (совсем иной тип книг со своей изначальной последовательностью чтений, но появившийся на славянской почве позднее краткого апракоса), сопоставление это не является особенно плодотворным.

Сербские рукописи Вук. и Мир. показывают очень большие различия в наборе каждодневных чтений, которые можно проследить и в сотнях других рукописей, происходивших из разных славянских областей. Особенно интересно отметить, что у южных славян в конце XII в. было уже два существенно различающихся типа полного апракоса (см. таблицу № 1). Один из них, именно Вук., имеет предшественников среди русских рукописей. Таковы, Мстиславово ев. 1115–1117 гг., Юрьевское ев. 1118–1128 гг., Добрилово 1164 г. и некоторые другие. Наоборот, Мир. – единично. Среди русских пергаменных рукописей (в хранилищах СССР) па-

---

3 K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954.

4 J. Vrana. L'Évangéliaire de Miroslav. Gravenhage. Mouton, 1961.

5 J. Врана. Вуканово евангеље. Београд, 1967.

раллельных ему нет. Однако есть одна болгарская XIV в.[6]. Это – рукопись ГБЛ, собр. В.И.Григоровича (ф.87) № 9 / М. 1691 (далее – Грг-9).

Таблица 1

Содержание и последовательность текстов от пятидесятницы до поста в двух основных типах сербского полного апракоса

День недели	Порядковый № недели в рукописи	Текст	
		Вуканово ев.	Мирославово ев.
вс.	пятидесятница	И. VII 37–52, VIII 12	
пн.	"	Мт. XVIII 10–[20]	
вт.	1	Мт. IV 23 – V 13	Мт. IV 25 – V 13
ср.	1	Мт. V 20–26	Мт. 20–30
чт.	1	Мт. V 27–32	Мт. V 31–41
пт.	1	Мт. V 33–41	Мт. VII 9–18
сб.	1	Мт. V 42–48	
вс.	1	Мт. X 32–33, 37–38, XIX 27–30	
пн.	2	Мт. VI 31–34, VII 9–14	Мт. VII 19–23
вт.	2	Мт. VII 15–21	Мт. VIII 23–27
ср.	2	Мт. VII 21–23	Мт. IX 14–18
чт.	2	Мт. 23–27	Мт. IX 36 – X 8
пт.	2	Мт. IX 14–17	Мт. X 9–15
сб.	2	Мт. VII 1–8	
вс.	2	Мт. IV 18–23	
пн.	3	Мт. IX 36 – X 8	Мт. X 16–22
вт.	3	Мт. X 9–15	Мт. X 26–31
ср.	3	Мт. X 16–22	отсылка
чт.	3	Мт. X 23–31	отсылка
пт.	3	Мт. X 32–36, XI 1	отсылка
сб.	3	Мт. VII 24 – VIII 4	
вс.	3	Мт. VI 22–33	
пн.	4	Мт. XI 2–15	Мт. XII 1–13
вт.	4	Мт. XI 16–20	Мт. XII 22–29
ср.	4	Мт. XI 20–26	Мт. XII 38–50

[6] Л.П. Жуковская. Рукопись № 9 из собрания Григоровича. "Советское славяноведение", 1971, № 3.

чт.	4	Мт. XI 27–30	Мт. XIII 3–23
пт.	4	Мт. XII 1–8	Мт. XIII 24–32
сб.	4	Мт. VIII 14–18, 23	
вс.	4	Мт. VIII 5–13	
пн.	5	Мт. XII 9–13	Мт. XIII 33–43
вт.	5	Мт. XII 14–16, 22–30	Мт. XIII 44–58
ср.	5	Мт. XII 38–45	Мт. XIV 1–13
чт.	5	Мт. XII 46 – XIII 3	Мт. XIV 35 – XV 21
пт.	5	Мт. XIII 3–12	Мт. XV 29–31
сб.	5	Мт. IX 9–13	
вс.	5	Мт. VIII 28–IX 1	
пн.	6	Мт. XIII 10–23, 9	Мт. XVI 1–5
вт.	6	Мт. XIII 24–30	Мт. XVI 6–12
ср.	6	Мт. XIII 31–36	Мт. XVI 20–24
чт.	6	Мт. XIII 36–43	Мт. XVI 24–28
пт.	6	Мт. XIII 44–54	Мт. XVII 10–13
сб.	6	Мт. IX 18–26	
вс.	6	Мт. IX 1–6, 8	
пн.	7	Мт. XIII 54–58	Мт. XVIII 3–11
вт.	7	Мт. XIV 1–13	Мт. XX 1–16
ср.	7	Мт. XIV 35 – XV 11	Мт. XX 17–28
чт.	7	Мт. XV 12–21	Мт. XXI 12–14
пт.	7	Мт. XV 29–31	Мт. XXI 18–27
сб.	7	Мт. X 37 – XI 1	
вс.	7	Мт. IX 27–35	
пн.	8	Мт. XVI 1–6	отсылка
вт.	8	Мт. XVI 6–12	отсылка
ср.	8	Мт. XVI 20–24	Мт. XXII 23–34
чт.	7	Мт. XVI 24–28	отсылка
пт.	8	Мт. XVII 10–18	отсылка
сб.	8	Мт. XII 30–37	
вс.	8	Мт. XIV 14–22	
пн.	9	Мт. XVIII 1–11	отсылка
вт.	9	Мт. XVIII 18–22, XIX 1–2, 13–15	отсылка
ср.	9	Мт. XX 1–16	отсылка
чт.	9	Мт. XX 17–28	Мт. XXIV 45–51
пт.	9	Мт. XXI 12–14, 17–20	отсылка
сб.	9	Мт. XV 32–39	
вс.	9	Мт. XIV 22–34	
пн.	10	Мт. XXI 18–22	М. I 9–15

вт.	I0	Мт. XXI 23-27	отсылка
ср.	I0	Мт. XXI 28-32	М. I 23-28
чт.	I0	Мт. XXI 43-46	М. I 29-34
пт.	I0	Мт. XXII 23-33	М. II I8-22
сб.	I0	Мт. XVII 24 - XVIII 4	
вс.	I0	Мт. XVII I4-23	
пн.	II	Мт. XXIII I3-22	М. III 6-I2
вт.	II	Мт. XXIII 23-28	М. III I3-27
ср.	II	Мт. XXIII 29-39	М. III 28-35
чт.	II	Мт. XXIV I3-28	М. IV I-9
пт.	II	Мт. XXIV 27-33, 42-5I	М. IV I0-23
сб.	II	Мт. XIX 3-I2	
вс.	II	Мт. XVIII 23-35	
пн.	I2	М. I 9-I5	М. IV 24-34
вт.	I2	М. I I6-22	М. IV 34-4I
ср.	I2	М. I 23-28	М. V I-20
чт.	I2	М. I 29-35	М. V 22-34
пт.	I2	М. II I8-20, 22	М. V 35 - VI I
сб.	I2	Мт. XX 29-30, 32-34	
вс.	I2	Мт. XIX I6-26	
пн.	I3	М. III 6-I2	М. VI 2-I3
вт.	I3	М. III I3-2I	М. VI 54 - VII I6
ср.	I3	М. III 20-27	М. VI 34-45
чт.	I3	М. III 28-35	М. VI 45-53
пт.	I3	М. IV I-9	М. VII I7-24
сб.	I3	Мт. XXII I5-22	
вс.	I3	Мт. XXI 33-42	
пн.	I4	М. IV I0-23	М. VII 24-30
вт.	I4	М. IV 24-34	М. VII I-I0
ср.	I4	М. IV 35-4I	М. VIII II-2I
чт.	I4	М. V I-20	М. VIII 22-26
пт.	I4	М. V 22-24,35 - VI I	М. IX I0-I6
сб.	I4	Мт. XXIII I-I2	
вс.	I4	Мт. XXII 2-I4	
пн.	I5	М. V 24-34	М. IX 33-4I
вт.	I5	М. VI I-7	М. IX 42 - X I
ср.	I5	М. VI 7-I3	М. X 2-I6
чт.	I5	М. VI 30-45	М. X I7-27
пт.	I5	М. VI 45-53	М. X 28-3I
сб.	I5	Мт. XXIV I-I3	
вс.	I5	Мт. XXII 35-46	

пн.	16	М. VI 54 – VII 8	М. X 46–52
вт.	16	М. VII 5–16	М. XI 11–21
ср.	16	М. VII 14–24	М. XI 22–26
чт.	16	М. VII 24–30	М. XI 27–33
пт.	16	М. VII 24, VIII 1–10	отсылка
сб.	16	Мт. XXIV 36–44	отсылка
вс.	16	Мт. XXV 14–29	отсылка
пн.	17	М. X 46–52	М. XII 13–17
вт.	17	М. XI 11–21	отсылка
ср.	17	М. XI 22–26	М. XII 28–37
чт.	17	М. XI 27–33	М. XII 38–44
пт.	17	М. XII 1–11	М. XIII 1–9
сб.	17	Мт. XXV 1–13	отсылка
вс.	17	Мт. XV 21–28	
пн.	1 н.л.	Л. III 19–22	
вт.	1	Л. III 23 – IV 1	
ср.	1	Л. IV 1–15	
чт.	1	Л. IV 16–22	
пт.	1	Л. IV 22–30	Л. IV 23–30
сб.	2	Л. IV 31–36	
вс.	2	Л. V 1–11	
пн.	2	Л. IV 38–44	
вт.	2	Л. V 12–16	отсылка
ср.	2	Л. V 33–39	Л. V 12–16
чт.	2	Л. VI 12–19	Л. VI 12–16
пт.	2	Л. VI 17–23	отсылка
сб.	3	Л. V 17–26	
вс.	3	Л. VI 31–36	
пн.	3	Л. VI 24–30	
вт.	3	Л. VI 37–45	
ср.	3	Л. VI 46 – VII 1	Л. VI 46–49
чт.	3	Л. VII 17–30	
пт.	3	Л. VII 31–35	отсылка
сб.	3	Л. V 27–32 (!)	
вс.	3	Л. VII 11–16	
пн.	4	Л. VII 36–50	
вт.	4	Л. VII 1–3	
ср.	4	Л. VIII 22–35	
чт.	4	Л. IX 7–11	
пт.	4	Л. IX 12–18	
сб.	4	Л. VI 1–10	отсылка

вс.	4	Л. VIII 5–15	отсылка
пн.	5	Л. IX 18–22	
вт.	5	Л. IX 23–27	отсылка
ср.	5	Л. IX 44–50	отсылка
чт.	5	Л. IX 49–56	Л. IX 44–56
пт.	5	Л. X 1–15	
сб.	5	Л. VII 1–10	
вс.	5	Л. XVI 19–31	
пн.	6	Л. X 22–24	
вт.	6	Л. XI 1–10	
ср.	6	Л. XI 9–13	
чт.	6	Л. XI 14–23	
пт.	6	Л. XI 23–26	
сб.	6	Л. VIII 16–21	
вс.	6	Л. VIII 27–39	Л. VIII 41–56
пн.	7	Л. XI 29–33	
вт.	7	Л. XI 34–41	Л. XI 34–42
ср.	7	Л. XI 42–46	Л. XI 43 – XII 1
чт.	7	Л. XI 47 – XII 1	отсылка
пт.	7	Л. XII 2–12	Л. XII 22–31
сб.	7	Л. IX 1–6	
вс.	7	Л. VIII 41–56	Л. VIII 27–39
пн.	8	Л. XII 13–31	Л. XII 47–59
вт.	8	Л. XII 42–48	Л. XIII 1–9
ср.	8	Л. XII 48–59	Л. XIII 33–35
чт.	8	Л. XIII 1–9	Л. XIV 12–15
пт.	8	Л. XIII 31–35	Л. XIV 26–35
сб.	8	Л. IX 37–43	
вс.	8	Л. X 25–27, 29–37	
пн.	9	Л. XIV 1, 12–15	Л. XV 3–10
вт.	9	Л. XIV 25–35	Л. XVI 1–9
ср.	9	Л. XV 1–10	Л. XVII 20–30
чт.	9	Л. XVI 1–9	Л. XVII 31–36
пт.	9	Л. XVI 15–18, XVII 1–4	Л. XVIII 29–34
сб.	9	Л. IX 57–62	
вс.	9	Л. XII 16–21	
пн.	10	Л. XVII 10–25	Л. XIX 12–26
вт.	10	Л. XVII 26–37, XVIII 8	Л. XIX 39–48
ср.	10	Л. XVIII 15–30	Л. XX 1–8
чт.	10	Л. XVIII 31–34	отс.на вс.13 по пд.
пт.	10	Л. XIX 12–28	Л. XX 9–16

сб.	10		Л. X 19–21	
вс.	10		Л. XIII 10–27	
пн.	11	Л. XIX 37–44		Л. XXI 37, XX 27–40 (!)
вт.	11	Л. XIX 45–48		Л. XXI 12–19
ср.	11	Л. XX 1–8		Л. XXI 20–24
чт.	11	Л. XX 9–18		Л. XXI 28–32
пт.	11	Л. XX 19–26		Л. XXI 37 – XXII 8
сб.	11		Л. XII 32–40	
вс.	11		Л. XIV 16–24	
пн.	12	Л. XX 27–44		отс. на пн. 11 нл.
вт.	12	Л. XXI 12–19		отс. на вт. 2 н.л.
ср.	12	Л. XXI 5–11, 20–24		Л. XXI 5–6, 20–24
чт.	12	Л. XXI 28–33		отс. на чт. 11 н.л.
пт.	12	Л. XXI 37 – XXII 8		отс.
сб.	12		Л. XIII 19–29	
вс.	12		Л. XVII 12–13	
пн.	13	М. VIII 11–20		отс. на ср. 14 по пд.
вт.	13	М. VIII 22–26		отс. на чт. 14 по пд.
ср.	13	М. VIII 30–34		отс. на ср. 6 по пд.
чт.	13	М. IX 10–16		отс. на пт. 14 по пд.
пт.	13	М. IX 33–41		отс. на пт. 15 по пд.
сб.	13		Л. XIV 1–11	
вс.	13	М. X 17–27		отс. на вс. 12 по пд.
пн.	14	М. IX 42 – X 1		отс. на вт. 15 по пд.
вт.	14	М. X 2 – 12		отс. на ср. 15 по пд.
ср.	14	М. X 11–16		отс. на ср. 15 по пд.
чт.	14	М. X 17–27		отс. на чт. 15 по пд.
пт.	14	М. X 24–32		отс. на чт. 15 по пд.
сб.	14		Л. XVI 10–15	
вс.	14		Л. XVIII 35–43	
пн.	15	М. X 46–52		отс. по пн. 16 по пд.
вт.	15	М. XI 11–23		отс. по вт. 16 по пд.
ср.	15	М. XI 23–26		отс. по ср. 16 по пд.
чт.	15	М. XI 27–33		отс. на чт. 16 по пд.
пт.	15	М. XII 1–12		отс. по пт. 16 по пд.
сб.	15		Л. XVIII 3–10	
вс.	15		Л. XIX 1–10	
пн.	16	М. XII 13–17		отс. на пн. 17 по пд.
вт.	16	М. XII 18–27		отс. на вт. 17 по пд.
ср.	16	М. XII 28–37		отс. на ср. 17 по пд.
чт.	16	М. XII 38–44		отс. на чт. 17 по пд.

пт.	16	М. XIII 1-9	отс. на пт. 17 по пд.
сб.	16	Л. XVIII 2-8	
вс.	16	Л. XVIII 10-14	
пн.	17	М. XIII 9-13	
вт.	17	М. XIII 14-23	отс. на страстной пн.
ср.	17	М. XIII 24-31	отс. на страстной пн.
чт.	17	М. XIII 31 - XIV 2	
пт.	17	М. XIV 3-9	
сб.	17	Л. XX 45 - XXI 4	Л. XX 46 - XXI 4
вс.	17	Л. XV 11-32	отс. на вс. 17 по пд.
сб.	18	нет (!)	отс. на сб. 16 по пд.
вс.	18	нет (!)	Л. XV 11-32
пн.	мясоп.	М. XI 1-11	отс. на цветную заутр.
вт.	мясоп.	М. XIV 10-42	отс. на страстной чт.
ср.	мясоп.	М. XIV 43 - XV 1	отс. на страстной чт.
чт.	мясоп.	М. XV 1-15	отс. на 6-е ев.
пт.	мясоп.	М. XV 22, 25, 33-41	отс. на страстную пт. веч
сб.	мясоп.	Л. XXI 8-9,25-27,33-36	
вс.	мясоп.	Мт. XXV 31-46	отс. на страстной вт.
пн.	сыроп.	Л. XIX 29-40,XXII 7-39	отс. на цветную заутр.
вт.	сыроп.	Л. XXII 39 - XXIII 1	отс. на страстную пт. 6 час.
ср.	сыроп.	нет	
чт.	сыроп.	Л. XXIII 1-56	отс. на страстную пт. 6 час.
пт.	сыроп.	нет	
сб.	сыроп.	Мт. VI 1-13	
вс.	сыроп.	Мт. VI 14-21	
сб.	1 поста	М. II 23 - III 5	отс. на 4 пн. по пд.
вс.	1 поста	Л. I 44-52	

Приведенные в табл.1 данные для Мир. не во всем совпадают с распорядком чтений, указанных И.Враной[7]. Так, на субботу 4-й недели нового лета, на воскресенье той же недели, воскресенье 13-й недели, воскресенье 17-й недели и субботу 18-й Врана указывает соответственно чтения: Мт. XII 1-13, Мт. XIII 3-23, Мт. XIX 16-26, Мт. XV 21-28 и Мт. XXIV 34-54. В действительности, в рукописи во всех этих случаях

7 J. Vrana. L'Évangéliaire de Miroslav, стр. 170-171.

стоят только начальные слова чтений, за которыми непосредственно следуют отсылки к чтениям на понедельник 4-й недели по пятидесятнице, четверг той же недели, воскресенье 12-й и 17-й недель и субботу 18-й недели того же цикла. Вся эта часть утрачена в болгарской рукописи Грг-9. Нам известны только рукописи, в которых в цикле нового лета читаются соответствующим образом скомпанованные отрывки из евангелия Луки, дополненные чтениями Марка, но не сходные с ними по содержанию, и написанные в цикле от пятидесятницы чтения из Матфея. Существовали ли рукописи, в которых, действительно, вместо чтений Л. VI 1-10, Л. VIII 5-15, М. X 17-27 были написаны соответственно тексты Мт. XII 1-13, Мт. XIII 3-23, Мт. XIX 16-26, - нам неизвестно. Искать их следует скорее всего в многочисленных хранилищах древних рукописей на территории Югославии. В Болгарии среди пергаменных рукописей мы таких не обнаружили.

Содержание чтений на воскресенье 17-й недели нового лета и субботу 18-й недели того же цикла и даже само наличие - отсутствие последних, составляет особый вопрос. Здесь его затрагивать не будем, так как он связан не только с сербскими рукописями и к тому же сам по себе весьма сложен. Что касается самых отсылок, то приравнивать их данные к полностью написанным текстам, как это делает И.Врана, было бы не совсем правильно (ср. разнообразные по своей неточности многочисленные отсылки в месяцесловных чтениях славянских апракосов). Содержание этих отсылок в Мир. и содержание чтений на те же дни недели, полностью написанных в Грг-9, см. в табл.2.

Столь существенные различия в наборе текстов на один и тот же день церковного года, какие на табл.1 и дополняющей ее табл. 2 обнаруживаются, с одной стороны, для Мир. и Грг-9, а с другой стороны, для Вук., могли появиться только в том случае, если архетип Мир. и Грг-9 и архетип Вук. возникли независимо друг от друга в разных областях славянства и вероятнее всего неодновременно. Ниже для проверки и уточнения этого предположения, имеющего существенно значение для истории сербского языка, письменности и культуры, рассматриваются в плане параллелей некоторые языковые и текстолого-языковые особенности нескольких десятков важных древних славянских рукописей, в том числе основных сербских, материалом которых мы располагаем.

Вследствие того, что материал даже лексических разночтений при передаче одного и того же греческого текста в славянских евангелиях X-XV вв. огромен и не может быть помещен даже в специальной монографии, ниже, чтобы представить его объективнее, приняты такие два критерия отбора. Сначала взяты слова на букву С из словаря И.Враны к Вуканову ев. (стр.92-96 его издания), но вследствие обилия материала и из них взяты только чтения из Матфея (см. ниже примеры 1-60). При таком подходе данные И.Враны служат отправной точкой: все примеры

Таблица 2

Содержание текстов рукописи Грг-9,
указанных в Мирославовом ев. в виде отсылок

День недели	Порядковый № недели	Текст Грг-9
ср.	3	Мт. XI 2-15
чт.	3	Мт. XI 16-26
пт.	3	Мт. XI 27-30
пн.	8	Мт. XXI 28-32
вт.	8	Мт. XXI 43-46
чт.	8	Мт. XXIII 13-22
пт.	8	Мт. XXIII 23-28
пн.	9	Мт. XXIII 29-39
вт.	9	Мт. XXIV 13-28
ср.	9	Мт. XXIV 28-33
пт.	9	Мт. XXV 1-13
вт.	10	М. I 16-22
пт.	16	М. XII 3-11
сб.	16	Мт. XXIV 34-44
вс.	16	Мт. XXV 14-29+Л.VIII 8(или XII 21 или XXI 3)
вт.	17	М. XII 18-27
сб.	17	Отсылка к пт. 9, где текст Мт. XXV 1-13
вт.	2 н.л.	Л. V ...34-39
пт.	2 н.л.	Л. VI 17-23
пт.	3 н.л.	Здесь и далее текст утрачен

приведены непосредственно по рукописям или их изданиям. Однако этот критерий не является вполне объективным. Названные материалы И.Враны ориентированы на расхождения Вук. только со старославянскими памятниками, в них преобладают чтения на воскресные и субботние дни и страстную неделю, которые имеются даже в кратких апракосах. Поэтому выявленные ниже различия № 1-60 не отражают специфики полноапракосных чтений на дни с понедельника по пятницу в четниях от пятидесятницы до поста. Между тем последние наиболее существенны для уяснения путей образования двух типов полного апракоса: типа Мирославова ев. и типа Мстиславова-Вуканова, представленного преимущественно в русских списках XI-XV вв. Поэтому специально рассмотрены (см. ниже примеры 61-117) аналогичные расхождения в тексте Мт. XVIII 1-11. Этот текст интересен тем, что он полностью представлен в Вук., Мир. и дру-

гих полных апракосах в специфически полноапракосном чтении на понедельник одной из недель цикла от пятидесятницы до нового лета и в то же время отдельные части его (Мт.XVIII 1–4 и 10–11) написаны в тех же самых рукописях повторно в краткоапракосных чтениях их, а следовательно, также и в кратких апракосах (см. табл.3). В связи в этим

Таблица 3

Размещение в рукописях по чтениям на определенные дни текста Мт. XVIII 1–11

Рукописи / Текст	Мирославово	Григоровича № 9	Вуканово	Мстиславово	Милятино
Мт.XVIII 1–2	сб. 10	сб. 10	сб. 10 и пн. 9	сб. 10 и пн. 8	сб. 10 и пн. 10
Мт.XVIII 3	сб. 10 и пн. 7	"	"	"	"
Мт.XVIII 4	"	сб. 10 и пн. 7	"	"	"
Мт.XVIII 5–9	пн. 7	пн. 7	пн. 9	пн. 8	пн. 10
Мт.XVIII 10–11	пн.7 и пн. "н.костьны"	"	пн.9 и пн. (номер не указан)	пн. 8 и "пн. н."	пн.10 и пн "по. н."

могут быть противопоставлены различия в пп. 74–105 и в пп. 61–73. 106–117.

В случаях, когда какое-либо слово встречается в нескольких памятниках, оно приводится в обобщенной орфографии с ориентацией на правописание русских рукописей XII в. (преимущественно – Мст.) или на правописание Вук. Восстанавливать орфографию по образцу лучших старославянских памятников мы не сочли возможным вследствие единичности старославянских примеров в нашем материале. Слова, встретившиеся лишь в одном из памятников, как правило, даются в своем собственном написании.

Выявленные ниже лексические параллели на букву С в ев. Матфея (см. ниже примеры 1–60) принадлежат к чтениям на соответствующие недели в цикле от пятидесятницы до нового лета, либо на страстную неделю. В последнем случае они читаются на литургии или на заутрене. Лишь в отдельных случаях они относятся к определенным дням астрономического года (месяцеслову). Поскольку нумерация недель для дней

недели с понедельника по пятницу неодинакова[9], указываем ее и по Мст. (первая цифра) и по Вук. (через знак дроби). Недели для Мир. и Грг-9 не указываются. Их можно определить по табл.I, исходя из цифры Вук. Все чтения Грг-9 расположены в нем в последовательности церковного года до чт. 3-й недели нового лета, так как сохранилась только часть из первой половины этой весьма интересной рукописи (57 л.).

Лексические разночтения Вук., Мир. и других древних рукописей (список см. в конце статьи), отобранные на указанных выше основаниях, следующие:

1) Мт. IV 23; вс.2, вт. пятидесятницы или I-й на съборищихь - Вук. и Глф-I (оба чтения); Ос., Мст. (оба), Юрв. (оба), Сий. (оба), ТСР-2 (вт.), Дечн.; на сънь мищихъ - Мир. (вс.), Ас., СК, Зогр.,Галц., Ар[I]., Мил. (оба), Гилф-2, КМеф-3I;

2) Мт. V 48; сб.I: съвьршени, съвьршенъ - Мир., Вук., Глф-I и все остальные: исплнени, исплненъ - только СК;

3) Мт. VI 30; вс.3: сѣно сельноѥ - Вук., Глф-I, Марн., Ос., Ар[I]., Галц., Гилф-2, КМеф-3I; сѣно зелено - Мир.; сѣно - Грг-9, Ас., Зогр., Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2, трѣвѫ сельнѫѭ - СК;

4) Мт. VII 24; сб.3: съзьда (храминоу) Вук., Мир., Глф-I, Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар[I], Галц., Мил., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-3I; створи храмь свои - СК; съградить (храминоу) Мст., Юрв., Сий.;

5) Мт. VII 26; сб.3: съзьда (храминоу) - Вук., Мир., Глф-I, Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар[I], Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I; створи - СК;

6) Мт. VIII I8; сб.4: на оноу страноу - Вук., Глф-I, Мст., Юрв., Сий., ТСР-2; на онь полѣ - Мир., Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар[I]., Мил., Галц., Гилф-2, КМеф-3I; на сь поль - СК;

7) Мт. IX 23; сб.6: (видѣвь) съпьцѧ - Вук., Мир., Ас., Ос., Ар[I]., Марн., Галц., Мил., КМеф-3I; (видѣвь) свирцѧ - Глф-I, Грг-9, Зогр., Мк., Гилф-2; (видѣ) съпѧшѫ -СК; (видѣвь) пищальникы - Мст., Юрв., Сий.; (видѣ) плищющии - ТСР-2;

8) Мт. IX 35; вс.7 по пд.: на съборищихъ - Вук., Глф-I, Ос., Мк., Х-II7, Мст., Юрв., Мил.; на сонь мищихъ - Мир., Грг-9, Ас., Ар[I]., Зогр., Марн., Галц., Гилф-2; въ сьнь мищихъ - СК; на сборѣхъ - Сий;

9) Мт. XI I; сб.7 и пт. 2/3: съвьрши, съврьши - Вук, и Глф-I (оба), Мир., Грг-9, Ас., Марн., Ос., Мк., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (оба), Сий. (оба), Гилф-2, Х-II7; съкончѧ - Зогр., Ар[I];

I0) Мт. XI I7; 3/4: свирихомь - Вук., Глф-I; свирахомъ - Зогр.,

---

[9] Для отдельных рукописей также и на субботу, но это не столь существенно, так как субботние чтения всегда расположены в одной и той же последовательности по отношению к чтениям воскресным, имеющим, как правило, один и тот же номер во всех славянских апракосах.

Гилф-2; свирАхомь - ТСР-2, МИД-759; пискахомь - Мир., Грг-9, Марн., Юрв., Галц., КМеф-31; пипеловахомь - Мст. (то же 22 октября), Сий.; сопохомь - Мил.;

11) Мт. XII 9; пн. 4/5: въ сьборъ, вь соборь - Вук., Глф-1, Мст. (то же 23 января), Юрв., Сий.; вь сьборище - Мир.; на сборище - Грг-9, на сънь мище - Зогр., Марн., Галц., Мил., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31;

12) Мт. XII 35; сб.8: оть добрааго съкровища - Вук., Мир., Глф-1, Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар[1]., Мил., Галц., Мк., Мст., Юрв., Сий., ТСР-2, Гилф-2; от благааго скровища - КМеф-31; оть блага съсхда - СК;

13) Мт. XII 35; сб.8: оть зълааго съкровища - Вук., Мир., Глф-1, Грг-9, Зогр., Марн., Ос., Ар[1]., Мст., Юрв., Галц., Мил., Мк., Сий., ТСР-2, Гилф-2; от лааго съкровища - Ас.; (от лукавааго - ?) скровища - КМеф-31; оть лукава съсхда - СК;

14) Мт. XII 36; сб.8: слово - Вук., Мир., Глф-1, Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар[1]., Мк., Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31; глаголь - СК;

15) Мт. XIII 28; вт 5/6, 6 сентября или 8 ноября: сьберемь - Вук. (вт.6), ТСР-2; исплѣвемь - Вук. (6 сентября), Мир., Глф-1 (вт.), Грг-9, Зогр., Марн., Мст., Юрв., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-31; възберемь - Ос. (8 ноября), Ас.[10]; изъберемь - Ун(д), Х-117; исъберемь - Мк.; исполовемь - Галц.;

16) Мт. XIII 41; чт. 5/6, 8 ноября или 6 сентября: сынь чл҃вчскы, сынь чл҃вчскь - Вук. (оба), Мир., Глф-1, Зогр., Марн., Галц., Гилф-2, КМеф-31; сынь чл҃вчь - Грг-9, Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2; г҃ь (господь) - Ас., Ос., Ун(д), Мк., Х-117;

17) там же: (вьсе) съблазны, сьблазни - Вук. (чт.), Глф-1 (чт.), Ас., Зогр., Ос., Ун(д), Мст., Юрв., Галц., Мил., Х-117, Гилф-2, КМеф-31; сьблазньникы - Вук. (6 сентября); съблазньникь - Сий.; блазньники - Мир.; сканьдѣлы - Грг-9, Марн.; всѣ сьблазнь - Мк., ТСР-2;

18) Мт. XIV 2; вт. 6/7: слоугамь своимь - Вук., Глф-1, Сий.; отрокомь своимь - Мир., Грг-9, Зогр. Марн., Мст., Юрв., Галц., Мил., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31;

19) Мт. XIV 22; вс. 8 и вс. 9: (варити, варити и, варити ѥго) на

---

[10] В словарике И.Враны здесь какая-то неясность при указании лексических параллелей для Ас., Зогр. и Марн. Для Вук. указано только одно слово събьрати, так как для Вук. автор приводит словарные данные только по алфавиту. Поэтому словарные параллели, имеющиеся в самом Вук. для передачи одного и того же текста, ускользают от внимания читателя.

оноу страноу – Вук. (вс.9), Глф-I (вс.9), Мст., Юрв., Сий. (все три оба раза); на онъ полъ – Вук. (вс.8), Грг-9 (вс.9), Мк. (вс.9), ТСР-2 (оба), Гилф-2; на онъ поль морѣ – Грг-9 (вс.8), СК (вс.9); на ономь полоу – Мир. (оба), Глф-I (вс.8), Ас. (оба), СК (вс.8), Зогр., Марн., Ос. (оба), Ар^{1} (оба), Галц., Мил. (оба), Мк. (вс.8), КМеф-3I;

20) Мт. XIУ 25; вс.9: (въ четвьртую) стражоу нощи – Вук., Мир., Глф-I, Грг-9, Ас., Зогр., Марн., Ос., Ар^{1}., Мк., Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-3I; годинѫ нощи – СК;

2I) Мт. XIУ 26; вс.9: съмѧтошѧ сѧ, съметоше се – Вук., Глф-I, Мир., Грг-9, Ас., Зогр., Мк., Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I; съмѧшѧсѧ – Марн.; съмоутишасѧ – Ар^{1}., ТСР-2; оубоѧшѧсѧ – СК;

22) там же: съблазнь – Вук.; призракъ – Мир., Грг-9, Ас., СК, Зогр., Марн., Ос., Ар^{1}., Мк., Гилф-2, КМеф-3I; мьчьтъ – Глф-I, Мст., Юрв.; мечетъ – Сий.; призоръ – Галц.; привидѣние – Мил., ТСР-2;

23) Мт. XVI 5; пн. 7/8: на оноу страноу – Вук., Глф-I, Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2; на онъ полъ – Мир., Зогр., Марн., Галц., Гилф-2, КМеф-3I;

24) Мт. XVIII 6; пн. 8/9: съблажнѧеть – Вук., Мст., Юрв., Галц., Сий.; съблажьнаеть – Глф-I; прѣблажнаеть – Мир.; съблазнить – Мил., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-3I; скандалисаеть – Грг-9, Марн., Зогр-2;

25) Мт. XVIII 7; пн. 8/9: оть съблазнъ – Вук., Мир., Глф-I, Галц., Мил., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-3I; оть съблазна – Мст., Юрв., Сий.; оть сканьдѣлъ – Грг-9, Марн.; оть сканьдалъ – Зогр-2;

26) там же: (приити) съблазномь – Вук., Мир., Глф-I, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-3I; сканьдаломь – Грг-9, Зогр-2, Марн.;

27) там же: съблазнь (приходить) – Вук., Мир., Глф-I; съблазнъ – Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2; сканьдаль – Грг-9, Марн., Зогр-2;

28) Мт. XVIII 2I; вт. 8/9: до седьмищи ли – Вук.; Глф-I; до седмь кратъ ли – Марн., Зогр-2, Галц., Гилф-2, КМеф-3I; до седмь кратъ – Мил.; седмькраты – Мст., Юрв., Сий., ТСР-2;

29) Мт. XVIII 22; вт. 8/9: до седьмищи – Вук., Глф-I; до седмь кратъ – Марн., Галц., КМеф-3I; до седмь краты – Зогр-2, Юрв., Гилф-2; до седми кратъ – Мст.; седмь краты – ТСР-2;

30) там же: седмицею – Вук., Глф-I., Марн., Зогр-2, Мст., Галц., Мил., КМеф-3I; седьмерицею – Юрв., ТСР-2, Гилф-2; седминою – Сий.;

3I) Мт. XVIII 24; вс.II: сътѧзатисѧ о словеси – Вук., Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ар^{1}., Галц., Мил., Мк., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-2; стѧзатисѧ – Мир., Ос.; сърицати слово – СК; съвъпрашатисѧ о словеси – Юрв., Сий.; съвъпрашатисѧ – Глф-I, Мст.;

32) Мт. XVIII 28; вс.II: (100) сребрьникъ – Вук., Глф-I, Мст., Юрв.,

Мил., Сий.; (100) пѣнѧзь - Мир., Грг-9, Ас., СК, Марн., Зогр-2,Ар^{1}., Галц., Мк., ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31; (100) цѧть - Ос.;

33) Мт. XIX 6; сб.11: бъ совькоупи - Вук., Глф-1, Галц., ТСР-2; бъ съвькоупить - Мст., Юрв., Сий.; бъ съкоупить - Мил.; бъ съчета - Мир., Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Гилф-2, КМеф-31; бѣ сьчетана - Мк.; бъ съведе - СК;

34) Мт. XIX 12 (три раза); сб.11: скопьци - Вук. и Глф-1 (второй и третий раз), каженици - Вук. и Глф-1 (первый раз), Мир., Грг-9, Ас., СК, Марн., Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мк., Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф2-, КМеф-31; кажници - ТСР-2;

35) там же: скопище - Вук., Глф-1; исказиша - Мир., Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мк., Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий.; исказишасѧ - ТСР-2, Гилф-2; сѧ казишѧ - СК;

36) там же: скопише се сами - Вук., Глф-1; исказишасѧ сами - Мир., Марн., Зогр-2, Ос., Мк., Юрв., Галц., Сий., Гилф-2, КМеф-32; изьказишѫ сѧ сами - Грг-9; сѧ сами казиша - СК; сѧ исказиша сами - Ар^{1}., Мст.; исказишѧ сами - Ас.; исказиша сами себе - ТСР-2; каженици быша сами - Мил.;

37) Мт. XIX 17; вс.12: съблюди (заповѣди) - Вук., Глф-1, Мир., Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мк., Мст., Галц., Мил., Х-117, ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31; съхрани - СК;

38) Мт. XIX 21; вс.12: хощеши съвьршенъ быти - Вук., Глф-1, Мир., Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мст., Галц., Мил., Х-117, ТСР-2, Гилф-2, КМеф-31; хощеши ли исплѣнити - СК;

39) Мт. XX 2; ср. 8/9, 9 марта: по сребьникоу - Вук. (ср.); по сребрьникоу - Глф-1, СК, Рм(с), Мст. (ср.), Юрв. (ср.), Мил. (ср.), Сий. (ср.); по пѣнѧзю - Мир., Марн., Ар^{1}., Мст. (9 марта); по пѣнѧзоу - Грг-9, Ас., Зогр-2, Ос., Галц., Гилф-2, КМеф-31;

40) Мт. XX 9; Ср. 8/9, 9 марта: по сребрьникоу - Вук., Мст. (ср.), Юрв. (ср.), Мил. (ср.), Сий. (ср.), ТСР-2 (ср.); по пѣнѧзю - Мир., Марн., Зогр-2, Ар^{1}., Галц.; по пѣнѧзоу - Глф-1, Грг-9, Ас., СК., Ос., Гилф-2, КМеф-31; по сребрьникоу... по пѣнѧзю Мст. (9 марта);

41) Мт. XX 10; ср. 8/9, 9 марта: по сребрьникоу - Вук. (ср.), Глф-1 (ср.), Мст. (ср.), Юрв. (ср.), Мил. (ср.), ТСР-2 (ср.); по пѣнѧзю - Мир., Марн., Ар^{1}., Мст. (9 марта), Галц.; по пѣнѧзоу - Грг-9, Ас., Зогр-2, Ос., Гилф-2, КМеф-31;

42) Мт. XX 13; ср. 8/9, 9 марта: не по сребрьникоу ли - Вук. (ср.) Глф-1 (ср.), Мст. (ср.), Юрв. (ср.), Мил. (ср.), Сий. (ср.), ТСР-2 (ср.), Гилф-2; не по цетѣ ли - Мир.; не по пѣнѧзоу ли - Грг-9, Ас., Зогр-2, Ос., Кмеф-31; не по пѣнѧзю ли - Марн., Ар^{1}., Мст. (9 марта), Галц.;

43) Мт. XX 19; чт. 8/9: (прѣдадѧть) странамъ - Вук., Мир., Глф-1, Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2; ѧзыкомъ - Марн., Зогр-2, Галц.,Гилф-2;

41) Мт. XXI 28; ср. 9/10, заутр. пн. и 3 января: дъва сына – Вук. (ср.), Глф-1 (пн.), Мир. (в отсылке), Мст. (во всех трех чтениях), Юрв. (ср. и пн.), Сий. (ср. и пн.), ТСР-2 (ср. и пн.), Гилф-2; дъвѣ чадѣ, двѣ чедѣ – Вук. (пн.), Глф-1 (ср.), Грг-9, Марн., Зогр-2, Галц., Мил. (пн.); чадѣ дъвѣ – Мил. (ср.), КМеф-31;

45) Мт. XXIII 4; сб. 14 и заутр. вт.: съвѧзають – Вук. (оба), Мир., Глф-1 (вт.), Грг-9, Зогр-2, Юрв. (оба), Мил. (оба), Сий. (оба), ТСР-2 (оба), Гилф-2; свезоують – Глф-1 (сб.); събирають – Марн., Арх^{2}., Галц., Мил. (вт.), У-379;

46) Мт. XXIII 6; сб. 14 и заутр. вт.: на съборищихъ – Вук. (оба), Глф-1 (оба), Мст. (оба), Юрв. (сб.), Мил. (сб.), ТСР-2 (вт.), Гилф-2; на сънъмищихъ – Мир. (сб.), Грг-9, Марн., Зогр-2, Арх^{2}., Галц., Мил. (вт.), У-379, Сий..(оба), ТСР-2 (сб.), КМеф-31;

47) Мт. XXIII 34; ср. 10/11, заутр. вт. и 5 сентября: на съборищихъ – Вук. (ср. и вт.), Мир. Глф-1 (вт.), Грг-9, Ос. (5 сентября), Х-117 (5 сентября), Мст. (три раза), Юрв., Сий. (ср. и вт.), Гилф-2; на сонъмищихъ – Ас., Марн., Зогр-2, Галц., Мил. (вт.), У-379, КМеф-31;

48) Мт. XXIV 17; чт. 10/11 и лит. пн.: не сълазить – Вук. (пн.), Глф-1 (оба), Ск, Марн., Зогр-2, Ос., Мк., Мст. (чт.), Юрв. (оба), Галц., Мил. (оба), Сий. (оба), ТСР-2 (оба), Гилф-2, КМеф-31; не сьлазать – Вук. (чт.), Мир. (оба, Грг-9, Мст. (пн.); не съходитъ – Ас.;

49) Мт. XXVI 4; лит. чт.: съвѣтъ сьтвориша – Вук., Мир., Глф-1, СК, Зогр., Марн., Арх^{2}., Мст., Юрв., Галц., Х-117, У-379, Гилф-2; съвѣщаша – Ас., Сий., КМеф-31; съвѣшаша сѧ – Ос.;

50) Мт. XXVI 10; лит. ср. и лит. чт.: (дѣло бо добро) съдѣла о мнѣ – Вук. (ср.), Глф-1 (оба), Зогр., Ос. (оба), Арх^{2} (оба), Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Сий. (оба), У-379 (ср.), КМеф-31; дѣло бо добро сьдѣлова мнѣ – Вук. (чт.); (дѣло бо добро) съдѣла (въ мнѣ) – Ас. (чт.), СК (чт.); (дѣло бо добро) сьтвори въ мнѣ – Мир., Марн., У-379; дѣло бо добро створи о мнѣ – Гилф-2; дѣло добро створи мнѣ – Х-117;

51) Мт. XXVI 22; лит. чт.: скърбаще зѣло – Вук., Мир., Ас., Зогр., Марн., Ос., Арх^{2}., Мст., Юрв., Галц., Сий., Гилф-2, КМеф-31; и скрьбѣше зѣло – Глф-1; и скорбащемъ имъ зѣло – У-379; пекуще сѧ зѣло – СК;

52) Мт. XXVI 35; лит. чт.: ми сѧ сълоучить (сь тобою оумрѣти) – Вук., Мст.; ми се ключить с тобою вьмрѣти – Мир.; ми сѧ ключить – СК, Зогр., Марн., Сий., Гилф-2, КМеф-31; ключить ми сѧ – Ас; ми се ключи – Х-117; ми сѧ лоучить – Глф-1, Арх^{2}., Юрв., У-379; ми сѧ прилоучить – Ос.; ми сѧ иметь – Галц.;

53) Мт. XXVI 37; лит. чт.: скърбѣти (и тоужити) – Вук., Мир., Глф-1, Ас., Зогр., Марн., Ос., Арх^{2}., Мст., Юрв., Галц., Сий., У-379; -117, Гилф-2, КМеф-31; пецисѧ – СК;

54) Мт. XXVI 59; лит в чт. и 3-е ев. в чт.: сьборь - Вук. (оба), Глф-I (чт.), СК, Ос. (оба), Арх^2., Мст. (лит.), Юрв., Сий.; сборь - Гилф-2; сномь - Мир.; съборище - Глф-I и Мст. (3-е ев.); сънькмь - Ас., Зогр., Марн., Галц., КМеф-3I; Х-II7; снемь - У-379;

55) там же: лъжа съвѣдѣтелѧ - Вук. (оба), Мир., Глф-I (чт.), СК, Зогр., Марн., Мст. (3-е ев.), Галц., У-379, Х-II7; лъжа съвѣдѣтельства - Глф-I (3-е ев.), Ас. (лит.), Ос. (оба), Арх^2., Мст. (лит.), Юрв., Сий., Гилф-2, КМеф-3I;

56) Мт. XXVI 67; лит. в чт. и 3-е ев. в чт.: (пакости) сътворишѧ - Вук. (лит.); дѣгаша - Вук. (3-е ев.); дѣгаше - Глф-I (оба), Мир., СК, Зогр., Мар., Ос. (оба), Мст., Юрв., Арх^2., Галц., Сий., Х-II7, Гилф-2; дѣгахѫ -Ас. (лит.), У-379;

57) Мт. XXVII I; лит. в чт., лит. в пт., I4 сентября: старѣишины жьрьчьскы (и старьци людьстии) - Вук. (I4 сентября), Мст. (I4 сентября); архиерѣи и книжьници (и старьци людьстии) - Мир. (пт.), Арх^2. (пт.), У-379 (пт.), Х-II7 (пт.); архиерѣи и старьци (людьстии) - Вук. (чт. и пт.), Мир. (чт. и I4 сентября), Глф-I (чт. и пт.), Ас. (чт. и пт.), СК (чт.), Зогр., Марн., Ос. (три раза), Арх^2 (чт. и I4 сентября), Мст. (чт. и пт.), Юрв. (чт. и I4 сентября), Галц., Сий. (три раза), Гилф-2, У-379 (чт.); архиереи и ... ци - КМеф-3I; арьхи и старьци (на I6а) - Глф-I (I4 сентября);

58) Мт. XVII 42; 7-е ев. в чт., лит. в пт.: сълѣзеть (съ крьста) - Вук. (пт.), Мир. (оба), Глф-I (оба), Ас. (пт.), СК (7-е ев.), Зогр., Марн., Ос. (пт.), Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Сий. (оба), КМеф-3I, У-379, Х-II7; сънидеть - Вук. (7-е ев.), Ос. (7-е ев.), Гилф-2;

59) Мт. XXVIII 7; лит. сб.: скоро (шьдьши) - Вук., Мир., Глф-I,Ас., СК, Зогр., Ос., Арх^2., Мст., Галц., Сий., Гилф-2, КМеф-3I, У-379, Х-II7; бьрзо - Юрв.; ѩдро - Марн.;

60) Мт. XXVIII 8; лит. сб.: скоро - Вук., Глф-I, СК, Зогр., Ос., Арх^2., Мст., Юрв., Галц., Сий., Гилф-2, У-379, Х-II7; ѩдро - Мир., Ас., Марн.

По приведенным материалам рассмотренные рукописи могут быть сгруппированы. Прежде всего выделяются особенности, по которым Саввина книга противостоит всем другим рукописям: 2, 3, I2, I3, I4, 20, 2I, 37, 38, 5I, 53. Ввиду особой истории этого памятника как автографа редактора-исправителя Симеоновой эпохи[11], эти многочисленные раритеты понятны. Для других рукописей специфические особенности проявились лишь в единичных случаях. Так, по различию 48 всем осталь-

---

[11] В. Погорелов. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. III. Опыт изучения текста Саввиной книги. "Sborník Filosofické fakulty University Komenského v Bratislavě", R. V, Č. 46 (1). Bratislava, 1927.

ным рукописям противостоит Ассеманиево ев., по различию 3 - Зографское и первая часть Архангельского 1092 г., по различию 16 выделяются краткие апракосы, по 4 - так называемая "древнерусская редакция" полных апракосов.

Вуканово ев. выявляет свою специфику по пункту 22, вместе с Глф-1 оно в пунктах 18, 28, 29, 34, 35, 36 (такое значительное число примеров обьясняется тем, что при отборе различий И.Враной за исходное был принят текст самого Вук.). Сюда же можно отнести и материал различий 15, 17, 19, 44, 58, которые показывают, что лексика одних и тех же текстов в разных чтениях Вук. неоднородна.

Эти и указанные выше примеры свидетельствуют, что писцы Вук. и предшествующего ему оригинала (оригиналов) сравнительно свободно использовали фонд лексических вариантов, бытовавших в то время в литературно-письменном языке[12], и могли вносить в переписываемый богослужебный текст кажущиеся им более подходящими (может быть, понятными) лексемы. Сюда же могут быть отнесены различия 59, 60 и др. Особенно интересны в этом плане различия 7 и 10, которые показывают, что при передаче эмоционально окрашенной лексики и обозначениях предметов материальной культуры, имевших, по-видимому, необщеславянское распространение, писцы других древних рукописей поступали аналогично. Так, в одном и том же тексте в разных рукописях появились съпьци, свирьци, пищальникы, а также субстантивированные причастия съпѧщии, плищющии и т.п., которые могли сопѣти, свирѣти (свирати, свирѧти), пискати, пипеловати (пипеловати - в рукописи ЦГАДА, собр. Типографское № 20, попеловати - в том же собрании рукопись № 9), припѣвати (в том же собрании рукопись № 15), плескати (рукопись ИРЛИ, IУ, оп.25 № 30).

Характерно, что в рассмотренных чтениях в основном, как уже говорилось, восходящих к древним краткоапракосным, Мирославово ев. не представляется чем-то совершенно специфическим. Наоборот, оно всегда в ряде каких-то других рукописей, и его специфика проявляется лишь в пункте 42 и отчасти 17 и 24 (иное словообразование). Как будет показано ниже, иначе обстоит дело при анализе специфики полноапракосных чтений.

Выявленные выше разночтения показывают также, что Вуканово ев. и Глф-1 входят в какие-то группы вместе с русскими списками полного апракоса. Так, по пп. 43 и 46 выделяются Вук., Глф-1, Мир. и эти русские рукописи; по п. 52 группируются они же, но уже без Мир.; по пп. 1, 6, 11, 23, 24, 32, 33, 39, 41, 42 Вук., Глф-1 и русские

---

[12] Л.П. Жуковская. Лексические варианты в древних славянских рукописях. "Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка". М., 1964.

полные апракосы противостоят Мир. и остальным; в п. 40 объединены они же, но без Глф-I. По пп. 25, 26, 27 все рукописи противостоят болгарским Зогр., Марн. и Грг-9; Глф-I специфично в п.57 и отчасти в 24, 45, 51.

В настоящей статье мы не можем делать определенных заключений о самой лексике, так как это потребовало бы особого аспекта исследования. Поэтому остановимся еще на одном примере текстологического анализа с применением лексических данных, взяв подряд сплошной материал, содержащий как только собственно полноапракосные чтения, так и параллельные полноапракосные и краткоапракосные чтения. Таков текст Мт. XVIII 1-11. По чтениям на дни недель, имеющих в каждой рукописи определенный порядковый номер, отдельные части этого текста располагаются так, как это показано на табл.3 (см. стр.220). Особое внимание в этом тексте привлекает часть Мт. XVIII 5-9, которая отсутствует в кратких апракосах и тем самым является в какой-то мере специфически полноапракосной[13].

61) Мт. XVIII 1: въ оно врѣмѧ (пристоупишѧ) - в чтении на понедельник в Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мст., Мил., Сий., ТСР-2; въ оно врѣмѧ въ тъ днь пристоупиша - Юрв. (пн.); въ тъ днь - в субботу в Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мст., Юрв., Сий., так и в тетре Галц.; въ тъ часъ - Мир. (сб.), Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Ар[I]., Мил., Мк., Гилф-2, КМеф-31, ТСР-2 (сб.); и абие въ тъ часъ падх - СК;

62) там же: оученици къ исоу (исови) и Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир., Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (оба), Мк., Сий. (оба), Гилф-2, КМеф-31, ТСР-2; къ немоу оученици ѥго - Ар[I].; падх оученици его прѣдъ нимь- СК;

---

[13] Автор благодарен Югославянской академии наук и искусств за предоставленную во время симпозиума "Глаголица - 11 веков великой традиции" возможность познакомиться с хранящимися в ее собрании рукописями евангелия, среди которых оказались три полных апракоса: Радомирово (III ь 24), Лесновское (IV а 12) и Калиниково (III ь 22). Автор благодарит также директора Старославянского института в Загребе д-ра Аницу Назор за присланные микрофильмы этих рукописей. Материал двух из них (Рад. и Кал.) оказалось возможным включить во вторую часть настоящей статьи после сдачи ее в печать (в Лес. первая часть рукописи утрачена). При этом выявилось, что находящиеся в Югославии полные апракосы как правило совпадают с Глф-I и Вук.; иногда к этой группе присоединяется Мир. С русскими Рад. и Кал. сходятся в п. 107, а Кал. еще и в п. 81; оно же выделяется сходством с иными южнославянскими рукописями в пп. 79, 111; Рад. примыкает к последним по словообразованию прилагательного небесьскыи вместо небесьныи.

63) там же: (въ цр҃ствии, цр҃ствѣ) нб҃сьнѣмь - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (сб.), Кал. (оба), Мир., Грг-9, СК, Ос., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (оба), Мк., Сий. (оба), Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2 (оба); нб҃снѣамь - Ас.; нб҃сцѣемь - Марн.; нб҃сцѣмь - Зогр-2, Рад.(пн.); нб҃сьцѣомь - Ар[1].;

64) Мт. XVII 2: (призъвавъ, призъва) отроча ... постави е или постави а - оба раза в Вук., Глф-I, Рад., Кал., по одному в Мир., Грг-9, СК, Марн., Зогр-2, Ос., Ар., Мил. (сб.), Мк., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2 (сб.); отроча и поставлъ - Ас.; дѣтищь и постави и - Мст. (оба), Юрв. (оба), Мил. (пн.), Сий. (сб.); дѣтищь. постави ю - Галц.; дѣтище постави ѥе - ТСР-2 (пн.); дѣтище и постави - Сий. (пн.);

65) Мт. XVII 3: право - Вук. (сб.), Глф-I (сб.), рад. (сб.), Мст. (оба), Мил. (пн.), Сий. (сб.), ТСР-2 (оба); правь - Грг-9; ами(н) - Вук. (пн.), Мир.; ам(н). ам(н) - Глф-I (пн.), Кал. (пн.); ами(н), ами(н) - Ас., СК; амин - Ос., Зогр-2; аминь - Кал. (сб.), Рад. (пн.), Марн., Юрв. (пн.), Галц., Сий. (пн.), Гилф-2, КМеф-3I; аминь - Юрв. (сб.), Мил. (сб.), аминь. аминь - Ар[1];

66) там же: и боудете - Вук., Глф-I (пн.), Рад. (пн.), Кал. (пн.), Мир., Грг-9, Мст. (пн.) и др.; ни бꙋдете - СК; не боудете - Глф-I (сб.);

67) там же: ꙗко (дѣти) - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9, Ас., СК, Марн., Ос., Ар[1]., Мст. (пн.), Юрв. (оба), Галц., Мил. (оба), Сий. (оба), Гилф-2, ТСР-2; акы - Мст. (сб.); ꙗкы - Мк.; нет слова - Зогр-2;

68) там же: не имате внити - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад.(оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9, Мст. и др., кроме КМеф-3I и ТСР-2, в которых - не внидете;

69) там же: (цр҃ство, цр҃ствие) небсьноѥ - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9, Мст. и остальные, кроме СК, Марн., Зогр-2, Ар[1]., и Галц., в которых - нб҃ськое;

70) Мт. XVII 4: ꙗко, ѣко - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9 (оба) и др., кроме Мст. (сб.), Мил. (пн.), ТСР-2 (пн.), в которых - акы;

71) там же: отроча - Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9 (оба), Мил. (сб.), ТСР-2 (сб.) и все остальные, кроме русских полных апракосов и Галц., где находим: дѣтищь - Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (пн.) и дѣтище - Сий. (оба), ТСР-2 (пн.);

72) там же: тъ (или то, ть) - Вук., Рад., Кал., Мст., Мир., Глф-I и все др., в том числе Грг-9, где читаем тьи, и Гилф-2 - тьь; только СК - съ;

73) там же: (въ цр҃ствии, въ цр҃ствѣ) нб҃сьнѣмь - Вук., Глф-I, Рад. (сб.), Кал. (оба), Мир., Грг-9 и остальные, кроме СК, Рад. (пн.),

Марн., Зогр-2 и Ар[I]., в которых суффикс -к- (в последнем - нбсцѣомь);

74) Мт. XVIII 5: иже колижьдо приметь - Вук., Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Галц., Гилф-2; иже колиждо приемлеть - Мир., Глф-I; иже аще приметь - Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2;

75) там же: отроче таковоіе - Вук.; отрочѧ таково едино - Мир., Глф-I, Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Гилф-2, КМеф-3I; дѣтищь таковъ іединъ - Мст., Юрв., Мил., Галц., Сий., дѣтище едино таково - ТСР-2;

76) Мт. XVIII 6: съблажнѧеть, скандалисаеть и др.; см. выше п.24;

77) там же: единого отъ малыхъ сихъ вѣроущихъ въ мѧ - Вук., Рад., Грг-9, Марн., Зогр-2, Галц., Мил., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; единого оть вѣроующихъ сихъ къ мьнѣ - Мир.; іединомоу от малыхъ сихъ и вѣроующихъ въ мѧ - Мст., Юрв.; іединомоу от малыхъ сихъ вѣроующимъ во мѧ - Сий.; іединого о(т) малыхъ сихъ. вѣроующихъ въ име іего - Глф-I; іединого о(т) малыи(х) си(х) вѣроующии(х) въ име мое - Кал.;

78) там же: оуніе іемоу іесть - Вук., Рад., Кал., Мир., Мст., Юрв., Мил., Сий., Гилф-2, ТСР-2; юне - Грг-9, оунѣе - Марн., Зогр-2, Галц.; лоуче іемоу іе(с) - Глф-I;

79) там же: да обѣсѧть - Вук., Рад., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2; да повиснеть - Мир.; да обѣсить се - Гилф-2, КМеф-3I, Кал.; да обѣсить - Глф-I;

80) там же: (жьрновъ) осьлии - Вук., Глф-I, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий.; осьльскы(и) - Мир., Грг-9, Рад., Кал., Марн., Зогр-2, Гилф-2, КМеф-3I; жерновъ великъ - ТСР-2;

81) там же: потопѧть - Вук., Глф-I, Рад., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I; погрезнеть - Мир.; потонеть - Кал., ТСР-2;

82) там же: въ поучинѣ (морьстѣи) - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; въ ширинѣ - Мир.;

83) там же: морьстѣи - Вук., Глф-I, Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2; морьцѣи - Мир.; морьсцѣи - Гилф-2, КМеф-3I, Рад.;

84) Мт. XVIII 7: о горе - Вук., Глф-I; горе - Мир., Грг-9, Рад., Кал., Марн., Зогр-2, Галц., Гилф-2, КМеф-3I; лютѣ - Мст., Юрв., Мил., Сий., ТСР-2;

85) там же: (лютѣ или горе) въсемоу мироу - Вук., Мир., Глф-I, Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Гилф-2; мирови - КМеф-3I; мироу семоу - Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., ТСР-2;

86) там же: отъ соблазнъ, отъ скандалъ и др.; см. выше п.25;

87) там же: неволѣ - Вук., Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, КМеф-3I; невола - Глф-I; ноужда - Мир., Мст., Юрв., Гилф-2; ноужа - Галц., Мил., Сий., ТСР-2;

88) там же: прити соблазномъ или скандаломъ; см. выше п.26;

89) там же: горе чл҃вкоу - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Галц., Гилф-2, КМеф-3I; лютѣ чл҃вкоу - Мир., Мст., Юрв.,Мил., Сий., ТСР-2;

90) там же: имь же (скандалъ, съблазнь приходитъ) - Вук., Глф-I, Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; емю же съблазнь приходить - Мир., Рад.;

9I) там же: скандалъ, съблазнь см. выше п.27;

92) там же: аще ли роука твоїа и нога твоїа - Вук.; аще ли роука твоѣ - Мир.; аще ли роука твоїа или нога (твоїа) - Глф-I, Рад., Грг-9, Мст., Юрв., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; аще ли ржка твоѣ ли нога твоѣ - Марн., Зогр-2, Галц., Кал.;

93) там же: отъсѣци ю (руку) и отъврьзи - Вук., Рад., Кал., Грг-9, Мст., Мил., Сий., Гилф-2, ТСР-2; отсѣци х. и врьзи - Мир.; отсѣци їа. и врьзи - КМеф-3I; отъсѣци и и отъврьзи - Марн., Юрв., Галц.; отсѣци и отвьрзи - Зогр-2, Мил.; о(т)сѣци ю и о(т)врьзи ю - Глф-I;

94) там же: добрѣе бо ти - Вук., Мир., Глф-I; добрѣе ти - Грг-9, Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий.; добрѣа ти - Марн.; добрѣишее ти - Гилф-2; добрѣише ти - ТСР-2;

95) там же: въ животъ - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; въ жизнь - Мир., Юрв., Галц., Мил.; въ жизнь вѣчьноую - Мст., Сий.;

96) там же: хромоу - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мир., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мил., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; клосьньноу - Мст.; клосьноу - Юрв., Галц.; оклоснену - Сий.;

97) там же: или - Вук., Глф-I, Рад., Мир., Грг-9, Мст., Юрв., Мил., Гилф-2, ТСР-2; ли - Марн., Зогр-2, Галц., Кал.;

98) там же: бѣдьноу - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Мил., Сий., Гилф-2, ТСР-2; врѣдьноу - Мир.,Галц.;

99) там же: неже - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мир., Марн., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, ТСР-2; нежели - Грг-9, КМеф-3I. Но в тексте Мт. ХУШ 9 все рукописи имеют неже;

I00) дъвѣ роуцѣ и дъвѣ нозѣ - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мир.,Марн., Мст., Галц., Мил., Сий., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; двѣ ржцѣ или двѣ нозѣ - Грг-9; обѣ ржцѣ и нозѣ - Зогр-2; обѣ очи - Юрв.;

I0I) Мт. ХУШ 9: вьрзи отъ себе - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Мир., Грг-9 и остальные, но Галц. - от тебе;

I02) там же: лоуче бо ти - Вук., Глф-I; лоуче ти - Сий.; добрѣе бо ти - Мир.; добрѣе ти - Грг-9, Рад., Кал., Зогр-2, Мст., Юрв., Галц., Мил., КМеф-3I, ТСР-2; добрѣа ти - Марн.; болше бо ти - Гилф-2;

I03) там же: въ животъ - Вук., Глф-I, Рад., Кал., Марн., Зогр-2, Мил., Гилф-2, КМеф-3I, ТСР-2; въ животъ вѣчныи - Грг-9; въ жизнь - Мир., Мст., Юрв., Галц., Сий.;

104) там же: двѣ очи имѣющоу – Вук.; двѣ очи имѧщомоу – Грг-9; двѣ очи имоущоу – Глф-I, Рад., Кал., Мир., Марн., Зогр-2, Мст.,Юрв., Галц., Мил., Гилф-2, КМеф-3I; двѣ оцѣ – Сий., ТСР-2;

105) там же: геоноу огньноую – Вук., Рад., Кал., Грг-9, Марн., Зогр-2, Галц., Гилф-2, КМеф-3I; въ огнь вѣчьныи – Мир.; въ езеро огньно – Мст., Юрв.; въ езеро горѧщеѥ – Сий.; въ рѣкоу огньноую – Мил., ТСР-2 (так же в полных апракосах: ГБЛ, собр. Румянцева № 104 и ГПБ, собр. Софийское № 8); въ добрь огньноую – Глф-I;

106) Мт. XУШ 10: блюдѣте сѧ – Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад.(пн.9), Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Сий. (оба), КМеф-3I, ТСР-2 (пн. пд.); блюдѣте – Мир. (пн. пд.), Кал. (оба), СК, Ар^{1}., Мил. (пн. пд.), ТСР-2 (пн.9); блюдите же се – Мир. (пн.10), Рад. (пн. пд.); блюдѣте же се вы – Гилф-2;

107) там же: не прѣобидите о ѥдиномь – Вук. (пн.9), Глф-I (пн.9), Мст. (пн.8); не прѣобидите единого – Мир. (пн.10), Сий. (пн. пд), Гилф-2; не родите о единомь – Вук. и Глф-I (пн. пд.), Мир. (пн. пд.), Ас., Марн., Галц.; не родите единомоу – СК; не родите ни о ѥдиномь – ТСР-2 (пн. пд.); не радите о ѥдиномь – Грг-9, Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мст. (пн. пд.), Мил. (пн. пд.); не брѣзѣте о ѥдиномь – Юрв. (оба), Сий. (пн.9), Рад. (оба); не презрите ѥдиного – ТСР-2 (пн.9), Кал. (оба); ...зрите единого – КМеф-3I;

108) там же: о единомь отъ малыхь сихъ – Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Мир. (пн. пд.), Грг-9, Ас., Марн., Зогр-2, Ос., Ар^{1}., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Сий. (пн.9); о единомь малыхъ сихь – Мил. (пн. пд.), ТСР-2 (пн. пд.); единого отъ малыхъ сихь – Мир. (пн. 10), Сий. (пн. пд.), Гилф-2, ТСР-2 (пн.9), Кал. (оба); единого малыхъ сихъ – КМеф-3I; единомоу сихъ малыхь – СК;

109) там же: глю бо вамь – Вук. (оба), Глф-I (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9 и все остальные, но Ар^{1}. – глю бо имь;

110) там же: гако (анґли, аґгли) ихь – Вук. (оба), Глф-I (оба), Мир. (оба), Грг-9 и все остальные, кроме Ас., где находим: ѣко ни анґли ихь, и СК – гако аґли;

111) там же: анґли, анґлы – все, кроме Галц., Гилф-2, КМеф-3I и Кал. (оба), в которых – аґглы или аґгли, и Мст. (пн. пд.), где – анггели;

112) там же: на нбси – Вук. (пн. пд.); в остальных случаях – мн. число. Однако в Мир. (пн.10), Мил. (пн.10) и КМеф-3I нет слов, а СК – въ нбсехъ;

113) там же: въ иноу видѧть – все, в том числе Глф-I (пн. пд.), Рад. (оба), Кал. (оба), кроме Ар^{1}., где читаем: вы иноу вы видите, Сий. (пн.9), где глагол на другом месте – во иноу лице бца моѥго видѧть нбснаго и Глф-I (пн.9) – но всегда;

114) там же: небесьнааго – Вук. (оба), Глф-I (оба), Мир. (пн.пд.),

Грг-9, Ос., Ар[1]., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (пн. пд.; пн. 10 - нет), КМеф-31, ТСР-2 (пн.9); лице оца моего иже на нбсѣхъ - Мир. (пн.10); лице оца моего иже есть на нбсехъ - Ас., Гилф-2; лице оца моего нбскааго - Марн., Зогр-2, Рад. (оба); лице оцю ми нбскомоу - СК; оца моѥго нбсьнааго - Ар[1]., Мил. (пн. пд.); лице оца моего - Кал. (оба); лице оца нашего - ТСР-2 (пн. пд.);

115) Мт. XVШ 11: снь чловчьскыи, чловчски - Вук. (оба), Глф-1 (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (оба), Грг-9, СК, Марн., Зогр-2, Ос., Ар[1]., Мст. (пн. пд.), Мил. (оба), Гилф-2, КМеф-31, ТСР-2 (оба); снь чловѣчь - Ас., Мст. (пн.8), Юрв. (оба), Сий. (оба); снь члчскъ - Галц.;

116) там же: взискати и спасти - Вук. (оба), Глф-1 (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (пн. пд.), Грг-9, СК, Гилф-2, ТСР-2 (пн.9); взискать и спасть - Ас., Мир. (пн.10), Марн., Зогр-2, Ос., Галц., Мст. (оба), Юрв. (оба), Мил. (оба), Сий. (пн.10); взискати и спасть - Ар[1].; взискать и спсти - ТСР-2 (пн. пд.); спсти - Сий. (пн. пд.), КМеф-31;

117) там же: погыбьшаго, погыбшааго - Вук. (оба), Глф-1 (оба), Рад. (оба), Кал. (оба), Мир. (пн.10), Марн., Зогр-2, Ос., Мст. (оба), Юрв. (оба), Галц., Мил. (пн.10), Сий. (оба), Гилф-2, КМеф-31, ТСР-2 (пн.9); заблоужьшааго - Мир. (пн. пд.), Грг-9, Ар[1]., Мил. (пн. пд.); погыбших - Ас.; погыбшАА - СК.

В рассмотренном ничтожно малом отрывке, разночтения которого только что указаны, содержится лишь 11 стихов. И все же в нем оказалось 57 мест, в которых то более, то менее существенно, то более, то менее разнообразно различаются между собой два десятка рукописей евангелия разных типов. Среди этих различий одни относятся только к языку, другие, хотя и текстологические, но выражены языковыми средствами. Вне приведенного перечня остались лишь з а к о н о м е р н ы е фонетические и морфологические различия, т.е. свойственные языкам и территориальным диалектам разных славянских народов в дописьменный период или отраженные в этих рукописях отдельные происходившие в разных языковых общностях исторические языковые процессы до XV в. включительно. Последние также небезынтересны для текстологии, которую интересуют и частные особенности языка того или иного списка памятника или определенной группы списков[13], но в нашем случае они могли только затуманить и без того достаточно сложную картину.

По второй группе разночтений (№ 61-117) также прежде всего выделяется Саввина книга (различия 61, 62, 66, 72, 107, 108, 110, 112).

---

[13] Д.С. Л и х а ч е в. Текстология. На материале русской литературы X-XVII вв. М.-Л., 1962, стр.278, 287 и др.

Если учесть, что в большинстве примеров (73-105) материал кратких апракосов не представлен из-за отсутствия в них чтений Мт. XVIII 5-9, то процент случаев, где СК выявляет свои индивидуальные особенности, оказывается весьма высоким.

У других рукописей собственные особенности встретились только в немногих случаях. Таковы: Ар[1]. - 62, 109, 113; Ас. - 110; Галц. - 101; Гилф-2 - 102; Зогр-2 - 100; КМеф-31 - 108; Мк. - 67; Мст. - 67; Сий. - 77; ТСР-2 - 80, 81; Юрв. - 61, 100.

Некоторые рукописи выступают с какими-либо своими особенностями попарно или небольшими группами, причем близость именно этих групп понятна. Такова группа русских полных апракосов: Мст. и Юрв. - 77, Юрв. и Сий. - 107, Мст., Юрв., Сий., но также и Ас. - 115; Мст., Мил и ТСР-2 - 70 и некоторые другие; группа старых тетров - Марн., Зогр., Галц. - 78, 97; по употреблению прилагательного небеськыи вместо небесьныи (63, 69, 73, 114) также выделяются старославянские тетры Марн. и Зогр-2, причем вместе с ними оказывается СК (кроме 114) и Галц. (69); выявляется и группа "новых" сербских тетров, причем к ним иногда примыкает поздний русский полный апракос ТСР-2; КМеф-31 и Гилф-2 - 79; КМеф-31 и ТСР-2 - 68, 99, 107; Гилф-2 и ТСР-2 94; однако тут же и КМеф-31 и Сий. - 116 (впрочем, в последнем примере утрата одного из пары глаголов могла произойти независимо в каждой рукописи).

Попутно обнаруживается, что в сравнительно простом тексте писцы проявляют больше самостоятельности, и потому выявляются неожиданные схождения и расхождения отдельных рукописей - 92, 93, 108.

Посмотрим, как на фоне этих схождений и расхождений проявляются особенности Вуканова ев., рукописи № 1 из собр. Гильфердинга (Глф-1) Мирославова ев. и рукописи № 9 из собр. Григоровича (Грг-9), вместе с которой Мирославово ев. восходит, видимо, к одному, хотя и отдаленному архетипу.

1) С собственными особенностями Вуканово ев. оказывается только в пунктах 75 и 104; вместе с Глф-1 и с русскими рукописями в пунктах 80 и 65 (причем для последнего примера характерно, что в разных частях Вук., как и в разных частях русских полных апракосов, оба слова - аминь и право - сосуществуют); в группе с Глф-1 и с русскими полными апракосами в п.61; только с Глф-1 и Сийским ев. 1339 г. в пункте 102. Однако есть и иные примеры, когда Вук. и Глф-1 оказывают не в группе русских рукописей (полные апракосы плюс Галицкое ев. 1144 г.), противостоящих всем остальным (64, 71, 75, 85, 96), и не в группе русских только полных апракосов (74, 84); во всех этих случаях вместе с Вук. и Глф-1 находим Мир. и Грг-9. Таким образом, здесь можно говорить лишь о специфике самих русских рукописей, в частности русских полных апракосов, что к теме настоящей статьи прямого отношения не имеет.

Что касается самого Вуканова ев., то, как показывает идущий подряд типичный материал, а не специально отобранные с ориентацией на Вук. примеры (как это было в пунктах 1-60), в кругу пергаменных евангелий XI-XIV вв. Вук. не является памятником самобытным, как например Саввина книга, русские полные апракосы или Мирославово ев. Из числа рассмотренных рукописей наиболее близка к Вуканову рукопись Глф-1.

2) Рукопись Глф-1 с собственными особенностями выступает лишь в пунктах 66, 77, 79 и 93.

3) Рукопись Грг-9 не обнаруживает особой близости с Мир. в словаре: на общность только этих двух рукописей примеров вообще нет. Свои индивидуальные особенности Грг-9 выявляет лишь в трех случаях (65, 100, 103); вместе с ЮМеф-31 оно оказывается по различию 99. Следовательно, нет оснований думать, что Грг-9 восходит к Мир. непосредственно или через более или менее многочисленные промежуточные списки. Мир. и Грг-9 оказались близкими только по н а б о р у ч т е н и й (см. выше табл.1 и 2) и, следовательно, могут восходить только к весьма отдаленному общему оригиналу. Диалектная славянская принадлежность этого оригинала пока неясна (он мог быть и болгарским); возможно, что общий оригинал теряется даже где-то в греческих списках.

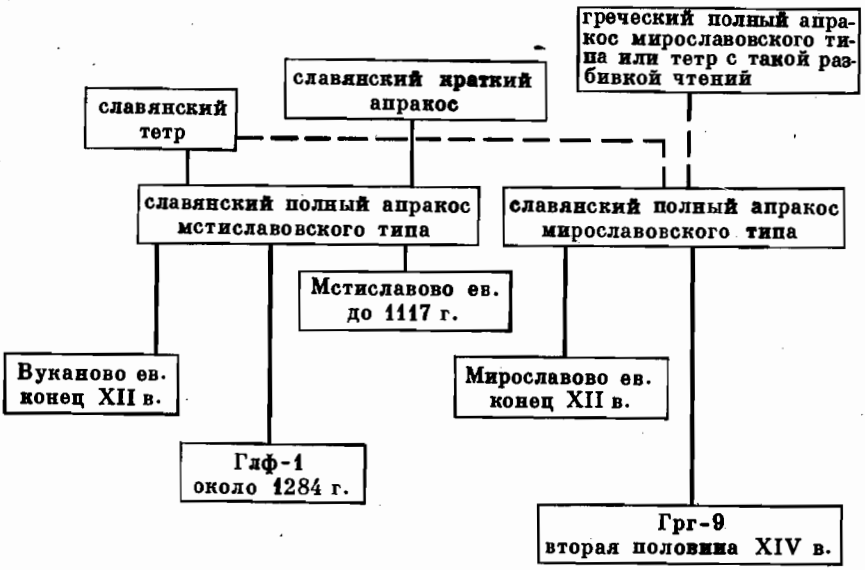
4) Мирославово ев. обнаруживает, пожалуй, не меньше особенностей, чем Саввина книга. При этом важно, что оно индивидуально по различиям в собственно полноапракосных чтениях: 77, 79, 81, 82, 90, 92, 93, 94 и вместе с Глф-1 в пункте 74. По этим же чтениям Мир. оказывается близким к русским рукописям (95, 103), только с русскими полными апракосами (89) и только с русским тетром Галц. (98). Лишь в полноапракосном чтении (в отличие от тех же краткоапракосных) Мир. и Вук. оказываются вместе друг с другом и в одной группе с русскими Мст. и Сий. и с сербским тетром Гилф-2 (107). Все это в какой-то степени тоже говорит об особенностях Мир., поскольку думать о его генетической близости с русскими рукописями нет оснований. Существенно, что Мир. вообще близко старославянским и южнославянским текстам именно в краткоапракосных текстах и этим оно отличается даже от Вук., а не только от русских полных апракосов.

Лексические особенности Мир. уже отмечались в литературе[14]. Приведенный в настоящей статье небольшой материал а) подтверждает спе-

---

[14] С.М. К у л ь б а к и н. Палеографска и језичка испитивања о Мирослављевом еванђељу. [Српска Краљевска академија. Посебна издања. Књ. LII]. "Филозофски и филолошки списи", књ.13. Сремски Карловци, 1925; см. также: Н.Н. Д у р н о в о рец. . "Slavia", R.V, S. 3. Praha, 1927, стр. 563.

цифику лексики Мир., б) указывает на необходимость дальнейшего углубленного изучения его словаря в плане раздельного изучения краткоапракосных чтений Мир. и полноапракосных (ожидается, что специфическая лексика Мир. будет выступать именно в последних), в) позволяет говорить об особом происхождении Мир., которое наглядно показано в "Схеме развития славянского апракоса (с учетом древнейших сербских списков)"[15].



[15] При составлении этой схемы сознательно оставлен в стороне вопрос о роли тетра как возможного источника при пополнении краткого апракоса полноапракосными чтениями. Мнение И.Враны о том, что полный апракос предшествовал тетру (J. Vrana. O tipovima, redakcijama i medusobnom odnosu staroslovenskih evanđelija. I. Evanđelistari. "Slavia", R. XXVI, S. 3. Praha, 1957, стр.331; О н ж е. Četveroevanđelija. "Slavia", R. XXIX, S. 4. Praha, 1960, стр.571), не представляется достаточно мотивированным. Таково же и его положение о первичности редакции Мирославова ев. (см. его вторую статью, стр. 571).

Собственно полноапракосные, т.е. отсутствующие в кратком апракосе, чтения Мир. могли быть заимствованы из славянского тетра. Но распорядок их был при этом скорректирован либо по греческому полному апракосу с "мирославовской" последовательностью текстов, либо по греческому же тетру с такой же разбивкой текста на чтения и пометами в самом тексте или в указателе чтений. Подобный Мирославову евангелию греческий полный апракос имеется. Это – рукопись 985 г. из ГПБ (собр. СПб. духовной академии, I, № 5). Она особенно интересна тем, что лишь до воскресенья 12-й недели нового лета в ней представлены чтения полного апракоса, а далее следует краткий (ср. выше материалы табл.1 на стр.216). Ее выявил еще Комнин[16]. Им же выявлен указатель к тетру в рукописи того же собрания № 101, в котором представлена "мирославовская" последовательность текстов [17].

Таким образом ясно, что тщательное сопоставление распорядка чтений славянского полного апракоса мстиславовского типа и мирославовского типа (каждого в отдельности) с греческими рукописями полных апракосов и тетров, содержащих указания на принадлежность определенных отрывков текста чтениям на тот или иной день или имеющих отдельный указатель чтений, является актуальной задачей славистики и может привести к важным выводам по истории письменности и культурных связей IX-XII вв.

Сокращенные наименования рукописей, упомянутых в работе

Все рукописи евангелия, из которых приведены языковые и прочие данные, названы в статье сокращенно, причем сокращение в две буквы (цифры в подсчет не идут) употреблено для кратких апракосов, в три – для полных, в четыре – для тетраевангелий; сокращение в одну букву дано для двух особых по своему содержанию праздничных апракосов из собраний Хлудова и Уварова в ГИМ.

Ар[1]. – первая часть (лл. 1-76) Архангельского ев. 1092 г. Рук. ГБЛ, ф. 178 (собр. Музейное) № 1666. Цитируется по фототипическому изданию Румянцевского музея: "Архангельское евангелие 1092 года". М., 1912.

Арх[2]. – вторая часть той же рукописи (лл. 77-174), видимо, полный апракос (доказательства см. в статье: Л.П. Жуковская. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. – В сб.: "Источ-

---

[16] См. Мирославово евангелие, изданное Л.Стояновичем, стр.215 и нашу работу "Типология рукописей полного апракоса..." стр.245-246.

[17] См. там же.

никоведение и история русского языка". М., 1964, стр.84-118). Цитируется по тому же изданию, что и Ар[1].

Ас. - Ассеманиево ев. XI в., кр. апр., написано глаголицей. Рук. Ватикана. Цитируется по изд.: J. Kurz. Evangeliář Assemanův, Kodex Watikánský 3. slovanský. Praha, 1955.

Вук. - Вуканово ев. 1201-1208 г., полный апр. Рук. ГПБ, F п. I 82 рук. БАН № 24.4.2. Издано И.Враной (см. выше).

Галц. - Галицкое ев. 1143 г., тетр. Рук. ГИМ, собр. Синодальное № 404. Изд.: Амфилохий. Четвероевангелие Галичское 1144 г., сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями XI-XVII в. и печатными: Острожским 1571 и Киевским 1788 г., с греческим евангельским текстом 835 года. Т. I-III. М., 1882-1883.

Гилф-2 - тетр XIУ в. Рук. ГПБ, Гильф. (собр. Гильфердинга) 2.

Глф-1 - полный апр. ок. 1284 г. Рук. ГПБ, Гильф. (собр. Гильфердинга) 1.

Грг-9[18] - полный апр. XIV в., бомбицина и перг. Рук. ГБЛ, ф. 87 (собр. Григоровича) № 9 (М. 1691).

Дечн. - Дечанское ев. XIV в., тетр. Рук. ГПБ, собр. Гильфердинга 4. Начало (до Мт. V 24) издано И.В.Ягичем (см. Марн.).

Зогр. - Зографское ев. XI в., тетр, написано глаголицей. Рук. ГПБ, Глаг. (Глаголическое собр.) 1. Цитируется по изданию: V. Jagić. Quattuor Evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

Зогр-2 - позднее написанные части той же рукописи.

ЮМеф-31 - тетр 1361 г. Рук. Народной библиотеки Кирилл и Мефодий в Софии, № 31.

Марн. - Мариинское ев. XI в., тетр, написано глаголицей. Рук. ГБЛ, ф. 87 (собр. Григоровича) № 6/М.1689. Цитируется по изд.: И.В. Ягич. Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. СПб., 1883.

Мил. - Милятино ев. 1188 (1215 - ?) г., полный апр. Рук. ГПБ, F п.I 7.

Мир. - Мирославово ев. ок. 1200 г., полный апр. Один л. - рук. ГПБ, F п.I 83. Рук. находится в Белграде. Цитируется по изданию: Љ. Стојановић. Еванђелие великославнога кнеза Мирослава сина Завидина. [Вена -] Београд, 1897.

Мк. - Македонское ев. XIII в., кр. апр. Рук. ЮАНиХ, № III с 1. Цитируется по изданию: В. Мошин. Македонско евангелие на поп Јована. Скопје, 1954.

---

[18] В наших ранее опубликованных работах эта рукопись указана под действовавшим в то время номером Музейного собр. ГБЛ: 1691 (Грг-1691).

Мст. – Мстиславово ев. до 1117 г., полный апр. Рук. ГИМ, собр. Синодальное № 1203.

Ос. – Остромирово ев. 1056–57 г., кр. апр. Рук. ГПБ, F п.I 5. Цитируется по изданию: А. Востоков. Остромирово евангелие 1056–57 г. СПб., 1843.

Сий. – Сийское ев. 1339 г., полный апр. Рук. БАН, Арх. ком. (собр. Археографической комиссии) № 189.

СК – Саввина книга, X в. (XI – ?) в., кр. апр. Рук. ЦГАДА, ф.381, № 14 (старый № – 15). Цитируется по изданию: В.Н. Щепкин. Саввина книга. СПб., 1903. В серии: Памятники старославянского языка, т.I, в.2.

ТСР-2 – полный апр. XIV в. Рук. ГБЛ, ф. 304. Ш (собр. Троице-Сергиевской лавры, Ризница) № 2 (М. 8651).

У-379 – апр. и ев. праздничное особога состава, XIV в. Рук. ГИМ, собр. Уварова № 379.

Х-117 – апр. и ев. праздничное особого состава, XIV – XV в. В составе рук. ГИМ, собр. Хлудова № 117 (вторая часть этой рук., переплетенная в одной книге с литургиями Иоанна Златоуста и Василия Великого).

Юрв. – Юрьевское ев. 1119–1128 г., полный апр. Рук. ГИМ, собр. Синодальное № 1003.

Принятые в статье сокращения

ап. – апостол
апр. – апракос
вс. – воскресенье
вт. – вторник
ев. – евангелие
заутр. – заутреня
И. – Иоанн
кр.апр. – краткий апракос
Л. – Лука
лит. – литургия
М. – Марк
Мт. – Матфей
мясоп. – мясопустная (неделя)
н.л. – нового лета
отс. – отсылка
пд. – пятидесятница
пн. – понедельник
пт. – пятница
сб. – суббота
собр. – собрание (рукописей)
ср. – среда
сыроп. – сыропустная (неделя)
чт. – четверг

Р.М.Цейтлин

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОЙ ВУКАНОВА ЕВАНГЕЛИЯ

(сравнительно со старославянскими памятниками)

В 1967 г. вышло первое (фототипическое) издание Вуканова евангелия[1]. Рукопись Вук хорошо сохранилась, сравнительно легко читается. Это полный апракос, т.е. евангельский текст, почти равный по объему текста тетру. Хронологически Вук принадлежит к группе самых древних полных апракосов, является самым старым из числа известных.

Как подчеркивает издатель и исследователь Вук проф. Й.Врана, как показывают и наши наблюдения частного лексикологического характера, данный кодекс, написанный на рубеже XII и XIII вв. в Рашке, дает значительный материал как для истории сербского письменно-литературного языка начальной поры, так и для ретроспективного освещения некоторых процессов развития старославянского языка. В этом последнем аспекте мы и анализируем лексику Вук, выделяя на данном предварительном этапе исследования словарные особенности этого памятника сравнительно с СП.

Как в большинстве рукописей канонического содержания, в Вук совмещается несколько языковых и текстологических слоев. Лексика Вук в целом ряде своих отличительных особенностей обнаруживает совершенно очевидную близость к евангельским текстам так называемой второй редакции евангельского текста, выделенной еще Г.А.Воскресенским[2].

---

1 Ј.В р а н а. Вуканово еванђеље, Београд, 1967; Диференцијални рјечник, – Там же, стр.71–98. См. нашу рецензию на эту книгу ("Советское славяноведение", 1969, № 2).

В данной статье приняты следующие условные сокращения для евангельских текстов: Вук – Вуканово евангелие, Ас – Ассеманиево, Деч – Дечанское, Зогр – Зографское, Мар – Мариинское, Ник – Никольское, Остр – Остромирово, Охр – Охридское, Сав – Саввина книга, Унд – Ундольское; для остальных памятников: Син – Синайская псалтырь, Служ – Синайский служебник, Евх – Синайский евхологий, Клоц – Клоцов сборник, Супр – Супрасльская рукопись, Хил – Хиландарские листки, Рыл – Рыльские листки, Зогр лл. – Зографские листки, Ен – Енинский апостол, СП – старославянские памятники (или старославянский памятник).

2 Г. В о с к р е с е н с к и й . Характеристические черты четырех редакций славянского перевода евангелия от Марка. М., 1896, стр. 214 и след. (в дальнейшем: Воскресенский); см. также: Л.П. Ж у-

О.Неделькович в своем только что опубликованном исследовании подчеркивает, вслед за Л.П.Жуковской, особое место Вук среди южнославянских рукописей аналогичного содержания и анализирует ряд морфологических и лексических особенностей памятника сравнительно с восточнославянскими полными апракосами. В результате изучения О.Неделькович приходит к выводу о том, что это евангелие своим непосредственным протографом имело, по всей вероятности, восточнославянский полный апракос[3].

Настоящие заметки возникли из изучения материалов "Дифференциального словаря Вуканова и старославянских евангелий", входящего в обширное введение-исследование Й.Враны, предпосланное им воспроизведению текста памятника. Этот словарь, точнее словоуказатель, так как в нем отсутствуют толкования значений и иллюстративные примеры, учитывает текстологические разночтения в стихах Вук, с одной стороны, и в стихах старославянских кодексов – Мар, Зогр, Ас и Сав, – с другой. Всего в данном словаре 632 словарных статьи. Й.Врана подсчитал, что в Вук более 1500 лексических отличий в конкретных евангельских стихах. Из них более 130 слов не встречается в старославянских евангелиях, но при этом только 50 слов вообще не отмечено в СП. Среди этих пятидесяти, правда, очень мало слов, образованных от корней, неизвестных в старославянских текстах. Й.Врана приводит пять таких слов: комарь, кьблъ, соха, тоболъ, чрѣзъ. Из их числа мы исключаем слово соха, так как считаем его однокоренным и однозначным с посоха, которое употребляется в Супр, и прибавляем дьнѣ, дьньнъ, пѣтлъ, так как ни сами эти слова, ни их производные (имеем в виду непосредственные семантические связи слова, а не его этимологию) не известны СП (о каждом из этих слов специально говорится в третьем разделе данной статьи).

Й.Врана фиксирует характерные приметы лексического своеобразия Вук сравнительно со старославянскими евангелиями. Например (имеются в виду всегда конкретные стихи евангельского текста, первое слово пары – из Вук, второе – из СП): агньць – овьца; багърѣница – прапрядь; ближьнии – искрьнии; волꙗ – похоть; година – часъ; дѫбъ – дрѣво; житьница – хранилище; знои – варъ; испрьва – искони; клеврѣть

к о в с к а я. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI-XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их. "Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология". М., 1968, стр. 214-226, 269.

3 O. N e d e l j k o v i ć. Vukanovo jevanđelje i problem punog aprakosa. "Slovo", br. 18-19, Zagreb, 1969; См. также J V r a n a. O tipovima, redakcijama i međusobnom odnosu staroslovjenskih evanđelja. "Slavia", ročn. XXVI, 1957, seš. 3, стр. 321 и след.; ročn. XXIX, 1960, seš. 4, стр. 552 и след.

– подроугъ; кънигъчии – кънижьникъ; лютѣ – горе; миръ – вьсь миръ; мѣхъ – пира; одръ – ложе; отрокъ – слоуга; право – аминь; прѣдьнь – прѣмьнь; сѫдище – преторъ и т.п.

Цифры, приводимые Й.Враной, преуменьшены, так как он учитывает только разнокоренные слова (при этом не все). Включение в сравнение префиксальных и суффиксальных лексических вариантов, нетрадиционных и просто ошибочных написаний неславянских и славянских слов, пропущенных в индексе разнокоренных слов показывает, что словарный состав Вук при громадном количестве текстуальных совпадений характеризуется весьма значительными отличиями от лексики старославянских евангелий. В этом мы убедились, обратившись от Дифференциального словаря к непосредственному сравнительному изучению текстов Вук и СП.

В Словаре Й.Враны не фиксируются такие, например, пары дублетов самого различного характера (первое слово пары из Вук, второе из того же стиха в одном или в нескольких старославянских евангелиях): ава – авва; безаконіе – безаконеніе; безъ печали – беспечальнъ; безъ чѧда – бещѧдьнъ; благъ – благо; бо – оубо; богатьство – богатьствіе; величьство – величьствие или величіе; вельблоудь – вельбѫдь; виноградь – виноградьнъ; властелинъ (или властель?) – владычьство; възглавьница – дъхъторь; възданіе – въздаѩніе; възлѣганіе – прѣждевьзлѣганіе; възъвати – зъвати; възѧти – приѩти; въскрьсеніе – въскрьсновеніе; вьсегда – присно; вѣстьникъ – оученикъ; годь – година; голюбь – голѫбь; гороушичьнъ – горюшьнъ или гороушьнъ; горьши – болѣши; господинъ – господь; гостининьница – гостиница; дати – отврѣсти; дещица – дъска; дира – дыра; до – въ; добротворити – добросъторити; домашьнъ – домащьнь; достоѩніе – наслѣдіе; дрѧсель – дрѧхль; дрѧхль (дрехль и дрехель) – дрѧсель; дънѣ – ѫтрьѫдя; дыхати – доухати; ждрѣбѧ – жрѣбѧ; за – въ; заоутра – оутро или ютро; звѣзда – ѕвѣзда; земльнъ – земліа; земліа – земіа; изгънати – гънати; изгонити – изганіати; избьрати – събьрати; изѣдати – сѣнѣдати; или – и; имѣніе – вълагалище; искоушати – окоушати; испити – спыти; исъхнѧти – оусъхнѧти или исѧкнѧти; камень – камѣнъ; караванъ – карьвана; корабль – корабь; кореніе – корень; кровь – съкровь или съкровище; крѣпькъ – лютъ; лиховати сѧ – лишити сѧ; лихоимѣніе – лихоимиіе; или лихоимьствіе; лицемѣрьство – лицемѣріе; лише – большеіе; лоубодѣіати – прѣлюбы дѣіати; лѣнивъ – лѣнь; люна – лоуна; лѧкавьнъ – лѧкавь; лѧкавьствіе и люкавьствіе – лѧкавьство или лѧкавествіе; метва – мѧта; милость – милостьни; мимоити – прѣити; младьньць – младьниць; моріе – моръ; на – въ; наоучити – навадити; небесьнъ – небесьскъ; невѣрованіе – невѣрьство; недѫжьныи – недѫжьникъ; новъ – не бѣлѣнъ; обидѣти – оубидѣти; обиѩденіе – обѣданіе; отъ – изъ; отроковица – отрочѧ; отъврѣщи – испровръщи; или опровръщи; отъкрыти – окрыти; отьчьство – отьчьствіе; очистити (сѧ) – истрѣбити (сѧ);

плоуновениѥ – плиновениѥ; подъпѣга – подъсѣга или потъпѣга; помрькнѫти – мрькнѫти; почрьпальникъ – почрьпало; право – правь; придѫщии – насѫщьнъ, настоѧщии или наставъшии; приклоучаи – приключаи; про срѣдѣ – по срѣдѣ; прѣди тещи – прѣдъ тещи; прѣизлиха – лихо; прѣпрѫда – прапрѫдъ; ради – за; распѧти – пропѧти; расѣѥти – сѣти или сѣѥти; рыбарь – рыбитвъ; свьтило – свьщьникъ; свѣтильникъ – свѣтило; скозѣ – сквозѣ; слышаниѥ – оуслышаниѥ; сохомореѥа – сѵкомариѥа; споудъ и сьпоудъ – сподъ; соударь – сѵдарь; страхъ – страхованиѥ; събьрати – избьрати, исплѣти или възбьрати; съвѣдѣтельствиѥ – съвѣдѣтельство; съвѣдѣтельство – съвѣдѣтельствиѥ; съпира – спира; сѣдалище – сѣдало; сѫдище – притворь или сѫдиище; сѫдоу – овѫдоу; тишина – ведро; толико – тъкъмо; оугнѣтати – гнести; оудебѣлѣти – оутлѣстѣти или отлѣстѣти; оудобѣѥ – оудобьнѣ или оудобьнѣѥ; оунывати – дрѧселовати; оусь – оусонь или вѵс[с]онь, или вѵсь; оутрѣшьнь – на оутрѣи; цѣсарьствиѥ – цѣсарьство; цѣсарьство – цѣсарьствиѥ; четворицеѭ – седморицеѭ (часть названных здесь пар слов рассматривается в данной статье; примеры отобраны с таким расчетом, чтобы иллюстрировать различные виды словарных замен в Вук сравнительно со старославянскими кодексами).

Мы учитываем не только лексические отличия Вук от СП самого различного характера, но отличия на фоне совпадений, т.е. выделяем такие случаи, когда наряду с новым словом (сравнительно с СП) продолжает употребляться в аналогичных условиях его традиционный (в данном плане старославянский) дублет или синоним, который рядом с таким новым словом неизбежно получает свой отличительный стилистический или даже семантический оттенок. Мы считаем также принципиально необходимым сравнивать словоупотребление Вук не только со словарем евангелий, но и с лексикой СП в целом, т.е. учитывать не только памятники аналогичного содержания и одновременно самую архаическую по языку группу СП, но все тексты старославянской письменности. Такое сопоставление, как мы убедились, позволяет точнее объяснить некоторые особенности дифференциации старославянской и церковнославянской лексики.

К старославянским мы относим следующие пятнадцать текстов X–XI вв. древнеболгарской редакции: Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Ассеманиево евангелие, Саввину книгу, Листки Ундольского, Охридское евангелие, Енинский апостол, Синайскую псалтырь, Синайский евхологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльскую рукопись, Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки[4].

---

[4] О содержании терминов старославянский язык и памятник старославянского языка говорится в статьях: Р.М. Цейтлин. О принципах составления словаря старославянского языка.- "Вопросы славянского

Данные заметки посвящены определению основных типов лексических отличий Вук от СП, но мы отдаем себе отчет в важности и необходимости в дальнейшем сплошного, а не выборочного изучения лексики памятника. Заметим, что такая задача требует прежде всего составления исчерпывающего словоуказателя к Вук. Выявление фактов сохранения одних слов, дополнения текста новыми словами не менее существенно для исторической лексикологии (и текстологии), чем изучение лексических отличий, замены одних слов другими. Так например, глагол приплодити встречается в СП один раз (в Мар), а потому небезынтересно употребление его в Вук: И даѣаше плод/ъ/ вьсходе и расте и приплоди ѡво. л҃. ѡво ѯ. ѡво. р҃. Мк 4,8 Вук (л. 61а, стр.229)[5]. То же можно сказать о глаголе къснѣти, известном в старославянском языке только по Мар (Мт 24, 48 Вук; л. 54а, стр.219; л. 154а, стр.415); Мт 25,5 (л. 74д, стр.256; л. 154г, стр.416); Л 12, 45 (л. 99а, стр.305); о таких гапаксах для СП, как възглавьница (Мк 4, 38 Мар; Вук л. 63а, стр.233, то же в Ник); почрьпальникъ (И 4, 11 Зогр; Вук л. 16д, стр.140). Не менее существенно, что в Вук постоянно употребляется слово блюдо (как в Зогр, Ас, а также в Остр) там, где в Мар - миса и паропсида, вьсегда (Мк 15, 8, л. 132г, стр.372) - там,где в Мар - присно (а в Зогр, Ас и Сав нет этого стиха). Не менее показательно добавление или усиление эпитетов для Вук и близких к нему памятников в отличие от евангельских списков первой редакции текста. Например, великъ: ѡнь же вьставь запрѣти вѣтроу. и вльнению морьскомоу. и оулеже и быст/ъ/ тишина велика Л 8, 24 Вук (л. 86а, стр.279). В Мар, Зогр и Ас велика отсутствует (в Сав нет этого стиха); и сии не имоуть корениѣа вь себѣ. нь маловрѣменьни соуть Мк 4, 17 Вук (л. 62в, стр.231); в Зогр и Мар здесь врѣменни сѫть. Таких примеров можно привести множество.

языкознания", вып.6. Изд-во АН СССР, 1962, стр.112 и след.; О н а ж е. О лексических особенностях языка старославянских памятников. - ВЯ, 1969, № 6, стр.34 и след.

5 Вне выдержек из памятников слова́ и выражения даются в абстрагированных написаниях, принятых для так называемого классического старославянского языка. В цитируемых текстах сохраняется орфография издания. Цитаты из Вук даются с делением на слова.

Кроме фактов, почерпнутых непосредственно из памятников, используются материалы Словаря старославянского языка ЧСАН (вып.1-18, буквы А-М, Прага, 1958-1968) и часть рукописи Словаря языка старославянских памятников (буквы Р-ОУ), подготовленная к печати автором настоящей статьи. Греческий текст евангелия цитируется по изданию: E. N e s t l e. Novum Testamentum graece. 20 Aufl. Stuttgart, 1950.

Отличия Вук в области словарного состава от лексики старославянских евангелий (Зогр, Мар, Ас, Сав, Унд и Охр) неоднородны. В этом плане выделяются три группы слов: 1) слова, известные и в Вук и в старославянских евангелиях, но в Вук употребляющиеся несколько отлично, своеобразно сравнительно со старославянскими кодексами; 2) слова, которые в Вук "заменяют" соответствующие слова в старославянских евангелиях, не употребляются в последних, но известны в других СП; 3) слова, которые в Вук "заменяют" соответствующие слова в старославянских евангелиях и не употребляются вообще в языке СП[6].

Необходимо иметь в виду, что данная группировка в определенной степени условна относительно отдельных слов, так как отвечает тем сведениям о старославянской лексике, которыми мы располагаем в настоящее время. Каждое новое открытие и каждое новое исследование в области древнеславянской письменности несут с собой новые неизвестные факты. Так например, открытие Ен, сравнительно небольшого текста (в нем 898 слов, по нашим подсчетам), увеличивает словник старославянского языка более чем на 100 слов: в нем имеется более 50 слов нарицательных и более 60 имен собственных различных типов, которые в других СП не отмечены.

Во все три выделенные группы входят слова и выражения, восходящие к различным протографам Вук и старославянских кодексов. Установлено, что рукопись Вук восходит не к одному протографу. Таким образом, значительная часть словарных особенностей имеет текстологическое объяснение. На данном предварительном этапе исследования мы отказываемся от сопоставительного анализа словарного состава отдельных частей рукописи, принадлежащих разным писцам. Выделяемые нами типы лексических отличий Вук от СП характерны для всех его четырех почерков. Имеется немало случаев, когда дублеты чередуются на одном листе рукописи, при этом, как правило, одно слово характерно для всего памятника, другое появляется спорадически.

---

[6] В дальнейшем мы проводим примеры употребления слов в каждой из выделенных групп. Для удобства справок примеры внутри каждой группы даются в алфавитном порядке. Так как мы не занимаемся в данной работе сравнением лексического состава Вук с другими церковнославянскими рукописями, то ограничиваемся ссылками на труд И.В.Ягича ("Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache". Berlin, 1913) и наиболее известные словари древних славянских языков, в которых содержатся указания на употребление интересующих нас слов в церковнославянских текстах различных редакций. Заметим только, что в наших примерах нет слов, которые бы не были отмечены в каком-либо одном или нескольких восточнославянских или южнославянских средневековых рукописях, начиная с XII в. и позднее.

Первую выделяемую нами группу слов составляют такие слова, употребляющиеся в Вук, которые имеются и в старославянских евангельских текстах (но в других стихах и обычно в других контекстах, чем в Вук). В Вук эти слова встречаются чаще и их семантический диапазон шире, чем в старославянских кодексах. Они обычно появляются на месте таких старославянских слов, которые уже в самом старославянском языке постепенно переходили на положение архаизмов или утрачивали часть своих значений. В большинстве своем эти последние слова - слова инодиалектные или даже инославянские, в их числе подавляющее количество известных в СП арамейских слов в греческой передаче и определенная категория грецизмов. Ряд таких слов, недостаточно понятных или совсем непонятных, слепо скопированных с оригинала, "еле держится" в рукописи. То, что такие слова устарели, непонятны писцу видно, так сказать, простым глазом. Графическое выражение слова в таких случаях говорит часто не только о непонимании его значения, но и об искаженном восприятии его морфологии. Немало в Вук также слов, которые сознательно заменяются в рукописи на более современные и ясные. Вместе с тем следует отметить, что целый ряд грецизмов сохраняется в тексте Вук несмотря на наличие в книжном языке того времени соответствующих славянских дублетов. Таковы, например, грецизмы: газофилакиѣа, катапетазма, киньсъ, коустодиѣа, тетрархъ и ряд других. В то же время следует отметить, что некоторые грецизмы, которые характерны для церковнославянских евангелий, отсутствуют в Вук. Например, кириѣа в соответствии с оукрои старославянских евангелий, последнее находим и в Вук (И II, 44 , л. 146г, стр.400).

Приведем примеры, характеризующие первую группу.

Богатьство. Это слово в Вук употребляется в тех же значениях, что и в старославянских евангелиях, в тех же контекстах, но также и вместо слова мамона. Арамейское по происхождению слово mamōnā (в греческой передаче μαμωνᾶς) означало у некоторых древних народов (например, у сирийцев) бога богатства, накопления, переносно вообще понятие богатства, имущества, денег, вообще различных материальных благ. И.В.Ягич считает, что мамона остается непереведенным в ряде древних текстов именно как имя собственное[7]. И, действительно, широко известное евангельское противопоставление бога маммоне - никы же

---

[7] V. Jagić. Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913, стр.313 (в дальнейшем: Ягич). Но уже К.Горалек и авторы Словаря ЧСАН видят в старославянских текстах только значение 'богатство, имущество'. См.: K. Horálek. Evangeliáře a čtveroevangelia. Praha, 1954, стр.66, 67, 111 (в дальнейшем: Горалек). Интересно, что П.Берында включает мамѡна в свой небольшой словарик иностранных слов с переводом "пѣнѧзѣ, а б[огъ] богатства".

раб҃ не можеть двѣма г[осподино]ма работати ... не можете б[ого] у работати і мамонѣ Мт 6, 24 Зогр Мар Ас Сав, то же Остр; аналогичный текст Л 16, 13 Зогр Мар Ас Сав, то же Остр – говорит о том, что речь идет о боге и его антиподе. Отсюда дальнейшее развитие противопоставления – духовное, нематериальное, неземное начало и материальное, земное, имущественное. Отсюда уже понятия корыстолюбия, стяжательства, низменных интересов. В другом стихе старославянских евангелий находим затемненный по смыслу текст с сочиненным ad hoc притяжательным прилагательным мамонинъ: сьтворите себѣ дроугы. оть мамонины неправьды. да егда оскѫдѣете. приимѫть вы вь вѣчьныѩ кровы. Л 16, 9 Зогр Мар (ἐκ τοῦ μαμωνᾶ τῆς ἀδικίας, Nestle, стр.199). В Вук этот текст яснее: створите себѣ дроугы. ѡт неправедьнаго богатьства. да ѥгда ѡскоудѣѥте приимоуть вы вь вѣчьныѥ храмы (л. 104а, стр. 315). Отметим попутно употребление более распространенного храмъ вместо кровы СП в специальном значении 'жилище, убежище'. Интересно, что уже в греческом тексте находим здесь оценочное прилагательное ἄδικος 'неправедный, нечестный'. Ср.также в Вук: не можете б(ог)оу работати и неправедноу богатьствоу. Л 16, 13 (л. 119д, стр.346).Есть в Вук и другой перевод μαμωνᾶς – житиѥ: аще оубо вь неправедьнѣмь жити не бысте вѣрьни. и вь истиньнѣмь кто вамь вѣроу иметь. Л 16, 11 (л. 119г, стр.346; аналогично в Зогр Мар Сав, только в Ас сохраняется мамонѣ). Слово мамона находим в Вук только в классическом изречении в Мт 6, 24 (л. 35д, стр.178). Характерны пояснения к слову мамона в восточнославянских памятниках в аналогичных и близких контекстах[8]. Отметим также, что в Вук сохраняется сущ. сьтѧжаниѥ (как в Мар и Ас) в значении 'имущество, достояние' (Мт 19, 22, л. 59в, стр. 225; в Сав – богатьство; то же в Мк 10, 22, л. 116д, стр.340 и л. 118д, стр.344). Отметим, что Вук знает богатьство и на месте старославянского варианта богатьствиѥ, например, льсть богатьствиѣ Мк 4, 19 Зогр Мар и лесть богатьства Мк 4, 19 Вук (л. 62д, стр.231). В то же время наблюдаются и обратные случаи употребления существительных с суффиксом -ьствиѥ на месте старославянских слов на -ьство в тех же стихах евангелия. Например, в Вук находим люкавьствиѥ (л. 61в, стр.229) на месте старославянского лѫкавьство (см. контекст при глаголе искоушати). Часто находим цѣсарьство на месте старославянского цѣсарьствиѥ и наоборот[9].

---

8 См.: Словарь Срезневского, т.II, стр.109.

9 Особенностям употребления существительных с этими суффиксами в церковнославянских рукописях посвящено исследование: B. von Arnim. Beiträge zum Studium der altbulgarischen und altkirchenslavischen Wortbildung und Übersetzungskunst."Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften", 1931, стр.952 и след.

Волꙗ. В значении 'желание' (ἱκανόν) в Вук употребляется слово волꙗ: пилать хоте народоу волоу створити. поусти имь вараавоу. а ꙗса прѣда бивь да и пропьноуть Мк 15, 15 Вук (л. 132г,стр.372). В старославянских четвероевангелиях в этом значении употребляется слово похоть: Пилатъ же хотѧ народоу похоть сѣтворити. поусти ꙗмъ Вараавѧ. і прѣдасть ꙗса тепъ. да и распѣнѫть Мк 15, 15 Зогр Мар. В этом же стихе в Зогр обращает на себя внимание отличное от Мар и Вук употребление глаголов – тети, а не бити, распѧти, а не пропѧти. В значении 'желание' волꙗ употребляется и в Супр: отъсѣче отъ себе вьсѧ своѧ волꙗ Супр 273, 10 (аналогично 237, 2). В церковнославянских рукописях похоть в значении 'желание' постепенно утрачивалось, оно все чаще употреблялось в своем другом, первоначально частном значении – θέλημα (τῆς σαρκός). Г.Воскресенский в своем исследовании текста евангелия от Марка отмечает в древнерусских списках в Мк 15, 15 в соответствии со старославянским похоть несколько вариантов и синонимов – хотѣникъ, волꙗ, вьгодиꙗ, погодиꙗ, оугодиꙗ.

Гостиньница. В значении 'постоялый двор' в Вук употребляется слово гостиньница: вьсадивь же и на свои скоть. и приведе вь гостиньницоу. Л 10, 34 (л. 101г, стр.310), как и в Ас; в Зогр и Мар (то же в Остр и Ник) – гостиница, в Сав здесь – господа[10]. Только гостиньница знает и Супр (282, 15 и 17).

Дѣлатель. Одним их характерных "решений" Вук при выборе того или иного слова из ряда возможных слов-вариантов и синонимов является предпочтение самого употребительного и многозначного. Таким является дѣлатель сравнительно с жѧтелꙗнинъ, жѧтель, засѣдьникъ и отчасти тѧжатель, употребляющимися в одинаковых контекстах в старославянских евангелиях. Ст.-сл. дѣлатель помимо своего общего значения 'деятель, исполнитель какого-нибудь дела; работник' имело конкретное значение 'земледелец', где его вариантами обычно выступали слова жѧтель и жѧтелꙗнинъ, и виноградарь, где наряду с ним употреблялось слово тѧжатель. Жѧтелꙗнинъ и засѣдьникъ в Вук не употребляются. Жѧтель – трижды, тѧжатель – четыре раза. Так в Вук: и вь годь жетвы рекоу дѣлателемь. Мт. 13, 30 (л. 40д, стр.188), то же в Зогр и Мар. Ср. в Унд: жѧтелѥмь, то же в Остр и Ник, в Ас здесь – жѧтелѣнемь. В этом же значении в Вук: и созда стльпь и вьда и дѣлателемь и ѿтиде. и посла кь дѣлателемь рабь вь врѣме. да ѿ тежатель приметъ ѿ плода винограда. Мк 12, 1 и 2 (л. 121д, стр.350). Но тот же текст на листе 74а (стр.255) читается иначе: и созда стльпь. и вьда и тежателемь и ѿтиде. и посла кь дѣлателемь рабь вь врѣме. да ѿ тежатель прии-

---

[10] См.: Ягич, стр.336; А.С. Л ь в о в. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.,1966, стр.78–81 (в дальнейшем: Львов).

мет/ь/ ѡ плода винограда. В Зогр и Мар здесь трижды тѧжатель (как и в Мк 12, 7 и 9). В Мк 12, 9 в Вук дважды дѣлателе (л. 74в, стр.255 и л. 122а, стр.351). В Мк 12, 7: ѡни же тежетелиѥ видѣвше гредоущь къ себѣ рекоше (л. 74в, стр.255 и л. 122а, стр.351, но в последнем листе идоуща вместо гредоущь). В Зогр и Мар здесь также тѧжатель (кроме приведенных примеров, больше это слово в СП не употребляется). Ср. жѧтель: а врагъ вьсѣѩвы ѥсть диѩволь. а жетва коньчина вѣкоу ѥсть. а жетелиѥ анґли соуть. Мт. 13, 39 Вук (л. 41в, стр.189). Так и в Зогр, Мар, Унд, то же в Ник, но в Ас и Остр жѧтелѣне). Аналогично в Вук Мт 13, 30 (л. 179в, стр.465) и Мт 13,39 (л. 179г, стр.466). Ст.-сл. засѣдьникъ в Вук, вероятно, не употребляется. В рукописи, во всяком случае в фотокопии, здесь (Л 20, 20) что-то вроде разуры, хотя в словаре Й.Враны здесь указано слово дѣлатель. Текст выглядит следующим образом: поустише ... мьнеще се праведьници боудоуще. да имоуть вь словеси (л. 109д, стр.326). Правда, на л. 109в и 109г (стр. 325-326) дѣлатель встречается четыре раза, но в Л 20, 9 и 10, а так же в Л 20, 14. То же слово в этих стихах и в тетрах. Засѣдьникъ в словаре ЧСАН имеет только один пример из Мар (Л 20, 20) : I сьглѧданьше посьлашѧ засѣдьникы. творѧщѧ сѧ праведьници сѧште да имѧть і вь словеси. В Зогр здесь дѣлателѧ. Слово засѣдьникъ 'человек, тайно подосланный, поставленный' употребляется в бо́льшем соответствии с ἐγκάθετος чем дѣлатель. Ср. в Супр: пакы сьвѣть творѧть тьмнии дѣлателе (οἱ τοῦ σκότους ἐργάται) Супр 424, 26. Отметим, что единичные употребления, свойственные только одному из старославянских евангелий, обычно в Вук не сохраняются, это относится и к Мар - памятнику с определенными сербизмами[11].

Аналогично дѣлатель предпочитается в Вук храмъ словам домъ (Мт 24, 17), кровь (Мт 10, 27), обитѣль (И 14, 2), таилище (Л 12, 3), цркы (Л 21, 5; и 18, 20), употребляющимся в старославянских евангелиях в указанных стихах.

Житиѥ. Это слово известно с СП в двух значения 'жизнь' и 'жилище, место пребывания, жительства'[12], а также в указанном выше словосочетании неправьдьноѥ житиѥ в значении 'имущество, нажитое нечестным путем' (ср. русск. пожитки), которое соответствует слову мамона (ср. Л 16, 11 Зогр Мар Сав; см. выше слово богатьство, стр.5-7), В Вук слово житиѥ употребляется, кроме данного словосочетания, еще и в значении 'жилище, место пребывания, жительства' (κατοίκησις) : житиѥ имѣше вь гробѣхь. Мк 5, 3 (л. 63в, стр.223). Характерно, что житиѥ в этом значении среди СП известно только в Супр: моли ѥго

---

11 См.: Ягич, стр. 342, 347, 447, 452; Горалек, стр.88.

12 В Словаре Даничича житиѥ отмечено толко со значение 'жизнь' , но указывается слово жилиште.

попешти сѧ о пештерѣ. рек'ше о гробѣ. вь ѥем'же житиѥ имѣаше с⟨вѧ⟩тыи. Супр 531, 28 (аналогично 537, 18). Словарь ЧСАН не отмечает этого значения и в более поздних памятниках. В тетрах здесь – жилище. В этом последнем значении в Вук известно и слово домь. В значении 'жизнь' (ζωή) отмечено два слова животь и жизнь (обычно в сочетании с прилагательным вѣчьнъ)[13].

Затворити. Это самый употребительный глагол в значении 'закрыть, запереть' в языке всех старославянских памятников и евангелий в том числе, хотя в последних встречаются и его синонимы – заклеѩти и заключити. В Вук последние заменяются на затворити. Например: и затвори иона вь темьници Л 3, 20 Вук (л. 76г, стр.260). В Зогр здесь – заключи, в Мар – заклепе. Глагол заклеѩти из числа СП известен только в Мар. Аналогично в Л 4, 25: ѥгда затвори се небо. г҃. лѣт/а/ Вук (л. 78г, стр.264). В Мар здесь – заклепе, в Ас и Сав (и в Остр) – заключи се (в Зогр этот лист рукописи утрачен).

Изгѫнати. Для славянской исторической лексикологии нередко важным источником информации являются случаи ошибочных исправлений текста. Они часто свидетельствуют о том, что общеславянское слово в данном значении было ареально ограничено, а потому не понято писцом другой языковой области. Так например, вместо ст-сл. гѫнати (καταδιώκειν), в следующем стихе: I гѫнашѧ и симонь. I иже бѣахѫ съ ѥимь. I обрѣтьше I гла/голаѫ/шѧ емоу. Мк 1, 36 Зогр Мар Ас Сав (то же в Остр), где гѫнати имеет значение 'следовать за кем-нибудь неотступно', в Вук находим однокоренной глагол с обратным значением. Из-за непонимания диалектно ограниченного значения гѫнати писец заменяет его на изгѫнати, хотя далее сохраняет обрѣтьше, т.е. смысл искажается (получается "прогнал и нашел"): изгнаше и симонь и иже боухоу (sic!) съ нимь. и обрѣтьше и гла/голаѫ/ше емоу. Мк 1, 36 Вук (л. 141д, стр.390). В этом значении глагол гѫнати известен в СП только в приведенном контексте. В Супр он употребляется в общеславянском значении 'гнать'.

Характерно употребление и глагола гонити в Вук, хотя формально этот глагол мы находим в том же стихе, что и в старославянских тетрах. В Зогр и Мар гонити διώκειν употребляется в значении 'подвергать гонениям, преследовать': Егда же гонѧть вы вь градѣ семь. бѣгаите вь дроугы. Мт 10, 23. В Вук здесь появляется другой предлог при том же глаголе: ѥгда же изь град/а/ сего гонеть вы (глагол вписан над строкой тем же почерком, – Р.Ц.) бѣгаите вь дроугы. (л. 34г, стр. 176). Гонити употреблено здесь с предлогом изь и имеет значение 'изгонять, прогонять'. Видимо, значения гѫнати и гонити, отмеченные выше, были неизвестны писцу Вук. Интересно, что старое "евангельское"

---

[13] См.: Ягич, стр.345, 287.

значение старославянского языка сохраняет и современный болгарский язык[14]. В значении 'погонять, гнать' глагол гонити сохраняется в Вук: гонимь бываше бѣсомь скозѣ поустыноу. Л 8, 29 (л. 93д, стр.294).

В древнесербских памятниках глагольная пара гнати - гонити употребляется крайне редко. Известны только три примера на оба глагола и только со значением 'преследовать', при этом все они из словарей Даничича и Загребского академического[15].

Характерно, что редкое для языка СП употребление изгънати со значением 'преследовать кого-либо': блажени ізгънани правьды ради. ѣко тѣхъ есть ц/ѣса/р/ъ/ство н/е/б/есь/ское (οἱ δεδιωγμένοι) Мт 5, 10 Зогр Ас Сав (то же Остр и Деч; ср. Евх 85в 22 и Клоц Зв 12) в Супр в этой выдержке из евангелия заменяется на избьрании: блажени бо рече избьрании правьды дѣльма. ꙗко тѣхъ ꙗесть цѣсарьствиꙗ небесноꙗ. Супр 406, 12, которое вряд ли можно считать простой опиской, как этот случай трактует Северьянов. В Вук в этом стихе сохраняется древнейшее изгнани (л. 29в, стр.165): блаж/ени/. изгнани правьды ради ꙗко тѣхъ ꙗесть ц/ѣса/рьствиꙗ небесноꙗ. Здесь же можно отметить употребление вариантов цѣсарьствиꙗ и небесьнь сравнительно с цѣсарьство и небесьнъ старославянских кодексов. В Словаре ЧСАН отмечается еще только один пример со значением 'преследовать' из церковнославянских апостолов: кого от/ъ/ прор/о/къ. не изгнаше о/ть/ци ваши А 7, 52 Грш Гильф Слепч Шиш (в Ен нет этого места).

Искоушати. Этот, широко распространенный в СП глагол, употребляется в Вук: и разоумѣвь же лоукавьствиꙗ ихь. рече кь нимь чьто ме искоушаете. Л 20, 23 (л. 110а, стр.327). В Мар здесь окоушати, в Зогр - пропуск в тексте. В СП окоушати встречается только в тетрах - в Зогр и Мар: Мт 12, 18; Мк 12, 15 и 10, 2; в Мар еще в Л 20, 23. В Вук здесь везде искоушати (Мк 10, 2, л. 117д, стр.342; Мк 12, 15, л. 123в, стр.353; Мт 12, 18 нет). Искоушати употребляется в апракосах - Ас и Сав и в других стихах Зогр и Мар. Отметим в приведенном отрывке из Вук слово лоукавьствиіе, которое в отличие от лѫкавьство употребляется только в одном старославянском кодексе - Ас (Мт 22, 18) и в Супр (389, 10 и 486, 6). Ср.: и разоумѣвь же лоукавьствиꙗ ихь. Вук Л 20, 23 (л. 110а, стр.327). В Зогр и Мар здесь льсть (то же в Ник).

Карьвана и корвань. В старославянских евангелиях встречаются два похожих и близких по значению слова карьвана и корвань. Оба, несомненно, общего арамейского происхождения, они восходят непосредственно к двум греческим словам-вариантам κορβανᾶς и κορβᾶν. В славянских

---

[14] См. статью Гоня ("Речник на съвременния български книжовен език", т.I. София, 1955).

[15] Р.В. Булатова. Глаголы движения в сербско-хорватском языке, М., 1964, канд.дисс., стр.84-85.

памятниках оба слова встречаются очень редко. Они отсутствуют в словарях Востокова и Миклошича, в словаре Срезневского – единичные примеры, в словаре ЧСАН только приводимые нами ниже примеры из евангелий. В словаре Даничича характерное смещение в значении: карьвана, карьвань – commeatus арапски; и примеры: "бѣше направань великь карьвань. П. 16. да турме и карвани босаньске и всаке ине карьване да имь е слоботьщина, да могу поити у Которь. М. 327. понесенье карвана. М. 467. своиеми карвани. М. 485 (т.I, стр.440)". Карьвана в значении 'сокровищница храма' в СП известно только в следующем контексте: архиереі же приемьше сьребро решѧ. не достоіно есть вьложити его въ кар'ванѫ по ѥже цѣна крьве есть. Мт 27, 6 Зогр, Мар, Сав (кор'вонѫ – Ас; корьнавоу – Ник; в Остр два написания – кар'ванѧ 196а2 и корьванѫ 185а л 11). Корьванъ в значении 'пожертвование в казну храма, дар богу' также употребляется в единственном контексте: аште речеть ч/ловѣ/къ. о/ть/цю ли м/ате/ри. кор'вань. еже есть дарь. і еже аште. отъ мене пользеваль еси. Мк 7, 11 Зогр Мар. Характерно, что малопонятное κορβᾶν уже в греческом протографе поясняется словом δῶρον (Nestle, стр.104). В Вук первое слово предстает в форме каравань: архиѣреи же приѣмьше сребро рѣше. недостоить ѣего вьложити ѣего вь каравань. понеже цѣна крьве ѣесть. Мт 27, 6 (л. 175в, стр.457). Возможно каравань вместо непонятного карьвана и появляется здесь под влиянием персидского kārvān известного в сербохорватском языке средневековья в значении 'караван' в формах kárvan и karávana.[16]

Второе слово сохраняется в той же форме, что и в СП: аще къто речеть чл/о/в/ѣ/къ ѡтцоу или матери корьвань же ѣесть дарь... Мк 7, 11 (л. 69д, стр.246).

Искажается и арамейское талиѳакоумь (ταλιθά 'девочка, девушка'): г/лаго/лаѣи. таѳалиѳакумь (sic!) ѣеже ѣесть сказаѣемоѥ. дѣвице тебѣ г/лаго/лю вьстани. Мк 5, 41 Вук (л. 64в, стр.235; талитакоумь Зогр и Мар; талиѳа коумы Супр 307, 6–7).

Иногда такое совершенно непонятное слово выбрасывалось или контаминировалось с предшествующим, часто также неясным словом. Ср. два контекста из Вук: или или завахтании ѣеже ѣесть б/ож/е б/ож/е мои вьскоую ме ѣеси ѡставиль. Мт 27, 46 (л. 172г, стр.452); или. или. илима завахтани ... Мт 27, 46 (л. 177а, стр.461). В первом арамейское лима 'почему' опущено, во втором оно выступает в контаминации с или /эли/ в виде илима (ἠλὶ ἠλὶ λεμὰ σαβαχθάνι). То же Мк 15, 3: ѣели ѣелии завахтани (л. 132а, стр.372)[17].

---

[16] Ср. приведенную выдержку из словаря Даничича. Караджич в своем словаре также дает карван с пояснением "die Karawane, commeatus, comitatus". См. также: Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (obrađuje P. Budmani), IV. Zagreb, 1892–1897; см: Воскресенский, стр.203.

[17] Ср.: P. Vyskočil. Азав'тании v Ostromírově evangeliáři. "Slavia", ročn. XXXII, 1963, seš. 3, стр. 395–397.

Кровь. Это слово в значении 'скрытое место, тайник' (ταμεῖον) в старославянских евангелиях встречается дважды. Один раз в Мт 24, 26 в Ас (то же в Остр и Купр). В Зогр и Сав здесь – въ съкровѣхъ, в Мар – съкровиштихъ. В Вук в этом стихе дважды находим слово кровь: аще же рекоуть вамъ се въ поустыни не изидѣте. се въ кровѣхъ не имѣте вѣры. Мт 24, 26, л. 55в (стр.217); въ кровѣ – л.150г (стр.408). Второй раз в Л 11, 33 Зогр (в Мар – въ съкровѣ). В Вук и здесь кровь (л. 94г, стр.296).

Весьма характерно употребление кровь в Вук, как мы полагаем именно в указанном значении, в Мк 15, 7. В Мар здесь находим ковь в смысле 'злой умысел, заговор', которое довольно отдалено передает греческий протограф ἦν δὲ ὁ λεγόμενος βαραββᾶς μετὰ τῶν στασιαστῶν δεδεμένος οἵτινες ἐν τῇ στάσει φόνον πεποιήκεισαν (Nestle, стр.132): бѣ же нарицаемы варавва съ своими ковьникы съвязанъ, иже въ ковѣ оубиство сьтвориша (то же в Ник). В Зогр здесь въ горѣ, т.е. еще более далекий перевод. И.В.Ягич предполагал, что кровь в позднейших евангелиях (Добр. и Тырн.) – описка. В Вук употребление в данном стихе кровь вместо предполагаемого в славянском протографе ковь, возможно, было сознательным. В древнесербском языке, как и в древнерусском, употреблялся омоним ковь со значением 'кованный сосуд'. Ср. хотя бы материалы словаря Даничича: "ковь срьбрьни деветь кондиери. М. 407. Сума кову срьбрьному.М. 408. Ковь злаати и сребрьни. М. 477. Кова срьбрьна П. б. 97" и т.п. Поэтому не исключено, что писец в данном контексте намеренно устранил возможное неверное понимание фразы своими современниками. Стоит также отметить, что кровь в значении 'кров', переносно 'дом' довольно часто употребляется в Вук. Например: нѣсмь достоѥнь да подь кровь мои вьнидеши. Мт 8, 8 (л. 37д, стр.182), то же в Сав (и в Остр), в Зогр, Мар и Ас здесь – домь. Аналогично Л 7, 6 (л. 90г, стр.288), то же во всех старославянских евангелиях и в Супр (в передаче этого стиха, 308, 3).

Лѣнивь. Характерно употребление именно этого, осложненного суффиксом, прилагательного в Вук: злыи рабе и лѣнивы. вѣдѣше ѥако жьноу и юдоуже не сѣахь и сьбираю. юдоуже не расточихь. Мт 25, 26 Вук (л. 72в, стр.251 и л.155в, стр.417). Это же слово в том же стихе находим в Ас и Сав, а также дважды в Остр и Ник. То же прилагательное и в цитате из евангелия в Супр: проныриве робе и лѣнивыи. аште вѣдѣше ѥако жьна идеже нѣсмь сѣѥалъ. и сьбираѭ идеже нѣсмь расыпалъ. Супр 369, 26-27 (ср. также 381, 28).

Архаичный его дублет лѣнь употребляется только в четвероевангелиях, самых старых старославянских рукописях: зълы рабе лѣны. вѣдѣше. ѣко жьна ідеже не сѣѣхь. і сьбираѭ ѥдоу же не расточихь. Мт 25, 26 Зогр Мар.

Мамона см. богатьство (стр.246).

Морѣ. Интересно употребление этого слова в стихе Л 21, 24 (л. 112г, стр.332; полный контекст см. ниже, при слове страхъ, стр.256). Здесь оно находится на месте λοιμοί греческого протографа. Единственные старославянские примеры этого стиха – в тетрах, при этом в Мар в соответствии с греческим текстом глади и мори бѣдѧть, в Зогр – вь мори, т.е. в Вук так, как в Зогр. Таким образом, повторение этой ошибки против греческого протографа в Вук свидетельствует о том, что это не индивидуальная особенность рукописи Зогр, а определенная славянская текстологическая редакция, в которой, видимо, без обращения к греческому источнику первоначальное морь 'чума, мор' было заменено на морѣ в результате ошибки. Затем ошибка была "возведена в правило", стих был переосмыслен; появляется предлог вь и иное членение текста: вь мори боудоуть страси. и знамениꙗ сь небсе велика боудоуть. Вук. Устойчивое словосочетание глади и мори разрушилось, появилось противопоставление – морѣ и небеса. И.В.Ягич считает написание вь мори в Зогр "опиской" (Мар, стр.294, 1. примечание), но описка не может сопровождаться появлением нового слова – предлога вь; в результате неверного прочтения весь стих был переосмыслен и возникла его новая редакция, в которой лексиколог не может не учитывать появление слова морѣ.

Ср. аналогичное употребление прилагательных безводьнь и бездьнь на месте греческого ἀνύδρος в Мт 12, 43 и Л 11, 24 в старославянских тетрах и в Вук. Ср. также идущее еще из греческого евангелия, ставшее фразеологическим целым в литературных языках всего мира "глас вопиющего в пустыне", толкование которого находится в противоречии с данными кумранских рукописей. Последние говорят о том, что первоначально пунктуация здесь была иная: "Глас вопиющего, в пустыне приготовьте путь господу"[18].

Новь. Характерно и употребление этого прилагательного вместо не бѣлень в соответствии с ἄγναφος 'еще необработанный, не беленный, т.е. совсем новый': никьтоже бо не приставлаꙗеть. плат/а/ нова ризѣ ветьсѣ. вьзьметь бо коньчиноу свою т ризы. и горьши дира боудеть. Мт 9, 16, л. 34г, стр.172, Вук, Ср. в Мар: никтоже бо не приставлѣать приставлениѣ. плата не бѣлена ризѣ ветьсѣ. вьзьметь бо коньчина своꙗ оть ризы. і больши дира бѣдеть. Мт. 9, 16 Мар (в Зогр нет этого листа). В этом же стихе обращает на себя внимание и употребление сербизма горьши в соответствии с больши в Мар. Следует, впрочем, отметить, что горьши известно в аналогичном контексте в СП – в Зогр и Мар в Мк 2, 21. Этот стих не вошел в апракосы, в том числе и в Вук. В другом месте в соответствии с большеꙗ находим лише: си примоуть

---

[18] И.Д. Амусин. Рукописи мертвого моря, М., 1961, стр.241; Я.А. Ленцман. Сравнивая евангелия. М., 1967, стр.60.

ѡсоуждениѥ лише. Л 20,47 Вук (л.127д, стр.326). В Зогр и Мар здесь: сиі приімѣть осѫжденье большее.

Потокъ. В соответствии с текстом греческого протографа выражение τοῦ χειμάρρου τοῦ Κεδρῶν переводится потока кедрьска (род. п.). Так и в Мар и дважды в Ас: се рекь Іс҃ь изиде сь оучениками своими. на ѡнь поль потока кедрьска. идеже бѣше врьтоградь. И 18, 1 (л.168в, стр.443); второй раз: на ѡноу страноу пот/о/ка кедрьска (там же, стр.443). Потокь кедрьскь - Кедрон (бурный источник, отделявший Иерусалим от горы Елеонской и Гефсиманского сада). В Зогр и Сав здесь находим соответственно островъ и отокъ вопреки смыслу греческого протографа. Вероятно, по предположению И.В.Ягича, слово потокъ было прочитано как отокъ еще в славянском протографе Зогр, а в рукописи Зогр было заменено болгарским словом островъ. Позднее Н.Ван Вейк присоединился к мнению И.В.Ягича и квалифицировал отокъ как один из наиболее старых и очевидных моравизмов[19].

Аналогично к разным протографам восходят стихи Вук, в которых говорится о геенне огненной. В Мт 5, 22: вьсѣкь гнѣваѥ се на брата своѥго без оума. повиньнь ѥсть соудоу. иже бо реч/е/ть братоу своѥмоу ракка. повиньнь ѥсть соньмищоу. а иже реч/е/ть оуроде. повиньнь ѥсть ѥзероу ѡгньноу. (л. 29г, стр.166). Такие переводы нередки в восточнославянских евангелиях (см. словарь Срезневского, ст. езеро). В Мт 19, 9 (л. 47в, стр.201)и Мк 9, 47 (л. 117г, стр.342) - геона огньнаѥа, т.е. так, как в старославянских евангелиях, которые не знают первого выражения, как и все СП[20].

Понава. Вместо редкого в этом значении риза (ὀθόνιον) 'погребальные пелены из полотняной ткани' в Вук употребляется слово понѥава: вьзеста же тѣло ісоуво. и ѡбиста ѥе понѣвою сь вонѣми благоуханьнами. И 19, 40 Вук (л. 174г-д, стр.456). Ср.: приѥсте же тѣло іс҃во. і обисте е ризами. сь ароматы. И 19, 40 Зогр Мар Ас.

В этом же стихе в Вук примечательна замена грецизма ароматы на славянское выражение вонѥа благооуханьнаѥа. Ср. масть благоѫханьнаѥа в Евх Зв 8-9. Понѥава и вонѥа благооуханьнаѥа известны в ряде древнерусских евангелий.

Прѣдьнь. Это прилагательное со значением 'передний, первый' было общестаславянским: оно употребляется в основных четырех старославянских евангелиях, в Евх и Супр. В Вук оно употреблено на место редкого в СП прѣмьнь: идѣта вь прѣдьноую вьсь. Л 19, 30 (л. 134г, стр. 376). Прѣмьнь в СП известно только в этом стихе, который входит в тетры и отсутствует в апракосах. Прѣмьнь имело значение 'расположен-

---

19 Ягич, стр.374, Мар., стр.387; N. Van Wijk. О языке слова на перенесение мощей св.Климента. "Byzantinoslavica", roč. I, стр.12-13.

20 См.: Горалек, стр.68-69; Воскресенский, стр.152-153, 172.

ный прямо, напротив' (κατέναντι), т.е. имело другой смысл, чем прѣдьнь. Наречие и предлог прѣмо широко употреблялись в СП в отличие от прилагательного.

Спира. Для Вук характерно особое употребление грецизма спира (σπεῖρα) в значении 'отряд (войск)'. В старославянских евангелиях это слово встречается сравнительно часто - 16 раз - Мт 27, 27; Мк 15, 16; И 18, 3 и 12 в Зогр Мар Ас Сав (то же в Остро). В Других СП его нет. В Вук спира предстает в характерном написании сьпира, где сь- в непонятном слове, вероятно, осмыслялось как распространенная славянская приставка; собраше на нь всоу сьпироу. Мт 27, 27 (л.171в, стр.449); воини ведоше Іса. вьноутрь на дворьѣже ѣесть преторь. и призваше вьсоу сьпироу. Мк 15, 16 (л. 171г, стр.450) В И 18, 3 и 12 вместо этого слова находим славянское воини (л. 168в, стр.443 и л. 168г, стр.444). Показательно, что в Юрьевск., Мстисл., Трновск., Добр. спира в этих стихах заменяется словом народ; в других памятниках выражением множьство воинь (по наблюдениям И.В.Ягича). Аналогичное, на наш взгляд, слову сьпира в Вук переосмысление наречия спыти засвидетельствовано в древнерусской Путятиной минее XI в. - оубиистьво съпытьно (цит. по словарю Востокова). Эту же ложную приставку находим в Вук в слове сьпоуды, употребленном вместо старославянского споды (συμπόσιον, κλισία) 'группа, круг' в Мк 6, 39: и повелѣ имь посадити вьсе народы. на сьпоуды на травѣ на зеленѣ (л. 67в, стр.241). В Мк 6, 40 (там же) и в Л 9, 14 (л. 86д, стр.280) - споуды. Ср. і повелѣ імь посадити ѩ всѧ. на споды. на споды. на трѣвѣ зеленѣ. і вьзлегошѧ на лѣхы. на лѣхы. по сѣтоу і пѧти десѧть. Мк 6, 39-40 Зогр Мар. Споды - редкое слово. Оно известно в языке СП только в указанных стихах и принадлежит к словам с неясной этимологией. Й.Врана в своем словаре (гнездо спѧдь, стр.93) отождествляет споды и спѧдь (πόδιος, κεῦος), 'сосуд' или 'сосуд как мера чего-либо', что, на наш взгляд, нельзя считать обоснованным. Это слова разных значений и ареала, различной этимологии. В цитированных стихах из Вук обращает на себя внимание опущение второго споды (ср. текст из Зогр) и целиком выражения на лѣхы. на лѣхы (Мк 6, 40). Такие повторы существительных в языке старославянских рукописей употреблялись для выражения дистрибутивности и являются, как это показал А.М.Селищев, собственно балканской языковой особенностью.

Вместо старославянского спѧдь в Зогр в Вук находим его более распространенный синоним сьсоудь (Л 8, 16, л. 93в, стр.293): никтоже бо свѣтильника вьжегь. покрываѣть ѣего сьсоудомь ... (то же в Мар Ас и Сав).

Страхь. Это широко распространенное в СП существительное употребляется в Вук на месте страхованиѣ старославянских тетров: тогда глаше имь вьстанеть бо страна на страноу. и црьство на црьство. троуси

же велици по мѣста и гладі и вь мори боудоуть страси. и знаменїа сь нѣбсе велика боудоуть. Л 21, 11 (л. 112в, стр.331). Писец не понял значения ст.-сл. страхованиѥ φοβητρον 'явление, вызывающее ужас, страх'. Отглагольные существительные на -ниѥ нередко не имеют в старославянском языке собственно глагольного значения. Ср.: ваѩаниѥ γλυπτόν 'изваяние, статуя': и нѣсть иного бога развѣ мене. и славы моѥѧ иномоу не дамь. ни благоизволѣнии моихь ваѩаниимь. Супр 263, 4; вьспитаниѥ θρέμμα 'скот': влькь моѥ вьспитаниѥ сьнѣдаѥть. Супр 247, 19; то же изноуреніѥ θῆρον 'добыча' (Супр 348, 10 и 11).

Отметим попутно, что в приведенном контексте (Л 21, 10) в Вук вместо ꙗзыкь Зогр и Мар употребляется страна в значении 'народ (обычно об иноверцах, чужеземцах, язычниках)' ἔθνος, которое среди СП известно только в Супр и Рыл. Страна в этом значении находим в Вук также в стихах: Мт 20, 19; Л 18, 32; Л 21, 24 и 25; Л 22, 25; Л 23, 2. Например: и ѥрлимь боудеть попиракмь ѿ страньи. Л 21, 24 (л. 112г, стр.332). Показательно сочетание страньниѥзици в Мт 6, 32 (л. 36б, стр.179): всѣхь бо сихь страньни езици ищоуть. В Зогр, Мар и Ас здесь: всѣхъ бо сихъ ꙗзыци іштѧть. В Сав в этом значении употребляется погании: всего бо сего погании просѧть[21].

Трьсть. Грецизм усопь (ὕσσωπος) 'иссоп, кустарник с пористыми и ароматическими листьями' отмечен в СП – Зогр Мар Ас Син и Евх – по одному разу. В Вук ему соответствует слово более общего значения и более распространенное – трьсть: гоубоу же напльнивше ѡцьта на трьсть вьзьнесьше. придѣше кь оустомь ѥго. И 19, 29 Вук (л. 174а, стр.455). Ст.-сл. исплѣнити здесь соответствует напльнити.

Судавити сѧ. В Вук употребляется распространенный в СП глагол оудавити сѧ 'повеситься' (Ас Сав Евх Супр, то же в Остр): поврьгь сребро вь црькви и ѡтиде. и ѡшедь оудави се. Мт 27, 5 (л. 175в, стр. 457). В Зогр и Мар здесь более архаичный глагол вьзвѣси сѧ (аналогично Евх 49а 19-20)[22].

Вторую группу слов, характерную для лексики Вук сравнительно со СП, составляют слова, отсутствующие в старославянских евангелиях, но употребляющиеся в остальных СП. Эти последние имеют ряд языковых особенностей, в том числе и лексических, отличающих их от старославянских евангелий. Эти памятники менее архаичны по языку и более разнообразны по своему содержанию. В Вук обычно встречаются слова, известные уже в Супр, Евх и Клоц. Частое совпадение с Супр сравнительно с другими СП в ряде случаев объясняется тем, что это самый большой и разнообразный по содержанию и, следовательно, по словарному составу СП. В нем 5285 слов (подсчет произведен нами по индексу Мейера).

---

21 См.: Ягич, стр.420.

22 См.: Ягич, стр.263; Горалек, стр.54, 98.

В Мар самой большой рукописи после Супр, – 2874 слова (по индексу Ягича), т.е. немногим, видимо, больше, чем в Вук. В Сав, например, 2198 слов (по индексу Щепкина). Вместе с тем показательно, что если слово в старославянском языке употребляется только в двух памятниках и один из них Супр, то второй, как правило, Евх, реже Клоц и Син, и очень редко, буквально в считанных случаях, одно из евангелий, при этом особенно редко тетр.

Приведем несколько примеров словоупотребления второй группы.

Без оума. Архаичное и неясное этимологически[23] наречие спыти (δωρεάν) в значении 'напрасно, без основания; бесполезно' девять раз встречается в старославянских текстах. В евангелиях: Мт 5, 22 Зогр (пропуск в Мар); И 15, 25 Зогр Мар Ас Сав; в псалтыри: пс 68, 5; 108, 3; 118, 161; 119, 7. В Вук вместо спыти дважды употребляется наречное выражение без оума: вьзненавидѣше ме без оума. И 15, 25 (л. 165д, стр.438), то же Мт 5, 22 (л. 29г, стр.166, то же в Деч). Один раз – испити: вьзненивидѣше ме испити. И 15, 25 (л. 13в, стр. 133). Вариант испыти отмечен в Охридском апостоле и некоторых восточнославянских рукописях[24]. Наречие без оума в этом значении в старославянских евангелиях не употребляется, но оно часто встречается в Супр и один раз в Клоц (9а 24).

Блѫдьница. В Вук это слово заменяет более старое любодѣица: с/ы/нь твои сь изѣдь твоѥ имѣниѥ сь блѫдьницами приде. Л 15, 30 (л.128д, стр.364). Дважды употребляется и любодѣица: Мт 21, 31 и 32 (л. 51а, стр.209), которое характерно для старославянских евангелий и по разу отмечено в Евх Супр и Ен. Блѫдьница употребляется в СП чаще, но только в Евх (4 раза), Служ (один раз) и Супр (17 раз)[25].

Влъчьць. В Вук также употребляется сущ. влъчьць (τρίβολος): ѿ трьниѥа грозди́ѥ. или ѿ влъчьца сьмокви. Мт 7, 16 (л. 31д, стр.170). В Ас в этом стихе грецизм триволъ. В Зогр и Мар – рѣпиѥ (то же в Остр.). В Старославянском языке влъчьць употребляется дважды: Супр 483, 29 и 484, 1. Позднее это слово находим в апостолах, в том числе и в Шишатовацком[26].

Жидовьскъ. В И 19, 13 и 17 Вук (л. 181а и в, стр.469) употребляется прил. жидовьскъ, которое также не было известно старославянским евангелиям. Ему соответствовали прил. еврѣискъ или евреискъ и июде-

---

23 См.: Львов, стр.20–39.

24 См.: Ягич, стр.397; Словарь Срезневского, т.I, стр.1141.

25 См.: Ягич, стр.361.

26 См.: Ягич, стр.321; Словарь ЧСАН, т.I. стр.204; Н.Н. Дурново. К вопросу о древнейших переводах на старославянский язык библейских текстов. "Изв. ОРЯС", т.XXX. Л., 1926, стр.408.

искъ. Жидовьскъ встречается в СП только в Евх Клоц Супр. Но и еврейскъ сохраняется в Вук: бѣше же написаніе написано надъ нимь. книгами ѥлиньскыми и роумьскыми. и ѥреискими. се ѥсть цр҃ь жидовьскъ. Л 23, 38 Вук bis (л. 139а, стр.385 и л. 173в, стр.454). В старославянских кодексах этот стих читается: бѣ же и напсанье нап'сано. надъ нимь кн҃ьнигами елиньскаме. і римьскаме. и еврѣіскаме. сь есть цр҃ь іюдѣискъ. Зогр Мар Ас (то же Остр).

Играти. В Зогр Мар Ас четыре раза отмечен глагол плѧсати (ὀρχεῖσθαι) в значении 'танцевать, плясать'. Например: І вьшьдьши дьштери еѥѧ. іродиѣдѣ. і плѧсаньши. і оугожьди іродови. Мк 6, 22 Зогр Мар Ас. В Вук – трижды плѧсати (Мт 11, 17, л.42г, стр.192; Мт 14, 6, л. 36г, стр.180; Мк 6, 22, л. 182г, стр.472), но один раз играти: призывають дроугь и глють свири (!) хомь вамь. и не играсте. плакахомь вамь. и не плакасте. Л 7, 32 (л. 84в, стр.275). Заметим попутно, что в этом стихе в Вук призывати вместо приглашати Зогр и Мар; первый глагол широко употребляется в СП, второй – только в данном стихе в тетрах. Свирихомь здесь употребляется вместо пискахомь Мар – hapax legomenon в СП[27]. Следует отметить, что играти в старославянском языке отмечено только в Супр и Рыл, но или в значении 'развлекаться, играть' (например, Супр 113, 4) или 'радоваться, прыгать от радости'. Например: дьньсь агг҃ели играѭть. и вьсѧ небесьскыѧ силы веселать сѧ Супр 490, 1 (то же 489, 1).

Лѣбьноѥ мѣсто. В Вук шесть раз употребляется выражение краниѥво мѣсто 'лобное место, голгофа' (Мт 27, 33 bis, л. 172а, стр.451 и л. 176в, стр.459; Мк 15, 22 bis, л. 132д, стр.372 и 171д, стр.450; Л 23, 33, л. 138д, стр.384 и л. 173в, стр.453). В старославянских евангелиях (и в Остр) употребляется только это выражение в данных стихах и в стихе И 19, 17. В последнем стихе в отличие от старославянских евангелий в Вук находим своеобразный неологизм лѣбьноѥ мѣсто: и изиде вь нарицаѥмо лобьноѥ мѣсто. иже нарицаѥть се жидовьскы гольгоѳа. И 19, 17 (л. 181в, стр.469). Выражение мѣсто лѣбьноѥ (с данным порядком слов) в СП встречается только один раз: его-же приведьше вь мѣсто лобьное. Евх 50а 13[28].

Ограда. В Вук в значении 'сад' употребляется ограда наряду с врьтоградь (И 18, 1, л. 168в, стр.443 bis; см. выше, стр.13). Например: идѣше и распеше ѡграда. и вь ѡградѣ гробь новь. И 19, 41 (л. 174д, стр.456). В этом же стихе в Зогр и Мар – врьтьпь (то же в Остр), в Ас – врьть. То же: не азь ли те видѣхь вь ѡград/ѣ/ сь нимь.

---

27 Пискати в Мар 'играть на музыкальных инструментах', в древнерусском языке этот глагол имел значение 'пищать'.

28 См.: Ягич, стр.312. – Грецизм краниѥво мѣсто является своего рода калькой арамейского гольгота 'череп'.

И 18, 26 Вук (л. 169в, стр.445). В этом стихе в Зогр и Ас – врьтъ, в Сав – градъ; в Остр – вьрьтоградъ. В СП слово ограда встречается пять раз, но в иных значениях. Четыре раза в значении 'загон (для скота)' (μάνδρα). Например: лаеть вь таінѣіхъ ѣко левь вь оградѣ своеі. Пс 9, 30 Син; овьца вьнѣ ограды блѫждааше. Супр 498, 29 (аналогично Супр 166, 19 и 565, 19). Пятый раз в Ен: Начѧтъкъ индиктиѡноу. и памѧть. прѣп[о]добномоу о/ть/цоу нашемоу семеоноу стлѣпнікоу. иже вь оградѣ. Ен 20а13. Греческое соотвествие здесь неизвестно. Значение, несомненно, иное, чем в Син и Супр. Возможно, здесь имеется в виду рай, райские сады (что и дает нам возможность включить ограда в Вук в данную группу слов)[29].

Пещера. Это слово дважды употребляется в Вук в значении 'притон, убежище (преступников)' в соответствии с врьтьпь в старославянских евангелиях тетрах. Например: храмь мои. храмь м/о/литвѣ наречеть се. вы же створисте и пещероу разбоиникомь. Мт 21, 13 (л. 49в, стр.205); то же Мк 11, 17 (л. 120д, стр.348). В Мк 11, 17 (л. 73д, стр.253) и Л 19, 46 (л. 108д, стр.324) – врьтопь, как в Зогр и Мар. В Сав (как и в Остр) слово пещера встречается один раз, но в значении 'пещера': приде кь гробоу. бѣ же пещера. и камень належаше на нѧ И 11, 38. В других старославянских евангелиях здесь пещь. В сходном с Вук значении пещера употребляется в единичных случаях только в Супр. Например: вѣсть ѳома ариѩ. вѣсть и отьгонитъ. не приѩемлетъ чьсти блазьничѧ. не вьлазитъ вь оубительничьскѧ пештерѧ. не вьдворитъ сѧ с ѥним. Супр 510, 3[30].

Плѣнь. В соответствии со словом користь (τὰ σκῦλα) старославянских тетров в Вук в значении 'добыча, военные трофеи' употребляется слово плѣнь: и плѣнь ѩего раздаѩеть. Л 11, 22 (л. 93а, стр.293). Это значение из числа СП знает только Супр: вь кои (рѧцѣ – *р. ц.*) приѧ иноѧзыч'ника плѣнь. Супр 521, 6; плѣнь разграбить. Супр 329, 6. Ср. глагол в значении соответствующем значении: аламоундарь ... иде на аравиѩ и на палестинь со многоѩ ѩаростиѩ на грькы вьсѧдоу плѣнѩаѧ. и несьвѣдами поѩемлѧ плѣнникы. Супр 291, 29[31].

Страна см. страхованиѥ (стр. 265).

Скопьць. Это слово в старославянском языке употребляется только

---

29 Ср. в Словаре Срезневского примеры употребления сущ. оградь (т. II, стр. 609). См.: Словарь Дьяченко, стр.374–375; Ягич, стр. 330, 412, 428. Ср. также значение сущ. ограда 'обитель монастыря' в "Словаре церковнославянского и русского языка". СПб., 1847, т. III, стр. 46.

30 См.: Ягич, стр.330–331 и примечание в статье врьтьпь в словаре ЧСАН, т.I, стр.225.

31 См.: Ягич, стр. 280, 473, а также словари Миклошича, Срезневского.

в Супр (трижды) со значением 'кастрат' (εὐνοῦχος): 60, 19-20 и 30; 37I, 2. При этом один раз в цитате из евангелия: ...сѧть скопьци иже скопишѧ сѧ сами цѣсарьствиꙗ ради небесьнаго. Супр 37I, 2-4 (Мт I9, I2; в Мар, Ас и Сав здесь каженици). В Вук в этом стихе находим оба слова: соуть бо каженици. иже изь чрѣва матерьна родише се тако. соуть скопьци ꙗже скопише ꙗе члвѣци (sic!) и соуть скопьци ꙗже скопише се сами цр҃ьства ради нб҃наго. Мт I9, I2 (л. 56г, стр.220). Аналогично существительным употребляются и однокоренные глаголы скопити (сѧ) и исказити (сѧ), казити (сѧ). В Супр и Вук - скопити (сѧ), в Мар и Ас - исказити (сѧ), в Сав - казити (сѧ).

Строитель. В Вук трижды употребляется это слово в значении 'управляющий домом, хозяйством, эконом' в соответствии с приставьникъ старославянских евангелий. Например: Л I6, I и 3 (л. I03в, стр.3I3 и л.I03г, стр.3I4). Один раз в соответствии с икономъ (Л I6, 8, л. I03д, стр.3I4). В трех остальных случаях в этом значении сохраняется старое приставьникъ: Мт 20, 8 (л. 48а, стр.203); Л 8, 3 (л. 85д, стр.278); Л I2, 42 (л. 99а, стр.305). Например: кѣто убо ꙗесть вѣрьны приставьникь и моудры. Л I2, 42. Строитель употребляется в языке СП только четыре раза (в Супр) и всегда в несколько ином значении, нежели икономъ и приставьникъ в евангельских текстах. Дважды в значении 'управляющий хозяйством монастыря, эконом монастыря'. Например: Блаженикъ оубо Сава того приимь, прѣда и строителю монастырьскоуоумоу. Супр 283, I2-I3 (аналогично Супр 283, 29). Дважды в значении 'творец, создатель и (вместе с тем) хранитель, покровитель'. Например: строитель вьсеи твари. Супр I43, I6 (аналогично Супр 54, 20)[32].

Съжеженіе. Рядом с жрьтва в Вук употребляется съжеженіе на месте грецизма олокавѣтоматъ (ὁλοκαύτωμα) в Зогр и Мар: и иже любити ближьнаго ꙗко и себе. се бо боле ꙗесть вьсѣхь съжежении жрьтвь. Мк I2, 33 Вук (л. I24в, стр.355). Съжежение в близком значении употребляется один раз в Супр: смрадь бо съжеженіꙗ ꙗею ꙗеште вь ноздрехь моихь ꙗесть. Супр I98, 20-2I. В Клоц - олокавѣтоматъ (2в 40). Вьсесьжагаꙗемь - в Ас (Мк I2, 33), вьсесьжеженіе - в Супр (9I, 25-26)[33].

Сапрьникъ. В СП сапрьникъ (ἀντίδικος) употребляется дважды (Супр 3I3, I0 и 328, I6). В Вук это слово в соответствии с сапрь старославянских кодексов встречаются в трех стихах: Мт 5, 25 (л. 29, стр. I66); Л I2, 58 (л. 99д, стр.306); Л I8, 3 (л. I25в, стр.357). Например: боуди оувѣщаваꙗе се сь соупьрьникомь своимь ... да прѣдасть тебе соупьрьникь соуди. Мт 5, 25[34].

---

32 См.: Словарь Даничича, т.Ш, стр.I86 (статья строитель) и стр.I85 (статья строиникъ); см. также: Ягич, стр.309-3I0.

33 Там же, стр.3I4; Z. Hauptová. K otázce analyzy staroslověnského lexika. "Slavia", ročn. XXXVII, seš. 2, стр. 231.

34 См.: Ягич, стр.296.

Трѣба. Это слово один раз встречается в Вук: ихьже крьвь пилать сьмѣси сь трѣбами ихь. Л 13, 1 Вук (л. 100а, стр.307). Трѣба употребляется в СП девять раз и при этом только в Евх и Супр, тогда как синонимичное ему жрьтва принадлежит к широко распространенным в СП словам, оно разнообразно фразеологически и семантически. В Вук жрьтва употребляется в четырех стихах: Мт 9, 13 (л. 39г, стр.186); Мт 12, 7 (л. 37в, стр.181); Мк 9, 49 (л. 117г, стр.342); Мк 12, 33 (л. 124в, стр.355).

Оудебелѣти. В СП этот глагол употребляется один раз: оудебелѣ бо срьдьце людии сихь. Супр 334, 22, где повторяется евангельский стих Мт 13, 15, в котором в Зогр - оутлѣстѣти, в Мар - отльстѣти. В Вук здесь - оудебелѣти (л. 40в, стр.187).

Оукарѣати. Вместо глагола досаждати в Зогр и Мар в нашем памятнике соответственно употребляется оукарѣати: оучителю си г/лаго/ле и нась оукарѣеши. Л 11, 45 Вук (л. 96в, стр.297). В старославянских евангелиях этот глагол не встречается, его знает только Клоц и Супр, правда, его совершенный вид оукорити известен старославянским кодексам. Аналогично прорасти (Мт 13, 26) и процвисти (Мт 24, 32) в Вук употребляются на месте широко распространенного в старославянском языке, в том числе и в евангельских текстах, глагола прозѧбнѫти. Прорасти отмечено только один раз в Супр, процвисти - в Син Клоц и Супр. Вместе с тем в Вук прозѧбнѫти употребляется вместо редкого в СП прошибати сѧ (προσρήγνυμι) отмеченного только в Л 21, 30, Зогр и Мар.

Цѧта. Для обозначения названий денежных единиц в евангельских текстах различных славянских редакций характерно обилие синонимов, назначение которых, вне конкретных исторических условий, указать прежде всего, крупная или мелкая монета имеется в виду, а не ее реальное денежное выражение. Существительному цѧта в значении 'мелкая монета' в старославянских кодексах соответствуют кодрантъ (Мт 5, 26 Зогр Мар), лепта (Л 21, 2 Зогр Мар Ас) и мѣра (там же, Сав), пѣнѧзь (Л 20, 24 Зогр Мар). Слова цѧта старославянские евангелия не знают. Как это отметил еще Ягич в своем послесловии к Мар, это — юго-восточное слово. В СП оно известно только в Евх (103в 24 и 25). Ср. также цѧтоимьство в Супр (2, 26). На месте скѫлѧзь Мар и Сав в Вук употребляется златица и образъ: чьто ме искоушаѥете лицемѣри. покажите ми златицу киносну ѡни же принесоше ѥемоу пѣнезь. Мт 22, 19 Вук (л. 61в, стр.229); в другом месте: Покажите ми ѡбразь кинось. Мт 22, 19 Вук (л. 151а, стр.409). Златица в СП употребляется 11 раз, но только в Супр[35].

---

[35] Ягич, стр.305-306, 312, 394, 406; Горалек, стр.93.

Шиꙗ. В Вук шиꙗ употребляется один раз: аще ѡбложеть камень жрьновьны ѡ шии ꙗего. Мк 9, 42 (л. 117а, стр.341). В СП это hapax legomenon (Супр 237, 2). Трижды в Вук сохраняется выꙗ, широко распространенное в СП - оно отмечено в евангелиях, в Син, Евх и Супр, Л 15, 20 (л. 128г, стр.364); Л 17, 2 (л. 104в, стр.315); Мт 18, 6 (л. 47а, стр.201)[36].

Ѯродь. Это слово и его производные из числа СП известно только в Супр. В Вук оно отмечено в Мт 5, 22; Мт 23, 17 и 19 (л. 53г, стр. 214). Например: а юже реч/е/ть оуроде. повинень ꙗесть ꙗезероу ѡгньноу. Мт 5, 22 Вук (л. 29, стр.166). В старославянских евангелиях здесь боуи, которое известно и Вук: Мт 23, 19 (л. 152г, стр.412); Мт 25, 3 (л. 154в, стр.415) и некоторые другие[37].

В третью группу, характерную для лексики Вук, входят слова, которые не употребляются в СП. Часть из них, наиболее многочисленная, характеризуется тем, что в старославянском языке известны родственные по значению слова одного корня с соответствующими словами Вук. Это слова типа витальница Вук при ст.-сл. витати, вонꙗлица Вук при ст.-сл. вонꙗти и вонꙗ, лѣвица Вук при ст.-сл. лѣвъ и др. Остальные слова этой группы образованы от корней, от которых в СП отсутствуют родственные по значению слова. Эту подгруппу составляют слова: дьнѣ, дьньнь, комарь, кьбль, тоболь, чрѣзь, пѣтль. Всего в данной группе насчитывалось около 50 слов, отсутствующих в СП. В известной мере это характерная цифра, один из показателей своеобразия памятника. В Зогр, Мар и Ас, по нашим подсчетам, также содержится примерно 50 слов в каждом отдельном памятнике, которые отсутствуют в остальных четырнадцати СП. В Сав таких слов значительно меньше, хотя по другим показателям Сав - наиболее лексически своеобразный текст в кругу старославянских евангелий.

Приведем примеры употребления слов третьей группы (отсутствие заглавных слов в СП в дальнейшем не оговаривается).

Бытьнь см. придѫщии (стр.267).

Витальница. В Вук где ꙗесть витальница. идеже паскоу сь оученикы моими сьнѣмь. Л 22,11 (л. 135а, стр.177 и л. 157г, стр.422). Здесь витальница (κατάλυμα) со значением 'жилое помещение, жилье' употребляется в соответствии с обитѣль в Зогр и Мар. В другом месте слову обитѣль в Зогр, Мар, Ас bis и Сав соответствует храмъ: вь домоу ѡтца моꙗего храми мнози соуть. И 14, 2 Вук (л. 163г, стр.434). Как в Зогр, Мар и Ас в Вук употребляется гнѣздо (κατασκήνωσις) там, где в Сав обитѣль (Л 9, 58, л. 104г, стр.316). Дважды в Вук находим и

---

36 См.: Ягич, стр.428, 453, 473.

37 Там же, стр.328; см. также словари Миклошича и Срезневского.

обитѣль: И 14, 2 (л. 24а, стр.155) и Мк 14, 14 (л. 129д, стр. 366)[38].

Власѣница. Это слово в значении 'грубая (волосяная) одежда, власяница' (σάκκος) употребляется в соответствии с врѣтище Зогр и Мар: ако аще вь тоурѣ и сидонѣ. быше сили были, бывьшеѥ вь вас/ь/. прѣжде оубо вь власѣници. и вь пепелѣ покаѩали се быше. Мт 11, 21 Вук (л. 36д, стр.180). Сходный текст: Л 10, 13 Вук (л. 90а, стр.287); в Зогр и Мар здесь врѣтище[39]. В соответствии с врѣтище (σάκκος) 'сума, мошна' в Вук – мѣшьць: не носите ни вьлагалища. ни мѣшьца. Л 10, 4 (л. 89г, стр.286). Мѣшьць употребляется и в соответствии с грецизмом пира в Мк 6, 8 Зогр Мар (Вук л. 66г, стр.240; то же в Мст. ев.). В СП в этом и близком значениях употреблялись также слова мѣхъ, мошьна и вьлагалище, но мѣшьць не было[40].

Вонѩалица. В Вук в значении 'мята' или, точнее, для обозначения особого ее сорта употребляется сущ. вонѩалица: ѡ горе вамь фарисеи ѩко десетину даѥте ѿ вонѣлиць. и пигана, и вьсего зелиѩа. чрѣзь соудь ходите. и любовь б/о/жию. Л 11, 42 Вук (л. 95а, стр.297). Грецизм пиганъ (πήγανον) 'рута' (ароматное садовое растение) здесь сохраняется, но появляется предлог чрѣзъ, не зафиксированный в СП. Ср. тот же стих в Зогр: Нѣ горе вамъ. фарисѣомъ. ѣко десѧтиня даете отъ мѧты. і пиганъ. і вьсѣкого зельѣ. і мимо ходите сѧдъ і любовь б/о/жию. (то же в Мар; то же в Юрьевск. ев.). В других местах Вук вместо ст.-сл. мѧта (в Мар; в Зогр этот лист утрачен) находим вариант метва (Мт 23, 23, л. 53г, стр.214 и л.152д, стр.412; в Ник здесь также метва)[41].

Вьсходьница. В значении 'верхнее помещение, горница' один раз в Вук употребляется вьсходьница: и ть вамь покажеть вьсходьницу великоу постьланоу. Л 22, 12 (л. 157г, стр.422). В Мк 14, 15 (л. 129, стр.366) сохраняется горьница, как и в Зогр и Мар в обоих случаях[42].

Дьнѣ. В СП нет этого наречия[43]. В Вук наречие дьнѣ (ἔσω δέν) употребляется в значении 'внутри' в соответствии со ст.-сл. вьнѫтрьѩдоу,

---

38 См.: Ягич, стр.371; словари Миклошича и Срезневского (витальница довольно широко употреблялось в восточнославянских рукописях).

39 См.: Ягич, стр.331.

40 Там же, стр. 316.

41 Там же, стр.365. Слова мѣтва и особенно мѣтвица характерны для сербохорватского языка.

42 См.: Ягич, стр.336; Словарь Срезневского, т.I, стр.428–429.

43 Наречие дьнѣ широко употребляется в церковнославянских памятниках. См. словари Востокова, Миклошича, Срезневского (словарная статья дьно). Этимология дьнѣ и отношение его к сущ. бездьна и дьна СП недостаточно ясны.

вьнѫтрьѩдѣ, ѫтрьѩдѫ: горе вамь книжьници и фарисеи лицемѣри. ꙗко ѡчищаꙗете вьнѣшнеꙗе стьклѣници и блюдоу. а днѣ соуть пльни хыщениꙗ. и нечистоты. Вук Мт 23, 25 (л. 53д, стр.214). В другом месте рукописи в этом же стихе испорченный текст: ... доньдѣже соуть пльни хыщениꙗ. и нечистоты. Мт 23, 25 Вук (л. 152д, стр.412). В Мар здесь – ѫтрьѩдѫ. Но далее: подобите се гробомь повапленомь. иже вьнѣвдоу соуть красні. вьноутрь же пльни соуть костеи мрьтвыхь и вьсѣкоꙗе нечистоты. Мт 23, 27 Вук (л. 54а, стр.215 и л.153а стр.413). В Мар здесь – вьнѫтрьѩдѫ. Ср.: и ть извьноутрь ѿвещавь... Л 11, 7 Вук (л. 92а, стр.291). В СП: І ть із ѫтрьѩдоу отьвѣштавь... Л 11, 7 Зогр Мар Ас Сав.

Дьньнъ. Это слово также неизвестно СП. В Вук оно употребляется в соответствии со ст.-сл. вьнѫтрьнꙗе (τὸ ἐντός): ѡчисти прѣжде дьньноꙗе стьклѣници и блюдоу. Мт 23, 26 Вук (л. 53д, стр.214; в этом же стихе на листе 152д, стр.412, – дьньныꙗе). В Мар – вьнѫтрьнее. В Л 11, 39 Вук (л. 95а, стр.297) – вьноутрьнаꙗ – аналогично Зогр и Мар.

Жалище. В Вук это слово употребляется один раз в значении 'гробница, могила': стрѣтоста и два бѣсна. ѿ жалищь исходеща. лоутѣ зѣло. Мт 8, 28 Вук (л. 39д, стр.186). В Зогр здесь – от гребиштъ, в Ас – оть гробиштъ, в Мар – оть жалии, в Сав – оть гроба; в Остр и Ник – оть гробъ. Гробъ употребляется в Вук часто: Мт 23, 27 (л. 53д, стр. 214; л. 153а, стр.413); Мт 27, 60 (л. 173а, стр.453; л. 177д, стр. 462); Мк 5, 2 и 3 (л. 63в, стр.233 bis). Жалище отсутствует в словарях Миклошича, Срезневского, Востокова, Даничича, ЧСАН, как и слово съблазньникъ (см. ниже, стр. 269).

Запона. В Мт 27, 51 Вук употребляется грецизм катапетазма (л.172а, стр.452 и л 177а, стр.461), как и в Зогр Мар Ас. В Сав здесь опона. В Л 23, 45 в Вук дважды в этом же значении употребляется запона: и помрьче слуньце. и запона црьквьна раздрасе на двоꙗе. (л. 139в, стр. 385; то же л. 173г, стр.454). В Зогр и Мар здесь катапетазма[44]. В Супр. – опона (485, 21; ср. 475, 15 – Мт 27, 51).

Комарь. Это слово и однокоренные с ним отсутствуют в СП. В Вук, как и во многих церковнославянских евангелиях и других памятниках различных редакций, комарь употребляется в том же значении, что и ст.-сл. мьшица (κώνωψ) 'комар'. Например: вождеве слѣпи ѡцѣждаете комарь. а вельблоудь пожирающе. Мт 23, 24 Вук (л. 53д, стр.214). В Мар тот же стих: вожди слѣпии оцѣждаꙗщеи мьшицѫ. а вельбѫдь поглъштаꙗще (с характерным несовпадением обеих глагольных форм). В Вук

---

44 См.: Ягич, стр.311. Запона довольно широко употребляется в этом значении в восточнославянских евангелиях (Словарь Срезневского, т.I, стр.938).

употребляется в этом же значении и мышьца (ср. русск. мошка): вождеве слѣпи. ѡцѣждающе мышьце и вельблюди пожирающе. Мт 23, 24 (л. 152д, стр.412). Ср. в восточнославянских памятниках: ѡчищающе мышьцѣ, а вельбоудѣ поглѣчающе. Мт 23, 24 ев. 1270 г.; Придоша пьсиꙗ моухы и мышца вь всѧ предѣлы ихь. Пс. 104, 31, псалтырь 1296 г. (в Син здесь мьшицꙗ)[45]. В СП мышьца употребляется только в значении 'мышца'. То же значение указывает Караджич в своем словаре (ст. мишица)[46].

Кьбль. В СП ни это слово, ни его производные неизвестны. В Вук кьбль употребляется в соответствии с чьвань старославянских тетров в значении 'кружка' (ξέστης): прѣꙗше дрьжати. ѡмыванꙗ стьклѣницамь. и кьбломь. и котьломь и ѡдромь. Мк 7, 4 Вук (л. 69а, стр.245). В Мк 7, 8 Вук не месте чьвань Зогр и Мар находим котьль: ѡмьвенꙗ котломь и стьклѣницамь. (л. 69г, стр.246). То же слово в форме кьбьль находим в Охридском списке первоевангелия Иакова - памятнике сербского письма, списанного с болгарского оригинала: и вьзьмши кьбьль и ꙗзыде почрьсти воды (в другом, так наз. макарьевском списке - водонось)[47].

Лѣвица. В Зогр Мар Ас Сав употребляется только шоуица, в остальных СП нет слов с этим значением. Только в Супр прилагательное лѣвь выступает в функции существительного: ꙗви сѧ же сѧ диꙗволь о десняꙗ дрьжа мечь. о лѣвьꙗ же змии. Супр 76, 5. В Вук один раз употребляется слово лѣвица в значении 'левая рука': да не чоуꙗеть лѣвица твоꙗ чьто творить десница твоꙗ. Мт 6, 1 (л. 140а, стр.387). Характерно, что наречие о лѣвьꙗ 'по левую сторону, слева' (ἐξ εὐωνύμων, ἐξ ἀριστερῶν) известно только в Зогр и Сав (а также всегда в Остр и в ряде других восточнославянских евангелий). В Мар и Ас здесь во всех случаях - о шюꙗ или о шюьꙗ последнее отмечено и в Зогр. В Супр: лоучи же сѧ пѡнию поставьти о десняꙗ. митридора же о лѣвьꙗ. 141, 12 (аналогично 162, 18). В Вук три раза употребляется ѡ шоую и пять раз ѡ лѣвоую. Интересно явно стилистическое совмещение

---

45 Цитирую по Словарю Срезневского.

46 См.: Ягич, стр.364.

47 См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. М., 1967, т.II, стр.267 (кобел II). - В.Ягич (на стр.356) указывает дублеты ст.-сл. чьвань - кръчагъ, скѧдѣльникъ и некоторые другие, но кьбль не приводит. См. также: П.А. Лавров. Охридский список первоевангелия Иакова. "Изв. ОРЯС", 1901, т.VI, кн.1, стр.13. Ср.: И.В. Ягич. Критические заметки к славянскому переводу двух апокрифических сказаний, I. СПб., 1898, стр.17 (о словах кобель - водонось). В Словаре Даничича кьбль - только мера сыпучих тел (см. примеры, т.I, стр.515-516).

обоих слов на одном обороте листа: рци да седета сила ѡба с[ы]на моя. ѥдинь ѡ десноую тебе и ѥдинь ѡ шоую тебе... а ѥже сѣсти десьноую мене и ѡ лѣвую... Мт 20, 21 и 23 (л. 48г и д, стр.204). Еще дважды ѡ шоую – в Л 23, 33 (л. 138д, стр.384 и л. 173в, стр.453)[48].

Мечьнь. В СП нет этого прилагательного. В Л 21, 24: ꙗ падѧть вь остри меча. Зогр Мар. В Вук здесь мечьнь: и падоуть ѡстриѥмь мечьнымь. (л. 112г, стр.332). То же в Юрьевском евангелии.

Мьшьць (см. стр.264, слово власѣница).

Окольнь. В старославянских тетрах, Сав, Син, и Ен употребляется только окрьстьнь; в других памятниках нет слов с этим значением. В Вук – окольнь: ѡпоусти народы. да шедьше вь ѡкольныѥ вьси витають. Л 9, 12 (л. 86г, стр.280; то же Мк 6, 36, л. 67а, стр.241; в обоих стихах сравнительно со старославянским текстом опущено в первом случае слово села, во втором – вьсехъ).

Омываниѥ. Редкое в языке СП крьщениѥ (отмечено только в Мк 7, 4 и 8 в Зогр и Мар) в значении 'омовение, мытье' в Вук в одном стихе заменяется на омываниѥ (Мк 7, 4, контекст см. выше при слове кьблъ, стр.266); в другом – на омьвениѥ (Мк 7, 8, контекст приведен там же, стр.266). Последнее слово известно и в Евх 33а 6. Ср. оумываниѥ в Мар – И 133а 17.

Постижьно. Это слово в значении 'довольно, достаточно' (ἱκανόν) один раз употребляется в Вук: ѡни же рѣше ѿ се ножа зде два. ѡнь же рече имь постижьно ѥсть. Л 22, 38 (л. 158г, стр.424). В этом же стихе находим и довольно (на л. 136а, стр.379), так же как в старославянских тетрах. Ср.: ... онъ же рече дъвъльно есть. Л 22, 38 Зогр (в Мар – довольно). Известные в языке СП непостижьнь (Евх), постигнѧти (Зогр Мар Син Евх Клоц Супр Ен) и постижениѥ (Супр) употребляются в другом смысле.

Придѧщии. Это слово употребляется в Вук в Мт 6, 11 (ἐπιούσιος): хлѣбь нашь придоущии даждь намь днесь (л. 140в, стр.387). Его дублетом в Вук в том же выражении о хлебе с тем же греческим соответствием является бытьнь, возможно, сербизм: хлѣбь нашь бытьнии. даждь намь дньсь. Л 11, 3 Вук (л. 91д, стр.290). В старославянских и церковнославянских евангелиях греческое Τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον δὸς ἡμῖν σήμερον, стр.13) переводится столь разнообразно, что вызвало своего рода дискуссию в палеославистике, при этом высказывались самые различные точки зрения: переводчики искали более точный эквивалент греческого прилагательного, ориентировались на латинский текст panis quotidianus, имели в виду некий западный источник[49].

---

48 См.: Ягич, стр.417.

49 См.: Ягич, стр.367; J. Vajs. Byzantská recense a evangelijní kodexy staroslovenské. "Byzantinoslavica", I, 1929, стр.5; В. Погo-

Следует отметить, что в Вук представлено сразу два, и при этом сравнительно редких, славянских эквивалента. В числе последних в церковнославянских евангелиях употреблялись в отдельных списках также прѣидоущии и достоинь ѥстьствоу. В старославянских евангелиях находим четыре прилагательных: хлѣбъ нашь д'невьны. даждь намь всакь д'нь. Л II, 3 Сав (в Зогр – надьневьны, в Мар, а также и в Остр – насѫштьны, в Ник – иносоуштьны); настоѩштааго д'не в Зогр [принимаем поправку Л.Мошинского к изданию Зогр; Ягич (стр.367) предполагал именно это чтение, но не внес его в текст], наставьшаго д'не Мт 6, II Сав и Мар; в Ас, а также в Остр и Ник – насѫщьны.

Отметим, что бытьнь изредка встречается также в древнерусских евангелиях (ев. 1270 г. и ев. 1409 г. – по материалам словарей Востокова и Срезневского). Прилагательное придѫщии в словарях Срезневского, Востокова и Миклошича не отмечено.

Приплодь. Это слово отмечено в Вук в Л 19, 23 (τόκος) со значением 'прибыль, проценты, рост': и азь придь сь приплодомь (л. 107г, стр. 322). В СП здесь – съ лихвоѩ (в Зогр, Мар и Ас). То же слово лихва употребляется и в Син и в Мт 25, 27 Зогр Мар Ас Сав (то же дважды и в Остр). В Вук в этом стихе сохраняется старославянское слово лихва. Интересно, что в передаче этого стиха в Супр лихва заменяется на вьзвить: подоба ти бѣ дати сьребро мое прикоуть творѧштиимь. и азь пришьд' оубо вьзѧль быхь моѥ сь вьзвитиѥ Супр 370, 1. Ср. также: азь оубо истѧзаль бимь сь вьзвитиѥ. вьзвить мьнѧ послоушаниѥ дѣль показаниѥ Супр 377, 16. См. Вук (л. 72в, стр.251 и л.155в, стр. 417). В Л 19, 23 приплодь употребляется во многих древнерусских евангелиях. Глагол приплодити в СП отмечен один раз в Мар со значением 'принести плоды, дать урожай' (Мк 4, 8), в Зогр этот текст утрачен. В Вук этот глагол сохраняется: ... дроугоѥ паде на земли добрѣ. и даѥше плод/ь/ вьсходе и расте. и приплодиѡво. л҃. ѡво ѯ҃. ѡво р҃. Мк 4, 8 Вук (л. 61а, стр.229). Характерно, что в Супр здесь сьтворити: ... акоже плодь сьтворити. вь л҃. и ѯ҃ и р҃. Супр 533, 20-21.

Проходь. Вук в числе других не знает и редкого для старославянского языка грецизма афедронь (ἀφεδρών). Емоу соответствует славянское слово проходь: не разоумѣѥте ли ѥако вьсе ѥже из вьноу вьходить вь члвка. не можеть ѥго ѡскврьнити. ѥако не входить вь срдьце ѥго нь вь чрѣво. и скозѣ проходь исходить. Мк 7, 19 Вук (л. 70а, стр.247). Аналогично в Юрьевском евангелии в Мт 15, 17 (в Вук этот стих отсутствует).

р е л о в. Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. III. Опыт изучения текста Саввиной книги. "Sborník filosofické fakulty university Komenského", ročn. V. Číslo pojednání 46-49. Bratislava, 1927, стр. 34; J. Cibulka. Επιούσιος – насѫщьнии – quotidianus-vezdejší. "Slavia", ročn. 25, seš. 3, 1956.

Аналогично афедронъ заменен в Вук и другой грецизм – тектонъ (который известен в СП только по Зогр и Мар). Ему соответствует древнее славянское сложение дрѣводѣлꙗ (Мк 6, 3, л. 66а, стр.239). Дрѣводѣлꙗ в СП известно только как гапакс Супр (243, 13). Аналогично употребляется дрѣводѣлинъ вместо тектононъ в Мт 13, 55 вместо тектононъ Зогр и Мар: не се ли ѥсть дрѣводѣлинъ сн҃ъ. Вук (л. 42в, стр.191).

Пѣтелъ. В значении 'петух' (ἀλέκτωρ) в СП употребляются коуръ и кокотъ; пѣтель в них неизвестно, хотя этимологически родственные пѣти, пѣснь, пѣвьць и др. широко употребляются. В Вук (как и в Ник) постоянно употребляется пѣтель. Например: право право г/лаго/лю тебѣ. не вьспоеть пѣтель доньдѣже ѿврьжеши се трижи. И 13, 38 (л. 163г, стр.434). То же: Мт 26, 34, 74 и 75; Мк 14, 30, 68 и 72 bis; Л 22, 34, 60, 61; И 18, 27[50]. Коуръ отмечено во всех старославянских евангелиях, кроме Мар, в котором, единственном из СП, употребляется кокотъ. Интересно, что почти терминологическое для евангельского языка коуроглашениѥ сохраняется в Вук: бдите оубо не вѣсте бо когда гн҃ь домоу придеть. вечерь или полоунощи. или вь коуроглашениѥ. или заоутра. Мк 13, 35 (л. 127в, стр.361). В Ник здесь – пѣтель глашениѥ.

Соха. В соответствии со ст.-сл. дрьколь в Вук употребляется соха (ξύλον) в значении 'дубинка, палка'. Например: ꙗко на разбоиникь ли придосте сь мечи и сь сохами. Л 22, 52 Вук (л. 136д, стр.380). В Зогр Мар (то же в Остр) здесь – дрькольми. В сходных контекстах в Сав – жрьдь (Мт 26, 47 и 55). Ср. В Супр в близком значении однокоренное посоха: повелѣ анеѵпатъ принести врѣтиште. и вьсадити и вь не ... и бити и. посохами. Супр 112, 5. Дрьколь часто употребляется в Вук: Мт 26, 47 и 55 (лл. 161д и 162в, стр.430 и 431); Мк 14, 43 и 48 (л. 130д, стр.368 и л. 131а, стр.369)[51].

Съблазньникъ. Это слово не значится в словарях Миклошича, Даничича, Востокова, Срезневского. В Вук оно один раз употребляется в соответствии с съблазнъ в других евангелиях: послеть сн҃ь чл҃вчьскы. анг҃лы своѥ и сьбирають ѿ цр҃ьства ѥго. вьсе сьблазньникы творещеѥ безакониѥ. Мт 13, 41 (л. 179г–д, стр.466). Ср. в Зогр: ... і съберѫть отъ цр҃ьсиѣ его. всѧ съблазны. і творѧштѧіѧ безаконие. В Вук опущен союз и, и, таким образом, съблазньникъ имеет значение 'тот, кто совершает ошибки, вводит в грех, в соблазн'. В остальных случаях употребляется съблазнъ: Мт 16, 23 (л. 45в, стр.197); Мт 18, 7 (л. 47а, стр.201); Л 17, 1 (л. 104в, стр.315); Мт 13, 41 (л. 41в, стр. 189). Слово съблазнъ находим и вместо призракъ старославянских евангелий: І видѣвьше и оученици ходѧшть по морю. съмѧтошѧ сѧ глг҃ште.

---

50 См.: Ягич, стр.355.

51 Там же, стр.342; Воскресенский, стр.271.

ѣко призракъ есть. Мт 14, 26 Зогр Мар Ас Сав; ... ꙗко сьблазнь ꙗесть. (л. 50а, стр.207)[52].

Оупражнꙗти. В Вук употребляется глагол оупражнꙗти в соответствии с опражнꙗти Зогр и Мар (а также Остр): рече же кь виноград/а/реви. се третиѥ лѣто ѿ нелѣже прихождоу ище плода на смокви сеи и не ѡбрѣтаю. посѣци ю. вьскоую землю оупражнѣꙗеть. Л 13, 7 Вук (л. 100в, стр.307; то же в Ник). Глагол оупразнити отмечен в Син, Супр и Ен. Заметим, что вариация однокоренных имен и глаголов с приставками оу- и о- характерна для многих старославянских и церковнославянских памятников и связана с ареальными особенностями семантического развития этих приставок. Например, в СП можно отметить значительное количество таких слов-вариантов. Например: ѹзьлобити и озьлобити, оужесточениѥ и ожесточениѥ, оуплѣчити сѧ и оплѣчити сѧ, оусырити сѧ и осырѣти сѧ и т.д.

Оусѣкатель. В СП нет этого слова, хотя употребляются граголы оусѣкнѫти в Зогр, Мар, Ас и Сав в значении 'обезглавить', отьсѣкати в Супр в значении 'отрезать', съсѣкати в Евх в значении 'уничтожать' и отглагольное существительное оусѣкновениѥ в Ас в значении 'обезглавливание' (то же в Ник). Оусѣкатель употребляется в Вук в соответствии с σπεκουλάτωρ греческого протографа, т.е. в значении 'копьеносец, царский телохранитель, на котором лежала обязанность казнить по личному повелению царя': и абиѥ пославь цр҃ь оусѣкатель. повелѣ принести главоу ꙗего. Мк 6, 27 Вук (л. 182д, стр.472). В Зогр и Мар здесь менее точный перевод: воинъ, в Ас - грецизм спекулаторъ. В Остр - мечьникь (в СП нет этого слова). Слово воинъ в других значениях широко употребляется в Вук (см. хотя бы вышеприведенные примеры при слове спира, стр.256)[53].

Оутѣшитель. Как и оусѣкатель, существительное оутѣшитель отсутствует в СП, хотя в большинстве памятников широко употребляется ряд однокоренных слов - глаголы оутѣшити и оутѣшати, существительное оутѣшениѥ, в Супр находим прилагательное оутѣшьнь. В Вук оутѣшитель παράκλητος встречается дважды: азь оу҃млю ѿца. и иного ѹтѣшителѣ дасть вамь. да боудеть с вами вь вѣки. И 14, 16 (л. 164а, стр.435). В Сав здесь один раз оувѣтьникь (л. 25а, гапакс в СП), другой - параклитъ (л. 101а). Параклитъ в данном стихе в Вук также употребляется (л. 24г, стр.156), то же в Зогр и Мар и дважды в Ас. Второй раз в И 14,

---

52 См.: Ягич, стр.318; Горалек, стр.71.

53 См.: Ягич, стр.319; Мар (послесловие, стр.474). Слово мечьникь широко употребляется в древнерусских памятниках (см.: Словарь Срезневского, т.II, стр.132). В Словаре ЧСАН оно отмечено только в приведенном стихе в Остр. См. также: Горалек, стр.76 и 101.

26: оутѣшитель же д/оу/хъ истиньнии. (л. 164в - 164г, стр.435-436). В Зогр, Мар и Ас здесь - параклитъ[54].

Тоболъ. Ни это слово, ни его производные не отмечены в СП. В славянских языках обычно употребляется его уменьшительный вариант - тобольць[55]. В Вук тоболъ (тоболац) отмечено в значении, в котором в старославянских и церковнославянских памятниках употребляются слова пира, мошьна, врѣтище, мѣхъ, мѣшьць (см. выше слово власѣница, стр. 264): не стежите злат/а/ ни сребра. ни мѣди при поѥасѣхь вашихь. ни тобола на пути. ни двою ризоу. Мт 10, 10 (л. 33д, стр.174). В старославянских тетрах в этом стихе употребляется слово мошьна.

Чрѣзъ. Предлог чрѣзъ и сложения с ним не отмечены в СП. В Вук этот предлог встречается один раз: ѡ горе вамь фарисеи ѥако десетину даѥете ѿ вонѣлиць. и пигана. и вьсего зелиѥа. и чрѣзь соудь ходите. и любовь бжию. Л 11, 42 (л. 95в, стр.297). Ср.: нь горе вамъ. фарисѣомъ. ѣко десѧтинѫ даете оть мѧты. і пиганъ. і вьсѣкого зельѣ. і мимо ходите сѫдъ і любовь бжиѭ. Л 11, 42 Зогр Мар. Предлог чрѣзъ имеет значение 'мимо, поверх (чего-либо)'. Обращает на себя внимание его употребление непосредственно перед существительным. Ср. ст.-сл. мимо ходити, которое, возможно, следует читать как мимоходити, т.е. как сложение (ср. аналогичные случаи употребления в старославянских евангелиях мимогрѧсти, мимоити, мимонести).

Нельзя не отметить, что в употреблении предлогов в Вук много своеобразного сравнительно с языком СП. Так, вместо изъ в Вук встречается отъ, вместо за - ради, вместо въ можно найти до, за или но, хотя в громадном количестве случаев сохраняется и старославянский предлог и синтаксическая функция его.

В отдельных случаях наблюдаются значения или оттенки значений, не отмеченные в языке СП. Так например, предлог до в Вук употребляется кроме значений, характерных и для СП, в значении 'в отношении кого-либо, против кого-либо', известном среди СП только в Супр и то в редких случаях. Ср.: азь бо не ѡбрѣтаю вины до него. И 19, 6 Вук (л. 181а, стр.469) и азъ бо не обрѣтаѭ въ нѣмь вины. И 19, 6 Зогр Мар Ас Сав (то же в Остр). Здесь с меной предлога несколько меняется и смысл фразы в целом. Ср. в Супр: аште имаши что до врага своѥго. истрьгни гнѣвъ. ицѣли ѥазвѧ. Супр 421, 26[56]. Ср.также близь в соответствии с искрь в Зогр Мар Ас (И 4, 5, л. 16г, стр.140).

---

[54] См.: Ягич, стр.315.

[55] См., например, словари Миклошича, Срезневского, Даничича, Линде.

[56] Ср.: Ст. Г е р о д е с. Старославянские предлоги. "Исследования по синтаксису старославянского языка". Прага, 1963, стр.359.

Настоящие заметки по лексике Вук не только не исчерпывают всех лексических особенностей памятника, не говоря уже о необходимости системного описания его словарного состава, но и в намеченных здесь аспектах исследования содержат лишь предварительные наблюдения. И все же данные предварительные сведения позволяют, как нам кажется, сделать определенные методологические замечания, существенные для дальнейшего углубленного изучения этой рукописи и вообще лексики древнего памятника, относящегося к языку с ограниченным количеством источников – отдельных сохранившихся письменных текстов. Эти наблюдения следующие.

Во-первых, анализ Вук сравнительно со СП показывает, что Вук, как и многие другие церковнославянские памятники, содержит обширный и важный материал для изучения словарного состава старославянского языка. Вместе с тем исследование этого материала показывает, что в принципе каждое слово Вук (и других аналогичных текстов) нуждается в специальном предварительном анализе, прежде чем оно будет использовано для объяснения каких-то лексических явлений собственно старославянского языка. Любая древняя рукопись, имеющая протографы, даже рукопись канонического содержания, – это в бо́льшей или ме́ньшей степени, но самостоятельно обработанный текст, а потому памятник определенного места и времени написания, только данного языкового ареала. Так, Вук – это памятник церковнославянского языка сербской редакции, а потому его данные для старославянской лексикологии – данные косвенные. Их нельзя отожествлять со старославянскими фактами, хотя лексика Вук в значительном количестве случаев и совпадает с лексикой других евангельских текстов, в том числе и со старославянской. Обычно, когда говорят о такой устойчивости лексики на протяжении веков и в различных литературных школах имеют в виду изолированные слова, некий конгломерат отдельных слов, а не функционирование слова в системе. Между тем слово как определенный звуковой комплекс может сохраняться в течение весьма длительного времени и на значительной территории, тогда как условия его употребления, его словообразовательные и синтагматические связи значительно более подвижны. Изменение условий употребления слова создает новые семантические оттенки и новые значения этого слова при сохранении неизменными, как самого слова как данного звукового комплекса (с учетом и определенных регулярных изменений в его звуковом составе), так и каких-то его значений, проявляющихся прежде всего в ряде конкретных сочетаний с другими словами. В качестве примера можно привести, например, иное, чем в старославянских евангелиях, значение глагола гонити в Вук в Мт 10, 23 (см. выше, стр. 250), хотя самый глагол и даже его форма те же, что и в соответствующем стихе старославянских тетров. Еще один пример: в Зогр в Мт 11, 19 слово пивьца (οἰνοπότης) означает 'пьяница' (в Мар – калька вино-

пиица), в этом же стихе ѣдьца (φάγος) 'обжора' (то же в Мар). В Вук в данном тексте греческому οἰνοπότης соответствуют два слова пиица и винопиица: приде же сн҃ь члв҃чьскы. ѣаде и пиѣе. и гл҃те сь члв҃кь ѣадьца и пиица. и винопиица. мытаремь дроугь и грѣшьникомь... Мт 11, 19 Вук (л. 36г, стр.180). В этом контексте слово пиица рядом со словом ѣадьца имеет значение 'тот, кто много пьет', а слово винопиица – 'пьяница'. В Л 7, 34 – стихе того же содержания – нет слова пиица (л. 84в, стр.275). Таким образом, новые условия контекста трансформируют значение слова. Именно поэтому лексическими материалами поздних памятников при интерпретации древних явлений нужно пользоваться с определенной осторожностью, несмотря на то, что в ряде случаев эти поздние памятники являются незаменимыми источниками при изучении словарного состава древнего периода данного или родственного языка. Между тем при изучении именно лексики таких СП, как евангелия, псалтырь и теперь апостол (в связи с недавним открытием древнейшего текста апостола – Ен), все еще недостаточно четко отделяются старославянские рукописи от позднейших и церковнославянские памятники друг от друга по времени и месту своего создания.

Такой подход к слову в старославянских и церковнославянских памятниках в современной лексикологии в определенной степени обусловлен традицией. Так например, И.В.Ягич, первооткрыватель в области старославянской и церковнославянской лексикологии, знаток лексических особенностей различных групп памятников, все же счел возможным в своем классическом труде – издании Мариинского евангелия – заменить утраченные листы Мар текстом из Дечанского евангелия, болгарской рукописи XIII в., и ввел слова из Деч в словоуказатель Мар без оговорок. Таким же образом поступают авторы Словаря старославянского языка ЧСАН, допуская как принцип совмещение в одной словарной статье разновременных и разноместных значений по сути дела различных слов.

Во-вторых, очень важно сравнивать не только памятники аналогичного содержания, например, разновременные и разноместные списки евангелий или псалтыри, но и тексты различного содержания в пределах изучаемых (сравниваемых) языков. Так анализ лексики Вук сравнительно со всеми СП показал значительную близость Вук не только к евангелиям старославянского языка, но и к таким его памятникам, как Супр. Более того, близость старославянских евангелий и Вук в области лексики – это прежде всего близость в употреблении тех слов и выражений, которые очень часто являются общеславянскими, употребляются не только в большинстве СП, но и во многих церковнославянских рукописях различных редакций. Близость же Вук к Супр, например, нередко показывает этапы исторического движения лексики, ее временные и ареальные особенности. Наблюдается определенная соотнесенность лексики Супр и лексики так называемой второй редакции евангельского текста,

к которой относится и Вук (см. выше, стр.240). Словарный состав Вук в ряде случаев восполняет, хотя и опосредствованно, недостающее звено между такими памятниками, как, например, Зогр и Мар, с одной стороны, и Супр, - с другой. Данные Вук нередко выступают в качестве необходимого связующего звена при объяснении того или иного явления СП, многое объясняют в особенностях словоупотребления старославянского языка, являются необходимыми доказательствами извне при ограниченном материале самих СП. Так, например, в таком важнейшем вопросе исследования лексики СП, каким является восстановление утраченных звеньев к лексической системе старославянского языка, данные церковнославянских рукописей, и в частности Вук, выступают как аргумент весьма существенный. Так при остальных "внутренних" (т.е. опирающихся на старославянский материал) доказательствах[57] употребление в Вук, например, слов оусѣкатель и оутѣшитель подтверждает возможность их существования в старославянском языке (т.е. употребления их в тех рукописях, которые не сохранились до нашего времени). Многочисленные единичные случаи и hapax legomena СП также нуждаются в проверке на нестаславянском материале.

В-третьих, при характеристике языка памятника важно учитывать не только "неологизмы" (типа трѣба, шиꙗ), но и их традиционные дублеты (типа жрьтва, выꙗ), которые продолжают употребляться в данном памятнике параллельно с новыми словами и имеют свои определенные семантико-стилистические особенности. Эти слова нельзя рассматривать только как факты отражения в данном списке литературного произведения каких-то особенностей языка предшествующих списков или протографа, они в полной мере характерны и для языка данной рукописи. Сохранение без изменения целого ряда уходящих из живого употребления или вообще чуждых ему слов и выражений при появлении соответствующих новых слов и выражений это далеко не всегда показатель инертности переписчика-редактора данной рукописи, это и доказательство возможности употребления этих слов и выражений, т.е. их понятности в определенной среде. Выше было показано, что те лексические особенности протографа, которые были непонятны, не воспринимались языковым сознанием современника, довольно последовательно устранялись из рукописи.

В-четвертых, сравнительное изучение Вук и СП показывает, что выявление в сопоставляемых рукописях различных лексических вариантов,

---

[57] Мы сейчас не касаемся методики восстановления системы лексики старославянского языка. Этому вопросу мы посвящаем специальную работу. Здесь нам важно подчеркнуть значение в данном плане исследования таких источников, которые находятся за пределами собственно СП.

особенно префиксальных и суффиксальных, не менее существенно для характеристики языковой системы памятника, чем определение их разнокоренных дублетов. Если употребление разнокоренных слов прежде всего показывает принадлежность данных памятников к различным культурным школам, то именно в области лексических вариантов нередко проявляется своеобразие конкретных рукописей, их индивидуальные особенности.

В-пятых, очень важно не пренебрегать анализом различного рода лексических ошибок рукописи не только для исследования говора писца, но и для обьяснения некоторых явлений более раннего памятника. Такому исследованию рукописи, особенно в плане лексикологии, до сих пор вообще не уделялось специального внимания. Между тем при изучении древнего языка, представленного считанными рукописями, изобилующими лакунами самого различного характера, специальное рассмотрение семантических искажений в более поздних памятниках относительно более ранних может пролить свет на верное, но редкое словоупотребление, известное по единичным и даже единственному примеру в древнем тексте. Такое подтверждение, а иногда и просто обьяснение извне является весьма существенным при анализе спорных и неясных случаев. Так, например, употребление в Вук изгънати и караванъ в соответствии с гънати и каръвана СП (см. выше, стр.251) говорит не только о языке писца конца XII в., но подчеркивает в первом случае ареально ограниченное, собственно болгарское значение гънати и во втором случае малую распространенность и употребительность каръвана в памятниках древней славянской письменности. В то же время употребление вь мори в Вук (см. выше, стр.254), неверного, если исходить из текста греческого протографа, позволяет иначе комментировать то же употребление в Зогр.

В-шестых, также необходим специальный анализ пропущенных и добавленных слов и выражений в рукописях канонического содержания сравнительно с аналогичными более ранними памятниками. Они редко бывают немотивированными. Так, например, в Вук, в Мк 6, 40 опущено выражение на лѣхы на лѣхы (л. 67а, стр.241). В древнерусском Юрьевском евангелии вместо него находим выражение на околы. На лѣхы на лѣхы - балканизм. Пропуск этого словосочетания в Вук еще одно косвенное подтверждение его ареальной ограниченности[58]. Таких случаев немало.

---

[58] См.: A. M. Seliščev. Des traits linguistiques communs aux langues balkaniques: un balkanisme ancien en bulgare. "Revue des études slaves", t. V, 1925, стр.57 и след.; К.Мирчев. [Отговори на въпросите за научната анкета по езикознание]. "Славянска филология", т.I. София, 1963, стр.318-320.

П.А.Дмитриев

К ВОПРОСУ О ВАРИАТИВНОСТИ ПРИСУБСТАНТИВНО-ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИДАТОЧНЫХ В СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

1.0. Основным структурным признаком присубстантивно-относительных конструкций является, как известно, наличие в ее главной части опорного (контактного) субстантивного слова (имени существительного или другой части речи, употребленной в его функции) и прикрепление к этому опорному субстантиву придаточной части (постпозитивной или интерпозитивной) с помощью относительных слов - местоимений или местоименных наречий [118, 20][1]. Этот тип сложных конструкций отмечается уже в первых памятниках сербской и хорватской письменности (как и в памятниках письменности других славянских языков), хотя наряду с ним присутствуют и другие, еще не вполне оформленные (с точки зрения норм современного синтаксиса) конструкции.

Виды конструкций присубстантивно-относительного типа принято различать прежде всего в зависимости от союзного слова, выступающего в качестве скрепы между главной и придаточной частями. Между тем состав этих союзных слов, являющихся одним из существенных элементов модели рассматриваемого типа конструкций, точно так же как и другие ее элементы (место придаточных по отношению к главному, место опорного слова, поясняемого придаточным и т.д.) в сербохорватском языке (как и в других языках), не оставался неизменным. В разное время в зависимости от различных причин употребительность тех или иных союзных слов (а соответственно - видов присубстантивно-относительного типа придаточных) менялась и меняется. Воссоздание общей картины этой вариативности, описание основных этапов вытеснения старых относительных слов и хода распространения новых относительных местоимений, определение направлений и тенденций, наметившихся или намечающихся в их развитии в сербохорватском языке в сопоставлении с соответствующими явлениями других славянских языков, представляется важной задачей как в теоретическом, так и в практическом отношениях [15, 59].

1.1. Некоторые вопросы, связанные с этой проблемой, уже исследовались на материале сербохорватского языка в работах норвежского слависта А.Галлиса [166, 6-186; 167, 137-148; 43, 288]. Чтобы проследить судьбу придаточных с относительными местоимениями в функции союзных

---

[1] Подчеркнутая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая цифра — страницу источника.

слов, начиная с древнейших памятников сербской и хорватской письменности и кончая произведениями современных писателей, А.Галлис отдельно проанализировал некоторые средневековые тексты (особо сербские и хорватские), тексты 1500-1800 гг., записи сказок и народных песен, сделанные Вуком Караджичем, перевод "Нового завета" и, наконец, образцы современной художественной и научной прозы. В исследовании А.Галлиса собран и систематизирован большой материал, с завидной тщательностью и проникновением в синтаксическую проблематику чужого для него языка проанализированы и осмыслены различные случаи употребления относительных местоимений. Оно является на сегодняшний день наиболее полным описанием конструкций с относительным подчинением в сербохорватском языке, результаты которого нельзя не учитывать при изучении исторического синтаксиса славянских языков.

Однако А.Галлис в соответствии с целью своего исследования рассматривал главным образом историю относительных местоимений иже, који, што (кај, ча). Вне поля его зрения остались присубстантивные придаточные, вводимые союзными словами чији, какав, где, куда, откуд, када и др. (лишь о некоторых из них у него имеются отдельные замечания и наблюдения). Между тем глубокое и систематическое изучение функционирования и этих союзных слов в различные периоды истории сербохорватского языка также необходимо для установления общей картины становления системы средств относительного подчинения и эволюции различных видов конструкций присубстантивно-относительного типа в сербохорватском языке.

Кроме того, А.Галлис строил свое исследование, как уже отмечалось [55, 120-125; 163, 125-128], главным образом, на анализе текстов из хрестоматий, учебников и антологий, что делает необходимым и целесообразным расширить круг исследуемых текстов, чтобы некоторые выводы А.Галлиса уточнить, дополнить или проверить на более широком языковом материале.

1.2. В настоящей статье рассматривается эволюция всех видов сербохорватских присубстантивно-относительных придаточных, т.е. придаточных, присоединяемых не только относительными местоимениями, но и местоименными наречиями и относительными союзами, и характеризуются основные тенденции их развития (с точки зрения употребления средств связи между главными и зависимыми частями сложных предложений). Одновременно для сопоставления сообщаются необходимые сведения о параллельных конструкциях и их развитии в других славянских языках. Для характеристики состава относительных слов сербохорватского языка до создания единого литературного языка сербов, хорватов и черногорцев используются частично данные, полученные А.Галлисом, которые в ядре случаев дополняются или получают иную интерпретацию. Сознательно не касаясь вопросов, связанных с изменением зна-

чения относительных слов и вводимых ими придаточных, не останавливаясь на рассмотрении изменений в порядке следования частей сложного предложения и местоположении других структурных компонентов, хотя эти процессы взаимосвязаны с рассматриваемыми и несомненно нуждаются в специальном изучении [171, 343; 196, 99; 142, 165], автор в этой статье главное внимание уделяет анализу количественных данных, характеризующих активность функционирования различных видов присубстантивно-относительных придаточных у Вука Караджича и в произведениях писателей XIX и XX вв.

1.3. Чтобы получить представление о характере и направленности тенденций в развитии средств относительного подчинения присубстантивных придаточных в период реформаторской деятельности Вука Караджича и в литературном сербохорватском языке в период от создания его до наших дней, производится сравнение долей каждого союзного слова в выборках из художественной прозы различных авторов, из научных и публицистических текстов (выборка равна 300 случаям употребления)[2]. Такие сопоставления количественных характеристик, сделанных в форме сплошных подсчетов, показывают, что активность функционирования одних и тех же средств относительного подчинения у писателя в произведениях одного стиля остается довольно устойчивой. Сведенные в простейшую таблицу (данные располагаются в хронологической последовательности в соответствии с годами рождения авторов) с установленными соответствующими коэффициентами, несмотря на то, что они сделаны без развернутых математических процедур и интерпретации количественных данных, результаты такого подсчета даже без применения специальных инструментов математической статистики дают возможность определить, действуют ли в сербохорватском языке внутрисистемные тенденции, сформировались ли достаточно определенно какие-либо направления, в которых идет эволюция средств относительного подчинения присубстантивных придаточных.

2.0. Изучение процессов, происходивших в синтаксисе сербохорватского языка до создания национального литературного языка осложнено тем, что в этот период в сербском и хорватском ареале функционировало (в разное время с различной степенью интенсивности) несколько литературных языков: старославянский язык сербской, хорватской, московской редакции, славяно-сербский язык, литературные языки, основанные на локальных диалектах и др. [23, 25]. Наиболее распространенным был старославянский язык. В течение ряда столетий этот язык в эпоху средневековья функционировал в качестве литературного языка сербов и хорватов, вступая подчас в письменных текстах в различные

---

[2] Список обследованных с этой целью произведений прилагается в конце статьи. Там же приводятся таблицы 1 и 2.

контаминации с народно-разговорным субстратом, и, выступая в качестве модели, долгое время определял в значительной степени лексическую, синтаксическую и стилистическую стороны даже тех произведений, которые создавались на основе народных локальных диалектов [139, 52-66; 140, 14].

Старославянский язык, как известно, в своих древнейших памятниках имеет относительные слова только от основы *jo- [51, 46-83]. Относительных слов, восходящих к вопросительным основам в них фактически нет: только в Супрасльской рукописи отмечаются единичные случаи употребления в относительной функции кыи и къде [207, 626; 37, 103; 5, 158].

2.1. Как и в старославянском языке, в древнейших памятниках сербской и хорватской письменности употреблялись присубстантивные придаточные, присоединяемые к главному посредством союзных слов, происшедших от указательной основы *jo-: иже, гаже, ѥже, идеже, гаможе, ѩдоуже и т.п. Основное относительное местоимение - иже (на сербской почве частица же могла произноситься и писалась как ре: иже-ире).

Употребительность присубстантивных придаточных с иже в сербских и хорватских памятниках письменности долгое время поддерживалась стойкими церковнославянскими традициями, влияние которых в ряде областей сохранялось вплоть до создания единого литературного сербохорватского языка. В первую очередь это касалось памятников письменности религиозного содержания (жития, биографии, апокрифы и т.п.). Еще более ста лет назад русским славистом А.Майковым было отмечено, что относительное местоимение иже наиболее последовательно и активно функционирует в сербских памятниках, находившихся под сильным влиянием церковнославянского языка [89, 665]. А.Галлис в результате более тщательного и специального исследования установил, что в религиозных средневековых сербских текстах (см. табл.1)[3] в качестве средства относительного подчинения используются только союзные слова указательной основы (с относительным местоимением вопросительной основы ему встретилось только одно присубстантивное придаточное). Такое же положение характерно и для средневековых хорватских памятников религиозного содержания. Совершенно иную картину представляют средневековые тексты светского содержания (грамоты, письма, завещания, законники, дипломы, хроники и т.п.). В сербских светских памятниках присубстантивные придаточные с иже составляют лишь около 6%. В остальных случаях в качестве средства связи в присубстантивных придаточных вы-

---

[3] Из таблиц, опубликованных А.Галлисом [166, 173-175] нами взяты лишь данные, характеризующие выражение относительного подчинения присубстантивных придаточных; расположение материала для более удобного сопоставления несколько видоизменено.

ступают местоимения вопросительной основы. В хорватских текстах светского содержания присубстантивные придаточные с относительными местоимениями указательной основы А.Галлисом вообще не отмечены: во всех случаях зафиксированы только относительные слова, произошедшие из вопросительных местоимений.

Предложения с присубстантивными придаточными, вводимыми относительными местоимениями вопросительной основы, господствуют в произведениях так называемых областных литератур: далматинской, босниской, славонской, кайкавской. В этих текстах отмечено лишь два случая употребления предложений с иже в религиозных произведениях. Это дает А.Галлису основание сделать вывод, что к 1800 г. предложения с иже в сербских и хорватских текстах практически уже не употребляются [166, 176]. Таким образом, данные, полученные А.Галлисом в результате обследования средств относительного подчинения присубстантивных придаточных в разных текстах до создания национального литературного языка сербов, хорватов и черногорцев, свидетельствуют прежде всего о том, что в средние века в сербохорватском языке шел интенсивный процесс вытеснения предложений с относительным местоимением иже, генетически восходившим к указательной основе *i̯o-, предложениями с местоимениями, произошедшими от вопросительной основы *ko-, завершившийся к началу XIX в. победой последних.

2.2. Такой процесс проходил, как известно, и в других славянских языках.

В древнерусском языке в период XIII-XV вв. предложения с иже, яже, еже и другими местоимениями указательной основы были весьма распространены. Степень активности их зависела от степени влияния на памятник церковнославянской письменности. В памятниках, написанных на церковнославянском языке или находящихся под сильным церковнославянским влиянием (жития, апокрифы и т.п.), обычными были предложения с иже. В тексте Лаврентьевского списка Повести временных лет, по подсчетам В.В.Назаретского [104, 25], присубстантивные придаточные "с местоименными словами исторически указательного значения" составляют 300 случаев из 360, а предложения с иже, яже, еже - 80% всех примеров. Аналогичны наблюдения Е.Ф.Карского [70, 60]. В грамотах (например, новгородских [28, 50], двинских [152, 135]) присубстантивные придаточные с иже уже не встречаются. В Русской правде отмечены только формы косвенных падежей этого местоимения, причем они "крайне ограничены в употреблении..." [106, 761]. В Синодальном списке 1-й Новгородской летописи такие предложения используются лишь в религиозных цитатах, отступлениях, вставных повестях, т.е. в примерах с церковнославянской окраской [64, 192]. Характеризуя место иже в системе конструкций с относительным подчинением в древнерусском языке, В.И.Борковский справедливо заключает, что "предложения с иже были характерны для книжной речи" [29, 136].

Для восточных славян долгое время было характерно резкое противопоставление учено-книжного и обиходно-разговорного языка [84, 22-34; 114, 219-237]. Имевшие место попытки приспособить церковнославянский язык к новым задачам общественной жизни оказались безуспешными [77, 72]. Влияние церковнославянской книжной традиции продолжалось до начала формирования русского, украинского и белорусского языков, в некоторых стилях - вплоть до XVIII в.

В русском литературном языке как архаическое явление сложные предложения с относительным местоимением иже отмечаются в XVIII в. преимущественно в произведениях церковно-богослужебного характера [141, 207]. Но в конечном счете иже, яже, еже и другие местоимения и наречия, имеющие основу *i̯o- (елик, яков, иде, идеже, егда и т.п.), устранены из системы средств относительного подчинения русского, белорусского и украинского языков (за исключением украинского и белорусского який, які).

2.3. Относительное местоимение иже, широко употреблявшееся в древнеболгарском языке, достаточно активным было и в памятниках среднеболгарской эпохи, хотя, как полагают исследователи, уже после XI в. оно едва ли было характерно для народно-разговорной речи [102, 170]. В современном болгарском языке оно совершенно не употребляется, как и другие относительные местоимения указательной основы.

В польской письменности "первоначальное относительное местоимение, употреблявшееся все реже и реже, дольше всего удерживалось в двух формах: jen и jenż, но и они выходят из употребления в начале XVI в." [204, 25].

2.4. Сохранилось относительное местоимение jenž лишь в чешском языке, хотя и здесь со временем резко сократило сферу своего употребления. Оно не употребляется в разговорной речи, а в современном литературном письменном языке используется на правах стилистически окрашенного соответствия местоимения který. Сохранение его историки чешского языка объясняют тем, что в древнечешском языке четко различалось значение придаточных, вводимых относительными словами указательной (такие предложения всегда указывали на определенное лицо, предмет, место и т.п.) и вопросительной (такие предложения относились к обобщенно понимаемым или неизвестным лицам, предметам и т.п., имея нередко яркий условный характер основы) [209, 138-147; 157, 300]. Это различие оказалось в системном отношении более существенным, чем различия субстантивных, присубстантивных и адвербиальных предложений. Оно сохранялось и в XIV в., в период становления чешского литературного языка, что обусловило закрепление предложений с jenž, которые удерживаются в нем по традиции и сейчас, хотя семантический оттенок предложений с этим относительным словом уже исчез [13, 105].

2.5. Таким образом, в сербохорватском языке еще до победы реформы Вука Караджича вышли из употребления все относительные местоимения указательной основы (остаток этой основы сохранился лишь в составе подчинительного союза jер [99, 300; 170, 251]. С точки зрения истории присубстантивных придаточных с относительными словами указательной основы сербохорватский язык сближается с теми славянскими языками, в которых тенденция, направленная на их вытеснение, осуществлена наиболее последовательно. В сербохорватском языке эта тенденция реализована полностью.

3.0. Письменность сербов и хорватов с первых памятников зафиксировала такое положение, при котором среди относительных слов вопросительной основы более употребительными являются слова флективные. В качестве таких слов выступали котори (котери) и који. Котори употреблялось только в текстах с сильным влиянием церковнославянского языка и в северо-западных областях (в форме котери). В современном литературном языке оно не используется. Који, произошедшее в результате контаминации различных основ местоимения кыи [22, 31-34; 164, 78-81], в качестве скрепы в сложных предложениях с присубстантивными придаточными используется уже в грамоте бана Кулина (1189). В светских средневековых сербских грамотах его доля составляет, по данным А.Галлиса, 71% по сравнению с другими относительными местоимениями; в хорватских - процент еще выше. В то время это местоимение выступает в разных формах: наряду с формами који встречаются формы со стяжением - ки, ка, ко и т.д.; для усиления к ним могли присоединяться частицы ре, но, зи. В настоящее время стяженные формы удерживаются в чекавских говорах. В литературном языке закрепилась форма који. Ее активность в функции относительного местоимения с течением времени возрастает. В сказках, записанных Вуком Караджичем, доля присубстантивных придаточных, присоединяемых који в сравнении с придаточными, присоединяемыми другими относительными местоимениями, а также наречиями, составляла 51, 3%, в переводе "Нового завета" - 70%, в его оригинальных исторических, грамматических произведениях и в письмах - соответственно 74, 3%, 84%, 88%. Эти цифры свидетельствуют о том, что Вук Караджич сам не придерживался норм употребления који, характерных для фольклора. Кроме того, у него уже наметилось дифференцированное употребление предложений с који: оно менее употребительно в художественной прозе (70%), более употребительно в научном языке (74, 3-88%). Нормы употребления присубстантивных придаточных с који у писателей XIX-XX вв. характеризуются следующими показателями: А.Шеноа - 81%, С.Сремац - 79, 3%, Св. Ранкович - 83, 3%, Б.Станкович - 73, 7%, И.Андрич - 83, 3%, А.Цесарец - 92%, М.Крлежа - 79, 3%, Г.Крклец - 76, 7%, В.Десница - 82%, Й.Попович - 80%, Б.Чопич - 82%, Д.Чосич - 83, 7%, М.Ножинич -

82, 7%, Ю.Галич - 88%, П.Шегедин - 76, 7%, А.Стипчевич - 90%. Как видно из приведенных данных, произошло дальнейшее смещение: частотность присубстантивно-относительных придаточных с који у подавляющего большинства сербских и хорватских писателей колеблется в тех границах, которые были характерны для научных и публицистических произведений Вука Караджича (у некоторых писателей, например, А.Цесарец, А.Стипчевич - доля предложений с који доходит до 90%). Редко можно встретить писателя, у которого употребительность који была бы такой же низкой, как в переводе "Нового завета" (например: К.Джалски, В.Назор, О.Давичо), не говоря уже о фольклоре.

В современном научном и газетно-публицистическом языке процент присубстантивных придаточных с који еще выше - 90-95%. Относительное местоимение који ввиду своей изменяемости обладает большими возможностями для связи придаточного с любым существительным (независимо от его значения и формы) в главном, оно может выполнять роль любого члена предложения в составе придаточного; его употребительность не имеет стилистических и семантических ограничений. Оно является не только основным, но и господствующим союзным словом.

3.1. Из других южнославянских языков относительные местоимения от основы кој- получили дальнейшее развитие в болгарском и македонском языках.

В болгарском языке наиболее употребительным относительным местоимением является който. Как и все болгарские относительные слова вопросительной основы (кроме що) оно употребляется в сочетании с суффиксальной частицей -то, местоименного происхождения [6, 286; 52, 65-72]. Относительное местоимение който появляется в болгарских памятниках письменности уже в XIII-XIV вв. Сначала оно вводит преимущественно препозитивные придаточные предложения и по употребительности уступает неизменяемым союзным словам що, дето (например, в произведениях Паисия Хиляндарского и Софрония Врачанского) [46, 102]. Однако начиная с первой четверти XIX в. сфера употребления който значительно расширяется. Сейчас оно используется для присоединения придаточных, относя их содержание к существительным, обозначающим как названия одушевленных, так и неодушевленных предметов [93, 161], выдвинувшись таким образом в положение ведущего средства относительного подчинения в письменно-литературном языке [45, 511].

3.2. В македонском литературном языке также, по-видимому, расширяется употребительность относительного местоимения кој, хотя грамматики предписывают заменять его, где это возможно, на неизменяемое што [53, 137]. Македонское относительное кој может употребляться и в сочетании с што - којшто, причем между кој и којшто нет никакой разницы [183, 45].

3.3. В современном словенском литературном языке относительного местоимения с основой koj- нет. Наиболее употребительным из числа флективных союзных слов является относительное местоимение kateri, хотя использование его для связи главного и придаточного предложений ограничено некоторыми условиями [201, 145].

3.4. Не получило распространения кои в восточнославянских и западнославянских языках. В русском языке среди изменяемых относительных местоимений вопросительной основы самым стойким оказалось местоимение который. Оно довольно рано появилось в памятниках письменности в относительной функции [31, 475; 168, 203-220], хотя сначала в памятниках древнерусского языка первое место по употребительности среди местоимений вопросительной основы занимали конструкции с относительными кто — что [29, 111; 126, 53]. Местоимение который представлено в "Слове о полку Игореве" [125, 269] и в летописях [64, 193], но также встречается значительно реже, чем что, кто. Однако в дальнейшем относительное местоимение который постепенно и довольно интенсивно расширяет сферу употребления. Исследователь относительного подчинения в грамотах северо-восточной Руси конца XIV и начала XVI в., например, отмечает, что "в XIV-XVI вв. ведущими являются конструкции с местоимениями кто, что, выражающие определительные и субъектные или объектные отношения, начиная с XVI в. местоимение который в определительной функции постепенно вытесняет местоимение кто, что..." [144, 171]. В XVII в. сфера употребления этого местоимения еще более расширяется [86, 561].

В русском литературном языке XVIII в. основным относительным местоимением является который [2, 80; 41, 106]. Наряду с этим в качестве союзного слова продолжало употребляться местоимение кой. Во второй половине XVIII в. (70-80-е годы) его употребляемость возрастает, что связано с усилением влияния книжной традиции на язык художественной литературы: по данным В.И.Кодухова [74, 16], предложения с который дают 70% всех употреблений, с кой - 13%. В конце XVIII - начале XIX в. ведущей моделью присубстантивно-относительных придаточных были конструкции с который [40, 158; 118, 23].

Устранение относительного местоимения кой из активного употребления Л.А.Булаховский объяснял тем, что это местоимение не имело в литературном употреблении параллели в вопросительной функции; между тем, в южнославянских языках, сохранивших относительное koji, оно может быть как относительным, так и вопросительным [34, 323]. В современном русском языке наиболее распространенным из всех союзных слов, используемых для присоединения присубстантивных придаточных также является относительное местоимений который [49, 272]. Это относительное местоимение характерно и для многих, особенно северных, говоров русского языка [150, 107; 92, 78].

3.5. В белорусском языке в XVI-XVII вв. который было самым употребительным относительным местоимением [105, 415]. Широкое употребление его в памятниках письменности, в меньшей степени отражающих влияние книжных традиций, свидетельствует о том, что оно было свойственно и живому разговорному языку того времени [69, 106]. Затем который резко суживает сферу своего употребления, уступая свои функции які и што. В настоящее время ведущим относительным местоимением является які [81, 234]. Каторы продолжает функционировать в ряде белорусских говров: в юго-западных говорах, например, оно используется значительно чаще, чем які [17, 6]. Употребляется каторы и в письменном литературном языке [68, 84], однако лишь в художественной прозе, как один из способов отражения просторечья в диалогах персонажей [83, 244-248].

3.6. В украинском языке в памятниках письменности, относящихся к XVI-XVII вв. наиболее распространенным было союзное слово который (котрий) [18, 232; 60, 83; 103, 8]: в XVI-XVII вв. его употребительность достигла 60-70% [121, 98-100], значительно потеснив неизменяемое што, которое до этого было самым употребительным (в грамотах XIV-XV вв. што составляло 60% среди средств относительного подчинения). Однако затем частотность котрий падает. Еще в первой половине XIX в. "относительное местоимение котрий в качестве союзного слова в сложноподчиненных предложениях часто употреблялось параллельно с местоимением який, в значении який, без какого-либо свойственного ему в современном языке разделительно-числового значения" [95, 127], однако уже очевидно, что начиная с XVIII в. оно уступает свои функции другим относительным местоимениям.

Постепенно (особенно в последнее время) увеличивается употребляемость союзного слова який, принявшего на себя все функции, свойственные ранее который [100, 113]. В настоящее время який широко используется в украинском языке, употребляясь параллельно с що [80, 185]. А.О.Скоропада отмечает, что в современной художественной прозе преимущественное употребление який и що обусловливается стилистической манерой отдельных авторов [121, 109].

В XX в. употребление котрий сохраняется главным образом в западных областях [80, 187], для которых вообще характерно сохранение большого числа архаизмов и диалектизмов [4, 139. См. также 146, 199-209; 61, 118]. Следует отметить, что котрий в настоящее время, как правило, употребляется в разделительно-числовом значении (один из нескольких) [21, 488; 10, 248].

3.7. В памятниках чешского языка уже в XIV-XV вв. используются предложения, присоединяемые относительным местоимением вопросительной основы který [169, 251; 203, 105]. Предложения с který имеют особое значение универсальности или неопределенности и сохраняют его

в большинстве случаев и в течение XV в. Однако наряду с этим уже в старших памятниках древнечешского языка встречаются отдельные тексты, в которых který(ž) выступает в такой же функции, что и jenž, т.е. присоединяет придаточное для определения предмета известного. Со временем различие между предложениями с jenž и ktery стираются. С конца XV в. jenž начинает быстро уступать свои позиции относительному местоимению který [156, 206]. В современном литературном чешском языке изменяемое относительное местоимение který является главным средством выражения подчинения присубстантивных придаточных предложений [202, 1160] (предложения с изменяемым jenž по традиции сохраняются в литературном языке, являясь стилистическим вариантом предложений с který и уступая им по употребительности [159, 138-147; 165, 27-37].

3.8. В польском языке местоимение który в качестве относительного начинает использоваться в древних памятниках письменности на границе XIV-XV вв. Предложения с który в этой функции отмечены в трех местах уже в "Псалтыри флорентийской". Однако характер его употребления в древнейших памятниках дает исследователям основание предполагать, что относительное местоимение który в языке некнижном в то время было хорошо известно.

Начиная с XV в. использование относительного który в письменных памятниках становится более частым. Во второй половине XV в. оно является исключительно употребительным [182, 347]. Со временем относительное który совершенно вытесняет из этой функции местоимение jen, jenże [204, 3-25]. Постепенно увеличивается частотность który за счет ограничения неизменяемого co (особенно в конструкциях, где co употребляется в сочетании с косвенными падежами личного местоимения). Таким образом, уже в XV в. który в письменном языке используется для выражения относительного подчинения чаще, чем jenże и co [204, 23]. Сфера употребления присубстантивных придаточных с союзным словом który несколько расширяется также потому, что в польском языке нет причастий прошедшего времени и вместо соответствующих причастных оборотов часто используются придаточные предложения [73, 118]. В настоящее время в польском литературном языке среди присубстантивных придаточных предложений самыми распространенными являются предложения, присоединяемые относительным местоимением który [160, 392].

3.9. Проведенный выше обзор показывает, что для сербохорватского литературного языка, как и для других славянских языков, в развитии средств относительного подчинения характерна тенденция, направленная на выработку обобщенного (восходящего к вопросительному местоимению) относительного слова флективного типа и выдвижение его на положение главного и наиболее употребительного средства выражения

относительного подчинения присубстантивных придаточных. Различия между славянскими языками наблюдаются главным образом хронологические (в отдельных языках этот процесс начался значительно позднее) и в отношении интенсивности (в некоторых языках изменяемое относительное местоимение уже является абсолютно господствующим, в других же оно близко к этому положению, в третьих – имеет лишь незначительное превышение в частотности над другими средствами выражения относительного подчинения и т.п.). Существенны расхождения в выборе относительного местоимения: местоимение koji, так же как и в сербохорватском языке, является в настоящее время основным средством выражения подчинения присубстантивных придаточных лишь в болгарском и македонском языках, хотя и несколько отличается своим морфологическим оформлением; в русском, чешском, польском, словенском и словацком языках самыми распространенными изменяемыми союзными словами являются относительные местоимения от основы kotor-; в украинском и белорусском языках – относительные местоимения який и які.

4.0. Другим местоимением вопросительной основы, используемым в функции союзного слова является што.

Употребление относительного слова што неоднократно привлекало внимание и Вука Караджича и других исследователей сербохорватского языка и его истории. Вук Караджич, по-видимому, придавал большое (если не сказать принципиально-важное) значение использованию этого средства выражения относительного подчинения в создаваемом им литературном языке как одной из особенностей живой народно-разговорной речи. В своей грамматике он особо оговаривает, что относительное што ч а щ е (подчеркнуто нами – *П.Д.*) употребляется вместо koji, koja, koje, когда говорится о третьем лице [67, 61]. Позднее исконно народный характер што и большую свойственность его сербохорватскому языку он отстаивает в ответе на рецензию Куцкало [67, 140]. Решительная защита относительного местоимения што Вуком Караджичем объясняется, по-видимому, не только его желанием максимально сблизить литературный язык с живой народной речью того времени, но и стремлением в период создания национального литературного языка противостоять влиянию других языков, имеющих литературно-письменную традицию и написанные грамматики, в частности влиянию грамматики греческого, латинского, старославянского языков. В этом отношении знаменательно высказывание Вука Караджича, в котором он резко критикует авторов известных ему грамматик старославянского языка за то, что они не отмечают в нем многие грамматические категории только потому, что они отсутствуют в греческом и латинском языках, грамматики которых служат для них образцами. "Например, – пишет Вук Караджич, – относительное местоимение што есть у всех современных славянских народов, а в старославянском языке его нет. В том, что оно было и у древних

славян нет никакого сомнения. Просто его пропустили переводчики, так как думали, что это испорченный способ выражения пастухов и свинопасов, раз его нет в греческом и латинском языках" [67, 62-63].

4.1. Отметим, что некоторые исследователи и других славянских языков расширение сферы употребления изменяемых относительных местоимений и соответственно ограничение употребительности неизменяемых местоимений также связывают с иноязычным влиянием. Так, В.Попова, считая, что употребляемость болгарского който усилилась главным образом под влиянием церковнославянской традиции, допускает и определенное воздействие в этом направлении контактов с русским, греческим, румынским и отчасти сербохорватским [117, 359-361] языками: последним она, в частности, объясняет использование необычного для того времени союзного слова който (а не што) в болгарских примерах Вука Караджича [66, 217]. Употребление който для отнесения содержания придаточных к существительным, обозначающим названия животных, М.Георгиева связывает с влиянием французского, немецкого и греческого языков [45, 11-17]. Л.Андрейчин склонен видеть в этом процессе воздействие в основном старославянского [8, 319], а позднее - русского языка [7, 180; 9, 352].

Некоторые исследователи украинского языка не только связывали распространение в этом языке относительных местоимений который, а затем и який с влиянием русского или польского языков, но даже утверждали, что эти союзные слова вообще являются русизмами или полонизмами, и настаивали на употреблении присубстантивных придаточных только с неизменяемым што, поскольку такой способ выражения относительного подчинения является самым оригинальным и исконным для украинского литературного языка (оценку и критику этих взглядов см.: 48, 37-61; 94, 82-83).

М.Г.Булахов, отмечая в XIX в. и в первой трети XX в. частое употребление в белорусском литературном языке относительного местоимения каторы, объясняет это тем, что местоимение які еще не закрепилось в белорусском языке как норма, а местоимение што не могло выразить всех необходимых оттенков, поэтому белорусский язык употребляет каторы как заимствование из русского языка; известную роль, по его мнению, в этом сыграло и влияние переводов с украинского, в котором в то время употреблялось относительное местоимение котрий [33, 13-14].

А.С.Шишков в сочинении, направленном против чрезмерного увлечения некоторых русских писателей французским языком, одобрительно отзывался об употреблении В.М.Ломоносовым в стихах предложений с местоимением что, в а отношении предложений с который говорил, что "близкого и частого повторения сего местоимения надлежит избегать" [153, 130]. Ф.И.Буслаев считал конструкции с союзным словом что "чисто русским оборотом" [35, 527].

Во всех этих высказываниях, несомненно, отразились не только реакция на иноязычное влияние, но и различное отношение к процессам намечавшимся или уже проходившим в славянских языках.

Характерно, что попытки кодифицировать неизменяемое што в качестве основного относительного местоимения в присубстантивных придаточных наблюдаются как результат стремления сблизить литературный язык с народно-разговорной речью и, как правило, особенно четко проявляются в периоды становления литературных языков (например, сербохорватского, македонского).

4.2. Сербохорватское што в функции относительного слова в составе присубстантивных придаточных в памятниках письменности появилось довольно рано - в грамотах оно функционирует уже в начале XIII в. С течением времени это союзное слово проявляет тенденцию к расширению, особенно в текотах, более близких к живому разговорному языку. В средневековых сербских светских памятниках конструкции с што составляют, по данным А.Галлиса, более 25%. Широко они представлены в народном фольклоре. Как правило, относительное што употребляется в неизменяемой форме. Наблюдения над этими явлениями позволили лингвистам сделать вывод о том, что относительные неизменяемые местоимения вообще имеют стремление к расширению за счет изменяемых. Т.Маретич в специальном исследовании "Союзы в славянских языках", сославшись на авторитет Ф.Миклошича [186, 76; 92], писал, что для славянских языков характерна тенденция употреблять для выражения относительного подчинения неизменяемые формы местоимений вместо изменяемых [184, 143].

Специально об этом явлении в сербохорватском языке Т.Маретич говорит в своей "Грамматике и стилистике хорватского или сербского литературного языка": "Вместо относительного местоимения који, која, које очень часто (подчеркнуто нами - *п.д.*) употребляется неизменяемое што" и далее: "Вместо који, која, које употребляются и частицы гдје, да, те (последняя только в южных областях)" [185, 508]. Широкое употребление што в сербском фольклоре было описано Ф.Е.Коршем [78, 150], Р.Кузмичем [180, 225-230]. А.Галлис, проанализировав употребление неизменяемых иже[4] и што, приходит к выводу, что стремление неизменяемых форм употребляться вместо изменяемых есть постоянная тенденция в развитии средств относительного подчинения в сербохорватском языке [43, 288].

Эти положения вполне соответствуют высказываниям Вука Караджича о том, что относительное што - более характерно для сербохорватского языка, чем који.

---

[4] Ранее на это явление указывали В.Вондрак [38, 47], А.Вайян [36, 174] и др.

Если суммировать все сказанное Вуком Караджичем об употреблении присубстантивных придаточных с относительным што, то создается впечатление, что в созданном им литературном языке предложения этого вида должны быть самыми распространенными. Однако это не так. Относительное местоимение што в оригинальных произведениях самого Вука Караджича и в его переводах используется значительно реже, чем в записанных им образцах народного фольклора (в народных сказках доля што по сравнению с другими средствами относительного подчинения присубстантивных придаточных составляет 21%, в то время как в "Новом завете" - 6, 8%, в "Милоше Обреновиче" - 11%, в грамматических сочинениях - 6, 7%, в письмах - 4, 7%). В этом отношении язык Вука Караджича существенно отличается не только от языка фольклора, но и от народно-разговорного языка. Не случайно словарь Югославянской академии наук, иллюстрируя различные случаи употребления относительного који, специально оговаривает, что в "народном языке" в таких конструкциях значительно чаще присубстантивные придаточные присоединяются с помощью што, и вынужден защищать конструкции с који, убеждая читателей, что и употребление који не является ошибкой, а соответствует нормам сербохорватского языка [194, 157].

В обследованных нами произведениях сербских и хорватских писателей XIX и XX вв. употребительность присубстантивных придаточных, вводимых относительным што, р е з к и х изменений со времени Вука Караджича не претерпела. У многих писателей активность придаточных с относительным што колеблется примерно в тех же границах, что и у Вука Караджича - 4,7% - 11%: А.Шеноа - 8,3%, Св.Ранкович - 6%, С.Сремац - 10, 3%, Б.Станкович - 11, 7%, М.Крлежа - 9%, Г.Крклец - 8, 7%, Й.Попович - 10, 3%, В.Десница - 7%, М.Ножинич - 11, 3% и т.п. Некоторые писатели употребляют относительное што реже, чем Вук Караджич: И.Андрич - 3, 3%, Д.Чосич - 3%, Б.Чопич - 2, 3%, Ю.Галич - 1%, А.Цесарец - 0,7%, А.Стипчевич - 3, 7%. Отдельные авторы, наоборот, прибегают к предложениям с што чаще, чем Вук Караджич: В.Назор - 27, 6%, К.Джалоки - 15%, О.Давичо - 17%, Р.Маринкович - 16, 3%, П.Шегедин - 15, 7%, Ж.Еличич - 25, 3%. Нетрудно заметить, что, как правило, это хорватские писатели. Сделанные наблюдения не дают оснований обобщенно судить об особенностях синтаксиса всех западных писателей (среди них, как показано выше, есть и такие, которые редко используют относительное што), но свидетельствуют о том, что в некоторых западных областях проявляется стремление потенцировать употребление придаточных, вводимых неизменяемым што. К аналогичным выводам пришла И.Грицкат, анализируя язык сербских и хорватских лексикографических работ. Это явление она справедливо квалифицирует как результат воздействия грамматических традиций ("изоглосса верности традициям Вука - Маретича" [50, 38]), которые вообще во многих отношениях оказываются более стойкими в западном культурном центре.

Оценивая историю конструкций с што в целом, следует отметить, что их активность в сербохорватском литературном языке постепенно снижается (тенденция расширения што за счет који после создания литературного языка вообще не проявляется). Обычно што в придаточном предложении выступает в роли подлежащего. Довольно часто используется оно в функции дополнения (при этом оно может сочетаться с винительным падежом личного местоимения[5]). Употребляется неизменяемое относительное што и в сочетании с косвенным падежом личного местоимения с предлогом и без предлога [82, 14; 190, 168]. Однако такое употребление не имеет и не имело в языке (во всяком случае - письменном) широкого распространения. Наши наблюдения показывают, что со времени Вука Караджича в современном письменном литературном языке употребительность относительного местоимения што в сочетании с косвенным падежом личного местоимения (кроме винительного падежа) уменьшается: уже во времена Вука Караджича некоторые писатели избегали употребления этих конструкций [24, 2], в современном языке употребление их возможно, но практически они не используются. В таких случаях предпочитаются конструкции с флективным који. Почти неупотребительным стало што и для выражения принадлежности, что еще более сузило сферу его активности.

В народных говорах присубстантивно-относительные придаточные продолжают использоваться значительно шире, чем в литературном языке. Так, М.Стеванович указывает, что в восточночерногорском диалекте конструкции с што, што га употребляются чаще, чем с који [127, 116]. По наблюдениям П.Ивича в говоре галипольцев "относительные предложения чаще начинаются шо (што), вместо местоимения који" [62, 362]. Такие же выводы делает М.Павлович о говоре Сретечкой Жупы [108, 214]. Завершая изложение материала об относительном што, можно, таким образом, отметить, что конструкции с этим союзным словом свойственны в основном разговорной и диалектной речи; в литературном языке они чаще встречаются в художественной литературе и очень редко в научной (0-2%); наблюдается постепенное, хотя и незначительное, вытеснение относительного што в письменном литературном языке, причем этот процесс более заметен в восточных областях ср.[50, 39].

4.3. В древнерусском языке сложные предложения с присубстантивно-относительными придаточными, вводимыми что, зафиксированы приблизи-

---

[5] Употребляясь вместе с падежными формами личных местоимений, относительное што не является членом предложения и фактически является союзом [54, 43-51]. Впрочем, некоторые исследователи вообще рассматривают што в относительной функции как союз независимо от того, есть ли при нем падежная форма или нет [128, 202-210; 130, 133; 198, 12; 100, 113].

тельно с XIII в. [91, 104]. В языке деловой письменности – в грамотах, исторических актах, различных документах относительная связь, как правило, выражалась местоимениями кто, что, который, но самыми распространенными среди относительно-присубстантивных придаточных были придаточные, вводимые неизменяемыми местоимениями кто и что [133, 218]. Однако с течением времени они постепенно уступают свои позиции относительному который. Присубстантивно-относительные конструкции, вводимые что, широко еще употребительные в литературном языке XVII и первой половины XVIII в. [151, 89-91], в литературном языке второй половины XVIII в. были уже редки [3, 84][6].

В XVIII в. А.П.Сумароков неоднократно выступал против предложений с что, считая их конструкциями простонародными, не имеющими права на широкое употребление в литературном языке [135, 22]. В XIX в. предложения с что, употреблялись преимущественно в диалогической речи с оттенком просторечия, а в повествовательной речи часто выступали как излюбленные построения у отдельных авторов, склонных к стилизации под народную речь..." [118, 33].

"Предложения с что довольно активно функционируют в народных говорах [150, 111-113], до сих пор являясь в некоторых из них, например в курских [87, 8; 88, 176-188], наиболее распространенными. В современном литературном языке употребление этой конструкции ограничено, она "характеризует жанр художественный и разговорную речь" [44, 412].

4.4. В памятниках украинской письменности XIV-XV вв. што было в присубстантивно-относительных конструкциях самым употребительным союзным словом [20, 200-201] (употребительность его доходила до 60%) позднее частотность его в этой функции несколько снижается (в XVI-XVII вв. она составляет лишь 20-30%, на первое место выходит котрий, составлявшее в то время 60-70%) [121, 41]. В настоящее время што в литературном украинском языке является союзным словом, которое используется параллельно с який, уступая ему немного по употребительности в тех случаях, когда смысл предложения может быть понят неправильно, если подчинение будет выражено неизменяемым словом [98, 25]. Украинское относительное местоимение що более употребительно, чем русское что. Как в разговорной речи, так и в литературном письменном языке используются сочетания с косвенными падежами местоимения він, которое в составе придаточного предложения выступает в качестве заместителя субстантивного члена главного предложения, пояс-

---

[6] Следует отметить, однако, что еще в деловой письменности XVIII в. по подсчетам Г.М.Макарова, относительное слово чьто, хотя уже и оттеснено господствующим словом который, все же по своей употребительности стоит на втором месте [90, 6].

няемого этим придаточным [111, 91-122]. Однако такие конструкции в письменном языке широкого распространения не получают [85, 10]. Украинские грамматики отмечают, что в современном языке конструкциям с що в сочетании с косвенными падежами местоимения він предпочитаются синонимичные им конструкции с який, а иногда с котрий, в чем сказывается стремление языка к унификации [80, 169].

4.5. В белорусском языке неизменяемое относительное што получило довольно широкое распространение уже в XV-XVI вв. [105, 416]. В XVI-XVII вв. частотность его падает (наиболее употребительным союзным словом становится изменяемое который). В XVIII-XIX в. сфера применения што и особенно каторы значительно сокращается за счет распространения які. В современном литературном языке союзное слово што уступает по употребительности относительному местоимению які. Оно используется главным образом в художественной прозе. В фольклоре и в диалектах представлено употребление што в сочетании с косвенными падежами личного местоимения[7]. Такое употребление встречается и в художественной литературе в случаях сознательной стилизации под народно-разговорную речь [12, 141]. Однако нормой современного литературного белорусского языка является употребление што в именительном и винительном падежах [71, 473; 81, 234].

4.6. Неизменяемая форма относительного местоимения що в болгарской письменности под влиянием народно-разговорной речи начинает употребляться с XVII в. Об этом свидетельствуют дамаскины и особенно произведения Софрония и Паисия Хилендарского, отразившие, как известно, в большей степени влияние живого болгарского языка того времени [27, 36]. В XVII-XVIII вв. що по употребительности стоит на первом месте по сравнению с другими союзными словами [46, 102]. В XIX в. использование его в присубстантивно-относительных придаточных сокращается в связи с распространением в этой функции изменяемого союзного слова който. В современном литературном болгарском языке употребление що в присубстантивных придаточным по частотности значительно уступает относительному местоимению който. К.Попов указывает, что относительное що лишь иногда употребляется вместо местоимения който [115, 268].

4.7. В современном македонском языке што считается наиболее употребительным союзным словом [76, 124]. Как уже отмечалось, даже в школьных учебниках рекомендуется отдавать предпочтение што перед коj во всех случаях, где это возможно [53, 13], в косвенных падежах и с предлогами отдается предпочтение коj [74, 247].

---

[7] Эта особенность белорусского што была описана в свое время Е.Ф.Карским [71, 472]. А.Е.Баханьков отмечает такие конструкции в современных юго-западных и северо-восточных говорах [16, 126].

4.8. В чешском языке процесс проникновения неизменяемого čso(ž), co(ž) вместо jenž, ješto в письменные памятники начался еще в XIV в. В первую очередь и наиболее интенсивно проявлялось оно в предложениях в функции именительного и винительного падежей. В конструкциях с косвенными падежами неизменяемое co могло иметь при себе соответствующую падежную форму личного местоимения [169, 257]. После XIV в. употребительность присубстантивных придаточных с неизменяемым co в чешском языке несколько расширилась, но главным образом в языке нелитературном. Довольно часто употреблялись такие конструкции в "пыточных записях" XVI в. [197, 135]. Широко распространены они в настоящее время в диалектах [162, 261-271; 176, 110-111; 178, 75-78]. В литературных памятниках употребляемость их на протяжении всей истории чешского языка была незначительной [156, 207]. В настоящее время присубстантивные придаточные с неизменяемым co используются главным образом в народно-разговорной речи; в чешском литературном языке они малоупотребительны [202, 1166; 177, 44][8]. В словацком языке чешскому co соответствует относительное co [189, 134].

4.9. В памятниках польской письменности относительное местоимение co проявляется в XIV в. В XV в. co распространено довольно широко: в гнезненских проповедях, например, co употребляется наравне с релятивным jenž [187, 86-88; 188, 104-135]. С самого начала co употребляется в письменных памятниках более близких по языку народно-разговорной речи [205, 50-61], как, например, Отрывки свентокржижских проповедей [120, 280]. Co могло иметь при себе падежные формы личного местоимения. В современном литературном языке грамматических различий между присубстантивными придаточными с co и który нет [206, 359]. В художественной прозе относительное co обычно используется чаще в текстах, более близких разговорной речи. По употребительности конструкций с co в настоящее время уступают конструкциям с относительным który (хотя co употребляется чаще, чем, например, русское что) [97, 195]. У писателей XIX в. еще довольно часто употребляется относительное co с косвенными падежами личного местоимения [97, 196]. Однако, начиная с последней четверти XIX в. усиливается вытеснение таких конструкций предложениями с który (редко их употребляет Сенкевич, в виде исключения - Прус) [175, 460]. В современном литературном языке присубстантивные придаточные, вводимые co с косвенными падежами личного местоимения, широко распространенные в языке разговорном и в диалектах [175, 460], иногда используются в художественной прозе и поэзии. Такое употребление co и сейчас допускается норматив-

---

[8] Ср. указание Й.Скулины о том, что неизменяемое местоимение co встречается в языке народном чаще, чем местоимение který в языке литературном, наоборот, обычным является местоимения který и jenž [197, 135].

ными грамматиками, хотя и считается не совсем обычным [199, 48; 175, 460].

В словенском языке в качестве неизменяемого средства выражения относительного подчинения функционирует местоимение ki. При ki могут употребляться косвенные падежи личных местоимений. В современном языке употребление присубстантивных придаточных с ki не допускается лишь в тех случаях, когда придаточное находится в препозиции к главному или поясняет неизвестным предмет или лицо, а также, когда относительное местоимение должно быть употреблено с предлогом или при употреблении ki возникает двусмысленность или неясность [201, 144-145].

В лужицких языках неизменяемые относительные местоимения употребляются также довольно широко. Л.И.Ройзензон в лужицких памятниках XУ-XVII вв. отмечает следующие формы: kiž – в языке верхнелужицком, kinž, kenž и kenož – в языке нижнелужицком (местоимение což встречается только в одном нижнелужицком памятнике 1597 г.). Они употребляются в общем чаще, чем соответствующие изменяемые относительные местоимения. С течением времени активность их убывает и в современном состоянии по употребляемости они стоят на втором месте, хотя еще в некоторых стилях (например, в поэзии) верхнелужицкое kiž прочно удерживает свои позиции и успешно конкурирует с kotryž [195, 208-219; 181, 197].

4.10. Таким образом, говоря об употреблении сербохорватского местоимения што в присубстантивно-относительных придаточных, можно отметить, что оно в общем прошло через те же этапы и имело такую же направленность, которые параллельно наблюдались (или наблюдаются) в большинстве других славянских языков: расширение сферы его использования в определенные периоды, связанное с бо́льшим проникновением в письменный язык элементов живой разговорной речи, и затем – снова ограничение по мере дальнейшего развития литературного письменного языка. Кроме различий хронологического порядка и несоответствий в оформлении, заметим расхождения в степени распространения абсолютивных относительных слов в разных языках. В этом отношении сербохорватский язык сближается в большей степени с украинским, белорусским и польским языками. Им противостоят с одной стороны русский, чешский и болгарский языки, где употребительность относительных что, со, що в присубстантивных придаточных более ограничена, а с другой стороны – словенский, македонский, лужицкие языки, в которых, наоборот, употребительность неизменяемых ki, што, kiž, kenž ограничена в меньшей степени, чем в других славянских языках.

5.0. Относительное местоимение какав в присубстантивных придаточных в сербских и хорватских памятниках письменности встречаем уже в XIII в., однако оно используется значительно реже, чем иже и koji.

В устном народном творчестве предложения с этим местоимением употребляются также довольно редко: 0,3–0,5%. Активность присубстантивных придаточных с какав возрастает в период формирования национального сербохорватского языка. У Вука Караджича они составляют в "Новом завете" – 2%, в "Милоше Обреновиче" – 1%, в "Письмах" – 0,7%. У сербских и хорватских писателей XIX–XX вв. доля предложений с какав по сравнению с присубстантивными придаточными, присоединяемыми другими относительными местоимениями, определяется в следующих цифрах: Я.Веселинович – 1,3%, Св.Ранкович – 0,7%, С.Сремац – 0,7%, Б.Станкович – 2%, И.Андрич – 1%, А.Цесарец – 1,6%, М.Крлежа – 2,3%, В.Десница – 1%, Й.Попович – 0,3%, Р.Маринкович – 1%, М.Лалич – 1%, Чосич – 1% и т.п. Как видно из приведенных данных употребительность присубстантивно-относительных придаточных с местоимением какав после Вука Караджича в общем остается без заметных изменений (от 0,6 до 2%), не получив дальнейшего расширения и развития. Повышения этих границ у отдельных писателей незначительны (К.Джалски – 2,6%, Г.Крклец – 3%, Ю.Галич – 2,3%). Сербохорватское какав (какови) является семантически маркированным относительным местоимением, использование его ограничено случаями, когда присубстантивное придаточное имеет качественно-обобщительное значение [132, 297; 161, 205; 200, 95].

5.1. В современном болгарском языке относительное местоимение какъвто, заменившее старое ꙗкъ, ꙗка, ꙗко, также сохраняет свое лексическое значение и вносит в присубстантивное предложение добавочный семантический элемент [134, 288]. Словенское kakršen используется в присубстантивно-относительных придаточных ограниченно: лишь тогда, когда речь идет о качестве поясняемого предмета [201, 145].

5.2. В русском литературном языке употребление присубстантивных придаточных с относительными местоимениями от корня как- всегда было ограниченным. В памятниках письменности XIII–XVI вв. отмечаются предложения с относительными местоимениями каков, каковой, какой [137, 193; 133, 226]. Н.А.Широкова отмечает лишь единичные случаи употребления предложений с каков, каковой в XVII в. [151, 93]. Не увеличивается их употребительность и позднее [40, 167; 1,8]. В современном языке предложения с присубстантивными придаточными, присоединяемыми относительными местоимением каков и каковой, используются лишь для придания речи канцелярского колорита [107, 289].

Придаточные с местоимением какой в XVII в. употребляются "крайне редко" [151, 94]. Незначительна их доля и в XVIII в. [40, 165; 1, 8]. Однако к концу XVIII в. относительное какой в присубстантивных придаточных вытесняет каков и каковой и занимает по употребительности третье место (после который и кой) среди изменяемых союзных слов [74, 4]. В XIX в. активность предложений с какой несколько возрастает

[118, 32], но в современном литературном языке они значительно уступают по употребительности предложениям, присоединяемым который (хотя в некоторых юго-восточных русских говорах, наоборот, какой является наиболее распространенным союзным словом и проявляется тенденция к закреплению его в качестве единственного средства выражения подчиненности присубстантивных придаточных) [124, 40].

5.3. В древнечешском языке присубстантивные придаточные, вводимые флективным jaký(ž), встречались довольно редко. Намного чаще их употреблялись предложения с неизменяемым jako(ž), jak(ž), усиленным иногда -to (подобно тому, как при неизменяемом ješto или co, при jako могла быть представлена падежная форма личного местоимения) [169, 256]. Замена относительного местоимения указательного корня jak- местоимением по происхождению вопросительным (kak-) не произошла. "Сохранение местоимения jaký и абсолютивного jako(ž) иногда объясняют тем, что jako очень часто выполняло функцию союза (и добавим, что в адъективных относительных предложениях jaký употреблялось редко; в корреляции же jaký-taky оно имело весьма отличное обстоятельственное значение), поэтому в своих наиболее частых функциях оно не могло быть заменено вопросительными по происхождению местоимениями" [156, 209. Ср.: 191, 161]. В настоящее время присубстантивные придаточные с относительным jaký используются в литературном языке, но ввиду своей семантической маркированности широкого распространения не имеют. Словацкий язык в этой функции использует местоимение aky [189, 134].

5.4. Относительное местоимение, происходящее от указательной основы jak- сохранилось также в польском, украинском и белорусском языках, где оно имеет несколько большее распространение.

Историческая грамматика польского языка отмечает употребление относительного jaki(ż) в памятниках письменности с XV в. [175, 462]. С самого начала очевидна семантическая маркированность этого местоимения. Грамматики стремятся ограничить сферу употребления jaki лишь теми случаями, когда ему соответствует (или может соответствовать) taki [179, 248; 174, 246]. Однако исследователи отмечают, что в современном польском языке, особенно в литературном, книжном языке, "границы употребления относительного местоимения jaki гораздо шире, и не ограничиваются только этими случаями чисто качественного значения" [97, 199]. В целом польское jaki употребляется вместо któ-ry чаще, чем русское какой вместо который, и такое употребление, по-видимому, в литературном языке имеет тенденцию к расширению [97, 200].

5.5. Еще менее ограничено употребление местоимений який и які в украинском и белорусском языках[9]. По-видимому, эти местоимения были представлены в народно-разговорной речи украинцев и белорусов еще до появления украинских и белорусских памятников письменности и оттуда в XVI в. проникли в письменный язык [154, 12], а не были заимствованы из польского или русского языка, как утверждалось, например, в сочинениях М.Сулимы (Українська фраза, 1928) и С.Смеречинского (Нариси з української синтакси, 1932).

Действительно, среди характерных черт восточнославянских языков есть и восходящие к их генетической общности, и возникшие в результате их параллельного развития, и появившиеся в результате их контактов с другими языками. "Можно, например, считать, - пишет Д.Брозович, - что украинский и белорусский языки в рамках славянской языковой семьи входят в две группы, каждая из которых обладает определенными чертами языкового союза: 1) русско-украинско-белорусского; 2) польско-украинско-белорусского" [32, 11].

Контакты с русским языком, определяемые не только историческими, но и генетическими причинами их возникновения, особенно прочны и длительны (свыше тысячелетия), однако они не дают основания объяснить распространения относительного местоимения от корня jak- русским влиянием [см., например, 4, 140].

Який (які) не является заимствованием и из польского языка. Длительность польско-украинско-белорусской группировки была небольшой (около двух веков). Последствия этих контактов, как известно, нашли свое отражение главным образом в лексике и фразеологии, не затронув области грамматического строя [25, 10]. Влияние польского языка могло лишь способствовать расширению сферы употребления який в памятниках письменности в определенный период в силу общности литературно-письменных традиций. Этим, надо полагать, объясняется, например, тот факт, что який чаще употребляется в памятниках, имеющих польское влияние [123, 11; 110, 79]. Впрочем, по наблюдениям Д.Д.Герасименко в XVII и в начале XVIII в. конструкции с союзным словом який чаще всего встречается в деловом языке "поскольку в нем шире отражается влияние языка украинской народности" [47, 7]. На протяжении XVIII-XIX вв. употребительность який возросла, оно фактически вытеснило к настоящему

---

[9] Интересны в этом отношении наблюдения И.Г.Чередниченко над переводами "Сорочинской ярмарки" Н.В.Гоголя на украинский и белорусский языки. В русском тексте им было отмечено 107 конструкций с определительным значением. Для выражения этого значения только в 2 случаях (1,8%) было использовано местоимение какой. Между тем для передачи этих конструкций в украинском тексте в 22 случаях (20,5%) употреблено який, белорусское які отмечено в переводе в 58 случаях (54%) [149, 118].

времени местоимение котрий. Сейчас в литературном языке який является ведущим в относительных конструкциях, употребляясь параллельно с що [4, 140; 138, 190].

Характеризуя язык новейшего времени, некоторые авторы говорят о равномерном употреблении союзных слов який и що [112, 6]. Тем не менее можно, по-видимому, утверждать, что украинское який в настоящее время проявляет тенденцию к еще большему расширению сферы своего употребления, о чем свидетельствуют наблюдения ряда авторитетных исследователей [98, 25; 26, 273; 96, 95].

5.5. Белорусское які получило распространение также сравнительно поздно. В памятниках письменности XVI в. оно встречается довольно редко [79, 154]. Однако на протяжении XVIII-XIX вв. это местоимение в функции каторы, свойственное и живой народно-разговорной речи, резко увеличило свою употребительность, потеснив каторы и што и заняв в современном литературном языке положение самого распространенного средства выражения относительного подчинения присубстантивных придаточных [81, 239]. По наблюдениям Г.Н.Акимовой в белорусской художественной литературе які и што в синонимичных конструкциях соотносятся в количественном отношении как 3:1 (в переводах же с русского языка, под влиянием оригинала, это соотношение меняется в пользу які, достигая иногда 6:1) [4, 143].

5.6. Таким образом, в активности присубстантивных придаточных с союзным словом какав в сербохорватском литературном языке существенных изменений не произошло: частотность их колеблется примерно в тех же границах, что и у Вука Караджича. Сербохорватский язык сближается с русским языком, а также с другими южнославянскими языками, в которых функционируют местоимения от корня как-, а придаточные предложения с этими относительными местоимениями сохраняют свою семантическую маркированность и не имеют широкого распространения. Западнославянские языки, а также украинский и белорусский языки используют в этой функции местоимение от корня jak-. Если в чешском языке присубстантивные предложения с jak- имеют также ограниченное употребление, то уже в польском языке эти границы оказываются более широкими. В украинском и белорусском языках союзное слово який(які) теряет свою семантическую маркированность, что влечет за собой расширение его употребительности не только в литературном языке, но и в говорах [100, 115; 145, 20].

6.0. Относительное местоимение чији для связи главных и присубстантивных придаточных в древнем сербохорватском языке использовалось очень редко и обычно лишь при указании на принадлежность одушевленному имени существительному мужского рода единственного числа (в иных случаях употреблялось относительное местоимение који или што). Редко чији употреблялось в фольклоре и в произведениях Вука Ка-

раджича: его доля, по сравнению с другими средствами относительного подчинения, составляет в сказках – 0%, в "Новом завете" – 0%, в "Милоше Обреновиче" – 0%, в письмах – 0%, в грамматических сочинениях – 0,3%. С течением времени частотность присубстантивных придаточных с чији в письменном сербохорватском языке возрастает: А.Шеноа – 0,7%, Св.Ранкович – 1%, С.Сремац – 1,3%, Б.Станкович – 2%, И.Андрич – 2%, Й.Попович – 4%, О.Давичо – 3,7%, М.Лалич – 2%, Б.Чопич – 2%, Д.Чосич – 3,3%, Ю.Галич – 1,7%. Нормы употребления относительного местоимения чији, характерные для фольклора и произведений Вука Караджича, нарушились: чији стало использоваться для выражения принадлежности не только одушевленному существительному мужского рода единственного числа но и любому существительному, независимо от его рода, числа, одушевленности или неодушевленности [23, 170-175; 129, 97].

Тенденция к расширению сферы употребления чији в интересующей нас функции наблюдается и в произведениях современных писателей [131, 250] (у некоторых из них, например, у О.Давичо, Д.Чосича, Й.Поповича доля чији достигает 3–4% по отношению к другим средствам относительного подчинения присубстантивных придаточных. Хорватские писатели по ряду причин (в частности, и потому, что в Загребском культурном центре оказалась более стойкой грамматическая традиция и авторитет Т.Маретича [39, 149; 172, 383], кодифицировавшего в свое время нормы словоупотребления в основном на материале языка Вука Караджича), к использованию этого относительного местоимения прибегают реже: доля его в числе других средств относительного подчинения в произведениях исследованных нами хорватских авторов составляет в среднем не более 1,5-2%: К.Джалски – 0%, В.Назор – 0%, Ж.Еличич – 0%, А.Цесарец – 1%, М.Крлежа – 0,3%, Р.Маринкович – 0%, Г.Крклец – 2%, П.Шегедин – 0,7% и т.д. Однако в целом и у сербских, и у хорватских писателей по сравнению с Вуком Караджичем употребительность относительного чији значительно возросла (хотя и не в одинаковой степени) [подробнее см.: 58, 95-107]. Расширение сферы употребления относительного местоимения чији происходит в основном в литературном языке, как проявление тенденции упрощения выражения связи между главным и придаточным предложениями [208, 6].

6.1. В древнерусском языке чей в интересующих нас предложениях употреблялось редко. В.И.Борковский, исследовавший 287 грамот, отмечает, что лишь "несколькими примерами представлены в грамотах определительные придаточные предложения с относительным словом чии..." [29, 135]. Не останавливаются на характеристике этих союзных слов авторы, исследовавшие относительное подчинение в XIII-XVIII вв. [136, 112; 72, 203-224; 151, 70-95; 1, 1-15; 42, 1-12]. Это объясняется редкостью употребления конструкций с относительным местоимением чей, что

подтверждается и наблюдениями А.Н.Стеценко, отмечающего, что "в качестве союзных слов для присоединения придаточного определительного к главному использовались также вопросительные местоимения "каков", "какой", "чей", которые приобретали союзное значение..." И сразу же он поясняет: "Придаточне определительные предложения с данными союзными словами не имели широкого распространения. Они употреблялись преимущественно в памятниках деловой письменности XVI-XVII вв". [133, 226].

Говоря об общей тенденции развития употребления русского относительного местоимения чей для связи главного и присубстантивного придаточного, можно утверждать, что чей а) на протяжении истории русского языка всегда редко употреблялось в этой функции, б) если в древнерусском языке оно было нейтрально в стилистическом отношении, то начиная с XVI-XVII вв. можно говорить о стилистическом ограничении сферы его употребления.

В современном литературном русском языке местоимение чей в присубстантивно-относительных придаточных употребляется редко, являясь специфической особенностью поэтической или книжной речи [49, 272]. Словарь русского языка под редакцией Д.Н.Ушакова статью об употреблении чей в функции относительного местоимения сопровождает пометой: "книжн., поэт., устар."

6.2. В украинском языке придаточные, присоединяемые относительным местоимением чий имеют стилистический оттенок, связанный с подчеркиванием какой-либо значимости называемого лица [147, 177]. Е.Н.Плиско отмечает, что это относительное местоимение используется для создания некоторой приподнятости, встречаясь обычно в языке поэзии и публицистики [113, 10, ср. 122, 18]. В белорусском языке "придаточные определительные редко соединяются с главной частью при помощи слова чый" [81, 234]. Э.И.Борисоглебская связывает это с тем, что чый может относить предложения только к именам собственным и имеет стилистический оттенок книжности [11, 107].

6.3. Чешское či в присубстантивных придаточных в современном литературном языке встречается редко. Ф.Травничек указывает, что вместо исконного či может употребляться který в форме родительного падежа принадлежности, которое в свою очередь обычно заменяется соответствующим падежом относительного местоимения jenž [202, 162]. Полдауф отмечает в литературном языке či лишь для связи подлежащных и дополнительных придаточных; для присоединения адъективных придаточных он указывает только формы относительного местоимения jenž (jehož, jejiž, jejichž) для литературного языка и сочетания co + jeho, co + jeji и т.п. - для разговорного [191, 188]. В польском языке использование czyi также ограничивается употреблением в этой функции присубстантивного родительного падежа местоимения który [206, 263].

6.4. Болгарское чийто по употребительности также уступает който: предложные формы относительного който выражают притяжательное отношение и употребляются вместо относительного местоимения чийто [6, 421-422, 116, 113-114].

В македонском языке относительное чиј што употребляется главным образом в литературе, причем его использование также ограничивается употреблением аналитичной формы на(од) кого [75, 101].

В словенском языке относительное местоимение čigar присоединяет присубстантивные предложения, относящиеся к одушевленному имени существительному мужского рода единственного числа. Для указания принадлежности существительным женского и среднего рода, неодушевленным существительным мужского рода во всех числах, а также одушевленным во множественном и двойственном числе употребляется родительный падеж местоимения kateri. Может быть использовано неизменяемое ki + притяжательное местоимение в соответствующем лице, роде и числе [155, 185]. В последнее время несколько расширяются возможности функционирования čigar: использование его допускается и для указания на принадлежность неодушевленным предметам мужского и среднего рода [173, 144]. Однако, оценивая соотношение различных способов выражения принадлежности присубстантивно-относительными предложениями, автор новейшей грамматики указывает, что "čigar в настоящее время употребляется мало" [201, 147].

6.5. Сравнение данных, характеризующих употребительность сербохорватских присубстантивных придаточных с относительным местоимением чиј и, в разные периоды показывает, что с течением времени в литературном языке их употребляемость расширилась. В этом отношении сербохорватский язык существенно отличается от других славянских языков, в которых функционирование этого вида придаточных ограничено не только особенностями их значения, но и другими факторами: абсолютным или предпочтительным употреблением в этом случае других средств указания на принадлежность (чешский, польский, болгарский языки), условиями стилистического порядка (русский, украинский, белорусский языки) или строго определенным значением поясняемого слова (словенский язык).

7.0. Сербохорватские относительные местоименные наречия с пространственным значением (где, куда, камо, откуд, одакле) используются для присоединения присубстантивных придаточных обычно тогда, когда поясняемые слова имеют также пространственную семантику. В древних грамотах до XVI в. относительные наречия могли употребляться в сочетании с предлогами до и од. По употребительности относительные слова где, куда, камо, откуд, одакле занимают третье место (после кој и и што). Их доля по отношению к другим средствам относительного подчинения составляет в народных сказках - 14, 3%, в народных песнях -

12,5%. У Вука Караджича это соотношение несколько меняется: доля относительных наречий падает до 9,3% в "Милоше Обреновиче", 8,6% – в грамматических сочинениях, 5,5% – в "Новом завете", 5,3% – в "Письмах". Произведения писателей конца XIX – начала XX в. характеризуются следующей частотностью относительных наречий с пространственным значением: К.Джалски – 10%, С.Ранкович – 5%, Б.Станкович – 8%. У современных писателей доля этих союзных слов выражается в следующих цифрах: И.Андрич – 3,7%, М.Крлежа – 7,3%, А.Цесарец – 3,7%; Г.Крлец – 6,3%, В.Десница – 4,3%, Й.Попович – 3%, О.Давичо – 4,3%, Р.Маринкович – 6,3%, М.Лалич – 6%, Б.Чопич – 4%, Д.Чосич – 4,6%, М.Ножинич – 3%, Ю.Галич – 3%. Выявляются, таким образом, следующие границы колебания употребительности этих союзных слов: в народном творчестве – 12,5-14,8%; у Вука Караджича – 9,3-5,3%; в конце XIX – начале XX в. – 10-5%, у современных писателей – 7,3-3%. Это свидетельствует о том, что употребительность наречных союзных слов в функции присоединения присубстантивных придаточных в сербохорватском языке не получила широкого распространения, а в современном письменном литературном языке даже несколько снизилась по сравнению с языком произведений Вука Караджича.

Для выражения относительного подчинения в сербохорватском языке используются некоторые дублетные формы местоименных наречий: откуд(а) – одакле, куд(а) – камо. Присубстантивные придаточные, вводимые камо, употребляются преимущественно хорватскими писателями [192, 28; 59, 126-129].

7.1. Относительное наречие када в сербохорватском языке, как и в других славянских языках, также не получило в функции союзного слова широкого использования. В произведениях Вука Караджича его доля среди других средств выражения относительного подчинения колеблется от 0,3 до 3% ("Новый завет" – 1%, "Милош Обренович" – 3%, грамматические сочинения – 0,3%, письма – 1%). У писателей конца XIX – начала XX в. и у современных писателей употребительность када колеблется примерно в тех же границах, что и у Вука Караджича: наименьшая доля 0,3% (Б.Станкович, Ножинич), наибольшая – 3-4,3% (Г.Крклец – 3,3%, М.Крлежа – 4,3%, Б.Чопич – 3,8%). Частотность относительного наречия када в функции союзного слова с составе сложных предложений с присубстантивными придаточными сохраняется со времени Вука Караджича без заметных изменений.

7.2. Таким образом, в отношении употребительности союзных слов, являющихся по происхождению пространственными и временными наречиями, современный сербохорватский язык мало чем отличается от других славянских языков: во всех славянских языках эти относительные слова широкого развития не получили и представляют собой группы семантически маркированных средств относительного подчинения, используемых

для присоединения придаточных предложений к поясняемым словам, имеющим пространственную или временную семантику. Исследователи, как правило, лишь констатируют возможность употребления в славянских языках присубстантивных конструкций с относительными наречиями, подчеркивая, что условиями их функционирования является определенная семантика контактных (поясняемых) слов [49, 275-276; 148, 100-101; 63, 16-18], или оговаривая, что они тесно смыкаются с соответствующими по значению обстоятельственными придаточными [158, 8-19]. В ряде случаев в формулировках специально отмечается, что такие предложения не имеют широкого распространения в языке [174, 257; 115, 268].

Специфическая (пространственная или временна́я) семантика этих слов, лексико-синтаксические свойства поясняемых имен существительных ограничивали и ограничивают сферу их употребления. В сербохорватском языке [56, 177-185], как и в других славянских языках, относительные наречия употребляются в этой функции наряду с синонимическими предложно-падежными формами ведущего изменяемого относительного местоимения[10].

7.3. Границы и условия употребительности предложно-падежных форм изменяемых местоимений и относительного наречия где по-видимому, еще не установились достаточно определенно и иногда колеблются довольно значительно в зависимости от индивидуальной стилистической манеры писателя и специфики текста. Так, в нашей таблице, наряду с тем, что у большей части писателей доля предложений с где составляет 2-3% (С.Сремац - 2,7%, И.Андрич - 2,7%, А.Цесарец - 2,7%, Й.Попович - 2,7%, М.Ножинич - 3%, Ю.Галич - 3%) или немного более, встречаются произведения писателей, в которых употребительность где возрастает в несколько раз (К.Джалски - 9%, Р.Маринкович - 6,3%, М.Лалич - 6% и т.п.). Показательны подсчеты употребительности относительного где не по отношению ко всем другим средствам выражения относительного подчинения, а только в сравнении с предложно-падежными формами који, имеющими также пространственное значение.

Они сделаны по произведениям четырех авторов (М.Поповић. За јатом. Суботица, 1955; М.Перовић. Бели квадрати. Београд, 1957; М.Миланков. Јесењи догађај. Београд, 1958; М.Божић Свилене папуче. Загреб, 1959). Если в этих произведениях принять все присубстантивно-относительные придаточные с добавочным пространственным значением за 100%, то окажется, что соотношение средств присоединения этих придаточных у писателей подчас основательно расходятся. М.Перович и М.Миланков в 52% каждый используют для этого предложно-падежные фор-

---

[10] Впрочем, А.К.Панфилов указывает, что в русском языке "в начале XIX в. придаточные с относительным когда вытеснили из языка синонимичные им придаточные со словом который" [109, 14].

мы који, в 48% случаев – относительное где. У М.Поповича који – 65%, где – 35%. У М.Божича резкое отклонение: који – 80%, где – только 20%. Характерно, что такие расхождения встречаем иногда и в произведениях русских писателей. Так, например, по данным А.И.Калинина [65, 6] присубстантивные придаточные с где в романе К.Федина "Первые радости" по отношению ко всем присубстантивно-относительным придаточным составляют 10%. А.Толстой оказывает большее предпочтение конструкциям с относительными наречиями: в его романе "Хмурое утро" присубстантивные предложения с где составляют 41% (больше, чем у К.Федина в 4 раза), что не совсем обычно для современного литературного языка.

В этом отношении частотность придаточных с куда, откуда, когда установилась более четко – расхождения между их употребительностью в произведениях разных писателей менее значительны.

8.0. Благодаря переносному осмыслению пространственных отношений где может использоваться и для присоединения предложений к словам, не имеющим пространственной семантики. В сербохорватском народно-разговорном языке относительное наречие где при глаголах восприятия (в главном предложении) стало присоединять присубстантивное придаточное к дополнению, выраженному местоимением или существительным с любой семантикой. По этому же пути стало развиваться придаточное со словом како (также наречного происхождения). Первоначально употребление где и како, надо полагать, зависело от желания говорящего подчеркнуть обстоятельства, при которых (где и как) совершается действие [57, 61–69], однако эти оттенки со временем стерлись [119, 319]. Где и како не выполняли в придаточных функции члена предложения, они превратились в особые относительные союзы [128, 207]. А.Галлис отмечает присубстантивные придаточные с этими союзами в текстах с XV в. XV веком датирует их появление и словарь Югославянской Академии наук [193, 123]. Частотность их в произведениях устного народного творчества колебалась от 14% (в сказках) до 5% (в песнях). У Вука Караджича употребительность этих союзов не одинакова в произведениях различного жанра: в "Новом завете" – 15%, в "Милоше Обреновиче" – 1,3%, в грамматических сочинениях – 0%, в письмах – 0,3%. В современной художественной прозе[11] употребительность где и како раз-

---

[11] Утверждение А.Галлиса [166, § 168], что в произведениях современных писателей отсутствуют сложные предложения с присубстантивными придаточными, вводимыми этими союзами, можно объяснить лишь тем, что объектом его наблюдения было слишком малое число современных текстов. Впрочем, в рассказе М.Глишича "Голова сахара", который исследовался А.Галлисом, также встречаем конструкции с где (М. Глишић. Собрана дела, I. Просвета. Београд, 1963, стр. 189).

вивается в разных направлениях. Где употребляется значительно реже, чем в "Новом завете" Вука Караджича: Д.Чосич – 0,3%, Б.Чопич – 1%, И.Андрич – 0,3%, М.Крлежа – 3%, В.Десница – 1,3% и т.д. (в "Новом завете" доля где составляла 14, 3%). Некоторые писатели вообще избегают употребления этого союза для выражения подчинения присубстантивных придаточных. Употребляемость союза како в предложениях этого типа по сравнению с нормами "Нового завета" несколько возрастает: "Новый завет" – 0,7%, Й.Попович – 1,3%, Д.Чосич – 1,3%, О.Давичо – 3,3%, Б.Чопич – 4,6%, И.Андрич – 3,6%, М.Лалич – 3,6%, Галич – 2,7%, М.Крлежа – 3% и т.д. Однако в общей сложности доля союзов како и где среди других средств относительного подчинения присубстантивных придаточных резко сокращается: от 15% в "Новом завете" до (самое большое) 6% в современной художественной прозе.

8.1. Из других славянских языков такое расширение сферы употребления где и использование его для присоединения придаточных к субстантивам с отчетливой непространственной семантикой характерно для болгарского языка. Болгарское дето благодаря этому в письменном языке XVII в. вместе с що – щото употреблялось не реже, чем който. Однако в современном литературном болгарском языке оно не имеет широкого применения и употребляется, главным образом в разговорной речи [117, 355–362], где может использоваться в сочетании с формой личного местоимения, являющегося членом придаточного предложения. Присубстантивные придаточные с како (как), имевшие место и в других славянских языках [119, 316–319], в настоящее время в них не употребляются.

Чешские присубстантивные придаточные с неизменяемым jako в отличие от предложений с ješto, употребляющихся лишь в письменном литературном языке в качестве специфически книжного средства, характерны для разговорного языка и некоторых диалектов, где конкурируют с предложениями, вводимыми co [162, 61–73]. Литературный язык их избегает [202, 1167].

* * *

Проведенный анализ показал, что в сербохорватском языке развитие средств относительного подчинения в значительной степени было обусловлено воздействием тенденций, общих для всех славянских языков.

Так, уже во время, засвидетельствованное историческими памятниками, в сербохорватском языке были устранены из арсенала средств относительного подчинения союзные слова, генетически восходящие к указательным местоимениям, и замещены относительными местоимениями вопросительной основы. Этот процесс был пережит всеми славянскими языками: большинство из них сейчас не имеет союзных слов указательной основы, лишь чешский язык частично сохраняет jenž; чешский, польский,

белорусский языки сохранили относительное слово от корня jak-. В этом отношении сербохорватский язык сближается с такими языками, как русский, болгарский, словенский, македонский, в которых эта тенденция получила наиболее последовательную и полную реализацию.

В сербохорватском языке осуществлена тенденция, направленная на выработку одного, ведущего, семантически и стилистически нейтрального, структурно наиболее емкого относительного слова. Таким словом является флективное местоимение вопросительной основы koji. По степени реализации этой тенденции сербохорватский язык сближается с русским, чешским, польским, белорусским языками, в которых придаточные, вводимые изменяемыми относительными словами, являются не только основными, но и господствующими.

Сербохорватский язык, как и другие славянские языки, в своем развитии пережил период, когда наблюдалось усиление активности присубстантивных придаточных с неизменяемыми относительными местоимениями. Эта тенденция намечалась наиболее четко в период создания литературных языков, сопровождавшийся демократизацией языка, когда литературный язык становился достоянием широких масс. Однако в дальнейшем развитии литературных языков, ввиду их специфических структурных особенностей, эта тенденция прекращает действовать. Начинается обратный процесс – ограничение употребления неизменяемых относительных местоимений. Сравнивая с точки зрения реализации этого процесса сербохорватский язык с другими славянскими языками, можно отметить, что он занимает как бы срединное положение, сближаясь с такими языками, как польский, болгарский, украинский, белорусский. Ему противостоят, с одной стороны, русский и чешский языки (в которых придаточные с что, co малоупотребительны), с другой – лужицкие, македонский, словенский языки (где неизменяемые относительные местоимения в некоторых стилях и жанрах успешно конкурируют с изменяемыми). Характерно, что во всех славянских языках присубстантивные придаточные, вводимые што, в диалектах и в разговорной речи используются чаще, чем в письменной литературе [30, 45].

В сербохорватском языке утвердились относительные местоимения и наречия, семантически маркированные, специализирующиеся на присоединении присубстантивных придаточных с добавочными значениями. Группы таких семантически маркированных союзных слов имеют и другие славянские языки.

Сопоставление материала из различных славянских языков показывает, что современные системы сложных предложений с присубстантивными придаточными в этих языках являются результатом длительного исторического развития. Одни и те же тенденции, зародившиеся в глубокой древности, проявлялись в системе разных языков неодновременно [19, 56]; в одних языках они получили полную реализацию, в других

реализованы не полностью или вообще остались нереализованными. Одно средство выражения подчинения, конкурируя с другим, в определенное время расширяло сферу своего использования и, как часто бывает в синтаксисе, в одних случаях полностью вытеснило своего конкурента, в других - сосуществовало с ним, лишь ограничивая и сужая его употребление [14, 11; 143, 258].

Выработанные в результате параллельного развития и реализации общих тенденций системы относительного подчинения присубстантивных придаточных в славянских литературных языках имеют много общих черт, но наряду с этим имеются (хотя и не очень существенные) расхождения. Кроме различий хронологических и в отборе и оформлении относительных слов (что было показано выше), они состоят также в различной употребительности относительных слов, в стилистической и семантической маркированности или нейтральности. То, что архаично или малоупотребительно в одних славянских языках, в других оказывается нормой. Так, в сербохорватском, в македонском, болгарском языках обычным является относительное местоимение от корня koj-, а в русском оно используется лишь для придания речи книжно-архаического стиля. Качественный оттенок относительного местоимения який (які) в украинском и белорусском (отчасти и в польском) выступает не так выразительно и подчеркнуто, как в соответствующих им местоимениях других языков - в сербохорватском, русском, чешском, болгарском языках семантическая маркированность качественного относительного местоимения не нейтрализуется. Родительный падеж ведущего относительного местоимения воспринимается как архаичное средство выражения принадлежности в сербохорватском литературном языке, но является обычным в большинстве других славянских языках. Неизменяемое что не характерно для русского и чешского языков, но активно используется в сербохорватском, украинском, польском и др.

Кроме общих для всех славянских языков тенденций, имеются и такие, которые характеризуют лишь сербохорватский или преимущественно сербохорватский язык. Сербохорватский литературный язык существенно отличается от других славянских языков тем, что в нем получили более широкое распространение присубстантивные придаточные с местоимением чији. В художественной литературе как сербские, так и хорватские писатели довольно часто используют союзы где (для присоединения придаточных к словам не имеющим пространственного значения) и како. Из других славянских языков лишь болгарский имеет подобное употребление дето.

Таблица 1

Источники		Средства связи	Изменяемые						Неизменяемые				
			иже	кој и (ки)	ктери котери	што (чьто, ча)	кај	абс.	иже (кже)	кре	што (чьто, ча)	кај	абс.
Средневековье	сербские	Религиозные тексты	173	1	–	–	–	174	22	–	–	–	22
		Светские тексты:											
		а) грамоты, письма	26	454	–	12	–	577	7	5	123	–	163
		б) Законник Ст. Душана	5	80	–	–	–		–	–	28	–	
	хорватские	Религиозные тексты	26	1	–	–	–	27	1	–	–	–	1
		Светские тексты:											
		а) законы, дипломы	–	32	–	–	–	176	–	–	–	–	13
		б) хроники	–	108	–	–	–		–	–	13	–	
		в) Колуничев сборник	–	35	–	1	–		–	–	–	–	
1500–1800 гг.	Далматинская лит-ра	Поэзия и беллетристика:	–	204	–	4	–	208	–	–	11	–	11
		Религиозные тексты	1	294	–	–	–	295	1	–	–	–	1
		Босниийская лит-ра	–	28	–	–	–	28	–	–	–	–	
		Славонская лит-ра	–	41	–	1	–	42	–	–	1	–	1
		Кайкавская лит-ра	–	194	75	–	10	280	–	–	–	–	

Средства связи / Источники	Изменяемые				
	који	*какав*	*чији*	абс.	%
Народне приповетке	154	1	–	155	51,6
В.Караџић. Нови завјет	210	6	–	216	72
В.Караџић. Милош Обреновић	223	3	–	226	75,3
В.Караџић. Граматички и полемички списи	252	–	1	253	84,3
В.Караџић. Писма	264	2	–	266	88,7
А.Шеноа. Сељачка буна	243	–	2	245	81,7
К.Ш.Ђалски. Изабране приповетке	210	8	–	218	72,7
С.Сремац. Зона Замфирова	238	2	4	244	81,3
Ј. Веселиновић. Изабране приповетке Сељанка	212	4	2	218	72,7
Св.Ранковић. Горски цар	250	2	3	255	85
В.Назор. Изабрана дела	184	1	0	185	61,7
Б.Станковић. Нечиста крв	221	6	6	233	77,7
И.Андрић. Љубав у касаби	250	3	6	259	86,3
И.Андрић. На Дрини ћуприја	269	2	3	274	91,3
А.Цесарец. Златни младић	276	5	3	284	94,7
М.Крлежа. На рубу памети	238	7	1	246	82
Г.Крклец. Лица и крајолици	230	9	6	245	81,7
В.Десница. Пролеће у Бадровцу	246	6	4	256	85,3
Ј. Поповић. Избор	240	1	12	253	84,3
О.Давичо. Бетон и свици	210	1	11	222	74
Р.Маринковић. Руке	217	3	–	220	73,3
М.Лалић. Раскид	217	3	6	226	75,3
Б.Ћопић. Крава са дрвеном ногом	246	1	6	253	84,3
Д.Ћосић. Далеко је сунце	251	3	10	264	88
М.Ножинић. Демона	248	3	2	253	84,3
Ј. Галић. Непокорено село	264	7	5	276	92
П.Шегедин. На путу	230	1	2	233	77,6
Ж.Јелечић. Млака кожа	201	–	–	201	67
А.Стипчевић. Вруће лето	270	2	2	274	91,3
Наука и публицистика:					
Ј. Поповић Избор	278	1	9	288	96
И.Секулић Говор и језик...	269	1	9	279	93
Д.Живковић. Теорија књижевности	281	3	4	288	96
Љ.Јонке.Књижевни језик у теорији и пракси	268	3	1	290	96,7
А.Белић. Око нашег књижевног језика	288	2	3	293	97,7
Политика	269	2	8	279	93
Дуга	272	1	7	280	93,3

Таблица 2

Неизменяемые											
что вместо ном.	*что* вместо аккуз.	*что* вместо др. пад.	*где*	*куда*	*камо*	*откуд (одакле)*	*када*	*где* (союз)	*како* (союз)	абс.	%
26	34	3	35	2	–	2	4	37	2	145	48,4
12	7	1	14	1	–	1	3	43	2	84	28
28	5	–	22	3	–	3	9	3	1	74	24,7
16	1	3	24	–	–	2	1	–	–	47	15,7
3	11	–	16	–	–	–	3	1	–	34	11,3
9	15	1	22		2	–	1	4	1	55	18,3
26	19	–	27	1	2	–	4	1	2	82	27,3
28	3	–	8	2	–	–	6	2	7	56	18,7
25	11	–	19	2	–	1	8	7	9	82	27,3
10	6	2	12	1	1	1	4	6	2	45	15
47	36	–	22	–	1	2	2	4	1	115	38,3
12	23	–	23	–	–	1	1	1	6	67	22,3
7	3	–	8	3	–	–	8	1	11	41	13,7
3	–	–	13	1	–	–	7	–	2	26	8,7
1	1	–	8	2	–	1	2	–	1	16	5,3
17	10	–	13	–	1	–	7	1	5	54	18
13	13	–	17	–	–	2	10	–	–	55	18,3
18	3	–	11	1	–	1	2	4	4	44	14,7
25	6	–	8	–	–	1	3	–	4	47	15,7
49	2	–	11	–	–	2	4	–	10	78	26
38	11	–	19	–	–	–	3	–	9	80	26,7
30	7	–	17	1	–	–	8	–	11	74	24,7
5	2	–	12	–	–	–	11	3	14	47	15,7
8	1	–	11	–	–	3	8	1	4	36	12
27	7	–	9	–	–	–	1	1	2	47	15,7
3	–	–	9	–	–	–	3	1	8	24	8
37	10	–	16	1	–	1	2	–	–	67	22,4
49	27	–	8	1	–	–	7	–	7	99	33
10	1	–	7	1	–	–	–	1	6	26	8,7
2	4	–	1	–	–	1	4	–	–	12	4
2	–	–	17	–	–	–	2	–	–	21	7
–	–	–	4	–	–	–	8	–	–	12	4
2	1	–	4	–	–	–	3	–	–	10	3,3
–	–	–	3	–	–	–	4	–	–	7	2,3
2	1	–	8	5	–	2	3	–	–	21	7
3	2	–	12	–	–	–	1	–	2	20	6,7

Использованная литература

1. Г.Н. А к и м о в а. Относительное подчинение в научной прозе М.В.Ломоносова. Автореф. канд. дисс. Л., 1955.
2. Г.Н. А к и м о в а. Определительно-описательные предложения с относительным местоимением который (по материалам научной прозы М.В.Ломоносова). "Исследования по грамматике русского языка". Уч. зап. ЛГУ". Серия филол. наук, № 235, вып.38, 1958.
3. Г.Н. А к и м о в а. Сложноподчиненные предложения с относительными местоимениями кто и что "Уч. зап. ЛГУ". Серия филол. наук, № 302, вып.61, 1962.
4. Г.Н. А к и м о в а. Тенденции в развитии относительного подчинения в современных восточнославянских языках. "Изв. АН СССР". ОЛЯ, 1964, т.XXIII, вып.2.
5. Ф. А л е к с а н д р о в. О значениях и функциях местоимений "который", "иже" и "кый" в основных памятниках древнеболгарского языка. "Славистичен сборник". Т.I. Езикознание. София, 1958.
6. Л. А н д р е й ч и н. Грамматика болгарского языка. М., 1949.
7. Л. А н д р е й ч и н. Ролята на руския език в развитието на съвременния български книжовен език. "Български език", 1952, кн.3-4.
8. Л. А н д р е й ч и н. Ролята на черковнославянския език за изграждането на съвременния български книжовен език. "Български език", 1958, кн.4-5.
9. Л. А н д р е й ч и н. Взаимодействие между народен език и книжовни влияния при формирането на новобългарския книжовен език. "Български език", 1963, кн.4-5.
10. Т.В. Б а й м у т, М.К. Б о й ч у к, М.К. В о л и н с ь к и й, М.А. Ж о в т о б р ю х, Т.П. М а л и н а, С.П. С а м і й л е н к о. Порівняльна граматика української і російскої мов. Київ, 1961.
11. Э.I. Б а р ы с а г л е б с к а я. Даданыя азначальныя сказы, звязаныя с галоўным адноснымі займеннікамі. "З даследаванняў па беларускай и рускай мовах". Мінск, 1961.
12. Э.I. Б а р ы с а г л е б с к а я. Складаназалежныя сказы з даданымі азначальнымі ў сучаснай беларускай мове. "Вопросы лексикологии и грамматики". Минск, 1961.
13. Я. Б а у э р. К вопросу о возникновении и развитии типов сложного предложения (на материале чешского языка) - ВСЯ, вып.6. М., 1962.
14. Я. Б а у э р. Основные проблемы сравнительно-исторического изучения синтаксиса славянских языков. - ВЯ, 1963, № 4.
15. Я. Б а у э р. К развитию относительных придаточных в славянских языках. - ВЯ, 1967, № 5.

16. А.Я. Баханькоў. Складаназалежныя сказы з даданымі азначальнымі ў паўднёва-заходніх беларускіх гаворках. "Весці Акадэміі навук Беларускай ССР". Серыя грамадскіх навук, 1960, № 4.
17. А.Е. Баханьков. Сложноподчиненные предложения в юго-западных белорусских говорах. Автореф. канд. дисс. Минск, 1961.
18. С.П. Бевзенко. Спостереження над синтаксисом українських літописів XVII ст. "Ужгородский державний університет. Наукові записки", т.IX. Ужгород, 1954.
19. С.Ф. Бевзенко. К проблеме сравнительно-исторического изучения внутренней истории славянских языков. " Всесоюзная конференция по славянской филологии 17-22 декабря 1962 г. Программа и тезисы докладов". Л., 1962.
20. О.П. Безпалько. Нариси з історичного синтаксису української мови. Київ, 1960.
21. О.П. Безпалько, М.К. Бойчук, М.А. Жовтобрюх, С.П. Самійленко, І.Й. Тараненко. Історична граматика української мови. Київ, 1961.
22. А. Белић. О промени ст.-слав. кыи "qui". "Јужнословенски филолог", књ Ш. Београд, 1922-1923.
23. А. Белић. Око нашег књижевног језика. Београд, 1951.
24. А. Белић. О синтаксичкој конструкцији са свезицом што. "Наш језик". Нова серија, књ. VI, св. 1-2, Београд, 1954.
25. И.К. Белодед. Контакты украинского языка с другими славянскими языками и унификация его устной литературной нормы. Киев, 1968.
26. І.К. Білодід. Питання розвитку мови української радянської художньої прозы. Київ, 1955.
27. С.Б. Бернштейн. К изучению истории болгарского литературного языка. "Вопросы теории и истории языка". Сборник в честь профессора Б.А.Ларина. Л., 1963.
28. В.И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII-XIV в. "Уч. зап. Ярославского гос. пед. ин-та", вып.IV. Русское языкознание, 1944.
29. В.И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Сложное предложение. М., 1958.
30. В.И. Борковский. Использование диалектных данных в трудах по историческому синтаксису восточнославянских языков. М., 1958.
31. В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.
32. Д. Брозович. Славянские стандартные языки и сравнительный метод. - ВЯ, 1967, № 1.
33. М.Г. Булахаў. Развицце беларускай літаратурнай мовы ў XIX-XX ст. ст. ва узаемаадносінах з іншымі славянскімі мовамі. Мінск, 1958.

34. Л.А. Булаховский. Курс русского литературного языка, том II (исторический комментарий). Киев, 1953.
35. Ф.И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
36. А. Вайян. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
37. Ван-Вейк. По поводу местоимения кый. "Јужнословенски филолог", књ. XVIII, св. 1-4. Београд, 1949-50.
38. В. Вондрак. Древнецерковнославянский язык. Казань, 1915.
39. Ј. Вуковић. Спорни проблеми у нашој средњошколској граматици. "Питања савременог књижевног језика", св.5. Сарајево, 1957.
40. М.Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзными словами "кой", "какой" и др. в русском литературном языке XVIII в. "Уч. зап. Томского гос. пед. ин-та", т.XVII. Томск, 1958.
41. М.Н. Вьюкова. Относительные предложения с союзным словом "который" в литературном языке 18в. "Уч. зап. Томского гос.ун-та им. В.В.Куйбышева", № 30, 1958.
42. М.Н. Вьюкова. Относительные предложения в русском литературном языке XVIII в. Автореф. канд. дисс. Томск, 1958.
43. А. Галлис. Склоняемое и несклоняемое относительное местоимение, в особенности в сербско-хорватском языке. "IV Международный съезд славистов". Материалы дискуссии, т.II. М., 1962.
44. А.И. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. М., 1955.
45. М. Георгиева. Самостоятелна употреба на относителното местоимение който в български литературен език. "Изв. на Ин-та за български език", кн.8, 1962.
46. Е. Георгиева. Синтаксисът в славянобългарска история от Паисии. - "Изв. на Ин-та за български език", кн.9, 1962.
47. Д.Д. Герасименко. Развитие гипотактических конструкций в различных жанрах украинского литературного языка XVII - начала XVIII в. Автореф. канд. дисс. Киев, 1968.
48. П. Горецький, І. Кириченко. Націоналістичне шкідництво в синтаксі сучасної української літературної мови. "Мовознавство", 1934, № 2.
49. Грамматика русского языка, т.II. Синтаксис, часть вторая, Изд. АН СССР. М., 1954.
50. И. Грицкат. Релативно који и што. "Наш језик". Нова серија, књ. XVI, св.1-2. Београд, 1967.
51. Е.И. Гурьева. Предложения с атрибутивной зависимой частью в старославянском языке. "Уч. зап. Тартуского гос. ун-та", вып.200. Труды по русской и славянской филологии, X. Серия лингвистическая. Тарту, 1967.
52. И. Гълъбов. Към историята на относителните местоимения

в българския език. "Езиковедски изследвания в чест на академик Стефан Младенов". София, 1957.
53. Т. Димитровски. Македонска граматика за УШ одделение и IУ клас. Скопје, 1956.
54. П.А. Дмитриев. Союз или союзное слово? "Славянское языкознание". Л., 1962.
55. П.А. Дмитриев. Труд норвежского слависта. "Вестник ЛГУ", 1963, № 14.
56. П.А. Дмитриев. Присубстантивные који и где у И.Андрича. "Исследования по эстетике слова и стилистике художественной литературы". Л., 1964.
57. П.А. Дмитриев. Атрибутивные придаточные с союзами где, како, да в сербохорватском языке. "Славянская филология", Изд. ЛГУ, 1964.
58. П.А. Дмитриев. Очерки по синтаксису сербохорватского языка. Л., 1966.
59. П.А. Дмитриев. Сербский и хорватский переводы романа М.Горького "Мать" как материал для изучения сербохорватского литературного языка. "Программа и тезисы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения М.Горького. Ленинград, 8-12 апреля 1968". Изд. ЛГУ, 1968.
60. У.Я. Едлінська. Питання історичного синтаксису української мови. Київ, 1961.
61. Ф.Т. Жилко. Говори української мови. Київ, 1958.
62. П. Ивић. О говору Галипольских Срба. Београд, 1957.
63. С.Г. Ильенко. О союзах и союзных словах когда и где. "Уч. зап. ЛГПИ", т.173. Кафедра русского языка. Л., 1958.
64. Е.С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи. Пг., 1923 (из "Изв. ОРЯС Рос. АН" т.XXIV и XXVI).
65. А.И. Калинин. Сопоставительный анализ использования придаточных определительных предложений в романах К.Федина "Первые радости" и А.Толстого "Хмурое утро". - "Синтаксис современного русского языка". Сборник сороковой, вып.6. Тюмень, 1968.
66. Вук Караџић. Додатак к Санктпетербугским сравнителним рјечницима свију језика и нарјечија. Беч, 1822.
67. Вук Караџић. Скуплени граматички и полемички списи, књ. II. Београд, 1894-1895.
68. А.С. Карзон, М.І. Жыркевич. Граматыка беларускай мовы. Сінтаксіс. Мінск, 1953.
69. М.І. Карнеева-Петрулан. Мова Баркулабаўскага летапису. "Працы інститута мовознаўства АН БССР", вып.III. Мінск, 1957.
70. Е.Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьев-

ского списка летописи. "Изв. по русскому языку и словесности". 1929, т.II, кн.I.
71. Е.Ф. Карский. Белорусы. Вып.2-3. М., 1956.
72. Г.А. Качевская. К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.). "Труды Института языкознания АН СССР", т.V. М., 1954.
73. Г.И. Ковылина-Шакарян. О некоторых особенностях русского синтаксиса в сравнении с польским. "Научные труды Ереванского университета", т.74, вып.4. Ереван, 1961.
74. В.И. Кодухов. Сложноподчиненное предложение в русском литературном языке второй половины XVIII в. Автореф. докт. дисс. Л., 1967.
75. Б. Конески. Граматика на македонскиот литературен јазик, дел II. За формите и нивната употреба. Скопје, 1954.
76. Б. Конески. Историја македонског језика. Београд, 1966.
77. Э.И. Коротаева. Наблюдения над синтаксисом Григория Катошихина, протопопа Аввакума, Симеона Полоцкого. "Начальный этап формирования русского национального языка". Л., 1961.
78. Ф.Е. Корш. Способы относительного подчинения. М., 1877.
79. I.I. Крамко. Да гісторыі адноснага падпарадкавання у беларускай мове. "Весці АН БССР". Серыя грамадскіх навук, 1959, № 4.
80. Курс сучасної української літературної мови, том II. Київ, 1951.
81. Курс сучаснай беларускай літаратурнай мовы. Сінтаксіс. Мінск, 1959.
82. М. Малевић. Синтакса српскохрватскога књижевног језика. Београд, 1962.
83. Б.С. Лапаў. Значэнні слова каторы ў беларускай мове. "Працы інстытута мовазнаўства АН БССР", вып.VI. Мінск, 1959.
84. Б.А. Ларин. Разговорный язык Московской Руси. "Начальный этап формирования русского национального языка", Л., 1961.
85. О.П. Лахно. Із спостережень над мовою документів канцелярії Богдана Хмельницького. "Українська мова в школі", 1953, № 6.
86. Т.П. Ломтев. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М., 1956.
87. Л.М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах Автореф. канд. дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев, 1953.
88. Л.М. Лосева. Конструкции с относительным местоимением который в русском языке и их замены в курском говоре. "Научный ежегодник Черновицкого университета за 1958 г." Черновцы, 1960.
89. А. Майков. История сербского языка по памятникам, писанным кириллицей, в связи с историей народа. М., 1857.

90. Г.М. М а к а р о в. Сложноподчиненные предложения с придаточным определительным в деловой речи 18 столетия. Автореф. канд. дисс. Сызрань, 1956.
91. С.И. М а к а р о в а. Из истории относительного подчинения в русском языке. "Вопросы языка и литературы", вып.3. Изд. ИМО, М., 1962.
92. В.А. М а л а х о в с к и й. Говоры Новобуянского района Куйбышевской области. "Уч. зап. Куйбышевского Гос. пед. и учит.ин-та им. В.В.Куйбышева", вып.5. Кафедра языкознания, 1942.
93. Ю.С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.
94. І.Г. М а т в і я с. Дослідження з граматики сучасної української літературної мови за радянське сорокаліття. "Дослідження з мовознавства в Українській РСР за сорок років". Київ, 1957.
95. І.Г. М а т в і я с. Синтаксичні і стилістичні властивості займенників в українській литературной мови першої половини XIX ст. "Дослідження з синтаксису української мови". Київ,1958.
96. І.Г. М а т в і я с. Синтаксис займенників в українській мові. Київ, 1962.
97. Я.В. М а ц ю с о в и ч. Основные особенности сложноподчиненного предложения современного польского литературного языка. "Уч. зап. ЛГУ", № 156. Серия филологических наук, вып.15. Л., 1952.
98. Ф.П. М е д в е д е в. Синонімічні сполучники підрядності в сучасній українскій мови. "Уч. зап. ХДУ. Труды філологічного факультету", т.2, Х, 1952.
99. А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951.
100. О.С. М е л ь н и ч у к. Історичний розвиток системи відносних слів в українській мові. "Слов'янске мовознавство", IV. Київ, 1962.
101. О.С. М е л ь н и ч у к. Основні лінії розвитку складно-підрядних речень у слов'янських мовах. Київ, 1963.
102. К. М и р ч е в. Историческа граматика на българския език. София, 1958.
103. А.А. М о с к а л е н к о. Синтаксис складного речення давньоруської та української мови. Одеса, 1959.
104. В.В. Н а з а р е т с к и й. К истории сложноподчиненного предложения в древнерусском языке, вып.I, Енисейск, 1960.
105. Нарысы па гісторыі беларускай мовы. Минск, 1957.
106. С.П. О б н о р с к и й. Русская Правда как памятник русского литературного языка. "Изв. АН СССР". VII серия. Отделение общественных наук, № 10. М.-Л., 1934.
107. Д.Н. О в с я н и к о-К у л и к о в с к и й. Синтаксис русского языка. СПб., 1912.
108. М. П а в л о в и ћ. Говор Сретечке Жупе. Београд, 1939.
109. А.К. П а н ф и л о в. Сложноподчиненные предложения с местои-

менными наречиями в роли относительных слов. Автореф. канд. дисс. М., 1955.
110. І.З. П е т л и ч н ы й. Граматичні особливості мові літопису Самовидця. "Питання українського мовознавства", книга перша. Львів, 1956.
111. К.М. П л и с к о. Означальні підрядні речення що поєднуються з головним за допомогою конструкції типу "що його", "що її". "Наукові записки. Філологічна серія", т.XXXI. Харків, 1958.
112. К.М. П л и с к о. До вживання в сучасній українській літературній мові означальних підрядних речень з сполучними словами що і який та перекладу их російскою мовою. "XIII звітно-наукова сесія, секція української мови та літератури. Тези доповідей". Харків, 1958.
113. Е.Н. П л и с к о. Определительные придаточные предложения в современном украинском литературном языке. Автореф. канд. дисс. Харьков, 1958.
114. П.П. П л ю щ. Русская "простая мова" на Украине в XVI-XVIII веках. "Начальный этап формирования русского национального языка". Л., 1961.
115. К. П о п о в. Съвременен български език. Синтаксис. София, 1962.
116. К. П о п о в. Синтактичното съгласуване в български език. София, 1964.
117. В. П о п о в а. Една нова употреба на местоимението <u>който</u>. "Български език", 1963, кн.4-5.
118. Н.С. П о с п е л о в. Развитие предложений "одночленной структуры" - "Очерки по исторической грамматике русского литературного языка. Изменения в строе сложноподчиненного предложения". М., 1964.
119. А.А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, т.I-II. М., 1953.
120. А.М. С е л и щ е в. Славянское языкознание. М., 1941.
121. О.А. С к о р о п а д а. До історії розвитку підрядних сполучників в означальних реченнях. "Питання українського мовознавства", кн.2. Львів, 1957.
122. А.А. С к о р о п а д а. Определительные придаточные предложения в украинском языке. Автореф. канд. дисс. Львов, 1958.
123. И.И. С л ы н ь к о. Синтаксис летописи Величко. Автореф. канд. дисс. Львов, 1954.
124. В.И. С о б и н н и к о в а. Строение сложного предложения в народных говорах. Воронеж, 1958.
125. М.А. С о к о л о в а. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.
126. Я.А. С п р и н ч а к. Очерк русского исторического синтаксиса. (Сложное предложение). Киев, 1964.

127. М. Стевановић. Источноцрногорски дијалекат. "Јужнословенски филолог", књ. XIII. Београд, 1933-34.
128. М. Стевановић. Напоредна употреба заменице који и односних свезица: да, где, како, те и што. "Наш језик". Београд, 1938.
129. М. Стевановић. Напоредна употреба заменица који и чији у посесивној служби. "Наш језик". Нова серија, књ. III, св.3-4. Београд, 1951.
130. М. Стевановић. Шта и што у савременом српскохрватском језику. "Наш језик". Нова серија, књ. XIII, св.3-5. Београд,1963.
131. М. Стевановић. Језик у Вукову делу и савремени српскохрватски књижевни језик. "Јужнословенски филолог", књ. XXVI, св.1-2. Београд, 1963-1964.
132. М. Стевановић. Савремени српскохрватски језик. Београд, 1964.
133. А.Н. Стеценко. Сложноподчиненное предложение в русском языке XIV-XVI вв. Томск, 1960.
134. Ст. Стоянов. Граматика на българския книжовен език. София, 1964.
135. А.П. Сумароков. Полное собрание всѣх сочинений, ч.X. М., 1787.
136. А.И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII-XVII вв. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
137. А.И. Сумкина. К истории относительного подчинения в русском языке XIII-XVII вв. "Труды Ин-та языкознания АН СССР", т.V, М., 1954.
138. П.Д. Тимошенко. Питання нормалізації української літературної мови. "Синтаксична будова української мови". Київ, 1968.
139. Н.И. Толстой. К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян. ВЯ, 1961, № 1.
140. Н.И. Толстой. Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII-XVIII вв. "Вопросы образования восточнославянских национальных языков". М., 1962.
141. В.И. Троицкий. Относительное подчинение в языке русской письменности XVI-XVIII вв. Казань, 1968.
142. М.В. Федорова. Лексико-грамматические очерки по истории русских местоимений. Воронеж, 1965.
143. Ф.П. Филин. Об изучении общественных функций языка. "Изв. АН СССР". Серия литературы и языка, т.XXVII, вып.4. М., 1968.
144. Е.С. Хмелевская. Конструкции с относительным подчинением предложений в грамотах северо-восточной Руси конца XIV -

начала XVI вв. "З доследаванняў па беларускай и рускай мовах". Мінск, 1961.
145. І.Г. Чередниченко. До історії розвитку конструкцій з відносноузгоджуваним підпорядкуванням підрядних присубстантивних у східнослов'янських мовах. "Славістичний збірник". Київ, 1963.
146. І.Г. Чередниченко. Синтаксичні явища закарпатських українських говорів. "Вопросы славянского языкознания", книга вторая. Львов, 1949.
147. И.Г. Чередниченко. Придаточные присубстантивные с определительно-притяжательными и определительно-личным значениями в современных русском и украинском языках. "Черновицкий гос. университет. Тезисы докладов XIV отчетной сессии профессорско-преподавательского состава". Черновцы, 1958.
148. І.Г. Чередниченко. Складнопідрядні речення в сучасній українській мови. Чернівці, 1959.
149. І.Г. Чередниченко. До питання про співвідношення синтаксичних засобів вираження присубстантивної означальності в російской українській и білоруській мовах. "Научный ежегодник Черновицкого университета за 1958 г.". Черновцы, 1960.
150. А.Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953.
151. Н.А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII в. "Уч. зап. Казанского ун-та им.В.И.Ульянова-Ленина. Сборник работ кафедры русского языка", т.112, кн.6. Казань, 1952.
152. А.А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. "Исследования по русскому языку". Изд. ОРЯС АН, т.II, вып.3. СПб., 1903.
153. А.С. Шишков. Рассуждение о старом и новом слоге российском. СПб., 1818.
154. Т.С. Ярмоленко. Сложноподчиненное предложение в памятниках деловой украинской письменности XVI в. Автореф. канд. дисс. Киев, 1955.

155. A. Bajec, R. Kolarič, M. Rupel. Slovenska slovnica. Ljubljana, 1964.
156. J. Bauer. Vývoj českého souvětí. Praha, 1960.
157. J. Bauer. K vývoji vztažných vět v slovanských jazycích. "Slavica slovaca", roč. 2, 1967, č. 3.
158. J. Bauer. Klasifikace souvětí v českých a ruských mluvnicích. "Sovětská jazykověda", 1955, č. 5.
159. J. Bečka. Zájmeno který a jenž v nové češtině. "Listy filologické", roč. 61, 1934, seš. 2-3.

160. T. Benni, J. Łoś, K. Nitscn, J. Rozwadowski, H. Ułaszyn. Gramatyka języka polskiego. Kraków, 1923.
161. J. Brabec, M. Hraste, S. Živković. Gramatika hrvatsko-srpskoga jezika. V izdanje. Zagreb, 1963.
162. J. Chloupek. Východomoravské věty se spojkovým CO. "Slovo a slovesnost", roč. 20, 1959.
163. A. Dostál. A. Gallis. The Syntax of Relative Clauses in Serbo-Croatian, Viwed on a Historical Basis. Oslo, 1956. "Slavia", roč. XXX, 1960.
164. O. Ferrel. Some Notes on Slavic Gendered Pronominal inflection. "American Contributions on the Fifth International Congres of Slavists", VI. The Hague, 1963.
165. V. Flajšhans. Jenž, ježto, co atp. "Listy filologické", roč. 62, 1935.
166. A. Gallis. The Syntax of Relative Clauses in Serbo-Croatian, Viewed on a Historical Basis. "Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i. Oslo". II. Historisk-Filosofisk Klasse, 1956, 3.
167. A. Gallis. Flektiertes Relativum und Relativum generale-insbesondere im Serbokroatischen. "Scando-Slavica", IV, 1958.
168. S. C. Gardiner. Die Entwicklung des Relativpronomens 'kotoryi' im Altrussischen. "Wiener Slavisches Jahrbuch". Wien, 1960, 8.
169. J. Gebauer. Historická mluvnice jazyka českého, IV. Skladba. Praha, 1929.
170. K. Horálek. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955.
171. M. Ivić. Povodom referata o relativnim rečenicama. "Slavica slovaca", roč. 2, 1967, 3.
172. Lj. Jonke. Književni jezik u teoriji i praksi. Zagreb, 1965.
173. J. Jurančič. Slovenački jezik. Ljubljana, 1965.
174. Z. Klemensiewicz. Składnia opisowa współczesnej polszczyzny kulturalnej. Kraków, 1937.
175. Z. Klemensiewicz, T. Lehr-Spławinski, St. Urbańczyk. Gramatyka historiczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
176. F. Kopečný. Nářečí Určic a okolí. Praha, 1957.
177. F. Kopečný. Zaklady české skladby. Praha, 1962.
178. S. Králík. Povaha souvětí v nářečí na Kelečsku. "Studie ze slovanské jazykovědy. Sbornik k 70. narozeninám akademika Františka Trávníčka". Praha, 1958.
179. A. Krasnowolski. Systematiczna składnia języka polskiego. Warszawa, 1897.
180. R. Kuzmić. Paralelna upotreba nepromjenljive odnosne zamjenice sa dopunom u raznim jezicima. "Ivšićev zbornik". Zagreb, 1963.
181. G. Liebsch. Syntax der wendischen Sprache in der Oberlauzitz. Bautzen, 1884.
182. J. Łoś. Krótka gramatyka historyczna języka polskiego. Lwów, 1928.
183. H. Lunt. Grammar of the Makedonian literari language. Skopje, 1952.

184. T. Maretić. Veznici u slavenskijem jezicima. Zagreb, 1887.

185. T. Maretić. Gramatika hrvatskog ili srpskog književnog jezika. Treće izdanje. Zagreb, 1963.

186. F. Miklosich. Vergleichende syntax der slavischen sprachen. Wien, 1883.

187. E. Nieminen. Beitrage zur altpolnischen Syntax, I. Helsinki, 1939.

188. E. Nieminen. Beitrage zur altpolnischen Syntax, II. Helsinki, 1950.

189. J. Orlovský. Slovenská syntax. Bratislava, 1965.

190. M. Pavlović. Fonction et valeur semantique des relatifs što et koji en serbocroate. "Revue des études slaves", t. 40, Paris, 1964.

191. J. Poldauf. Vztažné věty v angličtině a v češtině. "Sborník vysoké školy pedagogické v Olomouci". Jazyk a literatura, II. Praha, 1955.

192. A. Peco, M. Pešikan. Informator o savremenom književnom jeziku sa rečnikom. Beograd, 1967.

193. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, dio III. Zagreb, 1887.

194. Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, na svijet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti, dio V. Zagreb, 1898.

195. L. Rojzenzon. O zdaniach złożonych zawierających zdanie poprzędne przydawkowe w języku starołuzyckim XV-XVI wieku. "Poradnik językowy", 1966, 5.

196. J. Sedláček. O nekim pitanjima proučavanja istorijskog razvitka složene rečenice u srpskohrvatskom jeziku. "Зборник за филологију и лингвистику", књ. X. Нови Сад, 1967.

197. J. Skulina. Význam studia lidového jazyka pro poznání rozvoje syntaktických prostředků. "K historicko-srovnavacimu studiu slovanských jazyků". Olomouc — Praha, 1957.

198. K. Svoboda. Vztažné věty s neskloňovaným CO. "Naše řeč", roč. 50, 1967.

199. S. Szober. Słownik poprawnej polszczyny. Warszawa, 1948.

200. S. Težak, S. Babić. Pregled gramatike hrvatskosrpskog jezika. Zagreb, 1966.

201. J. Toporišič. Slovenski knjižni jezik, 2. Maribor, 1966.

202. F. Trávníček. Mluvnice spisovné češtiny, II. Praha, 1951.

203. F. Trávníček. Historická mluvnice česká, III. Skladba. Praha, 1956

204. S. Urbańczyk. Wyparcie stpol. względnego jen, jenże przez pierwotnie pytanie ktory. "Polska akademija umiejętnosci. Rozprawy wydziału filologicznego", t. LXV, 1. Kraków, 1935.

205. S. Urbańczyk. Zdania rozpoczynane wyrazem co w języku polskim "Prace Komisji językowej" Polska akademija umiejętnosci. Kraków, 1939

206. S. Urbańczyk. Polszczyzna piękna i poprawna. Wrocław-Warszawa-Kraków, 1963.

207. W. Vondrák. Altkirchenslavische Grammatik, 2. Berlin, 1912.

208. J. Vuković. Zadaci naše nauke o savremenom književnom jeziku.

"Naučno društvo Bosne i Hercegovine. Radovi XVIII, odijeljenje istorijsko-filoloških nauka", knj. 6. Sarajevo, 1961.
209. J. Zubatý. Jenž, který, kdo, co. "Naše řeč", roč. II, 1918.

Список обследованных текстов

Иво Андрић. На Дрини ћуприја. Просвета. Београд, 1955; А. Белић. Око нашег књижевног језика. Београд, 1951; Јанко Веселиновић. Изабране приповетке. Просвета. Београд, 1956; Јанко Веселиновић. Сељанка. Рад. Београд, 1955; Оскар Давичо. Бетон и свици. Просвета. Београд, 1956; Владан Десница. Пролеће у Бадровцу. Просвета. Београд, 1955; Ксавер Шандор Ђалски. Изабране приповетке. Просвета. Београд, 1956; Д.Живковић. Теорија књижевности. Народна књига. Београд, 1955; Вук Караџић. Нови завјет и псалми. Будимпешта, 1903; Вук Караџић. Милош Обреновић, кнѧзь Сербіи или грађа за српску историју нашега времена. У Будиму, 1828; Вук Караџић. Скупљени граматички и полемички списи. Књига друга, св.I. Београд, 1894; Вук Караџић. Писма. Просвета. Београд, 1948; Михаило Лалић. Раскид. Народна књига. Цетиње, 1955; Ранко Миринковић. Руке. Просвета. Београд, 1964; Владимир Назор. Изабрана дела. Народна књига. Београд, 1961; Народне приповетке. Просвета. Београд, 1956; Јован Поповић. Избор. Братство — јединство. Нови Сад, 1953; Политика. 10.X. 1965; Светолик Ранковић. Горски цар. Рад. Београд, 1954; Борисав Станковић. Нечиста крв. Просвета. Београд, 1957; Стеван Сремац. Зона Замфирова. Минерва. Суботица, 1955; Исидора Секулић. Говор и језик културна смотра народа. Просвета. Београд, 1956; Добрица Ћосић. Далеко је сунце. Просвета. Београд, 1957; Аугуст Цесарец. Златни младић и његове жртве. Рад. Београд, 1955; Петар Шегедин. На путу. Просвета. Београд. 1962.

Н.И.Сокаль

БЕЗЛИЧНЫЕ ИНФИНИТИВНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье анализируются инфинитивные предложения в современном сербохорватском языке на материале художественной литературы второй половины XIX в. и XX в. Привлекались также материалы толковых словарей и произведения народного творчества (см. список использованной литературы в конце статьи).

Инфинитивные предложения рассматриваются как один из типов безличных конструкций. Инфинитивные предложения, как и другие типы безличных предложений, имеют свою определенную специфику, однако понятие грамматической безличности, именно то, что является характерным и объединяет все типы безличных предложений, распространяется и на инфинитивные предложения. "Безличность, бесподлежащность инфинитивной конструкции выступает как особенность более общего характера, чем специфика инфинитивного оборота: сравнительно с безличностью последняя имеет частный характер"[1].

В специальной литературе вопрос о безличных инфинитивных предложениях в сербохорватском языке, насколько нам известно, не исследовался[2]. Отчасти это объясняется малой употребительностью данных типов предложений в сравнении с другими типами безличных предложений. Несмотря на их малочисленность, встретившиеся инфинитивные предложения представляют известное разнообразие в отношении сказуемого, грамматической структуры и модальности. В нашей работе мы стремились выявить типы этих предложений, дать их классификацию, синтаксический анализ и модальные значения.

---

[1] Е.М. В о и н о в а. О соотношении инфинитивных и безличных предложений. - РЯШ, 1958, № 2, стр.12.

[2] Авторы известных нам статей, посвященных вопросам инфинитива, уделяют основное внимание историческому инфинитиву: Вл. Б а б и ћ. Употреба хисториског инфинитива у говорном језику. "Јужнословенски филолог", XIX, књ. 3-4. Београд, 1951-1952; Ср. Ж и в к о в и ћ. Примери хисториског инфинитива у српскохрватском језику. - Там же; или вопросу модальности глагольных форм имперфекта и перфекта, глагола "бити" в сочетании с инфинитивом: Ј. В у к о в и ћ. Модални облици с имперфектом и перфектом глагола бити + инфинитив главног глагола."Јужнословенски филолог",XX, књ.1-4.Београд,1953-1954. А.Б е л и ч ("Историја српскохрватског језика, књ.II, св.2. Београд 1962, стр.179-187) и М.С т е в а н о в и ч (Савремени

Инфинитивные предложения в сербохорватском языке, чаще входят в состав сложных конструкций и реже оформлены в виде простого самостоятельного предложения (из 133 примеров 41 предложение являются простыми).

В зависимости от структуры сказуемого, инфинитивные предложения распадаются на две группы:

1. Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом в сочетании с глаголом "бити".

2. Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом без глагола "бити".

1. Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом в сочетании с глаголом "бити"

Данную группу составляют предложения, в роли сказуемого которых выступает инфинитив с одной из безличных форм глагола "бити" в настоящем и прошедшем времени (имперфект и перфект) в изъявительном наклонении и в единичных случаях в форме сослагательного наклонения. Таким образом, грамматическое выражение категории времени отличает эту группу безличных инфинитивных предложений от последующей. Сам инфинитив у данного типа предложений не имеет модального значения, оно лишь появляется при слиянии инфинитива и соответствующей формы глагола "бити" в единую сложную глагольную форму[3].

Безличные инфинитивные предложения с глаголом "бити" могут быть нераспространенными и распространенными.

А. Нераспространенные предложения

Для инфинитивных предложений с глаголом "бити" характерно наличие второстепенных членов. Нами отмечены лишь три нераспространенных предложения, которые мы и приводим: "Боље да он проси него ја. – мирно одговори Раго; – Бише* радит." (Ћипико СД I, 78).

Предложение представляет прямую речь и является ирреальным. Его содержание в виде вывода не относится ни к самому говорящему, ни к собеседнику, а к лицу, о котором идет речь и которое определяется контекстом. Модальное значение необходимости имеет здесь оттенок укора.

Несколько иным является следующий пример с безличной инфинитивной конструкцией в протазисе условного предложения: "Ако буде ћерат' ал'

српскохрватски језик, књ.II – Синтакса. Београд, 1969, стр, 742-745) не выделяют инфинитивные конструкции в особую группу и рассматривают их главным образом в точки зрения их модального значения.

[3] См.: Ј. Вуковић. Указ. соч., стр.268, 270.

* Бише – форма имперфекта в икавском диалекте.

бјежати, хоће нама доро требовати" (Нар. пјес. 4, 361), и в данном случае действие представляется также в ирреальном плане, но оно относится к сфере будущего с модальным значением долженствования.

Третье предложение имеет отрицательную форму, от предыдущих отличается по своей структуре, имея союз да: "Само само, да још мрети није. Ал' већ нека кад инако није." (Радичевић из "Гојка", Ант.43). В нем выражается желание говорящего к невыполнению действия, названного инфинитивом.

Б. Распространенные предложения

Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом в сочетании с глаголом "бити", обычно имеют в своем составе дательный субъекта и другие второстепенные члены в связи с чем и делятся на три подгруппы: а) предложения с дательным субъекта без других второстепенных членов; б) предложения с дательным субъекта и другими второстепенными членами; в) предложения без дательного субъекта.

Наиболее употребительную группу составляют предложения с дополнением в дательном падеже как обязательным членом конструкции. Дополнение, выраженное обычно личным или вопросительно-относительным местоимением и реже существительным, обозначает логический субъект. В большинстве случаев дательный субъекта конкретизирует лицо, которому надлежит совершить действие, названное инфинитивом, или к которому это действие вообще в той или иной мере относится. Однако наблюдаются также случаи, когда логический субъект имеет обобщенное значение, как в следующем предложении: "...паметном брак не смета, а лудом га није ни склапати" (Поповић. Волите се 94); приведенный пример представляет вывод с обобщенным значением.

а) Предложения с дательным субъекта без других второстепенных членов

Предложения с одним логическим субъектом образуют немногочисленную группу, являясь одним из компонентов сложных конструкций. Как правило, логический субъект данных предложений выражен вопросительно-относительным (реже личным) метоимением в дательном падеже, указывая конкретное или неопределенное лицо. Для структуры рассматриваемых предложений характерно наличие союза да в начале предложения. Анализируемые конструкции с союзом да или без него стилистически ограничены. Они встречаются в разговорной речи, в языке фольклора, в пословицах и народных эпических песнях: "Е, да је мени лећи па умрети" (Сремац. Ђира 111); "Да је коме сјести па виђети кад пођера по полу катане" (Неп. I 74); "Да је коме погледати било како с'јече војвода Момчило" (Неп. I 34).

Однообразная синтаксическая структура обусловливает однообразие модальных оттенков.

Все приведенные предложения обозначают желательность говорящего с оттенком сожаления, так как действие названное инфинитивом не осуществилось. Лексический круг глаголов, выступающих в инфинитиве данных предложений, строго ограничен и включает следующие глаголы, относящиеся к слуховому и зрительному восприятию: виђети, гледати, погледати, послушати, а также три глагола со значением прекращения движения сјести, стати, лећи. Глаголы мрети и умрети отмечены только один раз. Среди предложений с одним дательным субъекта встретилось лишь два примера без союза да: "Коме није било патити он не може ни запазити" (Снп. 147); "А што мене Габор пише да се је погодил, што се бише Габору погаѕати?" (Старине II; 108, RJA I, - пример относится к XVII в.).

Данные предложения отличаются от предыдущих не только структурой, но и модальностью.

Первый пример, являясь выводом с обобщенным значением, выражает отсутствие неизбежности. Во втором передается неодобрительное отношение говорящего к действию, имевшему место в прошлом и относящемуся к конкретному лицу, выраженному логическим субъектом.

б) Предложения с дательным субъекта и другими второстепенными членами

Более разнообразными являются предложения, имеющие в своем составе помимо обязательного логического субъекта и факультативные второстепенные члены, которые лишь уточняют и расширяют содержание предложения. Так, например, в предложении: "Нека, нека не било му долазити овамо" (Ћопић. Пролом 723) - при устранении обстоятельства места овамо, предложение остается таким же безличным, но менее полным в лексическом отношении, что приводит к известному изменению смысла.

Среди необязательных второстепенных членов отмечены обстоятельства места, времени, меры и образа действия, а также прямое и косвенное дополнения. Наличие тех или других второстепенных членов зависит от семантики глагола находящегося в инфинитиве, от характера управления. Обычно в предложении находится или обстоятельство, или дополнение: "Нек иду они куд им драго, нама је овдје и живјети и умирати" (Ћопић. Пролом, 728); "Један пут ми је умријети" (Снп. 111); "Било ти тражити поузданије људе" (Там же, 488).

В отношении модальности анализируемые инфинитивные предложения, как видно из примеров, не отличаются разнообразием. Они имеют значение необходимости с оттенком долженствования или без него; или же значение предпочтительного, но не осуществленного действия в плане

прошлого. Такие предложения являются как бы замечанием или укором, касающимся лица, к которому относится действие названное инфинитивом.

Известную разновидность среди данной подгруппы представляют предложения, имеющие в своем составе в качестве обязательного элемента союз да в начале инфинитивной конструкции и энклитическую форму настоящего времени глагола "бити". Как все предложения рассматриваемой подгруппы и они имеют, кроме дательного субъекта, и другие второстепенные члены, в данном случае обстоятельства (места, меры или степени и образа действия): "Волови запели једва помичу кола. Да му је барем на обалу изићи". (Глишић. Прип. 157); "... или пак - можда и то - да му је ишчезнути негдје високо поврх куће, некуд као на крилима..." (Ћопић. Пролом 350).

Данные предложения, как и аналогичные предложения без факультативных членов, выражают желательность действия и встречаются у писателей, отражающих говоры как восточной, так и западной территории.

в) Предложения без дательного субъекта

Третью разновидность предложений, инфинитив которых сочетается с безличными формами глагола "бити", представляют конструкции, у которых логический субъект лексически не выражен, но который в каждом конкретном случае определяется контекстом. Вне контекста, взятые отдельно, данные предложения имеют обобщенно-личное значение.

Второстепенные члены являются обязательным элементом в структуре рассматриваемых предложений, так как способствуют оформлению всего предложения. Среди них отмечены обстоятельства (места, времени, образа действия), а также прямое и косвенное дополнения. В некоторых из них присутствует союз да. "О, боже, да је већ једном некуд отићи из ове проклете вароши" (Ћопић. Пролом 614); "Само да је изићи горе на земљу, само на земљу, па даље што буде." (Там же, 175); "Само да је пребродити срећно ту окуку" (Илић. Ивицом 154).

По модальности предложения с союзом да ничем не отличаются от предложений с дательным субъекта, они также выражают желательность, разница лишь в неопределенности субъекта, вернее, в контекстуальной обусловленности значения субъекта.

Большинство отмеченных нами предложений этой подгруппы не имеют союза да в своем составе. В них наблюдается большее разнообразие в употреблении форм глагола "бити", кроме настоящего времени, зафиксированы также формы имперфекта и перфекта.

Данные предложения могут иметь как утвердительную, так и отрицательную форму. Число глаголов, выступающих в этих предложениях в отрицательной форме весьма ограниченное: нами зафиксировано лишь два - вјеровати и замјерити. "Зимној ведрини и летњој облачини није вјеровати" (Снп. 90); "Није вам вјеровати, газде сте" (Кочић. Прип. 96).

Помимо отрицательной формы глагола "бити", может находиться и усилительная частица ни: "А шта ћеш, пију људи, па се сваштa бубне, није им ни замјерити" (Ћопић. Пролом 573).

Из второстепенных членов у анализируемых предложений преимущественно встречаются косвенное и прямое дополнения. "Кад је војску војевати онде се виче: Камо јунак Краљевићу Марко? А кад је шићар дијелити, говоре му: Откуда си незнана делијо?" (Снп. 117); "Бјеше ми га давати докле могах жватати" (Снп. 15).

Реже встречаются обстоятельства. Зафиксированы лишь единичные примеры с обстоятельствами образа действия, места и времени: "Било учити на време, па се сад не би мучио с толиким испитима". (Ред. САР 584); "Кад је било заједно с осталима устаницима кретати на варош. Вреочани су и то сложно одлучили на заједничком збору..." (Ћопић. Пролом 403).

Следует еще отметить, что для предложений без дательного субъекта и союза да отрицательная форма более обычна, чем для конструкций с этим союзом, что подтверждает отсутствие примеров.

Предложения без союза да отличаются от последних также и большим разнообразием модальных оттенков, выражая необходимость, долженствование, невозможность действия.

Для всех безличных предложений, у которых инфинитив сочетается с безличными формами глагола "бити", характерны формы изъявительного наклонения, примеры с сослагательным наклонением являются единичными. "Јер би ми сад било убити се кад те видим лутита" (Веселиновић. Хајдук 375); "Кад би било по реду мријети, на тебе би остануло царство" (Нар. пјес. II, 209 - RJA I).

Во втором случае логический субъект лексически не выражен и предложение вне контекста получает обобщенно-личное значение.

Из времен изъявительного наклонения встречаются предпочтительно формы настоящего времени, а затем имперфекта и перфекта.

Следует отметить, что перфект в рассматриваемых предложениях употребляется обыкновенно в полной форме, а также и в усеченной без энклитики настоящего времени (например, било дођи раније), которая также, как правило, опускается в утвердительных предложениях в настоящем времени в тех случаях, когда в инфинитиве находится возвратный глагол: "Ех, тамо тамо... Да се некако тамо створити" (Ћопић. Пролом 617); "Ух, брате, жестоке плачке, да ми се само тамо увалити" (Ћопић. Барут 181).

Формы будущего времени не наблюдаются. Для выражения действий в будущем, употребляется настоящее время глагола "бити" - буде: "Не знам буде ли ми поћи на војску али не буде" (Мон. кроат 229 - RJA. Пример относится к XVI в.); "Са свита овога кад нам буде поћи" (А. Ј. Кнезовић. Живот светог Ивана... Пешта, 1759, стр.75 - RJA I).

Такие предложения являются архаичными, так же как и предложения с формами имперфекта и в произведениях современных писателей нам не встретились.

2. Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом без глагола "бити"

В отношении состава предложений, сказуемое которых выражено одним инфинитивом, характерно, с одной стороны, отсутствие лексически выраженного логического субъекта, что придает им более обобщенное значение, а с другой, наличие одного или нескольких второстепенных членов. Предложения без второстепенных членов встречаются крайне редко. Таким образом, в зависимости от структуры рассматриваемые предложения распадаются на две подгруппы.

а) Предложения без второстепенных членов

К данной группе предложений относятся безличные инфинитивные предложения, состоящие из одного инфинитива и имеющие соответствующую интонацию. Как уже отмечалось, эти предложения очень малочисленны (7 примеров). Оформлены они в виде простого предложения или являются одним из компонентов сложных конструкций. Для предложений этой группы характерно модальное значение необходимости, которое в отдельных случаях выливается в оттенок долженствования, категорического решения совершить действие, названное инфинитивом, или значение желательности: "У нему за трен блесну, захвати га и повуче једна једина мисао: - Бјежати!" (Ћопић. Пролом 317); "... а оне ноћи - само је једна идеја постојала: спавати!" (Поповић. Волите се 13).

Особую разновидность представляют сложные предложения, состоящие из двух лексически одинаковых инфинитивных предложений, соединенных союзом па: "Ратовати, па ратовати. Није лако било ни на усташу и то голим шакама" (Ћопић. Пролом 581), или бессоюзные: "И нисмо спавали два дана и две ноћи. И то је, чини ми се било најтеже. Спавати! спавати!" (Поповић. Волите се 12).

Оба приведенных примера мы считаем сложными предложениями, так как в них отсутствуют объединяющие второстепенные члены (нами не отмечен ни один пример с объединяющими второстепенными членами).

Из приведенных примеров видно, что хотя коосвенный субъект лексически и не выражен, на него указывает сам контекст. Однако степень конкретности этого субъекта проявляется по-разному[4]. В первом примере косвенным субъектом является конкретное лицо - сам говорящий,

---

[4] А.А. Шахматов. Синтаксис русского языка. Учпедгиз. М.-Л., 1941, стр.108.

в остальных субъект действия неопределенный, представляющий группу лиц, включая и говорящего.

б) Предложения с обязательными второстепенными членами

Хотя безличные инфинитивные предложения, единственным членом которых является сам инфинитив, и наличествуют в сербохорватском языке, однако, считать их типичными нельзя в связи с их исключительной малочисленностью. Более характерными следует считать инфинитивные предложения, распространенные второстепенными членами, которые для данного типа предложений являются обязательными в том отношении, что они способствуют оформлению безличной конструкции, расширяя и уточняя в то же время содержание всего предложения.

Из второстепенных членов отмечены прямое и косвенное дополнения, а также обстоятельства места, времени, образа действия. В предложении может быть один второстепенный член или несколько. Наличие тех или других второстепенных членов связано с лексическим значением и переходностью глаголов в сказуемом. При переходных глаголах обычно имеются дополнения, а глаголы обозначающие движение сопровождаются преимущественно обстоятельствами.

Прямое дополнение:"Јазавца тужити." (Кочић. Прип. 83); "Побити псе, ето ти шта." (Ћопић. Пролом 321); "О! к'о змија лута кошулицу своју оставити беду, несрећу, и злобу, и ударце бича стечене у зноју, и свемоћну подлост; и општу гнусобу. ..." (Ракић. Долап, Ант. 208).

В первом примере выражено недоумение в связи с действием, которое воспринимается говорящим как невозможное. Во втором - необходимость исполнить названное действие, в третьем - желательность.

Некоторую разновидность с более категоричным значением необходимости представляют предложения, с повторением инфинитива одинакового лексического значения. Такие предложения по своей структуре схожи с инфинитивными предложениями без второстепенных членов с той разницей, что в данном случае оба предложения являются самостоятельными, а не компонентами сложной конструкции. Одно из них, как правило, нераспространенное, а другое распространенное: "Палити! Палити све с реда, читава села! - сјети се он Јозиних ријечи..." (Ћопић. Пролом 300).

Косвенное дополнение: "Осигурати пензију борцима, јер..." (Доманović. Сатире 197); "У тренутку кад никог нема у кући, побацати у свој девојачки кофер најнужније ствари, ... и окренути леђа свему" (Андрић. Прип. II, 310). В первом примере выражается долженствование, во втором — желательность.

Обстоятельства места: "Побећи, и наћи се тамо негде где не допире Ерина сила" (Андрић. Лица 118); "Даље бјежати, само што даље од овога!" (Ћопић. Пролом 317).

В предложениях выражается желательность совершить действие.

Обстоятельство времени: "Одмах побећи! Што пре!" (Ћосић. Сунце 173); "...побјећи још за времена, нема друге, или..." (Ћопић. Пролом 292). В предложениях передается желательность осуществить действие в определенное время.

Обстоятельства образа действия: "Поступити хладно и немилосрдно! - предлагали су" (Е.Кош. Снег 190); "...стрелати га... тако одједном..." (Ћосић. Сунце 130). В обоих предложениях выражена необходимость.

В предложении может быть также несколько разнородных второстепенных членов. Нами отмечен единственный пример, объединяющий в себе косвенное дополнение, определение, обстоятельство образа действия, времени и места: "Па ипак - с Италијом заратити, с великом државом, и то не на ријечима као досад (ратујемо с фашистима!) него баш од све збиље, ту близу, на првим чукама изнад вароши?!" (Ћопић. Пролом 568). В предложении выражается сомнение в возможности осуществления указанного действия.

Предложения со сказуемым, выраженным инфинитивом без глагола "бити" имеют и отрицательную форму. Отрицание в этом случае выражается отрицательными частицами не и ни, а также и отрицательными наречиями: "Не имати изнад себе недоступни пут, са још недоступнијим пролазницима... ни испред себе студену, подмуклу и плаховиту реку..." (Андрић. Прип. II, 179); "Био сам пандур, шпијон, порез наплаћивао, стајао пред Гарашаниновим вратима, до кнежевог конушара догурао, али даље ни макнут" (Ћосић. Корени 281); "Две године гинемо на овим положајима, и ни мићи" (Јаковљевић. Трилогија 628); "Шарац језди по среди планине: нигде виле чути ни видети?" (Неп. I, 63).*

Следует отметить, что среди анализируемого типа конструкций предложения с собственно-вопросительным значением редки. Нами зафиксировано лишь два примера с таким значением, но и в них все же чувствуется некоторая риторичность: "А шта да се ради ако не стигне? Камо кренути одавде? Како са раненицима и гладним људима провести читав дан у маршовану?" (Ћосић. Сунце 14). Здесь наличествуют предложения вопросительно-восклицательного характера, содержащие название действия в сочетании с его модальной оценкой со стороны говорящего. В русском языке им бы соответствовали предложения типа: "Как! мне учиться танцевать, мне быть прыгуном! ..." (Крылов. Почта духов

---

* Последний пример в отличие от предыдущих имеет скорее индикативное значение.

XXI)[5], которые в научных грамматиках принято относить к "Инфинитивно-назывным предложениям"[6].

Данные предложения в сербохорватском разнообразны как по грамматической структуре, так и в отношении модальных оттенков. Они могут быть самостоятельными простыми распространенными предложениями или частями сложных конструкций. Для усиления вопросительно-восклицательного оттенка в них обычно употребляется вопросительная частица зар ('разве'): "Зар сада отићи са радилишта?" (Мариновић. Људи 16); "Зар против државе и незине наредбе устајати, јадна нам наша мајка." (Ћопић. Пролом 140); "Па зар сада умрети, када са свих страна заплускују таласи слободе..." (Јаковљевић. Ликови 680).

Как видно из примеров, основное модальное значение исследуемых конструкций: невозможность реализации названного инфинитивом действия. Так, в первом примере выражено недоумение, неодобрительное отношение говорящего к действию, как к несвоевременному, на что указывает обстоятельство времени сада.

Несколько иным является следующий пример, представляющий сложную конструкцию, в которой за инфинитивным предложением с однородными членами непосредственно следует предложение, заключающее местоименное указательное слово то, и в данном случае модальное фразеологическое сочетание - богу плакати. Последующее предложение является средством выражения отношения говорящего к действию, выраженному инфинитивным предложением: "Зар изјести читаву ниву кукуруза, па не заслади с палиграпом, е то би било богу плакати." (Кочић. Прип. 82).

Анализируемый тип предложений с субъективно модальным значением характерен для эмоционально окрашенной речи.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что предложения со сказуемым, выраженным одним инфинитивом без глагола "бити", не отличаются большим разнообразием модальных оттенков. В них выражается преимущественно желательность, необходимость или невозможность действия с оттенком неодобрения или возмущения. В сравнении с аналогичными предложениями в русском языке они более однообразны по своей структуре и менее богаты модальными оттенками. Так, например, нам не встретились чисто вопросительные предложения с отрицанием не и вопросительной частицей ли. Не встретились также предложения с частицей би, выражающие желательность, целесообразность или постоянную

---

[5] Пример заимствован из монографии: "Очерки по исторической грамматике русск. яз. XIX в. Изменения в системе простого предложения". М., 1964, стр.349 (в дальнейшем: Очерки...).

[6] Грамматика русского языка, изд. АН СССР. М., 1960, т. II, ч. 2, стр. 52 и далее, а также "Очерки", стр. 349.

предрасположенность к действию. Отмечен лишь единственный пример с модальным значением неизбежности (приказ с оттенком долженствования).

Среди инфинитивных конструкций со сказуемым, выраженным инфинитивом в сочетании с безличными формами глагола "бити" или, реже, инфинитивом без глагола "бити", выделяется весьма малочисленная группа предложений с "индикативным модальным значением[7], которые в свое время еще П.Глаголевский охарактеризовал как предложения, в которых действие выражается "без отношения к действующему лицу и без всякого специального значения"[8]. Как следует из приведенного языкового материала, инфинитив, являющийся в данном случае сказуемым безличных инфинитивных предложений, выражает действие, которое не совершается реально, а в тех случаях, когда оно и совершается, "то на первый план в мысли выдвинуто не это реальное действие само по себе, а отношение к нему"[9] ("Зар јазавца тужити?!"). Между тем в предложениях с индикативным значением обозначается реальное действие как констатация факта с едва ощутимым оттенком возможности[10], или невозможности. Любопытно отметить, что, подобно аналогичным предложениям в русском языке[11], в них также выступает глагол непосредственного восприятия, с той лишь разницей, что в русском лексический круг глаголов, выступающих в функции сказуемого, более широкий. Инфинитивные предложения с индикативным значением, редкие в сербохорватском языке, зафиксированы лишь с глаголами зрительного и слухового восприятия (видјети и чути)*. В то время как в русском языке, где также выступают глаголы определенной семантики, помимо глаголов

---

[7] К.А. Тимофеев. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском литературном языке. "Вопросы синтаксиса современного русского языка". М., 1950, стр.290.

[8] П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. СПб., 1873, стр.11.

[9] В.Л. Георгиева. К истории глагольно-инфинитивных сочетаний в русском языке (сочетания с субъективным инфинитивом). - НДВШ. Филологические науки, № 4(28). М., 1964, стр.27.

[10] Ряд отечественных исследований указывает на семантическую близость рассматриваемых предложений с глаголами видать и слыхать с безлично-предикативными словами видно, слышно. Так, например, см.: А.А. Шахматов. Синтаксис, стр.309; Е.М. Галкина-Федорук. Безличные предложения (Докт.дисс.), стр.239; К.А. Тимофеев. Об основных типах.., стр.290.

[11] Там же, стр.290.

* Следует отметить, что глагол чути зафиксирован лишь в безличных предложениях с инфинитивом без глагола бити.

слухового и зрительного восприятия (слыхать, видать) отмечены еще глаголы речи и мышления[12]. Для рассматриваемых предложений более обычна отрицательная форма.

По своей синтаксической структуре предложения с индикативным значением могут быть простыми распространенными или входить в состав сложных сочетаний.

Среди второстепенных членов отмечено прямое дополнение как обязательный член предложения, в конструктивном отношении связанный со сказуемым, выраженным прямопереходным глаголом. В качестве факультативных членов выступают обстоятельства: в данном случае обстоятельство времени и места: "Мирјана Мирјановића није било од јутрос нигдје видјети", (Ћопић. Пролом 143); "Улицом, докле му око допираше, није било видјети жива створа" (Ћипико. СД I, 77). В приведенных примерах сообщается о реальных фактах в отрицательной форме, с оттенком невозможности.

При сопоставлении инфинитивных предложений сербохорватского языка с инфинитивными предложениями в русском, становится очевидным, что в сербохорватском они сохраняют большую архаичность, так как их основную массу составляют предложения, сказуемое которых выражено инфинитивом в сочетании с безличными формами глагола бити (в настоящем времени, имперфекте и перфекте)[13]. Данный тип инфинитивных предложений был широко распространен еще в старославянском языке и послужил впоследствии основой для образований инфинитивных предложений, сказуемое которых выражено одним инфинитивом[14].

Инфинитивные предложения с формами имперфекта и настоящего времени глагола "буде" воспринимаются современными югославскими писателями как устаревшие, на что прежде всего указывает отсутствие примеров. Инфинитивные предложения с глаголом "бити" употребляются преимущественно в фольклоре и в разговорном языке, причем употребительность отдельных форм глагола "бити" территориально

---

[12] Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. М., 1964, стр.364.

[13] В современном русском языке сохранились лишь формы прошедшего и будущего времени глагола быть: К.А. Тимофеев. Об основных типах.., стр.290.

[14] А.Е. Выгорбина. Безличные предложения в древнерусском языке. "Уч.зап. Бухарского гос. пед. ин-та им.С.Орджоникидзе", вып.9. Бухара, 1960, стр.65. Автор данной статьи отмечает, что все инфинитивные предложения восходят к глагольно-инфинитивным предложениям со связкой быть. См. также: К.А. Тимофеев. Об основных типах.., стр.292; а также: "Очерки по исторической грамматике", стр.337.

обусловлена, на что указывает и Вукович[15]. У современных писателей данный тип инфинитивных предложений встречается редко, и в них глагол "бити" выступает лишь в форме настоящего времени и реже перфекта.

В просмотренных произведениях писателей с восточной территории (например, Р.Доманович, Ст.Яковлевич, Д.Чосич, Е.Кош, О.Давичо) этот тип инфинитивных предложений не встретился. Однако безличные инфинитивные предложения со сказуемым, выраженным одним инфинитивом, встречаются у писателей как с западной, так и с восточной территории Югославии. Поэтому указанный тип инфинитивных конструкций можно считать характерным для современного литературного сербохорватского языка в целом.

* * *

Проведенное исследование предполагает следующие выводы:

1. Инфинитивные предложения независимо от характера сказуемого являются безличными, так как отвечают понятию грамматической безличности. Они отличаются от других разновидностей безличных предложений лишь характером главного члена.

2. Инфинитивные предложения в целом чаще встречаются в составе сложного предложения, чем самостоятельно и преимущественно в виде распространенного предложения. Нераспространенные предложения для инфинитивных конструкций обоих видов нетипичны.

3. а) Для предложений со сказуемым, выраженным инфинитивом в сочетании с безличными формами глагола "бити", характерным второстепенным членом является лексически выраженный логический субъект, а при его отсутствии обстоятельства и дополнения;

б) для инфинитивных предложений без глагола "бити" характерно отсутствие лексически выраженного логического субъекта. Обстоятельства и дополнения являются обязательными конструктивными членами инфинитивных предложений данного типа, так как способствуют их оформлению.

4. Для большинства инфинитивных предложений обоих типов характерно модальное значение необходимости, неизбежности, с оттенком долженствования или без него, невозможности, желательности. Инфинитивные

---

[15] Ј. В у к о в и ћ. Указ. соч., стр.265. Автор отмечает широкое употребление инфинитива с глаголом "бити" как в личных, так и в безличных предложениях в зоне юго-западных народных говоров. Форма усеченного перфекта более обычна для говоров Черногорской Герцоговины, а в более западных частях Герцоговины употребляется имперфект.

предложения с индикативным значением нетипичны для сербохорватского языка.

5. Инфинитивные предложения с формами имперфекта и перфекта глагола "бити" характерны для разговорной речи и фольклора и употребляются преимущественно на западной территории Югославии.

6. В сравнении с инфинитивными предложениями в русском языке, инфинитивные предложения в сербохорватском, отличаются большей архаичностью, сохраняя большее разнообразие форм глагола "бити" в сказуемом.

Принятые сокращения

Андрић. Лица	– И.Андрић. Лица. Загреб, 1960.
Андрић. Прип.	– И.Андрић. Одабране приповетке II. Београд, 1954.
Веселиновић. Хајдук	– Ј.Веселиновић. Хајдук Станко. Београд, 1956.
Глишић. Прип.	– М.Глишић. Изабране приповетке. Београд, 1956.
Домановић. Сатире	– Р.Домановић. Изабране сатире. Београд, 1956.
Илић. Ивицом	– В.Илић. Ивицом смрти. Суботица, 1954.
Јаковљевић. Трилогија	– Ст.Јаковљевић. Српска трилогија. Београд, 1955.
Јаковљевић. Ликови	– Ст.Јаковљевић. Ликови у сенци. Београд, 1956.
Кочић. Прип.	– П.Кочић. Приповетке. Нови Сад, 1955.
Мариновић. Људи	– В.Мариновић. Људи под великим небом. Сарајево, 1957.
Нар. пјес.	– Српске народне пјесме. Вук. Стеф. Караџић. Књ. 2. Беч., 1845; књ. 4. Београд, 1858.
Неп. I	– Народне епске песме I. Београд, 1963.
Поповић. Волите се	– В.Поповић. Волите се људи. Београд, 1954.
Радичевић. Ант.	– Бр. Радичевић. Антологија новије српске лирике (Б.Поповић). Београд, 1956.
RJA	– Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti, knj. I. Zagreb, 1880-1882.
Ракић. Ант.	– М.Ракић. Антологија новије српске лирике (Б.Поповић). Београд, 1956.

22 1271

САР	– Речник српскохрватског књижевног и народног језика. Српска академија наука. Књ I, Београд, 1959.
Снп.	– Српске народне пословице. Беч, 1849.
Сремац. Ћира	– Ст.Сремац. Поп Ћира и поп Спира. Београд, 1956.
Ћипико. СД I	– И.Ћ и п и к о. Сабрана дела I. Београд, 1951.
Ћопић. Пролом	– Б.Ћ о п и ћ. Пролом. Београд, 1955.
Ћопић. Барут	– Б.Ћ о п и ћ. Глуви барут. Београд, 1957.
Ћосић. Корени	– Д.Ћ о с и ћ. Корени. Београд, 1955.
Ћосић. Сунце	– Д.Ћ о с и ћ. Далеко је сунце. Београд, 1958.

И.Е.Можаева

РУССКОЕ И СОВЕТСКОЕ СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ О СЕРБОХОРВАТСКОМ ЯЗЫКЕ*

§ 1. Национальное возрождение славянских народов, начавшееся в XIX в., не могло не вызвать сочувствия и интереса в России и не привлечь внимания русских ученых к зарубежным славянским народам,

---

* Более подробные сведения о работах, упоминающихся в обзоре см.: И.Е. Можаева Южнославянские языки. Аннотированный библиографический указатель литературы, опубликованной в России и в СССР с 1835 по 1965 гг." М., 1969.

В обзоре используются следующие сокращения:

ВРЯ	– Вопросы русского языкознания. Львов, Львовск. ун-т.
ВСЯ	– Вопросы славянского языкознания. М., Ин-т славяноведения.
ВУИ	– Варшавские университетские известия.
ВЯ	– ж. Вопросы языкознания. М.
ДАН	– Доклады Академии наук СССР. М.-Л.
Изв. ОЛЯ	– Известия отделения литературы и языка АН СССР.М.-Л.
ИЛ	– ж. Иностранная литература.М.
ИОРЯС	– Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.
КСИС	– Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.М.
РФВ	– ж. Русский филологический вестник. Варшава.
Сб. ОРЯС	– Сборник Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб.
УЗИС	– Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М.

их истории, культуре, языку. В 1835 г. был принят новый университетский устав, в соответствии с которым в четырех русских университетах – Московском, Петербургском, Казанском и Харьковском были открыты кафедры "истории и литературы славянских наречий". О.М.Бодянский, П.И.Прейс, В.И.Григорович и И.И.Срезневский были посланы в путешествие по славянским землям для подготовки к профессорскому званию. Контакты с зарубежными коллегами, ознакомление с библиотеками и книгохранилищами, знакомство с бытом, культурой, языком славянских народов способствовали интенсивному развитию русского славяноведения. Русская славянская филология вскоре заняла ведущее положение в мировой славистической науке, особенно в области исследования и издания памятников письменности. Традициями русской филологической науки, богатствами собраний памятников письменности в России объясняется то, что интересы русских лингвистов были направлены прежде всего в область истории языка. Это с равным правом относится как к славистике в целом, так и к сербистике в частности.

Русские ученые внесли большой вклад в изучение сербохорватского языка. Не все его стороны исследовались равномерно, но нет почти ни одной области сербокроатистики, в которой нельзя было бы назвать труды русских языковедов. В первые годы после революции перед советским языкознанием встали новые и трудные задачи, славистические исследования отошли на задний план. В период господства "нового учения о языке" Марра условия для развития славистики также были весьма неблагоприятны. Интерес к славянам возродился во время Великой Отечественной войны. В Московском и Ленинградском, Киевском и Львовском университетах открылись славянские кафедры, в 1947 г. был создан Институт славяноведения Академии Наук СССР. В настоящее время исследования по сербохорватскому языку ведутся в Москве (в Институте славяноведения и балканистики АН СССР и в Университете), в Ленинградском и Львовском университетах, в Институте языкознания АН УССР в Киеве, в Институте языкознания АН БССР в Минске. В силу ряда причин сербохорватский язык в Советском Союзе оказался наименее изученным из зарубежных славянских языков.

§ 2. Филологическое исследование и критическое издание памятников письменности было одной из блестящих страниц русской славистики XIX – начала XX в. Можно назвать более сотни работ, посвященных сербским и хорватским памятникам. Были изданы памятники, наиболее значи-

---

ФЗ – ж. Филологические записки. Воронеж.

Чтения ОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

ЈФ – ж. Јужнословенски филолог. Београд.

Rad – Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti. Zagreb.

тельные для истории сербохорватского языка. Г.А. И л ь и н с к и й издал грамоту боснийского бана Кулина 1189 г., один из древнейших памятников сербской письменности. Впервые она была издана И.И.Срезневским по подлиннику, хранящемуся в Академии наук, в приложении к "Мыслям об истории русского языка" (1849), а затем Е.Ф.Карским в "Очерке славянской кирилловской палеографии" (Варшава, 1901). В книге Ильинского дан анализ палеографических, фонетических и морфологических особенностей грамоты, имеется словоуказатель. Издание Ильинского ("Грамота бана Кулина". СПб., 1906) - одно из лучших в русской лингвистической литературе. И.И. С р е з н е в с к и й опубликовал один лист древнейшего памятника сербской письменности второй половины XII в. Мирославова евангелия, а С.М. К у л ь б а к и н дал его систематическое описание ("Палеографска и језична испитивања о Мирослављевом јеванђељу". Сремски Карлбвци, 1925). В "Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках" И.И. С р е з н е в с к и й впервые познакомил читателей с ценнейшим памятником сербского извода XIII в. - Вукановым евангелием: дал краткое описание его особенностей и опубликовал отрывки. Позднее С.М. К у л ь б а к и н в статье "Заметки о языке и правописании Волканова евангелия" (ИОРЯС, т.3, 1898, кн.4) подробно описывает орфографию, фонетику, морфологию и лексику этого памятника. Г.А. И л ь и н с к и й издал отрывки из Сверлижского евангелия 1279 г. ("Сверлижские отрывки". - Статьи по славяноведению, вып.2. СПб., 1906), описал палеографические и языковые особенности, рассмотрел отношение Сверлижского евангелия к Мирославову и Вуканову. Мостарское евангелие XIV в., относящееся к боснийской школе, издал М.Н. С п е р а н с к и й (РФВ, т.54, 1905, № 3; т.56, 1906) и дал анализ палеографических и языковых особенностей. Безукоризненно издана Н. М а х р о в ы м "Дечанская летопись с предисловием и комментариями к ней" (СПб., 1908). М.Г. П о п р у ж е н к о в книге "Из истории литературной деятельности в Сербии XV в." "Книга царств" в собрании рукописей библиотеки имп. Новороссийского университета" (Одесса, 1894) издал сербскую рукопись 1416 г., которая является образцом ресавской школы. Книга Попруженко - крупный вклад в историю славянского перевода библейских книг. С.П. Р о з а н о в издал полную редакцию Жития Саввы сербского, принадлежащего перу серба из Солуни Феодосия, монаха Хиландарского монастыря, по сербскому списку Синодальной библиотеки конца XV в. (ИОРЯС, т.16, 1911, кн.1). Издание П.А. С ы р к у "Монаха Григория житие преподобного Ромила. По рукописи XVI в. имп. публичной библиотеки собрания Гильфердинга с приложением службы преподобному Ромилу по рукописи XVII в. Белградской народной библиотеки" (СПб., 1900) сопровождается не всегда квалифицированным описанием языковых особенностей памятников.

О.М. Бодянский издал путевой дневник Ерофея Рачанина по рукописи 1727 г. (Чтения ОИДР, 1861, кн.4), никем не изученный в языковом отношении. Бодянский справедливо увидел в нем попытку писать языком народа. Издание тем более важно, что подлинник погиб.

Древнесербскими письменными памятниками занимался и М.Г. Долобко. В статье "Требник београдске народне библиотеке (Белешке о палеографији и језику)". - ЈФ, књ. 1, књ. 2, св.1-2, 1921 дано подробное описание палеографических, фонетических, морфологических и лексических черт Требника, на основании чего устанавливается, что памятник переписан сербом. О возможности выяснения по языку памятника генезиса говоров свидетельствует работа Долобко "О языке некоторых боснийских грамот XIV в." (ИОРЯС, т.19, 1914, кн.3,4). Икавские говоры Боснии имеют черты, характерные как для штокавщины, так и для чакавщины, что давало основание одним ученым считать их поштокавленными чакавскими (Караджич, Миклошич, Белич), другим - относить их к исконно штокавским (Решетар). Долобко попытался решить этот вопрос на материале боснийских грамот. Он подтвердил взаимодействие чакавщины и штокавщины в боснийских говорах, оштокавливание их.

После революции филологические традиции русской славистики прервались, и в течение нескольких десятилетий не было издано ни одного памятника не только славянской, но и русской письменности. В последние годы филологическая школа начинает возрождаться. Издано несколько восточнославянских памятников, готовятся к изданию памятники болгарской письменности. Сербские и хорватские памятники еще ждут своего исследователя и издателя. Собрания югославянских рукописей в России очень богаты. Согласно "Предварительному списку славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР ("Археографический ежегодник за 1965 г. М., 1966), у нас находится 299 рукописей сербского извода, среди них такие ценные памятники, как Вуканово евангелие XIII в., Боснийское евангелие XIV в., Шестоднев 1263 г., Временник Георгия Амартола 1386 г., Рашская кормчая 1305 г., Сербское евангелие XIV в., Трефологий XIV в., Быстрицкий список Законника Стефана Душана и др.

§ 3. Исследование и издание памятников письменности способствовало развитию изучения истории языка, которая стала одним из основных направлений славистики. Первым фундаментальным трудом в этой области явилась книга А.А. Майкова "История сербского языка по памятникам, писанным кириллицею в связи с историей народа" (М., 1857). Этот солидный том в 850 стр. состоит из двух частей: исторической, в которой освещается история Дубровника, Боснии и Сербии по данным грамот, и филологической, где исследуется фонетика и морфология. Древнесербский язык Майков изучает по материалам грамот, Законника Стефана Душана (древнейший список), надписей на монетах, т.е. тех

памятников, которые в большей степени отражают живой язык и охватывают период с конца XII в. до конца XV в. Майков исходил из того, что язык нельзя отрывать от исторических условий, обстоятельств, событий – это положение было новаторским. Однако Майков был больше историком, чем лингвистом. Слабо владея методом филологической критики текста, он допустил много ошибок и неточностей в объяснении языковых явлений, но ему удалось показать основной процесс замены омертвевших форм церковнославянского языка народными сербскими. Книга Майкова, удачно совмещающая исторический и филологический способ исследования, была уникальным явлением. Современники дали ей высокую оценку. Бодянский назвал книгу кладом для славянской истории и филологии. Первая, историческая часть была переведена на сербский язык Даничичем и дважды (в 1858 и 1876 гг.) издавалась в Белграде. Лингвистическая часть оценивалась более сдержанно.

§ 4. Вопросы исторической грамматики разрабатывались Г.А. И л ь и н с к и м. Ильинский подчеркивал роль грамматической аналогии, он считал, что грамматические показатели не всегда можно объяснять чисто фонетически, что они имеют свою историю, могут переноситься с одной категории слов на другую. Укажем его статьи: "Происхождение частицы зи в болгарском и сербском языках" (РФВ, т.45, 1901, № 1), в которой возникновение зи объясняется контаминацией частицы си с личным местоимением аз; "Один случай грамматической аналогии в сербском языке" (Новый сборник статей по славяноведению, составленный учениками В.И.Ламанского по случаю 50-летия его деятельности. СПб., 1905), где рассматривается происхождение окончания -а род. падежа мн.ч. В статье "Сербохорватские прилагательные с суффиксом -ovъ и русско-кашубские окончания род.п. ед.ч. м. и ср.р. -va/-vo (JФ, кн. 5, 1925-1926) Ильинский пытается объяснить процесс превращения форм им.-вин. на -vo в формы род. падежа.

Советские грамматисты разработывают преимущественно вопросы видовой и временной системы глагола. Интерес к этим проблемам диктуется прежде всего своеобразием сербохорватской глагольной системы, ее отличием от русской. Серия статей Р.В. Б у л а т о в о й (Москва), являющихся частью ее кандидатской диссертации, посвящена глаголам движения, судьба которых в южнославянских языках очень специфична. В отличие от восточно- и западнославянских языков сербохорватский язык утратил соотносимые пары бесприставочных глаголов движения. Установлению причин и условий их утраты, определению того, как отразилось разрушение их оппозиции на видовой корреляции приставочных глаголов посвящены статьи Булатовой "Судьба соотносимых пар глаголов движения в сербско-хорватском языке (глаголы ићи – ходити, *нести – носити, *вести – водити, *вести – возити)" – УЗИС, т.27, 1963; "Видовое противопоставление типа прѝнести : прино̀сити в серб-

скохорватском языке" – в сб. "Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964; "Глаголы с основами plu-/pli-/plov-/plav- в сербскохорватском языке". – УЗИС, т.23, 1962 . История форм будущего времени с иму(му) рассматривается в статье В.П. Гудкова "Параллель из истории форм будущего времени в сербскохорватском и русском языках" (КСИС, вып.38, 1963). Использовав для сопоставления факты сербохорватского языка, Гудков предложил оригинальное истолкование древнерусских форм втечеть и потечеть, о видовом значении которых долго спорили аспектологи ("Из истории славянского глагольного вида". – ВЯ, 1963, № 1). В статье И.Е. Можаевой "Значение и употребление прошедших времен в языке Дубровника XVI в." (УЗИС,т.19, 1960) на материале комедии М. Држича "Дундо Марое" дается синхронное описание значения и употребления глагольных форм в плане соотношения перфекта с другими формами прошедшего времени.

§ 5. Историческая акцентология связана прежде всего с именами Р.Ф.Брандта и А.А.Шахматова. Книга "Начертания славянской акцентологии" (СПб., 1880) Брандта была первой научной акцентологией на русском языке. Большой раздел книги посвящен сербохорватской акцентовке, где дается очерк истории сербохорватской акцентуации. Анализируя имена существительные, автор пришел к выводу, что чакавская акцентовка, сходная по месту ударения с русской, лежит в основании штокавской и является древней общеславянской или по крайней мере общей юго-восточнославянской. Перу Шахматова принадлежат две больших работы о сербохорватском ударении: "К истории сербскохорватских ударений" (РФВ, т.19, 1888, № 2; т.23, 1890, № 2; т.24, 1890, № 3) и "Юрий Крижанич о сербохорватском ударении" (РФВ, т.32, 1894, т.33, 1895, т.34, 1895), в которых автор пытается выяснить природу и происхождение общесербского ударения. В первой статье Шахматов рассматривает систему ударений грамматики Берлича, отражающей говор Славонии, и словаря Стулли. Вторая статья Шахматова – о системе Крижанича, более архаичной по сравнению со штокавской, дает надежный материал, на который опираются современные исследователи. Идеи Шахматова до сих пор не утратили значения, хотя сформулированный им закон нуждается в уточнении. Упомянем еще статью Г.А. Ильинского "Апостол № 28 Берлинской Королевской библиотеки как материал для истории сербохорватского ударения" (в Сборнике статей, посвященных В.И.Ламанскому, ч.2. СПб., 1908), в которой дается акцентированный список существительных, прилагательных, числительных, местоимений и глаголов из сербского апостола XV в.

Известный советский акцентолог Л.А. Булаховский, широко использовавший сербохорватский материал в своих акцентологических этюдах (ЈФ, књ. 4, 1924, књ. 5, 1925-1926), написал только одну статью, непосредственно касающуюся сербского языка: "О некоторых явле-

ниях эмоционально-аффективного происхождения в сербохорватской и словенской морфологии" (в кн.: "Вопросы грамматики. М.-Л., 1960), в которой устанавливает обусловленность акцентных изменений эмоционально-аффективными моментами. В статье "Прасербская двуслоговая интонация" (в сб.: "Структура і розвиток слов'янських мов". Київ, 1967) В.Г. Скляренко на основе данных чакавских и посавских говоров, сербских грамматик XVII-XIX вв., сербских авторов XVI - середины XVII в. высказывает предположение о существовании прасербской двуслоговой интонации с повышением тона на первом слоге и понижением на втором ударном слоге. Установление этой интонации дает возможность объяснить происхождение штокавских восходящих интонаций.

Новаторские акцентологические труды В.М. Иллич-Свитыча ("Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм". М., 1963) и В.А. Дыбо характеризуются морфонологическим подходом к явлениям просодии, стремлением установить акцентные типы морфологических категорий и отдельных групп лексики. В их работах сербохорватский материал занял одно из главных мест (см., например, доклад Дыбо к VI Международному съезду славистов в сб.: "Славянское языкознание". М., 1968). Вопросы сербохорватской исторической акцентологии на материале древних письменных памятников начала разрабатывать Р.В. Булатова. Ею закончена монография "Сборник 1509 г. как памятник истории сербского штокавского ударения", посвященная анализу акцентной системы глагола в рамках морфонологической концепции.

§ 6. Историческая фонетика представлена небольшим количеством работ. Первой была статья А.А. Кочубинского "Звук а, отличительнейшая черта сербского вокализма" (ФЗ, 1870, вып.6; 1871, вып.1). А.А.Кочубинский не был специалистом в области сербского языка, и его статья - не самостоятельное исследование, а изложение работы В.Ягича "Podmladjena vokalizacija u hrvatskom jeziku" (Rad, knj. 9), выдвинувшего положение о том, что специфика каждого славянского языка проявляется прежде всего в вокализме. Спецификой сербохорватского вокализма является широкое употребление звука а, процентное отношение которого к другим звукам составляет 33% (за счет секундарного а на месте ъ и ь). В статье Б.М. Ляпунова "Родственные связи словенцев с сербами и хорватами" (ЈФ, кн. 4, 1924) подчеркивается родство словенского и сербского языков в противовес мнению Миклошича, Копитара и их последователей о большей близости словенского языка к болгарскому. Опираясь на факты из области фонетики, автор доказывает существование сербско-словенского праязыка. Л.П. Якубинский в широко известной статье "Die Vertretung des urslavischen ě in čakavischen" (Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. I, H. 3-4, 1925),

на которую до сих пор ссылаются исследователи, рассматривает рефлексы ъ в чакавском говоре г. Нови по данным старых документов и современным материалам.

§ 7. Историческая лексикология сербохорватского языка в дореволюционной славистике не разрабатывалась. Только в "Этимологических заметках" Г.А. Ильинского можно найти этимологии отдельных сербских и хорватских слов (РФВ за 1909, 1910, 1913, 1915 гг.; "Уч. зап. высшей школы г.Одессы за 1922 г., т.2; ЈФ, кн. 5, 1925-1926, кн. 9, 1930). В "Южнославянском филологе" (кн. 3, 1922-1923 и кн. 12, 1933) им были опубликованы этимологии слов серб и хорват. Известный советский тюрколог Н.К. Дмитриев публиковал "Этюды по сербско-турецкому языковому взаимодействию" (ДАН-В, 1928, № 2, 12; 1929, № 5,6), в которых анализируются турецкие элементы в морфологии, синтаксисе, фонетике и семантике сербохорватского языка на материале фольклорных текстов Караджича. На материале древнесербских антропонимов (XII-XV вв.) исследует словообразовательную структуру, функциональные признаки отдельных формантов и их групп, а также систему словообразования И.М. Железняк в книге "Очерк сербохорватского антропонимического словообразования" (Киев, 1969) и в ряде статей (опубликованных в 1962-1969 гг. в различных сборниках).

§ 8. Вопросы истории литературного сербохорватского языка освещались в работах, как правило, не лингвистического, а историко-литературного характера, в которых лингвистическая сторона была наиболее слабой. Три важных момента в формировании и развитии литературного языка исследовал П.А. Кулаковский: "Начало русской школы у сербов в XVIII в. Очерк по истории русского влияния на югославянские литературы" (СПб., 1903), "Вук Караджич. Его деятельность и значение в сербской литературе" (М., 1882), "Иллиризм. Исследование по истории хорватской литературы периода возрождения" (Варшава, 1894). О языке Д.Обрадовича говорится в статье Е. Гацкевича "Жизнь Досифея Обрадовича по его автобиографии и разбор его произведений со стороны языка и содержания" (ВУИ, 1879, № 5,6). Большое внимание языку сербов XVIII в. и языку Обрадовича уделено в книге К.Ф. Радченко "Досифей Обрадович и его литературная деятельность" (Киев, 1897). Характеристика языковых особенностей произведений Гекторовича, правда, весьма поверхностная, дана в книге Н.М. Петровского "О сочинениях Петра Гекторовича" (Казань, 1901) в связи с выяснением принадлежности перу Гекторовича" "Prikazanja života sv. Lovrinca mučenika".

Некоторым вопросам формирования литературного языка посвящены статьи И.М. Железняк: "Становлення літературної мови в Далмації у XVII-XVIII ст." - в тезисах VI Украинской славистической

конференции (Чернівці, 1964) и "М.Козачинський і літературна мова сербів другої половини XVIII ст." (в кн.: "З історії української та інших слов'янських мов". Київ, 1965). В этой статье показано влияние Козачинского (украинского писателя и преподавателя Киевской духовной академии, преподававшего в 1733-1750 гг. в Сербии) на язык сербских писателей Й.Раича и П.Ненадовича, учеников Козачинского.

В истории сербохорватского литературного языка русских ученых привлекали в основном две проблемы: язык XVIII в. и Вук Караджич. Личность Вука Караджича, его реформаторская деятельность вызывали большой интерес в России. Результаты этой деятельности получили высокую оценку большинства славистов (П.И.Кеппена, Н.И.Надеждина, М.П.Погодина, И.И.Срезневского и др.). Высказывания русских ученых использовались Караджичем для защиты своих нововведений в Сербии. Особенно тесные отношения связывали Караджича со Срезневским. Их взгляды на необходимость отказа от искусственного славяносербского языка и возведения народного языка в степень литературного и другие, связанные с этим вопросы, во многом совпадали (об отношениях этих двух ученых см. статью П.А. Дмитриева "И.И.Срезневский и Вук Караджич" - в кн.: "Взаимосвязи славянских литератур". Л., 1966). И.И. Срезневский написал биографию Караджича (в кн.: "Московский литературный и ученый сборник". М., 1846, расширенный вариант в кн.: "Братская помочь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины". СПб., 1876), в которой раскрыл значение его трудов для сербской литературы и славистики вообще.

Советские исследователи также много пишут о Караджиче. Упомянем книгу И.К. Белодеда "Вук Караджич в історії українсько-сербських наукових зв'язків" (Київ, 1965), статьи П.А. Дмитриева ("И.И.Срезневский и Вук Караджич", "Вук Стефанович Караджич". - Вестник ЛГУ, 1964, № 20. Серия языка и литературы, вып.4); статьи Т.П. Поповой "Великий реформатор" (ИЛ, 1964, № 1), "Новое капитальное издание Вука Караджича" (Вестник МГУ. Серия 10. Филология, 1968, № 4) - обширная рецензия на 1, 2 и 9 тома юбилейного издания Полного собрания сочинений Вука, предпринятого белградским издательством "Просвета" (Белград, 1965).

Особое место в разработке вопросов формирования славянских литературных языков занимают интересные в теоретическом и методологическом отношениях работы Н.И. Толстого о церковнославянском языке, в которых освещается судьба древнеславянского литературного языка в разных славянских землях, рассматриваются факты общей южно-восточнославянской истории литературного языка, отношение древнеславянского языка к отдельным славянским, в частности к сербохорватскому: "К вопросу о древнеславянском языке как общем литературном языке южных и восточных славян" (ВЯ, 1961, № 1); "Роль древнеславянского

литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII-XVIII вв." (в кн.: "Вопросы образования восточнославянских национальных языков". М., 1962); "Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI-XVII вв.) - доклад к V Международному съезду славистов ("Славянское языкознание". М., 1963).

Сербохорватский литературный язык занимает исключительное положение среди славянских языков благодаря тому, что он функционирует в двух вариантах: западном, хорватском, и восточном, сербском. Специальная литература, посвященная данному вопросу, обширна, но не всегда строго критична, в большинстве работ отсутствует строгий научный анализ соответствующего языкового материала. Поэтому очень важно изучение языковых расхождений, характеризующих оба варианта. Эту задачу поставил перед собой В.П. Гудков в статье "О различиях между двумя вариантами сербохорватского литературного языка" (Сов. славяноведение, 1965, № 3). Выявив и проанализировав грамматические различия, Гудков приходит к выводу: "Грамматические расхождения между двумя разновидностями сербско-хорватского литературного языка характеризуются в основном количественными показателями. Между двумя вариантами нет существенных структурных различий. Функционируя в двух вариантах, своеобразие которых определяется главным образом лексическими расхождениями, сербско-хорватский язык остается в сущности единым". П.А. Дмитриев изучает некоторые языковые расхождения между двумя вариантами литературного языка путем сопоставления переводов идентичного текста ("Сербский и хорватский переводы романа М.Горького "Мать" как материал для изучения сербохорватского литературного языка". - Программа и тезисы научной конференции, посвященной столетию со дня рождения М.Горького. Л., 1960).

В этой связи упомянем о статье П.А.Дмитриева "К вопросу о названии литературного языка сербов, хорватов и черногорцев" (Вестник ЛГУ, 1958, № 14. Серия истории, языка и литературы, вып.3), в которой автор предлагает ликвидировать разнобой в употреблении терминов для обозначения указанного понятия и принять термин сербохорватский, что кажется нам правильным с точки зрения норм русского языка.

§ 9. В области сербохорватской диалектологии русскими учеными сделано сравнительно немного, что объясняется их отрывом от носителей языка. Самым крупным явлением в этой области представляется книга А.М. Лукьяненко "Кайкавское наречие" (Киев, 1905), в которой дан очерк исторических судеб кайкавщины, история литературы на кайкавском диалекте, описание фонетики, морфологии и синтаксиса говоров, характеристика отношения кайкавских говоров к чакавским и штокавским и к говорам словенского языка. Несмотря на ее ком-

пилятивный характер, книга до сих пор не утратила своей ценности. Описание фонетики и морфологии штокавских и чакавских говоров есть в "Материалах для славянской диалектологии" М.П. Петровского (Изв. и уч. зап. Казанск. ун-та, т.2, 1866, вып.4,5). Очерк фонетики, акцентуации, морфологии, словообразования, синтаксиса и лексики черногорских говоров дается в капитальном труде известного русского историка, этнографа, путешественника и публициста П.А. Ровинского, много лет жившего в Черногории, - "Черногория в ее прошлом и настоящем" (Сб. ОРЯС, т.80, 1905, № 2), сделанный на основе собственных наблюдений и имеющейся литературы. Наибольший интерес представляет словарь диалектной лексики, куда включены слова, отсутствующие в словаре Караджича или имеющие в говоре иное значение. Небольшая статья П.А. Сырку "Наречие карашевцев" (ИОРЯС, т.4, 1899, кн.2) посвящена говору сел вблизи г.Решицы в сравнении с болгарским, сербским и македонским языками.

Из работ советского периода остановимся на статьях Н.И. Толстого "Из географии славянских слов. 1. Дождь. 2. Саламандра" (ВСЯ, вып.6, 1962), "3. Правый-левый. 4. Хорохориться. 5. Класть" (в кн.: "Общеславянский лингвистический атлас". М., 1965). Автор предлагает новый метод исследования - картографирование не только отдельных слов, но и их соотношений с целью выяснения типологических соотношений диалектов. Изучение сдвигов в семантических микрополях как основной метод интерпретации лексических изоглосс обосновывается Толстым в статье "Из опытов типологического исследования славянского словарного состава" (ВЯ, 1963, № 1). Можно назвать еще статьи П.И. Сегеды по диалектной фонетике "Граница слога в сербохорватском языке на материале сусачского говора" (в кн.: "Пытанні мовознаўства і методыка выкладання моў"(Мінск, 1965) и "Асноўные тыпы кансанантных сістэм сербскехарвацкіх гаворак" (Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук, 1965, № 1). Во второй статье консонантные модели говоров описываются способом объемных схем, которые сводятся к одному инварианту, что делает реальным картографирование систем согласных фонем.

На основании собственных наблюдений, сделанных в Югославии, написана работа С.В. Зайцевой "Specifična slovenska leksika u savremenim čakavskim govorima" ("Прилози проучавању језика", .3. Нови Сад, 1967). Автор приводит богатый материал, доказывающий специфичность чакавской (славянской) лексики, особенно крайних северо-западных говоров.

§ 10. Современный сербохорватский литературный язык исследован неравномерно. Фонология, лексикология представлены одной-двумя статьями, работы по словообразованию отсутствуют, из морфологии освящены некоторые вопросы падежной системы, глагольных времен, из синтак-

сиса – синтаксис предложения. Первый и удачный опыт фонологической характеристики сербского языка представляет статья проф. П.С. Кузнецова "О фонологической системе сербохорватского языка"(Изв. ОЛЯ, т.7, 1948, вып.2), где рассматриваются вопросы ударения. Систему согласных фонем описывает П.И. Сигеда ("Сістема зычных фанем сучаснай сербскахарвацкай літаратурнай мовы". – Весці АН БССР. Серыя грамад. навук, 1964, № 2) через дифференциальные признаки. Сербохорватской фонологии посвящен публикуемый в настоящем сборнике раздел кандидатской диссертации С.М. Толстой "Начальные и конечные сочетания согласных в славянских языках".

§ 11. Вопросы морфологии существительных в сравнительном плане с русским языком исследует З.Г. Розова (Львов). Ее интересуют колебания в склонении личных имен мужского рода на -о и на -е (ВРЯ, кн.4, 1960), она устанавливает их состав, причины продуктивности древнего склонения основ на согласный (ęt-основы) в современном языке ("Доповіді та повідомлення Львівськ. ун-ту, вип.9, ч.1, 1961). О склонении существительных писал В.П. Гудков – "Вариантные формы творительного падежа III склонения в сербохорватском литературном языке" (в кн.: "Славянская филология", вып.7. М., 1968); "Дуга и кратка множина" (Jezik 12, sv. 1, 1964). Спорный вопрос о месте притяжательных прилагательных в системе частей речи разбирает П.А. Дмитриев (Уч. зап. ЛГУ, № 301. Серия филол. наук, вып.60, 1961). Исходя из того, что притяжательные прилагательные характеризуются только грамматическим значением признака и несамостоятельными категориями рода, числа и падежа, автор считает, что они должны рассматриваться не как парадигматическая форма имени существительного, а как подгруппа прилагательных.

Довольно интенсивно исследуются временные формы глагола, их употребление. В статье А.В. Бондарко (Ленинград) "Настоящее историческое глаголов несовершенного и совершенного видов в современном литературном сербохорватском языке" (Уч. зап. ЛГУ № 250. Серия филол. наук, вып.44, 1958) дается характеристика видового противопоставления в настоящем историческом, говорится о значении и употреблении этих форм и взаимоотношении их с формами аориста. Формам будущего времени посвящена диссертация и ряд статей В.П. Гудкова. Соотношение трех форм будущего (к ним Гудков относит и форму настоящего времени сов. вида), специфика употребления каждой из них исследуется в статье "К вопросу о будущем времени в современном сербохорватском литературном языке ("Славянская филология", вып.4, 1963). Статьей "Употребление форм будущего времени с конструкцией да + настоящее время в сербохорватском языке" (Вестник МГУ,серия 7, 1963, № 2) Гудков вносит свою лепту в дискуссию, которая проходила в югославской науке: имеет ли аналитическая конструкция

с да, заменяющая инфинитив в сербохорватском и балканских языках, особое, отличное от инфинитива значение. Автор приходит к выводу, что различия между формами будущего с инфинитивом и формами типа ја ћу да радим носят стилистически-модальный, а не грамматический характер. В статье О.С. Плотниковой (Москва) "Из наблюдений над пассивом в современном сербскохорватском языке" (Вестник МГУ, 1968, № 2) устанавливается функциональное разграничение двух форм пассива типа кућа се гради и кућа је изграђена.

§ 12. Синтаксис предложения изучается в Ленинграде П.А.Дмитриевым и его учениками. Назовем прежде всего диссертацию, серию статей и книгу самого Дмитриева "Очерки по синтаксису сербохорватского языка" (Л., 1966), в которых рассматривается структура и семантика сложных предложений с относительным подчинением. В.И.Зенчук исследует сходство и различие в употреблении ни в отрицательных предложениях в сербохорватском и русском языках; способы выражения отрицания в предложениях с отрицательными местоимениями и наречиями в современном сербохорватском языке. Н.И. Сокаль изучает структуру и семантику неопределенно-личных и безличных предложений.

Мы не останавливаемся на лексикографических работах, поскольку лексикографии посвящен специальный обзор В.В.Барсуковой, помещенный в этом сборнике.

§ 13. Неоднократно выпускались пособия для преподавания и практического изучения сербохорватского языка - грамматики, конспекты лекций, хрестоматии. Первым учебным пособием была компилятивная "Сербская грамматика по восточному говору. Составил по Вуичу, Даничичу, Миклошичу Т. Беленький" (Каменец-Подольск, 1877). В Московском университете были изданы лекции Р.Ф. Брандта "Краткая фонетика и морфология сербского языка" (М., 1895). Богатством содержания, ясностью изложения отличались "Лекции по славянскому языкознанию" Т.Д. Флоринского, долго служившие учебником и справочником по славянским языкам, в частности, сербохорватскому (см. т.I. Юго-западные славянские языки. Киев, 1895). Основные сведения о сербохорватском языке и его строе сообщил П.А. Лавров в очерке, приложенном к "Дифференциальному сербско-русскому словарю" Л.А.Мичатека (СПб., 1903).

Историческая фонетика и морфология сербохорватского языка изложены в книге С.М. Кульбакина "Сербский язык" (Харьков, 1915; второе издание - Полтава, 1917). "До сих пор это лучший на русском языке очерк истории сербского языка", - утверждает С.Б.Бернштейн[1].

---

[1] С.Б. Бернштейн. Из истории изучения южных славянских языков в России и в СССР. - ВСЯ, вып.2, 1957, стр.141.

Для нужд преподавания и изучения языка предназначались хрестоматии: Г.А. Воскресенский. Славянская хрестоматия. М., 1883; В.А. Погорелов. Краткая сербская хрестоматия. Варшава, 1911; Н.М. Петровский. Образцы славянских языков. Казань, 1913.

После длительного перерыва в 1957 г. появился "Краткий очерк грамматики сербскохорватского языка" И.И. Толстого, приложенный к его сербскохорватско-русскому словарю. В Ленинградском университете было опубликовано пособие П.А. Дмитриева и Г.И. Сафронова для студентов-заочников "Сербохорватский язык" (Л., 1961) и брошюра тех же авторов "Новые правила правописания сербохорватского языка" (Л., 1963). Усилиями ленинградских славистов был выпущен поурочный практический учебник: И.В. Арбузова, П.А. Дмитриев, Н.И. Сокаль. Сербохорватский язык (Л., 1965). В серии пособий "Языки мира", издаваемой в Московском университете, опубликована книга В.П. Гудкова "Сербохорватский язык. Грамматический очерк, литературные тексты с комментариями и словарем" (М., 1969)*.

---

* Настоящий обзор составлен в 1969 г. и, естественно, не отражает работ, появившихся в последующие годы.

В.В.Барсукова

КРАТКИЙ ОБЗОР ДВУЯЗЫЧНЫХ СЕРБСКОХОРВАТСКО-РУССКИХ И РУССКО-СЕРБСКОХОРВАТСКИХ СЛОВАРЕЙ

(за сто лет)

Сербскохорватско-русские и русско-сербскохорватские двуязычные словари появились довольно поздно, во второй половине XIX в. Первый словарь вышел в 1870 г. в России. Это был "Сербско-русский словарь" П.А.Лавровского. (П.А. Л а в р о в с к и й. Сербско-русский словарь. СПб., 1870, 806 столбцов по два на каждой странице). Автор словаря - известный русский славист. Занимаясь преподаванием славянских языков, П.А.Лавровский пришел к выводу о том, что студентам для их занятий необходимы словарные пособия на русском языке. Он считал также, что такие пособия будут нужны не только филологам для чтения на славянских языках. Работа над составлением словаря не была нова для П.А.Лавровского: он участвовал в подготовке Академического словаря русского языка. П.А.Лавровский намеревался составить словари основных славянских языков, однако, ему удалось осуществить эти планы только в отношении сербскохорватского языка. В основе "Сербско-русского словаря" П.А.Лавровского лежит второе издание "Сербско-немецко-латинского словаря" Вука Караджича. (В. К а р а џ и ћ. Српски рјечник, истумачен немачкијем и латинскијем ријечима. Беч, 1852), автор во многом сохранил словник словаря В.Караджича, дал только основные значения слов, без иллюстративных примеров и фразеологии. П.А.Лавровский считал важным дополнить свой словарь хорватской лексикой, для этой цели он использовал словарь Й.Дробнича (J. Drobnić. Ilirsko-němačko-taljanski mali rěčnik. Beč, 1846) и словарь Д.Парчича (D. Parčić. Ilirsko-taljanski riečnik. Zadar, 1858). В предисловии П.А.Лавровский говорит, что "словарь справедливо можно бы назвать сербско-хорватско-русским". П.А.Лавровский оставил правописание В.Караджича. В словаре есть грамматические пометы: пометы рода при именах существительных, окончания жен. и ср. рода при именах прилагательных, форма I л. ед. числа наст. времени глаголов и 3 л. ед. числа наст. времени при безличных глаголах. К словарю приложен список собственных имен личных в основном славянского происхождения. Вскоре после выхода в свет "Сербско-русского словаря" П.А.Лавровского была напечатана рецензия югославского лингвиста Дж.Даничича[1].

---

1 Gj. Daničić. Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. XV. Zagreb, 1871.

Отметив значительность факта появления этого словаря, Дж.Даничич указал на многие его несовершенства. Основным недостатком он считал неудачный отбор слов. П.А.Лавровский не внес многих нужных слов, обычно употребляющихся в языке и представленных в тех лексикографических источниках, которыми он пользовался, в то же время взял из словарей Й.Дробнича и Д.Парчича слова, искусственно созданные некоторыми литераторами и только ими один единственный раз употребленные, так как эти слова совершенно не соответствуют духу сербскохорватского языка. Дж.Даничич нашел также ряд ошибок в значениях. Он указал, что и с научной, и с практической стороны плохо то, что ни сербскохорватские слова, ни их русские переводы не имеют ударений.

В 1880 г. вышел "Русско-сербский словарь" того же автора (П.А.Л а в р о в с к и й. Русско-сербский словарь. СПб., 1880, 578 столбцов по два на каждой странице). Словарь этот был задуман как парный к уже вышедшему "Сербско-русскому словарю", цель его была также практическая. Способ составления "Русско-сербского словаря" сформулирован автором в предисловии: "...я переписал прежде всего русские слова печатного Сербского Словаря 1870 г. с готовым уже сербским переводом, привел их в алфавитный порядок и дополнил недостающими русскими выражениями в объеме международного Словаря Макарова". Такой метод составления русско-сербского словаря - переписывание русских слов-переводов из сербско-русского словаря - обусловил его серьезные недостатки. Поскольку автор не исходил из значения русского слова, точные сербскохорватские соответствия, эквиваленты, оказались в конце ряда приводимых переводов, иногда вовсе отсутствуют. Достаточно сравнить следующие статьи из обоих словарей: "Русско-сербский словарь" - небрежность ж. презиране, немар; небрежный бестужан; "Сербско-русский словарь" - немар м. беззаботность, небрежность; немаран, -рна, -рно беспечный, нерадивый, беззаботный; бестужан, -жна, -жно беззаботный, небрежный. Таким образом, слово "небрежный" было неточно переведено словом "бестужан" только потому, что в "Сербско-русском словаре" при слове "немаран" не оказалось перевода "небрежный". При таком методе составления в "Русско-сербский словарь" были неизбежно перенесены ошибки из "Сербско-русского словаря", особенно их много в глагольных видовых парах, например, в "Сербско-русском словаре" глаголы несов. вида "увлачити" и сов. вида "увући" переводились одинаково, русскими глаголами сов. вида "вовлечь, втащить". В "Русско-сербском словаре" слова "вовлекать" не оказалось, а к глаголу "вовлечь" дан перевод "увући, увлачити". Грамматические пометы даны минимально: пометы рода при именах существительных, форма род. падежа существительных мужского рода в случаях беглого а, форма 1 л. ед. числа наст. времени глаголов. Ударение

проставлено только на русских словах в тех случаях, когда оно имеет смыслоразличительное значение (например, "пропасть" и "пропасть").

При всех своих недостатках словари П.А.Лавровского были полезными пособиями и, разумеется, облегчили работу последующих составителей сербскохорватско-русских и русско-сербскохорватский словарей.

В 1903 г. вышли сразу два словаря - "Дифференциальный сербско-русский словарь" Л. Мичатека в Петербурге (объемом в 682 стр. по два столбца на каждой) и "Русско-сербский словарь" М. Анджелковича в Белграде. Л.А.Мичатек известен как автор еще нескольких словарей славянских языков: "Карманного русско-словацкого словаря" (Vačkovy rusko-slovenski slovnik. Sv. Martin Turčianski, 1892), "Дифференциального словацко-русского словаря" (Differencialny slovensko-rusky slovnik. Sv. Martin Turčianski, - 1900), "Дифференциального болгарско-русского словаря" (СПб., 1910). "Сербско-русский словарь" Л.Мичатека так же, как и "Сербско-русский словарь" П.А.Лавровского, предназначался для русских читателей, главным образом для студентов-славистов, и основная задача словаря состояла в том, чтобы помочь при чтении сербскохорватских текстов. В рецензии Г.А.Ильинского говорится: "...В основу настоящего словаря составитель положил, кроме словаря Караджича (в 3-м издании), лексиконы Даничича-Будмани, Поповича и Филиповича и новейший "Rječnik hrvatskoga jezika" д-ра И.Ивековича и д-ра И.Броза. Вследствие этого фактическое содержание словаря г.Мичатека гораздо богаче словаря Лавровского. Предназначая свой словарь, главным образом, для русских студентов, изучающих славистику, г.Мичатек совершенно справедливо не ограничился при его составлении одними словами народного восточно-сербского словаря, но и включил в него слова заимствованные, а также большое число неологизмов и провинциализмов. Акцентуация слов проверена была и в значительной степени проставлена двумя авторитетными знатоками сербского языка - академиками Л.Стояновичем и С.Новаковичем"[2]. Л.Мичатек критически подошел к материалам вышеупомянутых словарей, которые сам называет в предисловии, благодаря этому его словарь - самостоятельный труд. Ценность словаря Л.Мичатека состоит не только в его фактическом содержании, но и в лексикографическом оформлении: автор стремился привести в систему очень разнообразный материал словаря. В отличие от П.А.Лавровского, включившего в свой "Сербско-русский словарь" все отглагольные существительные, Л.Мичатек дает, как правило, только те отглагольные существительные, которые имеют не процессуальное значение, а приобрели какое-либо новое значение. Л.Мичатек стремился объединить переводом видовые глаголь-

---

[2] Г.А.Ильинский. [рец.] - "Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества", № 4. СПб., 1904.

ные пары в пределах одной буквы: если глаголы идут подряд по алфавиту, перевод дается при первом по алфавиту, независимо от его вида, соответствующий глагол другого вида указывается в этой же словарной статье с пометой "сов." или "несов." В словаре сделана попытка дать глагольное управление. При именах существительных даны пометы рода, приводится форма род. падежа в случаях морфологических или фонетических изменений. Указывается форма 1 л. ед. числа наст. времени глаголов. При именах прилагательных даются окончания женского и среднего рода. На сербскохорватских заглавных словах, их формах и русских переводах обозначено ударение. Многие значения проиллюстрированы словосочетаниями, есть в словаре и фразеологизмы. Приложением к словарю даны "Дополнения", "Имена географические" (в этот список вошли и названия жителей), а также список личных имен. Вместе со словарем издана "Краткая грамматика сербского языка", составленная П.Лавровым.

"Русско-сербский словарь" М.Анджелковича (М. А н ѣ е л к о в и ћ. Речник руско-српски. Београд, 1903. 1100 стр. в два столбца каждая) не был первым двуязычным словарем, изданным на территории сербскохорватского языка. Известны "Русско-сербский словарь" Т.Стояновича (Т. С т о ј а н о в и ћ. Ручни речник руско-српског језика, I. Београд, 1891) и "Хорватско-русский словарь" А.Суворова (A. Suvorov. Kratki hrvatsko-ruski rečnik. Zagreb, 1894, 112 стр.)[3]. М.Анджелкович ставил перед собой цель облегчить общение между собой сербов и русских, особенно же помочь сербам при чтении русской литературы. Этот словарь не является словарем литературного русского языка. М.Анджелкович составил свой словарь по "Толковому словарю живого великорусского языка" В.Даля, откуда вошло много слов, не являющихся принадлежностью литературного языка (например, булдырь, ватажиться, задижеть, затопыривать), а также много диалектизмов (например, верюга, гутор, гуторить, заплота, калуга), причем нет никаких помет, которые бы указывали на ограниченное употребление этой лексики. В словаре есть церковнославянизмы (например, аки, возроптать, восхотеть, вотще), наконец, есть и случайные слова (например, дано "водочка смотри водка", есть слово "картишки", но нет слова "карты"). Встречаются ошибки в переводах (например, фразеологизм "бить баклуши" переводится как "говорить чепуху"), часто значение наречного устойчивого словосочетания переносится на приводимое по алфавиту наречие, которое переводится как существительное (например, дано слово "впросак" с переводом "беда, несчастье, позор"). Есть пропуски значений (например, при слове "затычка" приводятся значения: "человек,охотно

---

[3] О словаре А.Суворова см.: А. С т е п о в и ч [рец.] – "Филол.зап." вып.I. Воронеж, 1896.

заменяющий другого; тот, кто на свадьбах носит бочонок с водкой для угощения", т.е. основного значения слова нет, диалектное же значение дано вместе с разговорным значением). Словарь не содержит никаких грамматических помет. Ни русская, ни сербскохорватская часть не имеют ударений.

В 1910 г. в Белграде вышел "Русско-сербскохорватский словарь" Р.Кошутича, известного слависта, занимавшегося восточнославянской и западнославянской филологией. Этот словарь был частью учебного пособия "Примеры русского литературного языка" (Р. К о ш у т и ћ. Примери књижевнога језика руског. Београд, 1910), состоявшего из трех книг: I. Текстови - хрестоматия текстов-образцов классической русской литературы, II. Напомене - исторические, литературные и лингвистические комментарии к текстам, III. Речник - словарь, содержащий свыше 10000 слов[4]. Лексическим материалом словаря послужили тексты, собранные в первой книге. Словарь сделан как ключ к текстам, это и определило его характер: в словник вошли только те слова, которые встретились в текстах, часто приводится только то значение слова, в котором оно употреблено. Автор уделил много внимания служебным словам, они разработаны очень полно. Почти каждое значение слова проиллюстрировано примером из текста со ссылкой на страницу, где его можно найти, каждый такой пример переведен на сербскохорватский язык. Р.Кошутич проделал большую работу по обработке слов: переводы значений и примеров сделаны очень квалифицированно, часто даются варианты переводов; при именах существительных указаны формы косвенных падежей, если в склонении есть какие-либо особенности или если меняется место ударения; при глаголе даны формы 1 и 2 л. ед. числа наст. времени, другие же глагольные формы указаны в тех случаях, когда есть изменения в основе или какие-либо особенности в ударении; при именах прилагательных приведена краткая форма, если она употребляется в разговорной речи; вся русская часть (слова, формы слов и примеры) акцентуирована. Все сведения по фонетике и грамматике русского языка Р.Кошутич проверял с носителями русского языка - современниками автора, жителями Москвы и Петербурга. Р.Кошутич обращался за помощью к видным русским славистам: Ф.Е.Коршу, А.И.Соболевскому, А.А.Шахматову, П.А.Лаврову, Н.М.Каринскому и В.И.Чернышову. Поэтому словарь интересен тем, что отражает фонетический и грамматический строй русского литературного языка начала XX в. Эта работа Р.Кошутича переиздавалась в 1911 и 1927 гг. В свою время рус-

---

[4] Этой работе предшествовали "Примеры польского литературного языка" (Р. К о ш у т и ћ. Примери књижевнога језика пољског. Београд, 1902), в которых так же был словарь к текстам.

ские слависты высоко оценили эту работу Р.Кошутича как пример научного подхода к изучению современного литературного языка, а также как большой вклад в дело сближения славянства[5].

В 1936 г. в Белграде вышел "Русско-сербскохорватский словарь" Д.Джуровича (D. Đurović. Rečnik rusko-srpskohrvatski sa gramatikom ruskog jezika. Beograd, 1936). Д.Джурович получал образование в России – в университетах Москвы и Петербурга, затем в течение многих лет преподавал в России славянскую филологию, русский язык, писал научные статьи. После I мировой войны вернулся в Югославию. Словарь Д.Джуровича содержит обширный словник (около 50 000 слов), много свободных словосочетаний, иллюстрирующих значения слов, а также много фразеологизмов, пословиц и поговорок. Основным источником для составителя был "Толковый словарь живого великорусского языка" В.Даля (III изд., 1905 г.), поэтому словник не вполне отражает современное русское словоупотребление. В нем много устаревших и редких слов. Пропущены некоторые необходимые слова, например, "бегать, бежать, беда, бедный, белый, езда, ездить, ехать, есть, еда". Вместе со словарем издана краткая грамматика русского языка, в которой особое внимание уделено русской орфоэпии. В этом отношении словарь и грамматический очерк непосредственно связаны, в словаре отдельные лексемы даются в транскрипции, последовательно сообщаются предложные сочетания, в которых ударение переходит на предлог (ряды таких сочетаний даны в скобках при заглавном слове или в примерах в словарной статье). Вся русская часть словаря акцентуирована. В словаре есть грамматические пометы: формы 1 и 2 л. наст. времени глаголов, формы им. падежа множ. числа и род. падежа ед. числа существительных в случаях изменения основы или переноса ударения по сравнению с исходной формой им. падежа ед. числа.

После II мировой войны в результате укрепления традиционных духовных и культурных связей советского и югославского народов, возникла необходимость в издании русско-сербскохорватского словаря. Поскольку нового словаря еще не было, в 1946 г. в г.Белграде был переиздан "Русско-сербскохорватский словарь" Д.Джуровича. Д.Джурович умер в концентрационном лагере Маутхаузен 9 мая 1945 г., поэтому второе издание вышло без изменений, исправлены лишь отпечатки.

В 1949 г. в Белграде вышел "Русско-сербский словарь" М.Московлевича, ученого-филолога и известного переводчика произведений русской классической литературы (М. М о с к о в л е в и ћ. Руско-српски речник. Београд, 1949). В словаре около 25 000 слов. Отбор слов выпол-

---

[5] См. рец.: А.Л. П о г о д и н. – "Биржевые ведомости" № 12001, 3/XI – 1910; Ф.Е. К о р ш. "Русское слово" № 278, 8/XII – 1910; И.И. З а м о т и н. – РФВ, т. LXV. Варшава, 1911.

нен также не вполне удачно: читатель часто встречает слова архаичные и диалектные. Автор почти не пользуется стилистическими пометами, правда, в ряде случаев ему удалось дать перевод, отвечающий не только смыслу, но и стилю русского слова. В словаре есть грамматический аппарат (формы косвенных падежей существительных, форма 1 л. ед. числа наст. времени или целое спряжение глаголов в случаях изменения места ударения или фонетических изменений, формы сравнительной и превосходной степеней при некоторых прилагательных).

Особое место в двуязычной сербскохорватско-русской и русско-сербскохорватской лексикографии занимает "Сербскохорватско-русский словарь" И.И. Толстого, вышедший в Москве в 1957 г., так как он до сих пор является самым полным из изданных сербскохорватско-русских словарей, в нем содержится около 50 000 слов. При составлении своего турда автор использовал важнейшие лексикографические источники, как сербскохорватские, так и русские, в том числе "Сербскохорватско-немецкий словарь" С.Ристича и Й.Кангрги (Белград,1928) и толковый словарь сербскохорватского языка Л.Бакотича (Белград, 1935). Поскольку это был первый сербскохорватско-русский словарь, изданный в Советском Союзе (если не считать карманный терминологический "Военный сербско-русский словарь" Р.И.Григорьевой и М.М.Ильиной, Москва, 1946), автор стремился возможно более полно представить лексику разных периодов и разных стилистических слоев, чтобы словарь мог помочь при чтении произведений как писателей-классиков, так и современных писателей, а также при чтении периодической литературы. Поэтому в словарь были включены и устаревшие, и диалектные слова, в том числе турцизмы, встречающиеся в произведениях сербских и хорватских писателей. Заглавные слова и их формы в словаре акцентуированы. Приводятся формы род. падежа имен существительных, 1 л. ед. числа наст. времени глаголов и парные глаголы другого вида в пределах одной буквы, сведения об образовании кратких и полных прилагательных. В словаре хорошо разработана и умело применяется система грамматических и стилистических помет. В словарных статьях последовательно разграничивается значение и употребление, что очень важно в переводном словаре. К словарю приложен "Краткий очерк грамматики сербскохорватского языка", освещающий все основные явления фонетики, морфологии, словообразования и являющийся важным пособием для изучения сербскохорватского языка. Словарь получил положительную оценку советских и югославских специалистов[6]. В 1958 г. словарь был пере-

---

[6] В.К. Журавлев. [рец.] - "Слов'янске мовознавство", кн.4, 1962; М. Лалевић. [рец.] - "Стварање", XIII, № 5; М.Московљевић. [рец.] - "Наш језик", књ. VIII, св.7-10, 1957; М. Павловић. [рец.] - "Јужнословенски филолог", књ. XXII, Београд, 1955-1956.

издан, поскольку это издание было стереотипное, он вышел без изменений. В 1970 г. вышло третье, исправленное и дополненное издание словаря. Словарь был усовершенствован с учетом тех изменений, которые произошли в сербскохорватском литературном языке за последние десятилетия. Пополнен словник, внесены некоторые новые значения, уточнены отдельные переводы[7].

В 1960 г. в Москве был издан "Краткий сербскохорватско-русский словарь" Р.И. Григорьевой, содержащий 24 000 слов[8]. По замыслу автора, словарь должен был отразить основной лексический состав современного сербскохорватского языка, однако для словаря характерна несоразмерность количества устаревшей лексики по отношению к его сравнительно небольшому обьему. К словарю приложены "Краткие сведения по грамматике сербскохорватского языка", составленные акад. А.Беличем.

Значительные словарь русского языка в Югославии появился двенадцать лет спустя после словаря М.Московлевича. Это был "Русско-сербскохорватский и сербскохорватско-русский словарь" Б.Груйича и Н.Шубина, который вышел в Цетинье в 1961 г. (Б. Грујић и Н. Шубин. Речник руско-српскохрватски, српскохрватско-руски са кратком граматиком руског језика. Цетиње, 1961). Словарь состоит из двух частей. Русско-сербскохорватский словарь содержит около 30 000 слов и много словосочетаний, удачно подобранных. В этом издании преодолена архаичность словника, характерная для предыдущих югославских словарей русского языка. Между тем отсутствие грамматического аппарата не может восполнить краткая грамматика русского языка, изданная вместе со словарем. Сербскохорватско-русская часть словаря не оригинальна. Авторы частично переработали "Сербскохорватско-русский словарь" И.И.Толстого, что в свое время было отмечено в печати[9].

"Русско-хорватскосербский словарь" Р.Полянца и С.Мадатовой-Полянец, изданный в 1962 г. в Загребе (R. F. Poljanec, S. M. Madatova-Poljanec. Rusko-hrvatskosrpski rječnik. Zagreb, 1962), - самый большой по обьему из вышедших до сих пор русско-сербскохорватских словарей. В первом издании содержится около 50 000 слов, в 1966 г. вышло второе издание, изменения во втором издании коснулись в основном словника, который был расширен. Словарь составлен на основе совре-

---

7 Подробнее о третьем издании см.: В.В. Барсукова, Г.А.Мартынова. [рец.] - "Советское славяноведение", 1970, № 5.

8 См.: П.А.Дмитриев, Г.И.Сафронов. [рец.] - "Лексикографический сборник", вып.VI. Москва, 1963.

9 См.: В.П.Гудков. [рец.] - "Наш језик", XII, св.1-2, 1962. - В этой рецензии была положительно оценена русско-сербскохорватская часть словаря.

менных толковых словарей русского языка. Словник его достаточно богат и обширен. Поскольку авторы следовали толковым словарям, они не всегда учитывали то, что переводные словари имеют свои специфические особенности при отборе лексики и разработке системы значений. Вряд ли следовало, например, вводить в словарь такие лексемы, как "бирюч, дуван, лицеприятный, маркетри, медвежеватый, мерзеть, сусолить", словосочетания типа "аредовы веки жить, бархатная книга" или такие сомнительные значения, как значение "неуязвимый" при слове "безвредный" (хоть и с пометой "устаревшее", как это сделали авторы), значение "с узором в виде трав (ткань)" при слове "мелкотравчатый" и др. Большую пользу переводчику на сербскохорватский язык словарь приносит тем, что помимо основных значений содержит и окказиональные значения, а также много синонимов-переводов. К сожалению, основные и окказиональные значения не разграничены четко, это затрудняет пользование словарем людям, слабо владеющим русским языком, так как бывает трудно найти эквивалент в целом ряде переводов. В некоторых случаях составители пропустили слова, сообщив, однако, производные образования. Например, есть "импортировать, кабинка, кавалерийский, карбюрировать, коллекционировать, комплиментщик, конкурентоспособность", но отсутствуют "импорт, кабина, кавалерия, карбюратор, коллекция, комплимент, конкурент". Отдельными списками в конце словаря даны географические названия и аббревиатуры. К словарю приложены грамматические таблицы русского языка, связанные с лексемами, содержащимися в словаре, индексами.

В 1963 г. М.Московлевич издал русско-сербскохорватский и сербскохорватско-русский словарь в одном томе, в который включен краткий очерк грамматики русского языка (М. М о с к о в л е в и ћ. Речник руског и српскохрватског језика. I. Руско-српскохрватски речник с кратким прегледом руске граматике. II. Српскохрватско-руски речник. Београд, 1963). Русско-сербскохорватский словарь существенно отличается от словаря 1949 г. Он больше по объему: в словаре около 30 000 слов. Словник пополнен производными однокоренными словами, внесено много новых слов, широко употребляющихся в современном русском языке, исключены некоторые архаизмы. В ряде случаев изменилась разработка словарных статей: выделены новые значения, более употребительные значения вынесены на первое место. В некоторых случаях улучшен перевод. Изменено лексикографическое оформление словаря, он стал более удобен для читателя (разные значения выделены цифрами, появились пояснения перед значениями). Сербскохорватско-русская часть словаря содержит около 35 000 слов. Лексика словаря отражает современный сербскохорватский литературный язык. Вся сербскохорватская часть (заглавные слова, их формы, переводы, а также иллюстративные примеры) акцентуирована. Заглавные слова обеих частей автор сопроводил подробными грамматическими сведениями, которые дают представление о фо-

нетических и морфологических изменениях, происходящих в формах слова.

В 1965 г. в Москве вышел "Русско-сербскохорватский словарь" С. Ивановича и И. Петрановича, в который вошло 38 000 слов. Это был первый русско-сербскохорватский словарь такого объема, изданный в Советском Союзе. Словарь отражает словарный состав современного русского литературного языка, включая разговорную и устаревшую лексику, которая встречается в произведениях как современной, так и классической художественной литературы. Дано довольно много словосочетаний. Существенным недостатком этого издания является почти полное отсутствие грамматического аппарата. В 1966 и 1967 гг. выходили стереотипные переиздания словаря.

В последние годы широко издаются карманные словари. В Советском Союзе вышли следующие словари: "Русско-сербский словарь" Р.И.Григорьевой, М.М. Ильиной (М., 1946), в словаре 10 000 слов; "Русско-сербскохорватский словарь" С.Ивановича (М., 1960), содержащий 8200 слов, в 1961 и 1966 гг. словарь переиздавался стереотипным способом, в 1971 г. вышло его четвертое исправленное и дополненное издание, теперь в словаре 9000 слов; "Сербскохорватско-русский словарь" В.П. Гудкова (М., 1963), словарь содержал 8400 слов и так же, как и карманный словарь С.Ивановича, был одним из серии туристических словарей, в 1971 г. вышло второе, переработанное и дополненное издание, сейчас в нем содержится 9600 слов. Теперь это - краткий словарь сербскохорватского литературного языка, предназначенный главным образом для чтения периодической литературы и несложных текстов художественной литературы.

В Югославии вышли следующие словари: "Карманный русско-сербскохорватский словарь" Б.Груйича и Д.Пецарски (B. Grujić.- D. Pecarski. Džepni rusko-srpskohrvatski rečnik. Beograd-Cetinje, 1963); Б.Груйич. Русско-сербскохорватский, сербскохорватско-русский словарь для туристов. Титоград, 1967 (словарь состоит из двух частей, причем в качестве сербскохорватско-русской части был заимствован без какой-либо переработки "Сербскохорватско-русский словарь" В.П. Гудкова; в словаре есть разговорник и иллюстрации); в г. Нови Сад изданы сербскохорватско-русский и русско-сербскохорватский словари-лиллипуты, составленные по словарям М.Московлевича, содержащие по 12 500 слов.

В СССР и Югославии издаются и издавались терминологические словари. Уже вышли следующие издания: Р.И.Григорьева, М.М.Ильина. Военный сербско-русский словарь. М., 1946; Н. Шубин. Железнички руско-српски речник. Београд, 1946; Коллектив авторов. Сербскохорватско-русский политехнический словарь. Москва - Белград, 1967; A. Jovanović. Rusko-srpskohrvatski i srpskohrvatsko-ruski rečnik privrednih, komercijalnih, finansijskih, političkih i pravnih izraza. Beograd, 1956; [Коллектив авторов.] Rusko-hrvatskosrpski vojni rečnik. Beograd, 1967.

С.В.Зайцева

СЕРБСКОХОРВАТСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ

(обзор работ югославских лингвистов за 1956-1967 гг.)

Принимая периодизацию Д.Брозовича, выделяющего три периода в истории сербскохорватской диалектологии[1], можно с правом утверждать, что первые годы III периода, начинающегося с середины нашего столетия, ознаменовались значительными успехами в области диалектологии. Большое внимание уделяют югославские лингвисты проблемам диалектологии уже в первые послевоенные годы[2]. Своеобразным итогом предыдущего развития явилась библиография М.Храсте[3], первая достаточно полная систематическая библиография работ по сербскохорватской диалектологии. Эта библиография охватывает работы о говорах трех диалектов сербскохорватского языка: штокавского, чакавского и кайкавского, со времени В.Караджича по 1954 г. включительно, давая ясное представление о проделанной за этот период работе в области диалектологии[4]. Работа М.Храсте показала достигнутые результаты, а с другой стороны, особенно остро поставила на повестку дня нерешенные проблемы. Неравномерная и неодинаковая изученность говоров бросается в глаза даже при беглом знакомстве с картами трех диалектов сербскохорватского языка, которые в работе М.Храсте иллюстрируют степень изученности говоров. Нет единого подхода к выбору объектов изучения, определению тематики и к методам обработки материалов. Все эти проблемы встали перед сербскохорватской диалектологией в рассматриваемый нами период. Наша задача проследить, что сделано за последние 10 лет для решения этих проблем.

---

1 D. Brozović. Tri razdoblja u razvitku naše dijalektologije. "Radovi I, Razdio lingvističko-filološki, Filozofski fakultet u Zadru", 1960, стр.51-65.

2 См.: П. Ивић. Српскохрватска дијалектологија у најновијем периоду. - КњЈ, I, 1962, стр.15; Н.И. Толстой. Новые работы югославских лингвистов по сербохорватскому языку (краткая информация за 1945-1955 гг.). - ВЯ, 1956, № 4, стр.104-111.

3 M. Hraste. Bibliografija radova iz dijalektologije, antroponimije, toponimije i hidronimije na području hrvatskoga ili srpskoga jezika. - HDZb I, 1956, стр. 389-479.

4 Важны, на наш взгляд, уточнения и дополнения, высказанные П.Ивичем в его рецензии на библиографию М.Храсте (см.: ЗбФЛ II, 1959, стр. 183-198; см.также: П.А.Дмитриев. О вкладе русских ученых в изучение сербохорватской диалектологии."Вестник Ленинградского ун-та",2,1960.Серия истории,языка и литературы,вып.1,стр.160-163.

Отчетливо проявляется тенденция поднять сербскохорватскую диалектологию на уровень современной науки о языке. Самый большой вклад в разработку и использование современных методов исследования внес крупнейший югославский диалектолог П.Ивич своим трудом "Диалектология сербскохорватского языка"[5]. П.Ивич подвел итог многолетней работы югославских диалектологов по изучению штокавских говоров, используя современные лингвистические теории и методы и прежде всего широко привлекая метод лингвистической географии. Автор не только использовал всю имевшуюся литературу по штокавским говорам, но включил и свой материал, собранный им во время диалектологических экспедиций. Впервые после выхода в свет "Штокавского диалекта" М.Решетара[6] появилось столь детальное исследование, охватывающее всю систему штокавских говоров. Творчески использовав концепции А.Белича, П.Ивич стремится в своей работе, во-первых, еще теснее связать историю диалектов с историей этнических групп, говорящих на этом диалекте, во-вторых, стремится рассматривать сербскохорватскую языковую область не изолированно, а в рамках южнославянской языковой территории, в-третьих, впервые определяет структурные характеристики сербскохорватских диалектов, в-четвертых, шире использует метод лингвистической географии[7]. Все отмеченные достоинства книги П.Ивича[8] делают ее появление событием чрезвычайным для сербскохорватской диалектологии.

В течение рассматриваемого периода появилось много монографий, посвященных отдельным говорам или группе говоров. Это прежде всего труды, опубликованные в "Сербском диалектологическом сборнике" ("Српски дијалектолошки зборник") Института сербскохорватского языка в Белграде. В этой серии до настоящего времени опубликовано наибольшее количество монографий о говорах сербскохорватского языка. Назо-

---

[5] П. И в и ћ. Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје. Нови Сад, 1956, 218 стр.; P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte. Ihre Struktur und Entwicklung. I Band. Allgemeines und die štokavische Dialektgruppe. s-Gravenhage, 1958, 325 стр.

[6] M. Rešetar. Der štokavische Dialekt. Wien, 1907.

[7] П. И в и ћ. Дијалектологија .., стр.5-6.

[8] См. [рец]: В. И л и ћ. Развојне линије и истакнути проблеми штокавског дијалекта. - КњЈ, 3, 1958, стр.155-158; J. Vuković. Pavle Ivić. Die serbokroatischen Dialekte... - ZslPh, Heidelberg, 1963, стр.200-217; Б. Н и к о л и ћ. Др. Павле Ивић. Дијалектологија..; Pavle Ivić. Die serbokroatischen Dialekte... - JФ, XXIV, 1959-1960, стр.383-386; M. Pavlović. Pavle Ivić. Die serbokroatischen Dialekte... ЗбФЛ, III, 1960, стр.218-220.

вем монографию П.Ивича "О говоре галипольских сербов"[9], где детальному исследованию подвергается говор переселенцев из северной Сербии, которые провели не один век на территории Турции, а с начала XX в. живут в восточной Македонии. Говор галипольцев относится к говорам, сохранившим фонему ě. П.Ивич первым открыл и исследовал все ныне известные говоры, сохраняющие фонологическую индивидуальность ě,[10] (за исключением крашованского говора, обнаруженного румынским славистом Э.Петровичем еще в 1935 г.). Говоры эти представляют собой остатки некогда широкой зоны на северо-востоке сербскохорватской языковой территории, исчезнувшей в результате миграций.

В XIV книге СДЗб опубликованы монографии А.Пецо и Б.Николича[11]. Эти работы свидетельствуют о возросшем за последние годы интересе к новоштокавским говорам, не изученным еще говорам Воеводины, северной и западной Сербии, восточной Боснии и Герцеговины. Обе работы еще интересны и тем, что в них описываются говоры, непосредственно лежащие в основе современного сербскохорватского литературного языка[12]. А.Пецо в своей монографии "Говор восточной Герцеговины" предлагает новую научно обоснованную классификацию герцеговинских говоров, а кроме того, на основании изложенного материала опровергает ошибочный взгляд об идентичности литературного языка и говоров, легших в его основу. В монографии Б.Николича "Сремский говор" дается исчерпывающая характеристика современного состояния говора, причем наибольшее внимание автор уделяет акцентологическим особенностям края. Этим вопросам посвящена первая, большая часть работы. Монография М.Пешикана "Старочерногорские среднекатунские и лешанские говоры"[13] задумана как заключительная работа по южным черногорским говорам, историю изучения которых от Вука до наших дней автор излагает во вступлении. В XVI книге СДЗб есть еще две монографии, их авторы

---

9 П.И в и ћ. О говору галиполских Срба. - СДЗб, XIII, 1957, 519 стр.

10 П. И в и ћ. Једна доскора непозната група штокавских говора: говори с незамењеним јатом. - ГФФНС, 1, 1956, стр.146-160. О н ж е. Der Vokal ě als lebendiges Phonem in den serbokroatischen Mundarten, IJSLP I/II, 1959.

11 А. П е ц о. Говори источне Херцеговине. - СДЗб, XIV, 1964; стр.1-200; Б. Н и к о л и ћ. Сремски говор. - Там же, стр.201-412.

12 См. рец. М.Стевановича на обе работы: М. С т е в а н о в и ћ. СДЗб, XIV, стр.412, 1964; ЈФ, XXVI, св.3-4, 1963-1964, стр.590-603.

13 М. П е ш и к а н. Староцрногорски среднокатунски и лешански говори. - СДЗб, XV, 1965, 294 стр.

Д.Барьяктаревич[14] и Б.Николич[15]. Д.Барьяктаревич в своей работе "Новопазарско-сенницкие говоры" дает картину одного до сих пор не изученного говора в юго-восточной Сербии, занимающего значительную территорию. Наибольшее внимание автор уделяет вопросам фонетики и прежде всего проблеме ě в этом говоре, который представляет собой тип, переходный между екавским и экавским говорами. Б.Николич своей монографией "Мачванский говор" продолжает исследования в области сремского говора. Описание современного состояния новоштокавского говора Мачвы автор заканчивает главой об отношении говора Мачвы к соседним штокавским говорам. Это исследование включает лексические заметки по рассматриваемому говору, чего нет ни в одной из названных монографий, в которых, как правило, представлены разделы по акцентологии, фонетике, морфологии и синтаксису.

Большим событием в югославской диалектологии явился выход в свет двух первых книг "Хорватского диалектологического сборника" ("Hrvatski dijalektološki zbornik" I. Zagreb, 1956, 479 стр.; II, 1966, 469 стр.). Эти две книги содержат несколько солидных исследований по чакавским, кайкавским и штокавским говорам. Большая монография трех известных загребских диалектологов в I книге сборника посвящена чакавскому говору о.Сусака, самого западного из Кварнерских островов[16]. Работа интересна с точки зрения предмета изучения, результатов исследования и методологии. Она содержит введение, описание говора в прошлом, исчерпывающую характеристику современного состояния с приложением словаря[17]. Этот коллективный труд, в результате которого вся рассматриваемая область, прежде одна из самых неизученных в чакавщине, стала одной из наиболее полно описанных, является самым обширным и значительным о чакавских говорах[18]. Чакавскому икавскому говору Хата в северном Градишче посвящена монография И.Брабеца "Говор подунайских хорватов в Австрии"[19]. Фонетическому, акцентологическому и морфологическому описанию говора предшествует история переселенцев. Даются некоторые замечания по лексике говоров, приложены карты и небольшой список диалектизмов. Кратко характеризуется отношение данного говора к соседним хорватским говорам и вообще к говорам сербскохорватского языка. Кайкавский говор Бедни описывается

---

[14] Д. Барјактаревић. Новопазарско-сјенички говори. - СДЗб, XVI, 1966, стр.1-177.

[15] Б.Николић. Мачвански говор. - СДЗб, XVI, 1966, стр.179-313.

[16] J. Hamm, M. Hraste, P. Guberina. Govor otoka Suska. - HDZb, I, 1956, стр. 5-213.

[17] См.: М.Павловић. [рец.] - ЈФ, XXII, 1957-1958, стр.333-337.

[18] См.: П.Ивић. [рец.] - ЗбФЛ, II, 1959, стр.171-183.

[19] I. Brabec. Govor podunavskih Hrvata u Austriji. - HDZb, II, 1966, стр. 29-118.

в интересной статье о кайкавских говорах Й.Едвая[20]. Работа отличается необыкновенно богатым и надежным материалом по акцентологии. Дополняет монографию Й.Едвая рецензия М.Пешикана[21], где он, используя материал Й.Едвая, описывает систему акцентуации говора Бедни. Во II книге "Хорватского диалектологического сборника" дана монография С.Секереша "Говор нашичского края"[22]. Автор описывает штокавский говор старшего поколения этой области, которая в течение веков была захвачена интенсивными миграциями населения, представителями разных говоров и диалектов сербскохорватского языка. Начинается исследование с краткой характеристики соседних говоров Славонской Подравины и Славонской Посавины, характеристики кайкавского диалекта и восточногерцеговинских говоров. Всестороннее описание говора заканчивается довольно обширным словарем и диалектными текстами.

В разработке отдельных более частных проблем сделано многое. Продолжает расти список обследованных населенных пунктов. Материал исследований и в настоящее время обычно публикуется в виде кратких отчетов о проделанной работе в изданиях учреждений, организующих полевую работу югославских диалектологов. Особенно активную деятельность по изучению сербскохорватских диалектов развернули Институт сербскохорватского языка Сербской Академии наук в Белграде и Институт языкознания Югославянской Академии наук в Загребе[23]. Объем рассматриваемых работ невелик, но в сумме они дают богатый материал для сербскохорватской диалектологии. Наибольшее количество работ, как и прежде, посвящено штокавским говорам. Исследования охватили новые районы в Воеводине (П.Ивич, Б.Николич, А.Младенович, Й.Кашич), в Сербии (П.Ивич, А.Пецо, М.Московлевич, Р.Алексич, Д.Барьяктаревич, Д.Йович, С.Вукоманович), в Славонии (А.Белич, М.Павлович, М.Храсте, А.Младенович, С.Секереш, Й.Байотич, Й.Матешич, Й.Кашич), в Черногории (М.Пешикан, Д.Достинич, Д.Петрович, Л.Вуйович), в Боснии и Герцеговине (А.Белич, М.Павлович, М.Храсте, Й.Вукович, Д.Брозович, А.Пецо, Й.Брабец, Й.Радулович, С.Вукоманович, Д.Игнятович), в Далмации (П.Ивич, Д.Игнятович), в Лике (С.Павичич). Появилось несколько

---

20 J. Jedvaj. Bednjanski govor. - HDZb, I, 1956, стр.279-330.

21 М. Пешикан. J. Jedvaj. Bednjanski govor. - HDZb, I, 1956; стр.279-330. — ЈФ, XXVI, 3-4, стр.556-580.

22 S. Sekereš. Govor našičkog kraja.- HDZb, II, 1966, стр.209-302.

23 Издания, в которых публикуются работы по сербскохорватской диалектологии, частью перечислены в указанной ранее статье Н.И.Толстого (стр.110-111). Добавим несколько новых изданий: Годишнак филозофског факултета у Новом Саду, Зборник за филологију и лингвистику (Нови Сад), Filologija (Загреб), Radovi Instituta Jugoslavenske akademije u Zadru, Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru, Radovi Filozofskog Fakulteta Universiteta u Sarajevu.

работ о говорах Истрии (М.Храсте, И.Попович, Й.Рудан). Значительно меньше работ за эти годы вышло по чакавской диалектологии (М.Храсте, Й.Хамм, П.Скок, М.Московлевич, П.Ивич, Б.Финка, В.Барац, И.Еленович, И.Ярдас) и кайкавской диалектологии (З.Юнкович, Р.Коларич, П.Ивич, С.Тежак, Н.Майнарич, А.Шоят, И.Брабец, В.Барац, Б.Финка). Кайкавские говоры до сих пор исследованы меньше других, но имеющийся материал уже позволяет более точно определить основные особенности кайкавского диалекта и его место в системе диалектов сербскохорватского языка.

В проблематике современных исследований по сербскохорватской диалектологии значительное место отводится акцентологическим исследованиям, дающим ценный материал для современной лингвистики[24]. Чакавской акцентуации посвящены новые работы М.Храсте, Б.Финки, штокавской - работы П.Ивича, Б.Николича, А.Пецо, Б.Финки, Д.Барьяктаревича, М.Станича, Ф.Матияшича, Д.Петровича, С.Вукомановича. Отдельные фонетические явления штокавских говоров нашли отражение в сообщениях Й.Вуковича, П.Ивича, А.Пецо, В.Якич-Цестарич, М.Станича, Л.Вуйовича, Й.Матешича, И.Брабеца, Д.Барьяктаревича, Д.Петровича, З.Павлович-Стаменкович, Р.Бошковича. Фонетика чакавских говоров - предмет исследований М.Храсте, Й.Хамма, П.Скока. Вокализму кайкавских говоров посвящена одна из работ П.Ивича[25]. Вопросы морфологии отражены не только во всех, как правило, обширных монографиях, но и в отдельных небольших исследованиях по штокавской (П.Ивич, Д.Игнятович, Д.Барьяктаревич, Д.Йович) и чакавской (Й.Хамм) диалектологии[26]. Если в монографиях об отдельных говорах теперь чаще можно встретить главу, посвященную синтаксису, то специальных исследований в этой области найти почти невозможно. Работ по лексике очень мало, но те немногие работы, которые появились в последние годы, представляют значительный интерес. Большой резонанс получила работа П.Ивича по подготовке к печати и изданию II тома (Сербский словарь) юбилейного издания собрания сочинений Вука Караджича. К словарю Вука обратился

---

24 M. Hraste. Dvoakcenatski sistem u hrvatskom ili srpskom jeziku. - ЗБФЛ, I, 1957, стр.85-93; J. Hamm. Akcenatske opozicije u slavenskim jezicima. "Radovi Staroslavenskog instituta", 2. Zagreb, 1958, стр. 61-73; П. Ивић. Број прозодијских могућности у речи као карактеристика фонолошких система словенских језика. - ЈФ, XXV, 1961-1962, стр.75-113.

25 P. Ivić. Procesi rasterećenja vokalskog sistema u kajkavskim govorim ЗБФЛ XI, стр.57-70.

26 Хотелось бы выделить работу П.Ивича "О деклинационим облицима у српскохрватским дијалектима" (ГФФНС, IV, 1959, стр.189-215 и V, 1960, стр.75-97).

и другой исследователь. Й.Кашич[27] описывает лексику, собранную Вуком Караджичем на территории Воеводины и включенную в его словарь. Географией группы слов, охватывающих морскую терминологию и терминологию рыболовства, занималось несколько ученых (Б.Финка, М.Могуш, И.Еленович)[28]. Несомненную пользу для сербскохорватской диалектологии принесет издание "Исторического словаря хорватского кайкавского литературного языка"[29], тем более, что кайкавский материал слабо отражен в Словаре Югославянской академии наук. Решение о создании такого словаря было принято в Институте языкознания в Загребе в 1963 г. Необходимость составления диалектных словарей давно выдвигается как одна из самых актуальных задач. В Загребе в 1966 г. вышел I том "Словаря говора острова Вргады" Б.Юришича[30], включающий, однако, лишь описание говора, над словарем которого работает автор. Далеко не во всех монографиях о говорах сербскохорватского языка имеется раздел, посвященный лексике говора. Как правило, списки диалектизмов прилагаются к этнографическим описаниям, публикуемым в этнографических журналах и сборниках. Интересна попытка Б.Финки впервые в сербскохорватской диалектологии определить предмет диалектной стилистики, ее место и значение для исследований в области диалектологии[31].

Проблема взаимоотношений литературного языка и диалектов, особенно важная для сербскохорватской языковой ситуации, также находит свое отражение в работах современных ученых. Можно даже отметить, что за последние годы возрос интерес к этим вопросам. Кроме выше приведенных работ П.Ивича и Й.Кашича (о словаре В.Караджича и его диа-

---

27 И. Кашић. Војвођанска лексика у Вуковом Рјечнику. - ГФФНС, X, 1967, стр.199-224.

28 B. Finka. Izveštaj o prikupljanju narodnih pomorskih naziva i izraza na obalnom području od Zadra do Obrovca. "Ljetopis JAZU", 62. Zagreb, 1957, стр. 388-403; M. Moguš. Izveštaj o istraživanju senjskog govora.- Там же, стр. 413-414; J. Jelenović. Ispitivanje pomorske terminologije u Puntu na otoku Krku. "Ljetopis JAZU", 71. Zagreb, 1966, стр. 343-344.

29 См.: B. Finka. Rad na povijesnom rječniku hrvatskoga kajkavskoga književnoga jezika. "Jezik", god. 12, Nr. 2. Zagreb, 1964-1965, стр. 62-64.

30 B. Jurišić. Rječnik govora Vrgade, I. Zagreb, 1966, стр. 125.

31 B. Finka. Stilistika u dijalektologiji. "Savremena lingvistika", 1. Zagreb, 1962; Он же. Čakavske stilističke studije. "Filologija", 3. Zagreb, 1962, стр. 49-52.

1/4 24 1271

лектной основе), сошлемся на работы М.Стевановича[32] и А.Пецо[33]. Последний рассматривает взаимоотношение народных говоров и языка Вука, сравнивая фонетику Вука и фонетику современных говоров екавской Герцеговины. Говору Тршича, родины В.Караджича, посвящено несколько работ Б.Николича. А.Младенович обращается к истории тршичского говора, а М.Станич исследует говор родины предков Вука. Б.Николич знакомит также с некоторыми проблемами шумадийско-воеводинских говоров, тоже составляющих основу современного литературного языка.

В трудах югославских ученых находят отражение и проблемы исторической диалектологии. Давая периодизацию истории сербскохорватского языка, А.Белич рисует в общих чертах картину диалектных отношений, как они развивались в различные периоды истории сербскохорватского языка[34]. Специфика проблематики исторической диалектологии определяется тем фактом, что более половины населения, говорящего на сербскохорватском языке, живет сейчас не на исконной территории. Встает вопрос, когда, почему и откуда появился данный говор на занимаемой им теперь территории. А поскольку имевшие место миграции населения охватили в основном исконную территорию, то встает другая не менее важная проблема, проблема реконструкции домиграционной диалектной картины сербскохорватской языковой территории. И ученые уже начали работу в этом направлении (П.Ивич, Д.Брозович, И.Попович, Л.Вуйович, Д.Йович)[35]. В качестве материала для реконструкции первичной диалектной ситуации в первую очередь используются памятники письменности домиграционного периода. Такой материал постепенно накапливается (Х.Куна, А.Младенович, А.Пецо, С.Маркович, Б.Юришич, С.Манойлович, С.Кастропил, А.Шупук). Интересны и важны материалы П.Ивича об основных этапах развития сербскохорватских диалектов. Он подробно анализирует последствия миграций, их влияние на систему языка и в качестве одной из самых актуальных ставит задачу реконструкции картины пред-

---

32 М. С т е в а н о в и ћ. Језик у Вукову делу и савремени српскохрватски књижевни језик. – ЈФ, XXVI, св.1-2, 1963-1964, стр.75-150; О н ж е. Карактер дијалектизама у језику Вука Караџића. "Анали филолошког факултета", V. Београд, 1965, стр.209-226.

33 А. П е ц о. Једно поређење Вукова језика са говорима јекавске Херцеговине. – ЈФ, XXVI, св.1-2, стр.177-218.

34 А. Б е л и ћ. Периодизација српскохрватског језика. – ЈФ, XXIII, 1958, стр.3-15.

35 См.: П. И в и ћ. О неким проблемима наше историске дијалектологије. – ЈФ, XXI, св.1-4, 1955-1956, стр.97-129; D. Brozović. O rekonstrukciji predmigracionog mozaika hrvatskosrpskih dijalekata. "Filologija", 4. Zagreb, 1963, стр. 45-55.

миграционного состояния сербскохорватских диалектов[36]. Большое значение имеет и изучение сегодняшних говоров старых переселенцев, покинувших исконную территорию до миграций[37]. Современные диалектологические исследования позволили окончательно отбросить долго державшиеся в науке сомнения в истинности утверждения М.Решетара об исконно штокавском и икавском характере говора Дубровника[38].

Недостаточное использование в диалектологии метода лингвистической географии в предыдущий период поставило в центр актуальнейших задач создание лингвистического атласа. О насущной необходимости составления сербскохорватского лингвистического атласа писал А.Белич, ссылаясь на специфику сербскохорватской языковой территории. А.Белич явился инициатором организации работы в этой области. Он определил первые шаги[39]. Осенью 1959 г. была сформирована Югославская комиссия по работе над диалектными атласами в составе 13 ученых, представителей различных научных центров. Возглавил работу комиссии академик А.Белич. Перед комиссией одновременно встали две большие и сложные задачи: создание национальных атласов сербскохорватского, словенского и македонского языков и участие в создании общеславянского лингвистического атласа. Много сделано в плане осуществления второй задачи: участие в разработке планов, в подготовке вопросников, в отборе пунктов обследования и организации работы в них. Проблемы, связанные с ОЛА, постоянно решаются в трудах югославских лингвистов[40]. Остановимся на работе югославских диалектологов

---

36 P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte..., стр. 61-86.

37 П. И в и ћ. О неким проблемима... стр.100-101; О н ж е. Prilog rekonstrukciji predmigracione dijalekatske slike srpskohrvatske jezičke oblasti. – ЗбФЛ, IУ-У, 1961-1962, стр.117-129.

38 P. Ivić. Die serbokroatischen Dialekte..., стр 156; D. Brozović. O strukturalnim i genetskim kriterijima u klasifikaciji ... — ЗбФЛ, III, 1960, стр.85; О н ж е. O jednom problemu naše historijske dijalektologije. — ЗбФЛ IУ-У, 1961, стр.52; А. П е ц о. Irmgard Mahnken: Zur Frage der Dialektentümlichkeiten des serbokroatischen in Dubrovnik im XIV. Jahrhundert (Opera Slavica IV) и други новији радови о супстрату дубровачког говора. – ЈФ, XXVI, св.3-4, 1963-1964, стр.581-590.

39 А. Б е л и ћ. Једна научна и практична потреба. – НЈ, 8, 1957, стр.201-204.

40 M. Hraste. Izrada dijalektološkog atlasa slavenskih i jugoslavenskih jezika (доклад на заседании Загребского лингвистического кружка от 25.IУ.1961 г.); Й. Х а м м. Общеславянский лингвистический атлас и славянские поселения в неславянских странах. "Общеславянский лингвистический атлас". М., 1965, стр.48-60; П. И в и ч. Опыт

по сербскохорватскому лингвистическому атласу. Исходя из положений, выдвинутых А.Беличем, диалектологи разрабатывают принципы и проблемы, встающие на пути решения этой задачи[41]. Преодолев известные трудности организационного порядка, югославские диалектологи летом 1962 г. начали пробные обследования пунктов. На страницах периодических изданий в некоторой мере отражается работа над диалектологическим атласом[42]. Одновременно решаются задачи, связанные с созданием атласов других языков, находящихся на территории Югославии и соседних языков. Это связано в первую очередь с балканской и средиземноморской проблематикой[43]. По составлению лингвистического атласа Средиземноморья, включающему и прибрежную линию сербскохорватских диалектов, уже проделана значительная работа[44].

структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. - Там же, стр.5-23; О н ж е. Значај лингвистичке географије за упоредно и историско проучавање јужнословенских језика и њихових односа према осталим словенским језицима. - ЈФ, XXII, 1957-1958, стр.179-206.

41 М. П а в л о в и ћ. Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика. - ГФФНС, IV, 1959, стр.165-188; П. И в и ћ. Почетак организованог рада на лингвистичкој географији код нас. - НЈ, 10, 1960, стр.101-107; О н ж е. Дијалектологија, један наш културни проблем. "Летопис Матице Српске", 138, књ.389, св.3. Нови Сад, 1962, стр.175-180; О н ж е. O današnjem stanju srpskohrvatske dijalektologije. "Prace językoznawcze", zesz. 5. Kraków, 1963, стр.339-403; Ј. В у к о в и ћ. О југословенском раду на дијалектолошким атласима. "Македонски јазик", XI-XII, 1-2, Скопје, 1960-1961, стр.213-233.

42 D. Brozović. O fonetskoj transkripciji u srpskohrvatskom dijalektološkom atlasu. - ЗбФЛ, VI, 1963, стр.93-116; P. Ivić. Inventar fonetske problematike štokavskih govora. - ГФФНС, VI, 1963, стр.99-100; М. И в и ћ. Репертоар синтаксичке проблематике у српскохрватским дијалектима. - ЗбФЛ, VI, 1963, стр.13-30; Б. Н и к о л и ћ. Упитник за испитивање акцената у штокавским говорима. - ЈФ, XXVII, св.1-2, 1966-1967, стр.307-336.

43 М. П а в л о в и ћ. Дијалектолошки атлас и проблематика српскохрватског језика. - ГФФНС, IV, 1959, стр.186; M. Deanović. Problem višejezičkih atlasa (Mediteran, Balkan). Predavanja održana u Jugoslavenskoj akademiji znanosti i umjetnosti, sv. 24. Zagreb, 1962, стр. 17.

44 M. Deanović. Lingvistički atlas Mediterana. - ЗбФЛ, II, 1959, стр.7-15; О н ж е. Izveštaj o anketi na Dugom otoku za Lingvistički atlas Mediterana. "Ljetopis JAZU" 62. Zagreb, 1957, стр. 339-341;

Когда закончится собирание материалов для сербскохорватского диалектологического атласа, когда атлас будет готов, когда будет преодолена имеющаяся в настоящее время фрагментарность материала, югославские ученые смогут решить, наконец, проблему классификации сербскохорватских диалектов. А эта проблема привлекает внимание многих ученых и в настоящее время. Вообще дискуссия о классификации не утрачивает актуальности со времен Вука. В последние годы она оживилась, и налицо определенные результаты. Большое значение имело решение П.Ивичем проблемы классификации в его "Диалектологии". Замечательно, что здесь было узаконено предоставление призренско-тимочским (у Ивича - торлакским) говорам статуса самостоятельного, четвертого диалекта. В югославском издании "Диалектологии" (1956) П.Ивич включает эти говоры в штокавский диалект в качестве особого диалектного типа. Но более широкое использование структурных критериев заставило автора в голландском издании (1958) выделить близкие к остальным штокавским говорам в генетическом отношении говоры в самостоятельный диалект. Аргументирует свой выбор П.Ивич в статье "О классификации сербскохорватских диалектов"[45], доказывая, что "различия между торлакским и штокавским типом ничуть не меньше, чем между штокавским и чакавским". Генезис призренско-тимочской диалектной группы убедительно подтвержден открытием группы говоров в румынском Банате с шумадийско-воеводинской или смедеревско-вршачской основой. Под несомненным влиянием румынского языка эти говоры приобрели все самые важные балканские черты[46]. Той же точки зрения в отно-

---

M. Deanović, J. Jelenović. Pomorska i ribarska terminologija na Krku, Korčuli i Lopudu. "Zbornik Instituta za historijske nauke u Zadru" 2, 1958, стр. 153-172; M. Deanović. Terminologija marinara e pescherecia a Ragusavecchia (Cavtat). "Studia Romanica et Anglica Zagrabiensia" 5. Zagreb, 1958, стр. 3-32; Он же. Lingvistički atlas Mediterana I. Anketa u Boki Kotorskoj. "Rad JAZU", 327, 1962, стр. 539; Он же. Terminologija marinara e pescherecia di' Rovigni. "Atti dell'Instituto Veneto di Scienze, Lettere ed Arti", CXXII, 1964, стр. 379-401; Он же. Lingvistički atlas Mediterana, II. Anketa na Visu. (Komizi). "Rad JAZU", 334, 1966, стр. 5-35; Он же. Lingvistički atlas Mediterana, III. Anketa u Salima na Dugom otoku. "Rad JAZU", 348, 1967, стр. 27-60.

45 П. Ивић. О класификацији српскохрватских дијалеката. - КњЈ, 10, 1963, стр.27-28.

46 П. Ивић. Српскохрватска дијалектологија у најновијем периоду. - КњЈ, 1, 1962, стр.15-22.

к которой относится и Вук (см. выше, стр.240). Словарный состав Вук в ряде случаев восполняет, хотя и опосредствованно, недостающее звено между такими памятниками, как, например, Зогр и Мар, с одной стороны, и Супр, - с другой. Данные Вук нередко выступают в качестве необходимого связующего звена при объяснении того или иного явления СП, многое объясняют в особенностях словоупотребления старославянского языка, являются необходимыми доказательствами извне при ограниченном материале самих СП. Так, например, в таком важнейшем вопросе исследования лексики СП, каким является восстановление утраченных звеньев к лексической системе старославянского языка, данные церковнославянских рукописей, и в частности Вук, выступают как аргумент весьма существенный. Так при остальных "внутренних" (т.е. опирающихся на старославянский материал) доказательствах[57] употребление в Вук, например, слов оусѣкатель и оутѣшитель подтверждает возможность их существования в старославянском языке (т.е. употребления их в тех рукописях, которые не сохранились до нашего времени). Многочисленные единичные случаи и hapax legomena СП также нуждаются в проверке на нестаславянском материале.

В-третьих, при характеристике языка памятника важно учитывать не только "неологизмы" (типа трѣба, шиꙗ), но и их традиционные дублеты (типа жрьтва, выꙗ), которые продолжают употребляться в данном памятнике параллельно с новыми словами и имеют свои определенные семантико-стилистические особенности. Эти слова нельзя рассматривать только как факты отражения в данном списке литературного произведения каких-то особенностей языка предшествующих описков или протографа, они в полной мере характерны и для языка данной рукописи. Сохранение без изменения целого ряда уходящих из живого употребления или вообще чуждых ему слов и выражений при появлении соответствующих новых слов и выражений это далеко не всегда показатель инертности переписчика-редактора данной рукописи, это и доказательство возможности употребления этих слов и выражений, т.е. их понятности в определенной среде. Выше было показано, что те лексические особенности протографа, которые были непонятны, не воспринимались языковым сознанием современника, довольно последовательно устранялись из рукописи.

В-четвертых, сравнительное изучение Вук и СП показывает, что выявление в сопоставляемых рукописях различных лексических вариантов,

---

[57] Мы сейчас не касаемся методики восстановления системы лексики старославянского языка. Этому вопросу мы посвящаем специальную работу. Здесь нам важно подчеркнуть значение в данном плане исследования таких источников, которые находятся за пределами собственно СП.

библиография, составленная М.Храсте, иллюстрирующая столетнее развитие сербскохорватской диалектологии. П.Ивич первому изданию своей "Диалектологии" предпослал введение "Обзор истории изучения сербскохорватских диалектов"[53] и дал достаточно полную библиографию работ по штокавским говорам, которая появилась несколько раньше библиографии М.Храсте[54].

Специфика сербскохорватских диалектов, их дифференцированность, взаимодействие и смешение во время многочисленных миграций, а также сохранение интонаций в большинстве говоров делает эти говоры особенно интересным для современной лингвистики и определяет сегодняшнюю проблематику сербскохорватской диалектологии. О современном состоянии сербскохорватской диалектологии и ее очередных задачах информируют читателей М.Храсте, Д.Брозович и П.Ивич[55].

Принятые сокращения

ГФФНС – Годишњак Филозофског факултета у Новом Саду
ЗбФЛ – Зборник за филологију и лингвистику, Нови Сад
ЈФ – Јужнословенски филолог, Београд
КњЈ – Књижевност и језик, Београд
НЈ – Наш језик, Београд
ОЛА – Общеславянский лингвистический атлас
СДЗб – Српски дијалектолошки зборник, Београд
СЕЗб – Српски етнографски зборник, Београд
HDZb – Hrvatski dijalektološki zbornik, Zagreb
IJSLP – International Journal of Slavic Linguistics and Poetics
JAZU – Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti
ZbNŽO – Zbornik za narodni život i običaje juznih Slavena, Zagreb.
ZslPh – Zeitschrift für slavische Philologie

---

53 П. Ивић. Дијалектологија.., стр.8-11.

54 Начиная с 1955 г., библиографию работ по сербскохорватской диалектологии, издаваемых в Югославии, публикует журнал "Южнославянский филолог" ("Јужнословенски филолог"), орган Института сербскохорватского языка Сербской академии наук.

55 M. Hraste. Metodologija ispitivanja naših dijalekata. "Jezik" VIII. Zagreb, 1959-1960, стр.71-81; D. Brozović. Tri razdoblja...; П. Ивић. Српскохрватска дијалектологија у најновијем периоду. - КњЈ, I, 1962, стр.15-22; Он же. O današnjem stanju...; Он же. Die serbokroatischen Dialekte, стр. 17-22.

Ilse Lehiste and Pavle Ivić. Accent in Serbocroatian. An Experimental Study. - Ann Arbor, August 1963, 142 стр.

Книга И.Лехисте и П.Ивича является частью большого исследования, цель которого заключается в том, чтобы установить фонетическую природу так называемых словесных акцентов в современном сербохорватском языке, описать связь между словесными акцентами и интонацией предложения и дать структурно-лингвистическое объяснение изученным явлениям (стр.I). Рецензируемая работа посвящена решению первой задачи, несомненно, наиболее важной. Дело в том, что между фонетистами вот уже целое столетие не прекращается спор о том, чем собственно различаются сербохорватские так называемые восходящий и нисходящий акценты, что играет решающую роль в их дистинкции? Соответствует ли фонетической действительности традиционное понимание сербохорватских акцентов как восходящих и нисходящих? На эти и на многие другие вопросы как раз и должно было дать ответ экспериментальное исследование И.Лехисте и П.Ивича.

Прежде всего нужно отметить, что авторы приняли единственно правильное методологическое решение - исследовать природу словесных акцентов на материале не отдельных слов, а предложений. Кроме того, природа словесных акцентов исследовалась в позиции, в которой влияние интонации предложения на анализируемое слово было минимальным и постоянным (центральная позиция).

Всего было записано на пленку около 1600 высказываний, послуживших материалом для анализа. Высказывания главного информатора, которым является соавтор книги П.Ивич, записаны непосредственно в фонетической лаборатории Мичиганского университета, высказывания двенадцати дополнительных информаторов (дикторы радиостанции Нови-Сад или студенты отделения литературы и языка Новосадского университета) записаны на радиостанции Нови-Сад. Спектрографический анализ всех записанных материалов выполнен в превосходно оборудованной фонетической лаборатории Мичиганского университета.

Результаты анализа высказываний главного информатора излагаются во второй главе "Акцентуационные модели в речи главного информатора" (стр.17-30). Ей предпослана небольшая вводная глава (стр.1-16), в которой указываются цель, план и метод исследования, обращается внимание на отдельные вопросы, связанные с анализом записанных материалов. Результаты анализа высказываний двенадцати дополнительных информаторов излагаются в третьей главе "Акцентуационные модели в речи двенадцати информаторов" (стр.31-80). Привлечение дополнительных информаторов диктовалось необходимостью установить всеобщность наблюдений над речью главного информатора. Почти все дополнительные информаторы

говорят на том же диалекте сербохорватского литературного языка, что и главный информатор (карта на стр.34 показывает, откуда родом каждый из двенадцати информаторов). В четвертой главе (стр.81-130) исследуются вопросы влияния просодической системы на фонетическое качество (тембр) гласных. В заключительной главе (стр.131-135) определяется фонологическое значение изученных фонетических явлений. К исследованию прилагается тщательно подобранная библиография (стр. 136-142), включающая 106 работ. Книга снабжена многочисленными таблицами, диаграммами, спектрограммами, осциллограммами.

Обращает на себя внимание исключительно высокий уровень проведенного экспериментального и статистического исследования природы сербохорватских акцентов, что в значительной мере обеспечивает надежность полученных результатов. Даже такой строгий и не совсем объективный судья, как Дж.Костич вынужден был признать по отношению к исследованию И.Лехисте и П.Ивича, что их инструменты и измерения точны[1], данные достоверны[2].

Изложим некоторые, наиболее важные результаты исследования.

Оказалось, что в словах с ударением, обычно называемым кратким нисходящим, акцентированный слог по существу является восходяще-нисходящим, достигающим вершины в середине слогового ядра, причем основная частота в конце слогового ядра не намного ниже, чем основная частота в начале слогового ядра. В словах с ударением, обычно называемым кратким восходящим, акцентированный слог является в среднем немного восходящим или ровным, но основная частота этого слога по абсолютной величине ниже, чем основная частота слога с кратким нисходящим ударением. Движение основной частоты в пределах краткого акцентированного слога не может играть решающей роли в дистинкции кратких акцентов, оно фонологически иррелевантно (стр.63, 131). Как правило, никакой роли в различении кратких акцентов не играют интенсивность и длительность.

В отличие от кратких акцентов долгие акценты действительно могут быть определены как нисходящий и восходящий, поскольку слог под долгим нисходящим акцентом действительно имеет нисходящую основную частоту, а слог под долгим восходящим акцентом - слегка восходящую или в крайнем случае ровную основную частоту. Вершина основной частоты слога с долгим восходящим акцентом обычно ниже соответствующей вершины слога с долгим нисходящим акцентом. Интенсивность и длительность в различении долгих акцентов, как и в различении кратких акцен-

---

1 D. Kostić. Savremeni problemi jezika. Proučavanje strukture srpskohrvatskih akcenata. "Delo" 1966, N 5, стр.667; № 6, стр.835; № 7, стр.947.

2 Там же, № 6, стр.849.

чения относительных слов и вводимых ими придаточных, не останавливаясь на рассмотрении изменений в порядке следования частей сложного предложения и местоположении других структурных компонентов, хотя эти процессы взаимосвязаны с рассматриваемыми и несомненно нуждаются в специальном изучении [171, 343; 196, 99; 142, 165], автор в этой статье главное внимание уделяет анализу количественных данных, характеризующих активность функционирования различных видов присубстантивно-относительных придаточных у Вука Караджича и в произведениях писателей XIX и XX вв.

1.3. Чтобы получить представление о характере и направленности тенденций в развитии средств относительного подчинения присубстантивных придаточных в период реформаторской деятельности Вука Караджича и в литературном сербохорватском языке в период от создания его до наших дней, производится сравнение долей каждого союзного слова в выборках из художественной прозы различных авторов, из научных и публицистических текстов (выборка равна 300 случаям употребления)[2]. Такие сопоставления количественных характеристик, сделанных в форме сплошных подсчетов, показывают, что активность функционирования одних и тех же средств относительного подчинения у писателя в произведениях одного стиля остается довольно устойчивой. Сведенные в простейшую таблицу (данные располагаются в хронологической последовательности в соответствии с годами рождения авторов) с установленными соответствующими коэффициентами, несмотря на то, что они сделаны без развернутых математических процедур и интерпретации количественных данных, результаты такого подсчета даже без применения специальных инструментов математической статистики дают возможность определить, действуют ли в сербохорватском языке внутрисистемные тенденции, сформировались ли достаточно определенно какие-либо направления, в которых идет эволюция средств относительного подчинения присубстантивных придаточных.

2.0. Изучение процессов, происходивших в синтаксисе сербохорватского языка до создания национального литературного языка осложнено тем, что в этот период в сербском и хорватском ареале функционировало (в разное время с различной степенью интенсивности) несколько литературных языков: старославянский язык сербской, хорватской, московской редакции, славяно-сербский язык, литературные языки, основанные на локальных диалектах и др. [23, 25]. Наиболее распространенным был старославянский язык. В течение ряда столетий этот язык в эпоху средневековья функционировал в качестве литературного языка сербов и хорватов, вступая подчас в письменных текстах в различные

---

[2] Список обследованных с этой целью произведений прилагается в конце статьи. Там же приводятся таблицы 1 и 2.

теля слог ло звучит почти на той же высоте, как и ударяемый гласный"[6], а в слове мêсо ухо улавливает "значительное понижение слога со"[7]. Кстати, М.Московлевич в рецензии на указанную статью В.Богородицкого подчеркнул правильность его наблюдения в данном случае[8].

Между тем идея двуслоговости сербохорватских восходящих акцентов может быть обоснована следующим рассуждением. Хорошо известно, что в сербохорватском языке восходящие акценты не могут находится на последнем слоге слова. Этот факт нельзя объяснять тем, что восходящие акценты появились в результате штокавского перемещения ударения, после которого все ударяемые в прошлом конечные слоги стали безударными. Такое объяснение применимо только к состоянию, наступившему непосредственно после завершения штокавского перемещения ударения. С того времени сербохорватский язык значительно обогатился новыми словами, но среди них нет ни одного с конечным восходящим акцентом. И дело тут не в подражании давним образцам, не в традиции, а в природе сербохорватских восходящих акцентов, которые, как считал Л.Мазинг и как теперь убедительно доказано экспериментальным исследованием И.Лехисте и П.Ивича, являются двуслоговыми.

Возникает вопрос, почему фонетисты отвергли теорию Л.Мазинга? Имелись ли для этого хоть какие-нибудь основания? Экспериментальное исследование И.Лехисте и П.Ивича дает ответ и на этот вопрос.

Оказывается, что кое-какие основания считать сербохорватские восходящие акценты однослоговыми были. В словах с так называемыми восходящими акцентами подударный слог выделяется своей большей длительностью по сравнению с заударным того же самого фонологического количества. Бóльшая длительность подударного слога по сравнению с заударным того же самого фонологического количества является общей особенностью всех подударных слогов (как с восходящими, так и с нисходящими акцентами). Длительность, например, кратких подударных слогов приблизительно в 1,5 раза больше длительности кратких заударных слогов (стр.29,78). Этого различия было достаточно, чтобы в словах с так называемым кратким восходящим акцентом первый слог считать подударным, а второй - безударным.

---

[6] В.А. Богородицкий. Диалектологические заметки, IX. Из наблюдений над сербско-хорватским литературным произношением. - РФВ, т.I, XVII, 1912, стр.203.

[7] Там же.

[8] М.С. Московлевич. По поводу статьи В.А.Богородицкого: "Из наблюдений над сербскохорватским литературным произношением" (РФВ, 1912, № 1 и 2, стр. 201-206), ИОРЯС, т. XVIII, кн. 3, 1913, стр. 386.

Установление истинной фонетической природы сербохорватских акцентов стало возможным только благодаря тому, что И.Лехисте и П.Ивич при исследовании природы сербохорватских акцентов не ограничились одним акцентированным слогом, как это делали многие фонетисты до них, а исследовали целое слово. Только при таком условии могла быть установлена двуслоговость сербохорватских восходящих акцентов. Поэтому по меньшей мере странным кажется замечание Дж.Костича, что И.Лехисте и П.Ивич при исследовании природы сербохорватских акцентов ограничились одним слогом[9]. Конечно, для установления истинной фонетической природы сербохорватских акцентов достаточно было бы исследовать, кроме акцентированного, лишь только заударный слог, но это стало ясным уже после, в результате проведенного исследования.

Не подлежит сомнению, что экспериментальное исследование И.Лехисте и П.Ивича, проведенное на высоком уровне, является ценным вкладом в науку о сербохорватском языке вообще и о сербохорватских акцентах в частности.

В.Г.Скляренко (Киев)

М. Стевановић. Функције и значења глаголских времена. Српска Академија наука и уметности. Посебна издања, књ. CDXXII. Одељење литературе и језика, књ.20. Београд, 1967, 175 стр.

Автор рецензируемой книги является известным специалистом в области изучения функционирования глагольных времен в сербохорватском языке. Им издан ряд работ, посвященных этой тематике[1]. На IУ международном съезде славистов в Москве вокруг его доклада "Способ определения значений глагольных времен"[2] на одном из заседаний подсекции

[9] D. Kostić. Указ. соч., № 5, стр.674-676; № 6, стр.847; № 7, стр.944, 946-947; № 8-9, стр.1036-1037, 1051.

[1] М. Стевановић. Око значења аориста. "Наш језик", књ.УШ; Он же. Око значења имперфекта. "Зборник Филозофског факултета у Београду", IУ, 2; Он же. Глаголско време или глаголски начин. "Анали Филолошког факултета", књ.УII и др.

[2] М. Стевановић. Начин одређивања глаголских времена. "Јужнословенски филолог", књ.XXIII. Београд, 1957-1958, стр.19-48.

сравнительно-исторической грамматики славянских языков развернулась оживленная дискуссия[3].

Последние три десятилетия разработка вопросов, связанных с изучением функционирования времен в сербохорватском языке велась югославскими исследователями в основном в рамках теории А.Белича о синтаксическом индикативе и релятиве[4].

М.Стеванович еще в упомянутом докладе выступил в качестве последовательного приверженца этой теории. Усилия автора в рецензируемом труде направлены также на разработку теории А.Белича, которую он стремится "достроить", освободить от "противоречий", очистить от позднейших "искажений" (стр.166).

Книга М.Стевановича состоит из двух разделом: I. О системе глагольных времен вообще (стр.1-15), II. Функции глагольных времен в предикате (стр.17-165). Завершается книга резюме на французском языке (стр.166-172). В первом разделе автор излагает свои общие воззрения на изучение функционирования глагольных времен, во втором конкретно рассматривает значение и употребление в отдельности каждого из времен, имеющихся в сербохорватском языке, в следующей последовательности: настоящее время (п.п. 13-34), перфект (п.п. 35-54), аорист (п.п. 55-74), имперфект (п.п. 75-87), плюсквамперфект (п.п.88-96), футурум I (п.п. 97-108), футурум II (п.п. 109-128).

Автор рецензируемой книги, хотя и использует изредка слово "система", тем не менее по существу придерживается атомарного подхода к изучаемым явлениям и даже прямо говорит, что не верит в плодотворность применения "других методов" (стр.12).

Первую вступительную главу М.Стеванович начинает с замечания о состоянии изучаемой проблемы. Он справедливо отмечает, что несмотря на большое количество работ, появившихся за последнее время, проблема функционирования глагольных времен в славянских языках все еще остается неразрешенной и достаточно сложной. Сложность проблемы автор видит в следующем.

Основная функция глагольных времен, говорит автор, состоит в том, чтобы определять время действия (процесса или состояния), относя его к одному из трех возможных периодов: прошедшему, настоящему, будущему. Между тем известно, что в некоторых славянских языках для обозначения действий прошлого имеется несколько форм времени, например, аорист и имперфект. Дело осложняется еще и тем, замечает автор, что

---

[3] А.В. Бондарко. По поводу теории синтаксического индикатива и релятива. "Уч. зап. ЛГПИ им.Герцена", т.225. Л., 1962.

[4] А. Белић. О синтаксичком индикативу и "релативу". – "Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski". Cracoviae, II, 1923; Он же. О језичкој природи и језичком развитку. Београд, 1941.

одни и те же формы времени могут употребляться для обозначения действий, относящихся к различным временным периодам. Так, формами презенса могут обозначаться действия не только настоящего, но и прошлого и будущего, а формами футурума - действия не только будущего, но и прошедшего и настоящего.

Автор придерживается чисто временно́й интерпретации этой сложной ситуации в духе идей А.Белича, отмечая его особые заслуги в этой области. Предварительно он формулирует свои исходные положения.

М.Стеванович различает три функции или три вида употребления глагольных форм времени: индикативное (прямое, абсолютное), при котором в качестве "ориентационной точки" выступает "временной период речи" (стр.8) - и н д и к а т и в, релятивное (относительное употребление), при котором время действия определяется уже относительно "какого-либо момента прошлого или будущего" (стр.8) - р е л я т и в, и, наконец, модальное употребление, которое предполагает возможность обозначения формами времени различного рода неосуществленных действий (предполагаемых, желаемых, возможных и т.д.) - м о д у с.

Автор отмечает, что хотя понятия индикатива, релятива и модуса давно используются в науке, еще до работ А.Белича, и не только югославскими учеными, но тем не менее далеко "не во всех случаях" между "этими категориями глагольных времен" установлены точные границы (стр.12). Свою задачу автор видит именно в уточнении границ между названными категориями глагола в сербохорватском языке в рамках теории А.Белича.

В рецензируемой работе затрагивается очень широкий круг вопросов, связанных с функционированием глагольных времен. Осветить их полностью в рецензии невозможно. Мы остановимся преимущественно на некоторых положениях, которые автор высказывает в связи с рассматрением форм настоящего времени и которые не представляются бесспорными.

В уточнениях, которые вносит автор, не малую роль, как он полагает, играет разъяснение, сделанное им по поводу понятия "момент речи". Неправильное представление о "моменте речи" как о некоей точке явилось, по словам автора, "причиной многих недоразумений" (стр. 14), поэтому он предлагает пользоваться термином "временно́й период говорения", имея в виду, что всякое действие, в том числе и акт речи, всегда длится некоторый отрезок, пусть самый малый, но отрезок времени. Заметим однако, что хотя графически "момент речи" обычно изображается как точка, вряд ли кто-нибудь по существу мог бы возразить против поправки автора, между тем как новый термин, предлагаемый автором, запутывает вопрос в другом плане.

Дело в том, что в процессе объяснения того, почему следует пользоваться новым термином, автор незаметно для себя заменяет анализ

этого понятия анализом того, что мы называем "настоящим периодом действия", т.е. анализом протяженности времени действия, обозначаемого формой наст. вр. Он сравнивает две следующие фразы: "Земла се окреће око осовине" и "Ено наш сусед излази из куће", в которых действия, обозначенные формами наст.вр. се окреће и излази существенно различаются по длительности. Это различие служит автору основанием для заключения о том, что длительность акта речи от случая к случаю меняется, "временно́й период говорения" характеризуется неопределенной длительностью. Заметим, однако, что длительность акта речи, хотя, действительно, меняется, она не зависит от длительности сообщаемого действия, но определяется как минимум времени, потребный для произнесения сообщения. В приводимых автором примерах сообщаемые события резко различаются по длительности, но на произнесение той и другой фразы требуется примерно одно и то же время, поскольку они состоят из равного числа звуков (23), и оно не совпадает полностью ни с длительностью действия се окреће, ни с длительностью действия излази. Можно, впрочем, подобрать пример, где длительность сообщаемого действия и длительность акта речи будут равны. Важнее, как нам представляется, обратить внимание на другое, а именно на то, что даже в тех случаях, когда длительность сообщаемого действия равняется длительности акта речи, отношение между актом речи и сообщаемым действием, выражаемым формой наст. вр., остается таким же, как между актом речи и действием, выраженным формой прошедшего или будущего времени. И в том, и в другом случае акт речи выступает в качестве точки отсчета, временно́го ориентира, который всегда находится за пределами сообщения. Это различие М.Стеванович, как впрочем и многие другие авторы, упускает из виду, когда анализирует, например, употребление форм наст. вр. в придаточных предложениях. М.Стеванович останавливается на рассмотрении такого употребления форм наст. вр., ревизуя положение А.Белича о том, что эти формы в любых предложениях употребляются всегда только релятивно. Он вносит следующую поправку. Из всех придаточных он выделяет придаточные, поясняющие глаголы "идеальной деятельности" (говорить, думать, слушать, видеть и т.д.), и утверждает, что в такого рода предложениях формы наст. вр. могут употребляться не только релятивно, но и индикативно. Индикативно они употребляются, по мнению автора, в том случае, когда сказуемое главного предложения выражено формой наст. вр., поскольку таким образом действие главного предложения совпадает с "моментом речи".

Мы готовы согласиться с такой квалификацией рассматриваемого употребления форм наст. вр., но основание для этого мы видим в другом. Дело здесь, по нашему мнению, не в том, какие формы времени принимает глагол главного предложения, а в семантике глагола "идеальной

деятельности", которая предполагает смену участников акта коммуникации, а вместе с тем и смену абсолютной системы отсчета времени в сообщении (тексте).

Кроме того, если иметь в виду сказанное выше о различиях, имеющих место между актом речи и сообщаемым событием, то вопрос о том, релятивно или индикативно употребляется презенс в предложениях, поясняющих глаголы "идеальной деятельности", должен решаться для всех случаев одинаково. Как нам представляется, и в тех случаях, когда глагол "идеальной деятельности" выражен формой прошедшего или будущего времени, настоящее придаточного предложения также следует квалифицировать как употребленное индикативно, а не релятивно. И вот почему.

Как мы уже говорили, появление глагола "идеальной деятельности" ведет к смене абсолютной системы отсчета времени, что в тексте отражается в смене форм времени. Смена же системы отсчета является следствием смены автора сообщения. Этот факт обычно не вызывает сомнения при рассмотрении употребления форм времени в прямой речи. Менее очевидным это представляется, когда мы имеем дело с косвенной речью или с придаточными предложениями, поясняющими глаголы "идеальной деятельности". Между тем и в этих видах предложений, как и в прямой речи, наблюдается аналогичная смена форм времени. Ср., например, следующие фразы из русского языка: 1. "Она подошла к кровати. Малыш спал. Она прикрыла его одеялом". 2. "Она подошла к кровати и сказала, что малыш спит". 3. "Она подошла к кровати и увидела, что малыш спит". 4. "Она подошла к кровати и сказала: "Малыш спит".

Косвенным подтверждением того, что в предложениях, поясняющих глаголы "идеальной деятельности", формы наст. вр. употребляются индикативно, может служить следующий факт, наблюдаемый в болгарском языке. В этом языке в рассматриваемых предложениях, стоящих после глаголов "идеальной деятельности, формами прошедшего времени (аористом), возможно факультативное употребление и форм наст. вр. и имперфекта. На первый взгляд, это факт как будто бы не только не подтверждает, но опровергает высказанное выше предположение. Однако, если не рассматривать этот факт изолированно, сам по себе, а учесть весь набор форм времени, который можно встретить в рассматриваемом типе предложений, то станет очевидным ошибочность такого представления. Дело в том, что здесь действуют те же нормы для совместного употребления времен, что и в других случаях: для обозначения прошедших действий при имперфекте употребляется плюсквамперфект, а при настоящем - перфект, для обозначения будущих действий при имперфекте употребляется "будущее в прошедшем", а при презенсе - будущее абсолютное. Это говорит о том, что формы наст. вр. не выступают в рассматриваемых предложениях в качестве варианта относительного прошедше-

го времени (имперфекта). Появление имперфекта или презенса здесь определяется системой отсчета времени. Если автор сообщения излагает последовательно все события прошлого от своего лица, то в придаточных предложениях после глаголов "идеальной деятельности" он употребит соответственно относительные времена: имперфект, плюсквамперфект, "будущее в прошедшем". Если же автор сообщения о прошлых событиях излагает некоторые факты не от себя, а от лица персонажа сообщения, то он использует уже иной набор форм времени: настоящее абсолютное, будущее абсолютное, и из относительных времен - перфект. Таким образом, факультативным, по существу, является не выбор форм времени, а выбор системы отсчета времени, что, в свою очередь, определяется тем, от чьего лица идет сообщение: от лица автора или от лица персонажа.

Итак, в болгарском языке, как и в русском, настоящее в придаточных предложениях после глаголов "идеальной деятельности" употребляется индикативно во всех случаях независимо от того, какой формой времени выражены сказуемые главного предложения. Аналогичное положение, как нам представляется, имеет место и в сербохорватском языке.

С приведенными выше определениями индикатива и релятива согласятся не только сторонники теории А.Белича, но и все исследователи, которые, не разделяя теории А.Белича, тем не менее придерживаются временно́й интерпретации значений глагольных форм времени. Но в процессе анализа значений отдельных времен содержание этих понятий в рецензируемом труде меняется. Это сказывается, например, в пунктах, посвященных рассмотрению значений форм презенса. Особое внимание М.Стеванович уделяет здесь так называемому "квалификативному настоящему". Под этим термином разумеются такие случаи, когда формами наст. вр. обозначаются некоторые свойства, приписываемые субъекту. "Квалификативное" употребление форм наст. вр., как отмечает автор, понимается очень широко (стр.32). В аспекте различения индикатива и релятива под этим термином объединяются разные случаи, которые автор считает необходимым разграничить. Напомним, что в общем определении основным критерием при установлении различий индикативного и релятивного употреблений форм времени признавалось различие в точках отсчета времени. Здесь же критерием отнесения различных видов "квалификативного настоящего" к тому или другому употреблению служит совпадение или несовпадение действия с "моментом речи" или, согласно с поправкой автора, с "временны́м периодом говорения". Так, например, те случаи, которые в русской лингвистике обычно именуют "вневременны́м настоящим", а автор рецензируемой книги более адекватно, с нашей точки зрения, называет "всевременны́м", типа "Земла се окреће око осовине" ("Земля вращается вокруг своей оси"), М.Стеванович считает "индикативным презенсом" (стр.33), поскольку им обозначается процесс, кото-

рый является постоянным, непрерывным, а, значит, происходящим и в "момент речи"(во время говорения).

На том же основании к индикативному презенсу относится М.Стевановичем также и настоящее, обозначающее способность или умение совершать некоторое действие. Напротив, случаи, когда формами наст. вр. обозначаются повторяемые, прерывистые действия, типа "Зрела крушка сама пада" ("Зрелая груша сама падает"), относятся М.Стевановичем к "релятивному презенсу", поскольку "презенсом в таких случаях не обозначается действие, совершающееся во время говорения" (стр.36).

Изменение критерия при рассмотрении "квалификативного презенса" не представляется оправданным, так как при этом меняется по существу содержание понятий индикатива и релятива. Оно не случайно происходит при рассмотрении именно форм наст. вр. Отсутствие форм для настоящего относительного, с одной стороны, и трудности, связанные с разграничением таких понятий как "момент речи" и "настоящий период сообщаемого действия", о чем речь шла выше, с другой, делают как будто бы невозможным выдержать взятый первоначально критерий. Между тем разграничение индикативного презенса и релятивного презенса можно и нужно, с нашей точки зрения, проводить, используя тот же критерий, что при разграничении этих понятий в области прошедших или будущих времен. Появление индикативного презенса в тексте, как и релятивного прошедшего, обязательно сопровождается сменой системы отсчета времени в тексте, сменой временнóго ориентира. В качестве такого ориентира при релятивном презенсе, как и при всяком другом релятивном глагольном времени, выступает время не экстралингвистического факта - акта речи, т.е. не "момент речи", а время сообщаемого события, выраженного формой настоящего времени. Обнаружить это, однако, можно, рассматривая приведенные выше и аналогичные фразы не сами по себе, как это делается по традиции и в работе М.Стевановича, а в составе определенного текста, для которого характерна своя иерархия списываемых событий. Смена индикативных форм времени релятивными является грамматическим выражением этой иерархии действий. Если с этой точки зрения подойти к рассмотрению "квалификативного презенса", то окажется, что постоянное закрепление какого-либо вида "квалификативного презенса" за индикативом или релятивом, вопреки утверждению автора, невозможно. В тексте обнаружится, что все виды "квалификативного презенса" могут выступать и в качестве индикативного и в качестве релятивного времени. Все будет зависеть от того, какое именно место в иерархии событий, описываемых в тексте, занимают обозначаемые им действия. Так, действия, постоянно совершаемые, или действия, выражающие умение или способность совершать какое-либо действие, как и действия повторяемые, в тексте могут быть употреблены не только индикативно, но и релятивно. Более того, можно предпо-

ложить, что такое употребление рассматриваемого "квалификативного презенса" встретится даже чаще, чем индикативное, если не брать каких-нибудь специальных исследований.

На протяжении сообщения относительная система отсчета времени может меняться, и меняется она обычно от эпизода к эпизоду. Это означает, что не все формы, скажем, имперфекта (имеется в виду болгарский язык), встретившиеся в тексте, могут быть соотнесены с любыми формами аориста, которые употребляются для описания того же эпизода, для описания которого употребляются и формы имперфекта. Из этого можно вывести некоторое методическое требование относительно объема диагностического текста при определении индикативного и релятивного употребления времен. В качестве такового, по-видимому, следует признать какой-то фрагмент текста, который с содержательной стороны представлял собой нечто целое, в известном смысле законченное, и который со стороны грамматической лишь как частный случай может быть представлен одним предложением, а чаще будет состоять из ряда предложений. В книге М.Стевановича, как до недавнего времени и в работах других авторов, рассмотрение употребления времен обычно ограничивается рамками предложения. Так, примеры, приводимые им на различные виды "квалификативного презенса", представляют собой изолированные предложения. По нашему мнению, ни в одном примере, вопреки утверждению автора, нельзя констатировать релятивное употребление форм наст. вр., потому что в изолированном высказывании формы наст. вр., кроме соотнесенности с "моментом речи", ничего не выражают. Именно только так, например, можно интерпретировать значение формы наст. вр. в пословице "Зрела крушка сама пада", которую М.Стеванович относит к примерам на релятивное употребление "квалификативного настоящего". Изолированное употребление пословица будет иметь в каком-нибудь собрании пословиц и поговорок, в рассказе же соответствующего содержания эта пословица, будучи употреблена в качестве сравнения, уже соотносится не с "моментом речи", а с сюжетной линией повествования. Соответственно форму "квалификативного презенса" пада надо будет уже рассматривать как употребленную не индикативно, а релятивно.

Спорной нам представляется интерпретация так называемого "настоящего исторического", которой придерживается автор рецензируемой книги. М.Стеванович, как и многие другие исследователи, рассматривает "настоящее историческое", которое он предпочитает называть "настоящим повествовательным" в качестве одного из видов настоящего относительного, между тем для этого, как нам представляется, нет достаточных оснований. Ведь при замене прошедшего "настоящим историческим" не происходит изменений в иерархии действий, что обычно наблюдается, когда вместо абсолютных времен начинают употребляться относительные времена. Действия, выраженные формами "настоящего исторического", и

действия, выраженные формами прошедшего, относятся к одному и тому же, первому, плану повествования. Период совершения действий, выраженных формами "настоящего исторического", определяется не относительно прошедших действий повествования, а относительно акта речи.

Выше мы уже рассматривали случай, когда смена форм времени в повествовании вызывается сменой участников акта коммуникации, что на грамматическом уровне отражается как смена одной абсолютной системы отсчета другой. При замене прошедшего "настоящим историческим" мы имеем дело также с меной форм времени, вызванной сменой лица, от чьего имени ведется повествование, но не в прямом, а в фигуральном смысле. Дело в том, что в рассказе о прошедших событиях автор может выступать в двух ипостасях: либо в роли летописца, лица нейтрального, либо в роли свидетеля, непосредственного участника событий или непосредственного наблюдателя[5]. В первом случае рассказ ведется в формах прошедшего времени, во втором – в формах "настоящего исторического". Но если смена форм времени при переходе к прямой речи является грамматически обусловленной, то смена форм времени, о которой идет речь здесь, имеет лишь стилистическую функцию создания наглядности, картинности повествования[6].

Определение "повествовательный" автор рецензируемой книги применяет не только к формам наст. вр., но и к формам буд. вр., которые употребляются в повествовании о прошедших событиях. Однако среди примеров, зачисляемых атвором в "повествовательный футурум" (стр.134) есть такие, которые не могут рассматриваться в качестве аналога "настоящего исторического". Мы имеет в виду случаи, которые приводятся в первом абзаце п.99 (стр.133), где формы буд. вр. не несут никакой стилистической нагрузки, они выступают в этих примерах только в грамматической функции будущего относительного. Ср., например: "на три дана прије него ће побјећи, Молер напише писмо српским старешинама".

М.Стеванович рисует широкую картину распространения и функционирования времен как в литературных языках (в их книжной и разговорной разновидностях), так и в народных говорах, опираясь не только на свои многолетние наблюдения и размышления (в процессе изложения автор постоянно обращается к своим прежним трудам), но и широко привлекая работы отечественных и зарубежных лингвистов.

---

[5] Р. Мутафчиев. Сегашно историческо време в съвременния български език. София, 1964, стр.34.

[6] П.С. Кузнецов. К вопросу о praesens historicum в русском литературном языке. "Доклады и сообщения филол. ф-ка МГУ", кн.8. М., 1949, стр.24-25.

В результате прочтения этой книги у читателя складывается определенное представление о своеобразии и сложности ситуации в отношении функционирования глагольных времен в сербохорватском языке, а вместе с тем и о состоянии изучения этой проблемы в югославском языкознании. В этом смысле рецензируемая монография является своеобразным итогом целому этапу в изучении сербохорватских времен, связанному с именем А.Белича.

И.К.Бунина (Москва)

Živojin S. Stanojčić. Jezik i stil Iva Andrića (funkcije sinonimskih odnosa). Beograd, 1967, 330 str.

Стиль произведения художественной литературы можно исследовать, как известно, с литературоведческой точки зрения и с лингвистической. В первом случае стиль выступает как эстетическая категория, обусловленная определенной художественной закономерностью; во втором – как лингвистическая категория, существующая в пределах структуры языка и проявляющаяся не только в художественном речетворчестве, но и вообще в области общественного применения языка.

Исследование Ж.Станойчича, посвященное языку и стилю Ива Андрича, представляет собой один из образцов лингвистического анализа произведений художественной литературы. Отсюда и интерпретация наблюдений осуществляется в сугубо языковых категориях. Лингвистическая направленность данного исследования ясна уже из самого названия книги: "Я з ы к и с т и л ь Ива Андрича". Здесь "язык" и "стиль" поставлены рядом, сопряжены, и этим самым автор как бы подчеркивает, что понятия эти никоим образом не исключают друг друга, а, напротив, предполагают и обусловливают, если речь идет о творчестве писателя, да притом по праву считающегося классиком.

За основу данного исследования автор берет положение Г.О.Винокура, заключающееся в том, что уделом лингвистики при анализе художественного произведения является не язык п и с а т е л я, но я з ы к писателя, причем, в том понимании языка, которое по почину Фердинанда де Соссюра именуется "лингвистикой речи" (в отличие от "лингвистики языка")[1].

[1] Г.О. В и н о к у р. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, стр.244-245.

Композиционно книга состоит из введения, трех больших глав (или частей), заключения и библиографического перечня, включающего более 200 названий. Во введении автор излагает известные мнения относительно возможных аспектов исследования языка и стиля писателя, а также знакомит читателя с общей направленностью и целями своего анализа.

Все главы тесно связаны единой проблематикой, отмеченной в подназвании книги (функции синонимических отношений). Первая глава посвящена анализу синонимических отношений на уровне форм, вторая - на уровне синтагм, третья - на уровне предложений. Начинается книга с интерпретации отношений дублетных окончаний в различных формах существительных и прилагательных, наблюдаемых в языке Ива Андрича, а также уделяется внимание формам согласования. Далее описываются функции определяющих слов в именных и глагольных синтагмах, причем последние строго дифференцируются по значениям. Завершается анализ выявлением синонимических отношений в области времен и наклонений. Особый интерес представляет здесь раздел, где рассматриваются так называемые "дефектные" предложения (с опущенным тем или иным членом или его частью). Сопровождается анализ богатым иллюстративным материалом, отобранным из различных произведений Ива Андрича. В заключении выводятся наиболее характерные для языка Ива Андрича грамматические формы и специфика их употребления писателем.

Как видим, исследование Ж.Станойчича посвящено главным образом грамматическому анализу языка и стиля Ива Андрича, что придает книге некоторую свежесть и новизну и выделяет ее в ряду многих других лингвистических исследований творчества того или другого писателя. Известно, что в качестве элементов речевого стиля могут выступать не только лексические единицы, но в равной мере и единицы других уровней языковой структуры. Разумеется, лексика в этом отношении изучена более основательно, чем грамматика. Это обусловлено в первую очередь тем, что стилистические функции лексических единиц выступают более явно (а порой - броско), отчего и легче поддаются стилистической дифференциации. Что же касается грамматических явлений (за исключением словообразования, порядка слов и некоторых др.), то они нередко остаются за пределами стилистических исследований языковедов. Поэтому анализ грамматических средств (в частности, грамматической синонимии) при исследовании языка писателя имеет известную актуальность, и книга Ж.Станойчича представляет в связи в этим определенную научную ценность и вызывает большой интерес. Тем более, что такой анализ творчества Ива Андрича осуществлен впервые.

Свое внимание исследователь неслучайно останавливает на синонимических отношениях. Стилистическая дифференциация языковых средств обеспечивается большей частью явлением синонимии. Ценность синонимии при речетворчестве заключается в том, что она позволяет выбирать

наиболее приемлемый в данном случае языковой элемент из ряда подобных по значению или функции, но различающихся порой лишь тончайшими нюансами. Сам Станойчич говорит об этом следующее: "...особенно ценны те средства, которые несут тождественную или приблизительно тождественную информацию, и при этом различаются по своей структуре..." (стр.12).

При анализе языка Ива Андрича автор обращается не только к явлениям индивидуальным, специфичным, присущим именно Андричу, а следовательно, не принадлежащим общепринятой норме, но и к тем, которые явно относятся к нормативному сербохорватскому языку. Более того, последние рассматриваются в большинстве анализируемых случаев, органически вплетаются в предмет исследования и выступают как элементы языка Андрича. И это не случайно, не продиктовано исключительной волей автора данного исследования. Если учесть, что в произведениях Ива Андрича часто реализуются такие языковые категории, которые, взятые изолированно от творчества писателя, "объективно нормативны" (как говорит Станойчич), т.е. относятся к нормированному литературному языку, но в отдельной языковой деятельности (в частности, у Ива Андрича) неизменно приобретают некоторую индивидуальность, что совершенно естественно, ибо деятельность эта творческая, и следовательно, необходимо предполагающая нечто новое в использовании нормативных языковых средств. В связи с этим Станойчич правомерно отвергает понимание стиля Ульманом, согласно которому интерес в стилистических исследованиях должно составлять лишь то, что является отступлением от нормы, что в определенном контексте (в так называемом микроконтексте) воспринимается как нечто неожиданное, непривычное.

Автор постоянно проводит разграничение между общекоммуникативными элементами и экспрессивными, нейтральными и теми, которые выступают в языке исследуемого писателя как стилема. При этом Станойчич стремится показать, как элементы языка используются Ивом Андричем в стилистическом качестве. Будучи использованы писателем, они сохраняют свою принадлежность к той или иной стилистической системе языка, но часто приобретают при этом определенную стилевую характерность.

Данная книга вызывает также интерес и своеобразным приемом, к которому автор прибегает при интерпретации исследуемых явлений. Этот прием можно представить формулой: от литературного языка - к языку художественной литературы. Прежде чем показать, как используется то или другое грамматическое явление в языке Ива Андрича, автор, как правило, характеризует данное явление в системе сербохорватского литературного языка. Язык Ива Андрича как бы выступает здесь как нечто вторичное по отношению к литературному языку, наследует его основные черты, но сам отнюдь не лишен своеобразия, и тем самым способен оказать влияние на литературный язык. Такая удачная интерпретация (вер-

нее, ее способ) позволяет убедительно и наглядно показать (даже в пределах анализа грамматической синонимии), что язык Ива Андрича представляет собой не только живое отражение литературного языка, созданного многими писателями-классиками, но и поистине творческую обработку общенародного языка, без чего невозможна эволюция языка литературного.

Книга Ж.Станойчича может быть интересна и полезна в первую очередь для языковедов, занимающихся вопросами синонимии, а также для языковедов-стилистов.

Н.А.Панина (Калинин)

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. Названия языков и диалектов

авест. – авестийский
англ. – английский
араб. – арабский
арм. – армянский
арханг. – архангельский
баварск. – баварский
блр. – белорусский
болг. – болгарский
в.-луж. – верхнелужицкий
венец. – венецианское
гот. – готский
греч. – греческий
датск. – датский
др.-исл. – древнеисландский
др.-прусск. – древнепрусский
др.-рус. – древнерусский
зенд. – зендский
и.-е. – индоевропейский
ит. – итальянский
испан. – испанский
кашуб. – кашубский
латин. – латинский
латыш. – латышский
лит. – литовский
н.-в.-нем. – ново-верхне-немецкий
н.-луж. – нижнелужицкий
нем. – немецкий
орл. – орловский
осет. – осетинский
полаб. – полабский
польск. – польский
прасл(ав). – праславянский
рус(ск). – русский
санскр. – санскрит
серб. – сербский
с(ербо)-х(орв). – сербохорватский
слав. – славянские
слвцк. – словацкий
словен. – словенский
ср.-в.-нем. – средне-верхне-немецкий
ст.-сл. – старославянский
тур. – турецкий
укр. – украинский
чеш. – чешский

2. Грамматические и пр. термины

арх. – архаичное
буд.вр. – будущее время
Вин. – винительный падеж
диал. – диалектное
ед.ч. – единственное число
жен. – женский род
Им. – именительный падеж
л. – лицо
литер. – литературное
мн.ч. – множественное число
муж.р. – мужской род
наст.вр. – настоящее время
пад. – падеж
повелит. – повелительное наклонение
прилагат. – прилагательное
причаст. – причастие
Род. – родительный падеж
собств. – собственное (имя)
ср.р. – средний род
суфф. – суффикс
топ. – топоним
устар. – устаревшее

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

С. М. Толстая. *(Москва)* Начальные и конечные сочетания согласных в сербскохорватском языке 3

Р. В. Булатова. *(Москва)* О надстрочных значках и акцентных системах трех книг Мардария – сербского печатника середины XVI в. 38

В. А. Дыбо. *(Москва)* Реконструкция ударения *l*-причастия от глаголов на *-nǫ-* и *-i-* в праславянском (южнославянские и восточнославянские акцентные системы) 86

М. Московлевич. *(Белград)* Говор острова Виса 105

В. М. Мокиенко. *(Ленинград)* Сербохорватские *по̀никва, сла̏тина* и некоторые проблемы изучения славянской географический терминологии 139

И. М. Железняк. *(Киев)* К семантической интерпретации антропонимических композитов со вторым компонентом *-mysl* в сербохорватском языке 157

И. П. Петлева. *(Москва)* Этимологические заметки (русск. *вы́бать*, с.-хорв. *bȉbati* и др.) 180

В. П. Гудков. *(Москва)* Из истории сербской лексикографии (Венский словарь 1791 г.) 183

Б. Л. Богородский. *(Ленинград)* Уникальный источник профессиональной лексики моряков России и Далмации конца XVII в. 197

Л. П. Жуковская. *(Москва)* Сербские пергаменные евангелия апракос в книгохранилищах СССР и их связи с инославянскими рукописями 208

Р. М. Цейтлин. *(Москва)* Из наблюдений над лексикой Вуканова евангелия (сравнительно со старославянскими памятниками) 240

П. А. Дмитриев. *(Ленинград)* К вопросу о вариативности присубстантивно-относительных придаточных в сербохорватском языке 276

Н. И. Сокаль. *(Ленинград)* Безличные инфинитивные предложения в современном сербохорватском языке 324

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. Е. Можаева. *(Москва)* Русское славяноведение о сербохорватском языке 339

В. В. Барсукова. *(Москва)* Обзор двуязычных русско-сербохорватских и сербохорватско-русских словарей 353

С. В. Зайцева. *(Ленинград)* Сербохорватская диалектология (обзор работ югославских лингвистов за 1956-1967 гг.) 363

В. Г. Скляренко *(Киев)* "Ilse Lehiste, Pavle Ivić. Accent in Serbo-Croation. Experimental Study. Ann Arbor. August, 1963, 142 p." 376

И. К. Бунина. *(Москва)* "М. Стевановић. Значена и функције глаголских времена у српскохрватском језику. Београд, 1967, 175 стр." 380

Н. А. Панина. *(Калинин)* "Živojin S. Stanojčić. Jezik i stil Iva Andrića. Beograd, 1967, 330 str." 389

Принятые сокращения 393

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕРБОХОРВАТСКОМУ ЯЗЫКУ

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики Академии наук СССР

Редактор издательства Г.Н. Корозо

Художник Н.П. Власек

Технический редактор Г.П. Каренина

Подписано в печать 24/УП-72 г. Формат 60x90 1/16
Усл. печ. л. 24,75. Уч.-изд. л. 27,6 Тираж 1000 экз.
Бумага офсетная № 2 Тип. зак. 1271
Цена 1 р. 89 коп.

Книга издана офсетным способом

Издательство "Наука"
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
1-я типография издательства "Наука"
Ленинград, В-39, 9-я линия, 12

Ц 63 К

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЕРБОХОРВАТСКОМУ ЯЗЫКУ